E100
1011

вып. 11(1)

Шахматов

98

доръ Александровичъ
Витбергъ.

...ЕДІЯ

СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Y42
68

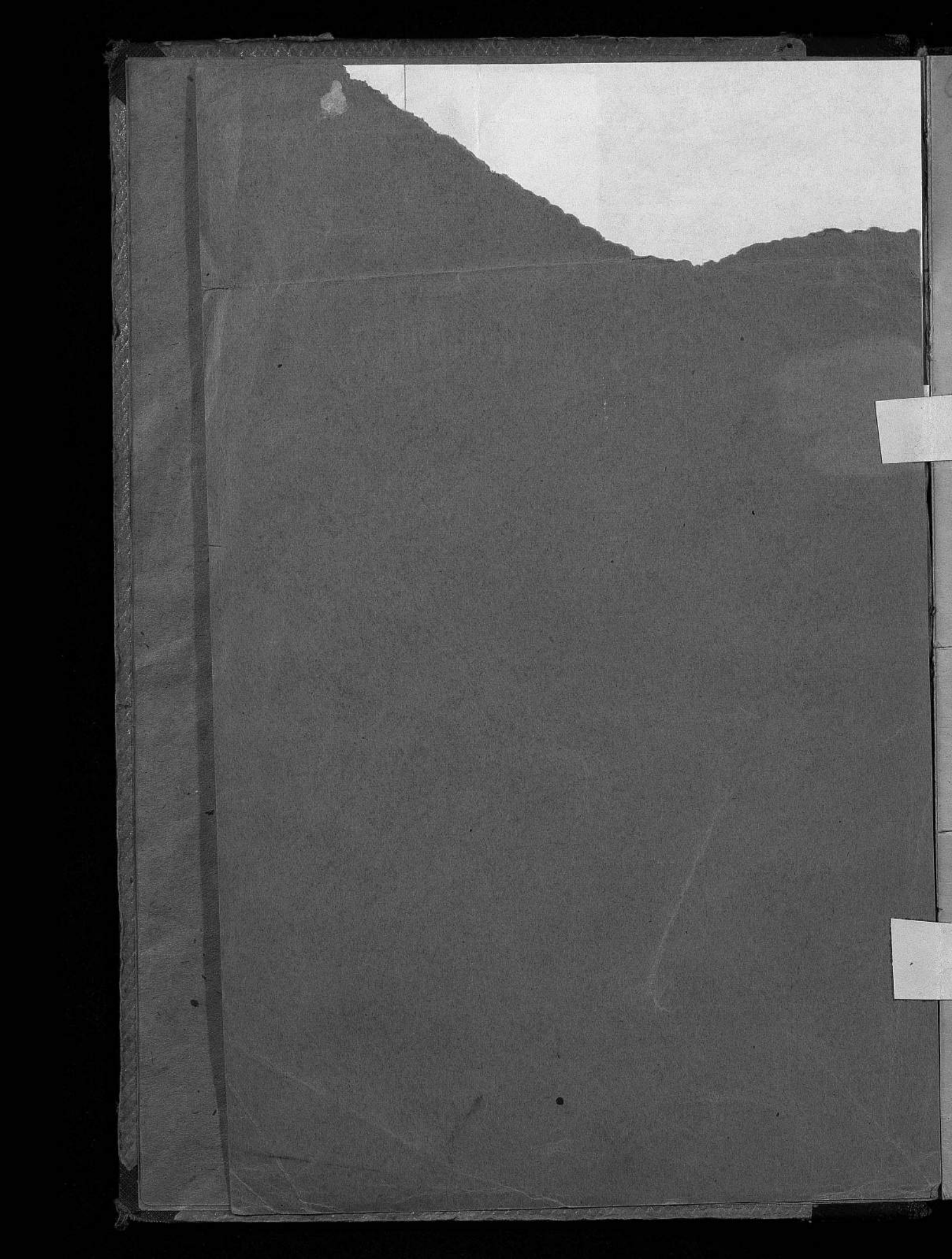
ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
орд. акад. И. В. Ягича.

Выпускъ 11.1.

А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.



E100 — 1011

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

орд. акад. И. В. Ягича.

Выпускъ 11.1.

А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

П. К. СИМОНИ

С. Б
54/30

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1915 г. Непремѣнный Секретарь Академикъ *С. Ольденбургъ*.

ГПИБ России
10000957

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 19 г.

Государственный Музей
№ 1421
31 VIII 1931 г.

ПОГАШЕНО

Памяти дорогихъ учителей

Филиппа Ѳедоровича Фортунатова

и

Ѳедора Евгеніевича Корша

посвящаетъ авторъ.

Содержаніе.

стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . . I—II

ВВЕДЕНІЕ . . . . . III—L

ОТДѢЛЪ I. Звуковой составъ общеславянскаго праязыка . . . . . 1—98

Глава I. Гласные звуки . . . . . 1—30

§ 1: Общія замѣчанія.

Гласныя чистыя. § 2: Перечень гласныхъ. § 3: Гласная a. § 4: Гласная o; *прим.:* данныя въ пользу нижняго образованія o. § 5: Гласная ô; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе закрытаго o. § 6: Гласная u. § 7: Гласная y; *прим.:* природа звука y по даннымъ слав. языковъ. § 8: Гласная i. § 9: Гласная e. § 10: Гласная ê; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе закрытаго e. § 11: Гласная ä; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе звука ä. § 12: Гласная ö; *прим. 1:* данныя, доказывающія существованіе звука ö; *прим. 2:* случаи, гдѣ общеслав. имѣлъ ö закрытое. § 13: Гласная ü; *прим.:* данныя, доказывающія существованіе звука ü.

Дифтонги. § 14: Дифтонгизація ē и замѣстителя oi̯; *прим. 1:* данныя въ пользу дифтонгическаго произношенія Ѣ; *прим. 2:* о томъ, какъ монофтонгизировался дифтонгъ oi̯. § 15: Двоякое произношеніе Ѣ въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ; *прим.:* данныя въ пользу двоякаго произношенія.

Гласныя носовыя. § 16: Перечень носовыхъ общесл. праязыка. § 17: Гласная ǫ; *прим.:* доказательства въ пользу закрытаго произношенія o носового. § 18: Гласная ǫ средняго ряда за j и смягч. согласными; *прим.:* данныя въ пользу такого звука. § 19: Гласная ę; *прим.:* данныя въ пользу открытаго произношенія ę. § 20: Гласная ä носовое; *прим. 1:* данныя въ пользу существованія такого звука; *прим. 2:* переносъ ä носового на мѣсто y въ прич. наст. вр. § 21: Гласная Ѣ носовое; *прим. 1:* данныя въ пользу существованія такого звука; *прим. 2:* замѣна носового Ѣ носовымъ e въ прич. наст. вр.

Гласныя редуцированныя. § 22: Происхожденіе редуцированныхъ гласныхъ ъ и ь; *прим. 1:* указанія на природу звуковъ

СТРАН.

ъ и ь; *прим. 2:* случаи, гдѣ ъ и ь восходятъ къ ў (ŭ) и ї, замѣнившимъ индоевр. редуцированныя гласныя. § 23: О томъ, что редукція не поражала ў (ŭ) и ї передъ і̯ (j), а также ї послѣ і̯ (j) и въ началѣ слога; *прим.:* ъ и ь передъ і̯ переходили въ ў и ї. § 24: Полукраткое и краткое ъ. § 25: Полукраткое и краткое ь; *прим.:* переходъ і̯і̯ въ і и чередованіе і съ јь (откуда въ новослав. яз.: је, ја). § 26: Переходъ ь въ лабіализованное ь послѣ смягч. согл. передъ твердыми; *прим.:* доказательства въ пользу лабіализованнаго ь. § 27: О сочетаніяхъ ъ и ь съ предшествующими сонорными. § 28: О переносѣ ударенія съ редуцированныхъ гласныхъ. § 28[1]: О выпаденіи ъ и ь въ словахъ слабоударяемыхъ.

Гласныя долгія, полудолгія и краткія. § 29: Дѣленіе гласныхъ по количеству. § 30: Два вида долготы. § 31: Происхожденіе полудолготъ. § 32: Происхожденіе краткости гласныхъ; *прим.:* сокращеніе долготы въ концѣ слова и сокращеніе передъ і̯.

Гласныя полукраткія. § 33: Полукраткость и краткость редуцированныхъ гласныхъ. § 34. Полукраткость и краткость у и і, не подлежавшихъ, въ силу своего положенія, редукціи. § 35: Происхожденіе полукраткаго і въ началѣ слова; *прим. 1:* ударяемость ї охраняла его отъ перехода въ полукраткій звукъ; *прим. 2:* замѣна ї черезъ і полукраткое въ началѣ слова. § 36: Происхожденіе полукраткаго і въ началѣ слога; *прим. 1:* появленіе і краткаго вмѣсто полукраткаго; *прим. 2:* сохраненіе ј передъ ї въ ударяемомъ слогѣ. § 37: Происхожденіе полукраткаго і передъ і̯; *прим. 1:* переносъ ударенія съ сокращавшагося ї; *прим. 2:* различная судьба ї передъ і̯ и передъ ј; *прим. 3:* появленіе ї вм. полукраткаго і передъ слогомъ съ полукраткимъ і. § 38: Происхожденіе полукраткаго і въ концѣ слова. § 39: Происхожденіе полукраткаго у передъ і̯; *прим. 1:* переносъ ударенія съ сокращавшагося ў; *прим. 2:* появленіе ў вм. полукраткаго у передъ слогомъ съ полукраткимъ і. § 40: Діалектическое полукраткое и въ соотвѣтствіи сочетаніямъ vъ, vь; *прим. 1:* судьба полукраткаго и въ славянскихъ языкахъ; *прим. 2:* возможность существованія діалектическаго полукраткаго ŭ. § 41: Полукраткое и на мѣстѣ и послѣ гласной; *прим.:* замѣна полукраткаго и черезъ vъ, vь въ слав. языкахъ.

Гласныя неслоговыя. § 42: Неслоговыя і и и. § 43: Чередованіе і̯ съ ј. § 44: Послѣ согласной являлся ј. § 45: Въ ударяемыхъ слогахъ являлся ј. § 46: Выпаденіе і̯ послѣ гласной передъ гласной передняго ряда. § 47: Замѣна u̯ черезъ v, w. § 48: Діалектическое сохраненіе u̯ и отраженіе такого u̯ въ славянскихъ языкахъ. § 49: Переходъ u̯ въ діалектахъ въ ŭ неслоговое передъ гласными передняго ряда. § 50: Неслоговыя ъ и ь;

СТРАН.

прим.: процессы, измѣнившіе сочетаніе ji въ i полукраткое и діалектическое сочетаніе ų въ u полукраткое.

Глава II. Согласные звуки . . . . . 30—40

§ 51: Общія замѣчанія.

Сонорныя согласныя. § 52: Природа сонорныхъ. § 53: Звукъ r. § 54: Звуки латеральные (ł, l); *прим. 1:* доказательства въ пользу существованія l въ сочетаніяхъ ol, el, ъl, ьl; *прим. 2:* ōł въ общеслав. словѣ, откуда человѣкъ. § 54[1]: Звуки латеральные (l полумягкое, ł мягкое). § 54[2]: Долгота l въ сочетаніяхъ съ предш. гласными; слоговыя ł и l полумягкое; замѣна слоговыхъ плавныхъ глухими. § 55: Носовыя n и m. § 56: Слоговыя n и m; замѣна ихъ глухими.

Шумныя согласныя. Гортанныя: § 57: Звонкое фрикативное h изъ индоевр. ḥ; *прим.:* мѣстоименный корень he чередовался съ ho и съ je; числительное hedinъ при jedinъ. § 58: h позднѣйшаго происхожденія, на мѣстѣ придыхательнаго приступа. § 59: h въ формѣ род. над. мѣстоименнаго склоненія; *прим.:* происхожденіе окончанія род. над. -ho.

Задненёбныя. § 60: Общія замѣчанія; смягченіе передъ палатальными звуками. § 61: Перечень задненёбныхъ; *прим.:* природа промежуточнаго звука между s и x. § 62: Происхожденіе фрикативнаго γ; *прим.:* сочетаніе γv въ гвирити, гвърста.

Передненёбное j. § 63: Чередованіе j съ ji.

Шипящія (альвеолярныя). § 64: Фрикативныя š и ž мягкія; мягкія аффрикаты č и žj; ихъ происхожденіе. § 65: Звуки š и ž мягкія; *прим.:* ž замѣнило g черезъ посредство žj. § 66: Звуки č и žj. § 67: Долгое или двойное č; *прим.:* доказательство существованія такой аффрикаты; судьба группы kt. § 68: Долгое или двойное žj; *прим.:* доказательство существованія такой аффрикаты.

Зубныя. § 69: Мгновенныя t и d, фрикативныя s и z; аффрикаты. § 70: Мягкое s; *прим.:* доказательство существованія мягкаго s. § 71: Происхожденіе мягкихъ c и zj; переходъ мягкаго zj въ мягкое z; *прим.:* переходъ zj въ z совершился не въ общеслав. праязыкѣ.

Губнозубныя. § 72: Фрикативное v; происхожденіе изъ ų.

Губныя. § 73: Мгновенныя p и b. § 74: Діалектическое фрикативное w.

Глава III. Сочетанія звуковъ . . . . . 41—66

Дифтонги и дифтоническія сочетанія. § 75: Дифтонги нисходящіе и восходящіе; дифтонги eă и ie (ě). § 76: Сокращеніе долгой гласной въ положеніи передъ j + гласная. § 77: Общія замѣчанія относительно дифтонгическихъ сочетаній. § 78:

СТРАН.

Происхожденіе дифтонгическихъ сочетаній: слоговая плавная или носовая + ъ или ь неслоговое; *прим. 1:* свидѣтельства славянскихъ языковъ въ пользу такихъ сочетаній съ слоговыми плавными; *прим. 2:* свидѣтельства въ пользу сочетаній съ слоговыми носовыми; *прим. 3*: краткость слоговыхъ плавныхъ и позднѣйшая ихъ долгота въ сербско-хорватскомъ. § 79: Въ сочетаніяхъ плавная + ъ, ь плавная оставалась неслоговой, когда ъ, ь были кратки, вслѣдствіе положенія передъ слогомъ съ полукраткими ъ, ь; замѣна слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ глухими; *прим.:* форма раснъ вм. разнъ въ церковнослав. памятникахъ. § 80: Сочетанія or, ol, er, el съ долгими r, l; природа звука r, его лабіализація послѣ o, палатализація послѣ e. § 81: Природа l въ сочетаніяхъ ol, el; переходъ e сочетанія el въ ö передъ непалатальной гласной слѣд. слога; *прим. 1:* доказательства въ пользу öl изъ el, извлекаемыя изъ новослав. языковъ; *прим. 2:* чешскій языкъ доказываетъ, что l въ öl не былъ лабіовеляризованнымъ звукомъ; *прим. 3:* возраженія противъ допущенія слогового характера долгихъ r, l въ сочетаніяхъ or, ol, er el. § 82: Перестановка въ сочетаніяхъ or, ol въ началѣ слова при экспираторной долготѣ плавныхъ; *прим. 1:* позднѣйшая перестановка olkъtь въ łokъtь въ русск. языкѣ доказываетъ, что l оставалось въ общеслав. въ сочетаніяхъ ol, el неслоговымъ; *прим. 2:* случаи какъ алъкати, алъдии; діалектическое старослав. ал въ серединѣ словъ. § 83: Сочетанія ъr, ъl, ьr, ьl съ полукраткими ъ, ь и долгими r, l; природа звука r. § 84: Природа l въ сочетаніяхъ ъl, ьl; *прим. 1:* возраженія противъ допущенія слогового характера долгихъ r, l въ сочетаніяхъ ъr, ъl, ьr, ьl; *прим. 2:* различіе судьбы звука l въ польскихъ wilk и reĺpy; *прим. 3:* ъ и ь въ указ. сочетаніяхъ оставались полукраткими и въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткими ъ и ь.

Сочетанія гласныхъ. § 85: Появившіяся въ общеслав. праязыкѣ сочетанія. § 86: Переходъ aį̆, oį̆ и т. д. въ ai, oi при чемъ i, вообще полукраткое, замѣнялось краткимъ i передъ слогомъ съ полукр. гласной; *прим.:* сохраненіе i краткимъ въ сочетаніяхъ ai, oi подъ вл. аналогіи. § 87: Переходъ aį̇e, oį̇e и т. д. въ ae, oe и т. д.; *прим.:* į̇ передъ гласными задняго ряда сохранялось, это вызывало поаналогіи сочетанія aį̇e, oį̇e и т. д. § 88: Переходъ aį̇ē, äį̇ē въ aa, äa; *прим. 1:* формы, какъ имѣяше, умѣяхомъ, возникли подъ вл. аналогіи; *прим. 2:* aį̇ē непосредственно изъ āį̇ē. § 89: Измѣненіе aji, oji и т. д. въ aii, oii, откуда ai, oi съ полукраткимъ i. § 90: Діалектически au, ou и т. д. (съ полукраткимъ u) замѣняли aų̆, aų̆ и т. д. (случаи, какъ прауда). § 91: Сочетанія, явившіяся въ результатѣ соеди-

ненія двухъ словъ или срощенія предлога со слѣдующимъ именемъ или глаголомъ.

Сочетанія согласныхъ. § 92: Перечень допустимыхъ сочетаній; *прим. 1:* сочетанія, образовавшіяся вслѣдствіе встрѣчи двухъ слоговъ; *прим. 2:* замѣна въ соч. sĺ, sń, zĺ, zń звуковъ s, z черезъ š, ž; сочетанія t, d съ r мягкимъ; сочетаніе tvj; сочетаніе gd. § 93: Сочетанія согласная + j; измѣненіе сочетаній sĺ, sń, zĺ, zń; сочетанія s, z съ аффрикатами; сочетанія šš, žž; сочетанія губныхъ съ j. § 94: Сочетанія задненёбныхъ съ мягкими согласными; сочетанія зубныхъ съ мягкими согласными; сочетанія губныхъ съ j и ĺ; *прим.:* судьба сочетанія kt передъ гласными передняго ряда. § 94[1]: Взаимное уподобленіе согласныхъ звонкихъ и глухихъ.

Начало слова. § 95: Общія замѣчанія. § 96: Придыхательный приступъ передъ начальными гласными. § 97: Гласныя передняго ряда получали передъ собой i̯ (j). § 98: Примѣры сочетанія i̯ (j) съ слѣдующею переднею гласною, начальною въ словѣ; *прим. 1:* отпаденіе i̯ (j) передъ e начала слова въ новослав. языкахъ; начальное he въ чередованіи съ je; *прим. 2:* сочетанія ji̯ и ji̯ въ началѣ слова. § 99: Примѣры для начальнаго ji (изъ i), откуда еще въ общеслав. i; *прим.:* судьба начальнаго jě и ję (jasli при ěda). § 100: Гласныя u и ъ получали передъ собой v. § 101: Гласная a получала передъ собой j; *прим.:* начальное a восходитъ къ ha. § 102: Гласныя задняго ряда получали передъ собой придыханіе, откуда v или γ; *прим. 1:* замѣна h черезъ v стоитъ, быть можетъ, въ зависимости отъ потери гласною ея лабіализаціи; *прим. 2:* придых. приступъ въ новослав. языкахъ. § 103: Появленіе краткихъ ъ, ь, i и діалектически u въ началѣ слова подъ вл. ударенія. § 104: Начальныя сочетанія or, ol съ экспир. долготой подверглись перестановкѣ. § 105: Сочетанія rj, lj въ началѣ слова измѣнили j въ ĺ.

Конецъ слова. § 106: Общія замѣчанія о нѣкоторыхъ явленіяхъ въ концѣ слова. § 107: Конечныя ъ, ь передъ i̯ мѣстоименныхъ формъ 3 л. переходили въ u, i.

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ въ предѣлахъ одного слога. Палатализація. Лабіовеляризація. § 108: Общія замѣчанія о вліяніи гласныхъ на согласныя и о вліяніи согласныхъ на гласныя. § 109: Гласныя передняго ряда измѣняли предшествующія задненёбныя въ смягченныя. § 110: Гласныя передняго ряда измѣняли предш. зубныя, губныя и плавныя въ соотв. полумягкія; *прим.:* объ отвердѣніи полумягкихъ согласныхъ въ славянскихъ языкахъ. § 111: Гласныя задняго ряда (еще до перехода ū и ŭ въ u и ъ) измѣняли предш. согласныя въ лабіовеляризованныя; *прим.:* лабіовеляризованныя и лабіали-

СТРАН.

зованныя согласныя; постепенное исчезновеніе веляризаціи и лабіализаціи въ новославянскихъ языкахъ. § 112: Вліяніе гласныхъ на измѣненіе природы r въ тавтосиллабическихъ сочетаніяхъ er, ьr, or, ъr. § 113: Вліяніе согласныхъ на слѣдующія гласныя: ассимиляціонный переходъ заднихъ лабіализованныхъ въ переднія нелабіализованныя; диссимиляціонный переходъ ē чистаго и носового въ ā и носовое ä; диссимиляціонный переходъ e и ь въ лабіализованныя e и ь передъ слогомъ съ гласной непереднаго ряда; *прим. 1:* повидимому, въ сочетаніяхъ j̨ + гласная переднаго ряда (въ противоположность сочетаніямъ j + такая гласная) не происходило диссимиляціонныхъ процессовъ; *прим. 2:* переходъ jo въ jö и je въ jö: тождество обоихъ jö; *прим. 3:* въ сочетаніяхъ мягкая согласная (c, s, z̨) + монофтонгъ изъ дифтонга oi̯ этотъ монофтонгъ не переходилъ въ a; но въ началѣ слова oi̯, измѣнившись въ ö, переходило затѣмъ въ jö, jē и далѣе въ jā.

Взаимное вліяніе сосѣднихъ слоговъ. § 114: Общія замѣчанія. § 115: joji измѣнилось въ jöji и далѣе въ jei, kirьkoть — въ kirьćöть и далѣе въ kirьćeть; vidimъ i — въ vidimy i; распредѣленіе группы согласныхъ между двумя сосѣдними слогами. § 116: Переходъ задненёбныхъ въ палатальныя свистящія въ положеніи за гласными передняго ряда; вѣроятность наличности тѣхъ или иныхъ ограничительныхъ условій. § 117: Гласная задняго ряда вызывала замѣну e черезъ ö въ предш. слогѣ въ положеніи за j и смягченными согласными; чередованіе žona — ženѣ; *прим.:* подобное же чередованіе въ нѣкоторыхъ новослав. языкахъ зависитъ отъ согласной, слѣдующей за исканной гласной e. § 118: Переходъ полукраткихъ ъ и ь въ ь и ъ подъ вліяніемъ звуковъ ъ или ь въ слѣдующемъ слогѣ; вліяніе e, i на переходъ ъ въ ь въ слѣдующемъ слогѣ (bezdьna, istьba); *прим. 1:* дьно подъ вліяніемъ бездьна; *прим. 2:* переходъ полукраткихъ ъ, ь въ o, e въ случаяхъ, какъ золоба, серебро, возникъ въ отд. славянскихъ языкахъ.

Глава IV. Количество и удареніе . . . . . 67—98

§ 119. Общія замѣчанія.

Древнѣйтія отношенія. § 120: Перечень исконно краткихъ, исконно долгихъ гласныхъ, дифтонговъ, дифтонг. сочетаній съ носовыми и плавными; два вида долготы; *прим. 1:* термины экспираторно-музыкальная и музыкально-экспираторная долгота; *прим. 2:* частичное сохраненіе различія долготъ въ литовскомъ, греческомъ, древне-индійскомъ. § 121: Мѣсто ударенія и различные виды ударенія; *прим.:* совпаденіе общеслав. характера ударенія съ древне-прусскимъ. § 122: Экспираторная долгота еще въ литовско-славянскую эпоху перетягивала на себя удареніе съ

предш. музыкальной долготы и съ краткаго слога; *прим.:* недоказанность предположенія Г. Педерсена о переносѣ ударенія и съ несосѣдняго слога.

Частичныя измѣненія въ природѣ звуковъ. § 123: Перечень относящихся сюда явленій. § 124: Сокращеніе и редукція звуковъ ў (изъ й) и ĭ; условія сохраненія ими краткости и основной ихъ природы. § 125: Редукція й и ĭ вызывала переходъ предш. плавныхъ въ слоговыя; въ предш. слогѣ ŏ и ĕ переходили въ полудолгія закрытыя о и е. § 126: Утрата ударенія полукраткими звуками; сохраненіе ударенія подъ вл. аналогіи удерживало звуки ъ, ь, у, і краткими. § 127: Перечень полукраткихъ, краткихъ, полудолгихъ и долгихъ гласныхъ, дифтонговъ, долгихъ носовыхъ и дифтонг. сочетаній; *прим.:* въ началѣ слова сохранились or, ol только при музыкальной долготѣ.

Древнѣйшія измѣненія въ количествѣ и удареніи. § 128: Экспираторная долгота перетягивала на себя удареніе съ слѣд. слога краткаго или музыкально долгаго. § 129. Сокращеніе экспираторной долготы до полудолготы; *прим. 1:* доказательства въ пользу такого сокращенія; *прим. 2:* экспир. долгота сохранялась только въ односложныхъ словахъ. § 130: Музыкальное пониженіе гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ (krâja перешло въ krája, trǫje въ trǫję); *прим. 1:* доказательство въ пользу общеслав. krája вм. krâja; *прим. 2:* сокращеніе у и і передъ i̯ до полукраткости и переносъ съ нихъ ударенія. § 131: Въ сочетаніяхъ гласныхъ долгота ихъ сокращалась; *прим.:* сократившіяся ī и ū подлежали дальнѣйшему сокращенію до полукраткости (dai, zautra съ полукраткими і и u). § 132: Утрата музыкальной высоты передъ группой согласная + j (sûšö изъ suxjo, при sûxo). § 133: Переносъ ударенія съ экспираторной полудолгой гласной вызывалъ удлиненіе ея до сверхдолготы; *прим.:* указаніе на сверхдолготу даютъ новослав. языки; случаи, гдѣ имѣлъ мѣсто переносъ ударенія и гдѣ развивалась сверхдолгота. § 134: Новый типъ восходящаго ударенія на сверхдолгой гласной; *прим. 1:* на основаніи сербскохорв. данныхъ вѣроятно возвести русское сторожа, словенское stráža къ общеслав. storža съ удареніемъ восходящимъ на сверхдолгомъ сочетаніи or; *прим. 2:* двоякая возможность объяснить общеслав. vól'a вм. vòl'a. § 135: Удареніе восходящее на сверхдолгой гласной въ концѣ слова.

Позднѣйшія явленія. § 136: Утрата музыкальной высоты конечными слогами; она сопровождалась ихъ сокращеніемъ. § 137: Въ связи съ такимъ сокращеніемъ находится переходъ дифтонга ie въ і (mati, nesi), откуда въ неударяемомъ положеніи полукраткое і (neseši, sędi съ полукр. і); *прим. 1:* доказательства, извлекаемыя изъ новославянскихъ языковъ, въ пользу сокращенія

СТРАН.

конечныхъ гласныхъ; *прим. 2:* доказательства въ пользу замѣны въ концѣ слова музыкальныхъ удареній экспираторнымъ. § 138: Общія замѣчанія относительно послѣдствій музыкальнаго пониженія и сокращенія конечныхъ слоговъ. § 139: Музык. пониженіе ударяемаго конечнаго слога вызвало повышеніе предпослѣдняго слога; *прим.:* чешск. ruka заимствуетъ ú изъ вин. ruku. § 140: Указанное повышеніе предпослѣдняго слога вело къ пониженію третьяго и четвертаго отъ конца слога; *прим.:* но пониженіе не сопровождалось сокращеніемъ, какъ видно изъ русскихъ полногласныхъ формъ, напр. соромота, беремена. § 141: Въ заударномъ предпослѣднемъ слогѣ происходило повышеніе подъ вліяніемъ пониженія конечнаго слога. § 142: Въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ ударенія музыкальныя нисходящія остались безъ перемѣны; *прим.:* доказательства въ пользу сохраненія такихъ удареній изъ новославянскихъ языковъ. § 143: Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова ударение ′ восходящее на полудолгомъ слогѣ осталось безъ измѣненія; *прим. 1:* соотвѣтствія въ сербскомъ, словенскомъ и русскомъ; *прим. 2:* такова же судьба ударенія ′ вм. ˆ въ закрытомъ слогѣ. § 144: Въ началѣ двусложнаго слова ` измѣнилось въ ′; *прим.:* объ удареніи восходящемъ на сверхдолготѣ при краткости конечнаго слога. § 145: Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова ударение нисх. на кр. слогѣ сохранялось, а долгій слогъ подъ нисх. удареніемъ сокращался до полудолготы; *прим.:* доказательства въ пользу сохраненія нисх. ударенія въ такомъ положеніи. § 146: Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова ударение ′ удерживалось; *прим.:* свидѣтельства словенскаго, сербскаго и русскаго. § 147: Ударение ` въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова растянулось въ ′; *прим.:* отсутствіе достовѣрныхъ примѣровъ. § 148: Въ серединныхъ слогахъ нисх. ударенія не удерживались; различаются два случая, въ зависимости отъ того, предшествовалъ ли ударяемому слогу краткій или долгій слогъ. § 148¹: Если ударяемому слогу предшествовалъ краткій слогъ, ударение переносилось на него; *прим. 1:* свидѣтельства русскаго, сербскаго, словенскаго; *прим. 2:* переносъ съ третьяго отъ конца слога на предлогъ; *прим. 3:* подъ вліяніемъ этого явился переносъ нисх. удареніе и съ односложныхъ словъ. § 149: Если ударяемому слогу предшествовалъ долгій слогъ, то въ ударяемомъ слогѣ вмѣсто музыкальнаго нисх. ударенія являлось восход. экспираторное ударение; *прим. 1:* свидѣтельства русскаго, сербскаго, словенскаго; *прим. 2:* объ ударении nesète, nosíte вм. ожидаемаго nêsete, nôsīte. § 150: Экспираторное восход. ударение на серединномъ слогѣ, усиливаясь, вызывало пониженіе предш. слога (въ livâda, ĭorâta нач. слоги низкіе); *прим.:* свидѣтельства сербскаго, русскаго и словенскаго языка. § 151: Экспир. восх. ударение на краткомъ серединномъ

СТРАН.

слогѣ удлиняло гласную до полудолготы; *прим.:* передъ слогомъ съ удареніемъ восх. на сверхдолгой гласной были извѣстны только низкіе слоги.

Нарушеніе полученныхъ новыхъ отношеній. § 152: Нарушенія вызывались вліяніемъ аналогіи. § 153: Проникновеніе долготы вм. полудолготы въ третій отъ конца слова слогъ; *прим.:* примѣры изъ сербскаго и словенскаго. § 154: Повышеніе краткаго слога третьяго отъ конца подъ вл. высокаго предпослѣдняго въ словѣ слога. § 155: Музык. долгота, проникнувъ въ третій отъ конца слова слогъ, перетягивала удареніе съ конечнаго слога на предпослѣдній; *прим.:* свидѣтельство штокавскаго нарѣчія. § 156: Музык. долгота, перенесенная въ ударяемый слогъ съ нисх. удареніемъ на полудолгой гласной, растягивала полудолготу до сверхдолготы и получала восх. удареніе; *прим.:* свидѣтельства русскаго, сербскаго и словенскаго. § 157: Вліяніе глагольныхъ образованій, получившихъ восх. удареніе на сверхдолготѣ вмѣсто нисх. ударенія на полудолгой гласной, вызывало въ родств. образованіяхъ восх. удареніе на полудолгой гласной вмѣсто нисх. на краткой гласной *прим.:* свидѣтельства русскаго и словенскаго языка. § 158: Вліяніе krādéte, hvālíli вызвало neséte, nosíli вмѣсто nȅsete, nȍsīli; *прим. 1:* возможность объясненія neséte изъ nesetȅ; *прим. 2:* остатки старыхъ удареній въ причастіяхъ, какъ ро́дил, про́стили. § 159: Переносъ долготы изъ слога, слѣдующаго за слогомъ съ нисх. удареніемъ, въ слогъ слѣдующій за восх. удареніемъ. § 160: Замѣна долготы полудолготой въ слогѣ, слѣдующемъ за слогомъ съ нисх. удареніемъ. § 161: Краткая гласная предлога могла по аналогіи замѣняться долгой и обратно.

Количественныя отношенія, связанныя съ сокращеніемъ и редукціей ĭ и ŭ. § 162: Появленіе полудолгихъ о и е въ слогахъ заударныхъ и предударныхъ. § 163: Переносъ ударенія съ краткихъ i и u: предшествующіе слоги получали восх. удареніе на полудолготѣ или сверхдолготѣ; *прим.:* свидѣтельства малорусскаго, сербскаго, словенскаго, чешскаго; примѣры для переноса на слѣд. слогъ изъ русскаго и сербскаго; сохраненіе ударенія обязано вліянію аналогіи. § 164: Переносъ ударенія на полукраткую гласную предшествующаго слога; *прим.:* свидѣтельства сербскаго и словенскаго языка. § 165: Измѣненіе ударяемаго слога, къ которому примкнулъ слогъ съ редуцированною гласной (dъvâ, sъtô); *прим.:* свидѣтельства сербскаго и русскаго языка. § 166. Конечный слогъ многосложнаго слова (rodьstvò); *прим.:* неясность происхожденія долготы въ случаяхъ, какъ чакавск. trojstvó, слов. ļudstvó. § 167: Въ нач. слогѣ двусложнаго слова ъ и ь оставались краткими и сохраняли нисх. удареніе, когда въ слѣд. слогѣ была полукр. гласная. § 168: Гласныя о, е въ нач. слогѣ двусложнаго слова переходили въ полудолгія,

СТРАН.

когда въ слѣд. слогѣ была полукр. гласная, и получали нисх. удареніе; *прим.:* свидѣтельства малор., сербскаго и словенскаго языка. § 169: Долгія гласныя подъ нисх. удареніемъ сохраняли свою природу и удареніе, несмотря на полукраткую гласную въ слѣдующемъ слогѣ; *прим.:* свидѣтельства сербскаго, словенскаго и русскаго языка. § 170: Нисх. удареніе въ третьемъ отъ конца слогѣ, при наличности полукраткой гласной въ предпослѣднемъ слогѣ, сохранялось; *прим. 1:* свидѣтельство русскаго языка; сербскія и словенскія отношенія; *прим. 2:* вліяніе аналогіи вызывало здѣсь восх. удареніе на сверхдолготѣ. § 171: Восх. удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ двусложнаго слова переходило въ нисх. удареніе, когда въ слѣдующемъ слогѣ была полукраткая гласная; *прим.:* свидѣтельства русскаго, сербскаго, словенскаго и чешскаго языка. § 172: Восх. удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ трехсложнаго слова сохранялось какъ восх. удареніе; *прим.:* несогласованность этого случая съ судьбой восх. ударенія въ началѣ двусложнаго слова; свидѣтельства русскаго, сербскаго и словенскаго языка. § 173: Нисх. удареніе на серединномъ слогѣ въ положеніи передъ слогомъ въ полукраткой гласной переходило въ восходящее на сверхдолгомъ слогѣ. § 174: Восх. удареніе на полудолгомъ серединномъ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткой гласной переходило въ нисх. удареніе; *прим.:* свидѣтельства сербскаго, словенскаго и русскаго языка.

Обобщеніе предыдущихъ положеній. § 175: Слоги низкіе, полувысокіе и высокіе. § 176: Ударенія восходящія (экспираторное, экспираторно-музыкальное, музыкально-экспираторное) и нисходящія.

ОТДѢЛЪ II. **Явленія, имѣвшія мѣсто въ эпоху единства южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ** . . . . . **99—108**

§ 177: Общія замѣчанія.

Измѣненіе сочетаній tl, dl, и т. д. § 178: Переходъ указ. сочетаній въ l, ĺ, ľ; *прим.* суффиксъ -dĺo замѣнилъ исконное -tĺo. § 179: Сохраненіе dl, tl и т. д. въ діалектахъ словенскаго и русскаго языка; появленіе такихъ сочетаній въ случаяхъ новаго происхожденія; *прим.:* чешск. и луж. šel; діалект. польское gĺ, gl вм. dĺ, dl. § 180: Словенскіе говоры сѣверозападные сохраняютъ tl, dl; вѣроятная причина. § 181: Древненсковскія гл, кл изъ дл, тл свидѣтельствуютъ о ляшскомъ вліяніи; *прим.:* аналогичные случаи перехода дл, тл въ гл, кл въ другихъ русскихъ говорахъ. § 182: Такія же гл, кл имѣются и въ нѣкоторыхъ другихъ сѣверно-русскихъ говорахъ; *прим.:* формы пришодъ, ушодъ. § 183: Позднѣйшія заимствованія изъ польскаго съ дл; *прим.:* угорусское

СТРАН.

мыдло; южнорусск. тлустий; западнорусск. подлугъ. § 184: Случаи, гдѣ тл, дл восходятъ къ тьл, дьл; олонецк. видли; *прим.:* сочетанія tn, dn еще въ общеслав. перешли въ n.

Измѣненіе сочетаній kvъ, gvъ. § 185: Переходъ указ. сочетаній въ cvѣ, ʒvѣ (zvѣ). § 186: Вѣроятность того, что cvѣ, ʒvѣ непосредственно изъ kŭѣ, gŭѣ (съ неслоговымъ ŭ); *прим.:* малор. дзьвізда указываетъ на измѣненіе gvѣ въ ʒvѣ, откуда позже zvѣ. § 187: Переносъ ćv, ʑv изъ сочетаній cvѣ, ʒvѣ въ положеніе передъ другими гласными; сохраненіе kv, gv передъ гласными передняго ряда (кромѣ ѣ); это вызываетъ появленіе и kvѣ, gvѣ въ русскихъ говорахъ; *прим. 1:* неясно отношеніе zvizdati къ западнослав. gvizdati; *прим. 2:* появленіе zv вм. gv въ звоздик; *прим. 3:* угрор. gвізда, бѣлор. гвяздачки; неясно гвязда въ олон. был.; *прим. 4:* тв въ твѣт.

Діалектическое измѣненіе сочетаній губная + j. § 188: Измѣненіе pj, bj, vj, mj въ pĺ, bĺ, vĺ, mĺ; уклоненія въ болгарской и словенской области; *прим. 1:* русскія сочетанія пя, бя, мя вм. пля, бля, мля и т. д. обязаны вліянію аналогіи; *прим. 2:* вм. успеніе подъ вліяніемъ аналогіи успленіе.

ОТДѢЛЪ III. **Явленія общерусскаго праязыка**. . . . . **108—160**

§ 189: Общія замѣчанія; планъ изслѣдованія.

Потеря носовыхъ. § 190: Перечень общеслав. носовыхъ; общая утрата носовыми гласными ихъ носовой природы; переходъ носового o въ u; *прим.:* послѣ мягкихъ согласныхъ o носовое средняго ряда перешло въ u ср. ряда. § 191: Носовыя e и ä перешли въ a; *прим. 1:* діалектическое e (въ случаяхъ, какъ зеть) новаго происхожденія изъ a; *прим. 2:* замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ (ястребъ, лебедь, дёсны); *прим. 3:* причастія на a (ида, неса). § 192: Общеславянское носовое ѣ перешло въ ѣ. § 193: Существовали ли носовыя въ историческое время жизни русскаго народа?; *прим. 1:* появленіе носовыхъ въ древнеболгарскихъ заимствованіяхъ изъ греческаго; *прим. 2:* носовыя въ славянскихъ заимствованіяхъ западнофинскихъ языковъ.

Судьба общеславянскаго ъ. § 44: Дифтонгъ ѣ послѣ i̯ перешелъ въ e еще въ общерусскомъ праязыкѣ, *прим. 1:* граммат. аналогія удерживала однако и ѣ въ указ. положеніи; *прим. 2:* позднѣйшее измѣненіе ѣ въ i̯e, вызвавшее изображеніе его буквой ѥ; *прим. 3:* переходъ ѣ въ e за i̯ имѣлъ мѣсто и въ южнорусскомъ нарѣчіи. § 195: Дифтонгъ ѣ перешелъ въ i передъ слогомъ съ ударяемымъ i; *прим. 1:* древнерусск. цоловати; древнерусск. телеса; *прим. 2:* переходило въ i то ѣ, которое звучало какъ i̯e.

СТРАН.

Лабіализація звука ъ. § 196: Общеслав. ъ—нелабіализованный звукъ средняго ряда — перешелъ въ общерусскомъ въ лабіализованный звукъ ср. ряда.

Измѣненіе гласной о нижняго образованія въ о средняго образованія. § 197: Такой переходъ имѣлъ мѣсто на почвѣ отд. слав. языковъ; замѣна начальнаго иноземнаго а черезъ о.

Измѣненіе гласной ä въ а. § 198: Переходъ ä въ а стоялъ въ связи со смягченіемъ предш. согласной. § 199: Примѣры для такого перехода въ суффиксѣ прилаг. -an-; *прим.:* написанія, какъ мѣдѣнъ; церковнославянизмы, какъ каменъ, рамено; румёный южновелик. подъ вл. зелёный. § 200: Примѣры для суффикса -an-, -anin-; *прим. 1:* написанія, какъ моавитѣне, египтенина; *прим. 2:* словѣнинъ, словѣне. § 201: Примѣры для -aa- изъ -äa- въ имперфектѣ; *прим. 1:* формы какъ имѣху; новообразованія, какъ имѣяше. § 202: Слово pŕamo вм. prämo; *прим.:* написанія, какъ прѣмо; при sämo было и sѣmo.

Измѣненіе ö, ü, ь лабіал. въ гласныя средняго ряда лабіал. о, и, ъ. § 203: Переходъ žöna, ľübiтъ и т. д. въ žona, ľubiтъ (съ о, и ср. ряда); доказательства въ пользу перехода ö въ о ср. ряда; *прим.:* примѣры для написаній съ о въ памятникахъ. § 204: Доказательства перехода ь лабіал. въ ъ. § 205: Доказательства перехода ü въ и средняго ряда.

Измѣненіе звука ź въ ź. § 206: Переходъ этотъ имѣлъ мѣсто въ общерусскомъ праязыкѣ, повидимому, за исключеніемъ нѣкоторыхъ юго-западныхъ діалектовъ, гдѣ ź сохранилось въ началѣ слова; *прим.:* доказательства въ пользу діалектическаго сохраненія начальнаго ź.

Измѣненіе č и ǯ долгихъ въ č и ǯ. § 207: Переходъ čč (изъ tj и kt) въ č; *прим.:* аналогично появленіе ч въ чан изъ ччан (дъщанъ). § 208: Переходъ ǯǯ (изъ dj) въ ǯ; сохраненіе ǯ въ діалектахъ. § 209: Измѣненіе ǯ въ ž восходитъ къ общерусскому праязыку. § 210: Примѣры для ž изъ ǯǯ; *прим.:* особо стоитъ судьба ǯ за звукомъ ž; джерело могло быть извлечено изъ сочетанія ижджерела.

Переходъ l въ ľ. § 211: Сохранявшееся въ общеслав. передъ согласными l перешло въ общер. въ ľ; *прим. 1:* отсутствіе измѣненія l въ ľ; *прим. 2:* слово скользкій; *прим. 3:* въ сочетаніи el послѣ смягченной согласной l также перешло въ ľ.

Переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія. § 213: Общій переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія; доказательства; *прим. 1:* малорусское отвердѣніе мягкихъ согласныхъ передъ исконными і и е; *прим. 2:* отвердѣніе мягкихъ согласныхъ въ нѣкоторыхъ великор. говорахъ; московская запись XVII в., приведенная Л. Л. Васильевымъ, не доказываетъ твердости согласъ-

ныхъ передъ e, а свидѣтельствуетъ объ особомъ произношеніи ѣ. § 213: Переходъ полумягкаго г въ мягкое въ сочетаніяхъ er, ьr.

Переходъ полулабіализованныхъ согласныхъ въ лабіализованныя. § 214: Общія замѣчанія; сохраненіе лабіализаціи въ позднѣйшемъ языкѣ передъ u, o, y. § 215: Доказательства въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ o; дифтонгизація o въ великорусскихъ говорахъ; *прим. 1:* неясно, извѣстна ли такая дифтонгизація въ бѣлорусскихъ говорахъ; *прим. 2:* замѣна o черезъ u въ великорусскихъ говорахъ. § 216: Доказательства въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ u. § 217: Доказательства въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ ъ; *прим.:* замѣститель звука ъ — o не дифтонгизируется въ великорусскихъ говорахъ. § 218: О вѣроятности лабіализаціи согласныхъ передъ a.

Переходъ e и ъ въ o и ъ передъ l изъ l въ сочетаніяхъ el, ьl. § 219: Переходъ l въ ł повлекъ за собой измѣненіе предшествующихъ въ томъ же слогѣ e и ь въ o и ъ. § 220: Послѣ смягченныхъ согласныхъ вмѣсто ӧl и ьl (съ лабіализ. ь) явились oł (съ o средн. ряда) и ъł. § 221: Сочетанія el, ьl послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ гласной передняго ряда перешли также въ oł, ъł: *прим. 1:* о западнослав. сочетаніяхъ dłu, žłu; *прим. 2:* форма измълъ въ древнерусскомъ.

Переходъ e, ь въ ӧ, ъ лабіализованный подъ вліяніемъ слѣдующей согласной. § 222: Такой переходъ былъ ассимиляціоннымъ процессомъ гласной въ направленіи къ слѣдующей лабіализованной согласной; *прим. 1:* лабіализованный ь позже перешелъ въ ӧ, откуда далѣе o; o изъ e, ь въ южновелик. и бѣлор. только подъ удареніемъ; частичный переходъ ӧ въ o въ малорусскомъ; *прим. 2:* сопоставленіе процесса измѣненія e въ ӧ съ измѣненіемъ e въ ä; *прим. 3:* послѣ j и смягч. согласныхъ e перешло въ ӧ еще въ общеслав.; послѣ j звукъ e сохранялся. § 223: Нефонетическая замѣна ê черезъ ӧ закрытое подъ вл. аналогіи; *прим.:* малорусское ńuos свидѣтельствуетъ объ общерусскомъ ńösła, ńösło.

Переходъ e въ ä въ концѣ слова. § 224: Диссимиляціонный процессъ привелъ къ переходу конечнаго e въ ä. § 225: Примѣры для различныхъ категорій случаевъ a изъ ä (e) въ сѣверновеликорусскомъ; *прим. 1:* въ малорусскомъ ä перешло въ e средняго ряда; бѣлор. и южновеликор. языки не даютъ достовѣрныхъ указаній на изслѣдуемое явленіе; *прим. 2:* подъ удареніемъ ä измѣнилось въ e; откуда o вм. конечнаго ударяемаго e въ сѣверновеликорусскомъ; *прим. 3:* появленіе ja вм. je въ концѣ слова въ великорусскомъ; малор. переходъ je въ ja.

Измѣненіе сочетанія je (ję) въ началѣ слова. § 226: Начальное je перешло въ e, откуда ӧ и далѣе o; *прим. 1:* при-

СТРАН.

чина исчезновенія j передъ e; *прим. 2:* условія, ограничивающія переходъ je въ o; древнеболгарское діалектическое e вм. je; однородное измѣненіе je въ e и далѣе въ he въ нижнелужицкомъ. § 227: Примѣры для начальнаго o изъ je; *прим. 1:* слово овинъ; нѣкоторые случаи, гдѣ чередованіе начальныхъ e и o можетъ имѣть иное объясненіе; *прим. 2:* русское одинъ; слова ежевика, ёжъ; *прим. 3:* въ ель e сохранялось и переносилось въ косв. падежи; малор. ja въ ялина; *прим. 4:* измѣненіе e въ o въ началѣ греч. словъ; переходъ греч. jo въ o; *прим. 5:* heto сохранило свое e, какъ не начальное.

Измѣненіе сочетанія ji (ii) въ началѣ слова. § 228: Процессъ, приведшій къ такому измѣненію, однороденъ съ утратой j передъ e въ началѣ слова. § 229: Примѣры для такого измѣненія; *прим. 1:* слово югъ; малор. и бѣлор. юха; чередованіе утро и ютро восходитъ къ общеславянскому; *прим. 2:* переходъ ji въ i въ началѣ греч. словъ.

Потеря придыханія въ началѣ слова. § 229[1]: Придых. приступъ исчезъ передъ o и u, но сохранился передъ ô; въ малор. и бѣлор. придыхательный приступъ развился вновь.

Лабіализація начальныхъ гласныхъ. § 230: Лабіализація начальныхъ e и a. § 231: Примѣры для измѣненія начальнаго e въ o въ заимств. словахъ; *прим. 1:* je въ такихъ словахъ сохраняется подъ церковнослав. вліяніемъ; въ малорусскомъ je перешло въ ja; *прим. 2:* лабіализація e въ началѣ слога въ словахъ заимствованныхъ (виѳлеомъ). § 232: Примѣры для измѣненія начальнаго a въ o въ заимств. словахъ.

Измѣненіе начальныхъ группъ or, ol. § 233: Перестановка or, ol въ ro, ło съ полудолгимъ o. § 234: Примѣры для ro, ło такого происхожденія; *прим.:* малор. o вм. i въ роля, ровно, лодя и т. д.

Измѣненіе сочетаній or, er, oł и др. въ серединѣ словъ (полногласіе). § 235: Сочетанія or, er, ol и т. д. въ общеслав. праязыкѣ; количественныя и акцентныя отношенія. § 236: Сокращеніе долгихъ и полудолгихъ плавныхъ вознаградилось замѣной ихъ сочетаніями ro, re, ło, le; *прим. 1:* нѣтъ основанія для предположенія, что r, l въ сочетаніяхъ or, er, oł были слоговыми; *прим. 2:* o, e въ ro, re и т. д. оставались краткими и передъ слогомъ съ полукраткою гласной. § 237: Примѣры для oro. § 238: Примѣры для ere. § 239: Примѣры для eŕö. § 240: Примѣры для oło изъ oł. § 241: Примѣры для oło изъ el. § 242: Примѣры для ełо изъ el послѣ шипящихъ. § 242[1]: Нѣкоторыя особенныя слова съ полногласіемъ. § 243: Слово человѣкъ. § 244: Полногласіе въ заимствованныхъ словахъ; *прим.:* слово паполома. § 245: Слова какъ челенковъ, шелемъ, ожеледь,

СТРАН.

пелевня, пелескаться. § 246: Появленіе аго, его въ результатѣ звуковой контаминаціи; слово муравей; слово шорохъ; *прим.:* діалект. керез, короз. § 247: Сочетанія ога, оła въ произв. глаголахъ; малор. oli, egi; *прим.:* первоначальное ого въ относящихся сюда образованіяхъ въ древнерусскомъ. § 248: Заимствованныя слова съ га, ła въ книжномъ языкѣ; такія же заимствованія въ угрорусскомъ; *прим.:* слова хобръ, хвабръ. § 249: Заимствованныя изъ польскаго слова съ сочетаніями го, ło; *прим.:* ро, ло вм. оро, оло въ древнерусскихъ памятникахъ. § 250: Ссылка на измѣненіе аг, сl и др. въ заимств. словахъ; ссылка на оры, олы въ словахъ, какъ спорынья, полынья.

Измѣненіе сочетаній ъr, ьr, ъł съ полукраткими ъ, ь и долгими плавными въ ър, ьр, ъл съ краткими ъ, ь и краткими плавными. § 251: Древнѣйшія измѣненія въ указ. общеславянскихъ сочетаніяхъ. § 252: Дальнѣйшее измѣненіе этихъ сочетаній въ результатѣ сокращенія плавныхъ; *прим.:* ссылка на второе полногласіе. § 253: Примѣры для сочетанія ъг. § 254: Примѣры для сочетанія ьг съ лабіализ. ь и ъг (послѣ шипящихъ). § 255: Примѣры для сочетанія ьĺ. § 256: Примѣры для сочетаній ъĺ изъ ьl. § 257: Примѣры для сочетаній ъł изъ ьl послѣ смягч. согласной. § 258: Особенныя слова: четвьргъ, гъртань, скьрблю, доржать, кърста, кербь, мовити, бревно. § 259: Бѣлорусскія слонца, подлух, полугъ.

О нѣкоторыхъ другихъ измѣненіяхъ сочетаній ог, ол, ър, ъл. § 260: Появленіе огу, оłу въ случаяхъ, какъ полынья, скорынья, полымя, шолымя, голымень· *прим.:* въ значительномъ числѣ случаевъ здѣсь было нисх. удареніе. § 261: Появленіе оłу, огу вм. ол, ог въ случаяхъ, какъ молынья, тарышка. § 262: Слово алынья; *прим.:* ага, аła въ случаяхъ, какъ барахло, маланья; глаголы съ звукоподражательнымъ значеніемъ.

Измѣненія въ количествѣ и удареніи. § 263: Сокращеніе плавныхъ въ сочетаніяхъ ог, ол, ъг, ъł и др.; удареніе въ полногласныхъ сочетаніяхъ.

ОТДѢЛЪ IV. Звуковой составъ древнерусскаго языка ..... 160—200

§ 264: Общія замѣчанія. § 265: Памятники XI—XII в. древнерусскаго языка. § 266: Вліяніе древне-болгарскаго и другихъ языковъ.

Глава I. Гласные звуки ..... 163—171

§ 267: Перечень гласныхъ. § 268: Звукъ а. § 269: Звукъ о. § 270: Звукъ ô. § 271: Звукъ и. § 272: Звукъ у. § 273: Звукъ ъ (лабіализованный). § 274: Звукъ о средняго ряда. § 275: Звукъ о средняго ряда напряженный. § 276: Звукъ и

СТРАН.

средняго ряда. § 277: Звукъ i. § 278: Звукъ ь. § 279: Звукъ e. § 280: Звукъ ê. § 281: Звукъ ä. § 282: Звукъ ь лабіализованный. § 283: Звукъ ö. § 284: Звукъ ö напряженный. § 285: Звукъ ѣ.

Сочетанія гласныхъ. § 286: Перечень сочетаній гласныхъ; *прим.:* происхожденіе нѣкоторыхъ изъ такихъ сочетаній. § 287: Діалектическія au, ou и т. д. съ u полукраткимъ. § 288: Сочетанія ai̯ и i̯a; ссылка на чередованіе i̯a и ja.

Глава II. Согласные звуки . . . . . 171—181

§ 289: Перечень согласныхъ. § 290: Звукъ r. § 291: Звуки ł и ľ. § 292: Звукъ n. § 293: Звукъ m. § 294: Звуки p и b. § 295: Звукъ v; діалектическое u полукраткое вм. vъ, vь; діалектическое u̯ вм. v. § 296: Звукъ f. § 297: Звуки t и d. § 298: Звукъ s. § 299: Звукъ z. § 300: Звукъ ć. § 301: Звукъ ź. § 302: Звукъ š. § 303: Звукъ ž. § 304: Звукъ č. § 305: Звукъ ǯ. § 306: Сочетанія śḱ вм. ść, źǵ вм. źǯ; *прим. 1:* неясное ки́вцы; токило вм. точило; *прим. 2:* дъмъкѣ; ркя, повергя. § 306[1]: Средненебныя k, g, x въ иноязычныхъ словахъ. § 307: Звукъ j; ссылка на жг вм. žǯ. § 308: Звуки k и g. § 309: Звукъ x. § 310: Звукъ γ; *прим. 1:* γ въ сѣверновеликорусскихъ заимств. словахъ; *прим. 2:* слово осподарь. § 311: Діалектическое h.

Сочетанія согласныхъ. § 312: Новое сочетаніе cv; упрощеніе двойныхъ č и ǯ; смягченіе согласныхъ передъ мягкими согласными; *прим.:* полумягкость губныхъ передъ ľ. § 312[1]: Письменное изображеніе нѣкоторыхъ сочетаній. § 312[2]: Изображеніе мягкости и полумягкости согласныхъ посредствомъ ь. § 312[3]: Мягкое r передъ твердыми согласными; мягкость r, l, v въ такомъ же положеніи въ словахъ заимствованныхъ. § 312[4]: Сочетаніе зн изъ згн; зн′ переходитъ въ жн′.

Глава III. Дифтонгическія сочетанія . . . . . 181—183

§ 313: Сочетанія rъ, rь, łъ, lь съ слоговыми плавными и неслоговыми ъ, ь. § 314: Сочетанія ъr, ьr, ъł; *прим. 1:* о написаніяхъ ьрь, ъръ, ълъ, ьръ; *прим. 2:* появленіе скьрбь; дърва, заоутьрнии, стьрмление; *прим. 3:* ссылка на діалектическое второе полногласіе. § 314[1]: Переходъ ar, or и т. д. въ ara, oro въ заимств. словахъ; переходъ an, in въ ana, ini въ заимств. словахъ.

Глава IV. Недифтонгическія сочетанія согласныхъ съ гласными . 183—187

§ 315: Палатализація и лабіовеляризація; изображеніе мягкости согласныхъ передъ гласными. § 316: Диссимиляціонный процессъ привелъ къ измѣненію e въ ö, ь въ лабіализ. ь, e въ ä, носового e въ a. § 317: Измѣненіе e въ ö, ь въ лабіализ. ь пред-

СТРАН.

полагаетъ одновременный ассимиляціонный процессъ. § 318: Переходъ ki въ ky и т. п. въ заимств. словахъ. § 319: Подобный же переходъ въ русскихъ словахъ съ суффиксомъ -in-; у вм. i въ ордынской, товарыщь. § 320: Переходъ i въ y послѣ согласной предлога; *прим.:* възыграся можетъ восходить и къ възыиграся.

Глава V. Количественныя и акцентныя отношенія .....187—192

§ 321: Сохраненіе вообще исконныхъ количественныхъ отношеній. § 322: Сохраненіе различія между восх. и нисх. удареніями. § 322[1]: Дифтонгизація o въ великор. говорахъ подъ восх. удареніемъ. § 323: Вѣроятность того, что такая дифтонгизація произошла до перехода краткаго ъ въ o. § 324: Старыя отношенія стали стираться еще до паденія глухихъ: гласныя подъ экспир. удареніемъ произносились съ полудолготой, а подъ нисх. удареніемъ кратко; *прим.:* связь дифтонгизаціи o съ установленнымъ Л. Л. Васильевымъ явленіемъ Обоянск. говора, по которому рядомъ съ пяро произносится пиром.

Глава VI. О нѣкоторыхъ звуковыхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ древнерусскомъ языкѣ .....192—195

§ 325: Перечень звуковыхъ законовъ, обнаруженныхъ предшествующимъ изслѣдованіемъ: гласныя. § 326: Продолженіе перечня: группы согласныхъ. § 327: Продолженіе перечня: дифтонгическія сочетанія. § 328: Продолженіе перечня: смягченіе и лабіализація согласныхъ. § 328[1]: Вліяніе гласной слѣдующаго слога на измѣненіе гласной предш. слога. § 329: Количественныя отношенія.

Глава VII. Дополнительныя замѣчанія относительно древнерусской графики.....195—200

§ 330: Передача на письмѣ гласныхъ звуковъ; *прим.:* объ удвоеніи буквъ въ сложеніяхъ съ предлогами. § 331: Буквы, связанныя съ представленіемъ о нѣсколькихъ звукахъ. § 332: Изображеніе мягкихъ согласныхъ. § 333: Буквы, означавшія всегда мягкіе согласные звуки. § 334: Буква ь, какъ знакъ мягкости; *прим.:* ссылка на написанія ьрь, ьръ. § 334[1]: Написанія ьꙗ, ью и т. д. въ древнерусскихъ памятникахъ. § 334[2]: Нѣкоторыя данныя относительно надстрочныхъ знаковъ.

ОТДѢЛЪ V. Паденіе глухихъ и другихъ полукраткихъ гласныхъ. 200—286

§ 335: Общія замѣчанія; планъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Глава I. Частичный переходъ ъ и ь въ o и e подъ вліяніемъ слѣдующаго слога.....200—202

§ 336: Случаи, какъ серебро, золоба, золодѣи, монога; *прим.:* иноязычное манасъ. § 337: Ассимиляція конечнаго ъ

СТРАН.

предлога гласной слѣд. слова; *прим. 1:* аналогичное явленіе въ старослав. языкѣ; слова вообще, сообща; *прим. 2:* появленіе уі вм. ъді, іі вм. ьді.

Глава II. Діалектическая замѣна неслоговыхъ ъ и ь краткими. 202—203

§ 338: Измѣненіе сочетаній гъ, гь, ѣъ, ѣь съ слоговыми r, l и неслоговыми ъ, ь въ сочетанія гъ, гь, ѣъ, ѣь. § 339: Сочетаніе согласная + v + ь полукр. измѣнилось въ сочетаніе согласная + v + ь краткое; діалектическій переходъ и полукраткаго послѣ согласной въ v̆ъ, v̆ь.

Діалектическая замѣна і и и полукраткихъ черезъ і и и краткія въ началѣ слова. § 339¹: Переходъ і полукр. въ началѣ слова въ і. § 339²: Переходъ и полукр. въ началѣ слова въ и.

Глава III. Доказательства въ пользу существованія ъ и ь въ древнерусскомъ языкѣ XI и XII вѣка. . . . . 203—216

§ 340: Случайныя и единичныя свидѣтельства. § 341: Показанія памятниковъ; старославянскіе оригиналы могли отражать паденіе глухихъ въ древнеболг. языкѣ. § 342: Методологическія соображенія, касающіяся разныхъ категорій отступленій отъ правильнаго употребленія глухихъ. § 343: На основаніи ряда памятниковъ XI—XII в. можно утверждать, что глухія до середины XII в. не пали; *прим.:* кажущіяся и случайныя исключенія. § 344: Искусственное церковное произношеніе ъ и ь могло быть источникомъ нѣкоторыхъ отступленій отъ правильнаго употребленія глухихъ. § 345: Пропускъ ъ и ь въ Галицк. ев. 1144 и Христин. ап. XII в.; *прим.:* сходное граф. явленіе въ старославянскихъ памятникахъ. § 346: Памятники русскаго происхожденія свидѣтельствуютъ о сохраненіи глухихъ въ XI—XII в. § 347: Оригинальные русскіе памятники XIII и нач. XIV в. § 348: Вторая часть Синод. списка Новгородской I-й лѣт. § 349: Графическія осложненія при опредѣленіи паденія полукраткаго і. § 350: Выдержанность написаній иа, ие, ию въ русскихъ памятникахъ XI—XII в.; *прим.:* написанія -шь во 2 л. ед., -ть въ инф., -ь вм. и во 2 л. пов. являются не раньше XIII в. § 351: Въ южнорусскихъ памятникахъ XI в. и первой пол. XII в. нѣтъ написаній ѣ вм. е передъ слогомъ съ ь, и это доказываетъ наличность глухихъ; *прим.:* діалектическое полукраткое и могло изображаться черезъ у (прауда).

Глава IV. Паденіе полукраткихъ гласныхъ. . . . . 217—229

§ 352: Паденіе глухихъ началось діалектически не раньше середины XII вѣка; послѣдовательность моментовъ паденія глухихъ, зависѣвшая отъ положенія въ словѣ. § 353. Опущеніе глухихъ въ начальномъ слогѣ слова по памятникамъ XII в. § 354: Возможная причина выпаденія глухихъ въ нач. слогѣ;

СТРАН.

прим.: въ старослав. памятникахъ выпадали глухія также сначала въ нач. слогѣ. § 355: Полукраткія глухія древнерусскаго языка и результаты ихъ паденія. § 356: Примѣры для выпаденія ъ и ь полукраткихъ въ нач. слогѣ. § 357: Примѣры для выпаденія ихъ въ серединѣ слова. § 358: Примѣры для отпаденія ихъ въ концѣ слова. § 359: Примѣры для отпаденія діалектическаго і полукраткаго въ началѣ слова; *прим.:* случаи отпаденія полукр. і въ великорусской области; малор. і въ началѣ слова. § 360: Примѣры для отпаденія і полукраткаго въ концѣ слова; *прим. 1:* сохраненіе конечнаго і въ діалектахъ вызвано аналогіей; *прим. 2:* случаи, какъ стукни, прыгни допускаютъ двоякое объясненіе для сохраненія і. § 361: Примѣры для выпаденія полукр. і послѣ согласной передъ і̯; *прим.:* ссылка на выпаденіе і̯ въ великор. завтря. § 362: Примѣры для паденія полукр. і послѣ гласной въ концѣ и серединѣ слова; *прим. 1:* въ великор. нарѣчіи находимъ і вм. і̯ подъ вліяніемъ случаевъ, гдѣ полукр. і перешло въ і; *прим. 2:* опущеніе і̯ въ малор., бѣлор. и великор. области; *прим. 3:* въ случаяхъ пју, бју полукр. і замѣняло долгое і подъ вл. аналогіи. § 363: Примѣры для выпаденія полукраткаго у послѣ согласной передъ і̯; сюда относятся между прочимъ случаи какъ вѣдале; *прим. 1:* возможно, что другою приблизительною передачей сочетанія ѣ́ было ло; *прим. 2:* въ случаѣ мју, умју полукр. у замѣняло долгое у подъ вл. аналогіи. § 364: Примѣры для выпаденія діалектическаго и полукраткаго въ началѣ словъ; *прим. 1:* слово завтра; *прим. 2:* нач. и полукраткое замѣнено черезъ и въ великорусскихъ говорахъ, замѣнившихъ полукр. и послѣ гласныхъ черезъ неслоговое и; *прим. 3:* нач. и въ малор. и бѣлор. сохранилось подъ вл. аналогіи; *прим. 4:* малор. и бѣлор. озьму непосредств. вмѣсто зьму. § 365: Примѣры для выпаденія полукраткаго ӥ въ положеніи за группой согласная + неслоговое и; *прим. 1:* переходъ указ. группы въ vi; *прим. 2:* слѣдствіемъ выпаденія полукр. ӥ было появленіе группы ev или ov; *прим. 3:* о формахъ вдова, внукъ въ малор. § 366: Паденіе глухихъ на югѣ произошло раньше, чѣмъ на сѣверѣ; примѣры изъ Добр. ев. 1164 г.; новгор. памятники XIII в.; памятники XIV в.

Глава V. Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми плавными . . . . . 229—243

§ 367: Устраненіе слоговой плавной, оставшейся послѣ выпаденія неслоговыхъ глухихъ ъ, ь, происходило двоякимъ путемъ. § 368: Устраненіе слоговыхъ плавныхъ въ нач. слова и концѣ его: онѣ перешли въ неслоговыя, повидимому, путемъ нефонетическимъ. § 369: Примѣры фонетическаго измѣненія слоговыхъ плавныхъ въ

СТРАН.

концѣ слова (сочетанія or, er, oł и др.); *прим.:* чередованіе or и er въ случаяхъ хоробор, вітор, вѣдор, узел, вёсел. § 370: Примѣры фон. изм. слоговыхъ плавныхъ въ серединѣ слова (сочетанія or, er, oĺ и др.); *прим. 1:* случаи замѣны слоговой плавной неслоговою и ея выпаденія; случаи перехода слоговыхъ плавныхъ въ ro, ło, ŕe и т. д. подъ вл. аналогіи; *прим. 2:* ол вм. ожидаемаго ел въ мітолки; *прим. 3:* перенесеніе ry, ły, ŕi, Ĺi (на мѣстѣ слоговыхъ r, l) въ положеніе передъ слогомъ съ полукр. глухой: р. мн. яблык (что вызывало яблыко). § 371: Въ началѣ слова вм. слоговыхъ плавныхъ являлись сочетанія ar, aĺ, or, oĺ, ir, iĺ; примѣры; *прим. 1:* назв. Гжатскъ; *прим. 2:* малор. иллють; *прим. 3:* назв. Азна при Лзна; *прим. 4:* начальныя ry, ły, Ĺi неяснаго происхожденія; начальныя ro, ło, Ĺe, обязанныя вліянію аналогіи. § 372: Діалектически сохранившіяся сочетанія rъ, łъ, ŕь, Ĺь съ слог. плавными и неслоговыми глухими послѣ согл. въ нач. слогѣ перешли послѣ выпаденія глухого въ ry, ły, ŕi, Ĺi; примѣры изъ малор. и бѣлор. области, также изъ южновеликор. говоровъ и изъ древнерусскаго; *прим. 1:* проникновеніе ry, ły и т. д. въ положеніе передъ слогомъ съ полукр. глухой (крышка); *прим. 2:* малор. ri при ri; *прим. 3:* малор. глибокий, великор. глыбко; стержень; гортань. § 373: Діалектическое (западномалорусское) измѣненіе слоговыхъ плавныхъ въ yr, ył, er. § 374: Замѣна слоговыхъ плавныхъ послѣ согласной неслоговыми при неясныхъ условіяхъ въ малор. и бѣлор. области; *прим. 1:* въ великор. области это неизвѣстно; кстить; Псковъ; трогать при тревога; *прим. 2:* антихъста въ памятникахъ; *прим. 3:* дърва—это искусств. передача написанія дръва оригинала.

Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми носовыми. § 375: Положеніе въ концѣ слова послѣ согласной (сочетанія en, em, on, om); *прим.:* слово псаломъ. § 376: Въ серединѣ слова фонетическій переходъ въ en, em, on, om; *прим.:* ńe, ḿe въ серединѣ слова объясняются вліяніемъ аналогіи. § 377: Въ началѣ слова передъ n находимъ m неслоговое вм. m слогового; но вообще—сочетанія om, am, im; примѣры; *прим. 1:* произношеніе мгла, мстить и т. д. по аналогіи; *прим. 2:* неясно мызда, Мистиславъ; мезда, мегла, моховой, и т. д.; *прим. 3:* великор. муравей; діалект. наров, индрав.

Глава VI. Переходъ краткихъ глухихъ въ гласныя полнаго образованія. . . . . 243—247

§ 378: Соотвѣтствіе гласныхъ полнаго образованія краткимъ глухимъ. § 379: Примѣры изъ памятниковъ; *прим.:* случаи съ ро, ло, ре, ле въ слогѣ передъ слогомъ съ полукр. гласной. § 380: Ударяемыя глухія въ началѣ слова; *прим.:* случаи съ ро,

СТРАН.

ло, ре, ле въ нач. слогѣ подъ удареніемъ. § 381: Сочетанія ъг, ъІ, ьг и т. д. перешли въ ог, оІ, ег; *прим.:* скербь вм. скьрбь. § 382: Діалектическія гъ, Іъ, гь и т. д. послѣ согл. въ нач. слогѣ перешли въ го, Іо, ге; *прим.:* малор. и бѣлор. го, Іо, ге объясняются вліяніемъ аналогіи. § 383: Діалектическія v́ь перешли въ v́е; *прим.:* малор. и бѣлор. представляютъ vi; v́е—подъ вліяніемъ аналогіи.

Судьба глухихъ въ группахъ слоговъ, содержавшихъ глухія. § 384: Примѣры для словъ типа жьрьць, ръпътъ; слова перецъ, бревно, почва, Мещовскъ, Мценскъ.

Глава VII. Нарушеніе старыхъ отношеній подъ вліяніемъ аналогіи . . . . . 248—266

§ 385: Общія замѣчанія.

Опущеніе о, е, ӧ изъ ъ, ь, ь лабіал. подъ вліяніемъ аналогіи. § 386: Имена городовъ на -еск; формы р. мн. ж. р.; взметь; *прим.:* нѣкоторыя искусств. книжныя формы.

Появленіе о, е, ӧ на мѣстѣ выпавшей полукраткой гласной. § 387: Общія замѣчанія. § 388: Сложныя группы согласныхъ содѣйствовали возстановленію гласной; другія причины, вліявшія на возстановленіе гласной. § 389: Новообразованія въ им. подъ вл. косв. падежей; новообразованія въ косв. подъ вл. им. падежа; возможность дальнѣйшихъ новообразованій (типа Смоленеску); словъ ж. р. со вставной гласной. § 390: Обосложненная кор. часть слова переходитъ въ производныя. § 391: Суффиксъ -ьск послѣ шипящихъ переходитъ въ -еск; въ стар. языкѣ то же и послѣ другихъ согласныхъ; суффиксъ -ьство послѣ шипящихъ переходитъ въ -ество; въ древнемъ языкѣ и послѣ другихъ согласныхъ; *прим.:* неясно о въ ликоствовати, нагоствовати. § 392: Вставка о въ приставкахъ. § 393: Предлоги со, во, ко внѣ сложеній; *прим. 1:* во, со въ нѣк. случаяхъ заимствуются изъ церк. языка; *прим. 2:* ссылка на аналогичное появленіе сы, вы, кы. § 394: Сохраненіе о, е во многихъ случаяхъ зависѣло отъ церк. произношенія. § 395: Большинство сложныхъ съ во, воз, со заимствованы изъ книжнаго языка; *прим.:* фонетически въз- переходило въ вз-. § 396: Конечныя ъ и ь не переходили въ о и е; односложныя слова; все вмѣсто вьсь. § 397: есте вм. есть; имена на -о; имена на -е; отечественныя на -е; неясные случаи.

Опущеніе исконныхъ о, е подъ вліяніемъ аналогіи. § 398: Случаи какъ льда, камня, потолка; игумна, архангла; шти вм. шести.

Чередованіе уі, іі съ гі, ьі и переходъ гі, ьі въ оі, еі. § 399: Случаи, гдѣ общер. праязыкъ имѣлъ ъі, ьі. § 400: tьі, sьі вмѣсто tуі, sіі; *прим.:* ссылка на сербск. тај. § 401: ьі въ

СТРАН.

им. м. р., какъ solovьi; *прим.:* ссылка на сербск. Јураj; -еи въ Евген. псалт. XI в. § 402: ьi въ окончаніи р. мн. м. и ж. рода.

Примѣры для чередованія je (изъ jь) и i. § 403. Причина чередованія въ случаяхъ, какъ заём и заим. § 404: Примѣры подобнаго чередованія; *прим. 1:* примѣры для i изъ i̯i (избу, яиц); *прим. 2:* вытѣсненіе i черезъ je въ случаяхъ, какъ Троецкой; емати вм. имати; егрецъ, ездебка и т. п.

Судьба ī, ȳ *передъ j.* § 405: Случаи, какъ бию, течия, чия, пияный; отсюда въ великор. ей, напр. печея, гнеётъ; *прим. 1:* случаи, какъ великор. піявка, пріятель, сіять, грубіянъ, забіяка, ріясь; *прим. 2:* ей въ заимств. словахъ: еюнь, кюпреянъ и т. п.; южнорусск. деяци съ искусств. е; неясное завтрее, завтря; *прим. 3:* верея, веретея, колея.

Чередованіе ī *и i, ь полукраткихъ передъ j.* § 406: Исконное ьj и исконное ij; примѣры; *прим. 1:* русск. гостея при гостья ср. со словенск. gostija при gostja; *прим. 2:* шею, шея имѣютъ удареніе перенесенное; *прим. 3:* Дрюцкъ и Дреютескъ.

Появленіе сочетанія ji вм. i̯i подъ вліяніемъ аналогіи. § 407: Три категоріи случаевъ (р. мн. волостьи, им. ед. Юрьи, уменьш. платьице).

Появленіе предлоговъ sy, vy, ky. § 408: Происхожденіе сы, вы, кы; примѣры; *прим. 1:* неясные случаи; *прим. 2:* выз вм. вз; ср. ив, ис, ик вм. в, с, к; ссылка на да ста вм. до ста.

Нефонетическая замѣна е изъ ь черезъ о и обратно. § 409: Случаи какъ Шидловоскыи, Витобескъ; Помостье; чимось; попряникъ; солночный; непонятное изетялъ; певно; кревный.

Редукція и утрата о и е въ слабоударяемыхъ словахъ. § 410: так, сѣм, проч; занже; для; дсять.

Глава VIII. Графическія явленія въ памятникахъ, вызванныя паденіемъ глухихъ . . . . . 267—270

§ 411: Сохраненіе буквъ ъ и ь; ь для — обозначенія мягкости согласной; *прим.:* опущеніе ъ и ь въ концѣ слова. § 412: Буквы ъ и ь въ значеніи слогоотдѣлителей. § 413: Двѣ функціи буквъ ъ и ь; *прим.:* обозначеніе ľ черезъ ль не было обязательно въ древности. § 414. Написанія какъ кото, конеца и т. п., гдѣ о, е графически на мѣстѣ ъ, ь; обратная замѣна о, е черезъ ъ, ь. § 415: Смѣшеніе буквъ ъ, ь съ о, е въ позднѣйшихъ памятникахъ, вызванное паденіемъ глухихъ. § 415[1]: Неясно, почему i̯ изображается иногда черезъ ѥ; графическое опущеніе i̯; изображеніе звука u̯.

СТРАН.
Глава IX. Звуковыя послѣдствія паденія глухихъ . . . . . 270—286
§ 416: Общія замѣчанія.
Удлиненіе гласныхъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную. § 417: Паденіе полукраткихъ удлиняло предшествующій слогъ на полморы. § 418: Переносъ ударенія на гласную, удлинившуюся вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ глухого. § 419: Переходъ уі, іі въ оі̯, еі̯ въ великорусскомъ былъ результатомъ усиленія или удлиненія звуковъ у, і. § 420: Дифтонгизація о, е, ö въ южнорусскомъ; *прим.:* ссылка на то, что о, е во второй части полногласныхъ сочетаній не дифтонгизировались.
Удлиненіе плавныхъ въ сочетаніяхъ гг, лг, гл передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную. (Второе полногласіе). § 421: Полудолгія плавныя діалектически развивали полногласіе. § 422: Ограниченіе предѣловъ распространенія второго полногласія. § 423: Второе полногласіе развивалось послѣ паденія глухихъ и вслѣдствіе этого паденія; удареніе полногласныхъ сочетаній. § 424: Примѣры изъ древнерусскаго, сѣверноруссскаго, великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго языка. § 425: Перенесеніе полногласныхъ сочетаній передъ слогъ съ гласною полнаго образованія: вліяніе имен. п.; уменьшительныя; вліяніе косв. на имен. п.; другіе случаи. § 426: Неясные случаи. § 427: ол, ор, ер вмѣсто оло, оро, ере; *прим. 1:* золовка, придолоб, надолоб, толонуть, ослоп; *прим. 2:* малор. и бѣлор. ове, оре вм. оло, оро.
Измѣненіе гласной передняго ряда, вызванное вліяніемъ предшествующей твердой согласной. § 428: і послѣ согласной предлога переходило въ у; *прим. 1:* случаи какъ ув ыгната; *прим. 2:* случаи, какъ отимаеть, обязаны книжному вліянію. § 429: Звукъ е переходилъ послѣ согласной предлога въ е средняго ряда; сюда же случаи, какъ купилэ. § 430: Звукъ ѣ (іе) послѣ утраты передъ нимъ полукраткаго у перешелъ въ уе̇; бѣлор. э въ валэ.
Появленіе новыхъ сочетаній гласныхъ съ согласными и согласныхъ между собой. § 431: Отпаденіе конечныхъ согласныхъ; діалектическая утрата звонкости согласной; отвердѣніе мягкихъ согласныхъ. § 432: Упрощеніе группъ согласныхъ въ концѣ слова. § 433: Новыя сочетанія согласныхъ въ началѣ словъ. § 434: Ассимиляціонные процессы. § 435: Новыя сочетанія въ серединѣ слова. § 436: Ассимиляціонные процессы. § 436[1]: Смягченіе согласной, утратившей за собой ъ, передъ мягкой согласной. § 436[2]: Отвердѣніе согласной передъ твердой зубной; случаи сохраненія мягкости согласной въ древнерусскомъ. § 437: Сочетанію согласная + j̯ въ великорусскомъ противополагается сочетаніе согласная + j въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ.

СТРАН.

ОТДѢЛЪ VI. **Древнерусскія нарѣчія** . . . . . **287—354**

§ 438: Общія замѣчанія; древнѣйшія діалектическія отличія; старшія нарѣчія.

Глава I. Древнѣйшія діалектическія явленія . . . . . 288—297

§ 439: Общія замѣчанія.

Чередованіе v, w и u̯. § 440: Три типа говоровъ; въ первомъ типѣ u̯ замѣнено черезъ v, а на мѣстѣ u полукраткаго явились vъ, vь; во второмъ u̯ замѣнено черезъ v, а на мѣстѣ u полукраткаго явилось u̯; примѣры для говоровъ второго типа; *прим. 1:* начальное u полукр. замѣнено въ великор. гов. черезъ u; *прим. 2:* вм. предлога vo явилось uvo; *прим. 3:* вм. u передъ гласной явилось uv. § 441: Свидѣтельство великор. памятниковъ относительно говоровъ второго типа; смѣщеніе оу и въ; *прим. 1:* появленіе оу вм. во; *прим. 2:* ув вм. вв. § 442: Относящіеся сюда памятники южнорусскіе и западнорусскіе; *прим.:* въ нѣкоторыхъ южнор. памятникахъ отсутствуетъ смѣшеніе оу и въ. § 443: Говоры третьяго типа сохранили u̯ передъ гласными. § 444: Выпаденіе v (u̯) между гласными; пропускъ v передъ гласной u. § 445: Замѣна u̯ черезъ w.

Чередованіе g, γ, h. § 446: Общія замѣчанія. § 447: Двѣ группы сѣвернорусскихъ говоровъ, не измѣнившихъ h въ v: въ первой h и g различаются; во второй h перешло въ g; *прим.:* примѣры съ во вмѣсто го восходятъ къ XIV в. § 448: Примѣры для говоровъ, измѣнившихъ h въ g. § 449: Южновеликор., бѣлор. и малор. измѣненіе g въ γ; *прим. 1:* g въ латинскихъ грамотахъ, писанныхъ въ Галиціи; *прим. 2:* опущеніе γ въ южновелик. и галицкихъ говорахъ.

Чередованіе ǯ и ž, ʒ и *z*. § 450: Въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранялось ǯ, которое вообще перешло въ ž. § 451: Въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранялось ʒ въ началѣ слова.

Глава II. Явленія южнорусскія . . . . . 297—317

§ 452: Древнѣйшія отличія южнорусскихъ говоровъ; южнорусскія явленія хронологически противоставляются малорусскимъ. § 453: Два древнѣйшія южнорусскія явленія.

Дифтонгизація о, е, о средняго ряда, ö. § 454: Вопросъ о бѣлорусскихъ дифтонгахъ. § 455: Хронологія явленія; дифтонгизація засвидѣтельствована южнорусскими памятниками XII в. § 456: Кажущіяся исключенія изъ общаго закона о дифтонгизаціи е. § 457: Дифтонгизація передъ твердою согласной; замѣна ê черезъ ö и о средняго ряда напряженныя; *прим.:* слово мед. § 458: ѣ въ церк. словахъ въ результатѣ дифтонгизаціи звука е; *прим.:* ѣ можетъ имѣть другое объясненіе; вѣроятность отнести сюда нѣкоторые случаи. § 459: Дифтонгизація ê неизвѣстна послѣ i̯. § 460: Примѣры изъ

СТРАН.

совр. языка для дифтонга ie и его замѣстителей. § 461: Дифтонгизація o, o средняго ряда и ö. § 462: Примѣры для дифтонга uo и его замѣстителей; *прим.:* укр. кімната, Вівдя. § 463: Примѣры для uo (съ u и o средняго ряда) и üö и ихъ замѣстителей; *прим.:* малор. матюр. § 464: замѣна дифтонговъ звуками o и e и обратная замѣна, вызванная вліяніемъ аналогіи; *прим. 1:* дифтонгъ uo вм. o въ исконно закрытыхъ слогахъ подъ вліяніемъ аналогіи; *прим. 2:* дифтонгъ въ словѣ много; *прим. 3:* отрицаніе нѣ передъ гласной o и передъ согласными.

Измѣненіе i̯ въ j послѣ согласной. § 465: Переходъ bratia (изъ bratiia) въ bratja. § 466: Ассимиляція j предшествующей согласной; примѣры изъ малор. и бѣлор.; *прим.:* діалектическія и единичныя явленія, сюда относящіяся.

Переходъ ł *въ* u̯ *въ концѣ слога.* § 467: Условія, ограничивающія такой переходъ. § 468: Переходъ этотъ, судя по памятникамъ, явился въ XV в.; причастія на -въ. § 469: Примѣры изъ совр. языка, малор. и бѣлор.; *прим. 1:* u̯ вм. ł въ словахъ на -ъk; *прим. 2:* перенесеніе u̯ (откуда v) передъ гласную.

Придыхательный приступъ передъ начальными гласными. § 470: Общія замѣчанія. § 471: Придых. приступъ къ начальнымъ a, o, u; примѣры изъ малор. и бѣлор. § 472: Придых. приступъ къ начальному i.

Переходъ сочетаній ky, gy, xy *въ* ki, gi, xi. § 473: Объ этомъ переходѣ свидѣтельствуютъ всѣ малорусскіе говоры, включая и угорусскіе. § 474: Физіологическая причина перехода. § 475: Южнорусскіе и бѣлорусскіе памятники; *прим.:* написанія кы, гы, хы въ поздн. южнорусскихъ памятникахъ.

Явленія, свойственныя сѣвернымъ говорамъ южнорусскаго нарѣчія. § 476: Ляшскія особенности этихъ говоровъ. § 477: Бѣлорусское цеканье и дзеканье. § 478: Шепелявое произношеніе мягкихъ s и z; смѣшеніе š, ž и s, z. § 479: Бѣлорусское отвердѣніе r мягкаго.

Глава III. Явленія сѣверноруссскія . . . . . 317—330

§ 480: Сѣверноруссская эпоха противопоставляется сѣверновеликорусской; дѣленіе сѣверноруссскаго нарѣчія на восточную и западную вѣтви. § 481: Исконныя явленія, отличавшія сѣверное нарѣчіе отъ восточнаго и южнаго.

Смѣшеніе ч и ц. § 482: Вліяніе ляшскихъ мазуракающихъ говоровъ было причиной этого смѣшенія; *прим.:* дополнительныя замѣчанія въ пользу того, что смѣшеніе ч и ц черта заимствованная. § 483: Смѣшеніе ч и ц проводится уже въ древнѣйшихъ сѣверноруссскихъ памятникахъ. § 484: Оно извѣстно не только въ Новгородѣ, но также на Сѣверной Двинѣ и въ Суздальской области;

СТРАН.

прим.: указаніе на то же явленіе на сѣверозападѣ. § 485: Современные говоры.

Діалектическое отвердѣніе конечнаго t *въ 3 л.* § 486: Древность этого явленія; примѣры изъ XIII в. § 487: Причина отвердѣнія; *прим. 1:* въ нѣк. памятникахъ -тъ обязано вліянію церковнослав.; t́ отвердѣло и въ нѣк. малор. говорахъ; *прим. 2:* возможно, что вытѣсненію t́ черезъ t содѣйствовала связь съ формой указ. мѣстоименія тъ.

Діалектическое измѣненіе сочетаній šč *и* žž. § 488: Переходъ въ этихъ сочетаніяхъ č и ž въ c и z мягкія шепелявыя; отсюда позже šx́ и žj. § 489: Сочетаніе žj передавалось на письмѣ черезъ жг. § 490: Примѣры для жг изъ памятниковъ; *прим.:* жг на мѣстѣ церковнослав. жд въ заимств. словахъ. § 491: Примѣры для ж и ш, обозначающихъ žj и šx́; *прим.:* объясненіе замѣны шт черезъ ш графическою причиной.

Діалектическое измѣненіе ѣ *въ* і. § 492: Сѣверноруссное ѣ исконно отличалось отъ восточноруссkаго; различная судьба сѣверноруссkаго ѣ въ говорахъ. § 493: Примѣры для говоровъ съ і передъ мягкой согласной и съ ѣ въ концѣ слова и передъ твердой согласной. § 494: Замѣна ѣ черезъ и въ древнихъ сѣверноруссkихъ памятникахъ; *прим.:* замѣна и черезъ ѣ на письмѣ доказываетъ произношеніе ѣ какъ и. § 495: Памятники, свидѣтельствующіе о раннемъ совпаденіи ѣ съ е; *прим. 1:* е вмѣсто ѣ въ нѣкоторыхъ памятникахъ можетъ быть обязано и церковнослав. вліянію и графическимъ причинамъ; *прим. 2:* въ рядѣ сѣверноруссkихъ памятниковъ ѣ употребляется правильно; *прим. 3:* о произношеніи ѣ въ началѣ слога.

Явленія, свойственныя западнымъ и южнымъ говорамъ сѣверноруссkаго нарѣчія. § 496: Причина лингвистическаго обособленія Кривичей отъ Словѣнъ. § 497: Общія явленія для западныхъ и восточныхъ говоровъ. § 498: Шепелявыя мягкія s и z; смѣшеніе с, з и ш, ж въ псковскихъ памятникахъ; смѣшеніе с, з и ш, ж въ совр. псковскихъ говорахъ. § 499: Отвердѣніе г. § 500: Цеканье и дзеканье. § 501: Сочетанія gl, kl изъ dl, tl. § 502: Однородныя явленія въ юговосточныхъ говорахъ сѣверноруссkой области.

Глава IV. Явленія восточноруссkія . . . . . 330—349

§ 503: Восточноруссkіе говоры легли въ основаніе и южновеликоруссkаго и бѣлоруссkаго нарѣчія.

Редукція неударяемыхъ гласныхъ а, о, е. § 504: Редукція гласныхъ въ общеслав. праязыкѣ; редукція въ восточноруссkомъ нарѣчіи поразила сначала неударяемыя а, о, е при всѣхъ положеніяхъ; *прим.:* ссылка на позднѣйшую замѣну редуцированныхъ

СТРАН.

гласныхъ полными въ предударномъ положеніи. § 505: Редукція поразила въ восточнорусскомъ только краткія гласныя, не распространяясь на долгія; отсюда слѣдуетъ, что ā сократилось. § 506: Въ результатѣ редукціи удлинялась гласная ударяемаго слога, если она была закрытою (напряженнию); послѣдующее сокращеніе удлинившейся гласной вызывало переходъ редуцированной предударной гласной въ гласную полнаго образованія (а и ė, е). § 507: Природа ударяемыхъ гласныхъ въ отношеніи къ ихъ напряженности и ненапряженности. § 508: Два звука о; звукъ ѣ. § 509: Данныя изъ совр. южновеликорусскаго и бѣлорусскаго, подтверждающія выставленныя выше положенія. § 510: Позднѣйшія системы «аканья» въ южновеликор. и бѣлор. говорахъ. § 511: Еще рядъ доводовъ въ пользу предложенной выше гипотезы. § 512: Редукція а, о, е въ концѣ слова и діалектическая замѣна редуцированныхъ гласныхъ гласными полнаго образованія. § 513: Редукція начальной гласной; редукція гласной въ конечномъ закрытомъ слогѣ. § 514: Сильное аканье бѣлорусскихъ говорахъ и возстановленіе въ нихъ этимологическихъ гласныхъ въ заударныхъ слогахъ. § 515: Нефонетическая замѣна ε черезъ α въ грамматическихъ окончаніяхъ.

Судьба звука ѣ. § 516: Различная судьба ѣ въ зависимости отъ ударяемаго и неударяемаго положенія. § 517: Совпаденіе е и ѣ подъ удареніемъ.

Переходъ е въ ê подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной. § 517: Произношеніе е какъ ê передъ мягкой согласной въ южновеликорусскомъ и малорусскомъ; *прим.:* ссылка на смѣшеніе е и ѣ вѣ нѣкоторыхъ западнорусскихъ памятникахъ.

Переходъ αi̯ въ ėi̯ подъ удареніемъ. § 519: Случаи какъ тэй, аднэй; *прим.:* южновеликорусское тэк.

Отвердѣніе ć. § 520: Возможность отнесенія этого явленія къ восточнорусской эпохѣ.

Явленіе, свойственныя сѣвернымъ говорамъ восточнорусскаго нарѣчія. § 521: Наличность ляшскихъ чертъ въ сѣверныхъ говорахъ южновеликор. нарѣчія. § 522. Цеканье, дзеканье въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Московской и Рязанской губерніи. § 523: Шепелявость свистящихъ въ тѣхъ же и сосѣднихъ говорахъ § 524: Отвердѣніе č.

Глава V. О древнѣйшихъ явленіяхъ, общихъ сѣвернорусскому и великорусскому нарѣчіямъ. . . . . 349—354

§ 525: Переходъ yi, ii въ oi̯, ei̯; *прим.:* ссылка на предложенное выше объясненіе этого перехода. § 526: Примѣры изъ древняго и совр. языка; *прим. 1:* переходъ yi̯, въ oi̯ произошелъ раньше великор. измѣненія ky, gy, xy въ ḱi, ǵi, x́i; *прим. 2:* совр. строгый, дикый восходятъ къ строгой, дикой; *прим. 3:*

СТРАН.

написанія -кии, -гии, -хии въ памятникахъ; *прим. 4:* малор. и бѣлор. той, сей, -ей въ род. мн. § 527: Сохраненіе ѐ̨ въ нѣкоторыхъ говорахъ восточнорусскихъ (отсюда бѣлор. и сѣвернор. -эй); *прим. 1:* -еи вм. -ыи въ памятникахъ; *прим. 2:* чередованіе -эй и -ый въ бѣлор. говорахъ вызывало вытѣсненіе ы черезъ э въ грамм. окончаніяхъ; чередованіе -эй и -ой въ великор. вызывало вытѣсненіе о черезъ э въ грамм. окончаніяхъ; *прим. 3:* ссылка на особое происхожденіе -эй въ тэй, аднэй. § 528: Южновеликорусское діалектическое ӧ̨ вм. о̨.

ВАЖНѢЙШІЕ ТРУДЫ ПО ИЗУЧЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА.....355—361

ТРАНСКРИПЦІЯ.....362—363

УКАЗАТЕЛЬ.....364—367

ВАЖНОЕ ДОПОЛНЕНІЕ..... 368

ОПЕЧАТКИ..... 369

Предисловіе.

Въ составъ Энциклопедіи славянской филологіи предположено включить «Очеркъ исторіи русскаго языка». Предлагаемый трудъ выполняетъ лишь часть намѣченной программы; онъ содержитъ очеркъ исторіи звуковъ русскаго языка и при томъ только древнѣйшаго періода его жизни, предшествовавшаго обособленію трехъ главныхъ русскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ продолженіями настоящаго изслѣдованія будутъ очерки звуковъ нарѣчій великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго. Осуществленіе же всей программы потребуетъ еще составленія историческихъ очерковъ морфологіи и синтаксиса русскаго языка.

Предпославъ своему краткому очерку древнѣйшаго періода исторіи звуковъ русскаго языка Введеніе, гдѣ изложены нѣкоторыя данныя, касающіяся образованія русскихъ племенъ и русскихъ нарѣчій, я самый очеркъ расположилъ въ слѣдующихъ шести отдѣлахъ. I отдѣлъ разсматриваетъ звуковой составъ общеславянскаго праязыка, изученіе котораго служитъ необходимымъ преддверіемъ въ исторію русскаго языка. Во II отдѣлѣ изложены звуковыя явленія, имѣвшія мѣсто въ эпоху общей жизни южнаго и восточнаго славянства, по отдѣленіи отъ него западной вѣтви общеславянской языковой семьи. III отдѣлъ перечисляетъ явленія, возникшія въ эпоху совмѣстной жизни всѣхъ русскихъ племенъ, слѣдовательно, въ эпоху общерусскую. IV отдѣлъ предлагаетъ итоги предшествующаго изслѣдованія, изображая звуковой составъ древнерусскаго языка. Въ V отдѣлѣ изслѣдуется паденіе полукраткихъ звуковъ, происшедшее не ранѣе двѣнадцатаго вѣка, слѣдовательно, уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка. VI отдѣлъ излагаетъ древнѣйшія діалектическія явленія русскаго языка и опредѣляетъ главнѣйшія звуковыя отличія всѣхъ трехъ древнерусскихъ нарѣчій.

Мнѣ приходится сожалѣть о томъ, что я не сумѣлъ включить въ свое изслѣдованіе, законченное въ рукописи еще лѣтомъ 1913 года, всего матеріала, имѣющагося въ моемъ распоряженіи; далѣе виню себя за то, что не успѣлъ воспользоваться въ должной степени выводами и указаніями предшествующихъ изслѣдователей; мнѣ приходится сожалѣть и о многихъ другихъ упущеніяхъ и ошибкахъ. Тѣмъ не менѣе рѣшаюсь посвятить этотъ трудъ своимъ покойнымъ учителямъ Ф. Ѳ. Фортунатову († 20 сентября 1914 г.) и Ѳ. Е. Коршу († 16 февраля 1915 г.) и украсить ихъ славными именами начальную страницу изданія.

Печалюсь о томъ, что, по обстоятельствамъ военнаго времени, мой учитель, академикъ И. В. Ягичъ могъ проредактировать только первые семь листовъ настоящаго выпуска основанной имъ Энциклопедіи славянской филологіи.

22 марта 1915 г.

Введеніе.

Въ предлагаемомъ трудѣ изложены главнѣйшія звуковыя явленія въ жизни общерусскаго праязыка и выдѣлившихся изъ него непосредственно нарѣчій. *Общерусскимъ* праязыкомъ называемъ то славянское нарѣчіе, которое, обособившись отъ другихъ славянскихъ языковъ, заняло восточные предѣлы славянскаго міра; этотъ праязыкъ можетъ быть возстановленъ путемъ сравнительнаго изученія современныхъ русскихъ языковъ — великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго въ ихъ исторіи. Слѣдовательно, общерусскій праязыкъ—это тотъ языкъ, которымъ говорили предки Великорусовъ, Бѣлорусовъ и Малорусовъ въ то время, когда они, въ соотвѣтствіи съ тѣсной областью своихъ первоначальныхъ поселеній, составляли одно этнографическое цѣлое. Терминомъ общерусскій *праязыкъ* означаемъ, во-первыхъ, то, что этотъ языкъ не дошелъ до насъ въ историческихъ памятникахъ, во-вторыхъ то, что онъ родоначальникъ всѣхъ русскихъ языковъ со всѣми ихъ нарѣчіями и говорами. Такимъ образомъ не отождествляемъ общерусскаго праязыка съ древнерусскимъ языкомъ, дошедшимъ до насъ въ скудныхъ данныхъ въ церковнославянскихъ и нѣкоторыхъ русскихъ по происхожденію, но церковнославянскихъ по языку памятникахъ домонгольскаго періода (XI—XIII в.). Въ этихъ памятникахъ содержатся свидѣтельства о томъ, что въ историческую эпоху своего существованія русскій языкъ уже не былъ единымъ, а распался на нѣсколько діалектическихъ группъ: изслѣдователь отличаетъ памятники, писанные въ XI вѣкѣ на новгородскомъ сѣверѣ, отъ памятниковъ южныхъ. Слѣдовательно, свидѣтельства памятниковъ служатъ доказательствомъ того, что общерусскій періодъ окончился до появленія на Руси письменности, т. е. до XI в. Но къ тому же самому приводятъ и другія соображенія.

По лѣтописнымъ даннымъ XI и начала XII в. мы можемъ составить себѣ представленіе о площади, занятой русскимъ племенемъ въ IX—X в.: площадь эта включала въ себѣ пространство отъ береговъ Чернаго моря,

гдѣ жили русскіе Угличи и Тиверцы, до Ильменскаго озера: здѣсь сидѣли новгородскіе Словѣне; западная граница русскихъ поселеній едва ли не проходила за Днѣстровскимъ бассейномъ, а о томъ, какъ далеко ушла восточная ихъ граница, можно судить по тому, что Донъ назывался мусульманскими писателями средневѣковья Славянскою рѣкой и что южная часть бассейна Оки уже въ XI вѣкѣ заключала въ себѣ значительное русское населеніе. Невѣроятно допустить, чтобы на такомъ обширномъ пространствѣ языкъ могъ сохранить свое единство. Даже въ тѣсныхъ границахъ волости и прихода языкъ вообще не представляетъ полнаго единства; такія мѣстныя и индивидуальныя различія не нарушаютъ еще, однако, представленія объ единомъ языкѣ; они не нарушаютъ единства языковой жизни, проявляющагося въ общихъ переживаніяхъ и общихъ измѣненіяхъ въ этомъ языкѣ. Но разселеніе на обширной территоріи, въ особенности при отсутствіи возможности тѣснаго общенія, создаваемой сложными культурными условіями, ведетъ неминуемо къ разрушенію единства въ языковой жизни раздробившагося племени и создаетъ нѣсколько новыхъ жизней на мѣстѣ прежней, отошедшей въ исторію. Вотъ почему вопросъ о томъ, можно ли признавать русскій языкъ въ IX—X в. единымъ, живущимъ одною общею жизнью, находитъ себѣ рѣзкій отрицательный отвѣтъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ IX—X в. русскія племена разошлись далеко другъ отъ друга: единство между Древлянами и Словѣнами, Угличами и Вятичами существовало уже только въ прошедшемъ; потребовались неимовѣрныя усилія и труды не одного поколѣнія прежде, чѣмъ создались такія условія, которыя объединили опять всѣ эти племена въ одной общей государственной и культурной жизни. Но эти новыя объединяющія условія, имѣя противъ себя, во-первыхъ, различія, создавшіяся въ прошломъ, во-вторыхъ, мѣстную обособленность, питаемую разнообраными факторами, уже не могли привести этнографическую, въ частности языковую жизнь русскаго племени къ сколько-нибудь полному единству. Тѣмъ не менѣе значеніе объединительныхъ, центростремительныхъ движеній въ жизни русскаго народа и его языка весьма велико. Историку языка необходимо считаться съ ними такъ же, какъ историку культуры и государства. Было бы сильной ошибкой преувеличивать результаты центробѣжныхъ движеній русскихъ племенъ, ибо съ самыхъ первыхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа, мы видимъ имъ противовѣсъ въ стремленіяхъ объединиться: стремленія эти находили себѣ выраженіе въ созданіи общаго государства, подчиненіи общимъ культурнымъ центрамъ и поддерживались инстинктивными передвиженіями народныхъ массъ, временами вынуждавшихся сокращать площадь разселенія, для того чтобы сплотиться въ

болѣе тѣсное и крѣпкое цѣлое. Въ области государственной и въ культурной жизни это приводило къ созданію политическихъ организацій, не соотвѣтствовавшихъ раздробленности объединявшихся при этомъ племенъ, въ области этнографической и лингвистической — къ созданію новыхъ народностей и нарѣчій, совмѣщавшихъ черты, нѣкогда раздробленныя и обособленныя.

Историку языка приходится такимъ образомъ считаться не только съ центробѣжными, но и съ центростремительными явленіями. Изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ онъ убѣждается въ томъ, что единство языка, періодъ общерусскій, должно отнести далеко за предѣлы исторической эпохи, ибо въ этихъ памятникахъ содержатся уже всѣ тѣ звуковыя черты, которыя опредѣляютъ обособленность русскаго языка въ составѣ славянской семьи языковъ, объединяя вмѣстѣ съ тѣмъ въ прошломъ весь современный составъ этого языка въ его нарѣчіяхъ, поднарѣчіяхъ, говорахъ: до начала своей исторической, засвидѣтельствованной памятниками жизни русскій языкъ успѣлъ утратить носовые звуки, развить полногласіе, смягчить согласныя передъ гласными передняго ряда, измѣнить первоначальныя tj и dj въ звуки *ч* и *ж*, и т. д. Въ области звуковъ нельзя назвать ни одного такого явленія, общаго всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ, поднарѣчіямъ, говорамъ, которое не восходило бы къ эпохѣ доисторической. Исключеніемъ является паденіе глухихъ *ъ* и *ь* и замѣна ихъ въ извѣстномъ положеніи черезъ *о* и *е*. Памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что глухіе существовали еще въ XII в., а между тѣмъ процессы, связанные съ исчезновеніемъ глухихъ, оказываются общими для русскаго языка во всемъ его составѣ. Но это не можетъ служить доказательствомъ единства русскаго языка въ XII в., когда происходило исчезновеніе глухихъ, ибо, во-первыхъ, эти процессы были подготовлены въ предшествующій періодъ общей жизни русскаго языка (а частью еще въ періодъ общеславянскій, ср. сходство тѣхъ же процессовъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ); во-вторыхъ, имѣются явныя указанія на существенныя различія въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ сопутствовавшимъ паденію глухихъ или предшествовавшимъ ему явленіямъ. Такъ великорусское нарѣчіе, въ противоположность малорусскому, не представляетъ дифтонгизаціи *о* и *е* въ слогахъ, предшествовавшихъ выпавшимъ *ъ* и *ь*, малорусское и бѣлорусское нарѣчія измѣнили слоговыя *р* и *л* (за которыми исчезли *ъ* и *ь* неслоговыя) иначе, чѣмъ великорусское нарѣчіе. И тѣмъ не менѣе уже самое хронологическое совпаденіе паденія глухихъ въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ предѣлахъ одного столѣтія (XII—XIII в.) указываетъ на существованіе общей всѣмъ имъ

языковой жизни. Общая жизнь свидѣтельствуется также цѣлымъ рядомъ явленій морфологическихъ въ склоненіи и спряженіи: нѣтъ никакихъ основаній отнести, напримѣръ, распространеніе женскихъ окончаній -ам, -ами, -ах въ склоненіе именъ мужескаго и средняго рода къ эпохѣ доисторической, а между тѣмъ оно обще для всѣхъ русскихъ нарѣчій. Очевидно, и это явленіе, и многія другія явленія морфологическія, такъ же какъ паденіе глухихъ, восходятъ къ эпохѣ промежуточной между эпохой общерусскаго языкового единства и эпохой полнаго раздробленія русскаго языка, когда изъ него выдѣлились дожившія до нынѣшняго времени обособленныя нарѣчія—современные намъ русскіе языки: великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій. Эту промежуточную эпоху я совершенно условно называю въ предлагаемомъ трудѣ древнерусскою. Она отличается отъ предшествующей, общерусской эпохи тѣмъ, что на мѣсто единаго языка вводитъ нѣсколько раздробившихся нарѣчій; но отъ послѣдующей эпохи она отдѣляется тѣмъ, что эти нарѣчія объединены еще общими языковыми процессами, позже уже неизвѣстными. Исторія русскаго языка въ эту послѣдующую эпоху переходитъ въ исторію трехъ современныхъ намъ русскихъ нарѣчій, между тѣмъ какъ раньше она имѣетъ дѣло или съ общими для всего русскаго языка процессами или съ развивавшимися параллельно общимъ процессамъ явленіями діалектическими, мѣстными.

Ошибочно было бы думать, что современные русскіе языки, а именно великорусскій, бѣлорусскій и малорусскій, произошли непосредственно изъ общерусскаго праязыка. Анализъ элементовъ и изученіе нарѣчій, составляющихъ эти языки, доказываютъ, что мы имѣемъ въ лицѣ ихъ весьма сложныя явленія, результатъ сложныхъ культурно-историческихъ факторовъ. Великорусскій языкъ обнимаетъ двѣ группы говоровъ, весьма отличныхъ между собою въ самыхъ своихъ основаніяхъ: сѣверновеликорусскую и южновеликорусскую; въ этой послѣдней видимъ редукцію (сильное сокращеніе) неударяемыхъ гласныхъ *а*, *о*, *е* и зависящее отъ нея аканье (переходъ неударяемаго *о* въ *а*); какъ убѣдимся ниже, есть основаніе думать, что эти явленія относятся къ той эпохѣ, когда языкъ еще не утратилъ нѣкоторыхъ старыхъ количественныхъ отношеній. Отсюда явствуетъ, что различіе между сѣверновеликорусскимъ и южновеликорусскимъ нарѣчіемъ относится къ весьма отдаленной эпохѣ. Такимъ образомъ становится невѣроятнымъ предположеніе о выдѣленіи великорусскаго нарѣчія непосредственно изъ общерусскаго праязыка и о послѣдующемъ распаденіи его на сѣверное и южное поднарѣчія. Въ бѣлорусскомъ языкѣ ясно обнаруживаются въ звуковомъ его составѣ элементы двоякаго рода: одни изъ нихъ тѣсно связываютъ

этотъ языкъ съ южновеликорусскимъ нарѣчіемъ (редукція неударяемыхъ *а*, *о*, *е* и аканье), другіе съ малорусскимъ (судьба слоговыхъ *р* и *л*, переходъ *л* въ неслоговое *у* въ концѣ слога, придыхательный приступъ къ гласнымъ, дифтонгизація *о* и *е* въ южныхъ говорахъ); въ бѣлорусскомъ языкѣ слились такимъ образомъ два различныя нарѣчія: одно изъ нихъ—близко родственно южновеликорусскому, другое малорусскому. Такимъ образомъ область первоначальнаго распространенія нарѣчія, соотвѣтствующаго въ одной части своей южновеликорусскому, была нѣкогда иная, чѣмъ теперь, ибо она захватывала и современную бѣлорусскую территорію. Но и малорусскій языкъ, какъ видно изъ предыдущаго, утратилъ часть своего первоначальнаго объема, уступивъ свои сѣверные говоры другому языку — бѣлорусскому.

Итакъ выясняется, что современному діалектическому дѣленію русскаго языка на три нарѣчія — великорусское, малорусское и бѣлорусское предшествовало другое его дѣленіе на такія нарѣчія, которыя претворились въ позднѣйшихъ нарѣчіяхъ, образовавшихся частью изъ новаго соединенія элементовъ, входившихъ въ составъ этихъ древнихъ нарѣчій. Совершенно отчетливо выдѣляется судьба среднерусскихъ говоровъ, подѣленныхъ между двумя, очевидно, позднѣйшими нарѣчіями — великорусскимъ и бѣлорусскимъ. Великорусское нарѣчіе составилось изъ соединенія сѣверноруссскихъ говоровъ съ среднерусскими; бѣлорусское — изъ соединенія южноруссскихъ говоровъ съ среднерусскими. Передъ терминомъ «среднерусскіе» говоры я даю однако предпочтеніе термину говоры «восточнорусскіе», ибо рядъ данныхъ, между прочимъ лингвистическихъ, заставляетъ предполагать, что серединное положеніе этихъ говоровъ (серединное — между сѣвернымъ и южнымъ нарѣчіемъ) — положеніе позднѣйшее: данныя лингвистическія не позволяютъ считать среднерусскіе говоры (т. е. предковъ южновеликорусскихъ говоровъ) промежуточными между южными и сѣверными говорами; они указываютъ, напротивъ, на ихъ нѣкогда обособленное положеніе среди прочихъ русскихъ говоровъ (сравните редукцію неударяемыхъ *а*, *о*, *е*, приведшую къ аканью). Кромѣ того оказывается, что общее южновеликорусскому и бѣлорусскому нарѣчію явленіе — редукція неударяемыхъ *а*, *о*, *е* и аканье сохранилось въ болѣе чистомъ и первоначальномъ видѣ не на западѣ, а на востокѣ бѣлорусской территоріи; слѣдовательно, самое явленіе шло съ востока. Историческія соображенія, какъ увидимъ, позволяютъ думать, что существовало движеніе съ восточныхъ, точнѣе юговосточныхъ окраинъ русской территоріи къ западу, точнѣе къ сѣверозападу; результатомъ этого движенія было то серединное положеніе, которое заняли сидѣвшія нѣкогда

на востокѣ и юговостокѣ племена. Изъ предидущаго видно, что общерусскій праязыкъ выдѣлилъ изъ себя первоначально три нарѣчія: южное, сѣверное и восточное. Развитіе этихъ нарѣчій принадлежитъ періоду, опредѣляемому мною какъ древнерусскій. Новая діалектическая группировка, приведшая къ образованію великорусскаго нарѣчія изъ соединенія сѣвернаго нарѣчія съ восточною группой восточнаго нарѣчія и къ образованію бѣлорусскаго нарѣчія изъ соединенія сѣверной группы южнаго нарѣчія съ западной группой восточнаго, знаменуетъ собой наступленіе новаго періода, остающагося внѣ предѣловъ настоящаго изслѣдованія.

Считаю необходимымъ остановиться здѣсь на главнѣйшихъ моментахъ того историческаго процесса, который привелъ къ образованію современныхъ трехъ русскихъ народностей и трехъ русскихъ языковъ. Какъ указано выше, процессъ этотъ опредѣлялся факторами двоякаго рода: центробѣжнаго и центростремительнаго; взаимодѣйствіе между ними было постоянное; это вело къ перемѣщенію центровъ и къ различному распредѣленію движеній. Центрами оказывались тѣ области и города, откуда направлялась культурная и экономическая жизнь страны. Пока эти центры — внѣ территоріи племени, центростремительныя движенія не могутъ имѣть сколько-нибудь прочнаго основанія; они становятся устойчивыми только тогда, когда образуются мѣстные, племенные центры; въ нихъ народная жизнь начинаетъ биться усиленнымъ темпомъ, притягивая къ себѣ, подчиняя себѣ жизнь широкой округи. Такимъ образомъ устанавливается тѣсная связь между этнографическими и культурно-экономическими явленіями.

Исторія русской народности и русскаго языка начинается съ того момента, когда восточнославянскія племена отдѣлились отъ своихъ соплеменниковъ и зажили обособленною жизнью. Для историка, въ частности и для историка языка не безразличны вопросы о времени такого раздѣленія и о первоначальной территоріи, ставшей удѣломъ восточнаго славянства. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ отъ тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ наука при опредѣленіи древнѣйшихъ судебъ славянства, когда предки современныхъ Славянъ составляли одно племенное цѣлое съ однимъ общимъ языкомъ, называемымъ въ научныхъ трудахъ общеславянскимъ праязыкомъ. Изученіе внутренняго развитія этого языка, возстанавливаемаго путемъ сравненія славянскихъ языковъ въ ихъ исторіи, и сопоставленіе извлекаемыхъ изъ такого изученія данныхъ со сравнительнымъ изученіемъ другихъ родственныхъ праславянскому языковъ индоевропейской семьи пока-

зываютъ, что обособленная отъ прочихъ индоевропейцевъ жизнь Славянъ была весьма продолжительна. Въ области фонетики, морфологіи и синтаксиса въ праславянскомъ періодѣ было внесено столько измѣненій, столько новаго сравнительно съ предшествующими эпохами, когда Славяне составляли въ отношеніи языка одно цѣлое съ прочими Индоевропейцами, что предположеніе о значительной продолжительности этого періода не требуетъ спеціальныхъ доказательствъ. Обособленность Славянъ зависѣла, конечно, прежде всего отъ обособленности ихъ территоріи, а также и отъ возникновенія среди нихъ такого культурно-экономическаго центра, который поддерживалъ единство племенной ихъ жизни.

Территорію славянской прародины приходится искать во всякомъ случаѣ въ восточной Европѣ, ибо западная принадлежала Германцамъ, Кельтамъ, Ѳракійцамъ, Иллирійцамъ, Грекамъ, Италикамъ; эта территорія сосѣдила или находилась по близости съ территоріей другого индоевропейскаго племени — балтійскаго (къ которому принадлежатъ современные Литовцы и Латыши, а также древніе Прусы). Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію особая близость между собой славянскаго и балтійскаго праязыка. Близость эта не можетъ быть случайною и не можетъ зависѣть только отъ общаго ихъ происхожденія изъ индоевропейскаго праязыка; и въ балтійскихъ, и въ славянскихъ языкахъ замѣчается рядъ общихъ отклоненій отъ исконныхъ отношеній, и эти общія отклоненія свидѣтельствуютъ объ общей ихъ жизни въ такую эпоху, когда они уже отдѣлились отъ остальныхъ индоевропейскихъ языковъ. Слѣдовательно, приходится допустить происхожденіе Славянъ и Балтійцевъ отъ одного общаго родоначальника, по языку уже отличнаго отъ племени, говорившаго индоевропейскимъ праязыкомъ: родоначальникомъ славянскихъ и балтійскихъ языковъ, который можно назвать балтійско-славянскимъ праязыкомъ, былъ языкъ того индоевропейскаго племени, которое, выдѣлившись изъ индоевропейской семьи, только впослѣдствіи разбилось на двѣ вѣтви: славянскую и балтійскую. Рядъ данныхъ позволяетъ думать, что первоначальная территорія балтійскаго племени близко подходила своими границами къ территоріи современныхъ балтійскихъ племенъ (литовскаго и латышскаго); она лежала въ сѣверозападной Россіи и на значительномъ протяженіи граничила съ территоріей финскихъ племенъ, что ясно вытекаетъ изъ тѣхъ заимствованій, которыя вошли въ финскіе языки изъ языковъ балтійскихъ. Такія заимствованія имѣются не только въ западнофинскихъ языкахъ (въ суоми, эстонскомъ, водскомъ, ливскомъ, вепскомъ), но также и въ восточныхъ (мордовскомъ, черемисскомъ). Анализъ заимствованныхъ изъ балтійскихъ языковъ словъ съ

звуковой стороны доказываетъ, что они восходятъ къ глубокой древности, когда еще не произошли тѣ или иныя измѣненія въ балтійскихъ звукахъ. Вопросъ о томъ, съ какой стороны Финны граничили съ Балтійцами, представляется особенно существеннымъ при возстановленіи этнографической карты восточной Европы первыхъ вѣковъ нашей эры.

Западное положеніе Финновъ относительно Балтійцевъ исключается само собой, такъ какъ на западъ отъ Балтійцевъ сидѣли Германцы, передававшіе Балтійцамъ свою культуру и вмѣстѣ съ нею рядъ словъ для многихъ культурныхъ понятій. Едва ли можно допустить, чтобы Финны сосѣдили съ Балтійцами съ сѣвера: мы не имѣемъ данныхъ въ пользу того, чтобы Финны въ доисторическое время заходили далеко на сѣверъ и чтобы восточнофинскія племена (сосѣдившія, какъ указано, съ Балтійцами) могли быть выведены изъ сѣверной или сѣверозападной Россіи; напротивъ, имѣются вѣскія указанія на то, что нѣкогда Финны жили южнѣе и восточнѣе теперешнихъ поселеній западнофинскихъ племенъ; на это указываетъ между прочимъ живое общеніе Финновъ съ Арійцами (предками Древнеиндійцевъ и Иранцевъ), а затѣмъ съ Иранцами (въ лицѣ сначала Скиѳовъ, потомъ Сарматовъ), занимавшими югъ и юговостокъ Россіи, а это общеніе свидѣтельствуется проникновеніемъ въ финскіе языки (не только въ восточные, но и въ западные) цѣлаго ряда словъ изъ арійскаго праязыка и изъ иранскихъ языковъ для обозначенія многихъ культурныхъ понятій[1]). Въ виду отсутствія въ языкѣ Балтійцевъ заимствованій изъ иранскихъ языковъ, представляется вѣроятнымъ, что Финны сидѣли между Балтійцами, съ одной стороны, и Иранцами, съ другой, и что слѣдовательно, они были восточными, юговосточными или южными сосѣдями Балтійцевъ. Зависимость Финновъ и отъ Иранцевъ и отъ Балтійцевъ указываетъ на серединное ихъ положеніе между двумя культурными мірами; опредѣляя культуру южнорусскихъ Иранцевъ какъ черноморскую, мы естественно подходимъ къ опредѣленію культуры Прусо-Литво-Латышей, какъ культуры балтійской. Очевидно, балтійскія племена стояли на довольно высокой степени культуры, если получили возможность воздѣйствія на сосѣднія финскія племена; а это ведетъ къ заключенію, что они сидѣли у Балтійскаго моря, простираясь болѣе или менѣе широкой полосой въ глубь страны. Предполагаю поэтому,

---

1) Отмѣчу особенно указанное проф. Э. Сетэлэ заимствованіе слова sarajas, сохранившагося въ финской поэзіи и въ карельскихъ старинныхъ пѣсняхъ въ значеніи «море», а также, повидимому, «южное море», изъ арійскаго (индоиранскаго) источника, откуда слѣдуетъ, что между Финнами и моремъ сидѣли Арійцы (или Иранцы). См. E. Setälä, Eine arische Bezeichnung des Meeres in der finn. Volkspoesie (Festschrift W. Thomsen... dargebracht, L. 1912).

вслѣдъ за другими, что прародину Балтійцевъ надо искать у Балтійскаго моря, всего вѣроятнѣе въ бассейнѣ Нѣмана; съ юга и юговостока къ ней примыкали поселенія Финновъ; бассейны Березины, сѣвернаго теченія Днѣпра, Припяти были заняты предками современныхъ западныхъ Финновъ; бассейнъ Оки и верхнее Поволжье — восточными финскими племенами.

Опредѣляя территорію славянской прародины, я исхожу изъ предположенія, что Славяне были исконными сосѣдями Балтійцевъ: въ этомъ, какъ указано, убѣждаетъ близость языковъ праславянскаго и прабалтійскаго. Вѣроятно, съ теченіемъ времени создались такія условія, благодаря которымъ Славяне и Балтійцы, оставаясь сосѣдями, утратили болѣе тѣсную нѣкогда связь, обособляясь въ отдѣльныя одна отъ другой народности. Эти условія естественнѣе всего искать не въ физическихъ свойствахъ занятой ими территоріи, а въ культурно-экономическихъ причинахъ, обособившихъ двѣ сосѣднія страны. Славяне не могли быть западными сосѣдями Балтійцевъ, ибо, какъ мы видѣли, на западѣ отъ послѣднихъ сидѣли Германцы; исключена возможность предположенія, чтобы Славяне были южными или юговосточными сосѣдями Балтійцевъ, въ виду приведенныхъ выше соображеній о томъ, что на югъ и юговостокъ отъ Балтійцевъ сидѣли Финны. Но кромѣ того, допустивъ, что славянская прародина лежала на юговостокъ отъ балтійской территоріи, т. е. въ бассейнѣ Оки и верхнемъ Поволжьѣ, мы должны были бы признать, что Славяне жили въ исконномъ сосѣдствѣ съ Финнами: между тѣмъ, судя по даннымъ языка, взаимнаго общенія Славянъ и Финновъ восточныхъ во времена доисторическія не было [1]); далѣе мы должны были бы признать культурную зависимость Славянъ отъ Балтійцевъ, если бы эти послѣдніе сидѣли между ними и Балтійскимъ моремъ, подобно тому какъ подобная зависимость устанавливается для восточныхъ Финновъ; но доказать культурную зависимость Славянъ отъ Балтійцевъ во времена историческія мы не можемъ. Такая зависимость создала бы несомнѣнно, при близости языка Славянъ и Балтійцевъ, прочныя племенныя между ними связи и повела бы къ образованію переходныхъ говоровъ отъ балтійскаго языка къ славянскому. Между тѣмъ во времена доисторическія мы видимъ моментъ разобщенія Славянъ и Балтійцевъ и совсѣмъ не въ силахъ установить моментовъ общенія, которые были бы неминуемы при куль-

1) Мордовское orta можетъ выходить и не къ общеславянскому vorta, а къ русскому ворота; всѣ гласныя, кромѣ а, слога неначальнаго подлежали въ мордовскомъ сильному сокращенію и выпаденію.

турной зависимости Славянъ отъ Балтійцевъ. По этимъ же основаніямъ отвергаю возможность того, чтобы Славяне были южными сосѣдями Балтійцевъ: примыкая къ балтійской культурѣ черезъ посредство Прусо-Литво-Латышей, Славяне оказались бы въ зависимости отъ послѣднихъ; эта зависимость сказалась бы и въ языкѣ — въ наличности заимствованныхъ изъ прусо-литво-латышскаго праязыка словъ для обозначенія культурныхъ понятій. Если мы допустимъ, что Славяне, будучи южными сосѣдями Балтійцевъ, примыкали къ иной культурѣ — черноморской, то не сумѣемъ обойти слѣдующихъ возраженій: во-первыхъ, въ славянскомъ праязыкѣ почти не отыскивается иранскихъ заимствованій; число ихъ было бы несомнѣнно велико, если бы Славяне были непосредственными сѣверными сосѣдями Скиѳовъ и Сарматовъ, какъ велико число иранскихъ элементовъ въ языкѣ Финновъ, которыхъ мы опредѣлили выше, какъ сѣверныхъ сосѣдей южнорусскихъ Иранцевъ; правда, общеславянскій праязыкъ содержитъ нѣсколько иранскихъ заимствованій, но ихъ очень немного, и проникновеніе ихъ къ Славянамъ могло произойти или во время позднѣйшихъ передвиженій Славянъ къ югу (напр., въ область Повислинья), или черезъ посредство Финновъ (замѣчательно, что большая часть иранскихъ заимствованій, проникшихъ въ общеславянскій праязыкъ, имѣется и въ финскихъ языкахъ, напр. слова богъ, топоръ). Во-вторыхъ, культурная зависимость Славянъ отъ Чернаго моря, тяготѣніе Славянъ къ югу не объяснила бы намъ ни того сильнаго вліянія, которое оказали на Славянъ Германцы, ни также движенія Славянъ въ Повислинье и еще далѣе на западъ, а мы увидимъ, что Повислинье надо признать второю славянской прародиной. Въ-третьихъ, не забудемъ, что Славяне Индоевропейцы: позднее выступленіе ихъ на историческую сцену удовлетворительно объясняется при допущеніи, что они были отдѣлены отъ цивилизаціи стѣною Германцевъ; допустивъ же ихъ общеніе съ черноморскою культурой, а слѣдовательно, неминуемое ихъ тяготѣніе къ югу и югозападу, мы могли бы ждать появленія Славянъ въ предѣлахъ греко-римскаго міра гораздо раньше первыхъ вторженій туда Германцевъ; но раньше конца V в. по Р. Х. рѣшительно ничто не обнаруживаетъ Славянъ въ указанныхъ предѣлахъ [1]).

1) М. Р. Фасмеромъ въ Rocznik slaw. VI, 176—177 предложена остроумная этимологія древнерусскаго слова ирiе, южнорусск. малорусск. вырей, и́рей, и́рій, и́рица (по Далю: какой-то сказочный, загадочный край; земной рай; теплыя страны; волшебное царство); онъ объясняетъ его какъ «арійскую, южную страну», сопоставляя начальное i (сравн. авест. aiгуа — «арійскій») съ оссет. ir «Осетинцы», iron «осетинскій». «Если бы это слово было извѣстно изъ другихъ славянскихъ языковъ, замѣчаетъ М. Р. Фасмеръ, то съ математическою точностью можно было считать доказаннымъ, что славянская прародина находилась въ бассейнѣ

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній я признаю Славянъ сѣверными сосѣдями Балтійцевъ. Ихъ прародину я ищу поэтому также у Балтійскаго моря, въ бассейнѣ Западной Двины; возможно, что поселенія Славянъ уходили болѣе или менѣе далеко въ глубь материка, доходя до великихъ озеръ, но главнымъ центромъ ихъ племенного и культурнаго единства было Балтійское побережье. Въ пользу выставленнаго положенія приведу еще нѣсколько доказательствъ. Во-первыхъ, разъединеніе Славянъ съ Балтійцами могло создаться именно на почвѣ культурно-экономической: сѣверная часть Прибалтійскаго края, бассейнъ Западной Двины, благодаря Скандинавамъ, могла стать въ иныя условія, сравнительно съ южной его частью, бассейномъ Нѣмана, которая тяготѣла къ германскому Повислинью; вліяніе Скандинавовъ шло не только морскими путями, но также и сухимъ путемъ, ибо Финляндія съ ея бѣднымъ лопарскимъ населеніемъ стала быстро заселяться выходцами изъ Швеціи и Норвегіи. Во-вторыхъ, вторженіе обильныхъ германскихъ элементовъ въ общеславянскій праязыкъ особенно понятно при указанномъ территоріальномъ положеніи славянства: сѣверные Германцы, захватившіе Балтійское море, стали единственными проводниками общеевропейской, средиземно-морской культуры въ среду славянства. Въ-третьихъ, наличность общихъ для всего славянства словъ, обозначающихъ Taxus baccata L. (общеслав. тисъ) и Hedera helix L. (общеслав. блющь, плющь и бърстанъ, бършлѧнъ), свидѣтельствуетъ о томъ, что оба эти растенія были извѣстны на праславянской территоріи; между тѣмъ тисъ и плющъ въ Восточной Европѣ растутъ только у Балтійскаго побережья[1]). Въ-четвертыхъ, знакомство Славянъ съ моремъ, а слѣдовательно, сосѣдство съ нимъ, доказывается наличностью въ общеславянскомъ праязыкѣ слова «море»[2]).

Припятія». Связать Приднѣпровье съ представленіемъ о теплыхъ странахъ, откуда прилетаютъ птицы, могли бы скорѣе жители болѣе далекаго сѣвера, знакомые съ Приднѣпровьемъ не непосредственно, а только по наслышкѣ.

1) Восточная граница распространенія плюща идетъ теперь черезъ о. Эзель на Курляндію (при чемъ въ западной части Курляндіи плющъ извѣстенъ), далѣе черезъ западныя части Ковенской и Виленской губерніи на Гродно, Каменецъ-Подольскъ и Кишиневъ; впрочемъ, плющъ встрѣчается мѣстами и въ Лифляндіи. — Согласно указаніямъ Хр. Мельдера, область распространенія тиса почти совпадаетъ съ областью распространенія плюща (Лѣсной Журналъ, 1911, в. 3—4).

2) Западные Финны называютъ море meri; это слово заимствовано всего вѣроятнѣе изъ германскаго, хотя звуковая сторона и мѣшаетъ отождествленію meri съ готск. marei, mari-(въ mari-saivs), древнесѣв. marr, древневерхненѣм. mari, meri, почему возможно заимствованіе финскаго слова изъ литовскаго (гдѣ marės означаетъ спеціально Куришъ-Гафъ) или славянскаго. Ср. W. Thomsen, Ueber den Einfluss der germ. Spr., 155; V. Thomsen, Berøringer mellem de finske og baltiske Spr., 198—199.

Обоснованными мнѣ представляются слѣдующія два возраженія противъ отнесенія славянской прародины такъ далеко на сѣверъ. Во-первыхъ, въ общеславянскомъ праязыкѣ отыскиваются нѣкоторыя слова греческаго происхожденія; присоединивъ къ нимъ отмѣченныя выше иранскія, получаемъ основанія для утвержденія исконной связи славянства съ черноморскою культурой; но мнѣ кажется, что пока подобныхъ греческихъ словъ указано слишкомъ мало для того, чтобы вывести изъ нихъ какое-нибудь положительное заключеніе; единственное слово, останавливающее на себя вниманіе, это корабль (общеслав. korabjь), ср. греч. καράβιον; передача греческой β черезъ б доказываетъ древность заимствованія [1]); но ничто не мѣшаетъ предположить, что это слово попало къ Славянамъ черезъ тѣхъ или другихъ посредниковъ, во второй ихъ прародинѣ, въ Повислиньѣ, когда, еще задолго до движенія части Славянъ къ Дунаю, ихъ взоры и стремленія уже направлялись на югъ, къ новому для нихъ южному морю. Во-вторыхъ, въ западнофинскихъ языкахъ оказываются слова славянскаго происхожденія, не поддающіяся объясненію изъ русскаго языка, но звуковымъ своимъ составомъ ведущія къ эпохѣ общеславянскаго праязыка; имѣю въ виду такія слова, какъ совр. финск. palttina (полотно), taltta (долото), varpu (воробей), talkoo (толока), värttinä (веретено), karsta (чесотка) и др., которымъ въ древнерусскомъ языкѣ и еще въ общерусскомъ праязыкѣ соотвѣтствовали содержащія полногласіе слова: полотьно, долото, воробии, толока, веретено, короста; сочетанія oro, oło не могутъ перейти въ финскомъ въ ar, al; въ виду этого остается предположить, что приведенныя слова заимствованы западнофинскими языками изъ общеслав. праязыка, гдѣ они звучали poltьno, dolto, vorbii, tolka, verteno, korsta [2]). Такое заключеніе устанавливало бы тѣсную связь Финновъ съ Славянами въ прародинѣ послѣднихъ и не согласовалось бы съ выставленнымъ положеніемъ, которое предполагаетъ непосредственное

---

1) Ср. М. Р. Фасмеръ въ Rocznik slaw. VI, 177. Слово это было заимствовано у Грековъ не только Славянами; ср. среднелат. carabus (греч. κάραβος), исп. carabela. Въ древнерусскомъ рядомъ съ корабль, имѣвшимъ повидимому діалектическое распространеніе (югъ), держались названія лодия, насадъ или носадъ. Другимъ слав. словомъ для корабля было nava (изъ лат.).

2) То же заключеніе можно бы вывести изъ финскихъ словъ, восходящихъ къ славянскимъ съ носовой гласной въ корнѣ (напр. финск. suntia: церковный служитель, ливск. sund: судить, ср. древнеболг. сѫдити; эст. und: крючокъ для уженія, ср. жда; финск. kuontalo: кудель, ср. кѫдѣль), а также изъ эст. словъ mugl, mogl: мыльный щелокъ (гдѣ gl восходитъ къ dl, ср. польск. mydło), vigl: вилка (ср. польск. widły, widelce), если бы была исключена возможность предположенія, что источникомъ заимствованія подобныхъ словъ былъ польскій языкъ, — быть можетъ, черезъ посредство древнепсковскаго нарѣчія. Относительно vigl см. H. Ojansuu въ Viritt, XV, 34—5 (ссылка въ Roczn. slaw. V, 321).

сосѣдство Славянъ только съ Балтійцами, Германцами и Лопарями. Но мнѣ представляется возможнымъ возводить эти заимствованныя слова къ позднѣйшей эпохѣ общеславянскаго единства, когда Славяне сидѣли уже не въ бассейнѣ Западной Двины, а въ бассейнѣ Вислы; занявъ исконно германскія поселенія, они оказались при этомъ восточными сосѣдями Финновъ, еще не продвинувшихся къ сѣверу, а доживавшихъ послѣднее время въ бассейнахъ Припяти, Березины и сѣвернаго Днѣпра; вліяніе Славянъ на Финновъ пошло естественно путями, проложенными Германцами, и сообщило Финнамъ нѣсколько культурныхъ понятій и словъ. Слѣдовательно, присутствіе въ западнофинскихъ языкахъ нѣсколькихъ заимствованій изъ общеслав. праязыка не можетъ свидѣтельствовать противъ того, что первой славянской прародиной былъ бассейнъ Западной Двины.

Не придавая тому обстоятельству, что въ общеславянскомъ праязыкѣ можно отыскать два-три заимствованія изъ греческаго языка, значенія доказательства въ пользу прародины Славянъ на югозападѣ Россіи, я не вижу основанія искать ея, вслѣдъ за нѣкоторыми изслѣдователями (напр. за Ростафинскимъ), въ совр. Бѣлоруссіи; славянская прародина знала и тисъ и плющъ, которые неизвѣстны Полѣсью; славянская прародина соприкасалась съ моремъ; Славяне попали на Дунай не изъ Полѣсья, а изъ Повислинья, что само по себѣ свидѣтельствуетъ о болѣе сѣверной ихъ прародинѣ.

Второй славянской родиной считаю Повислинье. Едва ли какая-нибудь другая область можетъ быть съ меньшими затрудненіями признана за исходный пунктъ славянскихъ движеній: Повислинье открывало Славянамъ путь и на западъ, къ Одеру и Эльбѣ, и на югъ, къ Дунаю. Попали Славяне въ Повислинье такъ же, какъ позже въ среднюю часть современной Германіи: Повислинье было территоріей, оставленною Германцами, устремившимися къ югу, къ Средиземному морю, для овладѣнія Балканскимъ и Аппенинскимъ полуостровомъ. Повислинье выслало послѣдовательно нѣсколько германскихъ роевъ къ югу, къ Дунаю и къ Черному морю; оттуда вышли Бастерны и Скиры, занявшіе въ III и II в. до Р. Х. господствующее положеніе въ бассейнахъ южнаго Днѣстра и Днѣпра и нижняго теченія Дуная; въ первые вѣка нашей эры оттуда вышли Готы; они пошли по пути Бастерновъ и покорили ихъ себѣ; вѣроятно думать, что подъ Іорнандовыми Спалами разумѣются Бастерны, жившіе нѣкогда по близости Славянъ, называвшихъ ихъ Сполами, Исполами[1]). Опустѣніе Повислинья,

1) Отсюда общеслав. сполинъ, исполинъ. Ср. общеслав. tjudъ (древнеболг. штоудъ) въ значеніи исполинъ изъ германскаго этническаго названія þiuda (означаетъ собственно народъ, отсюда прилагательное þiudisk, древневерхнѣм. diutisc, deutsch).

удаленіе изъ него Готовъ имѣло послѣдствіемъ появленіе здѣсь Славянъ; ясно, что Славяне были или восточными или, согласно предидущему, сѣверовосточными сосѣдями Готовъ. Славяне заняли однако Повислинье прежде всего для того, чтобы двинуться изъ него къ югу, туда, куда ушли изъ Повислинья Готы; вотъ почему они осаживаются преимущественно въ среднемъ и южномъ Повислиньѣ, уступая сѣверное Повислинье балтійскому племени Прусовъ. Такимъ образомъ, появленіе Прусовъ въ сѣверномъ Повислиньѣ, когда остальныя части Повислинья были заняты Славянами, доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что Прусы и прочіе Балтійцы жили исконно въ сосѣдствѣ Славянъ. Возможно, что Прусы опередили Славянъ въ ихъ движеніи на югозападъ и заняли ближайшую къ исконнымъ своимъ поселеніямъ область сѣвернаго Повислинья. Оставленное Славянами побережье Балтійскаго моря стало достояніемъ другой вѣтви балтійскаго племени — Латышей, а также западнофинскихъ Эстовъ, бывшихъ вѣроятно исконными южными сосѣдями Латышей. Движеніе Латышей и Эстовъ передалось остальнымъ Балтійцамъ и Западнофиннамъ: послѣдніе окончательно втянулись въ сферу балтійской культуры и, оторвавшись отъ неблагодарныхъ для труда земледѣльца мѣстностей въ бассейнѣ сѣвернаго Днѣпра и его притоковъ, стали постепенно придвигаться къ Балтійскому морю и къ области великихъ озеръ, нѣкогда отдѣленнымъ отъ Финновъ поселеніями Балтійцевъ и Славянъ.

Славяне, занявши поселенія Готовъ и другихъ восточныхъ Германцевъ въ Повислиньѣ, этимъ самымъ были вовлечены въ германскій міръ и въ его интересы[1]). Но, какъ только что указано, эти интересы должны были-бы увлечь Славянъ туда, куда стремились ушедшіе изъ Повислинья Готы. Движеніе Славянъ на югъ встрѣтило однако серьезныя препятствія. Совершенно естественно обратились поэтому Славяне на западъ и стали отвоевывать себѣ германскія земли. Повидимому, рѣзкое движеніе части Славянъ къ западу, къ Одеру и за Одеръ къ Эльбѣ было началомъ распаденія славянской семьи, ибо рядомъ съ тяготѣніемъ на западъ существовало, какъ указано, иное тяготѣніе — къ югу, куда вели пути, проложенные изъ Повислинья Бастернами, Скирами, Готами, Гепидами. Славянская семья распалась въ Повислиньѣ на двѣ вѣтви — западную и южную. Югъ для движенія туда южной вѣтви Славянъ открылся не скоро; съ IV в., въ области

1) Замѣчу кстати, что Славяне во второй своей родинѣ познакомились съ букомъ, неизвѣстнымъ въ прародинѣ (ибо восточная граница бука проходитъ западнѣе Прегеля, направляясь къ устьямъ Дуная черезъ Ломжинскую и Холмскую губерніи); это дерево они назвали словомъ, заимствованнымъ изъ германскаго (ср. древневерхненѣм. buohha, нѣм. Buche).

средняго теченія Дуная господствовали Гунны, сдерживавшіе желѣзной рукой не только покоренныхъ ими Германцевъ, но и Славянъ. Только паденіе Гунновъ послѣ смерти Атиллы (453 г.) открыло Славянамъ возможность двигаться на югъ. Въ концѣ V вѣка южная вѣтвь славянства разсталась съ Повислиньемъ и устремилась къ нижнему Дунаю. Въ составѣ этой вѣтви были предки южныхъ и восточныхъ Славянъ. По отдѣленіи отъ нихъ въ Повислиньѣ западной вѣтви славянства, предки южныхъ и восточныхъ Славянъ жили еще общею жизнью; это видно изъ тѣхъ звуковыхъ измѣненій, которыя общи южному и восточному славянству, но не извѣстны западному (см. §§ 177—188 предлагаемаго «Очерка»). Движеніе изъ Повислинья къ югу, совершившееся, вѣроятно, нѣсколькими путями, раскололо этихъ Славянъ на двѣ части. Имѣемъ свидѣтельство византійскихъ историковъ о томъ, что на нижнемъ Дунаѣ въ первой четверти VI вѣка появляются двѣ вѣтви славянскаго племени, занимая угрожающее въ отношеніи къ имперіи положеніе: одну изъ нихъ, западную, они называютъ Словѣнами (Σκλαυηνοί, Σκλαβηνοί), а другую, восточную, Антами (Ἄνται). Дѣленіе это напоминаетъ распаденіе Готовъ въ тѣхъ же предѣлахъ на двѣ вѣтви — Вестготовъ и Остготовъ, при чемъ границей между ними служилъ Днѣстръ. Та же граница, а можетъ быть болѣе западная, по рѣкѣ Пруту, отдѣляла предположительно Антовъ, т. е. восточныхъ Славянъ, Русскихъ, отъ Словѣнъ, т. е. Славянъ южныхъ: южными они могутъ быть названы по дальнѣйшимъ своимъ движеніямъ и позднѣйшимъ поселеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ бассейнѣ Дуная. Византійцы сообщаютъ о появившихся скоро между обѣими вѣтвями славянства несогласіяхъ, приведшихъ къ разрыву. Антамъ и Словѣнамъ пришлось размежеваться окончательно; борьба съ Византіей, овладѣніе Балканами выпадаетъ на долю Словѣнъ; Анты, какъ и Остготы, осаживаются въ Поднѣстровьѣ и части Поднѣпровья. Вотъ, слѣдовательно, гдѣ мы полагаемъ прародину русскаго племени.

Остготамъ въ III—IV в. по Р. Х. удалось утвердиться не только въ Поднѣстровьѣ; они захватили и нижнее Поднѣпровье, продвинулись и къ Азовскому морю, основавъ на югѣ Россіи мощную политическую организацію. Подъ властью тѣхъ самыхъ стремленій, которыя привели ихъ изъ Повислинья къ Дунаю, Остготы пытаются теперь овладѣть Византіей морскимъ путемъ и совершаютъ рядъ экспедицій къ берегамъ Босфора и Малой Азіи. Анты несомнѣнно еще въ VI вѣкѣ старались осуществить тѣ самыя задачи, которыя ставили себѣ Остготы, но условія, окружавшія ихъ, были менѣе благопріятны, чѣмъ тѣ, что застали Остготы на югѣ Россіи. Южнорусскія

степи были во власти турецкихъ ордъ, придвигавшихся къ Европѣ вслѣдъ за нашествіемъ туда Гунновъ; впрочемъ, здѣсь кочевали и могущественные Кутригуры и Угригуры, остатки изгнанныхъ изъ Подунавья Гунновъ; потомъ появились здѣсь Болгары, съ теченіемъ времени подошедшіе къ Дунаю и покорившіе часть южныхъ Славянъ; далѣе шли Авары, овладѣвшіе старою территоріей Гунновъ. Подъ напоромъ турецкихъ ордъ восточные Славяне рано должны были потерять южное Поднѣпровье. Есть указаніе на то, что Анты уже въ VI вѣкѣ сидѣли частью недалеко отъ Азовскаго моря, но вѣроятно думать, что это движеніе на сѣверовостокъ было движеніемъ вынужденнымъ, а не естественнымъ распространеніемъ численнаго племени Антовъ. Можно предполагать, что Антамъ въ первые вѣка ихъ появленія въ южной Россіи пришлось сжать свои предѣлы, сосредоточившись на тѣсной и менѣе всего подверженной нападеніямъ степныхъ ордъ территоріи. Естественно предположить, что, потерявъ нижнее Поднѣстровье и Черноморское побережье, Анты продвинулись нѣсколько къ сѣверу и заняли лѣсистыя мѣстности между Днѣстромъ и Днѣпромъ, сѣверную часть современной Подольской губерніи, Волынь и сѣверную часть Кіевской. Движеніе Антовъ къ сѣверу засвидѣтельствовано данными современной географической номенклатуры: Русскіе называли Десной лѣвый притокъ Южнаго Буга и еще сѣвернѣе лѣвый притокъ Днѣпра. Сосредоточеніе на тѣсной территоріи доказывается тѣмъ, что русскій языкъ во всемъ своемъ составѣ, до выдѣленія изъ него нарѣчій, успѣлъ пережить рядъ весьма существенно измѣнившихъ его фонетику явленій (см. §§ 189—263). Выдѣлившіяся изъ него въ IX, а можетъ быть, еще и въ VIII в. нарѣчія представляются вѣтвями одного общаго цѣлаго, весьма обособившагося отъ остального славянства.

На вопросъ, кого же застали въ Полѣсьѣ восточные Славяне, отвѣтить, конечно, не такъ легко. Но согласно съ предложенными выше соображеніями, думаю, что Полѣсье, страна геродотовскихъ Невровъ, было нѣкогда заселено западными Финнами. Благопріятно сложившіяся на сѣверѣ у Балтійскаго побережья условія, послѣ удаленія оттуда Славянъ, стали привлекать къ себѣ сидѣвшихъ южнѣе, въ современной Бѣлоруссіи, Финновъ; но окончательно опредѣлилось удаленіе западныхъ Финновъ на сѣверъ, повидимому, лишь тогда, когда на югѣ появились восточные Славяне. Впрочемъ, какъ кажется, одновременно Финнамъ пришлось подпасть подъ удары еще и другихъ Славянъ, двигавшихся съ запада. Опустѣніе Повислинья послѣ удаленія изъ него предковъ южныхъ и восточныхъ Славянъ вызвало обратное движеніе на востокъ нѣкоторыхъ вѣтвей западнаго сла-

вянства. Движеніе это, обусловленное частью отпоромъ, который зап. Славянамъ пришлось испытать отъ Германцевъ, усиливавшихъ свои ряды по мѣрѣ своихъ пораженій и неудачъ на югѣ Европы, не остановилось въ Повислиньѣ; оно пошло дальше къ востоку. Сначала современная Бѣлоруссія и не только правобережная въ отношеніи къ Днѣпру, но и лѣвобережная, а затѣмъ и бассейны верхнихъ теченій Оки и Волги начинаютъ заселяться западнославянскими, ляшскими племенами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего русская лѣтопись. Подъ 6492 (984) годомъ она сообщаетъ о походѣ Владиміра противъ Радимичей, сидѣвшихъ, какъ увидимъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, между Днѣпромъ и Сожемъ; походъ окончился пораженіемъ Радимичей. «Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ,—прибавляетъ лѣтописецъ,—прешедъше ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ ведуть и до сего дне». Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, въ географическо-этнографическомъ введеніи къ ней, составленномъ преп. Несторомъ, читаемъ: «Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата в Лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи». Не имѣемъ основанія заподозрить двукратное свидѣтельство лѣтописцевъ; этнографическая освѣдомленность Нестора заставляетъ съ довѣріемъ отнестись къ его показанію, а ляшское происхожденіе Радимичей, очевидно, бросалось въ глаза жителямъ Кіева, куда Радимичи тянули податями и повинностями. Кромѣ указаній лѣтописныхъ въ пользу того, что средняя полоса Россіи была занята ляшскими племенами, говорятъ еще данныя языка: мы увидимъ, что польскія звуковыя черты не только укоренились въ Бѣлоруссіи, гдѣ жили Радимичи, а на западѣ отъ нихъ, конечно, и другія ляшскія племена, но проникли также въ область сѣверноруссkаго нарѣчія.

Возвращаюсь къ восточнославянской прародинѣ. Звуковыя черты, объединяющія русскій языкъ во всемъ его составѣ, могутъ свидѣтельствовать о тѣсномъ единеніи населенія въ предѣлахъ этой прародины. Трудно сомнѣваться въ томъ, что жизнь его сосредоточивалась вокругъ какого-нибудь племеннаго центра, ставшаго основаніемъ и для политической организаціи: даже въ глубинѣ лѣсовъ Полѣсья отсиживаться отъ враговъ можно было только вооруженною силой. Всего вѣроятнѣе, что такимъ центромъ была Волынь, Волынская область. Здѣсь сложились тѣ силы, которыя не замедлили перейти въ наступленіе, какъ только это позволили окружающія условія.

Съ водвореніемъ на югѣ Россіи Хазаръ наступило относительное успокоеніе. Хазары не стремились къ овладѣнію Византіей, къ проникновенію

на Балканы. Они прочно осаживаются въ бассейнѣ Дона и Волги, воспринимая культурныя теченія, шедшія изъ Малой Азіи, Персіи, Кавказа. Встрѣча этихъ теченій съ византійскимъ вліяніемъ у Азовскаго моря подняла торговое и культурно-экономическое значеніе появившихся тамъ центровъ. Это имѣло послѣдствіемъ тяготѣніе одной изъ отраслей русской семьи—восточной, перешедшей при благопріятныхъ условіяхъ за Днѣпръ, къ Азовскому морю. Удаленіе Мадьяръ очистило значительныя пространства на юговостокѣ, манившія къ себѣ трудъ земледѣльца. Русская колонизація стала такимъ образомъ придвигаться къ бассейну Дона, съ теченіемъ времени спускаясь къ самому Азовскому морю. Этимъ движеніямъ покровительствовала, повидимому, хазарская власть, озабоченная укрѣпленіемъ своей западной границы. Но главнымъ средоточіемъ восточной отрасли русскаго племени является, какъ можно думать, сѣверное Подонье. Указанныя колонизаціонныя движенія положили начало распаденію русской семьи. Связь географическая между племенами, заселившими Подонскія земли, и племенами, оставшимися въ Поднѣпровьѣ, не была нарушена, но ихъ разъединили культурно-экономическія условія: восточныя племена стали тяготѣть къ Азовскому морю, къ хазарской цивилизаціи, между тѣмъ какъ племена Поднѣпровья, уже не сдерживаемыя старымъ племеннымъ центромъ, въ Волыни, искали себѣ новой точки опоры, новыхъ центровъ, приспособленныхъ ко вновь открывавшимся горизонтамъ. Замиреніе черноморскаго юга, занятіе его русскими племенами Угличей (сѣвшихъ между Днѣпромъ и Бугомъ) и Тиверцевъ (спустившихся по Днѣстру до самаго моря и устьевъ Дуная) открыло путь для греческаго вліянія на Поднѣпровье. Сначала стихійное, потомъ организованное тяготѣніе къ югу, къ черноморскимъ центрамъ, оживило жизнь южной отрасли русскихъ племенъ, и они создали себѣ торговыя и политическія средоточія на Днѣпрѣ: торговыя сношенія вели къ Черному морю, куда сбывался хлѣбъ, скотъ и сырье, откуда шли оружіе, вино и всякіе другіе продукты цивилизаціи; опасность грозила русскимъ племенамъ съ востока, отъ Хазаръ, простиравшихъ свои руки, черезъ головы покоренныхъ народностей, къ днѣпровскимъ берегамъ и горамъ кіевскимъ. Кіеву, лежавшему на границѣ старой территоріи, лѣсной области, и вновь открывавшихся для колонизаціи и торговыхъ сношеній пространствъ, естественнымъ образомъ выпадало на долю значеніе племенного и торговаго центра. Первые моменты его жизни ознаменовываются борьбой съ Хазарами. Но вскорѣ на очередь становится новая борьба. Кіевъ оказывается на пути къ единенію двухъ культуръ, двухъ цивилизацій: черноморской, греко-византійской, и балтій-

ской, германо-скандинавской. Восточные Славяне сыграли въ дѣлѣ этого культурнаго единенія рѣшительную роль и удачно использовали его въ своихъ интересахъ.

Какъ мы видѣли, господство Скандинавовъ на Балтійскомъ морѣ относится къ глубокой древности. Оно не было нарушено и вновь сложившимися на восточномъ побережьѣ этого моря отношеніями, послѣ ухода оттуда Славянъ и появленія тамъ Финновъ. Прибрежныя племена становятся данниками Скандинавовъ, основывающихъ торговые и политическіе центры для эксплоатаціи страны и управленія покоренными племенами вездѣ, гдѣ это предписывается торговыми и экономическими выгодами. Къ Балтійскому морю и его цивилизаціи пріобщаются не только западнофинскія и балтійскія племена; вліяніе Скандинавовъ идетъ дальше; они проникаютъ и къ восточнымъ Финнамъ, пользуясь ведущими къ нимъ водными путями и втягивая въ кругъ своихъ торговыхъ интересовъ почти весь сѣверовостокъ Россіи. Къ Балтійскому морю тяготѣютъ такимъ образомъ и Сумь и Чудь и Емь, также Бѣлозерская Весь, Ростовская Меря и пріокская Мурома. Эти Финны называли своихъ покорителей и просвѣтителей, Шведовъ и Норвежцевъ, Русью (ср. совр. финское названіе для Швеціи Ruotsi, для Шведовъ Ruotsalainen). Происхожденіе этого имени неизвѣстно, но не исключена возможность того, что Финны перенесли на Скандинавовъ то имя, которымъ назывались ихъ исконные сосѣди съ сѣверозапада, когда они сидѣли еще въ совр. Бѣлоруссіи,— балтійскіе Пруссы.

Кипучая дѣятельность Скандинавовъ передалась и въ бассейнъ верхняго теченія Днѣпра; къ балтійскимъ центрамъ пріобщились и ляшскія племена, сидѣвшія въ совр. Могилевской губерніи. Южнѣе ихъ простирались уже восточнославянскія поселенія. И ихъ успѣла втянуть въ свои торговые и промышленные интересы балтійская культура. Это является вторымъ толчкомъ къ раздробленію русскаго племени. Первый привелъ къ отдѣленію отъ него восточной вѣтви, потянувшейся къ Дону и Азовскому морю; второй — отдѣлилъ отъ него сѣверную вѣтвь, которая направила свою колонизацію по пути, расчистившемуся для ея экономическихъ интересовъ, къ истокамъ Днѣпра и далѣе къ западу, сѣверу и востоку по теченіямъ рѣкъ, сближающихся своими истоками съ началомъ Днѣпра. Всего вѣроятнѣе къ сѣверу потянулись племена, сидѣвшія въ сѣверной части русской территоріи, въ такъ называемой Сѣверщинѣ, современной Черниговщинѣ. Можно думать, что Сѣверянусы встрѣтили на своемъ пути не мало препятствій: осѣвшія раньше ихъ въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ ляшскія племена должны были оказать имъ сопротивленіе. Массовое вторженіе Сѣвер-

норусовъ не только сломило эти племена, но и увлекло ихъ за собой. Какъ укажемъ въ §§ 482—485, 495—502, въ языкѣ Сѣвернорусовъ имѣются такія звуковыя явленія, которыя легче всего понять какъ результатъ вліянія на ихъ говоръ польскихъ мазуракающихъ говоровъ: смѣшеніе *ч* и *ц*, діалектическая шепелявость мягкаго *ц*, діалектическое смѣшеніе *ш*, *ж* и *с*, *з*, сопровождаемое шепелявостью мягкихъ *с*, *з* — это все наносныя черты, обязанныя вліянію той ляшской среды, черезъ которую должны были пройти Сѣвернорусы, когда они двинулись къ сѣверу, въ районъ балтійской культуры. Данныя языка позволяютъ думать, что, дойдя до истоковъ Днѣпра, Сѣвернорусы раздѣлились на двѣ вѣтви: одна направилась къ западу по теченію Западной Двины, не теряя своего юговосточнаго базиса — это Кривичи, которыхъ мы въ историческое время застаемъ въ Смоленскѣ, Полоцкѣ, Витебскѣ, Псковѣ; другая, не отрываясь отъ своего южнаго базиса, заняла сѣверъ и сѣверовостокъ: это Словѣне, которыхъ видимъ въ Новгородѣ, на Бѣлоозерѣ и въ верхнемъ Поволжьѣ. Западная вѣтвь выдержала болѣе упорную борьбу съ ляшскими элементами, чѣмъ восточная; въ западной вѣтви видимъ смѣшеніе *ш*, *ж* съ *с*, *з*, шепелявость мягкихъ *с*, *з*, видимъ и другія польскія черты; въ восточной вліяніе Ляховъ сказывается только въ смѣшеніи *ч* съ *ц* и діалектической шепелявости мягкаго *ц*. Впрочемъ, между Волгой и Окой Словѣне должны были застать ляшскія поселенія: здѣсь число наносныхъ ляшскихъ чертъ могло быть значительнѣе; вліянію Ляховъ можно приписать встрѣчающуюся мѣстами здѣсь шепелявость мягкихъ *с*, *з*, цеканье и дзеканье и нѣкоторыя другія особенности (ср. §§ 521—524).

Несторъ предпослалъ русской лѣтописи, разсказу объ основаніи русскаго государства, обстоятельный этнографическій очеркъ древней Руси IX вѣка, возсозданный имъ частью по преданіямъ, частью по еще живымъ въ его время отношеніямъ. Восточнославянскія племена выводятся имъ съ Дуная; возможно, что онъ руководился при этомъ письменнымъ памятникомъ южнославянскаго происхожденія, вышедшимъ изъ среды учениковъ Кирилла и Меѳодія, которые первые сознали языковое единство Славянъ; но возможно, что Нестору были извѣстны и народныя преданія, связывавшія Дунай съ прошлыми судьбами русскаго племени; вспомнимъ то значеніе, которое имѣетъ Дунай въ русской народной поэзіи. Во всякомъ случаѣ утвержденіе Нестора совпадаетъ съ выставленнымъ нами положеніемъ, по которому заселеніе Руси шло съ юга, направляясь отъ устьевъ Дуная, гдѣ Анты разошлись со Словѣнами. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Несторъ называетъ рядъ русскихъ племенъ, которыя мы можемъ распредѣлить по выяснившимся выше группамъ. Это Поляне, сидѣвшіе по Днѣпру, Древляне,

занимавшіе Полѣсье, Дреговичи, поселившіеся между Припятью и Двиною, Дулѣбы, жившіе по Бугу, иначе Бужане, Уличи и Тиверцы, расположившіеся по Днѣстру до Дуная и до моря, Сѣверяне, сѣвшіе по Деснѣ, Семи и Сулѣ. Всѣ эти племена, судя по географическому ихъ положенію, принадлежали къ *южной* группѣ, тянувшей къ Кіеву и частью посредствомъ Кіева, частью непосредственно — къ черноморской культурѣ. Мѣстами сбивчивое изложеніе Нестора, сопоставленное съ другими источниками, заставляетъ думать, что Несторъ хотѣлъ въ своемъ очеркѣ совмѣстить картину современныхъ ему отношеній (начала XII вѣка) съ тою этнографическою картиной, которая развертывалась раньше, въ IX—X вѣкѣ, и возстанавливалась по народнымъ преданіямъ. «Дулѣбы—читаемъ мы—живяху по Бугу, гдѣ ныне Велыняне»—слѣдовательно, во времена Нестора, имя Дулѣбовъ уже успѣло исчезнуть, а сами они, быть можетъ, разселились среди другихъ племенъ. Выше находимъ: «Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне». Итакъ Дулѣбовъ смѣнили Бужане, прозвавшіеся Волынянами или уступившіе имъ свое мѣсто. «А Улучи и Тиверьци, — продолжаетъ Несторъ, — сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру они до моря, суть гради ихъ и до сего дне». Ясно, что во времена Нестора Уличи и Тиверцы уже не простирались до моря и не доходили до Дуная; на берегу Чернаго моря стояли еще ихъ города, но вѣроятно, въ развалинахъ, какъ комментировалъ это мѣсто позднѣйшій лѣтописецъ («и есть градъ ихъ и нынѣ спы», Лѣт., т. н. Переясл. Сузд.). Однако Несторъ уже не помнитъ того, о чемъ сообщалъ болѣе древній лѣтописный сводъ: «И бѣша сѣдяще Улицѣ по Днѣпру вънизъ, и по семъ приидоша (вар. преидоша) межи Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо». (Новг. 1-я по Комм.). Эти постепенныя передвиженія Угличей съ востока на западъ ярко освѣщаютъ, какъ увидимъ, судьбу южнорусской вѣтви.

Къ *сѣверной* вѣтви относятся упоминаемые Несторомъ Словѣне, сидѣвшіе вокругъ озера Ильменя, Кривичи, жившіе по верхней Волгѣ, верхней Двинѣ и верхнему Днѣпру, Полочане, поселившіеся по Двинѣ. Что къ области Кривичей относился и Псковъ, видно изъ позднѣйшихъ источниковъ, опредѣлявшихъ близкій къ Пскову Изборскъ, какъ городъ Кривичей.

Зналъ ли Несторъ племена, входившія въ составъ *восточной* вѣтви? Мы видѣли, что они сосредоточивались въ бассейнѣ Дона и тянули къ Азовскому морю. Мы ссылались на свидѣтельства Арабовъ, опредѣленно говорящія о многочисленныхъ славянскихъ поселеніяхъ по берегу Дона. Въ историческое время видимъ Русскихъ въ Тмуторокани: это не только резиденція русскаго князя, покорившаго себѣ сосѣднихъ Касоговъ и Ясовъ, —

это русскій островъ среди иноязычнаго моря, ищущій себѣ русскаго князя, когда остается безъ него, связанный національными, впослѣдствіи и церковными узами съ далекимъ Поднѣпровьемъ. Можно думать, что въ Тмутороканн уцѣлѣли остатки Восточнорусовъ, сидѣвшихъ нѣкогда густыми массами у Азовскаго моря. Во времена Нестора восточнорусскихъ племенъ на Дону уже не было, но изъ разсказа старшаго лѣтописца, повтореннаго и Несторомъ, видно, что Восточнорусы сидѣли тамъ еще на памяти современниковъ XI вѣка. Подъ 6472 (964) годомъ сообщается въ лѣтописи о походѣ Святослава на Хазаръ; Хазары сидѣли на Волгѣ; на своемъ пути, не доходя очевидно Бѣлой Вежи[1]), Святославъ нашелъ Вятичей, платившихъ дань Хазарамъ; оставивъ Вятичей за собой, Святославъ двигается дальше и вступаетъ въ сраженіе съ Хазарами; побѣдивъ Хазаръ, взявъ ихъ городъ Бѣлую Вежу, побѣдивъ затѣмъ Ясовъ и Касоговъ, Святославъ на обратномъ пути покоряетъ Вятичей и облагаетъ ихъ данью[2]). Ясно, что Вятичи были тѣмъ восточнорусскимъ племенемъ, которое сидѣло въ бассейнѣ Дона, оторванное отъ днѣпровскихъ сородичей и тяготѣвшее къ иному, чѣмъ они, міру. Несторъ знаетъ Вятичей уже на Окѣ; позднѣйшіе лѣтописцы, дополняя Нестора, комментировали его сообщеніе указаніемъ, что Вятичи — это Рязанцы. Дѣлаю отсюда выводъ: Вятичи въ концѣ X или въ теченіе XI вѣка оставили свои прежнія поселенія въ сѣверномъ Подоньѣ и удалились къ сѣверу, въ бассейнъ Оки, куда ихъ приводило теченіе Донца и южныхъ притоковъ Оки. Но этотъ выводъ встрѣчается со значительнымъ затрудненіемъ: Несторъ выводитъ Вятичей изъ Ляховъ; они попали, слѣдовательно, на Оку не съ юга, а съ запада. Едва ли однако передъ нами и здѣсь не результатъ смѣшенія старыхъ и новыхъ отношеній: Нестору было извѣстно преданіе о ляшскомъ происхожденіи жителей бассейна Оки, но то были не Вятичи; Вятичи — это новые насельники въ этой мѣстности, поглотившіе старое ляшское населеніе, уже стѣсненное, какъ мы видѣли, и Сѣверянами и ассимилировавшееся имъ на сѣверѣ, въ Поволжьѣ. Преданіе о ляшскомъ происхожденіи было естественно перенесено на Вятичей, когда послѣдніе появились на Окѣ и сѣли среди Ляховъ. Какъ увидимъ въ §§ 521—523, сѣверные рязанскіе говоры сохраняютъ до сихъ поръ нѣкоторыя такія особенности въ своей рѣчи, которыя легко возвести къ вліянію Ляховъ, напр. цеканье и

1) Вѣроятно близъ совр. станицы Цымлянской.

2) Таковою представляется первоначальная редакція разсказа, еще не разбитаго на года,—читавшагося внѣ хронологической сѣти. Слова «на Оку рѣку» передъ словами «на Волгу» являются вставкой позднѣйшаго лѣтописца (конца XI в.), знавшаго, что Вятичи сидятъ на Окѣ.

дзеканье, шепелявыя *с*, *з*, *ц* и др. Мы вернемся ниже еще разъ къ появленію Вятичей на сѣверѣ, къ удаленію ихъ съ Дона.

Итакъ, вѣроятно, къ IX вѣку восходитъ распаденіе единаго русскаго племени на три племенныя группы: южную, сѣверную и восточную[1]). Быть можетъ, онѣ сохраняли территоріальную связь между собою, но каждая изъ нихъ живетъ въ обособленномъ кругѣ экономическихъ интересовъ, примыкая къ тремъ различнымъ культурнымъ мірамъ. Въ это время уже складывались древнѣйшія звуковыя явленія, опредѣлившія разный характеръ діалектическаго развитія названныхъ трехъ группъ: ср. смѣшеніе *ч* и *ц* на сѣверѣ, редукцію неударяемыхъ *а*, *о*, *е* на востокѣ. Одновременно съ этими центробѣжными движеніями происходили, конечно, и центростремительныя, но уже не во всемъ составѣ распавшагося языка, а въ предѣлахъ отдѣльныхъ племенныхъ группъ. Кіевъ на югѣ сосредоточиваетъ вокругъ себя рядъ южныхъ племенъ: они тянутъ къ нему экономически, и такимъ образомъ подготовляются условія для политическаго единства. Такимъ же центромъ для славянскаго міра на сѣверѣ оказывается Новгородъ: онъ является тѣмъ мѣстомъ, которое связываетъ сѣверныя племена съ моремъ и пріобщаетъ ихъ къ балтійской культурѣ. Вѣроятно, и на юговостокѣ образовывался племенной центръ, имѣвшій значеніе въ объединеніи Славянъ, сидѣвшихъ въ бассейнѣ Дона. Въ IX вѣкѣ видимъ нарожденіе новыхъ явленій, приведшихъ къ образованію русскаго государства и къ объединенію всего восточнаго славянства.

Для объясненія причинъ, содѣйствовавшихъ образованію русскаго государства, недостаточно, какъ кажется, указанія на торговый путь, шедшій по Днѣпру изъ Варягъ въ Греки и привлекшій на себя вниманіе вооруженныхъ торговцевъ — Скандинавовъ; недостаточно также для этого отмѣтить фактъ объединенія всего этого воднаго пути въ рукахъ завладѣвшихъ имъ восточныхъ Славянъ. Во-первыхъ, торговый путь изъ Варягъ въ Греки, какъ вѣрно утверждаетъ новѣйшій изслѣдователь, В. А. Пархоменко, путь сравнительно новый; самое появленіе его требуетъ для себя объясненія; во-вторыхъ, племенное единство восточныхъ Славянъ само по себѣ могло бы и

1) Можемъ указать на одно свидѣтельство XI или XII вѣка о томъ, что русскія племена представлялись сгруппированными въ трехъ большихъ вѣтвяхъ. Въ русской передѣлкѣ Симеонова Златоструя, извѣстной по списку XII в., читаемъ: «(Приде) токмо рече въ овьца погыбъшая домоу Израилева. Тѣхъ ли единѣхъ тѣло възя, и чловѣкъ бысть, и такы строя състави, да тъкъмо единоу страноу спасеши и тоуже погыбноути хотящоу, а миръ вьсь поустъ: Скуѳе, Ѳраке, Инде, Мавре, Кападоке, Соури, и Роусь, и Кривичи, Вятичи, и елико же съльнце объзираеть землю»; по гречески: Σκύθαι, Θρᾷκες, Ἰνδοί, Μαῦροι, Κίλικες, Καππάδοκες, Σύροι, Φοίνικες. (И. И. Срезневскій, Свѣд. и зам. XXII). Итакъ объемъ всего русскаго племени опредѣляется тремя главными его вѣтвями: Русью (Южнорусами), Кривичами (Сѣверорусами) и Вятичами (Великорусами).

не привести ихъ къ политическому объединенію при той раздробленности ихъ, которая соотвѣтствовала разнороднымъ областямъ, ими занятымъ. Объясненіе происхожденія русскаго государства ищемъ въ тѣхъ явленіяхъ, вокругъ которыхъ сосредоточивалась жизнь югозападной и сѣверозападной Россіи въ IX—X в. Мы видимъ именно, что въ этотъ періодъ, отъ времени до времени, на сѣверѣ образуется значительное скопленіе народовъ, и они двигаются къ югу съ прямою цѣлью овладѣть Царьградомъ. Такъ въ 860 году подъ стѣнами Царьграда появляется безчисленная флотилія Русскихъ (свидѣтельство Византійцевъ); можно вслѣдъ за нашимъ лѣтописцемъ сопоставить этотъ походъ съ появленіемъ въ Кіевѣ варяжскихъ предводителей Аскольда и Дира, двинувшихся на югъ изъ Новгорода. Лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого, судя по нашей лѣтописи, другой варяжскій предводитель, собравъ полчища Варяговъ, Чуди, Словѣнъ, Мери, Веси и Кривичей, подошелъ изъ Новгорода къ Кіеву и, овладѣвъ Кіевомъ, черезъ извѣстное время съ тѣми же полчищами, усиленными южнорусскими племенами, устремился на добываніе Царьграда. Черезъ 35 лѣтъ послѣ похода Олега, по соображенію лѣтописца съ данными греческой хроники, Игорь, во главѣ опять таки Варяговъ, Словѣнъ, Кривичей и племенъ южнорусскихъ, дѣлаетъ новую попытку овладѣть Царьградомъ. Сынъ Игоря Святославъ преслѣдуетъ ту же цѣль, но двигается на Балканскій полуостровъ сухимъ путемъ черезъ Дунай. Внукъ Игоря Владиміръ, предводительствуя Варягами, Словѣнами, Чудью, Кривичами, добываетъ себѣ изъ Новгорода Кіевъ, а черезъ нѣкоторое время двигается на Царьградъ, направляясь однако прежде всего на греческій городъ Корсунь. Походы Владиміра и Святослава уже не имѣютъ того стихійнаго характера, какъ походы Аскольда и Дира, Олега и Игоря; это зависѣло отъ того, что Святославъ и Владиміръ направляли свои движенія изъ организованнаго уже государства. Повидимому, юное государство поддавалось по инерціи тѣмъ самымъ стихійнымъ движеніямъ, которыя передъ этимъ создали это самое государство. Стихійныя движенія народовъ сѣвера на югъ для добыванія Царьграда можно сопоставить съ тѣми движеніями индоевропейскихъ племенъ, которыя въ предшествующія эпохи приводили ихъ съ сѣвера на Балканскій и Аппенинскій полуостровъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь народы сѣвера влекутся къ овладѣнію сказочными богатствами юга; разбившись о непреодолимую мощь Византіи, народы сѣверной Россіи основываютъ на югѣ государства, подобно тому какъ у границъ Балканскаго полуострова возникали въ свое время государства Кельтовъ и Германцевъ, а еще раньше у границъ Греціи государства Ѳракійцевъ и Иллирійцевъ.

Броженіе народовъ, приведшее къ интересующимъ насъ движеніямъ, началось, повидимому, на сѣверѣ; объ этомъ громко говоритъ лѣтописное преданіе; на то же указываютъ нѣкоторые опредѣленные факты. Южнорусы были втянуты въ это движеніе и сумѣли затѣмъ воспользоваться его результатами, но движеніе началось не съ нихъ. Съ Царьградомъ, съ византійскою культурой пришли въ столкновеніе впервые, конечно, Южнорусы; въ ихъ преданіяхъ самое основаніе Кіева, точнѣе, самый основатель Кіева, ставится въ связь съ греческимъ царемъ и съ мирною поѣздкой Кія въ Царьградъ, гдѣ онъ былъ принятъ съ великою честью. Черезъ Южнорусовъ стали доходить въ верхнія земли (такъ называли въ Кіевѣ верхнее Поднѣпровье) цѣнные предметы византійской культуры и соблазнительные разсказы о богатствахъ Царьграда. Единоплеменные Полянамъ Кривичи и Словѣне съ жадностью прислушивались къ этимъ разсказамъ. Возможно, что эти южныя теченія не произвели бы сколько-нибудь замѣтнаго результата среди народовъ сѣвера, если бы здѣсь не было могучаго бродильнаго элемента въ лицѣ Варяговъ. Прирожденные пираты и «находники», они сумѣли возбудить броженіе и стать во главѣ народныхъ движеній. Славянамъ принадлежало начало движенія, организація его перешла къ Варягамъ, широко втянувшимъ въ него и покорныя имъ финскія племена.

Стихійное движеніе сильно всколыхнуло весь славяно-финскій сѣверъ; оно подняло и всю Русь, т. е. всѣхъ туземныхъ Скандинавовъ, поспѣшившихъ стать во главѣ движенія. Когда именно двинулись на югъ первыя несмѣтныя полчища Сѣверянъ и Финновъ на югъ, опредѣлить трудно, но есть основаніе думать, что это произошло въ тридцатыхъ годахъ IX столѣтія. Предводительствуемыя Скандинавами полчища естественно назвались Русью, и подъ этимъ именемъ ихъ узнали и южная Россія, и херсонесскіе Греки, и Византія. Цѣлью похода было овладѣніе Царьградомъ. Мы видимъ, что цѣль не была достигнута; но возможно, что попытка осуществить ее зашла довольно далеко; возможно, что Русь пустилась на лодьяхъ къ Царьграду и достигла тѣхъ или иныхъ результатовъ, поживившись на малоазіатскомъ берегу или въ городахъ западнаго Черноморскаго побережья; но, повидимому, первый набѣгъ Руси не произвелъ въ Константинополѣ особеннаго впечатлѣнія, ибо византійскіе историки его не отмѣтили; быть можетъ, Грековъ охранила и въ этотъ разъ, какъ неоднократно впослѣдствіи, морская стихія, потопивъ бурей русскія лодьи. Вѣроятнымъ представляется, что разбитыя полчища вернулись на сѣверный берегъ Чернаго моря и осѣли здѣсь, или въ южномъ Поднѣпровьѣ, или восточнѣе, у береговъ Азовскаго моря; ср. здѣсь, при устьѣ Дона, городъ Росія (Ῥωσία), извѣстный въ XII в.

и находившійся тогда подъ властью Грековъ вмѣстѣ съ Тмутороканью. Выставленный здѣсь рядъ предположеній имѣетъ въ виду объяснить какъ послѣдующія явленія, такъ и нѣкоторыя данныя, указывающія на присутствіе Руси въ южной Россіи задолго до перваго засвидѣтельствованнаго византійскими источниками морского набѣга Руси на Царьградъ. Такъ лѣтописи Бертинскія повѣствуютъ о прибытіи въ Константинополь осенью или зимою 838 года пословъ отъ народа, именуемаго Русью; въ маѣ 839 года въ Ингельгеймъ, ко двору Людовига Благочестиваго, прибыло греческое посольство съ грамотой императора Ѳеофила о скрѣпленіи союза; греческіе послы ходатайствовали между прочимъ о пропускѣ пословъ, которые «называли себя, т. е. свой народъ, Русью»; послы эти прибыли въ Константинополь отъ имени ихъ царя Хакана (Chacanus) съ цѣлью завязать дружественныя отношенія съ императоромъ; послы эти затруднялись воротиться на родину ближайшимъ путемъ по причинѣ опасностей, которыя угрожали со стороны варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ. Франки отнеслись къ пришельцамъ подозрительно; въ результатѣ допросовъ оказалось, что эти представители Руси были Шведами. Имѣя въ виду самый фактъ прибытія русскихъ пословъ въ Константинополь, далѣе титулъ ихъ царя «каганъ», обычный въ южной Руси (гдѣ такъ долго господствовали Турки, а въ IX в. турецкое племя Хазаровъ), едва ли можно усомниться въ томъ, что эти Русскіе прибыли въ Константинополь изъ южной Россіи. Слѣдовательно, Русь сидѣла тамъ уже въ первой половинѣ IX в.; по происхожденію своему — это были Скандинавы, Шведы. Посольство прибыло въ Константинополь съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, чтобы завязать дружбу съ Греками; во-вторыхъ, чтобы опредѣлить путь въ Швецію черезъ Западную Европу. Это показываетъ, что Русь въ то время сравнительно только недавно утвердилась въ южной Россіи и что она была озабочена обезпеченіемъ себѣ связи съ далекими родичами. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что путь по Днѣпру закрылся для воспользовавшихся имъ для движенія съ сѣвера на югъ полчищъ: восточные Славяне — Поляне, Сѣверяне, Кривичи были вынуждены пропустить эти полчища на югъ, но не допустили возвращенія разбитыхъ полчищъ на сѣверъ.

Броженіе сѣверныхъ племенъ, ихъ стихійное стремленіе на югъ, не могло остановиться и послѣ ухода съ сѣвера тѣхъ полчищъ, которыя повела за собой Русь. Напротивъ, броженіе должно было усилиться. Крѣпкій укладъ, прочно сложившіяся экономическія и политическія отношенія — все это было разрушено вмѣстѣ съ уходомъ на югъ господствующихъ элементовъ и организованныхъ ими военныхъ дружинъ. Смутное преданіе объ

этихъ новыхъ условіяхъ дошло до насъ черезъ посредство лѣтописи: «и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правьды, и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати начаша сами на ся». Сообщеніе это относится къ племенамъ сѣвера — Словѣнамъ, Кривичамъ, Чуди, Веси и Мерѣ, изгнавшимъ будто Варяговъ за море и отказавшимъ имъ въ дани. Но не изгнаніе Варяговъ, едва ли вообще возможное и осуществимое, привело сѣверныя племена къ описанному въ лѣтописи состоянію, а удаленіе съ сѣвера на югъ — Руси и лучшихъ мужей, завербованныхъ Русью въ свои полчища. И водворившаяся на сѣверѣ смута имѣла слѣдствіемъ не призваніе Варяговъ сбросившими съ себя ихъ иго племенами, а появленіе заморскихъ Варяговъ по собственному ихъ почину. Если кто могъ призвать Варяговъ, то только ихъ сородичи, оставшіеся среди славянскихъ и финскихъ племенъ: Славяне и Финны воспользовались ихъ малочисленностью и сбросили или пытались сбросить съ себя чужеземное иго. Какъ я только что указалъ, свидѣтельство о смутѣ въ восточномъ Славянствѣ и о сверженіи русскаго (шведскаго) ига на сѣверѣ можно извлечь и изъ Бертинскихъ анналовъ; присоединимъ сюда и то еще обстоятельство, что искорененіе самаго имени Русь на сѣверѣ можетъ указывать на истребленіе оставшихся здѣсь Скандинавовъ. Есть рядъ данныхъ для утвержденія, что особенно активно выступили въ этомъ движеніи именно славянскія племена — Словѣне и Кривичи; но они были поддержаны и Мерею, т. е. болѣе восточными финскими племенами; ср. подъ 882 годомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ сообщеніе о дани, наложенной кіевскимъ (русскимъ) княземъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю. Изгнанные Скандинавы скрылись, повидимому, среди западно-финскихъ племенъ, Чуди и Веси, и оттуда искали помощи за моремъ, призывая Варяговъ.

Прибывшіе на зовъ ихъ Скандинавы были для Финновъ тѣми же Ruotsalaiset, что прежніе ихъ покорители, ибо самая Скандинавія, Швеція называлась Финнами Ruotsi; но для Словѣнъ и Кривичей — это были уже не Русскіе, не Русь, удалившаяся на югъ и тамъ оставшаяся, а Варяги, ибо Швеція называлась ими Варяжскою землей, а Балтійское море — моремъ Варяжскимъ. Варяги появились на славянскомъ сѣверѣ въ качествѣ завоевателей; поддержанные финскими племенами, они утвердили свое господство надъ Словѣнами, Кривичами и Мерей, обложили ихъ данью. Вѣроятно, что утвержденіе Варяговъ въ Новгородѣ, Изборскѣ, Полотскѣ, Бѣлоозерѣ и Ростовѣ относится къ серединѣ IX столѣтія. Въ завоеванныхъ странахъ они застали все тоже броженіе въ народныхъ массахъ, которое за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ привело къ образованію многочисленныхъ полчищъ, дви-

нувшихся на югъ подъ водительствомъ Руси. Броженіемъ поспѣшили воспользоваться наиболѣе предпріимчивые изъ варяжскихъ вождей. Имена двоихъ такихъ вождей сохранило народное преданіе до XI в.: Аскольдъ и Диръ около 860 года стали во главѣ сѣверныхъ полчищъ и по пути, использованному предшествующимъ нашествіемъ, устремились къ добыванію Царьграда. Лѣтопись представляетъ ихъ себѣ боярами Рюрика, испросившимися со своими родами къ Царьграду. Но признаніе Аскольда и Дира боярами Рюриковыми, вышедшими изъ повиновенія князю, стоитъ въ прямой зависимости отъ теоріи лѣтописца объ единствѣ княжеской власти на Руси, теоріи, исключавшей возможность иныхъ въ Кіевѣ князей, кромѣ князей Рюрикова дома; а мысль о поѣздкѣ Аскольда и Дира въ Царьградъ съ цѣлью предложить тамъ службу заимствована изъ современныхъ лѣтописцу отношеній: ср. образованіе въ XI в. при дворѣ императора служилаго класса Варяговъ, Варягорусовъ. Однако стремленіе Аскольда и Дира въ Царьградъ вѣрно угадано лѣтописцемъ, и возможно, что онъ не ошибся, когда въ разсказанный имъ ниже по хроникѣ Амартола русскій походъ на Царьградъ онъ вставилъ имена Аскольда и Дира. Въ виду предшествующихъ соображеній можно думать, что Аскольдъ и Диръ направили приведенныя ими полчища прямо къ Черному морю для морского набѣга на Царьградъ. Набѣгъ 860 г. былъ гибельнымъ для Русскихъ. Можно думать, что Аскольдъ и Диръ соединились съ Русью, т. е. съ остатками тѣхъ полчищъ, которыя до 838 года были приведены съ сѣвера неизвѣстнымъ предводителемъ, осѣвшимъ на югѣ Россіи и принявшимъ титулъ кагана. Оставшимся въ живыхъ, уцѣлѣвшимъ отъ катастрофы, вызванной морской бурей, варяго-русскимъ дружинамъ Аскольда и Дира пришлось основаться въ южной Россіи, при чемъ онѣ не оставляли вѣроятно надежды на возобновленіе похода, на завладѣніе Царьградомъ. Съ увѣренностью можно утверждать, что опорнымъ пунктомъ на этотъ разъ былъ избранъ Кіевъ; мы видѣли, что разбитыя до 838 года полчища могли утвердиться и не въ Кіевѣ, а гдѣ-нибудь на юго-востокѣ. Возможно, что удаленіе безпокойныхъ дружинъ отъ моря было результатомъ соглашенія Византіи съ Хазарами. О дружественныхъ отношеніяхъ императора съ хазарскимъ каганомъ свидѣтельствуютъ многія современныя данныя; о столкновеніяхъ Руси съ Хазарами въ тѣ отдаленныя времена сохранились въ нашей лѣтописи преданія; преданія эти какъ-будто противорѣчивы: съ одной стороны, лѣтопись сообщаетъ, что Хазары взимали дань съ Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Полянъ (о дани съ Полянъ дрикратно — подъ 859 и 862 г.), а съ другой, въ вводныхъ статьяхъ лѣтописи читаемъ о томъ, какъ Хазары отказались отъ обложенія Кіевскихъ Полянъ данью,

когда послѣдніе въ видѣ дани предложили свои (обоюдоострые) мечи. Представляется вѣроятнымъ, что Поляне были дѣйствительно обложены Хазарами данью и при томъ такою же данью, какъ Радимичи и Вятичи («по щьлягу отъ рала»); но Русь не поддалась хазарскому владычеству и освободила отъ него также и Полянъ. Итакъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ Аскольдомъ и Диромъ, осѣли Варяги и Русь; ср. въ лѣтописи подъ 862 годомъ: «Асколдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи Варяги съвъкуписта, и начаста владѣти Польскою землею»; ср. рядомъ съ этимъ «Русь» въ сообщеніи о походѣ Аскольда и Дира на Византію; ср. еще сообщеніе Новгор. 1-й лѣтописи о томъ, что позже варяжскія и словѣнскія дружины Игоревы, сѣвъ въ Кіевѣ, прозвались Русью. Численное преобладаніе Руси, успѣвшей передать свое имя и подчиненнымъ ей полчищамъ, обезпечило перевѣсъ ея имени передъ именемъ Варяговъ. Русью стало называться основанное Варягами въ Кіевѣ государство.

Этому новому государству пришлось занять совершенно исключительное положеніе въ отношеніи къ народамъ сѣвера. Возникши въ результатѣ по крайней мѣрѣ двукратно отраженныхъ экспедицій сѣверныхъ народовъ, снаряженныхъ ими для овладѣнія Царьградомъ, русское государство стало на пути, ведшемъ съ сѣвера на югъ, къ Царьграду. Путь этотъ оказался такимъ образомъ закрытымъ, ибо конечною мечтой осѣвшихъ въ Кіевѣ Варяговъ и Русскихъ было собираніе новыхъ силъ для новаго похода на Грековъ. Это обстоятельство привело русское государство въ столкновеніе съ сѣверомъ. Тамъ еще не улеглось броженіе, вызвавшее двукратное движеніе народныхъ полчищъ на югъ. Появленіе энергичнаго предводителя во главѣ быстро образовывавшихся новыхъ дружинъ должно было открыть имъ путь на Царьградъ. Вѣроятно, въ началѣ X вѣка (хронологія Повѣсти вр. лѣтъ, относящей походъ Олега на югъ къ 882 году, не имѣетъ подъ собой фактической почвы), подъ предводительствомъ Олега двинулись на Царьградъ полчища Словѣнъ, Кривичей, Мери, Чуди и Веси; на пути лежало русское государство; оно было покорено Олегомъ; Кіевъ къ тому времени сталъ, вѣроятно, виднымъ политическимъ и торговымъ центромъ. Политическое его значеніе опредѣлялось тѣмъ, что мѣстный князь стремился подчинить своей власти окрестныя русскія племена (лѣтописи говорятъ о столкновеніяхъ Аскольда съ Древлянами и Угличами), а торговое значеніе Кіева обезпечивалось ему его географическимъ положеніемъ, а быть можетъ, и дружественными сношеніями съ Византіей; Аскольдъ и Диръ могли ихъ завязать по примѣру русскаго кагана 838 года. Это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что Олегъ избралъ Кіевъ исходною точкой для своего похода на

Царьградъ. Объ его походѣ до насъ не дошло византійскихъ извѣстій, но русское народное преданіе, вошедшее въ лѣтопись, сообщаетъ о побѣдныхъ результатахъ, достигнутыхъ вѣщимъ Олегомъ. Самая личность этого князя представляется исторически вполнѣ достовѣрною, что видно изъ договора его съ Греками, а также изъ недавно найденнаго еврейскаго документа, гдѣ упоминается Халгу (Halgu или Helgu), царь Русіи, напавшій, по подстрекательству греческаго царя Романа, на хазарскій городъ Самбараю. Дѣятельностью энергичнаго Олега было обезпечено развитіе могущества русскаго государства; едва ли безъ достаточныхъ основаній, почерпнутыхъ хотя бы изъ народныхъ преданій и пѣсенъ, лѣтопись представила Олега собирателемъ русской земли. «И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны и Сѣверяны и Радимичи». Но мало вѣроятнымъ представляется, чтобы ему были покорны также Кривичи и Словѣне, т. е. новгородскій, полоцкій и смоленскій сѣверъ; имѣются основанія думать, что Олеговъ договоръ упоминалъ только о трехъ русскихъ городахъ Поднѣпровья — Кіевѣ, Переяславлѣ и Черниговѣ и что, слѣдовательно, границы Олеговыхъ владѣній опредѣлялись областями, прилегавшими къ этимъ городамъ[1]). Повѣсть вр. лѣтъ говоритъ, правда, о дани, наложенной Олегомъ на Словѣнъ, Кривичей и Мерю, но старшій сводъ, сохранившійся въ отрывкахъ въ Новгородской 1-й лѣтописи, установленіе такой дани приписываетъ Игорю.

Упорная лѣтописная традиція заставляетъ признать Игоря преемникомъ Олега. Но отношенія Игоря къ Олегу не ясны. Въ Начальномъ сводѣ (Новгор. 1-й лѣтописи) Олегъ изображается воеводой Игоря; при жизни Олега Игорь дѣйствуетъ совмѣстно съ нимъ, и только послѣ смерти Олега, видимъ Игоря дѣйствующимъ самостоятельно; въ Повѣсти вр. лѣтъ Олегъ — родственникъ и опекунъ Игоря, ставшій княземъ во время малолѣтства послѣдняго, но продолжавшій управлять и послѣ того, что Игорь возмужалъ и пришелъ въ зрѣлый возрастъ. Эта неопредѣленность отношеній даетъ основаніе думать, что Игорь связанъ съ Олегомъ только хронологически. Возможно, что Игорь былъ дѣйствительно сыномъ Рюрика, князя новгородскаго. Но въ такомъ случаѣ становится вѣроятнымъ, что Олегъ былъ такимъ же независимымъ и самозваннымъ княземъ, какимъ лѣтопись представляетъ Аскольда и Дира; Олегъ сталъ на сѣверѣ во главѣ народнаго движенія на Царьградъ и порвалъ съ Рюрикомъ такъ же, какъ до него пор-

1) Въ дошедшемъ текстѣ къ словамъ «ис Киева и паки ис Чернигова и ис Переяславля» прибавлено: «и прочии гради», но рядъ данныхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что прибавка эта позднѣйшая.

вали съ новгородскимъ сѣверомъ первые варяжскіе князья Кіева Аскольдъ и Диръ. Смерть Олега, а можетъ быть и борьба съ нимъ привела Игоря на кіевскій столъ. Игорь пришелъ на югъ съ такими же полчищами, какія раньше увели съ сѣвера Аскольдъ и Диръ, позже Олегъ. Игоревы полчища сначала осаживаются въ Кіевѣ, а затѣмъ, и притомъ вѣроятно въ вскоромъ времени устремляются къ югу на добычу Царьграда. Объ этомъ можно догадываться по послѣдующимъ событіямъ: приведенные съ сѣвера Владиміромъ и Ярославомъ Варяги, не засиживаясь въ Кіевѣ, пролагаютъ себѣ путь въ Константинополь. Отсюда можно заключить, что водвореніе Игоря въ Кіевѣ относится ко времени около 940 года, ибо походъ Игоревъ на Царьградъ падаетъ на 941 годъ по опредѣленному указанію продолжателя Амартола; наша лѣтопись полагаетъ что Олегъ умеръ въ 912 году и что съ этого года въ Кіевѣ правилъ Игорь; но такая ранняя смерть Олега опровергается упомянутымъ выше еврейскимъ документомъ, гдѣ Олегъ упомянутъ, какъ современникъ Романа, Романъ же вѣнчанъ на царство только въ 920 году. Ошибочная хронологія лѣтописи произошла отъ того, что она продолжительность царствованій Олега и Игоря опредѣляла эпическимъ числомъ, заимствованнымъ, очевидно, изъ пѣсни или былины, числомъ 33. Игорь скончался въ 945 году по лѣтописи (что, возможно, соотвѣтствуетъ дѣйствительности); начало его княженія относится поэтому на 912 годъ, а начало княженія его предшественника Олега на 879 годъ. Игоря можно признать сыномъ новгородскаго князя Рюрика еще по тому соображенію, что впервые при немъ произошло объединеніе подъ одною властью Кіева съ Новгородомъ; о такомъ объединеніи говоритъ, напр., Константинъ Багрянородный, о немъ свидѣтельствуютъ и русскія преданія: такъ княгиня Ольга, вдова и преемница Игоря, связала свое имя не только съ Кіевомъ, но и съ Сѣверскимъ Поднѣпровьемъ, а также съ Новгородскою областью, гдѣ на Мстѣ и Лугѣ въ XI вѣкѣ сохранялись слѣды ея административной дѣятельности.

Государственная мощь Кіева при Святославѣ достигла значительной высоты; но она была направлена не на внутреннее строительство, а на завоеванія. Очевидно, еще не улеглось великое броженіе народовъ сѣвера, и пополняемыя выходцами оттуда княжескія дружины искали примѣненія своимъ силамъ. Съ Византіей русская держава была въ договорныхъ отношеніяхъ: Игорь въ 945 году возобновилъ договоръ своего предшественника Олега; Ольга совершила двукратное путешествіе въ Константинополь и получила оттуда крещеніе. Святославу не приходилось поэтому мечтать о набѣгѣ на греческіе предѣлы. Его вниманіе направляется на востокъ, гдѣ онъ

наноситъ удары хазарской державѣ; это ведетъ къ распространенію русскаго господства далеко на востокъ и юговостокъ; Святославу покоряются Вятичи и, очевидно, также Тмутороканская область. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это ставитъ Кіевъ лицомъ къ лицу съ печенѣжскими ордами; послѣднія кочевали на югѣ Россіи уже давно, появившись здѣсь послѣ ухода Мадьяръ, но они сдерживались Хазарами, и, быть можетъ, стояли въ подчиненномъ отношеніи къ хазарскому кагану; паденіе каганата освободило Печенѣговъ, и они начинаютъ тревожить Кіевъ и его южные предѣлы постоянными набѣгами. Изъ анализа лѣтописной статьи 968 года, начинающейся словами «Придоша Печенѣзи на Руску землю первое», ясно слѣдуетъ, что Печенѣги совершили свой набѣгъ на Кіевъ въ то время, когда Святославъ былъ на востокѣ, очевидно, сражаясь съ Хазарами, и приводя подъ свою власть Ясовъ и Касоговъ; составитель Начальнаго свода пріурочилъ набѣгъ къ походу Святослава на Грековъ, но едва ли Претичъ, воевода Святослава, переѣхавъ на кіевскую сторону съ лѣваго берега Днѣпра, могъ бы объявить себя предводителемъ передового отряда, если бы князь былъ на западѣ, а не на востокѣ. Печенѣги воспользовались въ другой разъ походомъ Святослава на Грековъ, загородили ему путь по Днѣпру и затѣмъ избили остатки Святославова войска. Несмотря на свое отвлеченіе на востокъ и на грозныя тучи, вызванныя паденіемъ хазарскаго царства и собиравшіяся въ южной Россіи въ лицѣ Печенѣговъ, Святославъ все таки втянулся въ походъ на Византію. Этотъ походъ, какъ я уже говорилъ, мало напоминаетъ стихійныя движенія полчищъ, предводительствуемыхъ предшественниками Святослава; онъ предпринятъ изъ Болгаріи, куда Святослава призвали сами Греки; но характерно то, что побудительными причинами къ походу являются тѣ самыя, что имѣли мѣсто раньше, когда шли народныя волны съ новгородскаго сѣвера на югъ, къ Черному морю. Святославъ и его дружина ищутъ добычи и готовы осѣсть въ покоренной странѣ, если она дастъ имъ богатство и приволье; завладѣвъ Болгаріей и объявивъ Преславъ своей столицей, Святославъ двигается затѣмъ на Царьградъ; онъ засѣлъ бы и тамъ, если бы походъ его увѣнчался успѣхомъ; двигателями оказываются не государственные интересы, а хищническіе инстинкты.

Смерть Святослава, а, можетъ быть, и все его бурное княженіе привели къ распаденію кіевской державы; новгородскій сѣверъ освобождается отъ кіевскаго господства. Вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ усиленіе здѣсь пришлыхъ варяжскихъ элементовъ. Такъ къ полоцкимъ Кривичамъ приходитъ Варягъ Рогволодъ и основываетъ здѣсь свое княженіе; Варяги проникаютъ и южнѣе, въ землю Дреговичей и Древлянъ: въ Туровѣ садится

варяжскій князь Туры. Новгородскій князь Владиміръ, сынъ Святослава, пользуясь тѣми или иными благопріятными условіями, объединяетъ сѣверъ подъ своею властью (ср. его походъ на Полотскъ) и затѣмъ направляетъ свои полчища, состоявшія изъ Словѣнъ, Кривичей, Чуди и Варяговъ, на югъ для добыванія Кіева. Возможно, что этимъ полчищамъ представлялась иная цѣль похода — добываніе Царьграда. Варяги, участвовавшіе въ походѣ, обложили Кіевъ поголовною данью; чтобы избавиться отъ Варяговъ, Владиміръ, по ихъ требованію, отправилъ ихъ въ Грецію; они пошли туда съ предложеніемъ своихъ услугъ императору. Такъ выродились въ новыя формы тѣ стихійныя движенія, которыя нѣкогда приводили къ великимъ завоевательнымъ экспедиціямъ.

Владиміръ былъ настоящимъ основателемъ русскаго государства; онъ объединилъ подъ своею властью всѣ восточнославянскія племена. Пріобщеніемъ государства къ византійской цивилизаціи Владиміръ далъ ему опредѣленный обликъ и создалъ могущественныя средства для внутренняго единенія. Походъ Владиміра на Грековъ преслѣдовалъ ясно обозначившіяся государственныя цѣли — онъ долженъ былъ, очевидно, закрѣпить тѣ торговыя связи, которыя налаживались между Русскими и Греками со временъ Олега, и установить непосредственное общеніе съ греческой культурой, проникавшею раньше черезъ посредство Болгаріи. Владиміръ поставилъ себѣ рядъ задачъ для внутренняго государственнаго строительства; онъ не стремился къ завоеваніямъ; Корсунь, имъ покоренный, онъ отдалъ Грекамъ за вѣно греческой царевны Анны; столкновеніе его съ Ляхами изъ-за Червенскихъ городовъ было послѣдствіемъ собиранія восточно-славянскихъ земель, ибо галицкіе Хорваты и названные города тѣснѣйшимъ образомъ примыкали къ южнорусскимъ племенамъ; одною изъ главныхъ заботъ Владиміра было обезпеченіе южныхъ и юговосточныхъ границъ своей державы; для этого онъ строилъ города по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; для заселенія пограничныхъ городовъ, для защиты государства онъ призывалъ къ югу тѣ самые элементы, которые нѣкогда стремились на югъ для завоеваній и для добыванія Царьграда. «И поча наруbати мужѣ лучшиѣ отъ Словенъ и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь,— говоритъ лѣтописецъ, — и отъ сихъ насели грады; бѣ бо рать отъ Печенѣгъ, и бѣ воюяся с ними и одалая имъ». Объединеніе всѣхъ восточныхъ Славянъ подъ державой Владиміра ясно вытекаетъ изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о распредѣленіи земель между его сыновьями; въ составъ ихъ удѣловъ входятъ и Полотскъ, и Туровъ, и Ростовъ, и Муромъ, и Тмуторокань.

Мнѣ пришлось такъ долго остановиться на вопросахъ, относящихся къ

образованію русскаго государства, главнымъ образомъ потому, что я хотѣлъ подчеркнуть то значеніе, какое оно имѣло въ этнографической и лингвистической жизни восточнаго славянства. Исторія восточнаго славянства начинается съ разселенія входящихъ въ составъ его племенъ; распаденіе восточнославянскихъ племенъ и ихъ языка относится къ VII и VIII в.; историкъ языка, допустивъ такое раннее раздробленіе восточнославянскаго единства, останавливается передъ вопросомъ, какъ же могла сохраниться въ теченіе многихъ вѣковъ значительная близость между восточнославянскими нарѣчіями, почему историческія данныя устанавливаютъ близость и общность между ними въ первые вѣка нашей письменности, почему, наконецъ, отошедшія нѣкогда далеко другъ отъ друга племена стали переживать и въ позднѣйшее время общія явленія въ своемъ языкѣ? И вотъ ясно обозначаются отвѣты на эти вопросы. Центробѣжнымъ стремленіямъ эпохи доисторической противополагаются центростремительныя движенія въ эпохи историческія. Распаденію племенъ, ихъ раздробленнымъ колонизаціоннымъ движеніямъ, ихъ разселенію въ областяхъ, разъединенныхъ группами инородцевъ, послѣдующая жизнь противопоставляетъ рядъ объединяющихъ началъ. Однимъ изъ наиболѣе значительныхъ по своимъ результатамъ центростремительныхъ началъ должно признать образованіе русскаго государства. Его объединительное значеніе выразилось не только въ томъ, что благодаря ему отдѣльныя русскія племена втянулись въ общую политическую жизнь; — значеніе это зависѣло прежде всего отъ того, что самое созданіе государства было результатомъ совмѣстныхъ дѣйствій и движеній нѣсколькихъ русскихъ племенъ. Мы видѣли, что оно возникло на югѣ Россіи, какъ слѣдствіе того броженія, въ какомъ находились народы сѣвера и прежде всего восточнославянскіе Кривичи и Словѣне, стремившіеся на югъ къ овладѣнію Царьградомъ; въ стихійномъ своемъ движеніи къ этой цѣли сѣверныя племена увлекали и южныя: къ Кривичамъ и Словѣнамъ въ походахъ Олега и Игоря присоединились Сѣверяне, Древляне, Поляне, Дулѣбы и Тиверцы. Русское могущество у Чернаго моря основано совокупными дѣйствіями многихъ восточнославянскихъ племенъ; равнымъ образомъ кіевское государство создано не одними Полянами и окрестными южными племенами, но также и племенами сѣвера; Владиміръ обезпечивалъ безопасность своей державы, привлекши къ оборонѣ восточныхъ и южныхъ ея границъ и восточныхъ Вятичей и сѣверныхъ Кривичей и Словѣнъ. Всѣ эти передвиженія и совокупныя дѣйствія русскихъ племенъ создавали живое между ними общеніе; подъ его вліяніемъ стиралась этнографическая и діалектическая обособленность, которая не преминула бы развиться при гео-

графическомъ разъединеніи разошедшихся по обширному пространству Россіи восточнославянскихъ племенъ. Обособленность эта должна была выступить особенно рѣзко, какъ только эти племена, удалившись изъ первоначальной своей общей родины, втягивались въ сферу различныхъ культурныхъ районовъ. Мы видѣли, что южныя племена оставались въ сферѣ возможнаго на нихъ воздѣйствія со стороны культуры византійской и черноморской, восточныя втягивались въ сферу хазарской культуры, сѣверныя заняли районы, гдѣ вліяла культура балтійская. Образованіе кіевскаго государства, объединеніе подъ его властью сначала воднаго пути изъ Варягъ въ Греки, а затѣмъ всѣхъ вообще земель, занятыхъ восточными Славянами, имѣло послѣдствіемъ культурное объединеніе всего восточнаго славянства. Этому его объединенію, такъ же какъ самому образованію государства предшествовало знаменательное явленіе, разсмотрѣнное нами выше: стихійное броженіе племенъ сѣвера и неудержимое стремленіе ихъ на югъ, въ области византійской культуры. Понятно, что создавшееся въ результатѣ этихъ движеній государство, основавшись въ предѣлахъ, естественно тянувшихъ къ Византіи, стало проводникомъ единой, византійской культуры на всемъ пространствѣ объединенныхъ имъ племенъ. Яснымъ доказательствомъ, что культура восточнославянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ кіевскаго государства, была едина, служитъ исторія принятія Русью христіанства: вслѣдъ за Кіевомъ пріобщается къ христіанской вѣрѣ Новгородъ; связанныя съ именами св. Бориса и Глѣба легенды заставляютъ думать, что не болѣе какъ черезъ двадцать пять лѣтъ со времени оффиціальнаго принятія христіанства въ Кіевѣ, оно проникло и утвердилось въ предѣлахъ Ростовской области и совр. Тверской губерніи. Лѣтописецъ конца XI в. представляетъ себѣ всю русскую землю крещеной, и лишь среди восточныхъ Вятичей, быть можетъ, подъ дѣйствіемъ восточныхъ на нихъ вліяній, христіанство утверждается уже только въ XII в. Удаленіе «лучшихъ» людей съ сѣвера на югъ ослабило связь сѣвера съ центрами балтійской культуры и повернуло Новгородъ лицомъ къ Кіеву и Царьграду; разрушеніе хазарскаго царства оторвало Вятичей отъ восточныхъ вліяній и повернуло также и ихъ лицомъ къ югозападу.

Кіевъ, объединяя русскія племена Поднѣпровья и сосѣднихъ сѣверныхъ областей, является проводникомъ особой культуры, которую можно назвать южнорусскою. Ее создалъ сложный рядъ явленій, только отчасти отмѣченныхъ выше. Сѣверные берега Чернаго моря, несмотря на всѣ опустошенія ихъ смѣнявшими другъ друга варварами, представлялись почвой съ глубоко заложенными въ ней элементами цивилизаціи; это зависѣло отъ

непрерывнаго воздѣйствія на югъ Россіи со стороны греческой — византійской и малоазіатской культуры, имѣвшей никогда не угасавшіе, вѣчные проводники въ городахъ Крыма. Небольшое пространство этого полуострова, защищеннаго особенными физическими условіями отъ вторженія варваровъ, укрывало рядъ народностей, осколковъ, уцѣлѣвшихъ отъ проносившихся по Южной Россіи бурь; это способствовало живому культурному общенію. Здѣсь кромѣ Грековъ жили Готы, Черные Болгары, Евреи. Лишь только на материкѣ наступало успокоеніе, Крымъ возобновлялъ свои сношенія съ нимъ и оживлялъ его торговыми и промышленными связями. Поднѣпровье находилось въ постоянномъ общеніи съ этимъ ближайшимъ аванпостомъ греческой культуры. Частью черезъ Крымъ, частью непосредственно шло вліяніе на Поднѣпровье съ востока, гдѣ сидѣли Хазары съ ихъ пестрой и сложной культурой; вліяніе это облегчалось тѣмъ, что подъ властью Хазаръ въ тѣсномъ съ ними сосѣдствѣ сидѣли восточнославянскія племена, не порывавшія своего сосѣдства съ поднѣпровскими сородичами. Черезъ нихъ шли также кавказскія вліянія: Ясы, Касоги были непосредственными сосѣдями пріазовской Руси. Еще значительнѣе были тѣ культурныя вліянія, которыя шли въ Кіевъ съ югозапада, изъ славянской Болгаріи; послѣдняя къ X вѣку достигла высокой степени культурнаго развитія, благодаря воздѣйствію на нее греко-романской цивилизаціи; благосостояніе этой страны картинно изображено въ рѣчи, вложенной лѣтописью въ уста Святослава передъ отправленіемъ его во второй походъ противъ Болгаръ. Когда благопріятныя условія позволили русскимъ племенамъ (Тиверцамъ, которыхъ на Руси называли тълковинами, т. е. переводчиками, что указываетъ на ихъ двуязычность) продвинуться къ Дунаю и Черному морю, они вошли въ непосредственныя сношенія съ Болгарами, едва ли особенно близкія въ предшествующія эпохи. Болгарское вліяніе усилилось, конечно, послѣ походовъ Святослава: съ одной стороны, походы эти проложили на Балканы путь «горою», а съ другой совпали съ появленіемъ на востокѣ Печенѣговъ, ослабившихъ связь Кіева съ востокомъ и затруднившихъ его сношенія съ Греками черезъ Крымъ. Съ западнымъ славянствомъ, Поляками и Чехами, кіевскому государству пришлось неминуемо столкнуться, какъ только къ Кіеву потянули югозападныя русскія племена: это привело къ спору изъ-за Червенскихъ городовъ и къ войнѣ съ Хорватами. Чехи и Поляки, ставши въ живыя общенія съ русскимъ государствомъ, становились проводниками туда западноевропейской, романо-германской культуры. Весьма живо и, конечно, близко къ дѣйствительности представлялъ себѣ, при описаніи крещенія Владиміра,

лѣтописецъ международное положеніе Кіева и тѣ перекрестныя вліянія, которыя въ немъ встрѣчались; Владиміра, ищущаго вѣры, посѣщаютъ со своими предложеніями: Болгары «вѣры Бохмичѣ», преемники хазарской, поволжской культуры, Евреи изъ земли хазарской, Нѣмцы и, наконецъ, Греки. Владиміръ по дальнѣйшему сообщенію лѣтописи поддерживалъ добрыя отношенія съ Уграми, Поляками и Чехами. Лѣтописецъ XI вѣка забываетъ совсѣмъ про дунайскихъ Болгаръ: это объясняется тяжелыми обстоятельствами, переживавшимися Болгаріей въ XI вѣкѣ, когда она утратила свою самостоятельность и попала подъ владычество Грековъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Владиміръ принялъ вѣру именно отъ Болгаръ и что въ X вѣкѣ Кіевъ поддерживалъ самыя оживленныя сношенія именно съ Болгаріей.

Для историка русской культуры, а въ частности и языка это обстоятельство имѣетъ большое значеніе: Кіевъ получилъ черезъ Болгарію то могущественное орудіе духовнаго просвѣщенія, которое сдѣлало его духовнымъ центромъ всѣхъ русскихъ племенъ и содѣйствовало ихъ объединенію. Получивъ изъ Болгаріи христіанство, Кіевъ одновременно заимствовалъ оттуда книжный языкъ. Русскіе стали смотрѣть на этотъ языкъ какъ на свое достояніе; произнося его звуки, употребляя его для своихъ нуждъ, они не справлялись съ законами живого болгарскаго произношенія или синтаксиса, а подчиняли его требованіямъ своего языка. Съ XI вѣка начинается почти тысячелѣтняя исторія развитія русскаго книжнаго языка. Инославянскій по своему происхожденію, онъ съ теченіемъ времени становится все болѣе и болѣе русскимъ, постоянно общаясь и смѣшиваясь съ живымъ языкомъ господствующихъ центровъ и такимъ образомъ воспринимая и специфическія черты отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій. Книжный языкъ XI вѣка — это непосредственный родоначальникъ нашего современнаго великорусскаго книжнаго языка; до сихъ поръ обнаруживается инославянская основа послѣдняго; онъ содержитъ въ себѣ еще и теперь на половину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной рѣчи; его русскіе элементы отражаютъ различныя этнографическія среды, черезъ которыя онъ проходилъ; впрочемъ, элементы южнорусскіе отступаютъ все больше на задній планъ, давая мѣсто элементамъ великорусскимъ, какъ и въ живой рѣчи великорусскихъ центровъ и прежде всего Москвы мы видимъ здѣсь тѣсное единеніе элементовъ сѣверно-русскихъ съ южновеликорусскими. Мы отступили, однако, отъ послѣдовательнаго хода изложенія. Указавъ на принятіе христіанства отъ Болгаръ и на заимствованіе отъ нихъ же книжнаго языка, я хотѣлъ отмѣтить и этотъ весьма важный моментъ, сыгравшій чрезвычайную роль

въ дѣлѣ объединенія русскихъ племенъ, въ созданіи единой для всего русскаго народа южнорусской культуры.

Пути единенія въ области языка ясны и опредѣленны: правящіе классы, интеллигенція, духовенство получаютъ изъ центра и просвѣщеніе, и языкъ и проводятъ ихъ дальше въ народныя массы. Вмѣстѣ съ новыми словами для новыхъ понятій въ народный русскій языкъ проходили и новые звуки; вышедшіе изъ народа княжескіе дружинники, боярскіе тіуны, монастырскіе слуги воспринимали языкъ господствующихъ классовъ и становясь, такъ сказать, двуязычными, передавали особенности своей рѣчи и дальше, широкимъ народнымъ массамъ. Все тянется къ свѣту, просвѣщенію, культурѣ: и какъ только въ странѣ складываются основанія для своей мѣстной, національной культуры, странѣ обезпечивается національное единство. Появленіе кіевскаго государства и южнорусской культуры стало противовѣсомъ тѣмъ центробѣжнымъ стремленіямъ, которыя опредѣлились въ предшествующую эпоху — разселенія и раздробленія восточныхъ Славянъ.

Былъ еще одинъ факторъ, способствовавшій единенію распавшейся семьи, сблизившій разошедшіяся далеко другъ отъ друга ея вѣтви: это внѣшняя опасность, удары извнѣ. Правда, сбивъ зашедшія далеко на востокъ племена, эти удары направились на русскій центръ, Кіевъ, и ослабивъ его, способствовали образованію новыхъ центровъ на сѣверозападѣ и сѣверовостокѣ; правда, такимъ образомъ получилось новое дробленіе русскихъ племенъ; но всетаки именно этотъ факторъ сыгралъ рѣшительную роль въ объединеніи племенъ, въ образованіи великорусской народности, великорусскаго государства и затѣмъ великой Россіи. Я указалъ уже на гибельныя для юговостока послѣдствія, которыя имѣло разрушеніе хазарскаго царства; восточнорусскія племена оказались на пути движенія новыхъ турецкихъ ордъ на западъ; имъ грозило разореніе и истребленіе. Едва ли однако они сдались бы безъ борьбы; мы видѣли, что Вятичи были покорены Святославомъ Кіеву; это обязывало русскаго князя защищать ихъ отъ внѣшняго врага. Но уже при томъ же Святославѣ Печенѣги оказываются у стѣнъ Кіева, очевидно, смявъ Вятичей, разоривъ ихъ или обложивъ данью. Владиміръ велъ борьбу съ Печенѣгами, но они тревожили при немъ своими набѣгами не отдаленныя окраины русской земли, а ближайшее къ Кіеву Поднѣпровье; Владиміръ бился съ ними у Переяславля и даже у самаго Василева и Бѣлгорода. Что же сталось съ Вятичами? Они не могли быть оставлены Кіевскимъ княземъ на произволъ судьбы. Это видно изъ того, что сынъ Владиміра, Мстиславъ, получаетъ въ удѣлъ Тмуторокань; но Тму-

торокань — это русскій островъ среди иноплеменнаго моря. Что же сталось съ русскимъ племенемъ, нѣкогда густо населявшимъ бассейнъ Дона?

Представляется вѣроятнымъ, что оно отошло къ сѣверу, къ Окѣ, направляемое туда княжескою властью. Возможно, что это движеніе произошло не сразу, что оно началось по почину отдѣльныхъ единицъ; но съ теченіемъ времени оно стало общимъ, захватывая все русское населеніе. Быть можетъ, въ связи съ этимъ движеніемъ стоитъ основаніе города Владиміра на Клязьмѣ. Онъ сталъ на южной границѣ территоріи, захваченной въ предшествовавшую эпоху Сѣвернорусами. Рязанская земля, куда направились съ юга Восточнорусы, не была безлюдною мѣстностью въ то время: ее населяла Мещера и Мордва, которыхъ приходилось покорять или оттѣснять къ востоку и сѣверовостоку. Объ упорной борьбѣ, происходившей въ Рязанской землѣ съ Мордвой, мы узнаемъ изъ лѣтописи очень поздно (ср. подъ 1103: «бися Ярославъ с Мордвою, мѣсяца марта въ 7 день, и побѣженъ бысть Ярославъ»); но для насъ особенно важны были бы указанія на то, что русскіе шли первоначально на Мордву, въ мордовскіе предѣлы не съ сѣвера, а съ юга. Южная, югозападная колонизація Рязанскаго края можетъ объяснить намъ тотъ фактъ, что онъ оказывается при распаденіи русской земли на удѣлы, послѣ смерти Ярослава Владиміровича, въ удѣлѣ не Всеволода, которому достается между прочимъ Ростовъ и Муромъ, а въ удѣлѣ Святослава черниговскаго: къ этому удѣлу примыкала и Тмуторокань, безъ законнаго права оспаривавшаяся у Святослава княземъ-изгоемъ Ростиславомъ. Суздальская и Рязанская земли находятся въ антагонизмѣ; онъ прорывается наружу уже въ серединѣ XII вѣка, когда Юрій и Андрей ведутъ побѣдоносную войну съ рязанскими князьями (ср., подъ 1154 г., сообщеніе о томъ, что Юрій сажаетъ въ Рязани своего сына), и въ особенности въ послѣдней четверти XII вѣка при Михалкѣ, а затѣмъ Всеволодѣ Юрьевичѣ. Едва ли бы такъ сложились отношенія Владиміра къ Рязани, если бы колонизація ея шла изъ Суздаля и Рязань была бы пригородомъ, младшимъ братомъ Владиміра или еще старшаго Ростова. Суздальская земля была населена Словѣнами, быть можетъ, какъ мы видѣли, поглотившими сидѣвшихъ здѣсь раньше ихъ ляшскихъ выходцевъ; Рязанская земля заселилась Вятичами. Суздальская область, т. е. современныя Владимірская и Ярославская губерніи, населена теперь Сѣвернорусами, ибо населеніе здѣсь окаетъ; Рязанская губернія принадлежитъ акающимъ Южновеликорусамъ. Итакъ Рязань колонизована не съ сѣвера. Но она могла быть колонизована съ запада. Лѣтопись знаетъ Вятичей въ современной Тульской, Калужской и Орловской губерніяхъ. Ихъ область

тѣсно примыкаетъ къ области Сѣверянъ, Вятичи живутъ какъ будто неразмежованно съ этимъ племенемъ на сѣверѣ Черниговскаго княжества. Можно было бы предположить, что Вятичей привело въ Рязань движеніе по Окѣ, внизъ по ея теченію, и что слѣдовательно, они жили нѣкогда въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ. Но допустивъ это, мы встрѣтимся съ большими лингвистическими затрудненіями. Если Вятичи пошли изъ Сѣверской земли, то почти неизбѣжно признать ихъ отраслью южнорусскаго племени, къ которому принадлежали Сѣверяне; языкъ Вятичей обличаетъ въ нихъ, однако, иное племя, далеко отошедшее въ своемъ составѣ отъ языка южнорусскаго. Что Сѣверяне были Южнорусами, въ этомъ убѣждаетъ ихъ географическое положеніе: мѣстомъ ихъ жительства была та самая лѣсная полоса, Полѣсье, которая на правомъ берегу Днѣпра была занята Древлянами; этнографическая близость обѣихъ областей, лѣвобережнаго и правобережнаго Полѣсья, въ настоящее время доказываетъ, что такая же близость существовала и раньше. Сходство языка Вятичей въ отношеніи къ основной чертѣ вокализма (редукціи неударяемыхъ *а*, *о*, *е* и аканью) съ языкомъ Бѣлорусовъ ставитъ вопросъ еще опредѣленнѣе. Признавъ рязанскихъ Вятичей выходцами изъ сѣвернаго Поднѣпровья и Бѣлоруссіи, мы должны будемъ признать, что исконно южновеликорусское и бѣлорусское нарѣчія занимали серединное положеніе между сѣвернорусскимъ и южнорусскимъ, а между тѣмъ это не оправдывается никакими данными; указанная выше основная черта, выработавшаяся, очевидно, въ очень давнее время (ибо она общa и рязанскому и бѣлорусскому нарѣчію), свидѣтельствуетъ, напротивъ, объ обособленномъ положеніи языка Вятичей. Кромѣ того, какъ указано выше, это фонетическое явленіе въ самой бѣлорусской области въ болѣе первоначальномъ видѣ сохраняется не на западѣ, а на востокѣ, ибо, во-первыхъ, востоку чуждо то сильное аканье, которое характеризуетъ западные и югозападные бѣлорусскіе говоры, во-вторыхъ, восточные говоры не представляютъ противорѣчащаго редукціи гласныхъ западнаго и югозападнаго явленія — возстановленія этимологическихъ *о*, *е* въ заударныхъ слогахъ. Рядъ данныхъ ведетъ къ предположенію, что редукція неударяемыхъ гласныхъ и аканье попали на западъ въ чуждую исконно этому явленію діалектическую среду и здѣсь видоизмѣнились въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Подробнѣе эти положенія развиты ниже, въ §§ 504—514. Засимъ еще одно соображеніе: въ правобережномъ и также въ лѣвобережномъ Полѣсьѣ видимъ мѣстами пестрое совмѣщеніе особенностей малорусскихъ и бѣлорусскихъ (частью просто южновеликорусскихъ — къ востоку): аканье рядомъ съ дифтонгами или замѣнившими ихъ монофтонгами, цеканье и дзеканье рядомъ со

смѣшеніемъ *ы* и *и*, и т. п. Совершенно ясно, что сожительство между Бѣлорусами и Малорусами новое, ибо давнее сожительство привело бы къ образованію между ними переходныхъ нарѣчій, а не къ смѣшенію говоровъ въ широкой пограничной полосѣ. Все это убѣждаетъ въ томъ, что аканье и и другія типическія особенности южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій являются въ этихъ пограничныхъ полосахъ лѣвобережнаго и правобережнаго Полѣсья наносными чертами, шедшими при этомъ не съ запада, гдѣ онѣ имѣютъ характеръ чего-то наноснаго даже и теперь въ чисто бѣлорусскихъ областяхъ, а съ востока, гдѣ ихъ дѣйствительно можно отнести къ основнымъ для всего вокализма чертамъ. Это заключеніе ведетъ неминуемо къ предположенію, что въ прошломъ имѣла мѣсто діалектическая волна, пронесшаяся съ востока на западъ. Я веду это волну съ юговостока: въ сѣверное Поднѣпровье и Бѣлоруссію пошло населеніе не изъ Рязани, а изъ донецкихъ степей, опустошенныхъ набѣгами Печенѣговъ, затѣмъ смѣнившихъ ихъ Половцевъ. Часть застигнутаго этими набѣгами русскаго населенія юговостока двинулась къ сѣверу, къ Рязани, а часть направилась на сѣверозападъ, повидимому, подъ руководствомъ черниговской княжеской власти. Въ XII вѣкѣ видимъ Вятичей мятущимися въ области сѣвернаго Подесенья и въ прилегающихъ частяхъ Окскаго бассейна; осаживаясь здѣсь, они, руководимые, вѣроятно, тѣми или иными экономическими соображеніями, своими или мѣстнаго княжескаго и боярскаго землевладѣнія, двигаются и дальше на западъ, сѣверозападъ и сѣверовостокъ, заселяя всю Бѣлоруссію, проникая на югѣ и за Припять, а на сѣверѣ за Двину, въ Псковскую область, съ одной стороны, въ верхнее Поволжье, съ другой. Быть можетъ, памятью о далекой родинѣ у Азовскаго моря объясняются нѣкоторыя названія мѣстностей, данныя Восточнорусами въ новыхъ ихъ поселеніяхъ: ср. Суражъ въ совр. Витебской губерніи съ крымскимъ Сурожемъ (совр. Судакъ), Корчеву въ Тверской губ. съ крымскимъ Кърчевъ, какъ въ XI в. называлась совр. Керчь. Сопоставленія эти сдѣланы А. И. Соболевскимъ, предполагающимъ здѣсь прихоть мѣстныхъ жителей или княжеской власти, желавшихъ воспользоваться славными топографическими названіями, но, можетъ быть, передъ нами явленіе этнографическаго характера: перенесеніе названій, напоминающихъ о прежней родинѣ, на мѣста новаго жительства.

Итакъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ ударовъ въ теченіе X—XII вѣка сильно измѣняется этнографическая картина въ средней Россіи. Средняя Россія получаетъ густое и сплоченное русское населеніе, между тѣмъ какъ раньше русскія племена тянулись къ югу и юговостоку. Среднюю Россію занимали раньше

одни Сѣверноруссы, захватившіе верхнее теченіе Волги и продвинувшіеся такимъ путемъ къ Окѣ; теперь къ нимъ подходятъ съ юга и юговостока Восточноруссы. Спорною областью между ними становится бассейнъ Оки. Распространенію Сѣверноруссовъ полагаются предѣлы. Экстенсивныя движенія должны смѣниться интенсивными. Начинается неимовѣрно быстрый ростъ центровъ Окскаго бассейна и верхняго Поволжья: Владиміра, Москвы, Твери, а дальше на востокѣ Нижняго Новгорода. Едва ли можно сомнѣваться, что эти явленія стоятъ въ той или иной причинной связи съ одновременно совершавшимся паденіемъ старыхъ центровъ южнаго и средняго Поднѣпровья: Кіева, Переяславля, Чернигова. Паденіе ихъ вызвано тѣми самыми причинами, которыя обусловили отливъ населенія съ юговостока въ среднюю Россію, т. е. появленіемъ турецкихъ ордъ въ южной Россіи, нашествіемъ Печенѣговъ, Торковъ, Половцевъ и, наконецъ, Татаръ.

Выше указано, что мѣстожительство Уличей, которыхъ Несторъ застаетъ на Днѣстрѣ, было нѣкогда дальше на востокѣ. Въ первоначальной кіевской лѣтописи сообщалось, что Уличи жили раньше между Днѣпромъ и Бугомъ, а потомъ сѣли между Бугомъ и Днѣстромъ[1]). Это ихъ передвиженіе вызвано, конечно, напоромъ съ востока со стороны Печенѣговъ; послѣдніе утвердились въ нижнемъ Поднѣпровьѣ еще во времена Святослава и Владиміра. Въ началѣ двѣнадцатаго вѣка, судя по прошедшему времени въ сообщеніи Нестора, Уличи были уже отрѣзаны отъ устьевъ Дуная («сѣдяху»); отступая сначала къ западу, они должны были тогда вмѣстѣ съ Тиверцами удалиться къ сѣверу. Въ связи съ приливомъ русскаго населенія въ среднее и сѣверное Поднѣстровье стоитъ, вѣроятно, возвышеніе Галича, которое по дошедшимъ историческимъ даннымъ наблюдаемъ въ первой половинѣ XII вѣка. Галичъ становится въ это время значительнымъ княжествомъ, соперничающимъ съ Кіевскимъ: только Венгры, оказывающіеся естественными союзниками Кіева, могутъ сдержать его завоевательныя стремленія и расширяющееся могущество. Князь-изгой Ростиславъ гибнетъ на восточной окраинѣ русской земли въ Тмуторокани, а съ нимъ падаетъ окончательно и этотъ послѣдній оплотъ Восточноруссовъ у Азовскаго моря; черезъ тридцать лѣтъ въ головѣ другого князя-изгоя, сына Ростиславова, Василька, попавшаго на западную русскую окраину, зрѣютъ мысли, сви-

---

1) Ср. Комм. сп. Новг. 1-й. Составитель второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, какъ видно изъ списковъ Ипатьевской лѣтописи, а также Радзивиловскаго и Моск.-Академическаго, въ виду извѣстнаго и ему о томъ преданія, исправилъ слова Нестора: «сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви» на «сѣдяху по Бугу и по Днѣпру».

дѣтельствующія о громадныхъ матеріальныхъ силахъ, сосредоточившихся въ его рукахъ: онъ хочетъ опустошить землю Ляховъ и отомстить имъ за русскую землю, хочетъ принудить Дунайскихъ Болгаръ переселиться въ свою Теребовельскую волость, мечтаетъ о походѣ на Половцевъ, чтобы снискать себѣ славу или сложить свою голову за русскую землю. Очевидно, на глазахъ смѣлаго князя происходитъ ростъ югозападной окраины, туда отливаютъ силы и средства изъ разоренной и поруганной русской земли. Черезъ пять или шесть десятилѣтій судьба Кіева и русской земли оказывается въ рукахъ Суздальскаго и Галицкаго князя. Это очевиднымъ образомъ обнаруживаетъ паденіе Приднѣпровскаго центра и перенесеніе его значенія на два новые центра, возникшіе на крайнемъ сѣверовостокѣ и крайнемъ югозападѣ. Возвышеніе обоихъ новыхъ центровъ стоитъ въ прямой зависимости отъ прилившаго къ нимъ русскаго населенія — съ одной стороны, съ юга, съ другой, съ востока. Но приливъ этого населенія къ новымъ центрамъ, а не къ старому средоточію русскаго племени — къ Поднѣпровью указываетъ на ослабленіе и паденіе послѣдняго. Половцы обезсилили своими набѣгами среднее Поднѣпровье, доканчивая дѣло Печенѣговъ, разорившихъ и опустошившихъ бассейнъ нижняго теченія Днѣпра. Въ сѣтованіяхъ русскихъ людей конца XI вѣка, дошедшихъ до насъ черезъ лѣтописи, едва ли много преувеличенія: «городи вси опустѣша и села; прейдемъ поля, идеже пасоми бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища быша» (Лавр. подъ 1093); «за наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя; а и скоты наши и села наши и имѣния за тѣми суть» (Предисловіе къ Соф. Вр.).

Замѣчательно, что паденіе Кіева и другихъ центровъ средняго Поднѣпровья не имѣло послѣдствіемъ усиленія сѣвернаго Поднѣпровья, или Новгорода, Полоцка, Пскова: раньше жизнь русскаго племени, казалось, сосредоточивалась между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ,—ослабленіе черноморскихъ центровъ повело бы къ усиленію балтійскихъ. Теперь отношенія осложнились новымъ факторомъ: появленіемъ въ среднемъ Поднѣпровьѣ неустойчивой, не осѣвшей этнографической массы въ лицѣ прилившихъ сюда Восточнорусовъ. Только гораздо позже, когда Восточнорусы, осѣвъ въ Бѣлоруссіи и смѣшавшись съ туземнымъ населеніемъ, образовали вмѣстѣ съ нимъ одно болѣе или менѣе сплоченное цѣлое, здѣсь, на русскомъ сѣверозападѣ, закладываются основанія литовско-русскаго государства, къ которому естественно переходитъ власть надъ всѣмъ Поднѣпровьемъ. Но въ XII вѣкѣ Кіевъ долженъ былъ передать свое значеніе инымъ центрамъ, создавшимся при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыя создали первое русское государство.

Населенная Сѣвернорусами Суздальская земля, какъ только къ ней примкнули съ юга Восточнорусы, образовала могущественную политическую организацію, ибо вмѣстѣ съ княжеской властью переняла отъ Кіева его культуру и просвѣщеніе. Въ теченіе недолгаго своего существованія Кіевъ успѣлъ выработать идею національной княжеской власти, положить основанія своеобразной и устойчивой культурѣ, пріобщить всѣ русскія племена къ христіанству и создать національную церковь. Всѣ эти блага цивилизаціи стали общимъ достояніемъ русской земли; они открыли возможность роста и развитія новымъ центрамъ, создававшимся при тѣхъ или иныхъ новыхъ условіяхъ народной жизни. И Владиміръ, и Галичъ могли перенять на себя политическое и культурное значеніе Кіева, благодаря тому что въ Кіевѣ создались и выработались основанія государственной и гражданской жизни, воспринятыя всѣмъ русскимъ народомъ.

Паденіе Кіева не знаменовало собой ни полнаго обезлюденія области древнихъ Полянъ, ни тѣмъ болѣе переселенія Полянъ на западъ или на суздальскій сѣверовостокъ. Южнорусская семья потеряла, правда, какъ мы видѣли, свои южныя поселенія; Уличи удалились оттуда къ сѣверозападу; весьма вѣроятно, что область за Росью, южною границей Кіевской земли, не могла обезпечить своего населенія отъ опасности со стороны степи; эта опасность могла быть причиной временнаго передвиженія сидѣвшихъ южнѣе племенъ къ сѣверу. Но едва ли подобныя передвиженія коснулись области Полѣсья, слѣдовательно, сѣверной Кіевщины, гдѣ населеніе находило себѣ естественное прикрытіе въ физическихъ условіяхъ страны. То же имѣло мѣсто на востокѣ южнорусской территоріи, на правомъ берегу Днѣпра; и здѣсь лѣсная полоса укрыла населеніе, зашедшее раньше далеко на югъ, въ степи. Особенно настоятельны были эти передвиженія въ XIII вѣкѣ при нашествіи Татаръ. Прямыхъ потомковъ Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ можно признать въ населеніи современныхъ сѣверныхъ уѣздовъ Кіевской губерніи и современной Волыни, южныхъ уѣздовъ Черниговщины и сѣверной Полтавщины. Что до населенія болѣе южныхъ мѣстностей, то оно въ значительной своей части представляется прибывшимъ съ юго-запада, откуда пошла колонизаціонная волна на востокъ, какъ только новая государственная власть литовско-русскихъ князей обезпечила здѣсь сколько-нибудь сносныя условія существованія. Основаніемъ для такого утвержденія служатъ звуковыя различія между южными и сѣверными малорусскими говорами: въ южныхъ видимъ монофтонгъ *і* на мѣстѣ исконнаго *о* полудолгаго, между тѣмъ какъ болѣе сѣверные говоры представляютъ иные монофтонги (u, ü, ö, y, и т. д.), а также дифтонги; монофтонгъ *і* находимъ не только въ Слободской Украйнѣ,

въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ, но также и въ Подольской губерніи и въ Галиціи. Слѣдовательно, говоры съ *і*, занявшіе на востокѣ на памяти исторіи новыя мѣста, до тѣхъ поръ не заселенныя, идутъ съ югозапада и изъ Галиціи, гдѣ должно было, согласно съ вышеуказаннымъ, сосредоточиться значительное по своей численности населеніе. Южнорусское племя такимъ образомъ сидитъ до сихъ поръ въ тѣхъ предѣлахъ, которые обезпечило ему кіевское государство, но кромѣ того оно расширило свои поселенія на востокѣ, въ лѣвобережной окраинѣ. Но если Южнорусы не потерпѣли этнографически, сохранивши свой языкъ и не утративъ своей территоріи, то въ отношеніи культурномъ паденіе Кіева и другихъ приднѣпровскихъ центровъ имѣло для нихъ роковое значеніе. Южнорусское племя было, можно сказать, обезглавлено; въ великомъ крушеніи, причиненномъ татарскимъ нашествіемъ, которому предшествовали такія катастрофы, какъ двукратное разореніе Кіева въ 1169 и 1203 году, оно потеряло правящіе классы, свое боярство, духовенство и житьихъ людей; они были или перебиты или, спасая животы, удалились въ иные центры, между прочимъ во Владиміръ; ср. удаленіе во Владиміръ кіевскаго митрополита, вынужденнаго къ тому татарскимъ насиліемъ и полнымъ разореніемъ земли. Правда, Южнорусы, какъ мы видѣли, нашли себѣ новый оплотъ на западѣ; галицко-русское государство продолжало свой ростъ и въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка: геніальный Романъ подготовлялъ основанія для новой монархіи; его имя окружалось царскимъ ореоломъ; южная Русь на западной своей окраинѣ воскресала для новой жизни, но нашествіе Татаръ пресѣкло эту жизнь въ самыхъ ея основаніяхъ, разрушивъ Кіевъ, опустошивъ Поднѣпровье и разорвавъ этимъ ту связь, которая соединяла новую жизнь съ колыбелью русской государственности и гражданственности. Галицкая Русь, не видя на востокѣ ничего кромѣ разоренія и смертной опасности, бросилась въ объятія иноземной культуры, тѣснѣйшимъ образомъ связывая свои судьбы съ Польшей. Кратковременность роста и самостоятельнаго развитія не позволила галицко-русскимъ центрамъ воспользоваться всѣмъ духовнымъ и культурнымъ наслѣдіемъ Кіева.

Совершенно иное видимъ на сѣверовостокѣ: паденіе Кіева, затѣмъ татарское разореніе, полное смятеніе на западѣ настойчиво вызываютъ образованіе тамъ самостоятельнаго, національнаго центра; уровень цивилизаціи понижается, не находя себѣ поддержки со стороны міровыхъ центровъ торговли и просвѣщенія; но за то бережно подбираются осколки старой кіевской культуры; все опредѣленнѣе складываются національныя стремленія, ибо только въ нихъ, какъ инстинктивно сознаютъ народныя массы, можетъ быть спасеніе

отъ грозящаго иноплеменнаго засилія. Центростремительныя усилія доводятся до высшей степени напряженія; не позже какъ черезъ сто лѣтъ послѣ татарскаго нашествія опредѣлились очертанія новаго политическаго центра съ ярко намѣченнымъ стремленіемъ собиранія вокругъ себя русской земли. Эти стремленія находили себѣ противовѣсъ только въ господствующихъ классахъ иныхъ центровъ, другихъ областей: народные низы шли имъ, напротивъ, навстрѣчу, парализуя усилія правящихъ слоевъ поддержать сепаратизмъ, сохранить обособленность. Тѣмъ не менѣе дѣло объединенія представляло неимовѣрныя трудности: ему противилось все прошлое, всѣ тѣ формы жизни, которыя оно создало, всѣ тѣ экономическіе и культурные интересы, которые въ прошломъ раздѣлили русскія племена и ихъ области. Въ самой Москвѣ встрѣтились два различныхъ въ своихъ основаніяхъ нарѣчія — восточное и сѣверное; различію въ языкѣ соотвѣтствовали, конечно, и другія рѣзкія этнографическія различія между обоими племенами. Но инстинктивное стремленіе къ единенію привело и здѣсь къ опредѣленному результату: въ Москвѣ, такъ же какъ и въ другихъ центрахъ, гдѣ встрѣчались Сѣверноруссы и Восточноруссы, такъ же какъ въ колонизуемыхъ обоими племенами окраинахъ стали создаваться смѣшанныя нарѣчія, совмѣщавшія особенности сѣверной и восточной рѣчи. Нѣкоторыя изъ такихъ нарѣчій, въ частности московское, успѣваютъ вылиться въ стройное цѣлое, легко усвояемое и Сѣверноруссами и Восточноруссами. Появленіе подобныхъ нарѣчій свидѣтельствуетъ о сліяніи обоихъ племенъ въ одну націю. Нація опредѣляется общимъ языкомъ и общими культурными и политическими учрежденіями. Великорусская нація, явившаяся результатомъ сліянія сѣверноруссскаго и восточноруссскаго племени, въ области политической создала московское государство и рядомъ съ діалектическимъ разнообразіемъ мѣстныхъ говоровъ выработала одинъ общій великорусскій языкъ. Это языкъ великорусскаго политическаго центра Москвы; какъ языкъ культурнаго центра, онъ тѣсно связанъ съ тѣмъ книжнымъ языкомъ, который Москва получила изъ Кіевской Руси, но его основаніемъ являются живые языки сѣверноруссскаго и восточноруссскаго племенъ.

Близкое сожительство обоихъ этихъ племенъ въ области языка произвело не одно только московское нарѣчіе и другія, подобныя ему упомянутыя выше смѣшанныя нарѣчія; оно имѣло кромѣ того слѣдствіемъ, во-первыхъ, рядъ общихъ языковыхъ явленій, прошедшихъ черезъ обѣ языковыя группы — сѣверноруссскую и восточноруссскую (иначе сѣверновеликорусскую и южновеликорусскую), слѣдовательно, рядъ общевеликорусскихъ языковыхъ явленій, во-вторыхъ, рядъ діалектическихъ явленій, переходящихъ границу,

лежавшую между обѣими языковыми группами. Къ явленіямъ перваго рода относится, напримѣръ, переходъ дифтонговъ *ый* и *ій* въ *ой* и *ей*; или исчезновеніе въ склоненіи и спряженіи свистящихъ звуковъ, находившихся въ чередованіи съ задненебными согласными (рукѣ, пеки вм. руцѣ, пеци). Къ явленіямъ второго рода относится, напримѣръ, переходъ γ въ в въ род. падежѣ мѣстоименнаго склоненія (тово, злово), не коснувшійся только югозападныхъ и южныхъ говоровъ южновеликорусскихъ и нѣкоторыхъ окраинныхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ; или переходъ *к* въ мягкое средненебное *к* въ положеніи за мягкимъ звукомъ (чайкю вм. чайку), извѣстный и въ центральныхъ, и въ южныхъ, и въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ Великороссіи.

Разсмотрѣніе этихъ великорусскихъ звуковыхъ явленій ставитъ передъ изслѣдователемъ важный вопросъ хронологическій: къ какому времени они восходятъ, какъ далеко вглубь прошлаго могутъ быть прослѣжены начатки великорусскихъ явленій? Какъ увидимъ въ §§ 525—528, нѣкоторыя изъ этихъ явленій можно возвести къ эпохѣ паденія глухихъ и къ непосрѣдственно предшествовавшему паденію глухихъ времени, слѣдовательно, къ XII вѣку. Это согласуется съ предположеніемъ о томъ, что Восточнорусы уже въ концѣ X вѣка, покинувъ насиженныя на Дону мѣста, оказались въ бассейнѣ Оки въ соприкосновеніи съ Сѣвернорусами; XI вѣкъ, время Ярослава, положилъ начало сліянію обоихъ племенъ сѣверовосточной Руси и образованію великорусской народности.

Восточнорусы, удаляясь изъ бассейна Дона, пошли въ среднюю Россію по двумъ направленіямъ — сѣверному и сѣверозападному. Это было началомъ и позднѣйшаго ихъ раздѣленія. Часть Восточнорусовъ, какъ мы видѣли, примкнула къ Сѣвернорусамъ и вмѣстѣ съ ними слилась въ новую народность—великорусскую. Другая часть, достигнувъ сѣвернаго Поднѣпровья и оттуда попавъ въ Бѣлоруссію, слилась съ населявшимъ въ то время Бѣлоруссію населеніемъ, представлявшимся соединеніемъ южнорусскихъ элементовъ съ ляшскими. Результатомъ сліянія явилась народность бѣлорусская.

Какъ указано, исторія бѣлорусскаго языка въ позднѣйшей его стадіи, когда онъ сталъ языкомъ бѣлорусской народности,—а народность эта образовалась путемъ сліянія восточнорусскихъ элементовъ съ южнорусскими, воспринявшими въ свой составъ и ляшскіе элементы, стоитъ внѣ рамокъ настоящаго труда. Внѣ ихъ остается и исторія великорусскаго языка. Я ограничиваюсь исторіей составныхъ элементовъ бѣлорусскаго языка, хотя, впрочемъ, хронологическія соображенія заставили меня коснуться нѣкоторыхъ древнѣйшихъ явленій, общихъ восточнорусскимъ и сѣвернорусскимъ говорамъ, сливавшимся въ одинъ великорусскій языкъ. Исторія малорусскаго языка подле-

житъ нашему изслѣдованію только въ отношеніи тѣхъ древнѣйшихъ ея эпохъ, которыя предшествовали вторженію Восточнорусовъ въ Бѣлоруссію и отторженію южнорусскихъ племенъ, населившихъ Бѣлоруссію, отъ прочихъ Южнорусовъ; эти древнѣйшія эпохи жизни малорусскаго языка можно опредѣлить терминомъ «эпоха южнорусская». Малорусскій, бѣлорусскій, великорусскій языки должны въ Энциклопедіи славянской филологіи получить обработку въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ очеркахъ. Настоящій трудъ не заходитъ за предѣлы эпохъ, опредѣляемыхъ какъ сѣвернорусская, восточнорусская и южнорусская, и остается въ хронологическихъ рамкахъ до татарскаго нашествія.

Энциклопедія Славянской Филологіи.
Выпускъ 11.

Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка.

Отдѣлъ I. Звуковой составъ общеславянскаго праязыка.

Предстоящая мнѣ задача сводится къ опредѣленію тѣхъ звуковъ, которые общеславянскій праязыкъ имѣлъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую его распаденію (оно началось, какъ мы видѣли во введеніи, съ выдѣленія изъ общеславянской семьи западной вѣтви). Звуковая система общеславянскаго праязыка сложилась въ результатѣ ряда измѣненій, которымъ подверглись звуки, унаслѣдованные этимъ языкомъ изъ балтійско-славянскаго праязыка, а черезъ его посредство изъ праязыка индоевропейскаго. Эти измѣненія подлежатъ нашему разсмотрѣнію только въ томъ случаѣ, если безъ того не могутъ быть обоснованы тѣ или иныя предположенія относительно природы общеславянскихъ звуковъ.

Глава I. Гласные звуки.

§ 1. Гласныя общеславянскаго праязыка были по мѣсту своего образованія трехъ рядовъ: задняго, средняго и передняго. Нѣкоторыя исконно долгія гласныя передняго ряда распались въ дифтонги. Заднія и переднія гласныя являлись какъ въ чистомъ, такъ и въ носовомъ видѣ. Среднія и переднія гласныя, кромѣ полнаго вида, были извѣстны и въ редуцированномъ видѣ, при которомъ утрачивались нѣкоторые существенные признаки ихъ образованія. Среди чистыхъ гласныхъ были исконно краткія и исконно долгія гласныя; носовыя были исконно долгими. Исконно краткія при извѣстныхъ условіяхъ растягивались и переходили въ полудолгія; исконно долгія, сокращаясь при извѣстныхъ условіяхъ, становились полудолгими. Редуцированныя гласныя, равно какъ и нѣкоторыя нередуцированныя, при извѣстныхъ условіяхъ были полукратки. При опредѣленныхъ условіяхъ редуцированныя гласныя, равно какъ и нѣкоторыя нередуцированныя, становились неслоговыми.

Такимъ образомъ мы разсмотримъ: гласныя чистыя, дифтонги, гласныя носовыя, гласныя редуцированныя; далѣе — гласныя краткія, долгія и полудолгія; затѣмъ — гласныя полукраткія; наконецъ — гласныя неслоговыя.

Гласныя чистыя.

§ 2. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ слѣдующія гласныя: задняго ряда — a, o, ô, u; средняго ряда — y; передняго — i, e, ê, ä, ö (ô̈), ü.

§ 3. Гласная a, вѣроятно, нижняго образованія восходитъ къ индоевропейскимъ ā и ō. Была извѣстна послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ: sława, ср. старослав. слава, польск. sława, чешск. sláva, сербск. сла̏ва; voľa, ср. старослав. волꙗ, великор. воля, чешск. vůle, словенск. voḷa; końa р. ед., ср. старослав. конꙗ, малор. коня, сербск. коња; jarića, ср. великор. ярица, словенск. jarica, нижнелуж. jarica. Послѣ мягкихъ согласныхъ можетъ восходить къ ē черезъ посредство долгаго ä: č́asъ, ср. старослав. часъ, польск. czas, малор. час, изъ *č́ēsos, восходящаго къ *kēsos. Въ началѣ слова получала передъ собой j, напр. jagoda, ср. великор. ягода, словенск. jagoda, верхнелуж. jahoda, изъ *ag-oda (литовск. ůga, лат. ūva изъ ūgvā). Мѣстоименный корень ā, который находимъ также въ союзѣ a, имѣлъ передъ собой придыханіе h (см. § 101).

§ 4. Гласная o нижняго образованія, слѣдовательно, собственно å, восходитъ къ индоевропейскимъ ă и ŏ. Была извѣстна не въ началѣ слова, при томъ только послѣ твердыхъ согласныхъ (послѣ мягкихъ измѣнялась въ ö и далѣе въ e): proso, ср. старослав. просо, словенск. proso, нижнелуж. pšoso; р. ед. poľa, ср. старослав. полꙗ, малор. поля, сербск. поља; sъ̄to, ср. старослав. съто, древнерусск. съто, сербск. сто. Въ началѣ слова получала передъ собой придыханіе h (см. § 102).

Примѣчаніе. Опредѣляя общеслав. o какъ å, имѣю въ виду главнымъ образомъ передачу южнославянскаго o черезъ a въ словахъ, перешедшихъ изъ славянскаго въ греческій. Ср. Kretschmer въ Archiv für sl. Ph. XXVII, 228 и сл. Такое же указаніе извлекается изъ того, что въ древнѣйшихъ западнофинскихъ заимствованіяхъ изъ русскаго языка звукъ o передается черезъ a, въ противоположность позднѣйшимъ заимствованіямъ. Ср. Mikkola, Berühr. zw. den westfinn. und slav. Spr. I, 36—37.

§ 5. Гласная ô, т. е. закрытое (узкое, напряженное) o, вѣроятно, средняго образованія замѣняетъ o въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласною (ъ̆, ь̆, ĭ); гласная o въ этомъ положеніи удлинялась до полудолготы, измѣняясь и въ самой своей природѣ. Примѣры: dvôrъ̆, ср. ста-

рослав. дворъ, чешск. dvůr, польск. dwór, малор. двір; kostь, ср. старослав. кость, сербск. кост, малор. кість; moï, ср. великор. мой, чешск. můj, словенск. moj. Въ началѣ слова и эта гласная имѣла передъ собой придыханіе h (см. § 102).

Примѣчаніе. Возводя къ общеслав. праязыку гласную ô полудолгую, имѣю въ виду показанія большей части славянскихъ языковъ въ пользу того, что o въ указанномъ положеніи, передъ полукраткой гласной, не было краткимъ: мы видимъ ō напр. въ сербск. дôм, мôст, нôс, вôз, кôст, мôj, словенск. nôs, vôz, rôg, plôd, sôk, gôd, bôg, tvôj;—въ польск. bóg, bób, wóz, bór, sól, чешск. bůh, dům, kůň, sůl, верхнелуж. kóń, bóh находимъ гласныя, восходящія къ ō; точно такъ же украинск. і въ дім, піп, віз, ніс, сіль и т. д. ведетъ къ дифтонгу uo изъ ō. Правда, можно предположить, что ō вмѣсто ŏ явилось въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ въ связи съ выпаденіемъ именно въ нихъ, а не въ общеслав. праязыкѣ полукраткихъ ъ, ь и др.; но болѣе вѣроятнымъ представляется допустить два момента въ развитіи долгихъ o, полученныхъ отдѣльными славянскими языками: первый моментъ относится къ общеслав. праязыку, гдѣ ŏ переходило въ ô полудолгое вслѣдствіе своего положенія передъ слогомъ съ полукраткою гласной; второй моментъ — къ отдѣльнымъ славянскимъ языкамъ, гдѣ ô полудолгое переходило въ ô долгое вслѣдствіе утраты въ слѣдующемъ слогѣ полукраткой гласной. Указаніе на то, что нельзя обойтись безъ предположенія двухъ моментовъ, извлекается изъ малорусскаго: малор. *pōp (откуда пуоп, пуп, пün, піп) нельзя объяснить изъ общерусскаго poръ съ краткимъ, открытымъ o, ибо напр. общерусскія koroĺь, mo-rozъ (гдѣ o въ предпослѣднемъ слогѣ новое, возникшее на русской почвѣ) не перешли въ малор. въ *koriĺ, *moriz, а являются въ видѣ koroĺ, moroz; слѣдовательно, піп восходитъ или къ общерусскому и общеславянскому poръ съ ō, или къ общер. и общеслав. poръ съ o полудолгимъ; первое предположеніе отвергаемъ въ виду краткости o напр. въ сербск. и словенск. pôp, а также въ виду o въ чешск. и польск. pop, и останавливаемся поэтому на второмъ. Въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ ō указаннаго происхожденія было закрытымъ: это видно изъ распаденія его въ этихъ языкахъ въ uo; отсюда заключаемъ, что закрытымъ было уже и полудолгое o, предшествовавшее долгому o.

§ 6. Гласная u, вѣроятно, закрытая восходитъ обыкновенно къ индоевропейскому дифтонгу ou; извѣстна въ положеніи послѣ твердыхъ соглас-

ныхъ. Примѣры: дат. ед. drugu, ср. старослав. дроугоу, сербск. другу, чешск. druhu; р. ед. synu, ср. старослав. сѣноу; р.-мѣстн. дв. boku, ср. старослав. бокоу. Послѣ мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ u является, какъ увидимъ, ü. Въ началѣ слова u получало передъ собой придыханіе h (§ 102).

§ 7. Гласная у средняго ряда, вѣроятно, напряженная и нелабіализованная восходитъ обыкновенно къ индоевропейскому ū; была извѣстна только послѣ твердыхъ согласныхъ. Примѣры: synъ, ср. старослав. сынъ, польск. syn, малор. син; род. ед. ryby, ср. старосл. рꙑбы, польск. ryby, чешск. ryby, великор. рыбы. Послѣ мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ y изъ ū является i, а на мѣстѣ y изъ сочетанія ъns (восходящаго къ ons) — ѧ̄ (см. § 21). Въ началѣ слова y получало передъ собой u̯, откуда v (§ 100).

Примѣчаніе. Опредѣляя y какъ гласную средняго ряда нелабіализованную, я имѣю въ виду переходъ его въ гласную передняго ряда i во многихъ славянскихъ языкахъ (сербско-хорватскомъ, болгарскомъ, словенскомъ, чешскомъ и др.), а также совпаденіе его съ i въ большей части малорусскихъ говоровъ. Но согласныя передъ y произносились лабіализованно (§ 111): это послужило причиной измѣненія y въ гласныя задняго ряда въ нѣкоторыхъ малорусскихъ (угрорусскихъ) говорахъ; ср. указаніе О. Брока на то, что этимологическое y подъ удареніемъ перешло въ нарѣчіи села Убли въ звукъ задняго ряда; также сообщеніе Верхратскаго о томъ, что угрорусское ы — «низкій гортанный звукъ», мѣстами близкій къ ō (Знадоби, I, 13—14; II, 6); далѣе сходное указаніе Огоновскаго (Studien, 39); — Вагилевича, сближавшаго произношеніе карпаторусскаго ы съ дифтонгами oi̯ или ui̯ (Gramatyka jęz. małor., Lwów, 1845, c. XVIII);—Гнатюка, отмѣчающаго «сильное» и «твердое» произношеніе угрорусскаго ы, переходящаго иногда въ o (Етн. збірн. III; ср. вóйти вмѣсто вы́йти);— Верхратскаго, указывающаго, что ы въ говорѣ Замішанцевъ звучитъ иногда какъ громкое долгое o, напр. мыш какъ мōш (Про говор Замішанців). — Однороденъ переходъ y въ u въ бѣлорусскихъ говорахъ, послѣ губныхъ, напр. въ Рѣчицкомъ, Мозырскомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ.

§ 8. Гласная i передняго ряда, вѣроятно, напряженная восходитъ обыкновенно къ индоевропейскимъ ī и дифтонгу ei̯; была извѣстна какъ послѣ несмягченныхъ согласныхъ (какъ увидимъ, становившихся въ этомъ положеніи полумягкими), такъ и послѣ смягченныхъ, причемъ въ этомъ положеніи i можетъ восходить и къ ū (см. § 7). Примѣры: siła, ср. старослав. сила, польск. siła, сербск. сила; им. мн. rodi, ср. древнерусск. роди;

род. ед. kosti, ср. старослав. кости, польск. kości, великор. кости; ńiva, ср. старослав. ньива, сербск. њива, великор. нива, малор. нива; тв. мн. końi, ср. старослав. и древнерусск. кони. Въ началѣ слова i получало передъ собой i̯ или j (§ 97).

§ 9. Гласная e передняго ряда ненапряженная, незакрытая восходитъ обычно къ индоевропейскому e; извѣстна какъ послѣ несмягченныхъ согласныхъ (становившихся въ этомъ положеніи полумягкими), такъ и послѣ смягченныхъ, хотя при извѣстныхъ условіяхъ въ послѣднемъ положеніи на мѣстѣ e являлся звукъ ö (§ 12). Примѣры для e: 3 л. ед. nese, ср. сербск. nese, польск. niesie, чешск. nese, малор. несе; pero, ср. великор. перо, сербск. перо, чешск. pero; 2 л. мн. vedete, ср. старослав. ведете, сербск. ведете, чешск. vedete. Въ началѣ слова e получало передъ собой i̯ или j (§ 27). Звукъ e въ мѣстоименномъ указательномъ корнѣ e-, напр. въ великор. это, эво, сербск. ево, восходитъ къ he (§ 57).

§ 10. Гласная ê, т. е. закрытое (узкое, напряженное) e, замѣняетъ e въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласною (ъ̆, ь̆, ĭ); гласная e въ этомъ положеніи удлинялась до полудолготы, измѣняясь и въ самой своей природѣ. Подобно звуку e открытому ê употреблялось не только послѣ согласныхъ несмягченныхъ (гдѣ оно соотвѣтствовало при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ звуку e), но также и послѣ смягченныхъ согласныхъ (гдѣ оно соотвѣтствовало частью звуку e, частью же ö). Примѣры: grebênь, ср. малор. гребінь, болгарск. гребен, словенск. grebên, чешск. hřeben; šêstь, ср. старослав. шесть, малор. шість, сербск. шест; žênъka, ср. чешск. ženka, великор. жонка.

Примѣчаніе. Звукъ ê, бывшій полудолгимъ, замѣнилъ въ общеслав. праязыкѣ e при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ общеслав. ô полудолгое замѣнило здѣсь o (см. § 5 и прим.). Сопоставленіе словенск. mẹ̑d, lẹ̑d, jẹ̑ł, pẹ̑č, сербск. мёд, лёд, пёћ и т. д. доказываетъ, что въ общеслав. праязыкѣ слова medъ, ledъ, jelь и т. д. могли имѣть e некраткое; малор. ie (откуда укр. i) въ укр. піч, шість, їль возводится непосредственно къ ē. Въ малорусскомъ, какъ видно изъ словъ берег, череп, черéд, перéд, новое ě не переходило въ ē (откуда ie, i) передъ слогомъ съ выпавшею полукраткою гласною (ъ̆); слѣдовательно, прамалорусское *šēst' (откуда шиесть—шисть) нельзя возвести къ šestь съ ě; оно возводится поэтому къ šêstь съ ê полудолгимъ; удлиненіе ě, бывшее послѣдствіемъ положенія его передъ слогомъ съ полукраткой гласной, вело его къ закрытому оттѣнку. — Данныя малорусскаго языка въ его исторіи свидѣтельствуютъ какъ будто о томъ, что ê по-

лудолгое, удлиняясь передъ слогомъ съ выпавшимъ ь̆, переходило въ ê долгое (отсюда ie), между тѣмъ какъ передъ слогомъ съ выпавшимъ ъ̆ оно переходило въ ô долгое (отсюда üö), ср. съ одной стороны, šieśt, ṕieć, kaḿień, съ другой, ḿüöd, l'üöd, ńüösl' (отсюда въ сѣверномалорусскомъ мюод, нюос, люод). Но, повидимому, ê полудолгое измѣнялось фонетически только въ ê долгое, откуда ie; подъ вліяніемъ аналогіи со стороны родственныхъ формъ, представлявшихъ въ соотвѣтствіи съ ie звукъ ö, это ie замѣнялось дифтонгомъ üö, т. е., напримѣръ, mêdъ фонетически переходило въ ḿêd-ḿied; ḿêd-ḿied подъ вліяніемъ *ḿödu замѣнялось затѣмъ черезъ ḿöd- ḿüöd; *ńiesl' замѣнено черезъ ńüösl' подъ вліяніемъ ńösla, ńösu (ср. § 420, 457). Въ пользу такого предположенія говорятъ между прочимъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, въ верхнелужицкомъ находимъ въ формѣ имен. mĕd (при mjeda) тотъ же звукъ, что въ pĕc, šĕsć, čĕrc, jĕž, а между тѣмъ e передъ твердой согласной переходитъ здѣсь въ o (напр. ćorły, sotra, sodmy, lodu). Во-вторыхъ, находимъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ произношеніе ḿел (вм. мёл), напр. Рязанск. (Тоньш.), Задонск. (Тростянск.). Звукъ e легко возвести здѣсь къ ê, но его невозможно объяснить ни изъ o, ни изъ ö; слѣдовательно, въ общерусскомъ праязыкѣ существовали двѣ формы: ḿêl'ъ̆ и ḿôl'ъ̆ (изъ второй формы малор. мюол, великор. ḿол); первая изъ нихъ обязана существованіемъ звуковому закону, а вторая звуковой аналогіи. Въ-третьихъ, произношеніе mied, отмѣченное въ нѣкоторыхъ сѣверномалорусскихъ говорахъ (mi͡ед Бѣльск.: Бессараба; бѣлор. міед Бобруйск.: Карск. II, 223), ведетъ насъ также къ предположенному прамалорусскому ḿêd изъ ḿêdъ. На основаніи тѣхъ самыхъ соображеній, которыя приведены для предположенія общерусскихъ формъ ńêsl'ъ̆, ḿêdъ, я признаю, что звукъ ê, не ô, имѣлъ мѣсто въ общеслав. праязыкѣ въ случаяхъ, какъ žênъ̆ka, žênъ̆, žêstъ̆ko, bъ̆ćêl'ъ̆ka, šêstъ̆, при чемъ рядомъ могли возникать и формы žönъ̆ka, šöstъ̆ (ср. великор. самъ-шостъ) и т. п. На формы съ ê указываетъ великор. діалектическое жёнка.

§ 11. Гласная передняго ряда нижняго образованія ä была извѣстна только послѣ несмягченныхъ согласныхъ въ нѣкоторыхъ грамматическихъ категоріяхъ (словообразовательныхъ суффиксахъ) и въ нѣкоторыхъ единичныхъ словахъ; а именно ä долгое замѣняло въ опредѣленныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ грамматической аналогіи первоначальное ē; изъ двухъ родственныхъ образованій съ ā и ē звукъ ā переносился на мѣсто ē; но, попавъ въ положеніе за полумягкою согласною (а согласныя передъ ē, какъ

и передъ другими гласными передняго ряда, были полумягки), ā измѣнялось въ ä долгое. Такъ, во-первыхъ, объясняется ä долгое въ суффиксѣ именъ прилагательныхъ - ā̄n -: общеслав. ḷeḍā́nъ, kosṭā́nъ, sołṁänъ, ḍerv̇änъ явились вмѣсто ḷeḍēnъ, kosṭēnъ, sołṁēnъ, ḍerv̇ēnъ подъ вліяніемъ kožānъ, snѣžānъ, vośćānъ, и т. п. (a-ān- въ этихъ и подобныхъ словахъ вмѣсто -ēn- подъ вліяніемъ предшествующей смягченной согласной). Такъ, во-вторыхъ, существительныя на -ā̄ninъ, -ā̄ne замѣнили этимъ окончаніемъ первоначальное -ēninъ, -ēne подъ вліяніемъ родственныхъ существительныхъ на -āninъ, -āne: ṡeḷäṅinъ явилось вмѣсто ṡeḷēṅinъ подъ вліяніемъ poľaṅinъ, ḍervjaṅinъ, goŕaṅinъ. Такъ, въ-третьихъ, формы имперфекта на -ā̄axъ, -ā̄aśe, -ā̄axǫ и т. д. замѣнили первоначальныя формы на -ēaxъ, -ēaśe, -ēaxǫ подъ вліяніемъ формъ на -āaxъ, -āaśe, -āaxǫ: ḷeṭā̄axъ, iṁā̄aśe, ṅeṡäaxǫ явились вмѣсто ḷeṭēaxъ, iṁēaśe, ṅeṡēaxǫ подъ вліяніемъ pytāaxъ, kopāaxъ, sławjāaxъ, nośāaxǫ. Такъ, въ-четвертыхъ, слова ṡā̄mo, pṙā̄mo замѣнили первоначальныя ṡēmo, pṙēmo подъ вліяніемъ tāmo, kāmo, onāmo.

Примѣчаніе. Указаніе на общеславянское ā̄ въ приведенныхъ категоріяхъ извлекается не только изъ русскаго языка, гдѣ вмѣсто ā̄ находимъ а (напр. ледяной, овсяный, деревяный, полотняный; великор. прямо, сям), но также и изъ другихъ славянскихъ языковъ. Сербское е въ сла̏мен, ле̏ден, мје̏ден, су̏кнен не можетъ восходить къ ѣ; оно могло бы восходить къ первоначальному е, но предполагаемое въ такомъ случаѣ ledenъ стояло бы отдѣльно отъ русскаго ледяной, что само по себѣ невѣроятно; сербское е могло бы восходить къ ę, но предположеніе для общеславянскаго произношенія ledęnъ (откуда объяснялось бы и русское а въ ледяной) невѣроятно въ виду старослав. ледѣнъ. Поэтому приходится возвести сербское е къ общеславянскому ā̄. То же должно сказать объ е въ словенскихъ strupę̑n, ledę̑n, prosę̑n, ovsę̑n. Верхнелужицкое а въ drjewjany, słomjany, suknjany не можетъ быть объяснено ни изъ е, ни изъ ѣ; а можно бы возвести къ ę, но предположеніе формы suknęnъ опровергается нижнелужицкимъ языкомъ. Нижнелужицкое а въ drjéjany, słomjany, suknjany, ruśany не можетъ быть возведено ни къ е, ни къ ѣ, ни къ ę (случаи, какъ jacmjeń, tśasć, въ нижнелуж. совершенно единичны, а частью они діалектическіе, см. Mucke, Hist. u. vergl. Laut- und Formenlehre der niedersorb. Spr., с. 61, 64, 65); остается предположить, что какъ нижнелужицкое, такъ и верхнелужицкое а восходятъ къ ā̄. Въ польскомъ языкѣ находимъ въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ звукъ а (słomiany, wełniany): а можетъ восходить къ звуку ā̄, ср. польское а изъ ѣ, непосредственно же

изъ ā. То же можно сказать о старослав. ѣ въ камѣнъ, роумѣнъ, дрѣвѣнъ, рамѣнъ, мидѣнинъ, израильтѣнинъ: общеслав. ѣ измѣнилось въ старославянскомъ въ ä и совпало такимъ образомъ по звуку съ исконнымъ ä.

§ 12. Гласная передняго ряда лабіализованная средняго образованія ö замѣнила еще въ общеслав. праязыкѣ звукъ e при извѣстныхъ условіяхъ, а именно въ положеніи его послѣ смягченной согласной какъ въ концѣ слова, такъ и передъ твердой согласной, слѣдовательно, въ положеніи не передъ слогомъ съ гласною передняго ряда. Примѣры: jömu, ср. старослав. кмоу, польск. jemu, укр. йому; žöna, ср. старослав. жена, польск. żona, сѣверновеликор. жона, бѣлор. жана; čötyre, ср. старослав. четыре, укр. чотири.

Примѣчаніе. Измѣненіе e въ ö послѣ j и смягченныхъ согласныхъ явилось въ результатѣ диссимиляціоннаго процесса, задерживавшагося присутствіемъ гласной передняго ряда въ слѣдующемъ за тѣмъ слогѣ. Предположеніе о томъ, что общеслав. e звучало какъ ö въ положеніи не передъ слогомъ съ гласной передняго ряда, высказано впервые Ф. Ѳ. Фортунатовымъ. Онъ основывался между прочимъ на переходѣ общеслав. сочетаній čel, žel, šel въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ čla, žla, šla (ср. сербск. члан, чешск. žlaď, старослав. жладѫ), переходѣ, свидѣтельствующемъ объ измѣненіи e въ čel, žel, šel въ направленіи къ o. Въ пользу общеславянскаго измѣненія e въ ö говоритъ появленіе o за смягченными согласными на мѣстѣ исконнаго e какъ въ русскомъ, такъ и въ западнославянскихъ языкахъ: въ польскомъ o замѣняетъ e передъ твердыми согласными зубными (переднеязычными); въ лужицкихъ находимъ o вмѣсто e вообще передъ твердыми согласными (польск. żona, czoło, szosty, żoraẃ, верхнелуж. čoło, pčoła, žona, wčora, нижнелуж. coło, coła, žona, cora, šosty). Правда, въ тѣхъ же языкахъ находимъ измѣненіе e въ o и послѣ исконно несмягченныхъ согласныхъ (ср. великор. ćоло, польск. siostra, верхнелуж. lodu, klonu, нижнелуж. rjobro, śota, śorły), но данныя малорусскаго языка показываютъ, что въ исторіи русскаго языка надо различать два ö: одно изъ нихъ являлось послѣ согласныхъ, ставшихъ мягкими уже только на почвѣ русскаго языка (напр. въ ḿödu); другое являлось послѣ исконно мягкихъ согласныхъ (напр. въ žöna); первое ö измѣнилось въ малорусскомъ въ e средняго ряда, и передъ этимъ e отвердѣла предшествующая согласная (мэду); второе ö перешло въ o (жона). Въ виду этого вѣроятно думать, что въ эпоху измѣненія ḿödu въ mèdu, žöna звучало въ малорусскомъ уже какъ

žona. А отсюда слѣдуетъ, что ö въ žöna развилось изъ e раньше, чѣмъ ö въ mödu, и ко времени появленія ö въ mödu уже успѣло перейти въ o. Это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ, что появленіе ö въ žöna и т. п. принадлежитъ къ эпохѣ общеславянской. Разумѣется, невозможно допустить, чтобы общеслав. праязыкъ пошелъ дальше звука ö, т. е. измѣнилъ бы его въ ȯ (звукъ между ö и o), а тѣмъ болѣе въ o: сербск. e въ жена или польск. e въ czego, czemu можно возвести къ ö, но понять ихъ какъ результатъ измѣненія ȯ или o невозможно. Польскій языкъ не даетъ прямыхъ указаній на общеслав. измѣненіе e въ ö въ концѣ слова послѣ смягченныхъ согласныхъ; это зависѣло отъ того, что ö переходило здѣсь въ o только при наличности благопріятныхъ условій (вліянія слѣдующей твердой зубной согласной), вообще же оно измѣнялось въ e. Но русскій языкъ свидѣтельствуетъ объ одновременномъ переходѣ e въ ö какъ въ концѣ слова, такъ и передъ твердой согласной: ср. древнерусск. сѣверозап. кнѧжо, емъшо, шедъшо, малор. охочо, діалект. зв. ед. царыщё. Возможно признать, что въ общеславянскимъ polö, ložö и т. п. звукъ ö не изъ e, а изъ o, измѣнявшагося послѣ мягкихъ согласныхъ въ ö, если допустить, что появленіе ö изъ e предшествовало указанному измѣненію o въ ö или явилось одновременно съ нимъ.

Примѣчаніе 2. Въ числѣ гласныхъ общеслав. праязыка я указалъ въ § 2 ô, основываясь на высказанныхъ въ прим. къ § 10 соображеніяхъ; возможно именно, что въ извѣстныхъ случаяхъ ê замѣнялось черезъ ô подъ вліяніемъ звуковой аналогіи: žênъ, cêlъka переходили въ žônъ, côlъka подъ вліяніемъ žöna, cölo.

§ 13. Гласная передняго ряда лабіализованная верхняго образованія ü являлась въ положеніи послѣ j и смягченныхъ согласныхъ, соотвѣтствуя частью индоевр. oų послѣ мягкой согласной, частью индоевр. дифтонгу eų: 1 л. мн. ľübimъ, ср. великор. любимъ, старослав. любимъ, польск. lubimy; šümъ, ср. старослав. шюмъ, словенск. šum, польск. szum; д. ед. nožü, ср. старослав. ножю, чешск. noži, русск. ножу; д. ед. lićü, ср. старослав. лицю, древнерусск. лицю.

Примѣчаніе. То упорство, съ которымъ въ нѣкоторыхъ старославянскихъ памятникахъ пишется буква ю послѣ ж, ш, ч, щ, ц (при чемъ рядомъ являются написанія жа, ша, ча, ща, ца), побудило Фортунатова предположить, что въ старослав. говорахъ за соотвѣтствующими согласными звуками слышалось ü, а не u (если бы произносилось u, то неизбѣжны были бы написанія жоу, чоу и т. д.); ясно, что

ю (въ написаніяхъ жю, чю и т. д.) обозначало не мягкость предшествующей согласной (которая оставалась невыраженною въ сочетаніяхъ съ а), а особый звукъ, не тождественный съ и. Такое же различіе между написаніями чю, шю, жю, щю, цю, съ одной стороны, ча, ша, жа, ща, ца (не чѧ, чʌ, шѧ, шʌ и т. д.), съ другой, держалось весьма долго и въ русскихъ памятникахъ: отсюда заключаемъ, что и въ русскомъ языкѣ за смягченными согласными слышался не звукъ и, а другой отличный, отъ него звукъ; можно допустить, что это было или ӥ или ы̆ (т. е. средній между и и ӥ звукъ).—Для общеслав. праязыка считаю вѣроятнымъ принять именно ӥ между прочимъ потому, что это ӥ въ извѣстной части случаевъ соотвѣтствовало индоевропейскому дифтонгу еи̯; предполагая, что еи̯ измѣнилось въ монофтонгъ черезъ посредство іи̯, допускаю, что такимъ монофтонгомъ было именно ӥ, а не ы̆.

Дифтонги.

§ 14. Дифтонги замѣнили еще въ общеслав. праязыкѣ какъ монофтонгъ ē, такъ и тотъ монофтонгъ, который явился въ результатѣ монофтонгизаціи дифтонга оі̯ (изъ индоевроп. аі̯ и оі̯).

Примѣчаніе 1. О дифтонгическомъ произношеніи въ общеслав. праязыкѣ замѣстителей монофтонговъ ē и ō (замѣнившаго предположительно оі̯) заключаемъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Русскій языкъ, въ частности малорусскій, въ его исторіи доказываетъ дифтонгическое произношеніе замѣстителей ē и ō уже въ XII вѣкѣ, ибо въ одномъ съ ними звукѣ совпалъ дифтонгъ, замѣнившій ê долгое изъ ê полудолгаго (ср. § 10 прим., а также §§ 454 и сл.): это видно изъ написаній какъ шѣсть, сѣмь, камѣнь и т. д. въ южнорусскихъ памятникахъ (чит.: шиеśть, сиéм, камиéн); дифтонгъ іе держится до сихъ поръ въ сѣверномалорусскихъ говорахъ. Дифтонгъ іе на мѣстѣ общеслав. іе сохраняется до сихъ поръ подъ удареніемъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ. Сербско-хорватскій языкъ ведетъ также къ дифтонгу іе на мѣстѣ указанныхъ исконныхъ монофтонговъ: изъ него объясняется какъ произношеніе съ е (напр. сено), такъ и произношеніе съ і (напр. сино); дифтонги іе (въ долгихъ слогахъ), i̯е (въ краткихъ) сохраняются до сихъ поръ въ юго-западныхъ говорахъ (напр. сијено, мјесто). Чешско-словацкій языкъ также указываетъ на дифтонгъ іе: іе стянулось въ чешскомъ въ ě (въ краткихъ слогахъ), í (въ долгихъ), а въ словацкомъ держится до сихъ поръ іе (въ долгихъ слогахъ). Въ лужицкихъ языкахъ звуку ѣ въ ударяемыхъ слогахъ соотвѣтствуетъ дифтонгъ іе (пишется ě). Правда,

имѣются основанія для признанія ѣ въ старослав. языкѣ моноѳтонгомъ (ср. § 266, 279), равнымъ образомъ издревле ему соотвѣтствуетъ моноѳтонгъ въ польскомъ, но старославянскіе (болгарскіе) и польскіе моноѳтонги не трудно объяснить какъ результатъ позднѣйшаго измѣненія дифтонговъ.

Примѣчаніе 2. Вопросъ о томъ, какъ дифтонгизировался моноѳтонгъ, замѣнившій исконный дифтонгъ oi̯, требуетъ разрѣшенія другого вопроса: перешло ли ō, замѣнившее дифтонгъ oi̯, въ ē (и отсюда въ дифтонгъ) или само распалось непосредственно въ üö (и отсюда уже дифтонгъ, тождественный съ тѣмъ, который возникалъ въ результатѣ распаденія ē). Считаю болѣе вѣроятнымъ предположеніе о посредствующей ступени üö, въ виду особенно тѣхъ соображеній, которыя вызываются исторіей сочетаній kṵoi̯, gṵoi̯ въ южнославянскихъ и русскомъ языкахъ (ср. §§ 185, 186).

§ 15. Дифтонги указаннаго въ § 14 происхожденія были двухъ родовъ въ зависимости отъ положенія въ словѣ: въ положеніи передъ твердыми (лабіализованными) согласными это былъ дифтонгъ ê̈ä; обозначимъ его буквой ѣ; въ положеніи передъ палатализованными согласными (полумягкими и смягченными), а также въ концѣ слова это былъ дифтонгъ ie; обозначимъ его буквой ѣ̂. Примѣры для ѣ: sѣno, ср. старослав. сѣно, польск. siano, укр. сіно, сербск. сијено; mѣra, ср. старослав. мѣра, польск. miara, великор. мера, сербск. мјера; krѣpkъ, ср. старослав. крѣпъкъ, великор. крепок. Примѣры для ѣ̂: rѣ́ć̂ь, ср. старослав. рѣчь, сербск. ријеч, польск. rzecz; им. мн. sѣmena, ср. старослав. сѣмена, сербск. сјемена, великор. семена; дат. ед. vodѣ̂, ср. старослав. водѣ, укр. воді, польск. wodzie.

Примѣчаніе. Указаніе на исконное различіе ѣ и ѣ̂ въ зависимости отъ отмѣченныхъ условій извлекается, во-первыхъ, изъ польскаго языка, гдѣ звуку ѣ въ положеніи передъ твердыми зубными соотвѣтствуетъ a, между тѣмъ какъ звуку ѣ̂, а также ѣ не передъ твердыми зубными—e; во-вторыхъ, изъ восточно-болгарскихъ говоровъ, гдѣ ѣ измѣняется въ a, а ѣ̂ въ e; въ-третьихъ, изъ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ, измѣняющихъ ѣ въ e, а ѣ̂ въ i. Въ частности произношеніе дифтонга какъ ѣ̂ (ie) въ концѣ слова доказывается общеслав. переходомъ его въ i при извѣстныхъ условіяхъ: имѣю въ виду случаи, какъ mati, им. мн. rodi, 2 л. пов. nesi (ср. ѣ̂ во 2 л. мн. пов. nesѣ̂te). Чередованіе ie и ê̈ä было обусловлено вліяніемъ на элементъ e (дифтонга ie) слѣдующей лабіализованной согласной (ie передъ такой согласной переходило въ ê̈ä); мы не можемъ сопоставить его съ чередованіемъ e и ō

послѣ смягченной согласной (см. § 12), такъ какъ переходъ e въ ö былъ слѣдствіемъ диссимиляціоннаго процесса между согласной и слѣдующимъ e; этотъ процессъ задерживался положеніемъ e передъ согласной палатализованной (полумягкой и смягченной).

Гласныя носовыя.

§ 16. Общеслав. праязыкъ имѣлъ три носовыя гласныя: одну задняго ряда ǫ (носовое o) и двѣ передняго ряда: ę (e носовое) и ѧ (т. е. назалированный дифтонгъ ie). Впрочемъ, ǫ за j и смягченными согласными звучало какъ носовой звукъ средняго ряда o̧, промежуточный между o и ö. Звукъ ę въ подобномъ же положеніи звучалъ какъ носовое ä.

§ 17. Гласная ǫ восходитъ обычно къ сочетаніямъ ān, ām, ōn, ōm, являясь послѣ твердыхъ согласныхъ: dǫbъ, ср. старослав. дѫбъ, сербск. дуб, словенск. dǫb, польск. dąb; tǫća, ср. старослав. тѫча (дождь), сербск. туча, чешск. tuče, словенск. toča (градъ), польск. tęcza; вин. ед. vodǫ, ср. старослав. водѫ, сербск. воду, великор. воду, польск. wodę. Въ началѣ слова ǫ получало передъ собой или придыханіе, или u̯ (ср. § 102).

Примѣчаніе. Согласное въ сербско-хорв., чешско-слов., лужицкихъ и русскомъ языкахъ измѣненіе ǫ въ u свидѣтельствуетъ, повидимому, о закрытомъ произношеніи общеславянскаго ǫ.

§ 18. Гласная o̧ замѣняетъ ǫ въ положеніи за j и смягченными согласными: в. ед. jǫ, ср. старослав. ѩ, древнерусск. ю; 1 л. ед. nošǫ, ср. старослав. ношѫ, польск. noszę, великор. ношу.

Примѣчаніе. На звукъ o̧, отличный отъ ǫ, указываютъ между прочимъ данныя русскаго языка; памятники представляютъ правописаніе кожю, ношю, свидѣтельствующее о звукѣ ü или u̇; u̇ замѣнило въ общер. праязыкѣ o̧ такъ же, какъ u замѣнило ǫ. Какъ ǫ такъ и o̧ были въ общеслав. закрыты; слѣдовательно, o̧. Указаніе на o̧ можно извлечь также изъ смѣшенія въ средне-болгарскихъ памятникахъ буквъ ѧ и ѫ послѣ j и смягченныхъ согласныхъ: лабіализація ę вела его къ переходу въ o̧ и далѣе въ o̧.

§ 19. Гласная ę восходитъ обычно къ сочетаніямъ ēn, ēm, en̄, em̄, являясь послѣ полумягкихъ согласныхъ: męso, ср. старослав. мѧсо, сербск. месо, чешск. maso, польск. mięso, верхнелуж. mjaso, нижнелуж. mjeso; rędъ, ср. старослав. рѧдъ, словенск. red, чешск. řad, польск. rząd. Въ началѣ слова ę принимало передъ собой i̯ или j (см. § 97).

Примѣчаніе. Звукъ ę былъ въ общеслав. открытымъ, какъ можно заключить изъ перехода его въ а въ русскомъ, чешско-словацкомъ и верхнелужицкомъ.

§ 20. Гласная ą̆ замѣняетъ ę въ положеніи за j и смягченными согласными: jęduxa, ср. верхнелуж. jaducha, малор. ядуха; čęsto, ср. старослав. часто, великор. часто, сербск. често; sěmę, ср. старослав. сѣмѧ, сербск. сјеме, укр. сімья.

Примѣчаніе 1. Переходъ ę въ ą̆ былъ результатомъ того самаго диссимиляціоннаго процесса, въ силу котораго ē перешло въ ā послѣ j и смягченныхъ согласныхъ въ общеслав. праязыкѣ. Указаніе на ą̆ извлекается изъ сербскихъ діалектическихъ ja, ča, ža и т. д. вмѣсто ожидаемыхъ и обычныхъ въ сербскомъ je, če, že: чакавск. prijati, jazik, žatva, početi, древнесербск. приѧти, заѧсмо.

Примѣчаніе 2. Возможно, что еще въ общеслав. праязыкѣ ą̆ могло въ окончаніи прич. наст. вр. переноситься на мѣсто у подъ вліяніемъ аналогіи, при чемъ предшествующая согласная оставалась твердой, что повело къ переходу ą̆ въ ą: nesą, idą вм. nesy, idy подъ вліяніемъ pŀačą̆, oŕą̆, steĺą̆; ср. древнерусск. неса, древнечешск. nesa. Но такъ какъ подобный переносъ могъ имѣть мѣсто и въ жизни отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, то трудно настаивать на существованіи въ указанной грамматической категоріи звука ą въ общеслав. праязыкѣ.

§ 21. Гласная ę̆ являлась въ нѣсколькихъ грамматическихъ окончаніяхъ въ положеніи послѣ j и смягченныхъ согласныхъ, восходя непосредственно къ ǒns изъ ons (ons переходило въ ǒns вслѣдствіе общаго перехода o въ ǒ за j и смягченными согласными). Такому ę̆ въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ соотвѣтствовалъ звукъ y (непосредственно изъ ъns, замѣнившаго ons). Такое ę̆ являлось въ окончаніи р. ед. ж. р., напр. voĺę̆, ср. старослав. волѧ, древнерусск. волѣ, укр. волі; въ окончаніи им.-вин. мн. ж. р.: dušę̆, ср. старослав. доушѧ, древнерусск. доушѣ, укр. душі; въ окончаніи вин. мн. м. р.: koń̆ę̆, ср. старослав. коньѧ, древнерусск. конѣ.

Примѣчаніе 1. Впервые А. И. Соболевскій доказалъ существованіе въ общерусскомъ праязыкѣ окончанія ѣ въ указанныхъ грамматическихъ формахъ (см. его Изсл. въ обл. р. грамм., В. 1881); русское ѣ не можетъ быть выведено изъ ę, которое переходило въ а; но объясненіе ѣ изъ общеслав. ѣ носового вполнѣ естественно, въ виду общей утраты носовыхъ звуковъ въ русскомъ. Польское e въ wole, dusze, ziemie р. ед. (въ старомъ языкѣ и въ діалектахъ), также въ panie,

dusze им.-вин. мн. не можетъ восходить къ ę; но объясненіе его изъ ѧ̨ возможно при допущеніи утраты назализаціи именно дифтонгомъ ie. Въ старославянскомъ языкѣ ѣ переходило въ ję или въ jä (отсюда позже монофтонги); слѣдовательно, и ѧ̨ должно было измѣниться въ ję или въ ją̈, совпадая такимъ образомъ съ ę и замѣнявшимъ его послѣ смягченныхъ согласныхъ ą̈.

Примѣчаніе 2. Въ окончаніи причастій звукъ ѧ̨ (на мѣстѣ önsons, напр. въ случаяхъ какъ igraję̨, pŕaśę̨) еще въ общеслав. праязыкѣ замѣнялся звукомъ ę (точнѣе ą̈) подъ вліяніемъ ę въ причастіяхъ, какъ nosę, vidę. Ср. замѣну u черезъ ę и черезъ его замѣстителя a въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ въ причастіяхъ, какъ dada вмѣсто dady. Какъ указано выше, въ прим. 2 къ § 20, возможно, что нефонетическая замѣна u черезъ ą̈, ą имѣла мѣсто еще въ общеслав. праязыкѣ.

Гласныя редуцированныя.

§ 22. Редуцированными, т. е. гласными неполнаго образованія, утратившими нѣкоторыя специфическія черты своего образованія, что зависѣло отъ чрезвычайнаго ихъ сокращенія, были въ общеслав. праязыкѣ замѣстители исконныхъ ŭ и ĭ, слѣдовательно, двухъ краткихъ гласныхъ верхняго образованія. Можно думать, что редукція поразила ŭ не непосредственно, а черезъ посредство того звука полнаго образованія, въ который перешло ŭ. Мы видѣли въ § 7, что индоевр. u долгое перешло въ общеслав. праязыкѣ въ u долгое, т. е. въ гласную средняго ряда и при томъ нелабіализованную; можно заключить отсюда, что аналогичному измѣненію подверглось ŭ, перешедши въ u краткое. Такимъ образомъ передъ нами редукція ŭ и ĭ. Редуцируясь, эти звуки становились, во-первыхъ, короче краткихъ, иначе полукраткими звуками, во-вторыхъ, утрачивали свойственное имъ верхнее образованіе; результатомъ редукціи звука ŭ (изъ ŭ) явился звукъ ъ, который согласно предыдущему опредѣляемъ какъ гласную редуцированную средняго ряда средняго образованія; результатомъ редукціи ĭ явился звукъ ь, который опредѣляемъ какъ гласную редуцированную передняго ряда средняго образованія.

Примѣчаніе. Что звукъ ъ былъ звукомъ средняго ряда средняго образованія и при томъ нелабіализованнымъ, видно изъ перехода его въ e (звукъ средняго образованія передняго ряда) или въ ė (звукъ средняго образованія средняго ряда) въ чешскомъ, польскомъ и лужицкихъ языкахъ; на среднее образованіе указываетъ и переходъ ъ въ o въ русскомъ и словацкомъ языкахъ, въ старославянскихъ и лужицкихъ гово-

рахъ; этому переходу предшествовала лабіализація ъ, а причину его лабіализаціи надо искать во вліяніи на ъ предшествовавшихъ ему лабіализованныхъ согласныхъ. Такимъ образомъ Мука правильно предполагалъ, что звукъ общеславянскаго ъ былъ близокъ къ звуку ĕ въ нижнелужицкихъ словахъ měch, tĕn, nĕp, rĕž и т. п., опредѣляя послѣдній звукъ какъ ĕ² Сиверса (Mucke, Hist. u. vergl. L. u. F., стр. 47). Что звукъ ь былъ звукомъ передняго ряда средняго образованія, видно изъ перехода его въ е русскомъ, чешско-словацкомъ, польскомъ, лужицкихъ языкахъ, а также въ говорахъ старослав. языка.—Въ сербско-хорватскомъ произошло совпаденіе ъ и ь въ одномъ звукѣ, который въ полномъ своемъ образованіи былъ нижняго ряда: это ä, переходившее затѣмъ въ а.

Примѣчаніе 2. Редуцированные звуки ъ и ь восходятъ вообще къ ŭ (изъ ŭ) и ĭ; ŭ и ĭ соотвѣтствовали не только индоевр. ŭ и ĭ, но также при извѣстныхъ условіяхъ индоевр. редуцированнымъ звукамъ; эти редуцированные звуки являлись, въ положеніи передъ плавными и носовыми, слоговыми, когда эти послѣднія стояли передъ гласной, неслоговыми когда плавныя или носовыя стояли передъ согласной; но сопоставленіе съ литовскимъ языкомъ доказываетъ, что уже въ балтійско-славянскую эпоху эти редуцированные звуки были замѣнены гласными ŭ и ĭ; ср. общеслав. tьma съ лит. tamsras; vьrǫ (киплю) съ лит. viriaũ (я варилъ); vьlkъ съ лит. vilkas; gъrdło съ лит. gurklỹs; кромѣ того въ извѣстныхъ случаяхъ ъ и ь восходятъ къ индоевр. слоговому редуцированному звуку въ сочетаніи не съ плавными и не съ носовыми: čьtyre, čьtvьrtъ, ср. чешск. čtyři, čtvrtý, польск. cztéry, czwarty: греч. діалект. πίσυρες; kъtorъ, ср. чешск. který, польск. który: древнеинд. katara; kъda, ср. старослав. никъда, сербск. kàda: древнеинд. kadà; pьći, tьći 2 л. пов. при pekǫ, tekǫ, ср. старослав. пьщи, тьщи; dьsęte въ dъvadьsęte, dъvanadьsęte, ср. великорусск. двадцать, двѣнадцать, чешск. dvadcet, dvanáct, польск. dwanaście, сербск. двает, дванает. Ср. Ф. Фортунатовъ, Индоевр. плавныя согласныя въ др.-инд. яз. (Сборникъ Χαριστηρια, М. 1896, стр. 487—488), Hirt, Ablaut, § 28.

§ 23. Редукція поражала ŭ (изъ ŭ) и ĭ при всякомъ ихъ положеніи въ словѣ, кромѣ однако положенія ихъ обоихъ передъ i̯(j), а также положенія ĭ за i̯(j) и въ началѣ слога (ĭ восходитъ здѣсь къ jĭ или jĭ, ср. § 25. Очевидно, вліяніе i̯(j) препятствовало утратѣ звуками ŭ (изъ ŭ) и ĭ ихъ верхняго образованія. Впрочемъ, и въ этомъ положеніи ŭ и ĭ становились полукраткими; мы разсмотримъ эти полукраткіе звуки ниже, въ §§ 33 и сл.

Примѣчаніе. Звуки ъ и ь въ положеніи передъ i̯ переходили въ ў и ĭ, что особенно ясно указываетъ на невозможность редукціи ў и ĭ передъ i̯ и дальнѣйшаго перехода ихъ въ ъ и ь. Ср. общеслав. dobrу-ĭ изъ dobrъ-i̯i, vidѣxomу-ĭ изъ vidѣxomъ-i̯i, prodami-ĭ изъ prodamь-i̯i. Въ виду этого появленіе ъĭ напр. въ tъĭ (отсюда въ малор. той, въ сербск. taj), или ьĭ напр. въ sьĭ (отсюда въ малор. сей, цей) надо относить уже насчетъ явленій отдѣльныхъ слав. языковъ, въ которыхъ лабіализація ъ или иное измѣненіе ъ и ь дѣлали допустимымъ соединеніе ихъ съ слѣдующимъ i̯.

§ 24. Гласная ъ, опредѣленная нами выше, была, какъ увидимъ ниже, въ однихъ положеніяхъ полукраткою, становясь краткою въ другихъ: итакъ ѣ и ъ. Восходя обычно къ индоевр. ŭ, она была извѣстна только послѣ твердыхъ согласныхъ; въ положеніи послѣ j (i̯) и смягченныхъ согласныхъ вмѣсто ъ являлось или ĭ (послѣ j, i̯) или ь (послѣ смягченныхъ согласныхъ) съ дальнѣйшимъ его измѣненіемъ при изв. условіяхъ въ ь (см. § 26); равнымъ образомъ ъ не былъ извѣстенъ и передъ j (i̯). Примѣры: sъnъ̀, ср. старослав. сънъ, сербск. сан, польск. и чешск. sen, верхнелуж. son; rъžь̀, ср. старослав. ръжь, сербск. раж, польск. reż, верхнелуж. rož; dъska, вин. dъskǫ, ср. старослав. дъска, дъскѫ, польск. deska, сербск. да̏ску, великорусск. до́ску. Въ началѣ слова ŭ получало передъ собой ŭ (v); поэтому вмѣсто ъ находимъ vъ, напр. vъšь̀, ср. сербск. ваш, нижнелуж. veš, voš (корень ŭs-).

§ 25. Гласная ь, опредѣленная нами выше какъ редуцированный звукъ передняго ряда, была, какъ увидимъ ниже, въ однихъ положеніяхъ полукраткой, становясь краткою въ другихъ: итакъ ѣ и ь. Восходя обычно къ индоевр. ĭ, она была извѣстна только послѣ полумягкихъ и мягкихъ согласныхъ, хотя, какъ указано въ § 26, послѣ мягкихъ согласныхъ она въ извѣстныхъ случаяхъ измѣнялась въ ь (лабіализованное ь), а послѣ i̯ (j) звукъ ĭ не редуцировался; ь не былъ однако извѣстенъ и передъ i̯, ибо и въ этомъ положеніи, какъ указано въ § 23, ĭ сохраняло свой звукъ, а ь конечный измѣнялся въ ĭ передъ i̯ слѣдующаго слова (§ 23 прим.). Примѣры: lьnъ̀, ср. старослав. льнъ, польск. len, сербск. лан, нижнелуж. ľan; dьnь̀, ср. старослав. дьнь, польск. dzień, нижнелуж. źeń, сербск. дан; tьma, ср. старослав. тьма, польск. ćma. Въ началѣ слова ь былъ неизвѣстенъ потому, что начальное ĭ принимало передъ собой i̯, послѣ котораго оно, согласно предыдущему, не подлежало редукціи; напр. *ĭmǫ перешло въ *i̯ĭmǫ и отсюда, послѣ сокращенія ĭ до полукраткости, ĭmǫ. Равнымъ образомъ и по той же причинѣ ь не былъ извѣстенъ вообще въ началѣ слога, ибо ĭ въ началѣ слога имѣло передъ собой всегда i̯ (j), а i̯ĭ пе-

реходило въ ĭ: znaĭ изъ znai̯ĭ, kraĭ изъ krai̯ĭ. Въ виду этого и обобщая положеніе ĭ въ началѣ слова и послѣ гласной, принимаю, что ĭ не редуцировалось, не переходило въ ь въ началѣ слога. Сохраняясь какъ ĭ тамъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ слогъ съ полукраткой гласной, въ другомъ положеніи ĭ переходило, какъ увидимъ, въ ĭ (і полукраткое).

Примѣчаніе. Только что выставленное положеніе о недопустимости въ общеслав. праязыкѣ сочетаній i̯ + ь, а также ь + i̯ основывается между прочимъ на замѣнѣ i̯ĭ черезъ і въ такихъ слогахъ, гдѣ і не могло стать полукраткимъ; ср. старослав. и въ наимъ, воиньство, таинъ, таибьно, троинъ, троичьно, достоинъ, приимъ; русск. и въ яиц, яичко, изба, древнее истъба; сербск. и въ изба; польск. і въ izba, діалект. izdba. Далѣе это положеніе основывается на тѣхъ говорахъ, отражающихся въ памятникахъ старослав. языка, которые систематически представляли і, не ь передъ сочетаніями i̯ + гласная; ср. костиѭ, гостию, житиѥ и т. д. Напротивъ, ему противорѣчитъ то, что во многихъ случаяхъ данныя отдѣльныхъ славянскихъ языковъ свидѣтельствуютъ о сохраненіи въ общеслав. сочетаній i̯ь или jь безъ измѣненія, ибо на мѣстѣ ихъ находимъ сочетанія i̯e или je, i̯a или ja. Такъ находимъ: сербско-хорв. на́jам, за́jам, jа̀jачкӣ (прилаг. отъ Jajце: назв. крѣпости въ Босніи), великор., малор., бѣлор. яєць, яец, яечко, яешня, великор. наём, заём, польск. jajeczny, najem, najemny, малор. єздебка, старослав. ѥмъше Супр. 40, приѥмъша Супр. 14, приемъше Клоц. сб. строка 75, наемъникъ, богоприемца Ассем. ев., неоустроенъ, недостоенъ, въ таиноемьнъıхъ, подъемъ, приемъ Син. молитв., среднеболг. заемъ, приемъ Трновск. ев., вьзаемь Добромир. ев. Согласовать эти противорѣчивыя указанія можно при предположеніи, что судьба ĭ различалась въ зависимости отъ того, предшествовало ли ему i̯ или j: сочетаніе i̯ĭ переходило бы въ і и ĭ, а сочетаніе jĭ измѣнялось бы въ jь. Такимъ образомъ подходимъ къ предположенію о различеніи i̯ и j: различеніе этихъ звуковъ могло стоять въ зависимости отъ ударенія; j могло являться въ слогахъ ударяемыхъ, а i̯ въ неударяемыхъ: i̯aĭćö, i̯ajьćь̆, jáĭća, jáićь̆; отсюда въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ: въ однихъ i̯aíć, въ другихъ i̯ajeć, въ однихъ i̯aječko, въ другихъ i̯aičko.

§ 26. Мы видѣли въ § 12, что е въ положеніи за j и смягченными согласными измѣнялось въ ö, когда за нимъ не слѣдовалъ слогъ съ гласной передняго ряда; переходъ е въ ö представляется слѣдствіемъ диссимиляціоннаго процесса, приведшаго къ лабіализаціи е. Вѣроятно, что такому же

диссимиляціонному процессу подвергались сочетанія j или смягченная согласная + ь, при чемъ ь, лабіализируясь, переходилъ въ соотвѣтствующій лабіализованный звукъ, который обозначимъ буквой ѣ̈. Итакъ допускаю, что ь переходилъ въ ѣ̈ за j (не за i̯, ср. § 25 прим.) и за смягченными согласными, когда за нимъ не слѣдовалъ слогъ съ гласной передняго ряда. Примѣры: najѣ̈mѣ̈, ср. сербск. најам, великор. наём; poč́ѣ̈tѣ̈, ср. великор. почот; płač́ѣ̈, ср. старослав. плачь, діалект. плачъ, древнерусск. плачь.

Примѣчаніе. Въ пользу существованія въ указанномъ положеніи ѣ̈ въ общеслав. праязыкѣ можно привести не только соотвѣтствіе ему въ русскомъ звука о, ср. наём, почот, шол, прочол, сѣверновеликор. пóжонка (уменьш. отъ пожня), шов, счот, шопот, и т. д.; на ѣ̈ указываетъ еще и то, что въ случаяхъ, какъ пирожок, рожок, сапожок, дурачок, лишок, мошок, кусочек, кошка, овечка, печка, сербск. гра́шак, вр́шак, свр́чак, бо̀јак, ла̀жак, мо̀љак, сохраняется k, не измѣняясь въ ć, какъ оно измѣняется въ положеніи за i и ь (напр. лице изъ liko, отьць изъ otьkъ); очевидно, звуку k предшествовалъ не ь, а именно лабіализованный звукъ ѣ̈, не способный вліять на слѣд. задненёбныя такъ, какъ вліяли на нихъ нелабіализованныя гласныя передняго ряда. Что до -ьц- въ старослав. лъжьць, рожьць, сербск. гра̏шац, смо̀чац, ва̀шац, то̀чац, то онъ заимствованъ изъ такихъ случаевъ, гдѣ ему предшествовала согласная несмягченная. Въ польскомъ языкѣ ѣ̈ потеряло свою лабіализацію, ср. отсутствіе здѣсь лабіализаціи ъ; но въ лужицкихъ языкахъ находимъ о на мѣстѣ ь (обычно передъ ł и губными) напр. верхнелуж. worjoł, kozoł, wosoł, wučobny, нижнелуж. swaźobny, kjarcomny, также rožon.

§ 27. Сочетанія плавныхъ и носовыхъ въ началѣ слова и послѣ согласныхъ съ редуцированными ъ, ь измѣнялись въ сочетанія слоговая плавная или носовая съ неслоговыми ъ и ь; объ этихъ сочетаніяхъ скажемъ ниже въ § 40. Сочетанія ъ̆ и ь̆ съ долгими плавными (передъ согласными) разсмотримъ ниже въ § 83. Діалектическое измѣненіе u̯ъ̆, u̯ь̆ въ ŭ см. ниже въ § 40.

§ 28. Послѣдствіемъ сокращенія ў (изъ ŭ) и ĭ и ихъ редукціи въ ъ̆ и ь̆ были утрата ими своего ударенія и перенесеніе его на предшествующій слогъ; слогъ этотъ удлинялся и усиливался вслѣдствіе происшедшаго за нимъ сокращенія и перетягивалъ удареніе на себя съ ъ и ь. Такъ еще въ общеслав. праязыкѣ bobў (изъ bobŭ), nožĭ, šestĭ, umĭremŭ, vŭzĭmetĭ, nasŭpetĭ, poč́ĭnete измѣнились въ bóbъ̆, nóžь̆, šéstь̆, úmь̆remъ̆, vъ́zь̆memъ̆, násъ̆petь̆, póč́ь̆-

nete. Если ŭ и ĭ стояли въ начальномъ слогѣ слова и имѣли на себѣ удареніе, то оно переносилось на слѣдующій слогъ: такъ им. мн. vŭ́ši переходило въ vъ̌ší, р. ед. tĭ́sti въ tъ̌stí. Но иногда на ъ̌, ь̌ начальнаго слога удареніе переносилось подъ вліяніемъ грамматической аналогіи; они становились при этомъ краткими вм. полукраткихъ: такъ явились, быть можетъ, еще въ общеслав. праязыкѣ dъ́skǫ при dъ̌ská (ср. vódǫ при vodá), stъ́kła при stъ̌kłó (ср. séła при sełó). Удареніе съ краткихъ ъ, ь (въ положеніи передъ слогомъ съ полукр. гласной) не переносилось на предшествующій слогъ: поэтому sъ̌nь́mъ̌ (изъ sŭnĭ́mŭ) при sъ́nъ̌ma (изъ sŭnĭ́ma).

§ 28[1]. Въ словахъ слабоударяемыхъ ъ и ь могли выпадать еще въ общеслав. эпоху. Такъ объясняются формы tъgda, kъgda, togda, kogda, явившіяся непосредственно изъ tъgъda, kъgъda и т. д., а это вмѣсто tъgodá, togodá.

Гласныя долгія, полудолгія и краткія.

§ 29. Какъ увидимъ ниже, ко времени распаденія общеслав. праязыка, въ количествѣ гласныхъ произошли сильныя измѣненія: долгія гласныя при однихъ условіяхъ сократились, а именно въ концѣ слова, при другихъ переходили въ полудолгія; въ извѣстныхъ случаяхъ, напротивъ, долгота замѣнялась сверхдолготой; краткія гласныя въ опредѣленномъ звуковомъ положеніи измѣнялись въ полудолгія. Тѣмъ не менѣе, въ особенности въ виду показанія родственныхъ индоевр. языковъ, общеславянскія гласныя могутъ быть раздѣлены на исконно долгія и исконно краткія: имъ соотвѣтствовали долгія гласныя (дифтонги) и краткія гласныя индоевр. праязыка. Исконно долгими были: a, u, y, i, ä (замѣнявшее въ изв. случаяхъ a), ü; къ долгимъ принадлежали и дифтонги ѣ и ѣ̂ (замѣнившія первоначальныя ē и oi̯); долгими были кромѣ того носовыя ǫ и ę (восходящія непосредственно къ сочетаніямъ гласныхъ o, e съ долгими носовыми согласными); носовое ō̃ или ē распалось на назалированный дифтонгъ ę̄. — Исконно краткими были: o, e, ö (изъ e).

§ 30. Долгота общеслав. гласныхъ была нѣкогда двухъ видовъ: экспираторно-музыкальная или короче экспираторная съ преобладаніемъ экспираторнаго, выдыхательнаго элемента (—сопровождавшаяся усиленіемъ) и музыкально-экспираторная или короче музыкальная съ преобладаніемъ музыкальнаго элемента (—сопровождавшаяся высотой). Какъ увидимъ ниже, музыкальная долгота сохранялась въ предпослѣднемъ, слѣдующемъ за удареніемъ слогѣ, въ предударномъ слогѣ и въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова подъ удареніемъ: xódīte, pīší, pīvo.

§ 31. Полудолгота въ общеслав. праязыкѣ была двоякаго происхожденія: или она являлась на мѣстѣ первоначальной долготы—долготы экспираторной во всякомъ положеніи въ словѣ кромѣ конечнаго слога (brăta, stăvīte, zābăva),—долготы музыкальной въ слогѣ передъ удареніемъ, не предшествующемъ ударенію непосредственно, и въ слогѣ за удареніемъ, не послѣднемъ въ словѣ (krăsotá, gólǫ̆bьmъ̆); или полудолгота замѣняла краткость (въ гласныхъ o, e) въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной: nŏsъ̆, mĕdъ̆, kămĕnь̆, slăbŏstь̆ (звуки o, e полудолгіе были закрытыми, узкими).

§ 32. Краткость гласныхъ была троякаго происхожденія: во-первыхъ, исконная для гласныхъ o, e, ö: vodǫ, medu, žöna; во-вторыхъ, краткія гласныя замѣняли всякія долгія въ концѣ слова: līpa, rodi, nosa, stolѣ, drūgu, rǭkǫ, sѣmę; также еще въ положеніи передъ j̯: znăj̯ǫ, krўj̯ǫ, dŭj̯ǫ, kopăj̯ete и т. д.; наконецъ, въ положеніи безъ ударенія за другой гласной: stoīte изъ stoi̯īte перешло въ stoïte и далѣе въ stoïte; zaūtra перешло въ zaŭtra и далѣе въ zaŭtra (§ 41); въ-третьихъ, краткія гласныя ъ, ь, у, і замѣняли полукраткія ъ̆, ь̆, ў, ĭ въ положеніи какъ подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ слова, такъ и передъ слогомъ съ полукраткою гласной: sъ̆nъ̆, rьsъ̆, žь̆nьśь̆, šьvь̆śa, sъ̆nьmъ̆, gъ̆rъ̆tь̆, lьstь̆, istь̆ba, j̯áiśь̆, dobryĭ, sińiĭ, dostoinъ̆, dъ̆skǫ.

Примѣчаніе. Основанія для признанія краткими исконно долгихъ въ концѣ слова указаны въ §§ 136 и сл. Сокращеніе гласныхъ передъ j̯ принимаю, во-первыхъ, по соображеніямъ, указаннымъ въ §§ 37, 130 (появленіе ĭj̯ на мѣстѣ īj̯, ўj̯ на мѣстѣ ūj̯ можно объяснить, только допустивъ сокращеніе ī, ū передъ j̯); во-вторыхъ, на основаніи краткости гласной напр. въ штокавск. kŭ̏jē изъ kūje, ср. рядомъ діалект. у Крижанича kūjé, чакавск. kūjȅ (долгота передъ j не сокращалась); также въ пльўјем у Крижанича; въ-третьихъ, на основаніи переноса ударенія въ штокавск. ŏ̀bujē, ĭ̀zujēш.

Гласныя полукраткія.

§ 33. Въ §§ 22—23 указаны условія, при которыхъ происходила редукція краткихъ у (изъ ŭ) и і; она имѣла мѣсто для ў всюду кромѣ положенія передъ j̯, а для ĭ всюду кромѣ положенія передъ j̯ и послѣ j̯; положеніе послѣ j̯, въ виду выпаденія j̯, равносильно положенію въ началѣ слога: ĭ не редуцировалось въ началѣ слога. Редуцированныя гласныя были вмѣстѣ съ тѣмъ полукраткими. Такъ явились ъ̆, ь̆, а послѣ j и смягченныхъ согласныхъ ĕ̆: domъ̆, tь̆ma, ledъ̆, mь̆lь̆ko, konь̆śi, koń̆ь̆, noźь̆ и т. д. Полукраткіе ъ̆, ь̆, ĕ̆, согласно § 32, становились краткими, когда въ слѣдующемъ за ними слогѣ

находилась полукраткая гласная или когда они стояли въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ. Въ главѣ о редуцированныхъ гласныхъ изложены важнѣйшія явленія, относящіяся къ гласнымъ ъ, ь, ѣ.

§ 34. Въ указанныхъ двухъ положеніяхъ послѣ i̯ (въ началѣ слога) и передъ i̯ звуки ў (изъ ŭ) и ĭ редукціи не подлежали, но они сокращались и въ этихъ положеніяхъ, переходя въ полукраткіе звуки ў и ĭ. Разсмотрѣнію явленій, связанныхъ со звуками ў и ĭ, посвящено содержаніе настоящей главы. Подобно полукраткимъ ѣ и ѣ, переходившимъ при указанныхъ выше условіяхъ въ ъ и ь, полукраткія ў и ĭ при тѣхъ же условіяхъ измѣнялись въ у и і (ср. § 32).

§ 35. Звукъ ĭ въ началѣ слога могъ имѣть различное происхожденіе. Во-первыхъ, въ началѣ слова ĭ можетъ восходить какъ къ i̯i, такъ и къ jí (согласно § 25 прим. i̯—передъ неударяемымъ i, а j передъ ударяемымъ), ибо jí въ силу сокращенія звука ĭ теряло свое удареніе, перенося его на слѣдующій слогъ въ порядкѣ, указанномъ въ § 28, а это вело къ переходу j въ i̯; сочетаніе i̯i переходило въ ĭ въ силу сокращенія i. Такъ i̯igrá перешло въ ĭgrá, ср., съ выпаденіемъ ĭ, польск. gra, чешск. hra; i̯imę́ перешло въ ĭmę́, ср. древнечешск. jmě, нижнелуж. mě; i̯iskrá въ ĭskra, ср. польск. skra, верхнелуж. škra; ji̯go въ i̯igó и далѣе ĭgó, ср. чешск. jho; i̯imѣti перешло въ ĭmѣti, ср. чешск. míti, нижнелуж. měś, польск. mieć.

Примѣчаніе 1. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, ĭ въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ подлежало отпаденію, но въ другихъ оно переходило въ началѣ слова въ і. Рядомъ съ ĭgó, ĭmę́, еще въ общеслав. праязыкѣ возникали параллельныя формы ígo, ímę (подъ вліяніемъ slóvo, nébo или sѣmę, bermę), ср. великор. и́го, и́мя, словенск. igọ̑ непосредственно изъ ĭ̑go. Ударяемость і охраняла его отъ перехода въ полукраткій звукъ; ср. сказанное въ § 28 объ ударяемыхъ ъ и ь въ начальномъ слогѣ.

Примѣчаніе 2. Звукъ ĭ изъ ji̯ĭ въ началѣ слова могъ замѣняться въ нѣкоторыхъ случаяхъ черезъ ĭ подъ вліяніемъ ĭ въ родственныхъ словахъ и формахъ, гдѣ оно восходитъ (согласно § 36) къ i̯ĭ фонетически. Такъ подъ вліяніемъ poĭskati, poĭšč̑ǫ, быть можетъ, еще въ общеслав., но возможно, что уже на почвѣ отдѣльныхъ слав. нарѣчій, явилось ĭskati вм. ĭskati, ср. малор. ськати.

§ 36. Во-вторыхъ, въ началѣ слога послѣ гласной ĭ можетъ имѣть троякое происхожденіе: оно восходитъ или къ сочетанію i̯ĭ какъ въ серединѣ, такъ и въ концѣ слова, при чемъ i̯ исчезало въ положеніи между гласной и ĭ, а ĭ сокращалось до полукраткаго ĭ, напримѣръ: kraĭ изъ kraji̯ĭ,

boĭ изъ boi̯ĭ, boĭko изъ boi̯ĭko, dostoĭno изъ dostoi̯ĭno, taĭno изъ tai̯ĭno и т. д.; или къ сочетанію jí (j согласно § 25 прим.), которое, потерявъ вслѣдствіе сокращенія і удареніе, переходило непосредственно въ i̯ĭ: móĭ, tvóĭ изъ mojí, tvojí, náĭma изъ najíma (ср. najь́mъ, отсюда великор. наём), póĭdǫtь̆ изъ pojídǫtь̆ (ср. ídǫtь̆), záĭmǫtь̆ изъ zajímǫtь̆ (ср. ímǫtь̆); или, наконецъ, къ сочетанію i̯ī. Это сочетаніе теряло i̯, исчезавшее вообще между гласной и і, а ī послѣ гласной по общему правилу (§ 32) переходило въ ĭ, сокращаясь затѣмъ, какъ всякое ĭ, до полукраткаго ĭ. Такъ táĭna изъ tai̯īna, tróĭća изъ troi̯īća, š́üĭća изъ š́üi̯īća, vóĭna род. ед. м. р. изъ vói̯īna, myĭ 2 л. пов. изъ mýi̯ī, daĭ изъ dái̯ī, kopaĭ изъ kopái̯ī, stoĭte 2 л. пов. мн. изъ stoi̯īte.

Примѣчаніе 1. И въ первомъ и въ третьемъ изъ только что разсмотрѣнныхъ случаевъ на мѣстѣ ĭ является ĭ, когда въ слѣдующемъ затѣмъ слогѣ была полукраткая гласная; ср. общеслав. dostoinъ̆ им. ед., tainъ̆ им. ед., jáić̆ь̆ko, jáićь̆ р. мн.; и также: tainъ̆ р. мн., voinь̆stvo, troić̆ь̆ka. Формы, какъ древнерусск. достоенъ, великор. я́ец, тро́ечка, тро́ецкой, покоен заимствовали свое е изъ формъ яе́ц, трое́цкой, сил ён и т. п. Ср. § 25 прим.

Примѣчаніе 2. Звукъ j (въ ударяемомъ слогѣ) не выпадалъ между гласными. Поэтому krojí, krojíte 2 л. ед. и мн. пов., stojíte 2 л. мн. наст., pojíti инф., mojí им. мн. и т. д., при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ і (краткое въ концѣ и полудолгое въ другихъ случаяхъ) восходитъ къ ī. Слѣдовательно, видимъ сохраненіе сочетанія jī, между тѣмъ какъ jĭ переходило въ i̯ĭ и далѣе въ ĭ; сопоставьте им. ед. moĭ съ им. мн. mojí.

§ 37. Въ положеніи передъ i̯ звукъ ĭ, откуда далѣе ĭ, имѣлъ разное происхожденіе. Во-первыхъ, ĭ восходило къ исконному, индоевр. ĭ, напр. tretĭi̯e изъ tretĭi̯e, kolĭi̯e изъ kolĭi̯e, pѣnĭi̯e изъ pѣnĭi̯e; во-вторыхъ, къ исконному, индоевр. ĕ, напр. pǫtь̆i̯e изъ pǫtĭi̯e, а это изъ ponteĭes, срав. греч. πόλεις изъ πολεῖες; въ-третьихъ, къ исконному, индоевр. ī, напр. вин. ед. mьlnĭi̯ǫ изъ mьlnīi̯ǫ, bĭi̯ǫ́ 1 л. ед. непосредственно изъ bī́i̯ǫ, а это изъ bī́i̯ǫ; им. мн. svinĭi̯ę̆ изъ svinĭi̯ę̆, а это изъ svinīi̯ę̆. Причина сокращенія ī передъ i̯ лежитъ въ томъ, что въ общеслав. праязыкѣ передъ i̯ сокращались вообще всѣ долгія гласныя (см. § 32 прим.).

Примѣчаніе 1. Сокращеніе ī передъ i̯ имѣло мѣсто также и подъ удареніемъ. Удареніе съ ĭ, сокращавшагося до полудолготы, примѣнительно къ указаніямъ, даннымъ въ § 28, переносилось на предшествующій слогъ; такъ явились: pólĭi̯ete (шток. по̏лијēте), úbĭi̯ǫtь̆ (шток. у̏бијӯ, укр. подíбъютця), náš́ĭi̯e (шток. 3 ед. на̏шијē). Съ начальнаго слога

удареніе должно было переноситься на слѣдующій слогъ; такъ явились bĭjǫ́ вмѣсто bíi̯ǫ, š́ĭjǫ́ вмѣсто š́íi̯ǫ (великор. бью, шью, бьёте, шьёт); равнымъ образомъ š́íi̯a должно было измѣниться въ š́ĭjá (ср. древнерусск. шьи, Новг. 1-ая Синод., т. е. шеи, также назв. рѣки Шья въ Егор. уѣздѣ, притока Пры). Но вліяніе аналогіи содѣйствовало перенесенію ударенія на начальный слогъ въ рядѣ случаевъ; такъ pīš́ǫ́-píš́etь̆, poŕǫ́-póŕeš́ĭ вызывало при bĭjǫ́—bíi̯etь̆, при šĭjǫ́—šíi̯eš́ĭ (ср. сербск. би̏jē, ши̏jēш), вѣроятно, еще въ общеслав. праязыкѣ (въ его діалектахъ). Равнымъ образомъ при š́ĭjá возникало въ вин. ед. и им.-вин. мн. š́íi̯ǫ, š́íi̯ę̄ (ср. vodá-vódǫ, vódy), а это приводило къ ударенію š́íi̯a и въ имен. ед. (великор. ше́я, сербск. ши̏ja).

Примѣчаніе 2. Не имѣемъ основанія думать, чтобы j могъ задержать редукцію ĭ въ ь такъ, какъ задерживало ее i̯. Поэтому вѣроятно, что приведенныя въ предыдущемъ примѣчаніи формы какъ bĭjǫ́, š́ĭjǫ́, š́ĭjá стали звучать въ общеслав. праязыкѣ bь̆jǫ́, š́ь̆jǫ́, š́ь̆já. Рядомъ съ pѣnĭi̯e, imѣnĭi̯e, kopanĭi̯e являлись съ наконечнымъ удареніемъ: žitь̆jö, bytь̆jö, pitь̆jö. Равнымъ образомъ у насъ нѣтъ основанія допускать, чтобы долгія гласныя сокращались передъ j (они сокращались передъ i̯). Поэтому принимаю напр. произношеніе svinījá въ им. ед. при svínĭi̯ę̄ въ им. мн. (ср. болг. діалектическія сфиния, зъмия, ср. В. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Савв. книги, 237—238); также въ 1 л. ед. lījǫ́, pījǫ́, vījǫ́ при líi̯etь̆, píi̯emъ̆, víi̯ete (формы, обязанныя вліянію аналогіи, вмѣсто фонетическихъ lь̆jetь̆, pь̆jemъ̆, vь̆jete, ср. предыдущее примѣчаніе).

Примѣчаніе 3. Въ положеніи передъ слогомъ съ ĭ звуку ĭ (изъ ĭ, ĕ, ī передъ i̯) соотвѣтствовалъ звукъ i: sińiĭ изъ sińĭ-i̯ĭ, pǫtiĭ изъ pǫtei̯ĭ, sviniĭ изъ svinīi̯ĭ.

§ 38. Звукъ ĭ, кромѣ указанныхъ въ трехъ предыдущихъ параграфахъ положеній, возникалъ въ общеслав. праязыкѣ еще при одномъ условіи. Конечное ī въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка сократилось въ ĭ вмѣстѣ съ остальными долгими гласными. Это ĭ сократилось затѣмъ до полукраткости,—перешло въ ĭ, въ томъ случаѣ, когда оно не было защищено удареніемъ (въ предшествовавшую эпоху сокращеніе ĭ, вызывая усиленіе предшествующаго слога, вело къ перенесенію на него ударенія съ ĭ, переходившаго тогда въ ĭ, §§ 28, 37 прим.); подъ удареніемъ сохранялось ĭ. Указаніе на такое ĭ извлекается изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, представляющихъ формы, гдѣ оно отпало, подобно тому какъ въ нихъ отпали и другія

полукраткія гласныя: ѣ и ѣ. Примѣры для общеслав. ĭ изъ ī (непосредственно же изъ ĭ) въ концѣ слова находимъ въ нѣсколькихъ грамматическихъ окончаніяхъ. Окончаніе 2 л. ед. -ši, всегда неударяемое, измѣнилось въ -šĭ; отсюда -š во всѣхъ славянскихъ языкахъ: великор. ходиш, польск. niesiesz, чешск. prosiš, верхнелуж. pleśeš, сербск. питаш; въ старославянскихъ памятникахъ находимъ -ши (ходиши, видиши и т. д.), но ши обозначаетъ въ древнѣйшихъ изъ нихъ (не отражающихъ еще паденія полукраткихъ гласныхъ) šĭ, ибо буква и служила для выраженія не только ĭ, но и ĭ; ср. въ тѣхъ же памятникахъ имѣниѥ, свинии и т. п. Окончаніе инфинитива -tī, измѣнившись въ -tĭ, сохранялось въ такомъ видѣ подъ удареніемъ, а въ неударяемыхъ слогахъ переходило въ -tĭ; ср. t́, t изъ tĭ въ разныхъ славянскихъ языкахъ: великорусск. дат́, словенск. діалект. plest, brat, чешск. dělat, польск. lubić, сербск. діалект. чинит, чуват, вуѣ (ср. напр. M. Rešetar, Der štokavische Dialekt, c. 198; T. Maretić, Gramatika, c. 233), и т. д.; рядомъ съ -tĭ упорно держалось, держится и теперь -ti, заимствовавшее свое i изъ формъ на -tí съ наконечнымъ удареніемъ. Окончаніе 2 л. повел. ī замѣнилось черезъ ĭ, что видно изъ такихъ формъ, какъ великор. броć, остаѝ, польск. bądź, чешск. nes, toй, chval; рядомъ сохранялось окончаніе i подъ вліяніемъ ударяемыхъ формъ на -í (ср. напр. въ сербскомъ: гѝни, гàзи, сjѐди). Окончаніе дат. ед. -ovī перешло въ -ovĭ, ср. древнерусск. домовь, доловь (т. е. домовъ, доловъ), древнечешск. domóv, dolóv (Gebauer, Hist. mluvn. III, 1, 327, 328); рядомъ съ -ovĭ существовало и -ovi, заимствовавшее свое ĭ изъ формъ, какъ gosti, zvěri (а въ этихъ и подобныхъ формахъ i сохранялось подъ вліяніемъ ударяемаго окончанія í).

§ 39. Звукъ ў являлся въ положеніи передъ i̯, во-первыхъ, на мѣстѣ ў, замѣнившаго исконное ŭ, напр. ľubĭmŭi̯ǫ (рядомъ: ľubĭmъ i̯ǫ), во-вторыхъ, на мѣстѣ ȳ, сократившагося въ силу указаннаго въ § 32 закона передъ i̯: вин. мн. dobrŭi̯ę̆ изъ dobrȳi̯ę̆ (отсюда фонетически въ малор., съ выпаденіемъ ў, dobrѣ, укр. добрі, а нефонетически подъ вліяніемъ формы dobry въ именномъ склоненіи — dobryi̯ę̆, великор. добрые); pómŭi̯ete изъ pomŭ́i̯ete (ср. сербск. пòмијēте), zákrŭi̯e изъ zakrŭ́i̯e (ср. сербск. зàкријē); čьrtórŭi̯a изъ čьrtorȳi̯a (ср. древнерусск. Черторья).

Примѣчаніе 1. Въ приведенныхъ выше примѣрахъ видимъ переносъ ударенія на предыдущій слогъ съ сократившагося до полукратости у. Въ словѣ какъ помóи изъ pomŭ́i̯ę̆ видимъ новое удареніе подъ вліяніемъ аналогіи другихъ подобныхъ словъ, ср. русск. посýда, порýка, досáда при сербск. пòмије, пòсуда, пòрука, дòсада. Когда уда-

реніе падало на начальный слогъ, оно переносилось на слѣдующій: mȳi̯ǫ, mȳi̯etъ измѣнялись въ mȳjǫ́, mȳjétъ (ср. древнерусск. и діалект. великор. мью); параллельныя формы mýi̯ǫ, mýi̯etъ представляются новообразованіями при инф. myti, ср. znati-znái̯ǫ, duti-dúi̯ǫ и т. п. Неясно, вслѣдствіе именно древности памятника, оумъю въ Новг. тріоди XI в. (Др. пам. Срезн., 151, 152).

Примѣчаніе 2. Въ положеніи передъ слогомъ съ ĭ звуку ў (изъ ŭ, ȳ передъ i̯) соотвѣтствовалъ звукъ y: dobryĭ изъ dobrȳ-i̯ĭ; 2 пов. myĭ изъ mȳi̯ĭ.

§ 40. Кромѣ ĭ и ў общеслав. праязыкъ имѣлъ діалектически еще одинъ полукраткій нередуцированный звукъ, а именно звукъ ŭ. Какъ увидимъ, въ значительной части говоровъ общеслав. праязыка неслоговое u̯ передъ гласными не скоро уступило мѣсто спиранту, губногубному w, откуда губнозубное v. Когда въ этихъ говорахъ происходила редукція ў (изъ ŭ) и ĭ, редуцированные звуки ъ и ь оказывались въ рядѣ случаевъ за u̯. Краткіе ъ и ь сохраняли при этомъ свой звукъ, напр. общеслав. діалект. u̯ьśъ (въ другихъ діалектахъ vьśъ), prau̯ьdъno (въ другихъ діалектахъ pravьdъno), u̯ъnъ (въ другихъ діалектахъ vъnъ), u̯ъśъ (въ другихъ діалектахъ vъśъ). Но полукраткіе ъ и ь ассимилировались предшествующему u̯ и переходили въ ŭ (полукраткое u), передъ которымъ выпадало u̯ (какъ i̯ выпадало передъ ĭ). Такъ явились діалектическія: synoŭ (при synovъ другихъ діалектовъ), dъŭka (при dъvъka), łoŭko (при łovъko), praŭda (при pravъda), słaŭno (при słavъno) и т. д. Равнымъ образомъ находимъ ŭ въ началѣ словъ: ŭdova (при vъdova), ŭćera (при vъćera), ŭśa (при vъśa), ŭnukъ (при vъnukъ), ŭśi (при vъśi).

Примѣчаніе 1. Полукраткое ŭ при общемъ паденіи полукраткихъ перешло въ u̯, какъ полукраткое ĭ измѣнилось въ i̯; ср. великор. діалект. дамоў, сыноў, деўка, малор. діўка, синіў, бѣлор. дзѣўка, ноў, гатоў, словенск. діалект. nou̯. Въ началѣ слова ŭ измѣнилось частью въ u полнаго образованія (какъ ĭ измѣнялось въ i полнаго образованія), частью отпадало: великор. діалект. удова, усё, унук, малор. унук, уся, учора, звар, зяў, схід, сербск. ỳнук, унýтра, у град, удовица, jỳчēра (вмѣсто учера, подъ вліяніемъ jутро?), восточноболг. учѐра, утòрник, унук, улезла, у старо време. Написаніе праоуда въ Сб. 1073 ведетъ не къ prau̯da, а къ praŭda, ибо въ XI в. полукраткія гласныя еще сохранялись въ древнерусскомъ языкѣ.

Примѣчаніе 2. Возможно, что сочетаніе u̯ъ измѣнялось въ общеслав. діалектахъ, сохранившихъ u̯, непосредственно въ полукраткое ü (или полукраткое u̇, т. е. звукъ средній между u и ü), причемъ

полукраткое ŭ перешло въ положеніи передъ твердой согласной и въ концѣ слова въ ŭ, удерживаясь какъ ŭ полукраткое передъ согласной полумягкой; отсюда еще въ общеслав. ì. Указаніе на такое измѣненіе сочетанія u̯ì можно видѣть въ словѣ ivьlga (отсюда русск. и́волга), восходящемъ къ общеслав. u̯ьu̯ьlga, при чемъ начальный слогъ u̯ь изъ u̯i представляется удвоеніемъ коренного слога; ср. рядомъ безъ удвоенія старослав. влъга, сербск. вуга, польск. wilga, чешск. vlha. Польское wywilga повидимому вмѣсто wwilga изъ общеслав. vь̆vьlga.

§ 41. Звукъ ŭ являлся въ общеслав. праязыкѣ во всѣхъ его говорахъ на мѣстѣ u послѣ гласной. Слово zaūtra измѣнилось въ zaŭtra по закону о сокращеніи долгой гласной въ положеніи за гласной; ŭ подлежало въ этомъ положеніи и дальнѣйшему сокращенію до полукраткаго ŭ: zaŭtra. Полукраткое ŭ, сохраняясь въ говорахъ, не измѣнявшихъ u̯ въ w, v, замѣнялось сочетаніемъ vь̆ въ говорахъ, проведшихъ такое измѣненіе. Такимъ образомъ напр. форма zaŭtra отражается въ совр. zau̯tra, напр. малор. заўтра, восточноболг. zau̯tra (L. Miletić, Das Ostbulgarische, 82); форма же zavь̆tra отражается въ совр. zavtra; великор. завтра, завтря, восточноболг. zaftra (Miletić, ib.). Рядомъ существовали въ общеслав. и формы zaū́tra, гдѣ ū сохранилось подъ удареніемъ, и záutrĭje, гдѣ u не перешло въ ŭ вслѣдствіе положенія передъ слогомъ съ ì.

Примѣчаніе. Изъ замѣны ŭ въ одной части слав. говоровъ, а именно не знающихъ u̯, черезъ vь̆ въ словѣ zavь̆tra слѣдуетъ, что vь̆ въ этихъ говорахъ вообще замѣняетъ ŭ; vь̆nukъ̆ въ этихъ говорахъ можно возвести къ ŭnukъ̆, vь̆dova (не vь̆dova) къ ŭdova. Это надо имѣть въ виду потому, что и послѣ распаденія общеслав. праязыка отдѣльные говоры, унаслѣдовавшіе изъ общесл. эпохи u̯, стали замѣнять его черезъ v.

Гласныя неслоговыя.

§ 42. Общеслав. праязыкъ получилъ изъ индоевроп. праязыка двѣ неслоговыя гласныя i̯ и u̯. Эти неслоговые звуки являлись только передъ гласными; впрочемъ, какъ увидимъ, u̯ въ нѣкоторыхъ образованіяхъ могло попадать передъ j. Разсмотрю отдѣльно судьбу каждой изъ обѣихъ гласныхъ въ общеслав. праязыкѣ.

§ 43. Рядомъ съ i̯ общеслав. языкъ получилъ изъ индоевр. праязыка согласную j. Находились ли тамъ i̯ и j во взаимномъ чередованіи при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, мнѣ неясно. Но въ общеслав. праязыкѣ они совпали въ одномъ звукѣ, который являлся въ однихъ случаяхъ въ видѣ согласной j, въ дру-

гихъ въ видѣ i̯; отличіе же j отъ i̯ заключалось, повидимому, въ бо̀льшемъ треніи выдыхаемаго воздуха при j, въ меньшемъ при i̯. Представляется вѣроятнымъ, что j замѣняло i̯ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: во-первыхъ, послѣ согласной, во-вторыхъ, передъ ударяемой гласной. Въ томъ и другомъ случаѣ требовалась болѣе энергичная артикуляція, вызывавшая переходъ i̯ въ j.

§ 44. Что въ положеніи послѣ согласной въ общеслав. праязыкѣ являлся именно j, а не i̯, видно изъ тѣхъ измѣненій, которымъ подверглись здѣсь сочетанія согласной +j; измѣненія эти приводили къ взаимному уподобленію обоихъ элементовъ и къ поглощенію j; отсюда, изъ такого уподобленія ясно, что послѣ согласной былъ j, а не i̯; ср. переходъ kj въ č́, tj въ č́č́, nj въ ń, lj въ ľ, rj въ ŕ, и др. Впрочемъ, сочетанія губная +i̯ сохранялись въ общеслав. праязыкѣ не въ началѣ слова. То обстоятельство, что въ началѣ слова сочетанія губная +i̯ измѣнялись въ губная +ľ въ общеслав. праязыкѣ (общеслав. bľudo, pľujǫ), при чемъ ľ замѣнило несомнѣнно согласную j, а не гласную i̯, равнымъ образомъ и то, что въ отдѣльныхъ слав. языкахъ имѣлъ мѣсто да̀льнѣйшій переходъ j въ ľ (случаи какъ ľubľǫ изъ общеслав. ľubjǫ, которое изъ ľubi̯ǫ), дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и послѣ губныхъ i̯ систематически переходило въ j.

§ 45. Что въ ударяемомъ слогѣ являлось j, въ противоположность неударяемому, гдѣ держалось i̯, было предположено выше въ § 25 пр., гдѣ различіемъ j отъ i̯ объяснено различное измѣненіе сочетаній i̯ь, jь въ славянскихъ языкахъ: i̯ь въ неударяемыхъ слогахъ переходило въ i, а jь въ ударяемыхъ сохраняло ь (отсюда въ отд. слав. языкахъ je, jo, ja). Далѣе въ §§ 32, 37 пр., 39 пр. указывалось на сокращеніе въ общеслав. праязыкѣ долгой гласной передъ i̯ при сохраненіи долготы передъ j: и здѣсь чередованіе долгой и сокращенной гласной совпадаетъ съ предположеннымъ различеніемъ i̯ и j; ср. чакавск. kūjȅš при штокавск. kȕješ, ā въ чакавск. dājú 3 л. мн. Третьимъ основаніемъ для утвержденія нашего является различная судьба сочетаній jé и i̯e; jé въ концѣ слова и передъ твердыми согласными переходило въ jö; между тѣмъ i̯e сохраняло свое e въ общеславянскомъ, измѣняя его въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ ja. Подробнѣе остановимся на этихъ явленіяхъ ниже (§§ 117, 222, 224); укажу здѣсь на сѣверновеликор. жит́jó (житi̯о) при ко́л́ja, малор. насіння, гілля, пруття (въ життя видимъ перенесеніе i̯e, отсюда ja, на мѣсто фонетическаго jo); подобнымъ образомъ находимъ и въ лужицкихъ языкахъ: съ одной стороны отвлеченныя и собирательныя на -je (восходитъ къ -i̯e), напр. dawanje, daće, (daśe), strowje, pjerje, съ другой, слова на -jo (восходящее къ -je), напр. morjo,

lico, słonco (słyńco), polo, hrabišćo (grabišćo), и т. д., при чемъ jo лишь діалектически и спорадически замѣняетъ подъ вліяніемъ аналогіи je въ словахъ на исконное -ïje (ср. Muka, l. c., p. 52, 49).

§ 46. Въ общеслав. праязыкѣ неслоговое i̯, въ противоположность j, исчезало при извѣстномъ условіи въ междугласномъ положеніи. Можно именно думать объ исчезновеніи i̯ въ положеніи передъ гласными передняго ряда; въ § 36 было уже отмѣчено выпаденіе i̯ передъ ĭ и передъ ī; выпаденіе передъ e находимъ, напримѣръ, въ случаяхъ, какъ dobraeho вмѣсто dobraiẹho (отсюда дальше dobraaho, dobraho), или imaetĕ вмѣсто imai̯etĕ (отсюда imaatĕ); выпаденіе передъ ē, измѣнявшимся послѣ i̯ въ ä, откуда a, видимъ въ igraašö вм. igrai̯ēšö, vidĕai̯ǫ вм. vidĕi̯ēxǫ. Правда, въ рядѣ случаевъ видимъ сохраненіе i̯, напр. передъ e въ dobroi̯e, moi̯eho, korai̯emĕ, imĕi̯emĕ, но можно думать, что здѣсь i̯ удерживалось или вставлялось подъ вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ формъ, гдѣ оно сохранялось фонетически: dobroi̯e измѣнялось фонетически въ dobroe (ср. отсюда въ отдѣльныхъ слав. языкахъ: dobre польск., малор.), но рядомъ продолжало существовать dobroi̯e подъ вліяніемъ dobrai̯a, dobrǫi̯ǫ; moi̯eho измѣнялось фонетически въ moeho (отсюда дальше moho или meho), но рядомъ сохранялось и moi̯eho подъ вліяніемъ moja, mojö; точно также удерживалось korai̯emĕ подъ вліяніемъ korai̯ǫ, korai̯ǫtĕ.

§ 47. Возможно, что u̯ діалектически замѣнилось черезъ w, v еще въ балтійско-славянскую эпоху. Но мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ, что это явленіе имѣло мѣсто уже только на славянской почвѣ, ибо и до сихъ поръ въ слав. языкахъ сохраняется произношеніе u̯, доказывающее, какъ упорно оно должно было держаться раньше. Ходъ измѣненія u̯ въ v, быть можетъ, былъ таковъ: u̯ переходило въ ударяемыхъ слогахъ въ спирантъ w (ср. переходъ i̯ въ j); такимъ образомъ рядомъ съ u̯odá являлось wódǫ; дальнѣйшій переходъ губнозубного w въ губнозубное v нарушилъ возможность чередованія u̯ со спирантомъ (въ виду большого различія между u̯ и v); vódǫ (вмѣсто wódǫ) вызвало при себѣ vodá, а это (т. е. чередованіе u̯ и v въ u̯odá и vodá) повело къ полному выгѣсненію звука u̯ черезъ v. Къ общеслав. діалектамъ, замѣнившимъ u̯ черезъ v, восходятъ многіе славянскіе языки, а именно всѣ тѣ, которые не сохранили u̯ послѣ гласной (на мѣстѣ болѣе древняго ŭ); таковы западнослав. языки, почти не представляющіе слѣдовъ исконнаго произношенія u̯; таковы многіе великорусскіе говоры и сѣверные и южные (рязанскіе). Мы видимъ здѣсь замѣну не только u̯ черезъ v, но также ŭ черезъ vĕ: zavĕtra (отсюда zavtra, zaftra) вмѣсто zaŭtra (см. § 41).

§ 48. Славянскіе языки, восходящіе къ такимъ діалектамъ общеслав.

праязыка, которые сохраняли старое произношеніе u̯, въ настоящее время распадаются на три неравныя группы. Въ одной части ихъ u̯ передъ гласными перешло въ v, въ началѣ же слова сохранилось произношеніе u на мѣстѣ ŭ (изъ u̯ѣ и u̯ь): сюда относятся напр. сербскій и болгарскій языки, гдѣ, какъ мы видѣли въ § 40, сохраняется произношеніе удова, унук, у (предлогъ); также нѣкоторые сѣверновеликор. говоры, представляющіе при обычномъ v (также и въ концѣ слога, откуда въ изв. случаяхъ f) звукъ u вмѣсто ŭ въ началѣ слова. Можно думать, что въ этихъ говорахъ замѣна u̯ черезъ v произошла тогда, когда начальное ŭ уже измѣнилось въ u. Въ другой части славянскихъ языковъ u̯ перешло въ v только передъ гласными, сохраняясь какъ u̯ въ концѣ слога и какъ u, ŭ въ началѣ слова; сюда относятся, напр., языки малорусскій, бѣлорусскій и многіе южновеликорусскіе говоры: здѣсь находимъ vodá (vadá), vódu, но korou̯ (karou̯), γotou̯ (γatou̯), d'eu̯ka (d'iu̯ka). Наконецъ, незначительная часть говоровъ сохраняетъ старое произношеніе съ u̯ (чередуя его съ w) также передъ гласными; такъ въ нѣкоторыхъ масальскихъ и жиздринскихъ, смоленскихъ говорахъ встрѣчается произношеніе u̯otka, wotka, karowa, karou̯a; тоже въ нѣкоторыхъ малорусскихъ, напр. въ миргородскомъ (ср. В. Г. Ярошенко въ Изв. Отд. р. я. и сл. 1909 г., кн. 1-я, 238—240).

§ 49. Въ положеніи передъ гласными передняго ряда согласныя, какъ будетъ указано въ § 110, звучали въ общеслав. праязыкѣ полумягко; можно думать, что u̯ въ тѣхъ говорахъ общеслав. праязыка, гдѣ оно сохранялось, переходило въ этомъ положеніи въ u̯̇ или ü̯: u̯̇ečöra, u̯̇idimъ̆, u̯̇ѣra, u̯̇ьśь̆, и т. д. Указаніе на u̯̇ или ü̯ извлекается изъ исторіи сочетаній ku̯, gu̯ передъ ѣ въ той отрасли общеслав. праязыка, которая легла въ основаніе южныхъ и восточныхъ слав. языковъ: здѣсь, какъ увидимъ, ku̯ѣ, gu̯ѣ перешли въ ću̯ѣ, ʒ́u̯ѣ (źu̯ѣ), что доказываетъ произношеніе u̯ какъ u̯̇ или какъ ü̯.

§ 50. Кромѣ неслоговыхъ u̯ и i̯ общеславянскій праязыкъ имѣлъ въ извѣстномъ положеніи также неслоговые ъ и ь. А именно полукраткіе ъ и ь въ положеніи за плавными и носовыми, становившимися передъ ъ̆ и ь̆ слоговыми, когда имъ не предшествовало гласной (слѣдовательно, въ началѣ слова и послѣ согласной), измѣнялись въ ъ̯ и ь̯. Подробнѣе остановлюсь на такихъ сочетаніяхъ ниже, въ § 78. Примѣры: ṛь̯ći, ṛъ̯ži, ṛъ̯ta, ḷь̯na, ḷь̯sti, kṛъ̯vavъ̆, sḷь̯za, tṛь̯voga, dṛъ̯žati, nesłъ̯, mysḷь̯ и т. д.; также m̥ъ̯nogъ, m̥ь̯stiti, osm̥ь̯, žizn̥ь̯.

Примѣчаніе. Описанные въ §§ 35 и 40 процессы измѣненія сочетаній i̯ĭ въ ĭ и діалектическаго измѣненія сочетаній u̯ў (изъ u̯ŭ) въ ŭ, быть можетъ, происходили путемъ перехода неслоговыхъ i̯ и u̯ въ сло-

говыя (ср. вокализацію r, l) и исчезновенія за ĭ и ŭ (замѣнившихъ i̯ и u̯) неслоговыхъ ъ, ь.

Глава II. Согласные звуки.

§ 51. Въ общеслав. праязыкѣ видимъ развитой консонантизмъ, лишь отчасти соотвѣтствующій унаслѣдованной изъ индоевр. праязыка системѣ согласныхъ. Рядомъ съ сонорными, въ составъ которыхъ входятъ плавныя и носовыя, видимъ обширный классъ шумныхъ согласныхъ, принадлежащихъ къ разрядамъ гортанныхъ (представленныхъ, впрочемъ, однимъ звонкимъ фрикативнымъ h), задненёбныхъ, передненёбныхъ (представленныхъ, впрочемъ, только звонкимъ фрикативнымъ j), шипящихъ (альвеолярныхъ), зубныхъ, губнозубныхъ и губныхъ. Нѣкоторыя изъ сонорныхъ и шумныхъ согласныхъ извѣстны были не только въ несмягченномъ видѣ, но также и въ смягченномъ (палатализованномъ) видѣ: такія палатализованныя согласныя назовемъ мягкими, характеризуя этимъ тотъ высокій шумъ, съ которыми онѣ произносятся. Исключительно мягкими были согласныя шипящія и j. Въ зависимости отъ гласныхъ передняго ряда согласныя пріобрѣтали еще среднюю степень мягкости (полумягкость). Подъ вліяніемъ гласныхъ задняго ряда они веляризировались (лабіализировались), т. е. при произношеніи приспособлялись къ гласнымъ o, u. Нѣкоторыя согласныя относятся къ аффрикатамъ, представляющимъ соединеніе редуцированныхъ мгновенныхъ согласныхъ съ соотвѣтствующими фрикативными: аффрикаты имѣлись въ ряду шипящихъ и мягкихъ зубныхъ. Разсмотрю сначала сонорныя согласныя, затѣмъ шумныя; тѣ и другія распредѣляю на разряды по условіямъ физіологическаго ихъ образованія; въ каждомъ разрядѣ указываю на разновидности, вызванныя полнымъ и неполнымъ смягченіемъ согласныхъ, а также ихъ веляризаціей (лабіализаціей). Къ неполной палатализаціи и веляризаціи согласныхъ вернусь ниже, въ III главѣ.

Сонорныя согласныя.

§ 52. Основное свойство сонорныхъ — отсутствіе шума, вызываемаго смыканіемъ или суженіемъ органовъ рѣчи, приближаетъ сонорныя гласныя къ гласнымъ. Въ общеслав. праязыкѣ эта близость ихъ къ гласнымъ выражалась между прочимъ въ томъ, что сонорныя согласныя, во-первыхъ, употреблялись не только въ краткомъ, но и въ долгомъ видѣ, во-вторыхъ, въ томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ онѣ могли становиться носителями

слога. Впрочемъ, общеслав. языкъ уже не знаетъ долгихъ носовыхъ (онѣ въ соединеніи съ предшествующими гласными сливались въ носовыя гласныя); но долгія плавныя въ немъ существовали (см. § 80, 83); слоговыми становились не только плавныя, но и носовыя (§§ 50, 56).

§ 53. Общеславянское r было, повидимому, звонкимъ зазубнымъ звукомъ: radъ̆. Мягкое ŕ изъ rj являлось напр. въ словѣ buŕa. Полумягко r было напр. въ tṙi, kṙѣръkъ̆, ṙędъ, č̆ötyṙe, sьṙръ. Веляризованно въ ryba, radъ̆, rosa, rusъ, rǫgati и также въ tъrgъ̆. Долгое r(ṙ) являлось въ сочетаніяхъ or, er, ъr, ьr передъ согласными: vorna (ворона), gordъ (городъ), tъrgъ̆, sьṙръ̆. Слоговымъ было r (ṙ) передъ ъ̯, ь̯ въ положеніи его не послѣ гласной: kṛъ̯xa, xṛь̯bьtъ̆, ṛъ̯ta, ḷь̯nu.

§ 54. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ четыре латеральныхъ звука. Во-первыхъ, это велярное ł, произносившееся, повидимому, такъ же, какъ русское и польское ł; оно являлось передъ гласными задняго ряда, а также передъ у и ъ (восходящими къ заднимъ лабіализованнымъ гласнымъ) и унаслѣдовано едва ли не изъ литовскославянской эпохи. На общеславянское ł въ указанномъ положеніи даютъ указаніе не только русскій и польскій языки, но также оба лужицкіе и древнечешскій языкъ; уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ ł вытѣснено было черезъ l подъ вліяніемъ сосѣднихъ, неславянскихъ языковъ. Примѣры для общеслав. ł: łoviti, była, łyko, łubъ̆, łъbъ̆. Во-вторыхъ, l невелярное и неполумягкое — въ сочетаніяхъ ьl, ъl, el, ol передъ согласными: vьlkъ̆, mъlva, melko, golva.

Примѣчаніе 1. Что l въ словахъ какъ vьlkъ̆, melko было невелярно, видно изъ польск. wilk, луж. wjelk, восточноболг. vъľk (L. Miletić, Das Ostbulgarische, 95); на то, что l не было здѣсь полумягко, указываетъ русскій языкъ: въ общерусскомъ на мѣстѣ общеславянскихъ vьlkъ̆, melko находимъ vъłkъ̆, mołko (отсюда молоко), а между тѣмъ полумягкое l никогда не переходило въ ł, измѣняясь въ ľ (ср. § 212, 84). О томъ, что l было невелярно въ mъlva, golva, заключаю по аналогіи, принимая, что ł въ общеслав. являлось только передъ гласными задняго ряда.

Примѣчаніе 2. Въ словѣ č̆ölvѣkъ̆ (откуда русское человѣкъ) находимъ особаго происхожденія сочетаніе öł. См. ниже § 243.

§ 54[1]. Въ-третьихъ, общеслав. праязыкъ имѣлъ l невелярное и полумягкое (l̇) въ положеніи передъ гласными передняго ряда, напр. l̇isa, l̇ѣsъ, l̇öda р. ед., l̇ьstъ̆, gl̇ędѣti; этому l̇ въ польскомъ, русскомъ, лужицкихъ языкахъ соотвѣтствуетъ ľ, т. е. l мягкое. Въ-четвертыхъ, l мягкое являлось въ общеслав. праязыкѣ въ результатѣ, съ одной стороны, измѣненія сочетанія

lj, напр. voľa изъ volja, съ другой, въ результатѣ измѣненія j послѣ губной въ началѣ слова: bľüdo изъ bjüdo, pľüjǫ изъ pjüjǫ.

§ 54². Долгое l (невелярное) являлось въ сочетаніяхъ ьl, el, ъl, ol передъ согласными: vьlkъ, mъlva, melko, golva. Слоговое ŀ—въ сочетаніи ŀ̥ъ и слоговое i̯ въ сочетаніи i̯ь въ началѣ слова и послѣ согласной: ŀ̥ъba, i̯ьna, bŀ̥ъxa, slь̥za, vedŀ̥ъ. О возможности замѣны слоговыхъ плавныхъ r, l, ŀ неслоговыми глухими r, l, ŀ см. § 79.

§ 55. Носовая зубная n и носовая губная m употреблялись вообще только въ положеніи передъ гласными; впрочемъ, m (полумягкое) являлось еще и передъ j: nosъ, my, zeḿja. Полумягкія n, m — въ положеніи передъ гласными передняго ряда, а полумягкое m — еще въ положеніи передъ j: neb̀o, nizъ, sѣmę, miľъ, medu, ŀomjǫ. Лабіовеляризованныя n, m — въ положеніи передъ гласными задняго и средняго ряда: noźъ, mało, domъ, mydło. Мягкое n — на мѣстѣ сочетанія nj: koń̀a изъ konja, ńiva, kъ ńömu.

§ 56. Слоговыя n, m въ сочетаніяхъ n̥ъ, m̥ъ и слоговыя n, m полумягкія въ сочетаніяхъ n̥ь, m̥ь являлись въ началѣ слова и послѣ согласной: m̥ьzda, kazn̥ь, osm̥ъ, osm̥ь. О возможности замѣны слоговыхъ n, m неслоговыми глухими n, m см. § 79.

Шумныя согласныя. Гортанныя.

§ 57. Звонкое фрикативное h имѣло въ общеслав. праязыкѣ двоякое произношеніе. Во-первыхъ, оно восходитъ къ индоевр. h, какъ это впервые указалъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, основывавшійся на слѣдующихъ соображеніяхъ. Славянскіе языки, между ними великорусскій, сербскій, словенскій, болгарскій, имѣютъ мѣстоименный указательный корень e: великор. это, эво, эко, сербск. ẽто, ẽно, ẽво, вопрос. частица ẽда, словенск. evo, etu, eta, etak, etej (eta, eto), esej (esa, eso), болг. eva, evo, eto, частица ede (напр. едекак: кое какъ); въ старослав. памятникахъ, отличающихъ на письмѣ е и ѥ, находимъ ен, еда, есе; тотъ же корень — въ числительномъ edinъ, edьnъ, что видно изъ словенскихъ формъ édən, éna, éno, чешск. діалектическихъ enom, enem, eden. Возвести корень e къ общеслав. e нельзя, ибо начальное e получало передъ собой i̯ (j). Въ виду этого необходимо предположить, что этотъ корень звучалъ въ общеслав. праязыкѣ не съ начальнымъ e, а съ he. Подтвержденіемъ для такого предположенія является наличность he- и рядомъ γe- въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ въ этомъ же мѣстоименномъ корнѣ: ср. малор. ген, ген-то, бѣлор. гэтый, гэто, чешск. hen, henky, польск. hen, нижнелуж. hyn, hynga. Сходныя соображенія ве-

дутъ къ признанію, что слова, какъ a, ako, amo начинались въ общеслав. праязыкѣ съ h, ибо начальное a принимало здѣсь передъ собой ị (j). Мѣстоименный корень he- ho- hā- находитъ себѣ соотвѣтствіе и въ другихъ индоевр. языкахъ, ср. напр. латинск. hŏdie, hic изъ heic. Итакъ въ этомъ случаѣ общеслав. h въ началѣ слова получено изъ индоевр. праязыка.

Примѣчаніе. Возможно, что he- въ нѣкоторыхъ словахъ чередовалось съ родственнымъ корнемъ ho- (откуда въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ o), ср. древнерусское осе при старослав. есе. Корень he- имѣлъ при себѣ родственный по значенію корень je-: ср. старослав. ѥсе. Чередованіе he-, ho- съ одной стороны, je- съ другой, имѣло мѣсто въ нарѣчіи heśćŏ (отсюда великор. діалект. эще, польск. діалект. eszcze, словенск. діалект. ešče, нижнелуж. hyšći), hośćŏ (древнерусск. още, болг. още) и jeśćŏ (великор. ещо, чешск. ještě, польск. jeszcze); форма jošče, извѣстная изъ южнослав. языковъ (болг. jošte, сербск. joште, joш), явилась въ результатѣ контаминаціи ošče и ješče. — Ошибочно было бы думать о существованіи hod- при hed- въ числительномъ hedinъ; при hedinъ существовало jedinъ; русское odinъ, какъ увидимъ (§ 227), восходитъ къ общеслав. jedinъ; *hodinъ не подтверждалось бы другими славянскими языками; а hedinъ дало бы въ русскомъ эдин.

§ 58. Во-вторыхъ, общеслав. h возникало въ результатѣ позднѣйшихъ звуковыхъ явленій. Какъ увидимъ ниже, начальныя гласныя общеслав. праязыка получали передъ собой придыхательный приступъ; въ числѣ согласныхъ, развившихся изъ такого приступа, было h. Слѣды такого h дошли до насъ въ современныхъ славянскихъ языкахъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что h въ діалектахъ общеслав. праязыка держалось особенно упорно передъ ǫ. На общеслав. hǫžь, hǫžьvь указываютъ словенск. gǫ̑ž, gǫ̑žva, болг. гъжва, сербск. гу̑жва, чешск. houž, houžev, польск. gążwa, великор. гуж, малор. гуж, гужов, гужва (при уж, ср. напр., колы узявся за уж, не кажи, не дуж: Нѣж., Черниг. губ. вѣд. 1853, № 39, при ек узявсь за гуж: Козелецк. ib. № 40). На hǫžь въ значеніи «ужъ» указываютъ словенск. gǫ̑ž (при vǫ̑ž), верхнелуж. huž, нижнелуж. huž, huženc (червякъ), при чемъ нижнелуж. h едва ли объяснимо изъ γ. На hǫsěnića указываютъ старослав. гѫсѣница (при жсѣница), словенск. gosę̑nka, gosę̑nica, болг. гъсѣница, гъсѣник, сербск. гусјеница, чешск. húsenka, польск. gąsienica, верхнелуж. husańca, нижнелуж. guseńca, великор. гусеница, малор. гусень, гусеница.

§ 59. Въ одномъ случаѣ h вставлено для избѣжанія зіянія между гласными oo, öo, eo. Это имѣло мѣсто въ формѣ род. над. мѣстоименій: toho,

moi̯eho, vъ̆śöho, i̯eho изъ too, moi̯eo, vъ̆xoo, i̯eo. Указаніе и на это h сдѣлано было впервые Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, который, обративъ вниманіе на то, что окончаніе род. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ звучитъ въ нѣкоторыхъ сѣверновеликор. говорахъ -γo (восходящее къ общеслав. -ho), объяснилъ великор. -vo изъ -ho (-vo нельзя понять какъ результатъ измѣненія -go) и показалъ, что и кашубское -vo въ окончаніи род. (-ovo, -evo рядомъ съ -oo, -eo) ведетъ къ общеслав. -ho. Болѣе подробное обоснованіе доказательной силы русскихъ данныхъ предложу ниже (§§ 310, 311).

Примѣчаніе. Допуская существованіе въ общеслав. too, откуда toho, имѣю въ виду слѣдующее объясненіе этой формы. Нѣкогда въ общеслав. праязыкѣ окончаніемъ род. падежа въ мѣстоименіяхъ муж. и ср. рода было -so; ср. -so, сохранившееся въ старослав. чесо, чьсо; окончаніе -so было извѣстно и въ прагерманскомъ: род. *þiso. Въ общеслав. праязыкѣ въ склоненіи мѣстоименій звукъ s, извѣстный и въ другихъ падежныхъ окончаніяхъ, опускался съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ той или другой аналогіи; такъ находимъ въ дат. ед. -mū вмѣсто первоначальнаго -smū (др.-инд. -smāi): tomu; въ мѣстн. ед. -mь вмѣсто -smь (др.-инд. -smin): tomь̆. Подъ тѣмъ же вліяніемъ, подъ которымъ *tosmu, *tosmь измѣнились въ tomu, tomь, первоначальное *toso измѣнилось въ too. Что до ćьso, то оно не перешло въ *ćьo, потому, что при немъ не было формъ *ćьmu, *ćьmь̆, которыя восходили бы къ *ćьsmu, ćьsmь̆. Изъ too нетрудно объяснить toho. Это -oho въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеслав. праязыка перешло въ -oγo, какъ можно заключить изъ -ogo южнославянскихъ и западнославянскихъ языковъ; но діалектически сохранялось -oho; отсюда далѣе уже въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ -oo; ср. такое -oo въ говорахъ Кирилл. у. (отв. на прогр. № 167, 170, 215), Бѣлоз. ib. (№ 166), а также и въ кашубскихъ. Но не буду отрицать возможности объяснять -oo, равно и -ou̯o, -ovo прямо изъ -oγo.

Задненёбныя.

§ 60. Общеслав. праязыкъ имѣлъ задненёбныя согласныя только въ веляризованномъ, быть можетъ, даже лабіовеляризованномъ видѣ. Такой характеръ этихъ звуковъ объясняетъ намъ, какъ кажется, позднѣйшіе процессы въ звуковой жизни отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, приводившіе къ переходу ky, gy, xy и т. д. въ ḱi, ǵi, x́i, а также kė, gė въ польскомъ (ė обозначаетъ е средняго ряда, замѣнявшее ъ) въ ḱe, ǵe; ky, gy, kė, gė держались до тѣхъ поръ, пока задненёбныя сохраняли свою лабіове-

ляризацію; потеря ими этого ихъ свойства вела къ уподобленію ихъ слѣдующимъ гласнымъ средняго ряда и къ переходу въ средненёбныя (смягченныя) согласныя. Въ общеслав. праязыкѣ задненёбныя употреблялись передъ гласными задняго ряда и передъ гласными средняго ряда, происшедшими изъ гласныхъ задняго ряда, слѣдовательно, при тѣхъ же условіяхъ, что веляризованное ł; кромѣ того задненёбныя употреблялись и передъ согласными, а именно передъ сонорными (плавными и носовыми) и передъ v изъ u̯. Передъ согласной j (изъ i̯) равно какъ и передъ гласными передняго ряда задненёбныя въ древнѣйшую эпоху существованія общеслав. праязыка перешли въ мягкія альвеолярныя фрикативныя согласныя и аффрикаты (k, g, x въ $\acute{c}$, $\acute{z}$—откуда ž, š), въ позднѣйшую же эпоху (передъ явившимися позже гласными передняго ряда, а также послѣ гласныхъ того же ряда) они перешли въ мягкія зубныя фрикативныя согласныя и аффрикаты (k, g, x въ ć, ź — откуда діалектически ź, ś).

§ 61. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ слѣдующія задненёбныя согласныя: мгновенныя: k глухое и g звонкое; фрикативныя: x глухое и γ звонкое. Звуки k и g восходятъ какъ къ индоевр. чистымъ k, g, gh, такъ и къ веляризованнымъ k, g, gh. Примѣры: korva (отсюда русское корова) kostь, krъvь, gostь, nogъtь, gǫba, krasa, klętь, ognānь, grędzь и т. д. Звукъ x является вообще замѣстителемъ звука s, который послѣдовательно переходилъ, быть можетъ, еще въ дославянскую эпоху въ звукъ ś лабіализованный въ положеніи послѣ звуковъ i, u, r, k; изъ ś лабіализованнаго на славянской почвѣ явилось x, причемъ k выпадало передъ x. Примѣры: uxo, domъxъ, vьrxъ, gostьxъ, rodьxъ (ь изъ oi̯), rьxъ, xromъ.

Примѣчаніе. Предполагаемое посредствующее звено между s и x было палатализованнымъ и вмѣстѣ лабіализованнымъ s вродѣ звука š въ нѣмецкомъ и французскомъ междометіи št (ср. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, 23). Такой смѣшанный характеръ этого звука объясняетъ, почему онъ возникалъ какъ за i, такъ и за u, какъ за задненебнымъ k, такъ и за r, которое было лабіализованно или палатализованно въ зависимости отъ предшествующей гласной.

§ 62. Происхожденіе общеслав. γ и область его распространенія остаются недостаточно выясненными. Наличность въ общеслав. праязыкѣ этого звука доказывается, какъ кажется, тѣмъ широкимъ распространеніемъ, которое онъ получилъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ: малорусскій, бѣлорусскій, южновеликорусскій, чешско-словацкій, верхнелужицкій, а также сѣверные говоры словенскаго языка вытѣснили звукомъ γ (h) перво-

начальное g. Возможно, что полное вытѣсненіе g черезъ γ произошло уже въ діалектахъ общеслав. праязыка, впрочемъ, только въ позднѣйшую эпоху его жизни (ср. § 71 прим.). Выше (§ 59 прим.) указано, что общеслав. γ можно возвести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ болѣе первоначальному h. Возможно, что γ замѣняло рѣдкое, впрочемъ, индоевропейское z при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ s замѣнялось черезъ x. Такъ можно предположить, что въ словахъ γvorbiï, γvorblь общеслав. праязыкъ имѣлъ именно γ, а не g, ср. γ (которое можно объяснить и изъ g) въ южновеликор. γарабей (гырабей: Ряз.-Сапожк., Тр. Моск. діал. комм., серія 2, № 11), малор. γоробель, γоробець; ср. появленіе v вмѣсто γv въ старослав. врабии, русск. воробей, бѣлор. веребей; въ литовскомъ соотвѣтствующее слово звучитъ žvirblis, žvirbulis; представляется вѣроятнымъ славянское γv и литовское žv въ этомъ словѣ возвести къ индоевроп. gzv или ghzv, при чемъ gz дало въ славянскомъ γ такъ же, какъ ks давало x (напр. въ гѣхъ изъ *гѣksъ). Во всякомъ случаѣ только наличность нѣсколькихъ категорій, гдѣ общеслав. праязыкъ развилъ звукъ γ, можетъ объяснить его послѣдующее широкое распространеніе насчетъ g.

Примѣчаніе. Такое же γv можно предположить въ общеслав. γviriti, откуда сербск. гвúрити и вúрити (глазѣть, пристально смотрѣть); ср. литовск. žvairėti (косить глаза), žvaĩras (косой). Далѣе — въ общеслав. γvьrsta, ср. петрозаводск. гверста (крупный песокъ, гравій), повѣнецк. гверста, гверсливой, названіе мѣстностей Гверездка Гдовск., Гверездно Лужск. и Кронштт., Гверздонь Гдов., Малая Гверстонь Псковск.; ср. литовск. žvirgždas. Общеславянскому γvězda, ср. польск. gwiazda, старослав. звѣзда, соотвѣтствуетъ въ литовскомъ žvaigždẽ, žvaizdẽ.

Передненёбное j.

§ 63. Звукъ j, какъ указано въ § 43, въ опредѣленныхъ случаяхъ замѣнялъ i̯. Примѣры для j въ положеніи послѣ согласной губной (за другими согласными j, въ результатѣ уподобленія имъ, исчезъ): zemja, ľubjǫ, kupjǫ, stavjǫ (діалектически staujǫ). Примѣры для j передъ ударяемой гласной: jünъ, jedlь, moja, mojö, jama, jixъ.

Шипящія (альвеолярныя).

§ 64. Сюда относятся фрикативныя согласныя мягкія: ś глухое и ź звонкое; далѣе мягкія аффрикаты: ć (т. е. t̨ś) глухое и ʒ́ (т. е. d́ ź) звонкое. Аффрикаты были извѣстны и въ долгомъ (удвоенномъ) видѣ: ć долгое, ʒ́ долгое, или ć ć, ʒ́ ʒ́, какъ мы и будемъ ихъ изображать. Всѣ эти мягкія согласъ-

ныя явились уже на славянской почвѣ въ результатѣ какъ вліянія j, полумягкихъ согласныхъ и гласныхъ передняго ряда на задненёбныя согласныя, такъ и вліянія j на предшествующія зубныя t и d; въ первомъ случаѣ являлись краткія мягкія аффрикаты и фрикативныя согласныя, во второмъ долгія мягкія аффрикаты и фрикативныя согласныя.

§ 65. Звукъ ś восходитъ какъ къ x въ положеніи передъ гласной передняго ряда и j, такъ и къ sj: grěśiti, šelmъ (отсюда русское шеломъ, старослав. шлѣмъ), paśǫ, kryša; nośǫ, piśǫ. Кромѣ того въ сочетаніи ść звукъ ś восходитъ къ s, ассимилировавшемуся послѣдующему ć: śćitъ, iśćǫ. Звукъ ź восходитъ какъ къ g въ положеніи передъ гласной передняго ряда и j, такъ и къ zj: źöna, źiła, źarъ (изъ źērъ), źęti; liźǫ, niźö. Кромѣ того въ сочетаніи źź звукъ ź восходитъ къ z, ассимилировавшемуся послѣдующему ź: dъźźь, iźźiti.

Примѣчаніе. Звукъ ź получился изъ g вѣроятно черезъ посредство ź, ср. ź въ iźźiti и т. д., а также соотвѣтствующее глухое ć изъ k; слѣдовъ ź изъ g послѣ гласныхъ въ слав. языкахъ не сохранилось. Отсюда слѣдуетъ, что ź между гласными и въ началѣ слова еще въ общеслав. праязыкѣ измѣнилось въ ź.

§ 66. Звукъ ć восходитъ къ k въ положеніи передъ гласной передняго ряда и j: ćto, ćistъ, зв. ед. raćö, 1 л. ед. płaćǫ, iśćǫ. Въ положеніи послѣ ś звукъ ć можетъ восходить и къ tj: puśćǫ при pustiti. Звукъ ź въ краткомъ видѣ—только въ сочетаніи źź, которое восходитъ или къ zg передъ j и гласной передняго ряда, или къ zdj: viźźǫ (изъ vizgjǫ), droźźiję (изъ drozgiję), poźźö (изъ pozdje).

§ 67. Долгое или двойное ć явилось въ результатѣ, во-первыхъ, измѣненія группы kt передъ гласной передняго ряда и j: noććь изъ noktĭ, tećći изъ tektī, pleććö изъ plektjom; во-вторыхъ, измѣненія сочетанія tj (не послѣ s): svѣćća изъ svętja, leććǫ изъ letjǫ, ććüdь изъ tjudĭ (готск. þiuda: народъ); onućća ср. лит. autas (онуча).

Примѣчаніе. Что въ результатѣ измѣненія указанныхъ сочетаній получилось въ общеслав. праязыкѣ именно ćć, особенно ясно изъ процесса измѣненія группы kt: t, подобно всѣмъ вообще согласнымъ, въ положеніи передъ гласными передняго ряда было полумягко; результатомъ ассимиляціи k послѣдующему t (а такая ассимиляція имѣла мѣсто въ сочетаніи kt и передъ гласными задняго ряда, ср. pletǫ изъ plettǫ-plektǫ) была прежде всего потеря звукомъ k своей лабіовеляризаціи и затѣмъ переходъ его въ k полумягкое, k средняго ряда; это k переходило въ ć подобно тому, какъ въ ć перешло k пе-

редъ гласными передняго ряда; č́ въ сочетаніи č́ṫ, ассимилируя себѣ слѣдующее полумягкое t, превращало его въ č́. Такъ явилось č́č́. Изъ tj это же сочетаніе получалось благодаря измѣненію tj въ ťť; ťť измѣнялось въ č́ť и далѣе въ č́č́. Сочетаніе stj перешло въ śťj и отсюда š́čj, š́č́. Изъ предполагаемаго общеслав. сочетанія č́č́ легко объясняется старославянское št (непосредственно изъ š́č́, ср. переходъ въ št также исконнаго š́č́ изъ sk, § 65); русское č́ представляетъ упрощеніе сочетанія č́č́; западнославянское c изъ ć восходитъ, вѣроятно, къ ćć изъ č́č́, и т. д.

§ 68. Долгое или двойное ǯ́ явилось въ результатѣ измѣненія сочетанія dj (не послѣ z): viǯ́ǯ́ǫ изъ *vidjǫ, pręǯ́ǯ́a изъ *prędja.

Примѣчаніе. Существованіе общеслав. ǯ́ǯ́ въ результатѣ измѣненія dj доказывается ссылкой на процессъ, приведшій къ измѣненію tj въ č́č́ (§ 67 прим.), и на данныя слав. языковъ: старослав. žd объясняется изъ ǯ́ǯ́ безъ затрудненія при предположеніи посредствующаго сочетанія ž́ǯ́ (а что ž́ǯ́ первоначальное, т. е. происшедшее изъ zg и zdj, § 66, перешло въ žd, видно изъ случаевъ, какъ дъждь, иждити); русское діалектическое ǯ́ (напр. галицк. помеджи, передже) представляетъ упрощеніе сочетанія ǯ́ǯ́; западнославянское ʒ изъ ʒ́ восходитъ, вѣроятно, къ ʒ́ʒ́ изъ ǯ́ǯ́ [и т. д. Итакъ dj измѣнилось, вѣроятно, въ ďď, отсюда далѣе ǯ́ď и ǯ́ǯ́. Сочетаніе zdj перешло въ ź́ďj, откуда ž́ǯ́j и далѣе ž́ǯ́. — Ошибочно было бы на основаніи русскаго ž (въ v́ižu, pŕaža) или западнославянскаго z (чешск. nouze, příze, лужицк. nuza) заключать о діалектическомъ переходѣ ǯ́ǯ́ въ ž́ž́ въ общеслав. праязыкѣ (ср. переходъ ǯ́ въ ž́ въ этомъ языкѣ). Западнославянское z нельзя объяснить изъ діалектическаго общеслав. ž́ž́, ибо ž́ž́ могло бы дать путемъ перехода въ źź только ź, не z. Что русское ž́ восходитъ къ ǯ́, видно изъ діалектическаго ǯ́, которое нельзя объяснить изъ ž́.

Зубныя.

§ 69. Общеслав. праязыкъ имѣлъ зубныя, точнѣе верхнезубныя, мгновенныя: t глухое и d звонкое; фрикативныя: s глухое и z звонкое. Эти согласныя были извѣстны въ двухъ видахъ: лабіовеляризованномъ передъ гласными задняго и средняго ряда, полумягкомъ передъ гласными передняго ряда. Примѣры: tako, darъ, doľa, tǫča, ty, mostъ, za, zǫbъ, sova, и т. д.; ṫiχo, ḋervo, voḋѣ, ṁѣḋь, żima, ṡѣno, ṡędǫ, koṡьčь и т. д. Звукъ s былъ извѣстенъ кромѣ того въ мягкомъ видѣ. Среди зубныхъ были и аффрикаты — мягкія ć и ʒ́.

§ 70. Мягкое ś явилось уже въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка въ результатѣ измѣненія x, во-первыхъ, передъ монофтонгомъ передняго ряда, явившимся изъ дифтонга oi̯; этотъ монофтонгъ, звучавшій, быть можетъ, какъ долгое ö, перешелъ впослѣдствіи не въ концѣ слова въ дифтонги eä и ie (ě и ě̂), а въ концѣ слова при одномъ качествѣ долготы въ ie (ě̂), а при другомъ въ i. Примѣры: śěrъ, дат. ед. muśě, им. мн. pětaśi, měśi. Во-вторыхъ x измѣнилось въ ś въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: vьśь (изъ vьxъ), vьśakъ (изъ vьxakъ), nasmiśatisę при směxъ, и т. п.

Примѣчаніе. Что ś изъ x звучало въ общеслав. праязыкѣ мягко, а не полумягко (при чемъ, слѣдовательно, s въ śěrъ или duśě звучало иначе, чѣмъ s въ sěno или běsě), вытекаетъ изъ показаній западнослав. языковъ: въ нихъ ś перешло въ š, между тѣмъ какъ s полумягкое измѣнилось въ ś, откуда при извѣстныхъ условіяхъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ s твердое; ср. š изъ ś въ польск. szary, musze, włoszy, wszędy, wszak; чешск. mouše, mniši, všude, však, лужицк. šery, všon, и т. д.

§ 71. Мягкія аффрикаты ć (т. е. t́š) глухое и ź (т. е. d́ź) звонкое явились также въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка въ результатѣ измѣненія k и g, во-первыхъ, передъ монофтонгомъ передняго ряда изъ дифтонга oi̯ (откуда ě, ě̂, i). Примѣры: ćělъ (изъ koi̯los), ćěna (изъ koi̯na), vьlći (изъ vilkoi̯), źělo (изъ goi̯lom), noźě (изъ nogoi̯), boźi (изъ bogoi̯). Во-вторыхъ, k и g измѣнились въ ć и ź въ положеніи послѣ гласныхъ передняго ряда: ovьća (изъ ovьka), liću (изъ liko), otьćь (изъ otьkъ), polьźa (изъ polьga), kъnęźь (изъ kъnęgъ) и т. д. Звукъ ć (отсюда c) засвидѣтельствованъ въ этихъ и подобныхъ случаяхъ всѣми славянскими языками; напротивъ, звукъ ź (ʒ) сохранился только въ немногихъ, а именно въ польскомъ: nodze, srodzy (им. мн.), ksiądz (изъ kъnęźь), древнепольское (у Linde) ciądzać (старослав. тѧsати); въ діалектахъ совр. болгарскаго: врадзи, нодзе, помодзи, а также въ древнеболгарскомъ (старославянскомъ) языкѣ, гдѣ ź изображалось буквами s или z: sělo, nosě, bosи. Въ остальныхъ славянскихъ языкахъ ź перешло въ z. Впрочемъ, возможно, что ź въ этихъ языкахъ удерживалось дольше въ положеніи послѣ ź; ср. группу źź въ результатѣ измѣненія zg передъ ě, i въ случаяхъ, какъ дат. ед. drędźźě, им. мн. moźźi.

Примѣчаніе. Едва-ли было бы правильно считать измѣненіе ź въ ź явленіемъ, восходящимъ къ общеслав. эпохѣ и имѣвшимъ мѣсто въ діалектахъ общеслав. праязыка. Какъ увидимъ ниже, ź оставило слѣды

и въ нѣкоторыхъ русскихъ (малорусскихъ) говорахъ; это дѣлаетъ вѣроятнымъ возведеніе ź изъ ʒ́ не къ общеслав., а къ общерусской эпохѣ. Ошибочно было бы думать, что ź при ʒ́ стоитъ въ связи съ чередованіемъ γ и g въ діалектахъ общеслав. праязыка, при чемъ ź восходило бы къ γ, а ʒ́ къ g: мы находимъ z и въ тѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ сохранилось произношеніе g, напр. въ сѣверновеликорусскомъ, сербскомъ, словенскомъ, нижнелужицкомъ. Напротивъ, изъ того, что между чередованіемъ z и ʒ и чередованіемъ γ и g нѣтъ прямой связи, можно, кажется, заключить о томъ, что γ во время такъ называемаго второго смягченія еще не замѣнило g въ діалектахъ общеслав. праязыка. Во всякомъ случаѣ западнославянское z, напр. въ чешскомъ или верхнелужицкомъ noze, ведетъ къ общеслав. ʒ́, а не къ ź (явившемуся непосредственно изъ γ), ибо γ перешло бы, конечно, въ такое ź, которое измѣнилось бы дальше въ ž́, ž, какъ x измѣнилось въ ś, откуда š́, š.

Губнозубныя.

§ 72. Общеслав. праязыкъ имѣлъ только одну губнозубную согласную — фрикативное v звонкое; она замѣнила u̯ въ значительной части его діалектовъ, вѣроятно, черезъ посредство губногубного w (см. § 47). Звукъ v былъ веляризованъ передъ сонорными согласными, задними и средними гласными; передъ передними онъ былъ полумягкимъ; передъ j v произносилось также полумягко. Примѣры: общеслав. діалект. voda, svoĭ, novъ, vъš́ъ, vaš́ъ; v̇ѣra, v̇ino, v̇ьlkъ, prav̇ъda, v̇ъdova, prosłav̇jǫ. Соотвѣтствующее глухое f не было извѣстно въ общеслав. праязыкѣ; германское f въ заимствованныхъ словахъ передавалось, можно думать, черезъ p.

Губныя.

§ 73. Сюда относятся мгновенныя согласныя: p глухое, b звонкое. Эти звуки восходятъ къ индоевр. p и b, bh. Передъ задними и средними гласными, а также передъ согласными (сонорными) они были веляризованы, передъ передними и j они были полумягки; вѣроятно, они были полумягки также и передъ ľ изъ j въ началѣ слова. Примѣры: puxъ, postъ, byłъ, nebo, pasǫ, ryba, bratъ; ṗero, ṗiła, ľub́iti, b́ѣsъ, ľub́jǫ, kuṗja, b́ludo, ṗľъvati.

§ 74. Въ діалектахъ общеслав. праязыка было извѣстно фрикативное губногубное w, замѣнявшее u̯ и не вытѣсненное черезъ v. Веляризованное передъ сонорными согласными, задними и средними гласными, оно было полумягко передъ j и передними гласными: wamъ, woľa, wy, nowъ, praẇъda, ẇѣsъ, č́ōłẇѣkъ, łoẇjǫ.

Глава III. Сочетанія звуковъ.

Дифтонги и дифтонгическія сочетанія.

§ 75. Подъ дифтонгомъ разумѣется сочетаніе двухъ гласныхъ въ одномъ слогѣ: одна изъ этихъ гласныхъ является носителемъ слога, другая является въ неслоговомъ видѣ. Сообразно съ этимъ дифтонги могутъ быть нисходящими, когда носителемъ слога оказывается первая изъ вошедшихъ въ сочетаніе гласныхъ, или восходящими, когда носителемъ слога оказывается вторая гласная. Общеслав. праязыкъ утратилъ всѣ нисходящіе дифтонги, замѣнивъ ихъ монофтонгами: ou̯ перешло въ ū, ei̯ въ ī, eu̯ въ ǖ, oi̯ въ ö долгое (откуда дальше üö, ie). Въ діалектахъ, сохранившихъ u̯, не измѣнившихъ его въ v, дифтонги au̯, ou̯ и т. д. находимъ передъ j, замѣнившимъ i̯ по общему правилу послѣ согласныхъ и вообще послѣ неслоговыхъ звуковъ: łou̯jǫ, tъrgou̯ja, krou̯ja, stau̯jǫ, protiu̯jǫ sę, и т. д.; очевидно, это новые дифтонги, ибо u̯ было раньше интервокальнымъ. — Напротивъ, дифтонги восходящіе были общеслав. праязыкомъ сохранены: i̯a, i̯e, i̯ü (i̯ī перешло, повидимому, въ ī, i̯i въ i и ĭ); впрочемъ, какъ мы видѣли, подъ удареніемъ i̯a, i̯e, i̯ü перешли въ ja, je, jö, jü, равнымъ образомъ i̯i въ jь. Діалектически сохранялись u̯a, u̯o, u̯e, u̯ī (отсюда u̯̇e, u̯̇ī), чередуясь въ нѣкоторыхъ говорахъ съ wa, wo, we, wī (§ 74). — Что до дифтонговъ eä (ѣ) и ie (ѣ̂), о происхожденіи которыхъ см. § 14, то врядъ ли ихъ можно опредѣлить какъ восходящіе или нисходящіе дифтонги: обѣ части ихъ были равносильны, произносясь, вѣроятно, нѣсколько короче, чѣмъ звуки e и ä, i и e въ недифтонгическихъ соединеніяхъ eä и ie; возможно, что слоговыми звуками были собственно e и i, но что сила ихъ уравновѣшивалась большею полнотою звуковъ e и ä, попавшихъ въ положеніе неслоговыхъ звуковъ.

§ 76. Есть основаніе думать, что въ сочетаніяхъ ai̯a, ui̯u, ѣi̯a, ѣi̯ǫ (съ удареніемъ не на гласной послѣ i̯, ибо ai̯á и т. д. переходили, какъ мы знаемъ, въ ajá) слогораздѣленіе въ общеслав. праязыкѣ было не тамъ, гдѣ оно въ настоящее время въ русскомъ языкѣ; мы произносимъ a-i̯a, между тѣмъ въ общеслав. праязыкѣ было или ai̯-i̯a или ai̯-a. Заключаю это изъ того, что въ положеніи передъ i̯ долгія гласныя сократились въ общеслав. праязыкѣ (между тѣмъ какъ передъ j сохранялась ихъ долгота); сокращеніе было вызвано положеніемъ передъ тавтосиллабическимъ i̯. Впрочемъ, ai̯ въ ai̯-a или ai̯-i̯a нельзя признать дифтонгомъ настоящимъ; прилегающій къ i̯, слѣдующій за нимъ слоговой звукъ препятствовалъ отношенію i̯ всецѣло къ предшествующей гласной.

§ 77. Подъ дифтонгическими сочетаніями разумѣемъ такія соединенія

гласныхъ съ сонорными согласными, въ которыхъ эти послѣднія или являются носителями слога или произносятся дольше тавтосиллабическихъ гласныхъ. Общеслав. праязыкъ имѣлъ двоякаго рода дифтонгическія сочетанія: это, во-первыхъ, сочетанія слоговыхъ r, l, ĺ, n, m съ послѣдующими неслоговыми ъ, ь; во-вторыхъ, сочетанія звуковъ o, e, ѣ, ѣ съ долгими r, l, ĺ.

§ 78. Сочетанія r̥ъ, r̥ь, ĺ̥ъ, l̥ь, n̥ъ, n̥ь, m̥ъ, m̥ь являлись на мѣстѣ первоначальныхъ rŭ, rĭ, ĺŭ, lĭ, nŭ, nĭ, mŭ, mĭ въ началѣ слова и послѣ согласныхъ, въ результатѣ редукціи ŭ (точнѣе, замѣнившаго его ў) и ĭ; редукція ў и ĭ вела къ переходу ихъ въ полукраткія ѣ и ѣ; это вызывало усиленіе предшествующихъ сонорныхъ согласныхъ, которыя такимъ путемъ переходили въ слоговыя. Переходъ сонорныхъ въ слоговыя не могъ имѣть мѣста въ положеніи сонорныхъ за гласными вслѣдствіе экспираторнаго перевѣса гласной въ непосредственномъ соединеніи ея съ послѣдующею согласной. Слоговыя сонорныя были въ указанныхъ сочетаніяхъ кратки. Примѣры такихъ сочетаній приведены въ § 50.

Примѣчаніе 1. Что въ сочетаніяхъ r̥ъ, r̥ь, ĺ̥ъ, l̥ь звуки r, ĺ, l были въ общеслав. праязыкѣ слоговыми, видно, во-первыхъ, изъ южнослав. языковъ, гдѣ имъ соотвѣтствуютъ слоговыя r̥, l̥ (съ утратой ъ̥, ь̥, вызванною общимъ паденіемъ глухихъ). Такъ уже въ старослав. памятникахъ встрѣчаются написанія крстъ Клоц. сб., крвъ Мар. ев., крста Клоц. сб. Въ среднеболгарскомъ находимъ: плть Ев. Григоровича, крве Карп. ев., сълза Лѣт. Манассіи. Въ совр. македонскихъ говорахъ находимъ слоговыя r, l, напр. въ яблка, блхи, слзи, проклна (ср. Oblak въ Archiv, XVI, 198); вообще же r̥, l̥ перешли въ болгарскомъ въ ър, ъл или въ гъ, лъ, откуда діалектически га, ла, ег, ол, ал: слъза, дръво, кръстиш, кълна, кърви, ябалка, длабоко, голтат, колни, яболка, дерво (примѣры у Лаврова, Обзоръ, 44—46); въ концѣ слова (послѣ согласныхъ) находимъ ър, ъл, откуда діалектически ал, ол, ер: вятър, мисъл, несъл, рекал, рекол, ветер (Лавровъ, ib., 41—42); въ началѣ словъ являются сочетанія ръ, лъ, діалектически ър, восходящія къ r̥, l̥: лъжа́, лъжи́ца, лъжли́въ, лъстѫ́, ръвѫ́, ръжда́, ържа, ържав. Въ совр. сербскохорватскомъ всегда r̥: кр̏ви, др̏во, тр̏бух, р̏зати, р̏жи, р̏жан, р̏скати, р̀вати, р̀ђа; слоговое l̥ перешло вообще въ u, но удерживается на островахъ Хорватскаго побережья: pl̥t, bl̥hȁ, sl̥zȁ, jȁbl̥ko, pogl̥nȗt (Oblak въ Archiv, XVI, 200—201), а также и въ другихъ сербскихъ говорахъ, напр. Тимочскомъ и Лужничскомъ (А. Белић, Дијалекти источне и јужне Србије, с. 90 и сл.). Въ словенскомъ r̥: krvâv, kȓv, kȓt, kŕta, kŕstiti, trstên, fž, ržî, ŕta, ŕžem;

діалектически ar̥deči, arja, arženi; въ концѣ словъ находимъ əl, ər, а подъ удареніемъ al: čîsəł, vę́səł (и vesâł), sę́stər (и sestâr). Во-вторыхъ, наличность указанныхъ сочетаній съ слоговыми плавными доказывается малорусскимъ и бѣлорусскимъ языкомъ, измѣнившими ихъ послѣ гласной не въ концѣ слова въ ry, ŕi (откуда ry), ły, li, между тѣмъ какъ ъ, ь вообще не переходили здѣсь въ y, i; на слоговыя r̥, l̥ указываетъ и великор. языкъ, гдѣ они перешли въ ro, ło, ŕe, ľe, между тѣмъ какъ въ положеніи не передъ слогомъ съ полукраткою гласной по общему правилу ъ и ь выпадаютъ, не замѣняясь черезъ o, e; существованіе начальныхъ слоговыхъ плавныхъ доказывается всѣми вообще русскими языками, измѣнившими ихъ въ такомъ положеніи въ ir, ar, or, ał, iľ, oľ и т. д. (см. подробнѣе § 371). Правда, въ западнослав. языкахъ r, ł, l, замѣнившія предположенныя общеслав. сочетанія r̥ъ̯, r̥ь̯, ł̥ъ̯, l̥ь̯—звуки неслоговые (противополагаясь слоговымъ плавнымъ иного происхожденія, подвергавшимся и различнымъ звуковымъ измѣненіямъ); но вѣроятно думать, что переходъ слоговыхъ плавныхъ въ неслоговыя произошелъ уже на почвѣ западнославянскихъ языковъ (слоговыми плавныя удерживались тогда, когда были долгими).

Примѣчаніе 2. Существованіе слоговыхъ носовыхъ доказывается для общеслав. праязыка, во-первыхъ, такими южнослав. явленіями, какъ сербск. ма̀гла, о̏сам, се̏дам; во-вторыхъ, русскими явленіями, какъ имгла, Имстиславъ, огонь, восемь. Впрочемъ, слоговыя носовыя въ слав. языкахъ не держались такъ устойчиво, какъ слоговыя плавныя; m̥ъ̯nogo перешло въ сербскомъ въ mnogo, между тѣмъ какъ r̥ъ̯žanъ̌ въ r̥žan.

Примѣчаніе 3. Слоговыя плавныя были въ общеслав. праязыкѣ краткими, ибо образовались изъ краткихъ неслоговыхъ плавныхъ. Долгота плавной въ сербск. р̑ж, кр̑в и т. п. при р̏жи, кр̏ви явилась по аналогіи случаевъ, какъ но̂ћ-но̏ћи, пе̂ћ-пе̏ћи, со̂-со̏ли и др.

§ 79. Слоговыя плавныя возникали только передъ полукраткими ъ и ь, слѣдовательно, не передъ слогомъ съ полукраткою гласной, ибо полукраткія ъ и ь въ положеніи передъ такимъ слогомъ переходили въ краткія ъ и ь; передъ краткими ъ и ь плавныя оставались неслоговыми. Такъ при kr̥ь̯sta, kr̥ъ̯ve, kr̥ъ̯xa, dr̥ъ̯žati, и т. д. являлись krъstъ̌, krъvъ̌, krъšъ̌ka, drъžъ̌. Возможно, что еще въ общеслав. праязыкѣ это вызывало замѣну слоговыхъ плавныхъ звуками неслоговыми и при томъ незвонкими, а глухими (r̥, ł̥, l̥), ибо звонкія r, ł, l въ положеніи передъ ъ̌, ь̌ перешли бы не-

минуемо въ r̥, l̥, l̥: итакъ при krьstѣ явилось krѣsta,. при krъvь-krѣve, и т. д. Равнымъ образомъ въ причастіяхъ подъ вліяніемъ -łъ, напр. въ dałъ, piłъ, sѣdѣłъ, а также подъ вліяніемъ неслоговыхъ l̥, l въ формахъ какъ nesła, nesło, nesli, mogli, vedli, сочетаніе l̥ъ̯ въ nesl̥ъ̯, mogl̥ъ̯, vedl̥ъ̯, grebl̥ъ̯ и т. д. могло замѣняться черезъ l̥ѣ̯: nesl̥ѣ̯, mogl̥ѣ̯, grebl̥ѣ̯, vedl̥ѣ̯. Указаніе на такое произношеніе причастій извлекается изъ русскаго языка во всемъ его составѣ, а указаніе на возможность существованія въ общеслав. праязыкѣ формъ kr̥ьsta, kr̥ѣ̯ve дается малорусскимъ языкомъ (§§ 78 пр. 1, 372). Точно также и при тѣхъ же условіяхъ слоговыя носовыя могли замѣняться неслоговыми и при томъ глухими носовыми: źizn̥ъ̯ подъ вліяніемъ źizni переходило въ źizn̥ѣ̯, sedm̥ъ̯ подъ вліяніемъ sedmi въ sedm̥ѣ̯.

Примѣчаніе. Возможно, что форма раснъ вмѣсто разнъ въ церковнослав. памятникахъ, напр. въ житіи Бориса и Глѣба по Усп. сп. XII в.: отъ раснъ женъ, обязана своимъ появленіемъ именно тѣмъ, что n въ gasn̥ѣ̯ (по-русски rosn̥ѣ̯) было глухое.

§ 80. Сочетанія or̄, ol̄, er̄, el̄ получили r̄ и l̄ еще изъ балтійско-славянской эпохи; долготу плавныя имѣли такъ же, какъ и долгія гласныя, двоякаго вида: экспираторную и музыкальную (§§ 119, 120); въ общеслав. праязыкѣ различіе въ долготѣ r и l отразилось на двухъ, точнѣе на трехъ различныхъ видахъ ударенія въ приведенныхъ сочетаніяхъ (§ 120). Что до природы r, то она различествовала здѣсь въ зависимости отъ предшествующей гласной: въ сочетаніи or̄ r было лабіализовано, а въ сочетаніи er̄ онъ было палатализовано (полумягко). Доказательствомъ въ пользу лабіализаціи и палатализаціи r въ сочетаніяхъ or, er служитъ то обстоятельство, что индоевр. s перешло послѣ такихъ сочетаній въ x; имѣя въ виду, что s переходило въ x кромѣ того еще послѣ u (ū, ŭ, oų̄, eų̄) и i (ī, ĭ, oi̯, ei̯), а также послѣ способной къ лабіализаціи согласной k, можно думать, что x восходитъ непосредственно къ ś лабіализованному (§ 61 прим.); если на измѣненіе s въ такое лабіализованное ś (откуда x) вліяло также предшествующее r (въ сочетаніяхъ or, er), то ясно, что самое r было въ сочетаніи or лабіализовано, а въ сочетаніи er палатализовано. Примѣры для сочетаній or̄, er̄: gor̄dъ, stor̄na, vor̄ta, kor̄va, sor̄ka, stor̄ź̆ъ, ber̄za, der̄vo, ser̄da, ver̄dъ; передъ x: vor̄xъ, por̄xъ, gor̄xъ, mer̄xъ 1 л. ед. аор.

§ 81. Что касается природы l въ сочетаніяхъ ol, el, то мы не имѣемъ основанія допускать, чтобы l въ сочетаніи ol было лабіо-веляризовано, а l въ сочетаніи el палатализовано; лабіо-веляризація l (переходъ его въ ł) обусловливалась въ общеслав. праязыкѣ вліяніемъ слѣдующей гласной не передняго ряда; не вижу основаній принимать появленіе ł вмѣсто l въ положеніи передъ

согласной; допустить, чтобы l въ сочетаніи el было палатализовано, мы не можемъ въ виду показаній русскаго языка, гдѣ l въ этихъ сочетаніяхъ перешло въ ł, измѣнивъ при этомъ e въ o (см. выше § 54). Что до звука e въ сочетаніи el, то онъ, согласно § 12, долженъ былъ перейти въ ö въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ ć, ź, ś, когда въ слѣдующемъ слогѣ не было гласной передняго ряда. Примѣры для сочетаній ol, el: golva, solma, kolsь, delto, pelnъ, melko; послѣ смягченныхъ согласныхъ: съ одной стороны: žölьbь, ćölnь, šölmъ, źölza, а съ другой: želbiti, ćelnѣ мѣстн. ед., šelmѣ мѣстн. ед., želzѣ мѣстн. ед.

Примѣчаніе 1. Указанія западнослав. и южнослав. языковъ свидѣтельствуютъ въ пользу öl въ положеніи послѣ согласной смягченной. Дѣйствительно, только изъ ö, переходившаго далѣе въ o, можно объяснить ā напр. въ чешско-слав. žlaь, član-, žláza, старочешск. šlapati (скакать), сербск. члан, старослав. жладѫ; ср. ā изъ o въ сочетаніи lā изъ ol, между тѣмъ какъ el даетъ при перестановкѣ только lѣ (старослав. млѣко, сербск. млијеко, чешск. mlíko). То обстоятельство, что рядомъ съ lā находимъ изъ el послѣ смягченныхъ согласныхъ и lѣ (ср. старослав. жлѣдѫ, шлѣмъ, члѣнъ, сербск. жлијеб, чешск. žleb), заставляетъ принять чередованіе öl и el еще для общеслав. праязыка, при чемъ чередованіе это обусловливалось, конечно, вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ. Польское ło въ człon, žłób свидѣтельствуетъ также въ пользу общеслав. ćölnъ, źölьbъ, при чемъ замѣна ö, откуда o, черезъ o стоитъ въ связи съ переходомъ l въ ł.

Примѣчаніе 2. Чешскій языкъ даетъ ясное указаніе на то, что въ сочетаніяхъ ol, el, а въ частности и въ öl звукъ l не былъ лабіовеляризованъ въ общеславянскомъ: član, žlaь восходятъ къ древнечешскимъ član, žlaь, съ l, не ł (а древнечешскій языкъ, въ противоположность новочешскому различалъ l отъ ł); это видно изъ того, что въ Кралицкой библіи 1579—1593 года, выдерживающей различіе l отъ ł, въ словахъ žlábkowé, sslapati пишется l (Gebauer, Hist. ml. I, 360). Слѣдовательно, öl подверглось перестановкѣ или до какого-либо измѣненія природы l, или послѣ перехода его въ l полумягкое; древнечешское la въ указанныхъ словахъ звучало или la или l̓a (но не ľa, которое сохранило бы свою мягкость).

Примѣчаніе 3. Мы увидимъ ниже, что разсматриваемыя сочетанія съ долгою плавной перешли въ общерусскомъ праязыкѣ въ сочетанія съ слоговою плавною за сократившеюся неслоговою плавной: golva перешло въ gol̥va (отсюда golova). Ф. Ѳ. Фортунатовъ

возводилъ сочетанія orˌ, olˌ, erˌ и т. д. къ общеслав. праязыку. Не могу согласиться съ этимъ по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, переходъ or̄ и т. д. въ orˌ въ общерусскомъ представляется своего рода разложеніемъ долгаго r: оно распалось на rˌ, слѣдовательно, на два краткіе звука; если бы такое распаденіе имѣло мѣсто уже въ общеславянскомъ, неясно было бы, отчего происходило удлиненіе гласной при перестановкѣ въ отдѣльныхъ слав. языкахъ: orˌ едва ли перешло бы въ rā; во-вторыхъ, самая перестановка въ сочетаніи orˌ представлялась бы непонятною; напротивъ, перестановка or̄ въ однихъ языкахъ въ rā, а въ другихъ въ rō объясняется вполнѣ удовлетворительно стремленіемъ, съ одной стороны, сократить плавную согласную, а съ другой сохранить долготу во второй части звукового сочетанія; ср. перестановку въ старослав. лакъть, чешск. laket изъ olkъtь, причемъ la никакъ нельзя объяснить изъ olˌ, такъ какъ общеслав. olˌ въ русскомъ дало бы oło, между тѣмъ какъ мы находимъ здѣсь ło (локоть); въ-третьихъ, переходъ напр. ć̆elnъ̆ при однихъ условіяхъ въ ć̆ōlnъ̆ и сохраненіе его при другихъ условіяхъ стоитъ, какъ предположено, въ зависимости отъ вліянія гласной слѣдующаго слога (ć̆ōlnu, но ć̆elnъ̆); такое вліяніе едва ли было бы возможно, если бы между этой гласной и сочетаніемъ ć̆el находился еще одинъ слогъ съ слоговымъ l.

§ 82. Сочетанія or̄, ol̄ въ началѣ слова сохранялись въ общеслав. праязыкѣ, какъ это указано Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, только со старой музыкальной долготой l, которая имѣла на себѣ нисходящее удареніе. Примѣры: общеслав. olkъtī, orvьnъ̆, orstъ̆, olni, orbiti, oldija, oržьnъ̆. Перестановка въ этихъ словахъ произошла уже въ отдѣльныхъ слав. языкахъ, ср. въ русскомъ локоть, лодья, рожон и т. д.; въ западнославянскихъ языкахъ и нѣкоторыхъ южнославянскихъ говорахъ находимъ также ro, ło, между тѣмъ въ южнославянскихъ языкахъ и въ словацкомъ является rā, lā. Напротивъ, сочетанія or̄, ol̄ въ началѣ слова, когда l̄ имѣло старую экспираторную долготу, которой соотвѣтствовало восходящее удареніе, подверглись перестановкѣ еще въ общеслав. праязыкѣ и перешли въ rā, lā. Сюда относятся, напримѣръ, случаи, какъ общеслав. rādło изъ ordło, ср. русск. рало, сербск. ра̏ло, чешск. radlo, польск. и луж. radło; łānъ̆ изъ olnъ̆, ср. русск. лань, чешск. laň, старослав. лань; rāmę изъ ormę, ср. бѣлор. рамя, малор. рамя́ (Слов. Желех.), рамено, польск. ramię, нижнелуж. ramje, чешск. rámě; łākomъ̆ изъ olkomъ̆, ср. русск. лакомъ, польск. łakomy, чешск. lakomý, верхнелуж. lačny, и т. д.

Примѣчаніе 1. То обстоятельство, что oĭkъtь̀ при перестановкѣ дало въ русскомъ языкѣ ŀokъtь̀, доказываетъ, какъ мнѣ кажется, что перестановка гласной и плавной вообще не предполагаетъ посредствующихъ сочетаній: гласная, неслоговая и слоговая плавная; если бы oĭkъtь перешло въ ol̥kъtь̀, мы имѣли бы въ русскомъ ołokъtь (ср. § 81, пр. 3).

Примѣчаніе 2. Что касается старослав. словъ какъ алъкати, алънь, алънии, алъдии, то они указываютъ, какъ кажется, что діалектически въ общеслав. праязыкѣ сочетанія oĭ съ экспираторной долготой и діалектически въ старослав. языкѣ сочетанія oĭ съ музыкальной долготой перешли въ āl (алъкати, алънь предполагаютъ oĭ съ экспираторной долготой, а алъдии — oĭ съ музыкальной долготой). Быть можетъ, въ тѣхъ же старослав. діалектахъ oĭ и въ серединѣ слова переходило въ āl; ср. слова, какъ залтаринъ χρυσοχόος въ сп. XV в. соч. Аѳанасія Александр. противъ Аріанъ (Оп. Горск. и Нев. № 111, с. 38).

§ 83. Сочетанія ъ̆r̄, ь̆r̄, ъ̆Ĭ, ь̆Ĭ восходятъ въ общеслав. праязыкѣ къ первоначальнымъ ur̄, ir̄, uĭ, iĭ, упаслѣдованнымъ съ r̄, Ĭ изъ балтійско-славянской эпохи; ъ̆, ь̆ замѣнили исконныя ŭ (откуда ў), ĭ по общему закону о редукціи краткихъ ŭ, ĭ. Что касается природы r въ сочетаніяхъ ъ̆r̄, ь̆r̄, то, сообразно съ сдѣланными въ § 80 замѣчаніями касательно природы r въ сочетаніяхъ or, er, принимаю, что r было лабіовеляризовано послѣ ъ и палатализовано (полумягко) послѣ ь. Кромѣ тѣхъ замѣчаній я долженъ сослаться на показанія великорусскаго языка, нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ, а также польскаго и верхнелужицкаго языковъ, не оставляющія сомнѣнія въ томъ, что r въ общеслав. сочетаніи ьr было вообще палатально, ибо мы находимъ здѣсь въ соотвѣтствіи съ общеслав. r мягкое r (въ польскомъ rz изъ rj, ŕ) не только передъ мягкими согласными, гдѣ мягкость r можно было бы объяснить, какъ явившуюся позднѣе, но также передъ твердыми губными и задненёбными, гдѣ мягкость можетъ быть вызвана только предшествующею гласною; ср. великорусск. верьх, серьп, верьба, зерькало, перьвый, стерьва, черьпать, церьковь, и т. д., верхнелуж. šćeŕba, wjeŕba, wjeŕch, pjeŕchać, sćeŕpuć (оцѣпенѣть), čeŕrać, польск. wierzch, wierzba, pierzchnąć. Передъ твердыми зубными мы находимъ въ указанныхъ языкахъ r, не ŕ, но признаю возможнымъ, что отвердѣніе r произошло позже, уже на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ, въ силу ассимиляціи зубнаго ŕ слѣдующей твердой зубной. Едва ли однако въ общеслав. праязыкѣ r въ сочетаніи ьr было мягко, какъ оно мягко въ русскомъ и верхнелужицкомъ; вѣроятнѣе думать, что оно было полумягко: это легче объяснило бы намъ его твердость въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Примѣры для общеслав. соче-

таній ъ̄ и ь̄: gъ̄rdło, bъ̄rzyi, gъ̄rdyi, mь̄rgati, tь̄rknǫti; dь̄rnъ, mь̄rtvyi, vь̄rsta, vь̄rba, sь̄rdь̆cö, ć̆ь̄rvь, ź̆ь̄rtva.

§ 84. Что касается природы ī въ сочетаніяхъ ъ̆ī, ь̆ī, то необходимо, думаю, признать l невеляризованнымъ послѣ ъ и непалатализованнымъ послѣ ь. Дѣйствительно, русское ĺ въ древнерусскомъ сочетаніи ъĺ изъ ьl (отсюда oĺ) было бы непонятно, если бы l звучало какъ l полумягкое, ибо полумягкое l переходило въ русскомъ языкѣ въ l мягкое. Правда, въ западнославянскихъ языкахъ (польскомъ и лужицкихъ) находимъ ĺ въ соотвѣтствіи съ общеславянскимъ ī въ сочетаніи ь̆ī, напр. польск. wilk, milczeć, нижнелуж. mjelcaś, верхнелуж. mjelčeć, верхнелуж. и нижнелуж. wjelk, но, какъ указано ниже, въ прим. 1, сочетаніе ь̆ī перешло въ западнослав. языкахъ въ ī̯ь, и l смягчилось такимъ образомъ въ положеніи передъ ь; такъ же объясняется ĺ въ восточноболг. vъĺk, которое изъ vī̯k, восходя далѣе къ vlьkъ, ср. старослав. влькъ. Звукъ ь̆ передъ l, предположительно передъ слогомъ, не содержавшимъ гласной передняго ряда, переходилъ въ полукраткое ъ̆ въ порядкѣ, указанномъ въ § 28, а именно въ положеніи за смягченной согласной. Примѣры для общеслав. сочетаній ъ̆ī и ь̆ī: mь̆īva, pь̆īkъ, kь̆ībasa; vь̆īkъ, mь̆īčati, pь̆īstь, pь̆īnъ; послѣ смягченныхъ согласныхъ: śь̆īkъ, ć̆ь̆īnъ.

Примѣчаніе 1. Раньше я принималъ вслѣдъ за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, что въ общеслав. праязыкѣ приведенныя выше сочетанія звучали ъ̆r̄, ь̆r̄, ъ̆l̄, ь̆l̄, но теперь вижу, что слав. языки не даютъ достаточныхъ основаній для признанія плавныхъ слоговыми въ этихъ сочетаніяхъ. Русскій языкъ не даетъ никакихъ указаній на слоговой характеръ плавныхъ (относительно т. н. второго полногласія см. ниже, §§ 421, 422). Южнослав. языки имѣютъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ слоговыя плавныя, но изъ старославянскихъ памятниковъ ясно вытекаетъ, что въ южнослав. языкахъ произошла перестановка гласной и плавной (старослав. врьхъ, прьвъи, влькъ, плънъ и т. д.), ср. происшедшую въ тѣхъ же языкахъ перестановку сочетаній or̄, ol̄, er̄, el̄; въ результатѣ перестановки плавная оказывалась передъ полукраткими ъ̆, ь̆ (ъ̆, ь̆ при перестановкѣ не удлинились вслѣдствіе редуцированности этихъ звуковъ); въ связи съ этимъ удержалась долгота плавныхъ; это имѣло слѣдствіемъ слоговой характеръ плавной и переходъ ъ̆, ь̆ въ ъ̯, ь̯ (южнослав. vī̯ьkъ, pī̯ъkъ, vr̯̄ьxъ); ср. общеслав. сочетанія r̄ъ̯, r̄ь̯, ĺъ̯, l̄ь̯ на мѣстѣ исконныхъ ru, ri, lu, li. Итакъ слоговыя плавныя въ этихъ случаяхъ въ южнослав. языкахъ новаго происхожденія. Раньше я думалъ, что западнослав. языки, въ частности лехитскіе и

лужицкіе, указываютъ также на общеслав. слоговыя плавныя; такъ польск. martwy я возводилъ къ mr̥tvyĭ, откуда mr̥tvyĭ; но теперь принимаю и для всѣхъ западнослав. языковъ перестановку ъг, ьг, аналогичную южнославянской перестановкѣ, а также перестановкѣ or, er, ol, el въ западнослав. языкахъ; въ результатѣ перестановки получились r̥̄ъ, r̥̄ь, l̥̄ъ, l̥̄ь, т. е. тѣ же сочетанія, что въ южнославянскихъ; отсюда дальше съ исчезновеніемъ ъ, ь явились r̄, r̄′, l̥̄, l̥̄′; при этомъ l̥̄, замѣнившее l̥̄ъ (ибо l веляризировалось передъ ъ), а послѣ зубныхъ также и l̥̄ь (ибо dl̥̄ь, tl̥̄ь подъ вліяніемъ d, t перешли въ dl̥̄ъ, tl̥̄ъ), — перешли въ ł̥u во всѣхъ западнослав. языкахъ; вообще же въ лехитскихъ и лужицкихъ языкахъ (гдѣ въ противоположность чешско-словацкому не сохранились слоговыя плавныя) долгія r̥̄ (изъ ъr̄, ьr̄ и ъr̄) и l̥̄ (изъ ьl̄ и ъl̄) измѣнялись въ сочетанія гласная + r, ł, l′ (ar, or, ir, er, oł, il, el, и т. д.), ср. польск. martwy, wilk, pełny, wierzch, верхнелуж. twjerdy, korčma, hordy, wjeŕch, pjelnić, połny, нижнелуж. sarna, cart, kjarcma, twardy, serp, pjerwy, wjelk, wałma. Отсюда видно, что допущеніе общеслав. сочетаній ьr̄, ъl̄ и т. д. затруднило бы объясненіе перестановки въ южныхъ и западныхъ слав. языкахъ.

Примѣчаніе 2. Различіе между польск. wilk и pełny объясняется тѣмъ, что l̥′ въ западнослав. vl̥′kъ, pl̥′nъ осталось мягкимъ передъ задненёбными, губными и смягченными согласными, но отвердѣвало и переходило въ ł передъ твердыми зубными.

Примѣчаніе 3. Не имѣемъ основанія думать, чтобы положеніе передъ слогомъ съ гласной полукраткой сколько-нибудь отличало судьбу сочетаній, нами разсматриваемыхъ, отъ положенія ихъ передъ слогомъ съ гласной неполукраткой: vь̆l̄kъ̆ и vь̆l̄ka; такимъ образомъ въ случаяхъ какъ vь̆l̄kъ̆, sь̆r̄pъ̆, ś̆ь̆r̄vь̆ и т. д. видимъ ь̆, ъ̆ въ слогѣ передъ слогомъ съ полукр. ъ, ь; ясно, что ь̆, ъ̆ въ этихъ словахъ составляли въ количественномъ отношеніи одно цѣлое съ слѣдующими r̄, l̄; они не могли перейти въ ь, ъ именно вслѣдствіе долготы слѣдующаго плавнаго.

Сочетанія гласныхъ.

§ 85. Въ общеслав. праязыкѣ изъ индоевр. праязыка не было получено такихъ соединеній слоговъ, гдѣ бы рядомъ стояли двѣ принадлежащія разнымъ слогамъ гласныя. Въ общеслав. эпоху такія соединенія явились въ результатѣ трехъ слѣдующихъ процессовъ: во-первыхъ, i̯ интервокальное исчезало передъ гласными передняго ряда ĭ, ī, ē, ĕ; отсюда сочетанія aĭ, aī,

aē, ae съ дальнѣйшими ихъ измѣненіями, при чемъ aĭ переходило въ aĭ (но только тогда, когда въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной), aĭ въ aĭ и далѣе въ aĭ (при томъ же условіи), aē перешло въ aa, и т. д.; во-вторыхъ, сочетаніе jĭ, редуцируя свое ĭ, переходило въ jь только передъ слогомъ съ полукраткою гласною; въ другомъ положеніи оно утрачивало удареніе, перенося его на предшествующій слогъ, и вслѣдствіе этого переходило въ j ĭ, откуда ĭ; въ-третьихъ, діалектически результатомъ редукціи ў (изъ й) и ĭ въ положеніи послѣ u̯ являлись сочетанія u̯ъ, u̯ь, откуда дальше й; такъ образовались на мѣстѣ діалектическихъ au̯й, au̯ĭ, ou̯й, ou̯ĭ сочетанія ай, ой (но только тогда, когда въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной). Оба эти процесса разсмотрѣны нами выше, въ §§ 36, 25. Ограничусь здѣсь примѣрами.

§ 86. Сочетанія aji, oji и т. д. перешли въ aĭ, oĭ и при извѣстныхъ условіяхъ въ ai, oi. Примѣры: kraĭ, troĭka, voĭsko, dostoĭno; jáićь, dostoinъ, ŕüinъ. Сочетанія aji, oji и т. д. перешли въ aī, oī, откуда aĭ, oĭ, и далѣе при извѣстныхъ условіяхъ aĭ, oĭ: taĭna, дат. ед. voĭnu, troĭća, šüĭća, дат. ед. toĭ, 2 л. пов. daĭ, znaĭ, род. мн. taĭnъ, voĭnъ; troićьka, novyĭxъ, novyĭmъ, novyĭmь.

Примѣчаніе. Въ дат. ед. stáji вм. ожидаемаго staĭ или им. мн. kráji вмѣсто kraĭ сказалось вліяніе другихъ падежей, гдѣ j удерживалось фонетически: staja, stajǫ, kraja, krajų. Вмѣсто novyĭmi мы ожидали бы въ тв. мн. novyĭmi; форма novyimi обязана вліянію аналогіи novyĭmъ, novyĭxъ.

§ 87. Сочетанія aje, oje и т. д. переходили въ ae, oe и т. д. Примѣры: dobraeho, dobruemu, dobrѣemъ, dobroe изъ dobrajeho, dobrьjemu, dobrѣjemь, dobroje. Отсюда въ старослав. добрааго, доброуоумоу; добрѣемь сохранялось или переходило въ добрѣмь (откуда добрѣамь); dobroe замѣнялось обычно черезъ dobroje (доброє) подъ вліяніемъ dobraja, а также mojö; въ польскомъ dobraégo, dobruému стянулись въ dobrego, dobremu; вмѣсто dobroe явилось въ результатѣ стяженія dobre; также и въ малорусскомъ dobroe стянулось въ dobre. Сочетаніе aje въ спряженіи наст. вр. перешло въ ae: общеслав. dѣłaeśĭ, dѣłaetь, dѣłaemъ, dѣłaete; отсюда въ старослав. aa: подобаатъ, гнѣваашu, прѣбываашu, знаате, обрѣзаате; позднѣе aa стянулось въ a: прѣбывате, отвѣщаваши; сербск. pîtāš, kǒpāmo; также въ западнослав. языкахъ: польск. działasz, działamy, чешск. dělášь, dělá. Сочетаніе ēje въ спряженіи, откуда ѣje, перешло въ ѣe: umѣetь, imѣemъ; отсюда, напр., въ старослав. ѣѣ, ѣa: оумѣатъ, оумѣате. Сочетаніе ūje въ спряженіи перешло въ ue: отсюда въ старослав. uu: радоуоутъ, вѣроуоуте. Сочетаніе ўje (изъ ўje, ŭje)

въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ такое сочетаніе было, перешло въ ǔe; на общеслав. ǔe указываетъ напр. польск. byłeś изъ общеслав. byłǔesi (а это изъ *būlŭ jesi). Сочетаніе uję перешло въ ǔę: dobrǔę; отсюда въ отдѣльныхъ слав. языкахъ ę, напр. малор. добрі. Сочетаніе ije перешло въ ie: imęnie, prętie. Сочетаніе ęję перешло въ ęę, откуда въ отдѣльныхъ слав. языкахъ ę, напр.малор. синї.

Примѣчаніе. Передъ a, u, ǫ звукъ j не подлежалъ выпаденію. Этимъ объясняются сочетанія aje, oje, uje, uję, возникавшія подъ вліяніемъ аналогіи, частью еще, быть можетъ, въ общеслав. праязыкѣ, а частью уже въ отдѣльныхъ слав. языкахъ: dobraja, dobrǫjǫ, dobruju вызывали dobroje вм. dobroe; dѣłajǫ, dѣłajǫtь вызывали dѣłaješi, dѣłajete; imѣjǫ вызывало imѣjetѣ; prętija, imęnija вызывали prętije, imęnije; такъ же являлись dobrǔjęs и dobryjęs; siḿęję вм. siḿęę.

§ 88. Въ виду того, что интервокальное j не исчезало передъ a, сочетанія aa, ѣa въ общеслав. формахъ имперфекта, какъ dѣłaašŏ, imѣaxǫ, едва ли восходятъ непосредственно къ aja, ѣja; естественнѣе объяснить aa, ѣa изъ aē, ēē и, слѣдовательно, принять, что ē въ положеніи послѣ гласныхъ (гласной a?) переходило въ ā. Въ сочетаніяхъ āē, ēē между обѣими гласными исчезло j, очевидно, еще до перехода ē въ ā послѣ смягченныхъ согласныхъ и j, хотя возможно допустить, что ē въ положеніи послѣ j (въ противоположность положенію послѣ j) сохраняло свой звукъ. Примѣры для сочетанія aa изъ ājē: dѣłaaxǫ, pytaašŏ изъ dѣłājēxǫ, pytājēšŏ. Сочетаніе ęję въ имперфектѣ было, согласно § 11, замѣнено черезъ ājē подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ ājē; отсюда āē, äa. Примѣры для сочетанія äa: xotäašŏ, imäaxǫ, ср. старослав. хотѣаше, имѣахѫ, древнерусск. хотѣаше, имѣахоу.

Примѣчаніе 1. Формы, какъ имѣѣше, оумѣѣхѫ и т. п., въ древнерусскихъ памятникахъ можно разсматривать какъ новообразованія подъ вліяніемъ наст. времени.

Примѣчаніе 2. Согласно § 32 ā и ä въ сочетаніяхъ ājē, äjē должны были бы сократиться въ положеніи передъ j. Поэтому, если законъ о сокращеніи долгой гласной передъ j дѣйствовалъ раньше закона о выпаденіи j между гласными, мы должны исходить изъ сочетаній ajē, äjē; ē, откуда ā, сократилось въ положеніи послѣ гласной, согласно закону, указанному въ § 32.

§ 89. Второй изъ указанныхъ процессовъ былъ причиной появленія сочетаній oi, ui, ai и т. д. вмѣсто oji, uji, aji, напр. въ moi, sui, dai. Посредствующими сочетаніями были oji, uji, aji, являвшіяся въ результатѣ пере-

носа ударенія съ подлежавшаго сокращенію и редукціи ĭ на предшествующій слогъ.

§ 90. Діалектическія сочетанія aŭ, oŭ, iŭ, ѣŭ и т. д. замѣняли au̯ŭ, au̯ĭ, ou̯ŭ и т. д., напримѣръ, въ случаяхъ, какъ praŭda, słaŭno, łoŭka, ńiŭka, dѣŭka.

§ 91. Кромѣ того сочетанія гласныхъ появлялись въ результатѣ соединенія двухъ словъ или срощенія предлога съ именемъ или глаголомъ. Ср. соединенія какъ połuostrovъ, za očĭi̯u, naustiti, priobrѣsti. При этомъ долгія гласныя передъ слѣдующей гласной сокращались. Сочетаніе au переходило въ aŭ съ u полукраткимъ; сочетаніе oi въ oĭ и т. д.: zaŭtra, poĭti, poĭskati.

Сочетанія согласныхъ.

§ 92. Благодаря значительнымъ звуковымъ измѣненіямъ, происшедшимъ на славянской почвѣ въ унаслѣдованныхъ изъ индоевр. праязыка группахъ согласныхъ звуковъ, а именно выпаденію въ нихъ согласныхъ, число группъ согласныхъ, допустимыхъ въ общеслав. праязыкѣ, было весьма ограниченно. Сюда относятся: сочетанія шумныхъ мгновенныхъ согласныхъ и фрикативнаго x съ послѣдующими сонорными: tri, drozdъ, krikъ, grѣxъ, pravo, bratъ; pletła, vedli, klinъ, głumъ, płakatĭ, blizu, bľüdo; metnǫti, stydnǫti, umьlknǫti, gnѣvъ, skripnǫti, gybnǫti; xromъ, xlѣvъ, xłǫdъ, xmura, vьr̄xńiĭ. Сочетанія sn, sm, sl, sł, zn, zm, zl, zł: snѣgъ, smѣxъ, osmyĭ, nesłъ, poslѣ, znati, zmiĭ, kozła, vezli. Сочетанія шумныхъ зубныхъ и задненёбныхъ съ послѣдующимъ v (діалектически съ w, u̯): tvoĭ, dvigatĭ, svoĭ, zvѣrь, kvasъ, kvѣtъ, gvozdь, xvostъ. Сочетаніе vr: kovriga. Сочетанія s, z съ послѣдующими зубными и задненёбными: stydъ, uzda, blѣskъ, vizgъ. Сочетанія губныхъ съ j не въ началѣ слова: ľübjǫ, kapja, zemja, łovjǫ. Сочетанія ś, ź съ аффрикатами ć, ʒ́ и š́, ž́ съ аффрикатами č́, ʒ́: vośćѣ мѣстн. ед., or̄źʒ́ѣ (розгѣ), iš́č́ǫ, ѣž́ʒ́ǫ. Сочетанія š́, ž́ съ ľ, ń: pomyš́ľǫ, bliž́ńiĭ. Сочетанія st, zd, sk, zg съ послѣдующими r, n, v: straxъ, nozdŕa, skripъ, vozgŕa, svistnǫti, rodьstvo, orzgva (отсюда малор. розгва), skvьrna. Сочетанія sk, zg съ послѣдующимъ l: tъsklivъ.

Примѣчаніе 1. Кромѣ указанныхъ группъ согласныхъ, встрѣчающихся въ предѣлахъ одного слога, въ общеслав. были сочетанія, образовавшіяся въ результатѣ встрѣчи двухъ слоговъ; сюда относятся сочетанія r̄, l̄ предшествующаго слога съ шумными и носовыми согласными слѣдующаго слога.

Примѣчаніе 2. Допуская переходъ sľ, sń, zľ, zń въ š́ľ, š́ń, ž́ľ, ž́ń, я исхожу какъ изъ данныхъ старослав. языка, гдѣ находимъ, напр.,

кажнѫ, оутѣшнѧти, помышлѭ и т. д., такъ и изъ русскаго языка; ср. здѣсь ближній, вышній, вешній, нижній, порожній. Замѣнившія эти сочетанія—śĺ, śń, źń, źĺ, напр. въ казню, мыслю, соблазнять, выяснять новаго происхожденія; kaźńitь 3 л. ед. выгѣсняло въ русск. яз. kažńu 1 л. ед. формой kaźńu.—Мнѣ неясно, смягчались ли t, d въ общеслав. передъ ŕ, ср. сохраненіе d въ nozdŕa; старослав. umǫždŕati объясняю изъ umǫdŕati подъ вліяніемъ смягченія d въ žd́, напр. въ utrǫžd́ati. Равнымъ образомъ сомнительно, чтобы смягченіе t передъ vj, ср. старослав. umrьšťvĺati, восходило къ общеслав. эпохѣ; и здѣсь, для объясненія выгѣсненія ť черезъ šť въ старослав. надо прибѣгнуть къ вліянію аналогіи. — Сомнѣваюсь, чтобы общеслав. праязыкъ зналъ сочетаніе gd: мы находимъ его въ старослав. и древнерусск. tъgda, kъgda; въ общеслав. эти слова звучали, вѣроятно, еще tъgъda, kъgъda, ср. тъгъда, къгъда въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ.

§ 93. Нетерпимы были въ общеслав. праязыкѣ сочетанія согласныхъ негубныхъ съ j: j ассимировался предшествующей согласной и исчезалъ. Такъ rj, lj, nj перешли въ ŕ, ĺ, ń; sj, zj въ šj, žj и далѣе въ š, ž; kj, gj, xj измѣнялись въ čj, žj, šj и далѣе въ č, ž, š. Сочетанія tj, dj претерпѣли болѣе сложныя измѣненія, благодаря тому, что въ возникшихъ отсюда tť, dd́ звуки ť и d́ передъ слѣдующими ť и d́ измѣнились въ č и ž; такъ явились čť, žd́, и далѣе čč, žž. Итакъ сочетанія čť, žd́ переходили въ čč, žž; čť восходитъ не только къ tj, но также къ kt передъ гласной передняго ряда. Сочетанія sĺ, sń, zĺ, zń (изъ slj. и т. д.) переходили, какъ мы видѣли, въ šĺ, šń, žĺ, žń, ср. kažńǫ при kazniti, древнерусск. кажню Гр. 1362—89 (Г. Др. I, р. IV, № 2), кажненымъ Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в., 73 в.; также: беж нѥго Гал. ев. 1144, 180a, иж него Ев. 1270, 56b, 65 d, иж нихъ же Минея 1095 г., 50a; оутѣшнаютъ Ев. Тип. № 6, 112b, Ев. 1270, 77a. Сочетанія sč, zž, sć, zź переходили въ šč, žž, ść, źź. Сочетанія sš, zž переходили въ šč, žž, ср. древнерусск. ищьло Гр. 1284 (Р. Л. А). Сочетанія губныхъ съ j въ началѣ слова переходили въ сочетанія губныхъ съ ĺ. Примѣры для всѣхъ этихъ сочетаній будутъ даны ниже, въ §§ 188, 312.

§ 94. Изъ предыдущаго видно, что въ извѣстныхъ сочетаніяхъ мягкія согласныя измѣняли предшествующія согласныя, прежде всего смягчая ихъ. Такъ sń перешло сначала въ śń и потомъ въ šń. Но, напримѣръ, задненёбныя оставались не измѣненными передъ мягкими согласными, напр. vozgŕa, gńūsъ. Неясно, палатализировались ли зубныя передъ мягкими согласными; возможно, что они становились въ этомъ положеніи только полумягкими: umǫdŕati. Губныя передъ j, слѣдовательно, и передъ ĺ изъ j, а вѣроятно и

вообще передъ мягкими согласными становились полумягкими. Нѣтъ основанія думать, чтобы полумягкія согласныя смягчали предшествующія имъ твердыя согласныя: въ tṙi, stṙigǫ, mǫdṙiti, vѣtṙi t, d оставались твердыми.

Примѣчаніе. Какъ указано въ § 67 прим., измѣненіе pekt̓ь въ peč́t̓ь и отсюда peč́č́ь не показываетъ само по себѣ смягченія k передъ полумягкимъ t; въ группѣ kt звукъ k вообще подвергался ассимиляціи слѣдующему t (ср. pletǫ вм. plektǫ); вслѣдствіе этого наступило измѣненіе k въ k полумягкое и далѣе въ č́.

§ 94[1]. При встрѣчѣ двухъ согласныхъ, изъ которыхъ одна глухая, другая звонкая, предшествующая гласная уподоблялась послѣдующей; такимъ образомъ получались сочетанія двухъ звонкихъ или двухъ глухихъ. Такъ конечное z предлоговъ iz, vъz, orz измѣнялось въ s передъ начальной глухой слѣдующаго слога: ispraviti, istokъ̌, vъ̌stokъ̌, orskazъ̌, is kǫta.

Начало слова.

§ 95. Въ началѣ слова гласныя и согласныя могли претерпѣвать такія измѣненія, которыя обусловливались именно началомъ слова. Такъ гласныя, благодаря приступу, которымъ сопровождалось ихъ произношеніе, могли получать передъ собой на мѣстѣ придыхательнаго приступа тѣ или другія согласныя; напротивъ, нѣкоторыя согласныя, какъ h, i̯ (j), u̯ (v) могли исчезать въ началѣ слова передъ гласной; нѣкоторыя сочетанія согласныхъ, терпимыя въ серединѣ слова, измѣнялись въ началѣ его. Разсмотрю отдѣльно всѣ эти явленія.

§ 96. Въ извѣстную эпоху жизни общеслав. праязыка всѣ начальныя его гласныя стали произноситься съ придыхательнымъ приступомъ, переходившимъ затѣмъ при извѣстныхъ условіяхъ въ h, i̯, u̯. А именно u̯ (откуда, какъ мы знаемъ, діалектически v) развивалось передъ гласными средняго ряда: ȳ, y̆ (откуда ъ); i̯ (j) передъ гласными передняго ряда: ī, ь (изъ ĭ), e, ê (изъ ĕ передъ слогомъ съ полукраткою гласной), ē, ę, а также передъ ā; наконецъ, h развивалось, какъ кажется, передъ гласными задняго ряда: o, ô (изъ ŏ передъ слогомъ съ полукраткою гласной), ǫ и u. Такимъ образомъ, передъ передними гласными i̯, передъ средними u̯, передъ нелабіализованными задними i̯, передъ лабіализованными h. Это положеніе нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и разъясненіяхъ.

§ 97. Едвали подлежитъ сомнѣнію, что всѣ гласныя передняго ряда имѣли передъ собой въ общеслав. праязыкѣ i̯ (j); это слѣдуетъ изъ современныхъ слав. языковъ, въ которыхъ до сихъ поръ нетрудно прослѣдить результаты появленія i̯ (j) передъ e и ę, ср. сочетаніе je въ jeśt̓ь: великор.

есть, малор. є, єсть, польск. jest, сербск. je; сочетанія je, ja изъ ję въ великор. ятровь, сербск. jетрва, польск. jątrew; je, jo, ja изъ jь: великор. ёмкой, малор. ємкий, сербск. jамачно, и т. д. Правда, мы не находимъ вообще ji на мѣстѣ начальнаго i, ср. русское, южнославянское и польское произношеніе словъ, какъ iva, iѣ, iti; но то обстоятельство, что и исконное ji переходитъ здѣсь въ i, напр. великор. діалект. их, малор. их, им, сербск. има, польск. ich (въ великор. jix можно видѣть вліяніе j въ jevo, jemu, ср. діалект. jон вм. он подъ тѣмъ же вліяніемъ), даетъ намъ основаніе предположить, что i замѣнило ji въ результатѣ новаго, быть можетъ, какъ предположилъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, общеславянскаго процесса. Равнымъ образомъ слав. языки и между ними старославянскій указываютъ на отсутствіе j передъ исконнымъ ѣ, ср. старослав. ѣдь (им. ед.), ѣмъ (1 л. мн.), ѣдъшихъ и др. (Савв. кн.), сербск. ѝjем (въ югозап. нарѣчіи); но оказывается, что и исконное сочетаніе jѣ, напр. въ jѣxati, jѣdǫ (ср. литовское jo въ joti), утратило j, ср. ѣдѧахѫ, прѣѣхавъше Остр. ев. Въ виду этого принимаю, что въ общеслав. праязыкѣ, въ древнѣйшую эпоху его жизни, дѣйствовалъ законъ, по которому всѣ гласныя передняго ряда въ началѣ слова получали передъ собой i̯, а подъ удареніемъ, согласно §§ 25 прим. и 43, j. Но позже i̯ (j) исчезло передъ ī и ѣ.

§ 98. Приведу примѣры для сочетаній i̯ (j) съ слѣдующею переднею гласною, начальною въ словѣ. Сочетаніе je изъ e: общеслав. jezero, jesenь, i̯elenь. Сочетаніе jö изъ e: 3 л. ед. jö, вин. jödl̥ǫ. Сочетаніе jê изъ e: общеслав. jêźь, jêdlь. Сочетаніе ję изъ ę: общеслав. jętro, i̯ęduха, i̯ęźa. Сочетаніе jь изъ ĭ: общеслав. jьmъ, jьmѣšö, jьmъko.

Примѣчаніе 1. Уже въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, какъ увидимъ, произошло отпаденіе j (i̯) передъ e въ началѣ слова (отсюда русское о). — Начальное he-, о которомъ сказано въ § 57, восходитъ къ индоевр. he-; чередованіе его съ je (i̯e), напр. въ hedinъ при i̯edinъ, hedъva при i̯edъva, heščö при i̯ešč̑ö, зависѣло отъ чередованія указательныхъ корней he- и i̯e-.

Примѣчаніе 2. Сочетанія i̯ĭ и jĭ въ началѣ слова перешли, какъ мы видѣли въ §§ 25, 35, въ ĭ, когда въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной, а иначе на мѣстѣ i̯ĭ явилось i, а на мѣстѣ jĭ —jь.

§ 99. Сочетанія ji изъ i, напр. въ общеслав. jiva, jiti, jiѣ; отсюда однако еще въ общеслав. праязыкѣ iva, iti, iѣ, ср. великор. ил, ива, ити, малор. ил, ива, ити, инéй, инó, словенск. ikati, igrá, iskra, iѢ, сербск. искати, ива, инje, ицати, польск. iskać, ilm, iwa, ino. Что касается чешскихъ jil,

jikra, jilm, jíní, jíva, jizba и др., то здѣсь ji новаго происхожденія, зависѣвшаго отъ принятія начальными гласными новаго придыхательнаго приступа; также объясняются верхнелуж. jił, jiwa и т. д.

Примѣчаніе. Начальное jѣ какъ изъ исконнаго начальнаго ē и oi̯ (откуда ō), такъ и изъ исконнаго jē подверглось въ общеслав. праязыкѣ двоякому измѣненію: въ ѣ и въ ja. Примѣры ниже. Думаю, что различіе зависѣло отъ слѣдующей причины. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что рядомъ съ j являлось въ общеслав. праязыкѣ i̯: j передъ ударяемой гласной, а i̯ передъ неударяемой. Въ § 113 обоснуемъ предположеніе о томъ, что только j, а не i̯ вліяло на измѣненіе слѣдовавшихъ за нимъ e въ ŏ, ē въ ā. Въ силу этого предположенія jé измѣнялось въ já, а i̯ē сохранялось и позже переходило въ i̯ѣ, откуда затѣмъ ѣ; и точно такъ же ŏ (изъ oi̯), перейдя въ ē, подъ ударéніемъ принимало передъ собой j и измѣнялось далѣе въ já; между тѣмъ въ неударяемыхъ слогахъ развивалось i̯ē, сохранявшее свое ē и позже распадавшееся въ i̯ѣ, откуда далѣе ѣ. Такимъ образомъ являлись: jāsli при i̯ѣda (и отсюда, согласно §§ 97 и 99, ѣda), ср. великор. ясли, сербск. jасли, верхнелуж. jasła при великор. jедá, словенск. jêd ж. р., верхнелуж. jědź; jazъ при р. ед. i̯ѣzá, ср. великор. и малор. яз, сербск. jаз при великор. ѣз, древнерусск. ѣзъ, малор. їз, словенск. jêz; jādъ при i̯ѣdovitъ, ср. великор. яд, малор. яд при древнерусск. ѣдъ, малор. їд, сербск. ǐjед, верхнелуж. jěd; jazva при i̯ѣzvá, ср. великор. язва, малор. я́зва и язвá при древнерусск. ѣзва, старочешск. jiezva. Отмѣчу еще ꙗзъ въ знач. язъ (я) Гр. 1148 (сп. не позже XIV в.); ср. словенск. jez, jest (Валявецъ, Rad, т. 121). Въ отдѣльныхъ слав. языкахъ происходило понятное смѣшеніе ѣ и jā; такъ, быть можетъ, еще въ общеслав. при ѣdité, ѣdętь являлось ѣmь вм. jamь; въ русск. при яз явилось ѣз, при яд — ѣд и т. д. Въ старослав. начальное ѣ перешло въ ꙗ: поэтому здѣсь не различаются исконныя ja и ѣ. Но въ нѣкоторыхъ памятникахъ это различіе сохранилось (Савв. кн., Остр. ев.).

§ 100. Гласныя средняго ряда y̆ и ъ (изъ u̯) развивали передъ собой u̯, откуда въ большей части діалектовъ общеслав. праязыка v: vydra, vysokъ, vy, vyknǫti и т. д.; vъ, vъnѣ, vѣtorъ, vѣnukъ. Діалектически, какъ мы знаемъ, u̯ѣ измѣнилось въ ŭ: ŭtorъ, ŭnukъ. Если предположимъ, что нѣкогда заднія гласныя лабіализованныя получали передъ собой h, то u̯ въ сочетаніяхъ u̯y̆, u̯y̆ замѣнило h, быть можетъ, именно вслѣдствіе перехода заднихъ гласныхъ въ среднія и утраты ими лабіализаціи.

§ 101. Гласная задняго ряда нелабіализованная ā получала передъ собой j (i̯): jagoda, jaśćörъ, jastrębъ, jaje, jabłъko, jaboInь, jagnę, jarьmъ. Едва ли на основаніи чешск. vajce (совр. vejce) можно признать существованіе при jaje параллельной формы vaje (изъ u̯aje); vaje могло быть извлечено изъ какого-нибудь сложнаго слова.

Примѣчаніе. Начальное a, не получившее передъ собой i̯ (j), восходитъ, согласно §§ 3, 58, къ hā: aky, aśćö.

§ 102. Гласныя задняго ряда лабіализованныя получали передъ собой предположительно всѣ придыханіе h: общеслав. ho, напр. въ *hostrovъ, *hosina; hô, напр. въ *hôsь, *hôtъ, *hôvьća; hu, напр. въ *humъ, *hulića, *hurokъ, *hućiti; hǫ, напр. въ *hǫsy, *hǫzъkъ, *hǫda. Возможно, что уже въ общеслав. праязыкѣ h въ указанномъ положеніи было не особенно устойчиво. Вотъ почему напр. h передъ o во многихъ славянскихъ языкахъ совсѣмъ не нашло себѣ соотвѣтствія: таковы сербскіе, болгарскіе, великорусскіе, польскіе и другіе говоры; точно также находимъ въ большей части славянскихъ говоровъ u, не hu. Но hô нашло себѣ соотвѣтствіе въ великорусскомъ vo, напр. въ словахъ: вотчина, вот, воспа, восемь, востр. Сочетаніе hǫ доказывается польскимъ языкомъ, гдѣ всякому начальному ǫ соотвѣтствуетъ wą или wę: wąż, wągry (угри), wątły, węda, węgieł, wąs;—верхнелужицкимъ, гдѣ находимъ wu: wutk, wutroba, wuzki;—также словенскимъ языкомъ, гдѣ ему соотвѣтствуетъ всегда vo: vǫza, vǫdica, vǫtək, vǫgoł, vǫtəł. Кромѣ того существованіе общеславянскаго hǫ доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что рядомъ съ корнемъ hǫz- (отсюда старослав. ѫзы) является vęz- (vęzati), гдѣ v, не находящее себѣ этимологическаго основанія, можетъ быть объяснено только какъ результатъ переноса h передъ гласную передняго ряда; невѣроятно допустить vǫz- изъ hǫz- уже въ общеславянскомъ; этому противорѣчили бы показанія велікорусскаго, сербскаго, чешскаго, болгарскаго, въ частности и старославянскаго языка; въ послѣднемъ находимъ всегда ѫ (ѫзъı, ѫхати, ѫтроба, ѫродъ, и др.), едва ли объяснимое изъ vǫ, но легко возводящееся къ hǫ. Въ нѣсколькихъ словахъ h передъ ǫ измѣнилось въ γ: ср. γǫźь, γǫsѣnića вмѣсто ожидаемыхъ ǫźь, ǫsѣnića, какъ мы видѣли выше, въ § 62: это служитъ подтвержденіемъ того, что ǫ въ началѣ слова получало передъ собой h.

Примѣчаніе 1. Замѣна h черезъ ŭ (v) могла стоять въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ зависимости отъ потери слѣдующею гласною ея лабіализаціи; ср. переходъ hū въ vȳ; также hǫ въ польск. wǫ, wę; также hô въ великор. vo. Ср. съ этимъ переходъ h въ v передъ гласной передняго ряда ę (vęzati).

Примѣчаніе 2. Нѣкоторые слав. языки уже въ позднѣйшее время развили вновь, усиливъ или возстановивъ его, придыхательный приступъ къ начальнымъ гласнымъ; таковы языки малорусскій и бѣлорусскій; нарѣчія польскія и чешскія, также великорусскія; поэтому малор. вулиця, ворати и горати, гострий, вузкий и т. п. не даютъ прямыхъ указаній на придыхательный приступъ въ общеслав. праязыкѣ; ср. въ малор. также и гаспид, гарбуз. Оставляю въ сторонѣ по той же причинѣ нижнелужицкій языкъ, гдѣ мы находимъ напр. систематическое hu на мѣстѣ начальныхъ u и ǫ: hutk, hutšoba, huzki, huznaś, huzda.

§ 103. Относительно начальныхъ слоговъ отмѣчу еще, что въ нихъ замѣчалось такое зависѣвшее отъ удареніе чередованіе гласныхъ, которое не было извѣстно ни въ концѣ, ни въ серединѣ слова. Это относится къ звукамъ, происшедшимъ изъ редуцированныхъ ĭ и ŭ (послѣднее изъ ŭ), а также въ самомъ началѣ слова изъ подлежавшаго сокращенію (до полукраткости) ĭ. Въ начальномъ слогѣ полукраткія ь и ъ, получивъ на себя удареніе, переходили въ краткія ь и ъ, между тѣмъ ни въ концѣ слова, ни въ серединѣ его на ь и ъ не было терпимо удареніе, если въ слѣдующемъ слогѣ не было полукраткой гласной; такъ при dь́ska являлось dь́skǫ, при stь̀kło-stь́kła, при tьstь̀ въ род. tь́sti, и т. д. (ср. выше, § 28). Въ началѣ слова, ĭ, получивъ на себѣ удареніе, переходило въ i, между тѣмъ какъ въ серединѣ и концѣ слова ĭ подъ удареніемъ было извѣстно только передъ слогомъ съ полукраткой гласной; такъ при ĭdǫ являлось ídeš̆ĭ, ídǫtь̀, при ĭmę́—ímene (ср. выше § 35 прим.). Равнымъ образомъ при діалектическомъ ŭ въ неударяемомъ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ являлось u: ŭdová-údovǫ.

§ 104. Въ началѣ слова сочетанія oŭ, oĭ, какъ мы видѣли въ § 82, подлежали при экспираторной долготѣ плавной перестановкѣ въ общеслав. праязыкѣ, между тѣмъ какъ тѣ же сочетанія въ серединѣ слова оставались безъ измѣненія; начальныя oŭ, oĭ переходили въ ū, ł̄a.

§ 105. Сочетанія pj, bj въ началѣ слова еще въ общеслав. праязыкѣ измѣнялись въ pĭ, bĭ, сохраняясь какъ pj, bj въ серединѣ слова: bĭ̈do, bĭ̈jǫ, bĭ̈dǫ, pĭ̈ju при kupjǫ, ĭ̈bjǫ.

Конецъ слова.

§ 106. Въ концѣ слова въ общеслав. праязыкѣ имѣли мѣсто нѣкоторыя такія явленія, которыя были чужды началу и серединѣ его. Къ числу ихъ относится, напримѣръ, сокращеніе долгихъ гласныхъ, между тѣмъ какъ не въ концѣ слова исконная долгота уступала мѣсто только полудолготѣ. Конечное ī, какъ мы видѣли, сократившись въ ĭ, переходило дальше въ i по-

лукраткое: nesesĭ вмѣсто nesesī; такимъ образомъ только въ концѣ слова въ положеніи послѣ согласной на мѣстѣ ī являлось ĭ (непосредственно изъ ĭ). Сочетанія os, om только въ концѣ слова переходили въ ъs, ъm (а изъ ъm—ъ носовое), откуда дальше ъ. Въ концѣ слова отпали всѣ согласныя въ общеслав. праязыкѣ, почему здѣсь въ концѣ слова являлись только открытые слоги. Дифтонгъ ie изъ oi переходилъ въ концѣ слова, когда онъ имѣлъ музыкальную долготу, въ i, сохраняясь какъ ie (ѣ) при долготѣ экспираторной; въ другомъ положеніи въ словѣ ѣ не измѣнялось въ i.

§ 107. Нѣкоторыя конечныя гласныя слова при встрѣчѣ съ слѣдующимъ словомъ, съ которымъ предыдущее слово входило въ тѣсное сближеніе, претерпѣвали болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Такъ конечныя гласныя глагольныхъ формъ ъ, ь передъ j мѣстоименныхъ формъ 3 л. переходили въ общеслав. праязыкѣ въ u и i, напр. vidѣxomu ĭ, prijęty ĭ, lŭbiti ĭ, ukradǫty ĭ и т. д. (см. §§ 23, 37, 39).

Взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ въ предѣлахъ одного слога. Палатализація. Лабіовеляризація.

§ 108. Какъ мы видѣли изъ предыдущаго, гласныя передняго ряда палатализовали предшествующія имъ согласныя, а также слѣдующее за ними тавтосиллабическое r (§§ 51 и сл., 80 и 83). Сходно съ этимъ вліяли гласныя задняго ряда (изъ нихъ ŭ и ū перешли въ средній рядъ), лабіовеляризуя предшествующія согласныя, а въ сочетаніяхъ or, ъr тавтосиллабическое r (см. тамъ же). Въ свою очередь нѣкоторыя согласныя оказывали вліяніе на произношеніе слѣдующихъ за ними гласныхъ: сюда относится прежде всего измѣненіе лабіализованныхъ гласныхъ задняго ряда въ гласныя передняго ряда въ положеніи за j, j и смягченными согласными, а также переходъ нѣкоторыхъ гласныхъ передняго ряда въ болѣе открытыя гласныя и даже въ гласныя задняго ряда, а также въ лабіализованныя гласныя того же передняго ряда. Сообразно съ этимъ разсмотрю сначала вліяніе гласныхъ на предшествующія согласныя, затѣмъ на слѣдующее за ними тавтосиллабическое r; далѣе вліяніе согласныхъ на слѣдующія лабіализованныя гласныя задняго ряда; наконецъ, вліяніе согласныхъ на слѣдующія гласныя передняго ряда.

§ 109. *Гласныя передняго ряда*, ассимилируя себѣ предшествующія согласныя, измѣняли ихъ въ полумягкія. Особенно рѣзко сказалось это на задненёбныхъ: k, g, x въ положеніи передъ гласными передняго ряда, теряя свойственную имъ лабіализацію, переходили въ соотвѣтствующія полумягкія средненёбныя согласныя; эти согласныя тутъ же при самомъ своемъ появленіи измѣнялись въ древнѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка въ $\acute{c}$, $\acute{z}$, $\acute{s}$,

напр. *kędo перешло въ č́ędo, *gena въ ž́ena, *xestь въ š́estь, *słyxite въ słyš́ite; въ позднѣйшую же эпоху жизни общеслав. праязыка, характеризуемую измѣненіемъ дифтонга oi̯ въ монофтонгъ передняго ряда, k, g, x переходили передъ этимъ монофтонгомъ въ ć, ʒ́, ś: *koi̯na перешло въ ćō̄na, отсюда ćѣna, *goi̯ło въ ʒ́ō̄ło, отсюда ʒ́ѣło, *duxoi̯ им. мн. въ *duśō̄, откуда *duśѣ и далѣе duśi.

§ 110. Согласныя зубныя, губныя и плавныя r, l переходили передъ гласными передняго ряда также въ соотвѣтствующія полумягкія; полумягкость ихъ не привела къ измѣненію самаго мѣста ихъ образованія; вслѣдствіе этого о полумягкости указанныхъ согласныхъ въ общеслав. праязыкѣ передъ гласными передняго ряда мы можемъ только догадываться, указывая въ подтвержденіе такой догадки на позднѣйшія явленія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, въ частности русскихъ и западнославянскихъ, развившихъ полумягкія согласныя въ мягкія. Изъ западнослав. языковъ отмѣчу мягкость t, d, n въ чешско-словацкомъ передъ звукомъ a изъ ę, мягкость ихъ въ чешско-словацкомъ передъ i, а въ словацкомъ передъ e, мягкость зубныхъ, губныхъ и l въ польскомъ передъ всѣми гласными передняго ряда, включая сюда и ь, исчезнувшее изъ произношенія; то же находимъ и въ лужицкихъ языкахъ. Совокупныя указанія западнославянскихъ и русскихъ языковъ (въ малорусскомъ отмѣтимъ мягкость согласныхъ передъ рефлексами ѣ, ę, ē изъ ê, наконецъ, передъ исчезнувшимъ ь и рѣдкимъ его рефлексомъ о) достаточны для утвержденія, что согласныя въ указанномъ положеніи не могли быть тверды въ общеслав. праязыкѣ. Допустить, однако, чтобы они были мягки, нельзя въ виду южнославянскихъ языковъ, которые въ значительной своей части представляютъ твердыя согласныя передъ гласными передняго ряда при сохраненіи исконно мягкихъ согласныхъ мягкими (напр. исконно мягкихъ ľ, ń); между тѣмъ нѣкоторые болгарскіе говоры имѣютъ мягкія согласныя, очевидно, также развившіяся изъ полумягкихъ.

Примѣчаніе. Очевидно, въ нѣкоторыхъ слав. языкахъ произошло отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ; отвердѣніе ихъ передъ i произошло, вѣроятно, на почвѣ передвиженія звука y въ направленіи къ переднему ряду и вызваннаго этимъ совпаденія y, передъ которыми согласны были тверды, съ i, передъ которыми они были полумягки. Отвердѣніе согласныхъ передъ i и e въ малорусскомъ совершенно особаго рода, ибо здѣсь отвердѣли не полумягкія, а мягкія согласныя, какъ будетъ указано въ § 212.

§ 111. *Гласныя задняго ряда*, еще до перехода ū и ŭ въ средній рядъ, измѣняли предшествующія имъ согласныя въ лабіовеляризованныя. Указа-

ніе на это находимъ, какъ указано въ § 54, между прочимъ въ произношеніи l какъ ł въ положеніи какъ передъ гласными задняго ряда, такъ и передъ гласными средняго ряда y и ъ, восходящими къ гласнымъ задняго ряда; о такомъ произношеніи ł въ общеслав. праязыкѣ свидѣтельствуютъ и русскіе и западнослав. языки, включая сюда и чешскій, еще въ XVI в. отличавшій ł отъ l; къ ł ведутъ насъ, повидимому, и нѣкоторыя явленія южнослав. языковъ (напр. переходъ ł въ концѣ слога въ u̯ въ словенскомъ, переходъ ł слогового въ u въ сербскохорватскомъ). Лабіовеляризація согласныхъ, не измѣнявшихъ однако подъ ея вліяніемъ основныхъ чертъ своего произношенія, доказывается цѣлымъ рядомъ явленій славянской фонетики; лабіовеляризація задненёбныхъ доказывается тѣмъ, что сочетанія ky, gy, xy не перешли въ ќi, ǵi, х́i еще въ общеслав. праязыкѣ: сочетаніе задненёбной согласной съ гласной средняго ряда было возможно только вслѣдствіе того, что лабіализація задненёбной препятствовала ассимиляціи ея слѣдующей за нею гласной средняго ряда. Лабіовеляризація задненёбныхъ и губныхъ въ общеслав. праязыкѣ доказывается ихъ лабіализаціей въ совр. славянскихъ языкахъ. Такъ о лабіовеляризаціи ихъ въ нижнелужицкомъ заключаемъ изъ перехода o въ uo (пишется ó) въ ударяемомъ слогѣ послѣ губныхъ и задненёбныхъ въ положеніи не передъ губными и задненёбными: wóla, bósy, kóza, mórjo, pólo. О лабіовеляризаціи ихъ и въ верхнелужицкомъ заключаемъ изъ произношенія звука o какъ протяжное закрытое o передъ губными, свойственнаго обоимъ лужицкимъ языкамъ: верхнелуж. hłōwa, нижнелуж. głōwa, верхнелуж. и нижнелуж. nōwy, верхнелуж. khudōba, нижнелуж. chudōba, верхнелуж. pōmoh̯aś, нижнелуж. pōmogaś и т. д. (E. Mucke, Hist. u. vergl. Laut- und Formenlehre, §§ 52 и 53). Лабіовеляризація всѣхъ вообще согласныхъ передъ исконнымъ o доказывается произношеніемъ o какъ ô и u̯o въ ударяемомъ слогѣ во многихъ сѣверновеликорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, при чемъ такому измѣненію не подвергается o изъ ъ (ср. § 322[1]). Въ польскихъ говорахъ видимъ u̯o вмѣсто o послѣ всякихъ твердыхъ согласныхъ (очевидно, нѣкогда лабіализованныхъ) и при томъ не только въ закрытыхъ, но и въ открытыхъ слогахъ. Лабіовеляризація согласныхъ въ общеслав. праязыкѣ передъ ъ доказывается между прочимъ переходомъ этой нелабіализованной гласной средняго ряда въ o, т. е. въ гласную лабіализованную задняго ряда, въ отдѣльныхъ слав. языкахъ. Лабіовеляризаціей всѣхъ вообще твердыхъ согласныхъ передъ гласными задняго ряда можно объяснить общерусскій переходъ e въ ӧ передъ твердыми согласными, при чемъ e, очевидно, уподобилось слѣдующей согласной. Наконецъ, лабіализованное произношеніе губныхъ можно прослѣдить въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ и южновелико-

русскихъ говорахъ, гдѣ находимъ, напримѣръ, переходъ у въ u послѣ губныхъ (въ Мозырскомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ), а также переходъ редуцированной гласной въ u также послѣ губныхъ (пупа, бугачи и т. д. въ Смоленскихъ говорахъ).

Примѣчаніе. Умышленно употребляю болѣе сложный терминъ «лабіовеляризація», не опредѣляя въ каждомъ случаѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ приспособленіемъ согласныхъ къ произношенію лабіализованныхъ гласныхъ или съ приспособленіемъ ихъ къ произношенію гласныхъ задняго ряда. Польскій языкъ даетъ основаніе различать эти два вида согласныхъ: согласныя зубныя ł, n, r, t, d, s, z вліяютъ на измѣненіе предшествующихъ имъ e въ o и ę въ a (niosę, las), между тѣмъ какъ губныя и задненёбныя такого вліянія не оказываютъ (piekę, lekarz); отсюда заключаемъ, что лабіализованныя согласныя не оказали здѣсь на предшествующія имъ гласныя того вліянія, какое оказали веляризованныя. Лабіовеляризація l, переходъ его въ ł, даетъ также основаніе думать именно о веляризаціи, а не лабіализаціи зубныхъ въ общеславянскомъ. И веляризація и лабіализація согласныхъ исчезала въ слав. языкахъ постепенно, въ разное время въ разныхъ говорахъ и не сразу во всѣхъ группахъ согласныхъ. Такъ въ обоихъ лужицкихъ языкахъ лабіализація губныхъ сохраняется до сихъ поръ, что видно изъ перехода o въ ō передъ губными; но только въ верхнелужицкомъ сохранилась лабіализація и задненёбныхъ (k, x, kh, а также h, послѣдняго, однако, только передъ u и o), почему тамъ является ō и въ такихъ случаяхъ, какъ bōk, Bōhu, pō khlěwje, mōch (E. Mucke, l. c., 98). Въ польскомъ x сохраняло свою лабіализацію дольше, чѣмъ k и g: это видно изъ того, что слоги chy, che сохраняются въ польскомъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ ky, gy, ke, ge (послѣднія изъ kъ, gъ) перешли въ ki, ǵi, ke, ǵe.

§ 112. *Вліяніе гласныхъ на тавтосиллабическое* r разсмотрѣно было выше, въ § 83: r становилось полумягкимъ въ сочетаніяхъ er, ьr; оно лабіализовалось въ сочетаніяхъ or, ъr. Палатализованность r въ сочетаніи ьr доказывается, какъ мы видѣли, изъ русскихъ и западнославянскихъ языковъ, представляющихъ на мѣстѣ ьr сочетаніе eŕ (отсюда въ польскомъ erž, ež); впрочемъ, передъ твердыми зубными и въ тѣхъ и въ другихъ языкахъ найдемъ er (or, ar) и при томъ съ лабіализованнымъ r, какъ можно заключить изъ великорусскаго or (напр. въ дёрн). Думаю, что отвердѣніе r полумягкаго здѣсь сравнительно позднее; оно было результатомъ уподобленія r полумягкаго слѣдующей лабіализованной зубной (ср. еще болѣе позднее отвер-

дѣніе r мягкаго передъ отвердѣвшимъ ž, напр. въ великор. діалект. удёржут, задёржка. По аналогіи съ ьr заключаю о томъ, что и въ er плавная была палатализованна, а также и о томъ, что плавная сочетаній ъr, or была лабіализованна; впрочемъ, какъ указано въ §§ 80, 83, на то же явленіе указываетъ замѣна s черезъ x послѣ этихъ сочетаній.

§ 113. *Вліяніе согласныхъ на гласныя.* Лабіализованныя и палатализованныя согласныя, насколько послѣднія не стали мягкими, вообще не могли оказать въ общеслав. праязыкѣ замѣтнаго вліянія на гласныя. Только ā, какъ указано въ § 11, переходило въ ā̇ въ положеніи послѣ полумягкихъ согласныхъ (напр. ledāmъ, возникавшее по аналогіи вмѣсто ledēmъ, измѣнялось въ ledā̇mъ). Вліяніе на слѣдующую гласную оказали мягкія согласныя, т. е. j, ŕ, ĺ, ń, мягкія шипящія и мягкія свистящія. При этомъ различаются три явленія. Во-первыхъ, гласныя o, o̧, o̹, т. е. лабіализованныя гласныя задняго ряда, и ȳ (изъ ū), ъ (изъ ŭ), т. е. нелабіализованныя гласныя средняго ряда, переходили въ соотвѣтствующія гласныя передняго ряда: e, e̹ (отсюда ü̹), e̹ (отсюда i̹), i, ь; примѣры: jeĭ дат. ед. вм. joĭ (ср. toĭ), nóžü дат. ед., kѣnę́žü (ср. rodu), nóži мѣстн. ед. (ср. rodѣ изъ rodoi̹), nožì тв. мн. (ср. rody), nóžь, kѣnę́žь им. (ср. rogъ, rodъ). Итакъ передъ нами ассимиляціонный процессъ. Во-вторыхъ, гласныя передняго ряда ē, ę̄, въ положеніи послѣ тѣхъ же согласныхъ переходили (ē вѣроятно чезъ посредство ä) въ гласныя задняго ряда: ā и носовое ą; примѣры: słyšáti изъ *słyxēti (ср. vidēti), čásъ изъ kēsъ; žą̇tva, počą̇ti (ср. § 20 прим.). Здѣсь передъ нами диссимиляціонный процессъ: гласная теряла то верхнее образованіе, которое сближало ее съ палатальною согласною, и такимъ образомъ переходила въ задній рядъ. Наконецъ, въ-третьихъ, послѣ тѣхъ же согласныхъ гласная e переходила въ ö, однако, только въ положеніи не передъ слогомъ съ гласной передняго ряда: čötyre, imѣášö, зв. ед. dušö, kѣnę́žö и т. д. Равнымъ образомъ ь перешло въ такомъ же положеніи въ лабіализованное ъ: šъdła, počѣtѣ (см. § 26). Въ этомъ случаѣ видимъ опять диссимиляціонный процессъ: гласная, расподобляясь съ предшествующею мягкою согласною, становилась лабіализованною.

Примѣчаніе 1. Оба процесса, ассимиляціонный и диссимиляціонный, какъ кажется, отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что только первый изъ нихъ распространился и на i̹, которое требовало такого же перехода за собой гласныхъ задняго ряда лабіализованныхъ въ передній рядъ, какой наблюдался за j и смягченными согласными: dobroi̹e изъ dobroi̹o, svinïe (изъ svinï̹o) зв. ед. Диссимиляціонный процессъ не касался, какъ можно думать, сочетаній i̹ē, i̹e. Указаніе на сохраненіе i̹ē

при jā (изъ jē) дано въ § 99 прим. Сохраненіе e послѣ i̯ доказывается, напр., малорусскимъ языкомъ, гдѣ находимъ доброє, общерусскимъ праязыкомъ, гдѣ находимъ koli̯je (отсюда великор. колья, малор. кілля), лужицкими, гдѣ окончаніемъ им. ед. словъ ср. р. на ii̯e является ie, между тѣмъ какъ послѣ согласныхъ e въ концѣ слова произносится какъ o; ср. верхнелуж. wjesele, pjerje, нижнелуж. wjasele, śernje, zele, nazymje, lěśe и т. д.; только въ западныхъ діалектахъ верхнелуж. языка e, очевидно, по аналогіи замѣняется черезъ o: dawanjo, wjeselo (въ другихъ верхнелуж. говорахъ единичные случаи: pjerjo, zelo, lěćo; также въ нижнелуж. kopjo, roždžo, wótšo, причемъ kopjo, wótšo могутъ восходить къ общеслав. korьjŏ, ostrьjŏ, русск. копьё, остреё). Ср. рядомъ: верхнелуж. morjo, polo, wojo, lico, plecо, нижнелуж. mórjo, pólo, wójo, placo, słyńco, mojo, našo, зв. ед. knĕžo, 3 ед. dawašo, narѣčie južo.

Примѣчаніе 2. Оба процесса—переходъ jo въ jŏ и переходъ je въ jŏ, приводили къ тождественному результату: poľo можетъ восходить и къ poľŏ и къ poľe. Думаю, что переходъ o въ ŏ послѣ i̯, j и смягченныхъ согласныхъ предшествовалъ переходу e въ ŏ въ результатѣ его лабіализаціи. Слѣдовательно: poľŏ, lićŏ, otьćŏvo, vьšŏmu, našŏmu, sińŏho явились въ результатѣ перваго — ассимиляціоннаго процесса. Какъ увидимъ, ŏ изъ o въ положеніи передъ смягченными согласными и ĭ переходило въ e: такъ явилось jeĭ изъ jŏĭ.

Примѣчаніе 3. Замѣчательно, что монофтонгъ, замѣнившій oi̯, не подлежалъ переходу въ ā послѣ мягкихъ согласныхъ, ср. ćѣna, śѣrѣ, poźѣ. Отсюда можно заключить, что oi̯ (непосредственно измѣнившееся въ ō) не дошло въ своемъ измѣненіи до ē, что распаденію въ новый дифтонгъ (ie, eă) подверглось ō, давъ ŭŏ и далѣе ѣ. Но въ началѣ слова oi̯ указываетъ какъ бы на измѣненіе въ ē, ибо на его мѣстѣ находимъ jā (непосредственно изъ jē), ср. § 99 прим. Вѣроятно, oi̯ измѣнилось и здѣсь въ ō, но ō въ силу закона о придыхательномъ приступѣ измѣнялось подъ удареніемъ въ jō и далѣе въ jē, а въ неударяемомъ положеніи въ i̯ō; сочетаніе jē перешло дальше въ jā, а i̯ō (также черезъ посредство i̯ē) въ дифтонгъ ie, eă (ѣ).

Взаимное вліяніе сосѣднихъ слоговъ.

§ 114. Здѣсь имѣютъ мѣсто слѣдующія различныя явленія: во-первыхъ, гласная въ концѣ предшествующаго слога измѣнялась подъ вліяніемъ начальнаго звука слѣдующаго слога; во-вторыхъ, согласная въ началѣ слѣдующаго слога измѣнялась въ зависимости отъ гласной въ концѣ предше-

ствующаго слога, въ-третьихъ, гласная предшествующаго слога подпадала подъ зависимость гласной слѣдующаго слога, не соединенной съ нею непосредственно; быть можетъ, были случаи, гдѣ, обратно, гласная слѣдующаго слога измѣнялась подъ вліяніемъ гласной предыдущаго слога.

§ 115. Вліяніе начальнаго звука второго слога на окончаніе перваго слога видимъ, напримѣръ, въ переходѣ ö (изъ o послѣ j, j и смягченной согласной) въ e въ положеніи передъ j, j, смягченной и полумягкой согласной слѣдующаго слога: jojі измѣнилось въ jöjі и далѣе въ jeï; zemjojǫ въ zemjejǫ, poľoть въ poľeть, kurьśoть (изъ kurьkoть) въ kurьśeть. Звуки ъ, ь переходили въ y, i передъ j слѣдующаго слога: vidimy ï, pogubiti ï и т. д. (§ 107). Относительно различныхъ сочетаній гласныхъ см. §§ 85 и сл., сочетаній согласныхъ §§ 93 и сл. Относительно сочетаній согласныхъ между гласными отмѣчу, что они всего вѣроятнѣе относились въ цѣломъ своемъ составѣ ко второму слогу, не распредѣляясь на два слога: i-spraviťъ, не is-praviťъ.

§ 116. Согласныя задненёбныя въ положеніи за гласными передняго ряда предшествующаго слога переходили, смягчаясь, въ палатальныя свистящія (ć, ź, ś). Имѣя въ виду, что въ рядѣ случаевъ задненёбныя сохранялись безъ измѣненія, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ высказалъ предположеніе, что переходъ задненёбныхъ въ мягкія свистящія имѣлъ мѣсто только въ ударяемыхъ слогахъ: ср. liśö (изъ liko) при likъ. Возможно, что ограничительныя условія были иного рода, а именно, что переходъ задненёбныхъ могъ ограничиваться положеніемъ ихъ передъ нелабіализованными гласными (передъ a, y, ъ), не распространяясь на положеніе передъ гласными лабіализованными, которыя поддерживали лабіализованный характеръ задненёбныхъ (§ 111) и препятствовали его утратѣ: утрата лабіализованнаго характера задненёбныхъ вела за собой переходъ ихъ въ смягченныя свистящія. Ср., слѣдовательно, ovьśa, otьśь, otьśa, тв. мн. otьśi, но вин. ед. *ovьkǫ, дат. ед. *otьku, тв. ед. *otьkoть. Смѣшеніе чередовавшихся между собой, въ силу указанныхъ ограничительныхъ условій, задненёбныхъ и мягкихъ свистящихъ было, конечно, неизбѣжно: такъ явились ovьśǫ, otьśu, otьśeть. Обратно, задненёбныя прошикали и въ такіе случаи, какъ polьga, stьga, nasmixati sę. — Такое же измѣненіе задненёбныхъ имѣло мѣсто и послѣ полумягкихъ согласныхъ, какъ можно заключить изъ общеслав. mьŕśati (русск. мерцать): оно восходитъ къ mьŕkati, ср. чешск. mrkati.

§ 117. Вліяніе гласной слѣдующаго слога на гласную предшествующаго видимъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ, какъ мы знаемъ, гласная передняго ряда e послѣ j и смягченныхъ соглас-

ныхъ переходила въ ö (§ 113); такой переходъ не имѣлъ однако мѣста, когда въ слѣдующемъ слогѣ находилась гласная передняго ряда. Рядомъ съ čöło, žöna, šöstyi, сохранялись čelѣ, ženixъ, šesti; точно также рядомъ съ čölnъ, žölbъ являлись čelnѣ, želbѣ. Это ясно слѣдуетъ изъ данныхъ совр. славянскихъ языковъ, гдѣ сохранилось различіе между обоими положеніями, какъ напр. въ великор.: сам шост, но шестеро; жоны, но женин; чосан, но чешет: жостко, но жесть и т. д., въ польск. czoło, но na czele; żona, но żenich.

Примѣчаніе. Въ русскомъ и западнослав. языкахъ чередованіе о и е въ подобныхъ указаннымъ случаяхъ зависитъ не отъ вліянія гласной въ слѣд. слогѣ, а отъ вліянія непосредственно слѣдующей за е согласной: передъ твердой согласной является о, передъ мягкой е: великор. шесть, но сам шост.

§ 118. Во-вторыхъ, какъ это впервые указано А. И. Соболевскимъ (Ж. М. Н. П. 1893 № 11), полукраткіе ъ и ь переходили въ ь и ъ подъ вліяніемъ звуковъ ь или ъ въ слѣдующемъ слогѣ. Видимъ здѣсь уподобленіе полукраткой гласной краткой гласной слѣд. слога. Примѣры: общеслав. гъdьгъ вмѣсто гъdьгъ (ср. древнеинд. rudhirás, греч. ἐρυθρός), великорусск. рёдрой; общеслав. mьdьlъ вмѣсто mъdьlъ (ср. польск. zmuda, mudzić), русск. медлить; dovьlьnъ, ср. старосл. довьлнъ, вм. dovъlьnъ, ср. недовълнъ Христ. апост. 103; tьnъkъ вм. tьnъkъ, ср. великорусск. тóнкой при польск. cieńki.— На основаніи такихъ случаевъ, какъ bezdьna вмѣсто bezdъna (бездень Син. псалт., безденш Супр. и Син. требн.), ср. dъno, или istьba вм. istъba (ср. польск. діалект., źba, нижнелуж. śpa, истьбу Ипат. 105г, во истьбу 84а, выстебцѣ 88г; другіе примѣры см. у Б. М. Ляпунова, Изсл. о яз. Новг. 1-й лѣт., с. 236 и сл.), можно, кажется, заключить о переходѣ полукраткой гласной ъ въ ь въ положеніи послѣ слога съ краткими е, і. Быть можетъ, ъ въ донъдеже Сб. 1073, 101а и др. замѣнило ь подъ вліяніемъ предшествующаго о.

Примѣчаніе 1. Изъ словъ бездна, бездьныѥ ь переносилось въ дьно, ср. малор. деньце (do деńсіа Новоградвол. Zb. VII, 156, do dyńсіà Бѣлая Церк. Zb. V, 46). Сомнительно, чтобы бездьна замѣнило бездъна подъ вліяніемъ суффикса -ьн (Щепкинъ, Разс., 136).

Примѣчаніе 2. Переходъ ѣ, ъ въ е, о передъ слогомъ съ е, о (въ случаяхъ, подобныхъ древнерусскимъ серебро, золоба, безо отьца) отношу къ явленіямъ, возникшимъ уже въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ.

Глава IV. Количество и удареніе.

§ 119. Чтобы уяснить количественныя отношенія общеслав. праязыка и систему его удареній, необходимо принять во вниманіе, во-первыхъ, исконныя дославянскія отношенія, опредѣляемыя сравнительнымъ изученіемъ индоевроп. языковъ, въ частности языковъ—славянскихъ и балтійскихъ, во-вторыхъ, тѣ новыя явленія, которыя на славянской почвѣ видоизмѣнили унаслѣдованныя отношенія. Въ виду этого сначала изложу гипотетически ту систему удареній и тѣ количественныя отношенія, которыя господствовали въ общеслав. праязыкѣ до наступленія явленій, нарушившихъ эту систему и эти исконныя отношенія, а затѣмъ перейду къ опредѣленію самыхъ этихъ явленій. При этомъ необходимо различать болѣе древнія явленія отъ болѣе позднихъ, связанныхъ между собой одною общею причиной — сокращеніемъ и потерей музыкальной высоты конечными слогами. Вопросы, относящіеся къ количеству и ударенію, я разсмотрю нѣсколько подробнѣе, такъ какъ рядъ явленій въ области удареній, ихъ чередованіе въ словахъ, останется въ русскомъ языкѣ непонятнымъ безъ разъясненія происхожденія этихъ явленій въ общеслав. праязыкѣ.

Древнѣйшія отношенія.

§ 120. Общеслав. праязыкъ получилъ изъ индоевр. праязыка слѣдующія краткія гласныя: o, e, u, i; долгія гласныя ā, ē, ū, ī; дифтонги ou̯, eu̯, oi̯, ei̯; дифтонгическія сочетанія краткихъ и долгихъ гласныхъ съ n, m, долгими или краткими; дифтонгическія сочетанія краткихъ и долгихъ гласныхъ съ r, l, долгими или краткими. Въ долгихъ гласныхъ, дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ были извѣстны въ общеслав. праязыкѣ два вида долготы, унаслѣдованные изъ старшей эпохи: долгота экспираторно-музыкальная съ преобладаніемъ экспираторнаго элемента (произносившаяся со значительнымъ усиленіемъ) и долгота музыкальная, музыкально-экспираторная (произносившаяся со значительнымъ повышеніемъ). Слоговъ вполнѣ экспираторныхъ общеслав. праязыкъ не имѣлъ; краткіе слоги произносились всѣ съ музыкальной высотой.

Примѣчаніе 1. Термины экспираторно-музыкальный и музыкально-экспираторный, опредѣляющіе самую природу общеславянскихъ долготъ, я предпочитаю терминамъ, предложеннымъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ: длительная и прерывистая долгота; эти термины соотвѣтствуютъ терминамъ акутированная и циркумфлектированная долгота другихъ линг-

вистовъ (у нѣмцевъ: gestossene und geschleifte Intonation). Вполнѣ возможно, что природа долгихъ гласныхъ въ старшую, до славянскую эпоху была иная, чѣмъ въ общеслав. праязыкѣ, почему и термины экспираторно-музыкальная и музыкально-экспираторная долгота къ той эпохѣ непримѣнимы. Экспираторный или точнѣе экспираторно-музыкальный характеръ одной изъ обѣихъ долготъ особенно ясно вытекаетъ изъ того, что долгота эта сократилась въ сербско-хорватскомъ языкѣ подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ (гдѣ сохраняется долгота, опредѣляемая, какъ музыкальная), при чемъ на краткой гласной получалось экспираторное удареніе (такъ называемое рѣзкое). Буду обозначать музыкально-экспираторную долготу знакомъ долготы надъ буквой гласной или согласной, а экспираторно музыкальную — знакомъ подъ соотв. буквой.

Примѣчаніе 2. Нѣкоторые индоевр. языки сохраняли и сохраняютъ, частью въ ограниченныхъ особыми условіями случаяхъ, старое различіе между обѣими долготами до сихъ поръ; это различіе, какъ увидимъ, обнаруживается кромѣ того въ явленіяхъ, свойственныхъ почти всѣмъ слав. языкамъ. Такъ въ совр. литовскомъ старое различіе долготъ сохраняется только подъ удареніемъ: одинъ видъ долготы (соотвѣтствующій общеслав. экспираторному виду) имѣетъ нисходящее удареніе; другой видъ (соотвѣтствующій общеслав. музыкальному виду) имѣетъ восходящее удареніе: ср. литовск. wýras, nóras, wárna, káĩnas при wȳnas, põnas, daĩžas, р. ед. gaĩkos, и т. д. Въ греческомъ языкѣ (въ конечныхъ слогахъ) различіе двухъ видовъ долготы сохранялось, напримѣръ, въ дифтонгахъ и притомъ не только подъ удареніемъ, ср. ποταμοί при Ἰσθμοῖ, но также и въ неударяемыхъ слогахъ, ср. οἶκοι им. мн. при οἶκοι «до́ма» (различныя ударенія въ предпослѣднемъ слогѣ указываютъ на различный характеръ долготъ). Въ древнеиндійскомъ различіе между долгими экспираторно и долгими музыкально i и u сказалось въ томъ, что первыя при sandhi не подвергались измѣненію, а вторыя переходили въ y (i̯) и v; ср. сохраненіе ī, ū въ окончаніи дв. числа.

§ 121. Мѣсто ударенія въ общеслав. праязыкѣ было свободное; удареніе падало какъ на краткій слогъ, такъ и на долгіе слоги съ обоими видами долготы. При этомъ рядъ основаній заставляетъ думать, что характеръ ударенія краткихъ и музыкально-экспираторныхъ слоговъ былъ однороденъ, отличаясь отъ ударенія экспираторно-музыкальныхъ слоговъ. Совпаденіе общеславянскихъ и древнепрусскихъ отношеній побуждаетъ признать удареніе на музыкально-

экспираторной долготѣ нисходящимъ, а удареніе на экспираторно-музыкальной долготѣ восходящимъ. Нисходящее удареніе на долгомъ музыкальномъ слогѣ буду обозначать знакомъ ^; нисходящее удареніе на краткомъ слогѣ знакомъ ̏; восходящее удареніе на долгомъ экспираторномъ слогѣ знакомъ ́.

Примѣчаніе. Отсылаю къ статьѣ Ф. Ѳ. Фортунатова о древнепрусскихъ удареніяхъ въ Р. Ф. В. т. XXXIII, с. 254. и сл. и въ Beiträge zur Kunde der indg. Spr., B. XXII, 14 и сл. Литовскій языкъ, какъ мы видѣли, представляетъ обратныя отношенія: нисх. удареніе на исконно длительной (экспираторно-музыкальной) долготѣ, восх. удареніе на исконно прерывистой (музыкально-экспираторной) долготѣ.

§ 122. Впрочемъ, свободное употребленіе удареній было ограничено еще въ литовско-славянскую эпоху закономъ, по которому длительная (экспираторно-музыкальная) долгота перетягивала на себя удареніе съ предшествующаго слога краткаго и прерывистаго (музыкально-экспираторнаго). Законъ этотъ былъ открытъ одновременно Фортунатовымъ и Де-Сосюромъ. Онъ объясняетъ, почему въ общеслав. праязыкѣ им. ед. имѣлъ удареніе rǭká̱ (русск. рука́, чакавск. rūkà), ср. литовск rankà, между тѣмъ какъ вин. ед. rǭ̑kǭ (русск. ру́ку, чакавск. rûku), ср. литовск. rañką; далѣе им. дв. rogá̱ (русск. рога́), ср. литовск. ragù, между тѣмъ какъ род. ед. rȍgā (русск. ро́га, сербск. рȍга), ср. литовск. rãgo; общеслав. мѣстн. ед. vodѣ́, rǭćѣ́, vъ noćí, na kostí, vъ domú, vъ sādú, рядомъ съ дат. ед. vódѣ (ср. сербск. вȍди), nóćī, род. dómū; общеслав. 1 л. ед. наст. вр. mogǫ́, nošǫ́, pīšǫ́ рядомъ съ mȍžemъ, nȍsīte, pîšǫtѣ; общеслав. инфинитивы: xodíti, kopáti, gorѣ́ti, tonǫ́ti и т. д. Очевидно, окончанія a въ им. ед. ж. р. и им. дв. м. р., окончанія oi̯, ei̯, ou̯ въ мѣстн. ед., окончаніе on въ 1 л. ед. имѣли длительную (экспираторную) долготу, между тѣмъ какъ окончанія род. ед. ā и ou̯, дат. oi̯ и ei̯ и т. д. имѣли прерывистую (музыкальную) долготу.

Примѣчаніе. Предположеніе Педерсена о томъ, что экспираторно-музыкальная долгота перетягивала на себя удареніе не только съ сосѣдняго слога, но и со слога, отдѣленнаго отъ нея другимъ слогомъ, представляется мнѣ недоказаннымъ (ср. H. Pedersen въ Zeitschr. f. vergl. Sprachforsch. 38, 307); zelená̱, при zélenъ, им. дв. mѣsęćá̱ при mѣ́sęćь могутъ объясняться изъ zelȅna̱, zelȅnъ, mѣsę̂ća̱, mѣsę̂ćь.

Частичныя измѣненія въ природѣ звуковъ.

§ 123. Звуки ŭ и ū, потерявъ свою лабіализацію, перешли въ звуки средняго ряда ў и ȳ. Дифтонги ei̯, eŭ, ou̯ измѣнились въ монофтонги ī, ū̆, ū.

Дифтонгъ oi монофтонгизировался въ ō. Звуки ē и ō распались въ дифтонги ie (eă), которые обозначаемъ буквой ѣ. Звукъ o послѣ мягкихъ согласныхъ перешолъ въ ŏ и далѣе при извѣстныхъ условіяхъ въ e; e послѣ мягкихъ согласныхъ при извѣстныхъ условіяхъ переходило въ ŏ. Звуки ў (изъ ŭ) и ȳ (изъ ū) послѣ мягкихъ согласныхъ переходили въ ĭ и ī. Сочетанія on, om въ концѣ слова перешли въ ŭn, ŭm (ўn, ўm), а сочетанія краткая гласная (слѣдовательно ў, ĭ) + носовая утрачивали въ концѣ слова носовую и переходили въ ў, ĭ. Въ серединѣ слова передъ согласной на мѣстѣ сочетаній гласная + носовая и также въ концѣ слова на мѣстѣ сочетаній долгая гласная + носовая явились носовые долгіе звуки: носовыя ȳ, ī утратили свой носовой характеръ, а ǭ и ē̄ сохранили его. Сочетаніе ons послѣ мягкой согласной перешло въ ōns, отсюда ō̄ носовое, распавшееся въ дифтонгическое сочетаніе ѣ̄. Сочетанія гласной съ плавной были извѣстны какъ въ видѣ or, er, ol, el, такъ и въ видѣ ĭr, ўr (изъ ŭr), ĭl, ўl (изъ ŭl): плавныя были здѣсь передъ согласными всегда долгими и также съ двоякимъ видомъ долготы, экспираторно-музыкальнымъ и музыкально-экспираторнымъ.

§ 124. Звуки ў (изъ ŭ) и ĭ подверглись сокращенію и редукціи. Они сократились до полукраткости. Полукраткія ў, ĭ сохранили свой звукъ только въ положеніи передъ слѣдующимъ i̯, а ĭ кромѣ того въ началѣ слога (первоначально послѣ i̯). Во всякомъ иномъ положеніи они, подвергшись редукціи, перешли въ звуки ъ, ь. Вмѣсто полукраткихъ ў, ĭ, ъ, ь явились краткія ў, ĭ, ъ, ь, когда въ слѣдующемъ слогѣ находилась полукраткая гласная или когда эти звуки въ начальномъ слогѣ слова получали на себя удареніе. При извѣстныхъ условіяхъ ь измѣнялось въ лабіализованный звукъ ѣ.

§ 125. Редукція ў и ĭ имѣла послѣдствіемъ переходъ предшествующихъ звукамъ ъ, ь сонорныхъ согласныхъ въ слоговыя, а это вело къ переходу ъ, ь въ неслоговые звуки: сочетанія rŭ, rĭ, lŭ, lĭ; nŭ и т. д. перешли въ r̯ъ, r̯ь, l̯ъ, l̯ь; n̯ъ и т. д. Появленіе полукраткихъ звуковъ вызвало удлиненіе краткихъ гласныхъ въ предшествующемъ слогѣ: при этомъ ŏ и ĕ перешли въ полудолгія закрытыя o̯ и e̯.

§ 126. Сокращеніе и редукція ў и ĭ повели за собой потерю ими ударенія, которое переносилось на предшествующій долгій, полудолгій (согласно съ § 125) или краткій (согласно съ § 124) слогъ; съ начальнаго слога удареніе переносилось на слѣдующій слогъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно подъ вліяніемъ аналогіи удерживалось на начальномъ слогѣ, при чемъ і въ началѣ слова, а также ъ и ь становились (согласно съ § 124) краткими. На і, у, ъ, ь краткихъ, въ силу слѣдовавшаго за ними слога съ полукраткой гласной, удареніе удерживалось.

§ 127. Такимъ образомъ общеслав. праязыкъ имѣлъ: *краткія* гласныя: о, е, ӧ, у, і, ъ, ь, ӗ; *полукраткія* ў, ĭ, ъ̆, ь̆; *долгія* ā, ū, ȳ, ī, ü; *полудолгія* ŏ̄, ĕ̄; *дифтонги* еä (ѣ), іе (ѣ̂); *долгія носовыя* ǭ, ę̄, ѣ̨; *дифтонгическія сочетанія* съ краткими слоговыми плавными или носовыми и неслоговыми ъ, ь: ṛъ̯, ṛь̯, ḷъ̯, ḷь̯, ṇъ̯, ṇь̯, ṃъ̯, ṃь̯; *дифтонгическія сочетанія* съ полукраткими ъ, ь и долгими плавными: ь̆r̄, ъ̆r̄, ь̆l̄, ъ̆l̄, ь̆l̄; *дифтонгическія сочетанія* съ краткими о, е и долгими плавными: er̄, or̄, el̄, ol̄, öl̄.

Примѣчаніе. Согласно сдѣланному въ § 126 указанію, въ началѣ слова сохранились только тѣ сочетанія or̄, ol̄, которыя имѣли музыкальную долготу, ибо or̄, ol̄ съ долготой экспираторной подверглись перестановкѣ въ rā, lā.

Древнѣйшія измѣненія въ количествѣ и удареніи.

§ 128. Экспираторно-музыкальная долгота, какъ указано Ф. Ѳ. Фортунатовымъ и A. Meillet (Р. Ф. В. за 1902 г.), перетянула на себя удареніе съ слѣдующаго сосѣдняго слога, краткаго или музыкально-долгаго, и получала при этомъ нисходящее удареніе, что указываетъ на переходъ ея въ музыкально-экспираторную долготу. Такъ род. ед. synû, ср. литовск. sunaũs, перешло въ sȳnu, *synȍvѣ дат. ед. въ *sȳnovi; golvǫ̂ вин. ед. въ gôlvǫ; въ литовскомъ gálvą переносъ ударенія произошелъ вслѣдствіе вообще потери окончаніемъ вин. -ą своего ударенія. Точно также rodiłȍ, *xodilѣ̂, *kopalѣ̂ (въ причастіяхъ на -łъ) перешли въ rodîło, xodîlѣ (отсюда позже xodili), kopâlѣ (отсюда позже kopali).

§ 129. Въ извѣстную эпоху жизни общеслав. праязыка произошло сокращеніе экспираторно-музыкальной долготы до полудолготы. Оставляя въ сторонѣ конечные слоги, ибо здѣсь имѣли мѣсто особыя явленія, которыя разсмотримъ ниже, остановлюсь сначала на ударяемыхъ слогахъ (въ неударяемомъ положеніи экспираторно-музыкальная долгота не въ концѣ слова встрѣчалась рѣдко, такъ какъ согласно § 128 она перетягивала на себя удареніе съ слѣдующаго сосѣдняго слога, а согласно § 122 она еще въ старшую эпоху перетянула на себя удареніе съ предшествующаго слога). Восходящее удареніе осталось безъ измѣненія; опредѣляемъ его какъ полудолгое восходящее экспираторное удареніе: sl̲á̲va, rýba, koŕ̲va, brá̲ta перешли въ sláva, rýba, koŕva, bráta. Въ слогахъ предударныхъ экспираторно-музыкальная долгота переходила также въ полудолготу: lѣ̆tá, beř̄mená.

Примѣчаніе 1. Что общеслав. праязыкъ въ подобныхъ случаяхъ, въ соотвѣтствіи съ нѣкогда экспираторно-музыкальною долготой, имѣлъ не долготу, видно, напр., изъ сербско-хорватскаго, гдѣ находимъ крат-

кость и при томъ подъ (рѣзкимъ) экспираторнымъ удареніемъ: slȃva, rîba, krȃva, brȃta. Также въ серединѣ слова: koryto, łopáta, kolẽno перешли здѣсь въ kopȉto, lopȁta, kolẽno (отсюда въ шток. kòpito, lòpata, kòl̨eno). Экспираторный характеръ свидѣтельствуется также словенскимъ и чешскимъ, которые въ предпослѣднемъ ударяемомъ слогѣ имѣютъ здѣсь новую долготу, вызванную удареніемъ: словенск. kráva, ríba, bráta, sláva, lopáta, koléno, kopíto; чешск. sláva, kráva, rýba. Діалектически такую же долготу находимъ въ сербскомъ, и при томъ преимущественно—долгое a. Ср. полудолготу a въ словахъ brata, bratova, krava, rame въ Босн. Посавинѣ и большей части чакавскихъ говоровъ (Rešetar, Die Serbokr. Betonung südwestl. Mundarten, c. 28; Arch. f. slav. Ph. VII, 195, 196). Но что здѣсь въ общеслав. не было краткости, а была именно полудолгота, видно изъ русскаго языка: полногласіе въ словахъ коро́ва, ворóна, сорóка, колóда, морóз, горóх и т. п. свидѣтельствуетъ о томъ, что r, l въ сочетаніяхъ or, ol въ соотвѣтствующихъ словахъ общеслав. праязыка не было краткимъ (ср. § 236).

Примѣчаніе 2. Экспираторно-музыкальная долгота не теряла своей музыкальности только въ одномъ положеніи: въ односложныхъ словахъ. Заключаю объ этомъ изъ личныхъ мѣстоименій ja, ty, my, vy, которыя въ сербскомъ шток. звучатъ jȃ, tî, mî, vî, что̀, въ виду já, tí, mí, ví у Берлича, а также удареній à mī, à tī, pà vī у Мажуранича (Sl. hèrv. 22), ведетъ къ праштокавскимъ jã̄, mỹ, tỹ, vỹ (знакъ ˜ — знакъ долгаго восх. ударенія). Чешское já восходитъ также къ jã̄. Чакавск. jȃ, словенск. jȁz, jȅz, чешск. my, ty, vy получили краткія гласныя въ неудар. положеніи. Неясными остаются чакавскія mî, tî, vî (Беличъ), словенскія mî, tî, vî (повидимому, здѣсь новое удареніе на формахъ mī, tī, vī, возникавшихъ въ неударяемомъ положеніи).

§ 130. Въ извѣстную эпоху жизни общеслав. праязыка сталъ дѣйствовать законъ, по которому въ слогахъ закрытыхъ не стала терпима музыкальная высота, удерживавшаяся, слѣдовательно, только въ концѣ слога: это повело къ переходу музыкальной краткости въ экспираторную краткость и музыкальной долготы въ экспираторную долготу. Оставляя въ сторонѣ конечные слоги, о которыхъ ниже, отмѣчу, что въ серединѣ слова закрытый слогъ имѣлъ мѣсто, во-первыхъ, когда за гласною слѣдовало интервокальное i̯, примыкавшее, очевидно, къ предшествующей гласной, во-вторыхъ, когда за гласною слѣдовала группа изъ согласной + i̯, изъ которыхъ согласная примыкала къ предидущей гласной, а i̯ (превращавшееся въ j) къ послѣдующей. И въ томъ и другомъ случаѣ

происходило музыкальное пониженіе соотвѣтствующихъ гласныхъ предыдущаго слога. Такъ вмѣсто krâi̯-a, râi̯-a, pľûi̯-emъ, dȍbrāi̯a явились въ общеслав. krái̯-a, rái̯-a, pľúi̯-emъ, dȍbrai̯-a (´ обозначаетъ восходящее полудолгое экспираторное удареніе). Вмѣсто trȍi̯-e, prostȍi̯-e, stȍi̯-ę прич. явились tròi̯-e, prostòi̯-e, stòi̯-ę съ удареніемъ экспираторнымъ вмѣсто музыкальнаго (знакомъ ` обозначимъ восходящее краткое экспираторное удареніе).

Примѣчаніе 1. Общеславянскія krái̯a, rái̯a доказываются какъ сербскими krȁja, rȁja, такъ и словенскими krája, rája; между тѣмъ общеславянскимъ krâi̯a, râi̯a соотвѣтствовали бы въ сербскомъ krâja, râja, а въ словенскомъ krajâ, rajâ. Что коренное а въ krai̯a, rai̯a имѣло нѣкогда музыкальную долготу (требовавшую на себѣ согласно § 121 нисходящаго ударенія), видно изъ ударенія мѣстн. ед.: русск. на краю́, въ раю́, штокавск. kràju, ràju: чередованіе *krâi̯a-krājú вызвано закономъ, изложеннымъ въ § 122. Правда, общеслав. krajú, rajú могли бы представлять и старое мѣсто ударенія, если бы допустить исконную экспираторность долготы ихъ коренныхъ слоговъ, но и въ этомъ случаѣ, въ силу указаннаго въ § 128 закона, удареніе въ род., дат. и другихъ падежахъ было бы нисходящимъ: krâi̯a, krâi̯u (какъ sŷnu).

Примѣчаніе 2. Звуки ȳ, ī сокращаясь, въ силу указанной причины, не сохранили полудолготы, а переходили въ краткія, а затѣмъ и въ полукраткія ў, ĭ. Полукраткость ихъ доказывается утратой ими ударенія, напр., въ случаяхъ, какъ prìšĭi̯ešĭ, ùmўi̯e (сербск. при̏шијēш, ў̏мијē), гдѣ удареніе переносилось на предшествующій слогъ, или mўjǫ́, šĭjá (великор. діалект. мью́), гдѣ удареніе перенесено на слѣдующій слогъ. Краткими у, і удерживались въ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткою гласной, а также въ начальномъ слогѣ, гдѣ подъ вліяніемъ аналогіи они могли получать на себя удареніе: 2 л. пов. mỳĭ, 1 л. наст. mỳi̯ǫ, им. ед. šìi̯a.

§ 131. Какъ указано было въ § 88, есть основаніе думать, что при сочетаніи двухъ гласныхъ долгота гласной не удерживалась: dumaašö звучало съ двумя краткими а, не смотря на то, что сочетаніе аа восходитъ къ āi̯ē.

Примѣчаніе. Сократившіяся этимъ путемъ ī и ū и здѣсь подлежали дальнѣйшему сокращенію до полукраткости, если, впрочемъ, на нихъ не падало перенесенное по аналогіи удареніе. Ср. daĭ вм. dai̯ī, taĭna вм. tai̯īna, zaŭtra вм. zaūtra. Ср. §§ 89, 90.

§ 132. Утрату музыкальной высоты передъ группой согласная + i̯ (отсюда j, ассимилировавшееся предшествующей смягчившейся согласной) находимъ, напримѣръ, въ такихъ словахъ, какъ voľa, suš́a, которыя въ формѣ вин. падежа звучали нѣкогда vȍl-i̯ǫ, sûx-i̯ǫ. Отсюда vòl-i̯ǫ, súx-i̯ǫ и далѣе vòľǫ, súš́ǫ. Ср. въ словенскомъ языкѣ vǫ́ļo, súšo (послѣднее при sûh, suhô изъ sûho, сербск. сȳхо); на экспираторное удареніе въ словѣ vòľǫ указываетъ и чешск. vůľi. Такъ же явились kòž́ǫ (ср. слов. kǫ́žo, чешск. kůži), vòńǫ (ср. слов. vǫ́ńo, чешск. vůni); doŕž́ö, súš́ö (ср. сербск. дра̏же, сȳше, русск. дорòже) при doȓgo, sûxo (ср. сербск. дра̂го, сȳхо, русск. дóрого); вин. goŕǯ́ǯ́ǫ (русск. горòжу, словенск. grájo) изъ goȓd-i̯ǫ, ž́ę́ǯ́ǫ (словенск. žę́jo) изъ ž́ę̂d-i̯ǫ. Итакъ здѣсь, какъ и въ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ въ § 130, на мѣстѣ ̏ являлось ̀, на мѣстѣ ̑ являлось ́.

§ 133. Въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе экспираторное полудолгое переносилось съ падежнаго окончанія на предыдущій слогъ подъ вліяніемъ той или иной грамматической аналогіи. Это удареніе являлось въ видѣ экспираторнаго ударенія (краткаго или долгаго) на предшествующемъ слогѣ; въ видѣ компенсаціи полудолгая экспираторная гласная, потерявши удареніе, переходила въ *сверхдолгую* музыкальную (обозначаю ее изъ типографскихъ соображеній двумя буквами). Въ примѣчаніи къ этому § объяснены причины переноса ударенія въ отдѣльныхъ случаяхъ, каковы слѣдующіе: им. мн. seł́á, voȓtá, gnȇzdá перешли, утративъ удареніе конечнаго слога, въ sèłaa, voŕtaa, gnȇ́zdaa; р.-мѣстн. дв. rǭkú, nogú измѣнялись въ rǫ́kuu, nògu u; тв. мн., zǭbý, rodý измѣнялись въ zǫ́byy, ròdyy. Точно также слова женск. рода, имѣвшія смягченную согласную передъ ă, переносили въ им. ед. удареніе на предидущій слогъ: storž́á, vòľá измѣнились въ stoŕž́aa, vòľaa. Прич. ж. рода, какъ nosiłá, kopałá, rodiłá переходили въ nosíłaa, kopáłaa, rodíłaa.

Примѣчаніе. Указаніе на сверхдолгую гласную въ концѣ приведенныхъ формъ извлекаемъ изъ совр. слав. языковъ, которые (частью діалектически) не сократили этой гласной, между тѣмъ какъ долгота въ концѣ слова вообще сокращалась и при томъ, какъ увидимъ, еще въ общеслав. праязыкѣ.—Окончаніе им.-вин. ср. рода а имѣло долготу экспираторно-музыкальную; это было причиной перенесенія на него ударенія съ сосѣднихъ краткихъ и музыкально-долгихъ слоговъ: seł́á, gnȇzdá, ustá, vesłá (а въ им. ед. удареніе нѣкогда было предположительно: sȅło, vȅsło, gnȇzdo). Но подъ вліяніемъ окончанія им. мн. ж. р. ā (впослѣдствіи вытѣсненнаго окончаніемъ вин. мн. ȳ), которое имѣло долготу музыкальную, а потому на себя ударенія не перетягивало, окончаніе им.-вин. мн. ср. р. ā стало переносить свое удареніе на

предшествующій слогъ; ср. обратное перенесеніе ударенія на конечный слогъ въ им.-вин. ед. ср. рода подъ вліяніемъ словъ женскаго рода: общеслав. vodá—vȍdā повело къ переходу sȅło—seł́á въ seł̀o—sèł́aa Такъ явились vesł̀o—vèsł́aa, gnȅzdò—gnȅ́zdaa, però—pèraa, čī́sł̀o—čī́sł́aa; такъ же ústaa, voŕtaa вмѣсто ūstá, vor̄tá (ср. русск. ворòта и воротà, сербск. чакавск. vrātà при vráta). На сверхдолготу ā въ общеслав. указываетъ долгота его въ сербскихъ діалектахъ, напр. въ славонскомъ нарѣчіи, судя по грамматикѣ Берлича: njȅdrā (njêdrà 263), kȍlā (kolà 321), stâdā (stàdà 39), sȑdcā (sêrdcà 39); въ совр. Посавинѣ по сообщенію Ivšić'а слышится dlītă, krīlă, plãtnă, vīnă, sȅlā, rȅbrā (Rad, т. 187). Такое же указаніе извлекается изъ словенскаго: lêta (при léto), zȓna (при zŕno), sêdla (при sédlo), sêla (при sélo), bȓda (при bŕdo), kolệna (при kolẹ́no), govę̂da (при govę́do) и т. д. доказываютъ, что въ концѣ этихъ формъ была долгая гласная, ибо ´ переходитъ въ словенскомъ языкѣ въ ˆ передъ слогомъ съ долгой гласной (ср. krâvo, lîpo, dolìno тв. ед. при kráva, lípa, dolína; krâvar, kopîtar при kráva, kopíto; vîdim, sệdem при шток. вȉдӣм, сјȅдēм). Форму р.-м. дв. nòguu предполагаетъ сербск. nȍgū, при переносѣ kòd nogū, что указываетъ на происхожденіе ˝ изъ ˋ; форму rǫ́kuu находимъ въ сербск. діалект. rûku (рȣ̂кȣ у Крижанича), гдѣ ˆ замѣнило, какъ увидимъ, восходящее удареніе; nògȕ, rǫ́kȕ вмѣсто nogú, rǫkú подъ вліяніемъ ударенія род. мн.—Формы тв. мн. ròdyy, zǫ́byy явились подъ вліяніемъ удареній: rȍdi, zǫ̂bi, rȍdomъ, zǫ̂bomъ и т. д. — Переносъ ударенія въ имен., какъ vòľaa, kòžaa, stoŕžaa, súšaa, вызванъ вліяніемъ формы вин. п. ед., а также и другихъ падежей съ музыкально-долгими окончаніями (о происхожденіи въ нихъ ударенія vòľǫ, súšǫ вмѣсто vȍľǫ, sûšǫ см. въ § 131); voľá, sūšá им. ед. не могли ассоціироваться съ vòľǫ, súšǫ вин. ед., ибо въ первомъ случаѣ — неударяемые музыкально высокіе слоги, а во второмъ ударяемые экспираторные слоги; поэтому стали неизбѣжны новообразованія. Ср. появленіе при dūšà—dûšǫ въ вин. падежѣ (вопреки § 131). На сверхдолгое ā въ им. ед. подобныхъ словъ указываетъ польскій языкъ, гдѣ долго сохранялось ā въ им. словъ на -ja, ср. старопольск. wolá, dolá (а подъ вліяніемъ им. ед. явились особыя окончанія и въ косв. падежахъ: вин. wolą вм. wolę, род. wolej, rolej, żǫ́dzej, puszczej, и т. д.). Въ словинцскомъ находимъ также окончаніе å изъ ā: vuǫlå, mjìẹzå. Обычное объясненіе польскаго á въ случаяхъ, какъ wolá, изъ словъ какъ braćá (а это изъ bratĭi̯a) не удовлетворяетъ; braćá перешло бы въ braća, если бы въ языкѣ не существовало уже окончанія им. ед. на á. — Въ причастіяхъ отъ глаголовъ на

-iti и -ati въ муж. и ср. р. было удареніе -îĭъ, -îĭo, -îli, -âĭъ, -âĭo, -âli (изъ -iĭõ, -aĭõ, какъ указано въ § 128); между тѣмъ въ ж. р. -iĭá, -aĭá; ср. въ русск. остатки такого чередованія въ роди́л, роди́ло, при родила́, въ сербск. чакавск. rõdīl, rõdīlo (что замѣнило фонетически, какъ увидимъ, rodīl, rodīlo) при rodīlâ; zvõnīl, zvõnīlo при zvonīlâ (Беличъ); въ словенскомъ rodîĭ, rodîĭo, lovîĭ, lovîlo, orâĭ, orâlo, kovâĭ, kovâlo (изъ rõdiĭ, lõvilo, kõvaĭ по словенскому закону о перенесеніи стараго нисх. ударенія), между тѣмъ въ ж. р.: rodíla, lovíla, orála, kovála (что́ восходитъ къ rodilâ, lovilâ, oralâ, kovalâ). Но вообще, какъ видно изъ того же словенскаго языка, изъ сербскаго и изъ русскаго, формы ж. р. причастій на -ĭъ еще въ общеслав. могли получать то же удареніе, что формы м. и ср. рода; слѣдовательно, въ общеслав. происходило передвиженіе ударенія, сопровождавшееся и появленіемъ сверхдолгаго окончанія: ср. русск. ходи́ла, хвали́ла, чеса́ла, шток. нòсила, вòдила, кòпала, чакавск. kopâla, igrâla, solīla, kropīla. Общеслав. xodíĭaa, pisáĭaa, ľubíĭaa, drѣmáĭaa доказываются словенскими hodîla, pisâla, ļubîla, drémâla: ˆвм. ´ свидѣтельствуетъ о долгомъ окончаніи.

§ 134. Въ связи съ указаннымъ въ § 132 переносомъ ударенія съ конечнаго слога на предыдущій, гдѣ такимъ образомъ оказывались экспираторныя восходящія ударенія на нѣкогда высокихъ, теперь низкихъ слогахъ стоитъ замѣна экспираторнаго ударенія на краткомъ слогѣ экспираторно-музыкальнымъ на полудолгомъ (т. е. ударенія на ´) и также замѣна экспираторно-музыкальнаго ударенія на полудолгомъ слогѣ новымъ типомъ ударенія: восходящимъ на *сверхдолгой* гласной. Это удареніе обозначимъ знакомъ ˝. Указанная замѣна стоитъ въ связи съ сокращеніемъ сверхдолготы въ слѣдующемъ слогѣ, вызваннымъ вліяніемъ аналогіи. Такъ явились къ общеслав. séĭa, vésĭa, kóžа, vóĭa, nóša. Отсюда въ чешскомъ: vůle, kůže, vůně, nůše, въ словенскомъ: vǫ́ļa, kǫ́ža, nǫ́ša, vǫ́ńa; также діалектически въ великорусскомъ (ср. § 142 пр.): вы́оля, кы́ожа, ны́ошa. Такъ же явились въ общеслав. sũ̋ša, voĩ̋ta, goĩ̋žа, stoĩ̋žа. Указаніе на то, что подъ удареніемъ сверхдолгота, дано въ § 135. Что въ общеслав. праязыкѣ различались два некраткихъ восходящихъ ударенія, а именно удареніе ´ на полудолгой и удареніе ˜ на сверхдолгой гласной, видно изъ того, что на мѣстѣ ихъ въ совр. сербскомъ являются два разныхъ ударенія; въ соотвѣтствіи съ удареніемъ ´ на полудолгой гласной находимъ ˝ на краткой (ср. выше, § 129 прим.), а въ соотвѣтствіи съ удареніемъ ˜ въ чакавскомъ и праштокавскомъ находимъ восходящее удареніе на долгой гласной, которое въ штокавскомъ должно было перейти въ нисходящее. Ср. чакавск. grája (шток. грâђа), súša (шток.

сȳша), stráža (шток. стрâжа), žéja и žája (шток. жѣ̂ђа), vráta, ústa, čréva; въ Славоніи, согласно грамматикѣ Берлича: žédja, stráža, grádja, ústà, vrátà, crjévà.

Примѣчаніе 1. Что касается словенскихъ grája, dáča (шток. дâћа), stráža (шток. стрâжа), jéža (шток. jâжа), súša, žéja, tẹ́ža (шток. тѣ̂жа), vráta, ústa, то въ нихъ удареніе можетъ восходить не только къ общеслав. ˜, но и къ ´; ср. словенск. gǫ́šča въ соотвѣтствіи съ шток. гȳшта, вм. котораго можно бы ожидать и гȳшта. — Равнымъ образомъ русскія сторо̀жа, горо̀жа, воро̀та могутъ восходить какъ къ общеслав. -oŕ-, такъ и къ -oȓ-. Но въ виду показаній сербскохорватскаго языка, вѣроятно и словенское ´ въ приведенныхъ словахъ и русское оро̀ въ сторо̀жа, горо̀жа возвести къ общеславянскимъ ˜ и oȓ.

Примѣчаніе 2. Въ § 144 увидимъ, что vò‘a перешло бы и безъ всякаго вліянія аналогіи въ vó‘a; но и появленіе vò‘a изъ vò‘aa вызвало бы, какъ только что указано, vó‘a. Рядомъ съ vó‘a сохранялось въ общеслав. и vò‘aa, откуда vó‘aa (ср. польск. яз., § 133 прим.).

§ 135. Если сверхдолгая гласная должна была получить подъ вліяніемъ аналогіи удареніе, то оно являлось на ней въ видѣ ˜, откуда мы и заключаемъ, что долгая гласная подъ этимъ удареніемъ была сверхдолгая. Такъ находимъ удареніе ˜ на общеслав. сверхдолгомъ окончаніи им.-вин. мн. ср. р. aa; а именно тамъ, гдѣ удареніе сохранялось на окончаніи a, оно согласно общему закону о конечныхъ слогахъ, должно было сократиться; но вліяніе аналогіи могло перенести сверхдолготу, получавшуюся въ порядкѣ, указанномъ въ § 133, на мѣсто краткаго ударяемаго a; и эта сверхдолгая гласная получала удареніе ˜: imenà подъ вліяніемъ sèl‘aa переходило въ imenã. Такъ явились формы žitá, blatá, sljemená, vrjemená у Берлича; imená, brimená, slimená, nebesá въ чакавскомъ.

Позднѣйшія явленія.

§ 136. Совершенно измѣнились старыя количественныя и акцентныя отношенія, когда произошла утрата музыкальной высоты конечными слогами. Мы видѣли подобную утрату и въ слогахъ не конечныхъ, гдѣ, во-первыхъ, исконно экспираторно-музыкальная долгота перешла въ экспираторную, а, во-вторыхъ, краткія и музыкально-долгія гласныя, теряя неизвѣстныхъ условіяхъ высоту, получали экспираторную интонацію. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ у насъ нѣтъ основанія принимать сокращенія долготы количественнаго, и рядомъ съ экспираторною краткостью мы допускали экспираторную полудолготу. Музыкальное паденіе конечныхъ слоговъ сопровождалось и ихъ сокращеніемъ. Согласно предыдущему въ концѣ слова были извѣстны: краткіе музыкаль-

ные слоги, полудолгіе экспираторные слоги, долгіе музыкальные слоги и сверхдолгіе музыкальные слоги. Подъ удареніемъ краткіе и долгіе музыкальные слоги имѣли нисходящую интонацію, полудолгіе экспираторные и сверхдолгіе музыкальные — восходящую интонацію: perȍ, perâ, vodá, nebesã. Законъ о потерѣ высоты и сокращеніи конечныхъ слоговъ не коснулся только сверхдолгихъ гласныхъ; на мѣстѣ краткихъ и долгихъ музыкальныхъ слоговъ, равно и на мѣстѣ полудолгихъ экспираторныхъ явились краткіе экспираторные слоги. Въ отношеніи къ ударенію всѣ краткіе слоги стали представлять одинъ типъ—восходящій: però, perà, vodà. На сверхдолгихъ слогахъ сохранился типъ ˘: nebesã.

§ 137. Въ связи съ указаннымъ сокращеніемъ музыкально-долгихъ слоговъ стоитъ отмѣченный выше, въ § 106, переходъ дифтонга іе (изъ ḗ и oi̯) въ концѣ слова въ і: vьlći, mati, dъčči, nesi; такое измѣненіе іе въ і, неизвѣстное въ серединѣ слова, поражаетъ только музыкально-долгое іе (ȇ). Подобно тому какъ въ случаяхъ, указанныхъ въ §§ 130 пр. и 131 пр., і въ своемъ сокращеніи шло дальше, чѣмъ другія долгія гласныя, оно, сократившись въ концѣ слова въ силу закона, приведеннаго въ § 136, точно также сокращалось до полукраткости, но только тамъ, гдѣ на него не падало ударенія (см. § 38). Такимъ образомъ на мѣстѣ ī, какъ исконнаго, такъ и восходящаго къ дифтонгу іе, видимъ въ слогахъ неударяемыхъ ĭ: neseśĭ, xoditĭ, matĭ, sędĭ. Оба отмѣченныя здѣсь явленія свидѣтельствуютъ именно о сокращеніи конечныхъ гласныхъ.

Примѣчаніе 1. Признаніе краткими всѣхъ конечныхъ гласныхъ общеслав. праязыка основывается прежде всего на показаніи тѣхъ слав. языковъ, которые довольно точно въ общемъ сохранили старыя количественныя отношенія. Сербско-хорватскій и чешско-словацкій языки на мѣстѣ исконно долгихъ гласныхъ экспираторныхъ и музыкальныхъ имѣютъ всегда только краткія гласныя, между тѣмъ въ предпослѣднемъ слогѣ слова сербско-хорв. языкъ сохраняетъ музыкальную долготу, а чешско-словацкій замѣняетъ здѣсь долготой экспираторную полудолготу. Такъ находимъ сербск. nogă, чешск. nohă (изъ исконнаго noga̱), сербск. и чешск. дат. ед. bobŭ (изъ общеслав. bobū), сербск. и чешск. vodŭ вин. ед. (изъ общеслав. vodǭ); сербск. rakă, чешск. rakă, р. ед. (изъ общеслав. ra̱kā); сербск. и чешск. nesi 2 л. пов. (изъ общеслав. nesi, которое изъ nesȉ); сербск. ženě, чешск. ženy̆ им. мн. (изъ общеслав. ženȳ); сербск. vodĭ, чешск. vodě мѣстн. ед. (изъ общеслав. vodȉ̱). Словенская долгота подъ перенесеннымъ съ предшествующаго слога нисх. удареніемъ (bogâ, bogû, vodô) новаго происхожденія, ср. долготу и на мѣстѣ крат-

кости (напр. въ nebô, suhô). — Долгота конечныхъ гласныхъ, наблюдаемая въ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаніяхъ въ совр. слав. языкахъ, восходитъ частью къ общеслав. сверхдолготѣ. Ср. отмѣченныя въ § 133: ā въ им.-вин. мн., û въ р.-мѣст. дв., ā въ им. ж. р. и др. Укажу еще на ū въ мѣстн. ед., нѣкогда долгомъ въ словенскомъ (какъ видно изъ случаевъ: pri kmêtu, orȇhu, brâtu, klînu, hlȇbu, na obrâzu, trebûhu, sosȇdu, kožûhu и др.); также -mū въ діалект. сербск. tȏmū, tȇmū. Частью же такая долгота новаго происхожденія: въ 3 ед. korá въ чешск., kȏpā въ сербск., также въ чешск. dobrá, сербск. добрā долгое а обязано своимъ происхожденіемъ стяженію. Въ 3 л. ед. nosī, hvālī долгота, восходящая къ общеслав. праязыку, можетъ быть обязана или формамъ nosīš, nosīte, hvālīm, или же такимъ формамъ, какъ 3 ед. lomī, letī, гдѣ ī замѣнено черезъ ii подъ вліяніемъ lomītè, letītè. Долгота въ окончаніяхъ 3 л. мн. ū и ē (изъ ǭ и ę̄), быть можетъ, еще въ общеслав. праязыкѣ въ формахъ какъ nesǭ, letę̄ заимствовалось изъ nesǭtъ, letę̄tъ.—У насъ нѣтъ основаній думать, чтобы рядомъ съ selò въ общеслав. являлось selá (съ долгой или полудолгой гласной въ окончаніи): и въ чешскомъ и въ сербскомъ одинаково находимъ sela съ краткимъ а (нѣкогда долгимъ) при selo. Равнымъ образомъ, какъ мы видѣли, нѣтъ основанія допускать сохраненія ā въ общеслав. vodá: совр. слав. языки имѣютъ здѣсь voda съ такимъ же краткимъ звукомъ въ концѣ, какъ sela, selo.

Примѣчаніе 2. Въ пользу того, что старыя ударенія ˆ и ˝, свойственныя высокимъ слогамъ (съ музыкальною долготой и краткостью), замѣнились экспираторными удареніями въ концѣ слова, можно привести слѣдующее соображеніе: въ общеслав. праязыкѣ, въ извѣстную эпоху его жизни, нисходящія ударенія ˆ и ˝ не удерживались, когда имъ предшествовалъ другой слогъ, и переносились на этотъ другой слогъ; между тѣмъ наконечное удареніе и краткихъ и музыкально-долгихъ гласныхъ сохранялось, какъ видно изъ русскихъ селò, неслò, женȕ, несѝ, попà, чакавскихъ selò и т. д. Въ общеслав. selȏ, porȃ въ извѣстный моментъ перешли бы въ sèlo, pòra, если бы еще раньше не измѣнили своихъ удареній на ˋ: selȍ, porȁ. Если бы такой моментъ не наступилъ въ общеслав. праязыкѣ, онъ долженъ былъ бы наступить въ сербскомъ, гдѣ до сихъ поръ удерживаются ˝ и ˆ не иначе, какъ на начальномъ слогѣ; между тѣмъ мы находимъ здѣсь porà, selò чакавск. (и отсюда уже позже въ прашток.: porȃ, selȏ и далѣе pòra, sèlo).

Примѣчаніе 3. Допуская сокращеніе долготъ въ концѣ слова, мы должны думать, что также сократился дифтонгъ іе (ѣ); вѣроятно допустить, что ѣ въ концѣ слова (согласно §§ 106, 137, изъ ѣ съ старой экспир. долготой) произносилось какъ је, между тѣмъ какъ въ серединѣ слова оно произносилось іе, еа: роpје, но pieli, sieno. — Ср. § 194.

§ 138. Разсмотрю тѣ послѣдствія, какія имѣло музыкальное паденіе и сокращеніе конечныхъ слоговъ. Въ главныхъ чертахъ они сводятся къ соотвѣтственному повышенію предшествующихъ, предпослѣднихъ въ словѣ, слоговъ. Это повышеніе вызывало пониженіе слога третьяго отъ конца. Но при этомъ скрещивалось нѣсколько различныхъ явленій, приведшихъ къ передвиженіямъ удареній и къ замѣнѣ старыхъ типовъ новыми. Разсмотрю сначала слоги предударныя неударяемыя, перейду затѣмъ къ заударнымъ слогамъ; далѣе къ ударяемымъ начальнымъ и серединнымъ слогамъ, наконецъ, къ слогамъ, предшествующимъ ударенію въ серединѣ слова.

§ 139. *Слоги предударные при ударѣніи на концѣ слова.* Экспираторное пониженіе конечныхъ ударяемыхъ слоговъ, повлекшее за собой замѣну всѣхъ старыхъ типовъ ударенія (кромѣ ˜) новымъ типомъ ˋ, повело къ музыкальному повышенію предпослѣдняго слога. Ясныхъ указаній на такое повышеніе не видимъ, но заключаемъ о немъ изъ музыкальнаго паденія третьяго отъ конца слога, а также изъ того, что въ предударномъ предконечномъ слогѣ сохраняется долгота и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкѣ: чакавск. vīnò, kl̨ūčà, hvālà, strānà, pīlà, dūšà, чешск. víno, klíče, chvála, strána, píla, douše; также словенск. языкъ представляетъ здѣсь долгую гласную съ перенесеннымъ на нее ударѣніемъ.

Примѣчаніе. Чешское ruka имѣетъ краткое u, заимствуя его изъ вин. пад. (ruku).

§ 140. Въ третьемъ отъ конца слогѣ при ударѣніи на концѣ слова долгота не сохранялась въ общеслав. праязыкѣ: это видно изъ сербскаго (который въ чакавскомъ нарѣчіи и въ праштокавскомъ періодѣ не знаетъ долготы въ указанномъ положеніи), а также изъ чешскаго языка. Заключаемъ отсюда о музыкальномъ пониженіи третьяго отъ конца слога и ставимъ его въ связь съ повышеніемъ предконечнаго слога. Едва ли однако долгота (музыкальная и полудолгота экспираторная, ср. § 129) сократилась при этомъ до краткости; вѣроятнѣе допустить сокращеніе ея до полудолготы (слѣдовательно, сохраненіе полудолготы экспираторной). Такъ общеслав. dobrotà имѣло высокій слогъ bro и низкій do; такъ krāsotá перешло въ krăsotà съ высокимъ слогомъ so и низкимъ kra. Ср. краткость гласной перваго слога въ словахъ krasotà, sramotà, rukāvà, trubītè, tresetè въ сербскомъ и чеш-

скомъ. — Равнымъ образомъ понижался музыкально и четвертый отъ конца слогъ.

Примѣчаніе. Не могу допустить полнаго сокращенія въ этихъ случаяхъ (т. е. общеслав. krăsotà, sŏrmotà) между прочимъ въ виду того, что русское полногласіе развивалось въ подобномъ положеніи: соромота, беременà.

§ 141. *Въ заударномъ предконечномъ слогѣ* происходило музыкальное повышеніе подъ вліяніемъ пониженія конечнаго слога; предшествующій предконечному неударяемый слогъ неизбѣжно долженъ былъ понизиться, т. е. между прочимъ сократить свою музыкальную долготу до полудолготы. Въ общеслав. ołovo слогъ ło былъ высокій, а слогъ vo низкій. Ср. сохраненіе долготы въ общеслав. gołǭbi, mѣsę̄ća, pećīvo: сербск. го̏лӯба, мје̏сēца, пе̏чӣво. О слогѣ, слѣдующемъ за ударяемымъ экспир. слогомъ, см. § 146.

§ 142. *Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова* ударенія ̏ и ̑ (нисходящія на краткомъ и долгомъ слогѣ) остались безъ измѣненія. Общеслав. bȍga, słȍvo, rȍdu, vȍdǫ, prȍso, prȍsto, gȍsti, kȍsti, 3 аор. nȅse, vȅde и т. д.; drûga, tȇsto, sȇno, dâli, sŷnu, dâra, 3 аор. trę̂se, xvâli и т. д.

Примѣчаніе. Со всею очевидностью сохраненіе нисходящаго ударенія въ начальномъ слогѣ доказывается сербскохорватскимъ языкомъ, гдѣ во всѣхъ указанныхъ словахъ оно держится до сихъ поръ. Указаніе на это удареніе извлекается и изъ словенскаго, который послѣдовательно переноситъ нисх. удареніе на слѣдующій слогъ въ видѣ нисходящаго ударенія: bogâ, slovâ, prosô, kostî, drugâ, sẹnô и т. д. Въ русскомъ языкѣ въ словахъ съ полногласіемъ находимъ въ соотвѣтствіи съ oȓ, oȋ, eȓ, eȋ сочетанія òро, òло, èре, èло: такое удареніе этихъ сочетаній (на первомъ слогѣ сочетаній) свидѣтельствуетъ о нисх. удареніи; ср. русскія вòрон, стòрону, гòлову, гòлос, вèред, чèреп, сèреду, жòлоб, гòлод, гòрод, вòлосы.—Впрочемъ, русскій языкъ даетъ еще одно цѣнное указаніе на краткое нисх. удареніе въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ. Во многихъ великорусскихъ говорахъ исконное о ударяемое измѣняется въ дифтонгъ u̯o или въ гласную ô, ů; такое измѣненіе въ начальномъ слогѣ словъ проводится непослѣдовательно; изслѣдованіе относящихся сюда случаевъ показываетъ, что только подъ восх. удареніемъ звукъ о подвергается дифтонгизаціи: пўоп, кўожа, вўоля, нўосиш, и т. д.; между тѣмъ ȍ дифтонгизаціи не подвергается: слово, воду, просо, гости, поле. Примѣры заимствую изъ изслѣдованія О. Брока о Тотемскомъ говорѣ (Сб. Отд. р. яз. и сл., т. 83), изъ записей В. И. Тростянскаго изъ Землянскаго и Задонскаго уѣздовъ Воронежской губер-

ніи (Арх. Г. О.), изъ изслѣдованій Виліо Мансикка надъ говорами Грязовецкаго уѣзда (Р. Ф. В. 1912 г., № 4) и Никольскаго уѣзда (любезное его письменное сообщеніе), изъ отвѣтана программу Ф. М. Тоньшина по Рязанскому уѣзду (Р. Ф. В. 1912, № 3) и изъ моихъ наблюденій надъ однимъ изъ говоровъ Егорьевскаго уѣзда. (Изв. Отд. р. я. и сл. 1913, кн. 4). Тождественныя данныя можно привести еще изъ Вятскихъ говоровъ, Обоянскаго Курской губ., Ефремовскихъ Тульской губ. и нѣкоторыхъ другихъ. — Въ чешскомъ и другихъ западнослав. языкахъ долгота подъ нисх. удареніемъ сокращалась, въ противоположность долготѣ подъ восх. удареніемъ: чешск. hlad, hlas, vlasy, druha, synu и т. д.

§ 143. Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слога удареніе ´ (восходящее на полудолгомъ слогѣ) оставалось безъ измѣненія, несмотря на пониженіе слѣдующаго слога. Общеслав. bráta, koŕva, sł́áva, síł́a, rýba, mѣ́ra.

Примѣчаніе 1. См. указанія, данныя въ § 129 прим. Въ сербскомъ ´ сократилось въ удареніе ̀, отсюда далѣе (въ штокавскомъ) удареніе ̏: brȁta, krȁva, mjȅra и т. д. Въ словенскомъ сохранилось ´: bráta, kráva, méra, ríba и т. д. Въ русскомъ языкѣ сочетанія оро́, оло́, ере́, ело́ свидѣтельствуютъ о восх. характерѣ ударенія общеслав. сочетаній or и т. д. въ словахъ воро́на, коро́ва, горо́х и т. д., ибо при восх. удареніи усиливается именно вторая часть долгаго звука или звукового сочетанія.

Примѣчаніе 2. Такова же судьба ´, восходящаго къ исконному ударенію ˆ въ закрытомъ слогѣ (§ 132): сербск. шток. kȁša (при káša), gȕšta, чакавск. gràja, русск. чàща (при чащà).

§ 144. Въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова удареніе (восходящее на краткомъ слогѣ), замѣнившее ̏ въ закрытомъ слогѣ (§ 132), вслѣдствіе повышенія этого предконечнаго слога, измѣнялось въ ´, что сопровождалось удлиненіемъ краткой гласной до полудолготы. Слова vòľǫ, kòžǫ и т. д. должны были перейти въ vóľǫ, kóžǫ (а отсюда и въ имен. явились vóľa, kóža). См. объ этихъ словахъ, въ формѣ имен. падежа допускающихъ и иное объясненіе, § 134.

Примѣчаніе. Удареніе ˜, т. е. восходящее на сверхдолгой гласной, не было извѣстно въ положеніи нами разсматриваемомъ, ибо сопровождалось въ конечномъ слогѣ сверхдолготой, если только не признать вѣроятнымъ объясненіе, предложенное въ § 134 пр., гдѣ имѣется въ виду возможность произношенія ũsta и т. п.

§ 145. *Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова* ударенія нисходящія ̏ и ̑, несмотря на повышеніе предконечнаго слога, не теряли своего характера, но на мѣстѣ долгой гласной подъ удареніемъ ̑ являлась полудолгая въ результатѣ, очевидно, нѣкотораго пониженія третьяго отъ конца слога. Такъ явились въ общеслав. jȅzero, plȅtīvo, gȍvora, sȍčīvo, vȅčera, tȅterva, jȅseni съ высокимъ предконечнымъ слогомъ и нисх. удареніемъ на первомъ слогѣ. Съ сокращеніемъ коренной гласной до полудолготы: sŷnove, dȉveri, mȏldosti, mȉsę̄ćь и т. п.

Примѣчаніе. Что въ сербскихъ словахъ, какъ jȅзеро, вȅчера, гȍвора и т. п. удареніе исконно нисходящее, видно изъ переноса его на предшествующій предлогъ: чакавск. pȍd večēr, vȁ popel. Равнымъ образомъ нисх. удареніе въ мjȅсēц свидѣтельствуется чакавскимъ nȁ misēc. Краткость въ сѝнове, дjȅвēр, мjȅсēц, млȁдōст свидѣтельствуетъ о полудолготѣ подъ нисх. удареніемъ, ибо долгота подъ этимъ удареніемъ не сокращалась. Цѣнны показанія словенскаго языка въ пользу нисх. ударенія (которое, какъ мы знаемъ, переносилось по общему правилу на слѣд. слогъ): večę̂r, pepę̂ł, jesę̂n, jezę̂ro, tetrę̂v, sočîvo, melîvo, pecîvo, dẹvę̂r, modrôst, mladôst (шток. мȕдрōст, млȁдōст). Словенское mêsec вм. ожидаемаго mesêc получило свое удареніе изъ косв. падежей, какъ mêsca, при и вмѣсто meseca. Важны также показанія русскаго языка: мòлодость, мòлодежь, кòлоколъ указываютъ на ̑ на долгомъ или полудолгомъ слогѣ (сочетаніе òло съ удареніемъ на первой части). Егорьевск. òлово, γòсподи, òкорок, скòвраду, сòколы и др. свидѣтельствуютъ своимъ о, не ў̆о, о нисход. удареніи на начальномъ слогѣ (см. § 142 прим.).

§ 146. Въ начальномъ слогѣ трехсложнаго слова удареніе ′ удержалось; повидимому, въ этомъ случаѣ пониженіе конечнаго слога не вызвало соотвѣтственнаго повышенія предконечнаго слога; его пониженіе скорѣе всего повело къ повышенію экспираторнаго ударяемаго слога; здѣсь, какъ и въ случаѣ, разсмотрѣнномъ въ § 143, сохранилось поэтому ′. Слѣдующій затѣмъ слогъ, предконечный, въ противность указанному въ § 141 случаю, не повышался, а напротивъ, понижался, быть можетъ, даже сокращался, во всякомъ случаѣ онъ не сохранялъ долготы, которая, если не сокращалась совсѣмъ, то переходила въ полудолготу. Общеслав. jágoda, łáłoka, mǫ́čiła, głáditi и т. д. съ низкимъ предконечнымъ слогомъ; і въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ было, если не кратко (что вѣроятнѣе), то полудолго.

Примѣчаніе. На восходящее удареніе въ подобныхъ случаяхъ указываетъ словенскій языкъ: jágoda, máčeha, kášica, kládica, ríbica,

zŕkalo, grášišče, pl̥úniti, vídẹti, gláditi, bẹ́gati, dẹ́lati, sípati. Такое же указаніе извлекается изъ того обстоятельства, что подобныя слова не переносятъ своего ударенія на предыдущій слогъ (предлога) въ русскомъ и сербскомъ: чакавск. na jȁgodu (шток. вслѣдствіе позднѣйшаго переноса: нà јагоду), русск. на я́году. Русск. горо́шина, моро́зить, коло́дить, пере́чить, соло́минка также свидѣтельствуютъ объ общесл. восх. удареніи на полудолгомъ слогѣ въ такомъ положеніи. Въ чешскомъ находимъ jahoda, rybice и т. д. съ краткою гласной потому, что долгота замѣняла полудолготу только въ начальномъ слогѣ двусложныхъ словъ. Что предконечный слогъ въ подобныхъ словахъ былъ въ общеслав. низокъ, видно изъ краткости гласной (въ предконечномъ слогѣ музык. долгота вообще не сокращалась) въ случаяхъ, какъ пра̏дјед, кра̏вина, ју̏жина, пти̏чина, ри̏бица, бре̏зица, ли̏пица, прич. ба̏вили, дје̏лала, пла̏зила, па̏дали, гле̏дала и др.; то же находимъ въ сербск. ли̏пама, кра̏вама. Словенск. lípami, krávami указываютъ также на краткость предконечнаго слога, ибо передъ долгимъ слогомъ ′ измѣнилось бы въ ⁀ въ словенскомъ языкѣ.

§ 147. Удареніе ̀ въ третьемъ отъ конца слогѣ, являвшееся напр. въ такомъ словѣ какъ kòžića (§ 132), перешло въ ′ съ растяженіемъ краткой гласной до полудолготы: общеслав. kóžića; гласная предконечная сокращалась и здѣсь совсѣмъ или до полудолготы.

Примѣчаніе. Достовѣрныхъ примѣровъ въ подтвержденіе этого явленія найти трудно, ибо словенск. kǫ́žica могло заимствовать свое удареніе изъ kǫ́ža, какъ заимствовало свое ů изъ kůže чешское kůžice.

§ 148. *Въ серединномъ слогѣ* ударенія нисходящія ⁀ и ̏ вообще не удерживались. Причину вижу въ томъ, что пониженіе конечнаго слога здѣсь, какъ и тамъ, гдѣ эти ударенія находились въ начальномъ слогѣ (§§ 142 и 145), не могло видоизмѣнить ни природы этихъ удареній, ни вызвать повышенія ударяемаго слога. Пониженіе конечнаго слога нашло себѣ поэтому компенсацію въ повышеніи неударяемаго слога, предшествующаго ударенію. При этомъ, однако, должно различать два случая: первый, когда этотъ неударяемый слогъ кратокъ; второй, когда онъ дологъ. Въ первомъ случаѣ удареніе переносилось на предшествующій краткій слогъ, во второмъ оно оставалось на прежнемъ мѣстѣ, измѣняя однако свой характеръ. Возможно, что повышенію подверглись оба предшествующихъ конечному слога: если первый слогъ былъ кратокъ, то удареніе переносилось на него: ˘ ⁀ ˘ переходило въ ⁀ ¯ ˘; если первый слогъ былъ дологъ, удареніе оставалось на второмъ: ¯ ⁀ ˘ переходило въ ¯ ´ ˘.

§ 148[1]. Итакъ, если передъ слогомъ съ удареніемъ ̏ или ̑ въ серединѣ слова находился слогъ съ краткою гласной, удареніе переносилось на этотъ предшествующій слогъ, а потерявшій удареніе слогъ произносился съ повышеніемъ, свойственнымъ по § 141 заударному слогу. Такъ porǫ̑kǭ, dovȍdā, prodâlī, po vȍdǭ, po ûxū, na ûxo перешли въ общеслав. въ pȍrǭkǫ, dȍvoda, prȍdāli, pȍ vodǫ, pȍ ūxu, nȁ ūxo.

Примѣчаніе. Русскій, сербскій и словенскій языки представляютъ безчисленное количество случаевъ, доказывающихъ переносъ удареній ̏ и ̑ съ предпослѣдняго слога на предшествующій. Въ русскомъ отмѣчу соединенія съ предлогами, какъ: на́ небо, на́ слово, по́ уху, на́ ухо; по́ воду, за́ руку, на́ версту, на́ зиму, на́ стѣну, на́ весну, на́ гору, за́ бороду, на́ сторону, на́ голову; по́ мосту, о́тъ роду, со́ смѣху, по́ дому, и́зъ виду, по́ носу, за́ волосы, за́ лѣсомъ, за́ мужемъ, на́ бокъ, на́ волосъ, за́ городъ, за́ зубъ, на́ полъ, на́ годъ, за́ воротъ. Въ сложныхъ существительныхъ: о́стровъ, до́водъ, по́логъ, ро́счеркъ, при́ступъ, о́тпускъ; по́честь, о́тмель, о́ттепель. Въ сложныхъ глаголахъ, а именно въ причастіяхъ: про́дали, про́жилъ, про́пилъ, по́былъ, на́лилъ, на́звали; про́данъ, у́знанъ; за́витъ, за́жито, на́лито. Въ малорусскомъ до́ лису, на́ очи, пі́д руку, за́ щоку, чере́з стину, пере́д носом, о́ світі, по́ ночи, по́ лугу, за́ боки, зо́ сміху, о́б землю, на́д вечир; сложн. сущ.: за́города, за́сіка, при́сяга, по́хорон, за́хід, о́гляд, при́клад; сложн. глаголы: оді́рван, оді́мкнуто, при́нят, попро́дав, по́дан, по́мер, на́слано, у́брана; за́гиб, за́гніт, за́жив, за́зив, за́їз, за́кид, за́клад, на́лет, на́ліг, на́кидом, на́черт, и т. д. Въ сербскомъ языкѣ видимъ соединенія съ предлогами, какъ: чакавск. ȍd boga, nȁ vozi, nȁ mosti, nȁ rogi, pȍ brodu; въ діалектахъ Тимочскомъ и Южно-моравскомъ: у́ груди, пре́з ноч, пре́д зору, у́ гости, за́ врат, на́ јутро, ни́з брдо (А. Беличъ, Дијалекти источне и јужне Србије, 278—282); въ югозападныхъ говорахъ: ȍd zlāta, ȍd krvi, zȁ zvono, nȁ uļe, pȍd oblāke (Rešetar, Serbo-kroatische Betonung südwestlicher Mundarten, с. 203—206); у Крижанича: на́ град, кро́з зид, чре́з мост, во́ мрак, на́ пир, на́ свит, о́т врага, на́ време; въ штокавск.: ȍд бога, нȁ воду, нȁ небо, бȅз дрӯга, нȁ жр̄вањ, бȅз мӣсли, ȕ мēсо, ȕ глāву, нȁ рӯке, ȕ поље, нȁ дрво, ȕз пећи, нȁ земљу, ȕ цијев и т. д. Въ сложныхъ существительныхъ: ȍток, пȍдпор, прȅпона, ȕпора, ȍпека, пȍтвора, пȍдлога, прȉгода. Въ глагольныхъ сложеніяхъ: пȍлӣт, пȍвӣт, дȍбӣли, ȕвӣло, прȍда̄ли, пȍзна̄т, прȍклēт, нȁчēто, нȁсӯто, ȕмр̄ли, зȁклēло, ȕзēли. Въ словенскомъ языкѣ, какъ мы уже знаемъ, удареніе нисходящее переносилось на слѣдующій слогъ;

поэтому относимъ сюда такіе типы удареній, какъ: od bôga, na nę̂bo, na vôdo, na nôge, na môst, brez bôga, od grâda, za lâse, pod zę̂mljo. Въ сложныхъ существительныхъ: posę̂da, naslâda, pokôra. Въ глагольныхъ сложеніяхъ: obût, zašît, zalît, zaklêt. (Въ праславенскомъ было, очевидно, ǒd boga, и т. д.). — На основаніи случаевъ, какъ сербск. за̏слуга, о̏брана, са̏храна, по̏рука, по̏суда, о̏блака, по̏злата, по̏длата, за̏хвата, за̏града, ра̏сада, при̏каза, можно бы думать о томъ, что слогъ, переносившій свое удареніе, терялъ свою долготу или по крайней мѣрѣ сокращалъ ее до полудолготы, но вѣроятнѣе объяснять здѣсь краткость или полудолготу вліяніемъ параллельныхъ образованій съ долгой гласной въ предлогѣ: zāslûga, zāgràda, pōrùka и т. д. (ср. § 160).

Примѣчаніе 2. Такой же переносъ имѣлъ мѣсто и съ третьяго отъ конца слога на предшествующій предлогъ, при чемъ нисходящее удареніе на слогѣ, терявшемъ свое удареніе, могло или исконно на немъ находиться, или попасть сюда въ результатѣ перенесенія, вызваннаго разсматриваемымъ закономъ. Ср. въ русск. яз. за́говоръ, про́повѣдь, ро́спродали, не́ приняли. Въ сербск. ко̏д гавра̄на, пре̏ко јасе̄на, о̏д болести, о̏д жалости (Данич.), о̏д олова, у̏ Дунаво (Решетаръ); на́ пролет, на́ вечер (Беличъ), пре̏порука, пре̏облака, пре̏обука, ра̏зговор, при̏говор; за̏добили, по̏днапит; 3 аор. при̏находӣ; прич. у̏зора̄н, у̏зора̄ла и т. д.

Примѣчаніе 3. Такимъ путемъ сложился законъ, по которому нисходящія ударенія вообще были не терпимы не въ начальномъ слогѣ. Этотъ законъ нашелъ себѣ примѣненіе и въ такихъ случаяхъ, гдѣ нисходящее удареніе было не на срединномъ слогѣ, а на конечномъ; ср. общеслав. переходъ na trî въ nà trī (великор. на́ три).

§ 149. Если передъ слогомъ съ удареніями ˝ или ˆ въ серединѣ слова находился слогъ съ долгой гласной, ударенія эти переходили въ соотвѣтствующія экспираторныя: ` на краткомъ и ′ на полудолгомъ слогѣ. Такъ измѣнились въ общеслав. nārò̀da, zārò̀ka, prīnò̀sa въ nārò̀da, zārò̀ka, prīnò̀sa. Равнымъ образомъ: trę̄sę̏te 2 мн. пов., perīgoŕdǫ вин. ед., xvālîli, pȳtâli, pīsâli измѣнились въ trę̄sę̏te, perīgoŕdǫ, xvālíli, pȳtáli, pīsáli.

Примѣчаніе. Великорусскія сложныя слова, какъ наро́да р. ед., заслу́га, розса́да, нау́ка, запла́та, малор. загоро́да, нагоро́да, напоро́ха, нару́га, напу́да, навя́за и т. п. восходятъ къ общеслав. словамъ типа nārò̀da, zāslúga. Долгота предлоговъ za, na, pri, u передавалась въ предлоги o, po, do, pro (ср. сербск. pō, prō въ приводимыхъ ниже примѣрахъ, также чешск. pûchod, pûsob, prûměr, prûhon, dûkaz, dû-

klad); отсюда: пору́ка, посу́да, поро́да, проро́къ, дохо́дъ, позоло́та, огоро́дъ, оборо́на (послѣднія три слова указываютъ на восх. удареніе на полудолгомъ слогѣ); русскія глагольныя формы, какъ трясёте, трясѝте, хвалѝли, пытáли относятся сюда же. Діалект. великорусскія нарўот, покўос, полўом, зарўок, прогўон и т. п. указываютъ на полудолгое о изъ краткаго подъ вліяніемъ восх. ударенія. Въ сербскомъ находимъ: штокавск. нáвала, нáхлада, нáука, нáрука, зáдруга, нáтега, нáбор, нáрод, нáсип, прије́пис, прѝнос, прѝлог, зáлог, зáврат, зáвјет, у́лом, также прóрок; чакавск. pōròd, pōtrès, pōròk, prōsèk, prīlìka; сюда же относятся глагольныя формы, какъ трéсите, хвáлите, хвáлили, пѝтали, чакавск. pīsȁli, pītȁli, pādȉte, pīšȉte. — Въ словенскомъ находимъ: narǫ́da р. ед., porǫ́da, prorǫ́ka, presáda (им. présad и т. д.); глагольныя формы: hvalíli, ļubíli, pisálo, dręmálo, hvalíte, tresíte, pišíte; словенская долгота подъ удареніемъ восходитъ къ общеслав. полудолготѣ.

Примѣчаніе 2. Объ удареніи nesète, nosíte, nosíli, вмѣсто ожидаемыхъ по § 148[1] nȇsete, nȏsite, nȏsili, см. ниже § 158 и прим.; о сербск. штокавск. зàклада, чакавск. navàda, presìka, zabàva, naûk см. § 161.

§ 150. Если въ одномъ изъ серединныхъ слоговъ находилось удареніе экспираторное восходящее, то въ связи съ пониженіемъ конечнаго слога оно становилось интенсивнѣе, а это вызывало пониженіе сосѣднихъ слоговъ; если тутъ была музыкальная долгота, она сокращалась до полудолготы. Такимъ образомъ въ словѣ ĭoráta слогъ ĭo былъ въ общеслав. низкимъ; въ rǫkámi, moldíća, liváda, solnína и т. д. передъ ударяемымъ слогомъ явилась полудолгота на мѣстѣ долготы; въ ĭorátami, livádami полудолгимъ было а въ предконечномъ слогѣ.

Примѣчаніе. Сербскій языкъ даетъ ясное указаніе на то, что въ слогѣ передъ удареніемъ исконно восходящимъ не удерживалась старая долгота; такъ находимъ краткость, которую можно понять изъ полудолготы, въ словахъ, какъ штокавск. рȕкама, слȕгама, стрјѐлама, брȁдама, стрȁнама, чакавск. rukàmi, штокавск. крàвица, млàдица, глàвица, дȕшица, звјѐздица, грѐдица, бјѐлика, глàсина, глàвина, слàнина, кнѐгиња, рàкита, хвàлиша, зȕбача, рàтаја, р. ед. цвјѐтиħа, клȕчиħа, сȕдиħа, грàдиħа; им. ед. цјѐдило, сȕшило, сȕдиште и т. д. (Подборъ относящихся сюда случаевъ см. у Лескина въ Untersuchungen über Quant. u. Betonung, стр. 169, 119, 121 и т. д.). Что въ общеслав. здѣсь была именно полудолгота, а не краткость, видно изъ русск. молоди́ца, горожа́не, голоси́на, солони́на, и т. п.; полногласное сочетаніе не можетъ восходить

къ or, ol краткимъ. — Восходящій характеръ ударенія едва ли подлежитъ сомнѣнію въ виду словенскаго языка, гдѣ находимъ ′, напр. въ lopáta, kopíto, kolẹ́no, polẹ́no, govẹ́do, starúha, nevẹ́sta, rakíta, kobíla, lisíca, kraļíca, род. kožúha, jezíka, želọ́da.

§ 151. Экспираторное ударение ˋ на краткомъ слогѣ переходило въ серединѣ слова въ ударение ′ на полудолгомъ слогѣ, по общему правилу о переходѣ ˋ въ ′ не въ конечномъ слогѣ (ср. § 144). Такъ na vòľǫ, za kòžǫ измѣнялись въ na vóľo, za kóžǫ.

Примѣчаніе. Передъ слогомъ съ ударениемъ ˘ на сверхдолгой гласной были вообще терпимы только низкіе (краткіе и полудолгіе) слоги.

Нарушеніе полученныхъ новыхъ отношеній.

§ 152. Въ рядѣ случаевъ полученныя общеслав. праязыкомъ отношенія претерпѣли существенныя измѣненія подъ дѣйствіемъ грамматической аналогіи. Они вызывались въ особенности проникновеніемъ долготы изъ родственныхъ образованій на мѣсто краткости, а также вліяніемъ сочетаній ¯ ˋ на передвиженіе ударенія въ сочетаніяхъ ˘ ˘ родственныхъ словъ съ перваго слога на второй: ˋ ˘ переходило въ ˘ ˋ.

§ 153. Благодаря закону о пониженіи слоговъ передъ ударениемъ ′, въ рядѣ словъ при измѣненіи ихъ по грамматическимъ категоріямъ оказывалось чередованіе полудолгаго слога передъ ′ съ долгимъ передъ ˋ (ударениемъ конечнаго слога); вслѣдствіе этого полудолгота замѣнялась долготой. Итакъ сочетаніе ˊ ˏ переходило въ ¯ ˏ подъ вліяніемъ ¯ ˋ въ родственныхъ словахъ. Такъ въ склоненіи именъ: dūšáma, rǭkámi подъ вліяніемъ dūšà, rǭkà переходили въ dūšáma, rǭkámi. Въ спряженіи глаголовъ: xvā̆líti, ľūbít переходили въ xvālíti, ľūbíti подъ вліяніемъ xvālǫ̀, ľūbjǫ̀.

Примѣчаніе. Новыя отношенія обнаруживаются напр. въ шток. хва́лити, бијѐлити, пи́сати, сту́пати, чакавск. pīsā̆ti, ļūbī̆ti; шток. ду́шама, і гла́вама, пе́тама, гре́дама, чак. krūpā̀mi, trāvā̀mi. Также въ словенск. hválit, stǫ́pat, písat (словенск. hvalíti, stopáti, pisáti могутъ также восходить къ hvālíti и т. д.).

§ 154. Аналогично съ этимъ краткій низкій слогъ замѣнялся краткимъ высокимъ слогомъ передъ ударениемъ ′, т. е. ˘ ˏ переходило въ ˘ ˊ, подъ вліяніемъ ˘ ˋ въ родственныхъ словахъ. Такъ nogámi съ низкимъ no перешло въ nogámi съ высокимъ no подъ вліяніемъ nogà съ высокимъ no. Такъ łomíti съ низкимъ ło перешло въ łomíti съ высокимъ ło подъ вліяніемъ łomjǫ̀ съ высокимъ ło.

§ 155. Музыкальная долгота, какъ мы знаемъ, была терпима только въ предударномъ слогѣ (первоначально только въ предконечномъ, но въ силу § 153 и въ третьемъ отъ конца). Если подъ вліяніемъ грамматической аналогіи эта долгота попадала въ слогъ третій отъ ударяемаго, ударѐніе передвигалось съ конечнаго слога на предконечный, и долгота оказывалась опять въ предударномъ слогѣ. Такъ измѣнились orbotà, zvotà подъ вліяніемъ orbíti, zváti въ orbóta, zvóta. Ср. велікор. робóта, звóта. Такъ же trǫbītè подъ вліяніемъ trǫbjǫ̀, trǫbíti могло измѣниться въ trǫbíte.

Примѣчаніе. Ср. праштокавск. trūbímo, slēdímo (ср. trūbíti, slēdíti) при lomīmò, но zvonīmò (ср. lomíti, zvoníti).

§ 156. Музыкальная долгота подъ удареніемъ была согласно предыдущему извѣстна только подъ нисходящимъ удареніемъ въ первомъ слогѣ двусложнаго слова; въ первомъ слогѣ трехсложнаго она, въ силу § 145, сократилась до полудолготы. Если подъ вліяніемъ родственныхъ словъ и образованій полудолгота подъ нисх. удареніемъ ˆ должна была замѣниться долготой, то взамѣнъ полудолгой гласной съ удареніемъ нисходящимъ являлась сверхдолгая съ восходящимъ удареніемъ. Такой случай имѣлъ мѣсто напр. въ спряженіи глаголовъ. Согласно съ § 145 формы xvâlīšĭ, xvâlīte, pīšete должны были сократить начальный слогъ до полудолготы; но подъ вліяніемъ xvāl̓ǫ xvāl̓íti съ полной долготой въ предударномъ слогѣ указанная полудолгота смѣнялась сверхдолготой, получавшею при этомъ восх. ударѐніе ˜. Такъ явились еще въ общеслав. ударѐнія типа xvā̃līšĭ, xvā̃līte, pīšete. — Сходнымъ образомъ уступало мѣсто сверхдолготѣ съ удареніемъ ˜ нисходящее ударѐніе на полудолгомъ и даже краткомъ слогѣ въ первомъ слогѣ сложныхъ съ предлогами словъ; напр. nā̃vol̓ka подъ вліяніемъ nā въ nāródъ, nābórъ и т. п. замѣнялось черезъ nā̃vol̓ka.

Примѣчаніе. Славянскіе языки своими дружными показаніями не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что явленіе, указанное выше, принадлежитъ общеслав. праязыку. Въ русскомъ языкѣ сочетанія or, ol, er съ удареніемъ ˜ переходили въ orò, olò, erè: сюда относятся напр. случаи, какъ полòщете, волòчитъ, терéбитъ, хорòшимъ, колòтятъ, молòтите, горòдитъ, ворòшатъ и т. п.; также малор. перѐгорода, перѐволока, перéполох, перéруб, перéворот, перéписка, перéрив, перéсип, перéгода. Въ сербско-хорв. ударѐніе ˘, сохраняясь какъ ′ въ чакавскомъ, въ штокавскомъ измѣняется въ нисх. ударѐніе; чакавское ′ въ соотвѣтствіи штокавскому ˆ и штокавское ˆ въ соотвѣтствіи чакавскому ′ находимъ, напр., въ глагольныхъ формахъ, какъ чак. hránīn, vrátīn, kúpī, súdī, pálē,

píšēn, píšemo, ríče, drímļe, skáčēn, kážēn; шток. хра̂нӣ, вра̂тӣ, су̂дӣ, пи̂шē, ка̂жē, ве̂жē; въ сложныхъ существительныхъ: чак. nábor, prébor, národ, náčin, zátor, náklon, záruki, prílika, въ шток.: за̂става, ра̂справа, на̂влака, у̂гон, ра̂зор, при̏јеров. Также въ словенскомъ, гдѣ ударенію ˜ соотвѣтствуетъ ´: strúžem, hrámļem, díšem, kážem, mášem, drẹ́mļem; náuk, р. ед. náuka, prẹ́laz, р. ед. prẹ́laza и т. д.

§ 157. Аналогична съ замѣной нисходящаго ударенія удареніемъ ˜ на сверхдолгомъ слогѣ, разсмотрѣнною въ предыдущемъ §, замѣна нисходящаго ударенія ˝ на краткомъ слогѣ удареніемъ ´, превратившимъ краткую гласную въ полудолгую. Этотъ случай имѣлъ мѣсто въ глагольныхъ формахъ съ краткой гласной, соотвѣтствующихъ только что разсмотрѣннымъ случаямъ съ долготой въ корнѣ. Подъ вліяніемъ перехода ˝ въ xvȁlīte, pȉšete въ ˜ (xvãlīte, pĩšete) вмѣсто nȍsīte, prȍsīte, čȅšete, kȍļete явились nósīte, prósīte, čéšete, kóļete.

Примѣчаніе. Указаніе на такое удареніе дается русскимъ и словенскимъ языкомъ. Въ русскомъ, какъ отмѣчено въ § 142 прим., рядъ великорусскихъ говоровъ, измѣнили о въ ў̆о именно подъ восходящимъ удареніемъ. Въ нихъ находимъ: нў̆о́сиш, прў̆о́сите, вў̆о́зит, кў̆о́лют, глў̆о́жут, пў̆о́лем, и т. д. Въ словенскомъ восх. удареніе сохранилось до сихъ поръ: čẹ́šem, klẹ́pļem, tẹ́šem, stẹ́ļem, kọ́ļem, nọ́sim, họ́dim и т. д. Эти словенскія формы соотвѣтствуютъ штокавскимъ че̏шēм, ко̏љēм, но̏сӣм, хо̏дӣм. Замѣчательно, что рядомъ въ соотвѣтствіи съ шток. ви̏дӣм, гла̏дӣм, ма̏жēм, па̏шēм находимъ въ словенскомъ vîdim, glâdim, mâžem, pâšem. Думаю, что nọ́sim, čẹ́šem удержали свое удареніе подъ вліяніемъ случаевъ, какъ sọ́dim, píšem (а ´ изъ ˜ не переходило въ ˆ передъ слѣд. долгимъ слогомъ).

§ 158. На основаніи § 148 мы ожидали бы на мѣстѣ общеслав. первоначальныхъ формъ, какъ 2 пов. мн. nesȅte, прич. nosîli (по § 133 изъ исконнаго nosilí) удареніе nȅsȅte, nȍsīli. Между тѣмъ дружное свидѣтельство славянскихъ языковъ доказываетъ, что общеславянскимъ было другое удареніе, именно neséte, nesȅ́te, nosíli, ср. великор. неси́те, носи́ли, малор. несе́те, носи́ли, штокавск. нѐсите, нòсили. Въ виду этого вѣроятно, что подъ вліяніемъ trẹ̄sȅ́te, xvālíli, sādíli явилось произношеніе neséte, nesȅ́te, nosíli.

Примѣчаніе 1. Если допустить исконность ударенія nesetȅ, которое перешло бы въ nesetè, то появленіе neséte можно было бы объяснить только вліяніемъ trẹ̄séte, которое замѣнило trẹ̄setè по закону, указанному въ § 155.

Примѣчаніе 2. Старшее, законное удареніе (xȍdīli изъ xodîli) видимъ въ слабыхъ остаткахъ въ слав. языкахъ; въ русскомъ сюда относятся ро́дил, ро́дили, пу́стил, пу́стили, про́стили, древнерусск. до́ложилъ. Въ чакавск. rȍdīl, zvȍnīl. Болѣе многочисленны случаи со старымъ удареніемъ въ прич. на -ałъ въ сербскомъ. Въ штокавск. находимъ послѣдовательно кȍпао, кȍпāли и т. д.

§ 159. Изъ заударнаго слога, слѣдующаго за удареніемъ нисходящимъ ̏, долгота могла переноситься въ положеніе за слогомъ съ удареніями ′ и ˜. Такъ подъ вліяніемъ *gȍrām, *dȕsām, *žȅnām (ср. ниже § 162) долгота а переносилась въ сербскомъ и въ крȁвāма, пȕшкāма, вȉлāма, сȁбљāма, гȕслицāма Черног. (Rešetar, 33, 86, 87), также въ Бѣлградскомъ говорѣ, описанномъ Мазингомъ: слȁвāма, лȉпāма, рȉбāма (Die Hauptformen des serbich-chorw. Accents, c. 79). Точно также подъ вліяніемъ čȅsāła, kȍpāli, nȍsīli явились rȁnīla, plȁkāla, vȉdijela Черног. (Rešétar, 33). Подъ вліяніемъ tȍnūli и т. п. явились kȉnūli, dvȉgnūli, а отсюда и kȉnūti, dvȉgnūti въ дубровницкомъ говорѣ (у Мажуранича въ Sl. Hèrv.). Возможно, что такой переносъ долготы происходилъ уже діалектически въ общеслав. праязыкѣ, ср. окончаніе -ǭtĭ, свидѣтельствуемое западнослав. языками: польск. dwignąć, чешск. dvihnouti.

§ 160. Обратно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ полудолгота могла замѣнять ожидаемую долготу въ слогѣ заударномъ подъ вліяніемъ полудолготы ударяемой въ родственныхъ образованіяхъ. Мы знаемъ, что zāsâda и паралл. форма zȁsâda измѣнялись—первая въ zāsáda, а вторая въ zȁsāda. Въ этой послѣдней формѣ долгота а могла замѣняться полудолготой подъ вліяніемъ zasáda съ полудолгимъ ударяемымъ а. Такъ объясняется, думаю, краткость (изъ полудолготы) предконечнаго слога въ штокавск. пȁвлака, нȁтега, дȍсада, ȍграда, пȍхвала, пȍсуда, пȍрука, нȁслада, ȍдлука, и т. д.—Ср. § 148[1] пр. 1.

§ 161. Вмѣсто краткой гласной предлоговъ могла являться, какъ мы видѣли, долгая подъ вліяніемъ предлоговъ съ исконно долгою гласной: o, do, po, pro замѣнялись въ сложеніяхъ черезъ ō, dō, pō, prō, подъ вліяніемъ zā, nā, ū (см. § 149 прим.). Но несомнѣнно являлась и обратная замѣна zā, nā, ū черезъ za, na, u, тѣмъ болѣе, что во многихъ положеніяхъ zā, nā, ū, prī и т. д. сокращались и до полудолготы. Такъ вмѣсто zāsáda, zādrúga, prīstǫ́pъ возникали zasáda, zadrúga, pristǫ́pъ. Ср. штокавск. зȁклада, су̀пруга, прѝступ; словенск. zaklàd, p. zakláda, nasàd, p. nasáda, nadèł, p. nadéla, naslèd, p. nasléda и т. д. Чередованіе zȁsāda (вм. zȁsāda по § 160), zȁdrūga съ zasáda, zadrúga вызвало появленіе вмѣсто и при prosláva, pomáma, sǫsȅda, pripráva—prȍslava, pȍmama, sǫ̏sȅda, prȉprava; ср. шток. прȍслава, рȁсправа,

су̏сједа, по̏мама, великор. до́ставка, о́тправка и т. д. Понятно, что формы какъ pōtókъ̌, dōxódъ̌, pōsǫ́da, dōpísъ̌, pōvoŕtъ̌ и т. д., обязанныя своимъ восходящимъ удареніемъ на предконечномъ слогѣ долготѣ въ предлогѣ, особенно легко получали при себѣ параллельныя образованія potókъ̌, doxódъ̌, posǫ́da, povórtъ̌ съ краткостью въ предлогѣ; ср. сербск. чакавск. posùda, pokòra, словенск. potòk, р. potóka, dopìs, р. dopísa, povràt, р. povráta и т. д.

Количественныя отношенія, связанныя съ сокращеніемъ и редукціей ĭ и ŭ.

§ 162. Въ § 126 указаны послѣдствія сокращенія и редукціи ĭ и ŭ. Разсмотрю здѣсь тѣ измѣненія, которыя повело за собой въ отношеніи какъ ударяемыхъ, такъ и неударяемыхъ слоговъ положеніе этихъ слоговъ передъ полукраткими гласными. Относительно неударяемыхъ слоговъ мы можемъ ограничиться лишь немногими замѣчаніями. На мѣстѣ ŏ, ĕ въ слогахъ заударныхъ являлись полудолгія о, е; указаніе на нихъ находимъ въ рядѣ слав. языковъ, гдѣ они замѣнены долгими о, е, въ связи съ утратой въ слѣдующемъ слогѣ полукраткихъ гласныхъ. Ср. сербск. ве̏чēр, го̏вōр, ја̏вōр, дје̏вēр (въ род. ве̏чера, дје̏вера и т. д.). Словенск. jâgod р. мн. при jágoda указываетъ также на jágōd (изъ jágŏdъ̌), ибо ´ переходило въ ˆ передъ слѣдующимъ долгимъ (впослѣдствіи сократившимся) слогомъ. Малор. я́вір, ве́чір, го́мін, на́ріст, и т. д. указываютъ точно также на общеслав. полудолготу, смѣнившуюся долготой въ связи съ отпаденіемъ ъ̌. Возможно, что сокращеніе ĭ и ŭ отражалось и на количественномъ измѣненіи долгихъ гласныхъ предшествующаго слога (которыя, быть можетъ, переходили въ сверхдолгія), но прямыхъ указаній на это въ явленіяхъ совр. слав. языковъ, кажется, не имѣется. — Въ слогахъ предударныхъ о, е, вѣроятно, также удлинялись въ общеслав. праязыкѣ до полудолготы; но послѣ утраты полукраткой гласной долгота въ предударномъ слогѣ развивалась при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ слогѣ заударномъ. Въ малор. долгота развивалась и здѣсь, напр. kŏsъ̌ća, ŏtъ̌ća перешли въ кісця, вітця; въ сербскомъ долгота развивалась только въ закр. слогѣ передъ сонорными, j и v, напр. штокавск. о́вца, но чакавск. ofcȁ, шток. о̀ца, ко̀сца, чак. осȁ, koscȁ. Исконнодолгія гласныя, становившіяся, быть можетъ, сверхдолгими, сохраняли свою долготу, сообразно съ § 139, ср. напр. чакавск. cvītkȁ, чешск. vínek, kvítek.

§ 163. Удареніе съ полукраткихъ гласныхъ неначальнаго слога переносилось на предшествующій слогъ, а съ начальнаго слога на слѣдующій. Примѣры: bobŭ́, konĭ́, sūnovŭ́, grъ̌xŭ́, rǭkāvŭ́ перешли въ bobъ̌, konъ̌, grъ̌xъ̌, synovъ̌, rǫkavъ̌ съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ; удареніе это было

экспираторнымъ восходящимъ; краткія о, е переходили въ полудолгія и получали удареніе ´: bóbъ̌, kónь̌, synóvъ̌; долгія гласныя становились сверхдолгими и получали удареніе ˜: grѣ̃xъ̌, kor̃ľь̌, rǫkãvъ̌. Такой же переходъ имѣлъ мѣсто и въ серединѣ слова, напр. ũmь̌retь̌ вм. ūmĭ́retĭ, própь̌nete вм. propĭ́nete, zãbĭi̯ǫtь̌ вм. zābĭ́i̯ǫtĭ, pómy̆i̯ete вм. pomy̆́i̯ete и т. п. (вмѣсто ũmь̌retь̌, zãbĭi̯ǫtь̌ являлись понятно: úmь̌retь̌, zábĭi̯ǫtь̌). На слѣдующій слогъ удареніе съ полукраткой гласной начальнаго слога переносилось въ видѣ экспираторнаго ударенія: sъ̌ľéte, ĭméte, ĭdéte и т. д. (изъ sŭ́ľete и т. д.).

Примѣчаніе. Въ малорусскомъ и въ этихъ случаяхъ полудолгія о, е измѣнялись въ долгія и потомъ дифтонгизировались, напр. біб, кінь, синів, пібъють. Въ сербскомъ, гдѣ восход. полудолгота не переходила въ долготу послѣ паденія полукраткой гласной въ слѣд. слогѣ, kónь̌, pómy̆i̯ete, bóbъ̌, pópъ̌ и т. д. являются въ видѣ kȍń, pȍmijete, bȍb, pȍp и т. д. Но передъ плавными, носовыми, j и v полудолгота замѣнялась долготой; восх. удареніе на долгой гласной, сохранявшееся въ чакавскомъ, переходило въ штокавскомъ въ нисходящее: чакавск. dvór, kóń, stól, vól, шток. двôр. Неясно, почему такое же удлиненіе явилось передъ ž въ чакавск. nóž, шток. нôж. (Изъ имен. падежа долгота проникала и въ косвенные; въ шток. двóра, двóру, чакавск. nōžà). Въ словенскомъ видимъ вообще систематическое сокращеніе полудолготы въ концѣ слова: stòł, vòł, kòń, dvòr, gròb, pòst (ср. bràt, bratàn). Въ чешскомъ долготу находимъ при тѣхъ же условіяхъ, что въ сербскомъ, т. е. передъ плавными, носовыми и j: kůň, dvůr, kůl, můj, но bob, pop. Примѣры для ˜ указаннаго происхожденія: чакавск. gríh, kl̥úč, súd, plášć, шток. гри̏јех, кљу̂ч, су̂д, кра̂љ, словенск. gréh, kl̥úč, sǫ́d, kǫ́t, plášč, král̥. Примѣры для переноса въ серединѣ слова: шток. у̏мрēш, у̏змēмо, по̏чнēте, и̏збијēте, о̏ткријӯ, чак. zȁmemo, zȁpne, древнерусск. у́мремъ, по́йдутъ. Что касается великорусск. умрём, убью́т, то здѣсь удареніе явилось по аналогіи формъ, не сложенныхъ съ предлогами. — Примѣрами переноса ударенія съ полукраткой начальнаго слога на слѣдующій слогъ могутъ служить: великор. р. ед., им. мн. вши, древнерусск. р. ед. льсти, чти, цти (отъ тьсть), 2 л. ед. шлёш, 2 л. мн. жнёте, идёте, 3 л. мн. иму́т; сербск. шљêш (при ша̏љēш). Какъ указано было выше, аналогія родств. формъ вліяла на перенесеніе ударенія на первый слогъ, напр. великорусск. до́ску, сербск. да̏ску указываютъ на общеслав. dъskǫ съ удареніемъ на первомъ слогѣ и притомъ нисходящимъ, ср. vȍdǫ, pȍrǫ, gȍrǫ. Такъ же объясняются новообразованія: великорусск. лести при лесть, чести при честь, тестя при тесть, сербск. та̏ста, ла̏ва; великор. стёкла.

§ 164. На гласныя полукраткія (ъ, ь, і, у) удареніе съ полукраткой гласной слѣдующаго слога переносилось въ видѣ экспираторнаго ударенія ̀, при чемъ полукр. гласная становилась краткою. Такъ sŭnŭ́, otĭćĭ́, pĭsŭ́, šĭvŭ́ перешли въ sъ̀nъ̌, otь̀ćь̌, pь̀sъ̌, šь̀vъ̌; р. мн. gostĭjĭ́ измѣнилось въ gostìĭ и т. д.

Примѣчаніе. Въ соотвѣтствіи съ общеслав. ̀ находимъ ̏ въ сербск. са̏н, па̏с, ша̏в; чакавск. otȁc, konȁc, vīnȁc; словенск. pь̀s, šь̀v, lь̀b, kupь̀c, zь̀l, cvẹtь̀k, brẹžь̀k, (cvẹ́tьk, brẹ́žьk при cvẹtь̀k, brẹžь̀k представляютъ переносъ ударенія подъ вліяніемъ предшеств. долгой гласной).

§ 165. Перехожу къ ударяемымъ слогамъ, къ которымъ примкнули слоги съ полукраткой гласной. Отдѣльно должно разсмотрѣть конечные ударяемые слоги (къ которымъ примкнули, слѣдовательно, предшествующіе слоги съ полукр. гласной), начальные ударяемые слоги и серединные. Конечные ударяемые слоги представляютъ двѣ группы: къ первой принадлежатъ двусложныя слова (ставшія послѣ выпаденія полукраткой гласной односложными), ко второй слова многосложныя. Въ первой изъ этихъ группъ на мѣстѣ краткой гласной съ удареніемъ ̀, восходящей согласно § 136 какъ къ исконно краткой, такъ и къ исконно экспираторно-долгой, и къ исконно музыкально-долгой, мы находимъ послѣ слога съ полукраткой гласной долгую гласную подъ нисх. удареніемъ; думаю, однако, что въ общеслав. праязыкѣ здѣсь, какъ слѣдствіе растяженія краткой гласной, была полудолгая гласная подъ указаннымъ удареніемъ (полудолгота въ сербскомъ послѣ выпаденія полукраткой гласной переходила въ долготу). Такъ sŭtȍ, dŭvá̱ (конечное а въ им. дв. съ исконной экспир. долготой), также старшее dŭktḗ (конечное ē въ этомъ словѣ, какъ видно изъ лит. duktė́, съ исконной музык. долготой) измѣнились въ общеслав. въ sŭtò, dŭvà, dŭčć̀ì, откуда sъ̌tô, dъ̌vâ, dъ̌čć̀î съ гласными о, а, і полудолгими.

Примѣчаніе. На основаніи предыдущаго находимъ въ сербскомъ: шток. стô, чакавск. stô, словенск. stô; русское на́ сто свидѣтельствуетъ о нисх. удареніи. Также шток. два̂, чакавск. dvâ, словенск. dvâ; русск. на́ два, по́ два указываетъ на нисх. удареніе. Наконецъ, шток. ћи̂, чакавск. hćî. Сохраненіе въ общеслав. sъ̌tô и т. д. нисх. ударенія ср. съ сохраненіемъ его здѣсь въ словахъ односложныхъ, какъ напримѣръ trî. Въ сербск. спи̏, восходящемъ къ sъ̌pì, краткая гласная замѣнила долгую подъ вліяніемъ случаевъ, какъ nosì, vedì; въ род. psa а кратко подъ вліяніемъ случаевъ, какъ bobà.

§ 166. Въ словахъ многосложныхъ едва ли могла удержаться полудолгота въ концѣ слова; мы знаемъ, что конечные слоги сокращались и теряли свою высоту. Принимаю поэтому для общеслав. rodь̌stvò, pītь̌jȍ.

Примѣчаніе. Мнѣ неясно происхожденіе долготы подъ восходящимъ удареніемъ (соотвѣтствующимъ общеславянскому ˜) въ чакавск. kunstvó, božanstvó, trojstvó, у Криж. божствô; у Мажур. ljùdstvō, bánstvō (с. 116, 117), въ словенск. ļudstvó, rojstvó, р. ļudstvá; также въ чакавск. pīćé, zelí. Возможно, что выпаденіе полукр. гласной измѣняло гласную краткую въ долгую. Ср. и въ неударяемомъ положеніи: чакавск. bogȁstvō, pérjē, у Мажуранича: pògānstvō, djètinstvō, grôzdjē, pêrjē, lîstjē; слов. sinmí изъ synъmì.

§ 167. *Въ начальномъ слогѣ* двусложнаго слова гласныя, подлежавшія редукціи и сокращенію, оставались краткими передъ слогомъ съ полукраткой гласной и получали на себѣ нисходящее удареніе, точнѣе сохраняли его. Такъ tȉstĭ, rȕžĭ перешли въ tȉstъ, rȉžъ; ясное указаніе на нисх. удареніе извлекаемъ изъ сербск. и слов. языковъ, гдѣ въ нѣсколькихъ словахъ подъ вліяніемъ аналогіи растянулась гласная полудолгая, замѣстившая краткія ъ, ь послѣ отпаденія полукраткой гласной въ слѣд. слогѣ (сербск. тâст, рâж, словенск. tâst; tâšč въ соотвѣтствіи съ общеслав. tъščь).

§ 168. Гласныя о, е въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова, подъ вліяніемъ полукраткой гласной въ слѣд. слогѣ, переходили въ полудолгія гласныя, сохраняя при этомъ свое нисходящее удареніе. Принимаю поэтому для общеслав.—напр. bôgъ, rôdъ, kôstь, lêdъ, pêććь съ полудолгими о, е.

Примѣчаніе. Въ малор. находимъ въ соотвѣтствіи съ полудолгими о, е долгія о, е, въ результатѣ отпаденія ъ, ь въ конечныхъ слогахъ; долгія о, е распались на дифтонги: ср. кість, рід, віз, лід, ніс, бік и т. д. Въ сербск. являются долгія о, е подъ нисходящимъ удареніемъ: бôг, мêд, чакавск. rôd, vôz, môst, rôg, bôk, lêd. Въ словенскомъ тоже: kôst, nôč, gôd, grôm, mę̂d, lę̂d, pę̂č.

§ 169. Долгія гласныя подъ удареніемъ нисходящимъ, повидимому, сохраняли свою природу и свое удареніе, несмотря на присутствіе полукр. гласной въ слѣдующемъ слогѣ. Слѣдовательно, общеслав. vol̂sъ, sŷnъ; rȇćь, dârъ, dâłъ и т. д.

Примѣчаніе. Основываюсь при этомъ на такихъ случаяхъ, какъ шток. и чакавск. grâd, vlâs, drûg, sîn, словенск. grâd, vlâs, drûg, sîn, русск. вóлос, гóрод, пóрох, вóрот, бóров, гóлос, жóлоб. Удареніе общеслав. род. мн. võlsъ, ср. русск. волóс, чакавск. vlás, словенск. vlás, могло бы навести на предположеніе, что ˆ передъ слогомъ съ полукр. гласной переходило въ ˜, но вѣроятнѣе думать, что volsъ восходитъ къ vol̄sŭ; также zǫ̃bъ (слов. zǫ́b), rǫ̃kъ (чакавск. rúk, слов. rǫ́k), bor̃dъ (русск. борóд, чакавск. brád, слов. brád) восходятъ къ zǭbŭ́, rǭkŭ́,

bor̄dú. Чешскія им. ед. hrad, vlas, sin, druh также ведутъ къ нисх. ударенію, при чемъ мало вѣроятно, чтобы это нисх. удареніе было заимствовано изъ косв. падежей (т. е. чтобы hrad, syn, vlas, druh замѣнили hrád, sýn, vlás, sýn подъ вліяніемъ hradu, syna, vlasa, syna), такъ же мало вѣроятно, какъ то, что русск. вóлос, сербск. вла̑с, слов. vlâs произносились бы такъ, вмѣсто волóс, vlás подъ вліяніемъ вóлоса, вла̑са. Ср. измѣненіе volsú въ volsъ̆ въ § 163.

§ 170. Нисходящее удареніе на третьемъ отъ конца слогѣ въ началѣ слова сохраняло, повидимому, свою природу, хотя положеніе не въ предконечномъ слогѣ было, вѣроятно, причиной того, что долгій слогъ измѣнялся въ полудолгій. Итакъ общеслав. bor̂šъ̆no (древнерусск. бóрошно), kor̂tъ̆ko (великор. кóротко), sl̂ôvъ̆no (великор. діалект. словно съ о, а не ўо).

Примѣчаніе 1. Заключаю объ этомъ явленіи преимущественно изъ русскаго языка; ср. бéрежно, стóрожко, хóлодно, гóлодно, кóротко, и т. д., представляющія полногласіе съ исконно нисходящимъ удареніемъ. Далѣе въ великор. говорахъ, измѣняющихъ о въ ўо подъ восх. удареніемъ, находимъ о, напр. въ ловко, громко, словно, робко, больно, ночка. — Сербскій языкъ свидѣтельствуетъ о восх. удареніи на полудолготѣ; но повидимому, восх. удареніе замѣнило здѣсь нисх. послѣ выпаденія полукраткой гласной подъ вліяніемъ положенія передъ группой согласныхъ; ср. сербск. gȕska, sȕkńa; передъ сонорными и звонкими спирантами и здѣсь вмѣсто ударенія ′ (откуда ̏) являлось ̃ (отсюда въ шток. ̑): чакавск. právda, шток. пра̑вда, кри̑вда, также р. ед. си̑нка при им. си̏нак (сынокъ). Въ словенскомъ ′ передъ группой согласныхъ перешло въ ̑: sûkńa, pâšńa.

Примѣчаніе 2. Если на мѣстѣ полудолгой гласной подъ нисх. удареніемъ являлась долгая, то и здѣсь, какъ и въ случаяхъ, указанныхъ въ § 163, появлялась сверхдолгая гласная съ восх. удареніемъ: kor̂tъ̆kyĭ (съ or полудолгимъ) подъ вліяніемъ kor̄tъ̆kà переходило въ kor̃tъ̆kyĭ (ср. великор. корóткой; также голóдной, холóдной).

§ 171. Восходящее удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ двусложнаго слова переходило въ нисх. удареніе передъ слогомъ съ полукраткой гласной. Такъ brátŭ, goŕxŭ, klínŭ (ср. въ род. bráta, goŕxa, klína) должны были бы измѣниться въ brâtъ̆, gor̂xъ̆, klînъ̆; но въ им. ед. нисх. удареніе вытѣснялось вліяніемъ косв. падежей: такъ уже въ общеслав. праязыкѣ явились формы brátъ̆, goŕxъ̆, klínъ̆. Но это новое нисх. удареніе сохранялось, напримѣръ, въ род. мн.: č́âsъ̆, kôrvъ̆.

Примѣчаніе. На общеслав. brátъ, goŕxъ въ им. ед. согласно указываютъ и русскій и сербскій и словенскій языки: русск. горо́х, поро́г, словенск. bràt, klìn, hlèb (не brât, klîn), сербск. бра̏т, пра̏г, jу̏г, кли̏н, гра̏х. Род. мн. č́âsъ свидѣтельствуется и сербскимъ и словенскимъ и чешскимъ языкомъ: чакавск. р. мн. čâs (при р. ед. čȁsa), krâv (при им. ед. krȁva), словенск. lîp (при lípa); чешск. krav при kráva, lip при lípa, sil при síla восходятъ къ krâv и т. д. Лишнее доказательство въ пользу указаннаго перехода находимъ въ судьбѣ восх. ударенія передъ полукраткимъ слогомъ въ серединѣ слова (§ 174).

§ 172. Восходящее удареніе на полудолгомъ слогѣ въ началѣ трехсложнаго слова сохранялось какъ восх. удареніе. Общеслав. р. ед. goŕśъ̌ka, puś̌ъ̌ka, ź̌ętъ̌va.

Примѣчаніе. Здѣсь видимъ такимъ образомъ несогласованность съ судьбой того же ударенія въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова. На восх. удареніе указываютъ: русск. р. ед. горо́шка, им. ед. чере́шня, соло́мка; шток. р. ед. гра̏шка, им. ед. пу̏шка, бри̏тва, же̏тва, ти̏ква, гру̏два, би̏тка, тре̏шња. Въ словенскомъ удареніе ′ передъ группой согласныхъ измѣнилось въ ˆ: bûkva, brîtva, bîtka, črę̂šńa.

§ 173. Нисходящее удареніе на серединномъ слогѣ въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласной переходило, какъ кажется, въ восходящее на сверхдолгомъ слогѣ. О такомъ переходѣ могутъ свидѣтельствовать такія явленія, какъ общеслав. sokõłъ при sȍkoła, что восходитъ къ sokȍłŭ, sokȍła, ср. русск. соко́л (при со́кол) — со́кола (при сокола́).

§ 174. Восходящее удареніе на полудолгомъ серединномъ слогѣ въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткою гласной переходило, какъ и въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова, въ нисходящее удареніе. Такъ р. мн. łopátŭ перешло въ łopâtъ, а отсюда łȍpātъ.

Примѣчаніе. Подобный переносъ ударенія, связанный съ появленіемъ нисх. ударенія вмѣсто восходящаго подъ вліяніемъ слѣд. полукр. слога, находимъ и въ штокавскомъ и въ словенскомъ. Ср. въ штокавскомъ: jȅзӣкā, лȍпāтā, бȅсjēда, ȍрāхā; словенскія lopât, kobîl, lisîc явились вмѣсто lȍpat, kȍbil, lȉsic по извѣстному закону о переносѣ нисх. ударенія. Чакавскія р. мн. susêd, kraļîc представляютъ новое удареніе, явившееся по аналогіи такихъ случаевъ, какъ čȁs — čâs, krȁva — krâv. Вѣроятно, что удареніе русск. жо́нам, во́дам, ви́лам, до́сках, сёстрах обязано своимъ появленіемъ тому же закону: vodámŭ, vodáxŭ перешли въ vodâmъ, vodâxъ, и отсюда еще въ общеслав.: vȍdāmъ, vȍdāxъ.

Обобщеніе предыдущихъ положеній.

§ 175. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ общеслав. праязыкѣ одни слоги произносились съ музыкальною высотой, другіе произносились низко, третьи, наконецъ, произносились съ незначительной высотой. Низкими и при томъ краткими слогами были слоги подъ удареніемъ ̀: это удареніе являлось, во-первыхъ, въ концѣ слова на мѣстѣ всѣхъ другихъ исконныхъ удареній, въ результатѣ пониженія и сокращенія конечнаго слога, напр. vodà, però, bobà; во-вторыхъ, на звукахъ ъ, ь, ĭ, ў въ предпослѣднемъ слогѣ слова: pь̀sъ̆, kosь̀ć̆ь̆, sъ̀nъ̆, sъ̆nь̀mъ̆. Съ незначительною высотой произносились, во-первыхъ, подъ удареніемъ восходящимъ на полудолгой гласной (изъ исконно экспираторно-долгой и исконно краткой) многіе слоги начальные и серединные: jáma, jágoda, łopáta, porǫ́ka, zābóta, nósītь̆, č́éš́ete, kóńь̆; во-вторыхъ, не подъ удареніемъ полудолгіе и краткіе слоги передъ ударяемымъ слогомъ съ удареніемъ восходящимъ: lĭváda, vŏldýka, kŏlѣ́no, kŏrýto, также полудолгіе и краткіе слоги предконечные послѣ ударенія ́: jágŏda, rýbămi. Со значительною высотой произносились, во-первыхъ, сверхдолгія гласныя, какъ подъ удареніемъ восходящимъ ̃: jã, pĩš́emъ̆, kor̃ľь̆, xor̃nīš́ĭ, lѣ̆tã, такъ и въ концѣ слова не подъ удареніемъ: vor̃taa, séłaa; во-вторыхъ, долгія гласныя подъ нисходящимъ удареніемъ въ односложныхъ словахъ и въ первомъ слогѣ двусложныхъ словъ: trî, drûga, bôgъ̆; въ-третьихъ, полудолгія гласныя подъ нисх. удареніемъ какъ въ первомъ слогѣ многосложнаго слова: môldostь̆, mѣ̂sęća, такъ и въ конечномъ слогѣ послѣ слога съ полукраткой гласной: dъ̆vâ, sъ̆tô; въ-четвертыхъ, краткія гласныя подъ нисх. удареніемъ въ начальномъ слогѣ: vȍdǫ, prȍvody; въ-пятыхъ, долгія и краткія гласныя въ предударномъ слогѣ и заударномъ предконечномъ слогѣ: grѣ̄xà, nāróda, gȍłǭbi, skȍvor̄dǫ; vŏdà, nŏš́ǫ̀, nȁ vŏdǫ, ȍstrŏvu.

§ 176. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ восходящія ударенія: экспираторное ̀ на краткомъ слогѣ: però, lь̀stь̆; экспираторно-музыкальное на полудолгомъ слогѣ: vóľa, bráta; музыкально-экспираторное ̃ на сверхдолгомъ слогѣ: sũš́aa, xvãlītь̆; нисходящія ударенія: ̏ на краткомъ слогѣ: vȍdǫ, pȍłogъ̆; ̑ на полудолгомъ: pîsāŕь̆, bor̂š́ь̆no, dъ̆vâ; ̑ на долгомъ: sŷnu, rǫ̂kǫ.

Отдѣлъ II. Явленія, имѣвшія мѣсто въ эпоху единства южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ.

§ 177. Эпоха совмѣстной жизни южнаго и восточнаго славянства, отдѣлившагося отъ западнославянской вѣтви, была, какъ мы видѣли во введеніи, непродолжительна. Соотвѣтственно съ этимъ явленій, объединяющихъ южные и восточные славянскіе языки въ противопожность западнымъ, оказывается немного: всѣ они относятся къ консонантизму. Только два изъ этихъ явленій охватили весь составъ говоровъ южнославянскихъ и восточнославянскихъ: это выпаденіе t, d передъ l, ĺ, ľ и переходъ k, g въ ć, ź передъ ü; третье явленіе — переходъ j послѣ губныхъ въ ľ имѣлъ мѣсто лишь въ одной части южнославянскихъ говоровъ, получивъ въ восточнославянскомъ языкѣ полное господство.

Измѣненіе сочетаній tl, dl, и т. д.

§ 178. Въ сочетаніяхъ tl, dl и т. д. звуки t, d произносились въ общеслав. праязыкѣ со взрывомъ, совпадавшимъ по времени и мѣсту съ образованіемъ слѣдующихъ l, ĺ, ľ; это способствовало ассимиляціи t, d слѣдующимъ за ними плавнымъ; въ результатѣ такой ассимиляціи сочетанія tĺ, dĺ, tľ, dľ, tl, dl перешли въ разсматриваемую эпоху въ ĺ, ľ, l. Примѣры: общеслав. modlitĭ (ср. чешск. modliti, польск. modlić) перешло въ molitĭ (великор. моли́ть, старослав. молити, сербск. молити, словенск. moliti); vedĺъ, vedĺa, vedli (ср. польск. wiódł, чешск. vedl) перешли въ veľъ, veľa, veli (великор. вёл, вела, вели, сербск. вео, вела, вели, болг. вел, вела, вели); sadĺo (ср. польск. и верхнелуж. sadło, чешск. sádlo) — въ saľo (малор. и великор. сало, болг. и сербск. сало, словенск. salo); radĺo (ср. польск., верхнелуж. и нижнелуж. radło)—въ raľo (древнерусск. рало, малор. рало, старослав. рало, сербск. рало); vidĺy (польск. widły, чешск. vidly, верхнелуж. и нижнелуж. vidly)—въ viľy (болгар. ед. ч. вила, сербск. виле, великор. вилы, вилка, малор. ед. ч. вила); pletĺъ, a, o, pletli (ср. чешск. pletl, польск. płótł, верхнелуж. pletł) — въ pleľъ, a, o, pleli (старослав. плелъ, великор. плёл, сербск. плео, словенск. plel); źördĺo (ср. польск. źrzódło, чешск. žřídlo, нижнелуж. žrjedło) — въ źörľo (малор. жерело, старослав. жрѣло, ждрѣло), и т. д. Сюда же относятся: ель, елина, ср. польск. jodła, чешск. jedla; жалить, угрор. жали́ва (кропива), старослав. жало, ср. польск. żądło; простыло, постылый, ср. стыдъ, чешск. stydnouti; малор. цьвіль (плѣснь), цьвілий (заплѣсневѣлый), ср. цвѣтъ; галицк. повѣвъ, повѣла, повѣли (въ значеніи ска-

залъ, напр. у Игн. з Никл. 66, 33, 15), ср. повѣдати, повѣсть; Дулѣби, ср. чешск. Doudleby.

Примѣчаніе. Общеслав. суффиксъ -dło замѣнилъ, повидимому, исконное -tło въ положеніи послѣ гласныхъ и послѣ r; ср. словенскій діалект. переходъ tl въ dl въ medla, cvedla (отъ mesti, cvesti). Поэтому находимъ, съ одной стороны: sadło, šidło, gъrdło, а съ другой: vesło, masło, изъ vestło, mastło; лит. arklys, gurklys имѣютъ kl также изъ tl.

§ 179. Выставленное положеніе о томъ, что разсматриваемое явленіе обще всему составу южныхъ и восточныхъ славянскихъ языковъ, нуждается въ дополнительныхъ разъясненіяхъ: во-первыхъ, сочетанія dĺ, tĺ, dľ, tľ извѣстны діалектически въ словенскомъ языкѣ и были извѣстны также діалектически въ русскомъ языкѣ; во-вторыхъ, современные южнославянскіе языки и русскій представляютъ въ нѣсколькихъ случаяхъ группы dĺ, tĺ, dľ, tľ новаго происхожденія.

Примѣчанія. Въ чешск. šel, луж. šel l вмѣсто dl явилось вѣроятно въ формахъ šla, šli; ср. также šel въ горенскихъ говорахъ словенскаго языка. Діалектически въ польск. вм. dĺ, dl является gł, gl: żągło, moglić się.

§ 180. Въ словенскомъ языкѣ значительная часть говоровъ сохраняетъ въ причастіяхъ на -łъ коренной звукъ t, d, а именно говоры сѣверозападные—хорутанскіе и горенскіе; при этомъ на мѣстѣ tl находимъ и dl: jedel, jedlo, padli, sedla, predli, godel, zabredel, obvedel, zbodla, pletel, cvetli—medlo, cvedel, cvedla; напротивъ, юговосточные — доленскіе представляютъ ł, l: krał, sęł, pleł, и т. д.; такое же ł, l въ кайкавскихъ и угрословенскихъ говорахъ. Рѣже удерживается dĺ въ горенскихъ говорахъ въ другихъ образованіяхъ (не въ причастіяхъ), напр. motovidlo. Эту особенность хорутанскихъ и горенскихъ говоровъ сопоставляютъ съ тѣмъ, что вмѣсто g въ нихъ произносится γ, h, т. е. такъ же, какъ въ чешскомъ, между тѣмъ какъ γ, h вмѣсто g неизвѣстно ни другимъ словенскимъ говорамъ (кромѣ, однако, резьянскихъ), ни вообще южнославянскимъ языкамъ. Сближеніе горенскихъ и хорутанскихъ говоровъ съ западнославянскими, точнѣе съ чешскими говорами, зависѣло, быть можетъ, отъ того, что нѣкогда территорія этихъ говоровъ входила въ составъ говоровъ чешско-словацкой группы; вторженіе южныхъ славянъ и отторженіе этой территоріи отъ чешско-словацкой обусловили преобладаніе здѣсь южнославянскаго языка, но кое-что было воспринято изъ стараго западнославянскаго говора. Языкъ древнѣйшаго памятника словенскаго языка (вѣроятно, хорутанскаго

говора) — Фрейзингенскихъ отрывковъ представляетъ также dl, напр. modliti ze, vzedli (т. е. vsedli: вселитъ, collocabit). Возможно, что dl, tl въ причастіяхъ поддерживалось вліяніемъ t, d въ основѣ глаголовъ.

§ 181. Сочетанія dĺ, tĺ, dĺ, tĺ, въ русскомъ языкѣ были извѣстны преимущественно въ древнепсковскомъ нарѣчіи. Л. Л. Васильеву, впервые отмѣтившему сочетаніе -гли вм. -дли въ причастныхъ формахъ въ псковскомъ памятникѣ XVI в., это открытіе должно быть поставлено въ особенную заслугу (Р. Ф. В. 1908 г., № 4). Приведенныя имъ изъ Псковской 1-й лѣтописи данныя (блюглисѧ, привегли, оуссегли, вм. блюлисѧ, привели, възсѣли) были вскорѣ дополнены и значительно умножены Н. М. Каринскимъ («Языкъ Пскова и его обл. въ XV в.» Спб. 1909) изъ другихъ псковскихъ памятниковъ: всегли, повегли, соустрѣкли Псков. 1-я лѣт., привегли Палея въ разн. сп. XV в., чькли Сб. Соф. библ. XV в. № 1262. А. И. Соболевскій отмѣтилъ въ Синод. спискѣ XIV в. Новгор. 1-й лѣтописи подъвегли подъ 1228 годомъ (дѣло идетъ, какъ отмѣтилъ А. И. Соболевскій, о псковскихъ событіяхъ, и потому указанная форма могла быть занесена въ повгородскій сводъ изъ псковской лѣтописи). Отмѣчу еще форму «отъ жерегла» въ псковскомъ актѣ второй половины XVII в., изданномъ А. Я. Лихтерманомъ (Тр. Псков. Археол. Общ. 1912 г., № 8). Изъ современнаго живого языка отмѣчу тётунька прицлáсь, въ значеніи причлась, въ записи изъ Великолуцкаго уѣзда (А. Г. О. XXXII, 33); также перецокъ вмѣсто перецоклъ въ значеніи перечелъ въ одной сказкѣ, записанной въ Псковскомъ уѣздѣ (А. Г. О. XXXII, 28). Не подлежитъ сомнѣнію, что гл, кл въ приведенныхъ здѣсь формахъ восходятъ къ дл, тл; объяснить тл, дл, тли, дли (отсюда к, кли, гли) въ причастіяхъ, какъ новообразованія, едва ли возможно, въ виду формы жерегло въ псковскомъ актѣ XVII в. Слѣдовательно, въ древнепсковскомъ говорѣ, въ отличіе отъ другихъ древнерусскихъ говоровъ, существовали нѣкогда сочетанія дл, тл, замѣненныя, какъ мы видѣли, еще въ эпоху, предшествовавшую эпохѣ общерусскаго единства, звуками ĺ, l, ĺ. Наличность въ псковскомъ нарѣчіи подобныхъ формъ съ нерусскими сочетаніями дл, тл можно объяснить такъ же, какъ формы съ tl, dl въ горенскихъ и хорутанскихъ говорахъ словенскаго языка: сѣверозападная Россія была нѣкогда заселена ляшскими племенами; вторженіе въ эту область Сѣверянъ повело къ смѣшенію ляшскихъ племенъ съ Русскими, передавшими имъ свой языкъ, но позаимствовавшими у Ляховъ нѣсколько звуковыхъ чертъ; къ числу таковыхъ относится и сохраненіе сочетаній dl, tl, особенно упорно державшихся, какъ и у сѣверозападныхъ Словенцевъ, въ причастіяхъ.

Примѣчаніе. Переходъ dĺ, tĺ, dĺ, tĺ въ kĺ, gĺ, kĺ, gĺ произошелъ, вѣроятно, на русской почвѣ, хотя онъ, какъ указано въ § 179 прим., не чуждъ и польскимъ говорамъ; ср. русск. гля, глинный, сьвякли́ца вм. свѣтлица Курск. (Халанскій въ Сб. Отд. р. яз. и сл., т. 76).

§ 182. Благодаря тому, что ляшскими племенами была занята въ сѣверозападной Россіи не одна Псковская область, но также сѣверное Поднѣпровье (ср. Радимичей отъ рода Ляховъ), естественно думать, что ляшскія особенности проникали вообще въ сѣвернорусскіе говоры: Сѣвернорусамъ во всемъ ихъ составѣ пришлось пробиться въ озерную область и область верхняго Поволжья черезъ ляшскія поселенія. Поэтому неудивительно, что, правда, весьма рѣдко находимъ формы сходныя съ разсмотрѣнными псковскими въ другихъ сѣвернорусскихъ говорахъ. Отмѣчу чьтли въ сп. Новг. лѣтописи по Архивск. списку (Новг. 2-я и 3-я лѣтописи по изд. Археогр. Комм., с. 111); чькли въ Хлудовскомъ спискѣ Стоглава (изд. Н. Субботина, с. 189); възмяклася или возмяклася (т. е. взмялася, отъ взмястися) вся земля русская въ Новг. 4-й лѣтописи по всѣмъ спискамъ; сочклись, сочклисе въ сѣверо-двинскихъ Лодомскихъ актахъ 1585 и 1571 года (изд. Археогр. Комм., №№ 178 и 95). Сюда же относится не́гла (лиственница) Каргоп. (Обл. слов.) изъ общеслав. *jödĺa.

Примѣчаніе. Возможно, что сюда же должно отнести формы какъ пришёдъ, ушёдъ въ Боровичскомъ уѣздѣ (Тр. Моск. діал. комм., вып. 2, с. 13), ср. пришотъ, ушотъ въ Порховскомъ (А. Г. О. XXXII, 6); пришёдъ вмѣсто пришёдлъ, ср. выше: перецокъ вм. перечетлъ.

§ 183. Позднѣйшимъ вліяніемъ польск. языка объясняется дл въ рядѣ словъ западно-русскаго актоваго языка и современныхъ русскихъ (млр., блр., влр.) говоровъ. Приведу примѣры: с того свѣта сшедлъ Грам. 1412 г. (Палеогр. сн. А. Собол. и С. Пташицк.), módlicca Лидск. (Weryha, 46), strašydla (ib., 68), udzìdła załatòha Свещ. (Zb. XVII, 157), страшидло Канев. (Рудченко), видёлка (вилка) Рыльск. (Обл. сл. 95). Отмѣчу еще «Видлинка», названіе праваго притока рѣки Вильи, лѣваго притока Ресеты, впадающей справа въ Проню, въ Могилевской губерніи, слѣдовательно, въ области древнихъ Радимичей. Изъ польскаго заимствовано и заядлый, проникшее въ рядъ великор. говоровъ, напр. заядлэй (зловредный) Вытег. (Филим.).

Примѣчаніе. Угрорусское мыдло, мыдлити (Верхр. II, 53) заимствовано изъ словацкаго. Иного, но также польскаго происхожденія сочетанія тл, дл въ тлуста Проскур. (Рудченко), отсюда клустого Бродск.

(Етн. Зб. I, 66); подлугъ, отсюда и «полугъ єго сознанья» Лит. метр. 1510 г., № 20.

§ 189. Большинство случаевъ, гдѣ восточнославянскіе и южнослав. языки имѣютъ сочетанія дл, тл, въ словахъ незаимствованныхъ, объясняются изъ дьл, тьл. Сюда относятся, напримѣръ: сербск. свјетлица (молнія), метла, седло, витлати (кружить), петља, сврдло; малор. свердлити, великор. свердьлы ї пилы въ Путеш. Аѳан. Ник. XV в., совр. фамилія Свердловъ; малор. на те падло Гадяч. (Рудченко), на тее світло Проскур. (Рудченко), до ѣдла Галицк. (Игн. з Никл., 8), посидланы Козельск. (Черниг. Г. В. 1854, № 28). Неясно малор. и южновеликор. (Рыльск. и Судж.) кодло (порода, гнѣздо). Сербское подријетло при порéкло, русское порекло, напр. порекломъ въ Пов. объ Азовск. сид. № 409 XVII в., пбрекло малор. (Желех.) неясны; быть можетъ, въ общеслав. при *porѣtlo изъ *porѣktlo продолжало существовать подъ вліяніемъ корня rѣk-rek произношеніе *porѣktlo; отсюда, съ одной стороны, porѣtlo (ср. сербск. подријетло), съ другой porѣklo (русск. порекло). Отмѣчу здѣсь еще нѣсколько новообразованій, содержащихъ сочетаніе дл: видла, видли Олон., видли Вытег. (Филим.) и др. замѣнили повидимому *вила, *вили подъ вліяніемъ видѣть (ср. древнерусск. прич. вида въ Пов. вр. л., см. § 191 пр. 3; 2 л. пов. вижь, старослав. виждь, какъ даждь); сидла Олон. (Рыбн. IV) вм. сѣла подъ вліяніемъ сидѣть; укр. похудла (вм. похуділа, напр. Кв. II, 294).

Примѣчаніе. Что касается сочетаній tn, dn, то они еще въ общеслав. праязыкѣ измѣнились въ n; это особенно ясно изъ того, что dm перешло въ m, напр., въ rumänъ вм. rudmänъ, damь вм. dadmь. На мѣстѣ такого n въ западнослав. языкахъ въ результатѣ аналогіи являлись, напр. въ глагольныхъ образованіяхъ на -nǫti: dn, tn (вмѣсто чего и gn, kn); то же, но гораздо рѣже въ русскомъ и южнославянскихъ языкахъ.

Измѣненіе сочетаній kvѣ, gvѣ.

§ 185. Въ русскомъ и южнославянскихъ языкахъ на мѣстѣ западнославянскихъ сочетаній kvѣ, gvѣ находимъ ćvѣ, ʒ́vѣ и źvѣ. Такъ польскому kwiat, чешск. květ, нижнелуж. kvjet, полабск. kjot противополагаются: великорусское цвѣтъ, малор. цьвіт, сербск. цвијет, словенск. cvẹt, болг. цвѣт, старослав. цвѣтъ; чешскому kvěliti, kvěl (вопль), польск. rozkwielić — малор. цьвілити (бить, сѣчь), сербск. цвијелити, старослав. цвѣлити, древнерусск. мечи цвѣлити землю Половецкую (Сл. о п. Иг.); чешскому hvězda, польск. gwiazda, верхнелуж. hvjezda, полабск. gjozda — великор. звѣзда,

малор. зьвізда, сербск. звијезда, словенск. zvẹzda, болг. звѣзда и дзвѣзда. Едва ли можно сомнѣваться, что исконныя общеслав. kvѣ, gvѣ подверглись общему измѣненію въ періодъ единства южныхъ и восточныхъ славянъ; остается опредѣлить условія, при которыхъ произошло это звуковое измѣненіе. Конечно, передъ нами смягченіе k и g, происшедшее подъ вліяніемъ слѣдующаго v передъ ѣ, ср. смягченіе k, g въ ć, ź (ź) передъ ѣ въ позднѣйшую эпоху жизни общеслав. праязыка. Но такое смягченіе предполагало бы, во-первыхъ, значительную мягкость самаго v, а мы знаемъ, что согласныя въ общеслав. передъ гласными передняго ряда были только полумягки; палатализирующее вліяніе полумягкихъ согласныхъ на предшествующія согласныя вообще неизвѣстно общеслав. праязыку (переходъ kt въ ć̀t передъ гласными передняго ряда стоитъ совершенно особо, какъ мы видѣли въ § 94 прим.); во-вторыхъ, пришлось бы допустить переходъ kv, gv въ ćv, źv вообще передъ всякими гласными передняго ряда, между тѣмъ весьма вѣроятно, что онъ не имѣлъ мѣста передъ i, ь, e, ибо иначе остались бы непонятными тѣ русскія и южнославянскія слова, гдѣ kv, gv сохранились передъ гласной передняго ряда (см. ниже); въ-третьихъ, наконецъ, объясненіе разсматриваемаго явленія надо согласовать еще и съ тѣмъ, что оно было чуждо общеславянскому праязыку и западнославянскимъ языкамъ; западнославянскіе языки согласно съ русскимъ развили смягченіе согласныхъ на мѣстѣ ихъ полумягкости въ общеслав. праязыкѣ, между тѣмъ въ данномъ случаѣ они отступаютъ отъ русскаго, что было бы непонятно, если бы дѣйствительно смягченіе k, g было вызвано ставшимъ мягкимъ (изъ общеслав. полумягкаго) v. Въ виду этихъ соображеній надо, думаю, остановиться на предположеніи, что переходъ kv, gv въ ćv, źv вызванъ природой звука ѣ, а также особеннымъ произношеніемъ звука, слѣдовавшаго за k, g, свойственнымъ южнымъ и восточному славянскимъ языкамъ и чуждымъ западнославянскимъ.

§ 186. Какъ мы знаемъ изъ §§ 42, 47, исконнымъ произношеніемъ современнаго спиранта v было u̯; въ значительной части діалектовъ общеслав. праязыка удерживалось это старое произношеніе, постепенно смѣнявшееся на w, v. То обстоятельство, что измѣненіе u̯j въ j (ǔdova, poj) гораздо болѣе распространено въ южныхъ слав. языкахъ и въ русскомъ, чѣмъ въ западнославянскихъ, даетъ основаніе думать, что переходъ u̯ въ v произошелъ въ діалектахъ общеслав. праязыка, бывшихъ родоначальниками западнослав. языковъ, раньше, чѣмъ въ діалектахъ, легшихъ въ основаніе русскаго и южнославянскихъ языковъ. Дольше, чѣмъ въ другихъ положеніяхъ, могло удержаться u̯ въ сочетаніяхъ ku̯, gu̯, xu̯, благодаря именно лабіализован-

ному характеру задненёбныхъ согласныхъ. Предполагаю, что эти сочетанія перешли и въ южно-восточную славянскую вѣтвь, сохраняясь и въ тѣхъ діалектахъ, которые успѣли измѣнить u̯ въ v въ иномъ положеніи; въ западнославянскіе языки эти сочетанія перешли уже въ измѣненномъ видѣ: kv, gv, xv. Сочетанія ku̯, gu̯ (для xu̯ не нахожу достовѣрныхъ примѣровъ) передъ гласными передняго ряда сохраняли вѣроятно свое u̯. Но передъ ѣ, т. е. дифтонгами eä и ie, на мѣстѣ ku̯, gu̯ являлись сочетанія kü̯, gü̯; думаю, что это стояло въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что монофтонгъ ō изъ oi̯ распался еще въ общеславянскомъ непосредственно въ üä, üe (отсюда eä, ie): неслоговое u, ассимилируясь слѣдующему ü, перешло въ ü̯. Такая ассимиляція наступала, вѣроятно, діалектически еще въ общеслав. эпоху (но, конечно, она была чужда тѣмъ діалектамъ, которые произносили не ku̯, gu̯, а уже kv, gv). Въ южно-восточной славянской вѣтви произошло смягченіе k, g передъ неслоговой гласной передняго ряда ü: kü̯ѣtъ, gü̯ѣzda перешли въ ć ü̯ѣtъ, ź ü̯ѣzda; отсюда позже, сначала только въ нѣкоторыхъ діалектахъ: ćv̈ѣtъ, źv̈ѣzda или и ćv̈ѣtъ, źv̈ѣzda.

Примѣчаніе. Предполагая общій южному и восточному славянству переходъ gü̯ въ źü̯, а не źü̯, основываюсь на діалектическомъ малор. źvizda: галицк. дзьвіздá (Ogonowski), угрор. дзьвізда (Верхр. Знад. I.). Отсюда, однако, еще въ общерусскомъ праязыкѣ явилось и ź; чередованіе źv и źv въ словахъ źvizda и źvizda имѣло слѣдствіемъ появленіе źv вмѣсто źv въ нѣкоторыхъ діалектахъ: ср. діалект. малор. дзвір, дзвін, дзвонити, дзвяга, дзвякати, и т. д. См. § 301 и др.

§ 187. Предложенное объясненіе появленія ćv, źv вмѣсто kv, gv исходитъ изъ предположенія, что фонетически оно имѣло мѣсто только передъ дифтонгомъ ѣ. Понятно, однако, что ćv, źv изъ сочетаній ćvѣ, źvѣ переносились и въ сочетанія передъ другими гласными въ родственныхъ словахъ, соотвѣтствовавшими звуку ѣ. Такъ объясняется напр. появленіе ćv вмѣсто kv еще въ эпоху единства южнаго и восточнаго славянства въ ćvьtǫ, ćvьsti, ćvisti, ćvьlъ изъ ćvьtlъ, ср. старослав. цвьтѫ, цвисти, великор. цвёл, бѣлор. цвисць, малор. цвиту, цвисти, цвилити XIII Сл. Гр. Бог. (плакать), болг. цви́лѫ. Сохраненіе kv, gv безъ измѣненія передъ гласными i, ь доказывается, напримѣръ, такими словами, какъ сербск. гви́рити, гви́рати, болг. ква́лити, малор. квиліти, квилити, великор. ква́литься и квёлиться (плакаться, жаловаться на боль) Псков. и Осташ. (Доп. къ Оп.), ква́лкій (раздражительный, чувствительный) Шенк., также бѣлор. квиту, квисць, малор. квину́ти (изъ kvьnuti), кветноуть въ Пс. XVI в. (Карск. 200), роз-

квитне въ Пс. XVII в. (ib.), квёлъ Петрозав., и др. Понятно, что kv изъ изъ сочетаній kvi, kvь могло переноситься и въ сочетанія kvѣ на мѣсто ćv. Такъ объясняются кажущіяся отступленія отъ закона, изложеннаго въ § 186; подъ вліяніемъ квилити явилось, напр., малор. квіль (Miklosich), великор. кве́лить и квели́ть, т. е. квѣлить, въ значеніи дразнить, доводить до слёзъ, квели́ть Скоп. (Будде), ке́лить Онеж. (Подв.), розквелити въ Толк. Палеѣ 1494 г. (Тихонр. Пам. отреч. лит.); подъ вліяніемъ квьлъ, квьту, квьсти явились квѣтъ въ великор., напр. Опоч., Остр. (А. Г. О. XXXII, 11), Рыльск., Петроз. (въ Заонежьѣ: квѣт у ржи), квѣтки́ Повѣн., квятóчик Бѣлев. (Будде), квѣтка Тульск.; также въ бѣлор. квет, kvetki Лидск. (Weryha); въ малор. квіт (квіти мої у Шевченка), квітка, квітень, квітник; квъсточку Сарны (Вол. Г. В. 1880), въ бѣлор. Пс. XVI в., квѣтье, квето (Карск. 200); въ Пс. XVII в.: квѣты (ib.).

Примѣчаніе 1. Неяснымъ представляется отношеніе южнославянскаго и русскаго ź́vizdati, źvizdati (сербск. звѝзда, звѝждати, словенск. zvízdati, zvízgati, старослав. звиздати, русск. діалект. звиздать, звизнуть) къ западнославянскому gvizdati (верхнелуж. hwizdać, чешск. hvízdati, hvizd: свистъ); возможно, что źvi- и здѣсь подъ вліяніемъ źvѣ-; gvѣ- вм. źvѣ- является, повидимому, въ великор. огвѣзди́ть (сильно ударить) Бѣжецк., ср. зви́знуть (сильно ударить) Новоторжск. Вытѣсненіе gvizd- черезъ źvizd- (подъ вліяніемъ źvѣzd-) поддерживалось со стороны родственнаго по значенію корня svist-. Чередованіе обоихъ корней наблюдается, напримѣръ, въ русск. свищъ (червивый, пустой орѣхъ) при чешск. hvížď, польск. gwiszcz (въ томъ же значеніи).

Примѣчаніе 2. Чередованіемъ źv, źv съ gv (очевидно, при опредѣленныхъ условіяхъ) объясняется замѣна gv черезъ zv въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ; напр., въ малор. при гво́здик (въ значеніи гвоздика) находимъ и звóзди́к (Желех.), zwozdyki (Pokucie Kolberga I, 68).

Примѣчаніе 3. Угрор. гвізда (Верхр. Знад. II, 42) подъ вліяніемъ чешскаго hvězda; гвіздички Глух. (Литв.-Бартошъ, 78), также Золота гвізда въ сказкѣ, зап. въ Лубенск. у. (Етн. Зб. XIV, 104), заимствованы изъ польскаго, какъ доказываетъ g вм. γ. Еще яснѣе заимствованіе изъ польскаго бѣлорусскаго слова gvázdački Лидск. (Weryha, 32). — Неясно гвязда у Гильф. Он. был., с. 765.

Примѣчаніе 4. Что до тв въ великор. діал. твѣт, тваты, тваток, то ťv, согласно объясненію Б. М. Ляпунова (Нѣск. словъ о гов. Лукоян. у., Жив. Ст. 1894), изъ ćv. Объяснять кв въ квѣт изъ тв не представляется мнѣ необходимымъ. Обратный переходъ гв въ дв ви-

димъ въ Петроз. дверста, ср. гверста, гверсливый Петроз., Новг., Псков. (Даль).

Діалектическое измѣненіе сочетаній губная + j.

§ 188. Сочетанія pj, bj, vj, mj, переходившія въ началѣ слова въ pĭ, bĭ (примѣровъ для vĭ, mĭ въ началѣ слова не имѣется), въ общеслав. праязыкѣ оставались въ иномъ положеніи безъ измѣненія. Въ эпоху единства южныхъ и восточныхъ славянъ, въ значительномъ большинствѣ ихъ діалектовъ, произошло измѣненіе этихъ сочетаній въ pĭ, bĭ, vĭ, mĭ независимо отъ положенія ихъ въ словѣ. Въ діалектахъ, легшихъ въ основаніе русскаго языка, это измѣненіе было господствующимъ и совершенно устранило въ нихъ старыя сочетанія; то же должно сказать о діалектахъ, лежащихъ въ основаніи сербско-хорватской группы и значительной части словенской. Напротивъ, въ болгарскомъ языкѣ, какъ видно уже изъ древнѣйшихъ его памятниковъ, обнаруживалось значительное колебаніе, приведшее однако съ теченіемъ времени къ полному вытѣсненію новыхъ группъ съ ĭ, такъ что общеславянскимъ bj, pj, mj, vj здѣсь послѣдовательно соотвѣтствуютъ теперь b́, ṕ, ḿ, v́. Изъ старослав. памятниковъ одни, напр., Кіевскіе глагол. листки, Остр. ев., послѣдовательно представляютъ сочетанія pĭ, bĭ, vĭ, mĭ; въ другихъ эти сочетанія, сохраняясь вообще, отсутствуютъ нерѣдко передъ звуками ь, і, е (напр. Зогр. ев.), или только передъ ь, і (Мар. ев., Клоц. сб.); въ третьихъ сочетанія pj, bj, vj, mj господствуютъ вообще при всякихъ условіяхъ (Супр.). Въ виду этого можно думать, что въ діалектахъ, легшихъ въ основаніе болгарской группы, j, еще до дѣйствія закона о переходѣ его въ ĭ послѣ губныхъ, исчезъ передъ нелабіализованными гласными передняго ряда: это обстоятельство задержало послѣдовательное проведеніе перехода j въ ĭ въ бо́льшей части болгарскихъ говоровъ (корабь, кораби задержали переходъ korabja въ korabĭa). Въ словенской области говоры югозападные представляютъ старыя сочетанія pj, bj, vj, mj, напр. горицкій, венеціанскій, резьянскіе. Переходъ сочетаній pj, bj, vj, mj въ pĭ и т. д., происшедшій согласно предидущему въ эпоху единства южнаго и восточнаго славянства, остался совершенно чуждымъ западному славянству. Такимъ образомъ, напримѣръ, южнославянскому и восточнославянскому kupĭa (русск. купля, старослав. коуплꙗ), kapĭa (русск. капля, старослав. каплꙗ, сербск. капља, слов. kapļa), zemĭa (русск. земля, старослав. землꙗ, сербск. земља, слов. zemļa), lovĭa (слов. lovļa, русск. ловля), lubĭǫ (старослав. люблѫ, русск. люблю) противопоставляются западнослав. kuṕa (чешск. koupě), zeḿa (чешск.

země, польск. ziemia, нижнелуж. и верхнелуж. zemja), ľubǫ (польск. lubię, верхнелуж. lubju) и т. д.

Примѣчаніе 1. Сочетанія ьa, ьa, ьa, ьu и т. д. вмѣсто ожидаемыхъ ьľa, рľa, мľa, ьľu въ древнерусскомъ и въ совр. русскихъ говорахъ обязаны морфологической аналогіи. Сюда относятся напр. древнерусск. любѧше, славѧхоуть вм. люблѧше, славлѧхоуть, благословаше Пут. ев. 43 (ср. носѧше, ходѧхоуть вм. ношаше, хожахоуть); также малор. любю, купю, великор. потрафю. Случаи, какъ благословенъ, представляются заимствованіями изъ церковнославянскаго. Также древнерусск. оумьрщвлѧ Ж. Б. и Гл. XII в., оуѧзвлѧшеса Стих. XII в. А. Н., 133а, оумьрщвенъ Требн. Шерем. XIV в., 141б, оумъщвлѧюще Минея XI-XII в. авг. Тип. № 125, 44 и т. д. Въ молвю гр. 1285 (Р. А. А.), повидимому, новообразованіе подъ вліяніемъ молвить, молвять.

Примѣчаніе 2. Обратно, находимъ подъ вліяніемъ аналогіи въ церковныхъ словахъ вставку л: благословленіе при церк. благословеніе вызываетъ успленіе (вм. успеніе), напр. гр. ок. 1460 (А. А. Э. I, № 66).

Отдѣлъ III. Явленія общерусскаго праязыка.

§ 189. Сожительство восточныхъ славянъ въ одной общей языковой группѣ было продолжительно: это доказывается тѣмъ, что нарѣчія русскаго языка, впослѣдствіи обособившіяся въ отдѣльные языки, представляютъ рядъ общихъ явленій, значительно видоизмѣнившихъ унаслѣдованныя изъ общеслав. праязыка отношенія. Сильному измѣненію подвергся какъ вокализмъ, такъ въ особенности консонантимъ; точно также измѣнились акцентныя и количественныя отношенія. Разсмотрю сначала измѣненіе звуковъ самихъ по себѣ, не зависѣвшее отъ вліянія сосѣднихъ звуковъ (§§ 190—210), затѣмъ измѣненіе согласныхъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ гласныхъ (§§ 211—218), далѣе измѣненіе гласныхъ подъ вліяніемъ сосѣднихъ согласныхъ (§§ 219—225); затѣмъ измѣненіе начальныхъ сочетаній je и jü (§§ 226—229); измѣненія гласныхъ, зависѣвшія отъ положенія ихъ въ началѣ слова (§§ 229[1]—232); далѣе измѣненіе дифтонгическихъ сочетаній (§§ 233 — 262), наконецъ, измѣненія въ акцентныхъ и количественныхъ отношеніяхъ (§ 263).

Потеря носовыхъ.

§ 190. Какъ мы видѣли, общерусскій праязыкъ долженъ былъ получить изъ общеславянскаго праязыка слѣдующія носовыя гласныя: ǫ, ę, звучавшее послѣ смягченныхъ согласныхъ какъ ą̈, и дифтонгъ ę̆. Всѣ эти носовыя гласныя утратили въ общерусскомъ праязыкѣ свой носовой характеръ и перешли въ соотвѣтствующія неносовыя.

Звукъ ǫ, какъ мы видѣли, звучалъ въ общеслав. праязыкѣ какъ о̨ носовое; послѣ j и мягкихъ согласныхъ онъ произносился какъ ǫ закрытое носовое (§§ 17 и 18). Въ общерусскомъ праязыкѣ ǫ перешло въ u, а ǫ̆ въ ŭ. Такъ общеслав. sǫdъ, pǫtь, mǫka, nǫs̆ǫ̆, volǫ̆ перешли въ sudъ, putь, muka, nosŭ, volŭ. Примѣры изъ совр. языка излишни. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ находимъ, напр., въ Остр. ев.: лоукавъıи, отъкоудоу, водоу могоу, въвьргоуть, ръпътаахоу, възлюблю, волю, свою, оубиють, въ послѣсловіи: пороучениѣ; въ Сб. 1073: ведоути и, моудръихъ, трапезоу, бцю, борю̀штеса, послю; въ Чуд. пс. XI в.: голоуби, доуба, моужь, поуть, оузъı, вьсюдоу, отънюдъ, и т. д.

Примѣчаніе. Какъ мы видѣли въ § 18 прим., указаніе на ŭ изъ ǫ послѣ мягкихъ согласныхъ извлекается изъ упорнаго правописанія кожю, ношю, хочю съ ю, рядомъ съ кожа, ноша, часть съ а.

§ 191. Носовыя ę и ą̈ перешли въ общер. праязыкѣ въ а. Такое измѣненіе (можно было бы ожидать е и ä, на мѣстѣ ę и ą̈, какъ въ сербскомъ) стоитъ въ связи съ вліяніемъ j и предшествующихъ мягкихъ (исконно мягкихъ и ставшихъ мягкими въ русскомъ языкѣ) согласныхъ на слѣдующіе звуки передняго ряда, ср. § 20. Примѣры: общеслав. jąduxa (ср. верхнелуж. jadušiwy: тяжело дышащій, узкогрудый, при чемъ начальное ję восходитъ къ ę изъ индоевр. отрицательной частицы an,—сопоставьте словенск. neduха, naduxa: астма, узкогрудіе), jątry, jątrъvь (старослав. ѩтрꙑ, польск. jątreẃ), čą̈sto, žą̈ti, sušą̈tь — перешли въ jáduxa (малор. я́духа: астма, узкогрудіе, я́дух: подверженный астмѣ, я́душливый), játrъvь (великор. ятровь), čą́sto (великор. и малор. часто), žą́ti (великор. жать, малор. жати), sušą́tь (сѣв.-великор. сушат, малор. сушять). Общеслав. pętь, męta, sędǫ, rędъ, letętь, smьrdęččь перешли въ pátь (великор. пять, малор. пять), mátа (великор. мята, малор. мята), śadu (великор. и малор. сяду), ŕadъ (великор. рядъ, малор. ряд), leťatь (великор. летять, летят, малор. летять, летят), smьrďačь (великор. смердячій, малор. smerdiaczyj Новоградвол. Zbiór, VII, 224), и т. д. Примѣры изъ древнѣйшихъ памятниковъ: Остр. ев.: ѩзыкъ, ѩчьнанѣихъ, жьнѧ, почахъ, начала, родишаса, Сб. 1073 г.:

чадо, ослꙋшашасѧ, пр̓иꙗсте, Чуд. пс. XI в.: чада, жаждꙋ, оу̓дьр̓жать, бъıша.

Примѣчаніе 1. Встрѣчающееся въ различныхъ русскихъ говорахъ е, ä на мѣстѣ а, въ соотвѣтствіи съ общеслав. ę, нельзя возвести къ непосредственной замѣнѣ ę; ср. сѣверновеликор.: седу, взел, зеть, петь, малор. галицк. сєду, тєжко и т. п., моск. źäť, и т. д. Эти е, ä несомнѣнно новаго происхожденія; они явились въ результатѣ измѣненія звука а (не только изъ ę, но также изъ исконнаго а) послѣ мягкихъ согласныхъ, а частью только между двумя мягкими согласными.

Примѣчаніе 2. Сдѣлаю нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ словъ: въ я́треба, я́триба (утроба, животъ) Рыльск., Судж., Обоян., ятребо Бѣлгор. (А. Г. О. XIX. 44), при старослав. ѫтроба, польск. wątroba, верхнелуж. vutroba (сердце), чешск. utroba, вѣроятно видѣть вліяніе слова jętra, откуда по-русски было бы *ятра (печень, печенка). Въ ястребъ е восходитъ, вѣроятно, къ а въ неударяемомъ положеніи, ср. ꙗстрѧбъ Русск. Пр. 1282 г., на ястряпца Посл. XVII в. (Сим. 81), а также параллельную форму яструбъ изъ jastrǫbъ: яструбъ Полт. (Шейк. Казки, 31), як яструби Черниг. (Г. В. 1860 № 17), од яструба Полт. (Рудч. II, 36), яструби́ Бучацк. (Етн. Зб. VI, 4); сербск. јастриjеб указываетъ, впрочемъ, на возможность еще паралл. формы ꙗстрѣбъ; ꙗстребъ находимъ уже въ Комм. сп. Русск. Пр. (изд. Новг. 1-й л., с. 87). При lebędь (отсюда великор. прилаг. лебяжій) уже въ общеслав. существовали lebedь (старослав. лебедь, древнерусск. лебедь, напр. Русск. Пр. 1282, великор. лебедь, лебёдка, малор. лебедь, лебідь) и łabǫdь (польск. łabędź, чешск. labuć, сербск. лабуд, слов. labod). Вмѣсто ďasna, ďasny изъ общеслав. dęsna (ср. чешск. dáseň, польск. dziąsło, діалект. dsiąsna, верхнелуж. dźasna) въ великор. на почвѣ звуковой аналогіи явилось десна — дёсны (ср. весна—вёсны); рядомъ находимъ ясны Рост. (Булычевъ), малор. я́сны, ясла́ (уже въ общеслав. при dęsna существовало jęsna, ср. чешск. jásna, полабск. jṍsna, едва ли не подъ вліяніемъ językъ, ѧ при и вмѣсто *dęzykъ, ср. древнеисл. tunga). — Вліяніемъ звуковой аналогіи объясняется о вмѣсто а въ великор. запрёг (ср. занёс, а также убёгъ вм. убѣгъ); равнымъ образомъ о въ застёжка, ср. бѣлор. засця́жку Рогач. (Ро. III, 178).

Примѣчаніе 3. Въ причастіяхъ наст. вр. на -а вмѣсто общеслав. -у (изъ -ъns) звукъ а перенесенъ изъ такихъ образованій, какъ leťa, xoďa, płać̆a, igraja, ср. указанную въ § 21 еще общеслав. замѣну звука ѣ̨ въ płać̆ѣ̨, igraj̯ѣ̨ черезъ ę, почему въ общеслав.: płać̆ę, igraję.

Въ древнѣйшихъ формахъ на -а такого происхожденія находимъ передъ -а на мѣстѣ -у твердую согласную, очевидно, обязанную тѣмъ, что передъ -у стояла именно твердая согласная. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ памятниковъ: зова Минея XI в. № 221, 10 b, ида ib. 81 a, чьта ib. 8 a, тека Мин. № 166, 46 b, не дада Сб. 1073, 83 d, ида Стих. 1157, 77 a, вьсемогаи ib. 19 a, не невѣда Ефр. Кормч. 1 b, жга Новоросс. сп. Новг. 4-й, 271 b, ту буда Хожд. Дан. Пал. (изд. Венев. 102), вида ib. 14 (это указываетъ на *вимь), вида идеши на смерть Лавр. подъ 1071 г., также подъ 1037 г., како мога Вопр. Кирик. 24, не ида 34, блюда Радзив. лѣт. 123, хто ково смага то̑ тово и врага Послов. XVII в. (Сим. 149), кто помога Комм. сп. Новг. 1-й, 477, стерегасѧ Ермолинск. лѣт. 60, не выйда 1398 (XVI) А. А. Э. I, № 13, ѣда Новор. сп. Новгор. 4-й, 155 b, вынза 158 b, не помѧна 171 в и т. д. Изъ современнаго языка отмѣчу: мога, напр. малор. яко мога (у Шевченка), як мóга (Эн. Котл.), що мóга (у Квитки, I, 213), скъульки мога грає Кролев. (Черн. Г. В. 1854, № 17), великор. какъ могá Сарат., нé смога Пошех. (Обл. сл. 171); также гляда (отъ основы гляд-): по дню гляда, по достатку гляда Соликам. (Луканинъ), на это гляда Шадр. (Зыряновъ); гляда, въ значеніи «кажется»: Тотем. (Андреевъ). — Съ предшествующею мягкой согласной (заимствованною изъ случаевъ, какъ ľeťa, proś́a) находимъ: зовѧ уже въ Минеѣ XI в. № 221, 10 b, здѧ вмѣсто ждѧ въ Погод. сп. № 1413 Псковск. лѣт., 146 a, аркѧ въ Комм. сп. Новг. 1-й, 359, поверга ib. 338, и т. д., совр. идя, неся. — Едва-ли русское -а восходитъ къ общеслав. -ą, которое явилось бы вмѣсто -ę послѣ твердой согласной, ср. особый носовой звукъ ѧ въ старослав. памятникахъ въ случаяхъ, какъ сѧи. Чешское -а въ причастіяхъ какъ nesa, řka можетъ быть такимъ же новообразованнымъ окончаніемъ, какъ разсматриваемое русское -а. — А. И. Соболевскій (Ж. М. Н. П. 1895 г.), ссылаясь на древнепольск. rzeka при rzekę, предложилъ другое объясненіе и русскому -а, но не исключена возможность видѣть въ древнепольскомъ rzeka чехизмъ. — Окончаніе -у вытѣснено было черезъ -а, повидимому, окончательно въ древнерусскомъ; формы на -у, какъ жды Новор. сп. Новг, 4-й, 369 a, крадый чюжая не обогатѣетъ Посл. XVII в. (Сим. 111), не вѣды Великолуцк. (А. Г. О. XXXII, 33) и т. д., можно признать церковнославянизмами.

§ 192. Общеславянское ę̑ (т. е. назалированный дифтонгъ ie) перешло въ общер. праязыкѣ въ ѣ̑ (точнѣе въ ѣ̑, т. е. ie). Такъ общеслав. род. duš́ę̑, им. мн. ovьś́ę̑, вин. мн. mǫž́ę̑ перешли въ duš́ѣ̑, ovьś́ѣ̑, muž́ѣ̑. Примѣры на-

ходимъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: отъ троицѣ Сб. 1073, 8 d, нозѣ ѥѥ 169 г, ст҃оѣ мц҃ѣ Минея 1095, 100 b, еѣ р. ед. 161 a, ѡвьцѣ в. мн. 168 b; кънѧзѣ нашѣ Стихир. XII в. № 279, 116 b, дѣвицѣ р. ед. Минея XI в. № 221 3 a, мч҃нцѣ гн҃ѣ ib. 54 a; ѡт чашѣ Христин. ап. XII в., 153, три мс҃цѣ ib. 234, на н҃ѣ ib. 45; ключѣ Арханг. ев. 1092, 168 b, българынѣ Ж. Б. и Гл. XII в., моѥѣ ib., тоѣ пагоубьноѣ рати ib., недѣлѣ календ. прип. къ Остр. ев., 12 c, 19 d, 21 a, ꙗко каплѣ кръви (ὡσεὶ θρόμβοι αἵματος) Остр. ев. 160 a, пр҃рка илиѣ Стих. 115 b, 15 a, еуфимиѣ Юрьевск. ев. до 1128, 20 b, мѣсѧцѣ ib. 203 c. То же найдемъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ: опроче своѥѣ братьѣ Моск. догов. 1366, тоѣ землѣ Данн. до 1417 (С. М. № 26, 340), своеѣ ib., непотѧговьскиѣ р. ед. ib.—Въ совр. языкѣ: малор. душі, кожі, землі р. ед. и им. мн., ножі, ключі, коні вин. мн., доброї, моєї р. ед. (малор. і изъ ѣ).

§ 193. Существовали ли носовыя въ историческое время жизни русскаго народа, т. е. въ IX—X в. (отсутствіе ихъ въ XI в. доказывается памятниками)? Имѣя въ виду, что распаденіе общерусскаго праязыка произошло не позже IX в., а утрата носовыхъ характеризуетъ общерусскую эпоху, я отвѣчаю на поставленный вопросъ отрицательно. Отмѣчу передачу русскаго u изъ ǫ черезъ греч. ου и а изъ ę черезъ греч. α у Константина Багрянороднаго (середина X в.): Βερούτζη названіе одного изъ Днѣпровскихъ пороговъ — это русск. вьроучии (въ древнеболг. было бы вьрѫштии); Νεάσητ названіе другого порога (въ древнеболг. было бы негѧсыть). Возраженія, основанныя на томъ, что сочетанія an, on, en, in въ иностранныхъ словахъ, переходившихъ въ древнерусскій языкъ, передаются черезъ u, ʹa, не представляются мнѣ убѣдительными: въ древнѣйшую, но уже историческую эпоху жизни русскаго языка онъ не имѣлъ сочетаній on, an, en, in въ своихъ словахъ; замѣняя an и en черезъ ʹa, русскіе просто опускали носовой звукъ, а предшествующую гласную передавали ближайшимъ соотвѣтствующимъ звукомъ. Древнесѣв. akkari, *ankari перешло въ *akorѣ и далѣе въ jakorѣ (какъ древнесѣв. ask- въ ящикъ, Hakōn, Акунъ, Ип. 55 в. — въ Якунъ Лавр.); mantel перешло въ ḿänťelѣ и далѣе въ ḿaťelѣ, напр. в черни мѧтли Ипат. 167 a, мѧтелникоу Русск. Пр. 1282; такъ же явилось кълбꙗгъ изъ kulfingr; ꙗбетьникъ, ябеда изъ древнесѣв. aembāet(t)e, embāet(t)e, нѣмецк. Amt (Berneker, Slav. etym. Wörterb.). — Равнымъ образомъ Ongri, Ungri перешло въ Ugri.

Примѣчаніе. Иначе А. И. Соболевскій въ Лекціяхъ по ист. русск. яз.[4], с. 19—20. Рядъ словъ, относящихся къ христіанской терминологіи, также именъ собственныхъ, измѣнили сочетанія гласная + носовая въ носовую гласную на древнеболгарской почвѣ;

соотвѣтствующія русскія чистыя гласныя являются передачей болгарскихъ носовыхъ. Такъ греч. ἔμβολος перешло въ ѧволъ, и отсюда въ русскомъ: уболъ, ср. на черно̀ велико̀ уболѣ Пут. Ант. Новг., 43; греч. τέμπλον въ тѧбло, отсюда русск. тябло. Изъ древнеболгарскаго заимствованы также, напр., декябрь (декѧбрѧ Ипат. 96 г; декѧбрь Пут. ев. 224), ср. старосл. декѧмбрь (Супр.) и декѧбрь; ноябрь, ср. старослав. ноѧбрь (отсюда сербск. ноємбрь Шишат. ап., также древнер. ноѧмбрь и ноѧмьбрѧ Лавр. 173 в); Пятеилеймонъ, ср. старослав. пѧнтелеимонъ (напр. пѧнтелеимоноу у Іоанна Экз. Болг.), отсюда древнерусск. пѧнтелѣмонъ Ипат. 114 г, Пятелеевъ Лодомск. актъ 1548 (№ XXXV); Костятинъ, ср. старослав. костѧтинъ и костѧнтинъ (Остр. ев. костѧнтинѫ града), отсюда древнерусск. костѧнтинь Жит. Ѳеод., къснятинъ (къснятинъ Новг. 1-я подъ 1196), къснячько; пятикостия, ср. старослав. пѧнтикостинѫ (пѧнтикостью Поуч. Конст. Болг. 49 d, пѧнтикостии Юрьевск. ев.); пѧндитомь прѣпоѧсася Пут. ев. 270 (греч. ἐπενδύτης); Климятъ и Климята (климѧнта Пут. ев. 223), ср. рядомъ и Климатино (назв. мѣстн. Тверск. губ., Сп. нас. м., № 1947); Ядрей (Ядреемь Новг. 1-ая по Синод. сп. подъ 1193, Добрына Ядрѣиковиць ib. подъ 1193). Объ измѣненіи сочетаній гласная + носовая въ греч. словахъ скажемъ еще въ § 327.

Примѣчаніе 2. Тѣ немногія слова славянскаго происхожденія, попавшія въ западнофинскіе языки, которыя представляютъ сочетанія un, on, едва ли могутъ быть возведены къ русскому. Они заимствованы изъ ляшскихъ говоровъ, а м. б. частью еще изъ общеслав. праязыка. Сюда относятся: финск. kuontalo (прялка), ср. общеслав. kǫdělь, русск. кудель; suntia (церковный служитель, быть церковнымъ служителемъ, наказывать, принуждать), эст. sundima (мстить, судить, принуждать), ср. общеслав. sǫditi, sǫdija; эст. und (удочка), лив. ūnda (удочка), ср. общеслав. ǫda.

Судьба общеславянскаго ѣ.

§ 194. Дифтонгъ ѣ, т. е. ie, въ одномъ положеніи еще въ общерусскомъ праязыкѣ измѣнился въ е, а именно въ положеніи послѣ j. Это имѣло мѣсто только въ концѣ слова, гдѣ ѣ восходитъ къ общеслав. ę. Общеслав. svinьję, sǫdьję, dobrъję, перейдя въ общер. svińьjě, sǫdьjě, dobrъjě, стали звучать svińьjje, sudьjje, dobrъjje, ибо конечное ѣ, какъ указано въ § 137 прим., уже въ общеслав. праязыкѣ переходило въ je, отсюда далѣе svińьje, sudьje,

dobrỹi̯e. Доказательства вижу, во-первыхъ, въ появленіи о въ случаяхъ какъ добрыё, синіё, хорошіё; такое произношеніе распространено во многихъ сѣверновеликор. говорахъ; на древность его указываютъ и моск. её, самоё, твоеё р. ед.; jejo непосредственно изъ jejȯ, jeje, а это изъ jeji̯e (если j и i̯ различались и въ древнерусскомъ языкѣ въ зависимости отъ ударенія, то i̯e возникало на мѣстѣ i̯i̯e только въ неудар. положеніи, но переносилось въ видѣ je и подъ удареніе). Во-вторыхъ, такой переходъ доказывается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ ѣ въ указанномъ положеніи передается черезъ ѥ; этотъ графическій пріемъ не можетъ быть сопоставленъ съ замѣной ѣ черезъ е въ другихъ случаяхъ, ибо послѣдняя замѣна была обусловлена произношеніемъ ѣ, какъ е, въ церковнослав. языкѣ на Руси, а замѣна ѣ черезъ ѥ въ грамм. окончаніяхъ не могла находить себѣ основанія въ этомъ произношеніи (здѣсь на мѣстѣ старослав. ję въ соотв. случаяхъ произносилось ja). Такъ находимъ: ѿ братиѥ Мстисл. ев. (по рядомъ правильно: отъ землѣ, отъ вонѣ, им. мн. овьцѣ), ѥдиноѥ Чуд. пс. XI в. 58г, одиноѥ ib. 148г, различьнъıѥ в. мн. ж. ib. 28b (и только единично, тамъ же: надежде 92 б), наталиѥ Стих. 1157, 185b, еупраксиѥ ib. 161a, еуфимиѥ Юр. ев. до 1128, 228b, еуфимиѥ Минея 1095, 100b, софьѥ Добрил. ев. 248c, ананьѥ ib. 248d, мр҃ьѥ магдалъıнѣ ib. 267b, мѣхъı новъıѥ ib. 47c (и только единично тамъ же: надеже 248c); тоже и въ болѣе позднихъ памятникахъ: бѣша бо оу насъ седмь братье Пут. ев. 144, им. мн. змье 147, до кръве захарье 147.

Примѣчаніе 1. Совершенно понятно, что рядомъ съ этимъ новымъ произношеніемъ возстанавливалось по аналогіи и старое: при фонетическомъ sof'i̯i̯e, dobryi̯e являлись и sof'i̯i̯ѣ, dobryi̯ѣ подъ вліяніемъ zemľѣ, dušѣ, mojѣ; ср. тоѣ, отъ неѣ Ж. Б. и Гл. XII в., илиѣ Стих. 1157г., 15a. Гр. 1445-46: им. мн. конскыѣ, оуглечьскыѣ (А. Кал. I № 31), Гр. 1447-53: тоѣ, сеѣ, с неѣ (А. Кал. I № 31), Гр. 1432-43: нашеѣ (А. Кал. I № 63), Гр. 1459: приданыѣ, оу духовныѣ, им. мн. старыѣ (А. Кал. I № 84) и т. д.; ср. совр. малор. доброї, сѣвернор. еé, самоé, одноé, при её, одноё.

Примѣчаніе 2. Въ другихъ положеніяхъ (не въ концѣ слова) ѣ произносилось въ общерусскомъ праязыкѣ какъ ie; поэтому здѣсь не имѣло мѣста смѣшеніе его съ сочетаніемъ i̯e; лишь позже, въ отдѣльныхъ говорахъ появленіе i̯e вмѣсто ie имѣло послѣдствіемъ изображеніе i̯e (ѣ) черезъ ѥ; ср. ѥсти, ѥдѧть Арханг. ев. 1092, поѥсть Ев. чт. XII в. Одесск. Общ. ист. и др. (comedet, Б. М. Ляпуновъ); въ Хлѣбник. спискѣ лѣтописи, не смѣшивающемъ ѣ съ е, пишется съѥха 417 и др.

Примѣчаніе 3. Какъ увидимъ въ § 459, такой же переходъ ѣ (ie) въ е имѣлъ мѣсто за į въ южнорусскомъ нарѣчіи.

§ 195. Въ положеніи передъ слогомъ съ ударяемымъ і имѣлъ, повидимому, мѣсто переходъ дифтонга ѣ (ie) въ і. Такъ sěditь, sědimъ, sědi перешли въ siditь, sidimъ, sidi — и уже отсюда получалось дальше siděti, siźu, при чемъ і переносилось даже въ ударяемый слогъ: sidźa. Ср. великор. сидѣть, сижу́, си́дя, си́днем; сидѣл 1391-1428 (А. Кал. I № 82), отъсидѣвъ 1391-1425 (А. Кал. I № 31). Малор. сиді́ти, сидьма́, сиднем, си́день, сидня́, сиду́ля, сиду́х. Бѣлор. сидзѣць Бых. (Ро. III, 191), sidźéć Лидск. (Weryha, 58). Только при предложенномъ ограниченіи условій разсматриваемаго явленія можно понять сохраненіе ѣ (е) не только въ ударяемомъ положеніи, какъ великор. сѣл, сѣсть, малор. сі́сти, но также и въ неударяемомъ, напр. сѣдѣти Русск. Пр. 1282, седѣти Радзив. 89, сѣдѣлъ Хожд. Дан. 98, Путеш. Ант. Римл. 39, седити Судебн. Оед. Ив. 48, седӣ Новор. сп. Новг. 4-й, 207б, сѣдѣлъ 1459 (А. Кал. I № 84), седѣлъ 1462-64 (сп. XVI в.) (Акал. I № 103), сѣдѣть Послов. XVII в. (Симони, 86), далѣе: сяжу Масал. сядзи Ржев. (Э. С. I, 293), siadzìć Дисн. (Zb. XVIII, 207), Свенц. (Zb. XVII, 139), посядзѣвъ Бых. (Ро. III, 417), śadźéć Лидск. (Weryha, 16), śedźàć (ib. 16); малор. сі́дя́т Старомѣст. (Етн. зб. 134), сі́дя́ць, сі́день, сі́дня́, сі́ду́ха, сі́дло́; бѣлор. сѣднемъ сядѣла Рогач. (Ро. III, 391).—Въ виду этого принимаю, что въ основѣ дѣт- звукъ и вм. ѣ явился фонетически въ ditina, ср. малор. дити́на, и уже отсюда переносился въ дитя, дитёныш, ди́тятко великор., дитя́, дитя́тко малор., дзицёнок Быхов. (Ро. III, 199), dzicià Волков. (Federowski, I, 36), ďíća Лидск. (Weryha, 61); ср. ѣ въ ударяемомъ положеніи, напр. ді́ти малор., дѣти великор., а въ неударяемомъ: дѣтвора́ великор., детя Судебн. Оед. Ив. 48, дѣтати Стогл. Хлуд. 60, бѣлор. ďaťèj Лидск. (Weryha, 64), дзацёнка Бых. (Ро. III, 199); малор. дїтва́, дїтво́ра, дїтни́й, дїточки́, дїцтво́; дьітя́ угрор. (Верхр. Знад. I, 70). — Равнымъ образомъ mězinyï (ср. старосл. мѣзиньць, сербск. мьезинац) перешло въ mizinyï: великор. мизинец, Мизиновка (назв. селенія), мизѣниї им. мн. Радзив. 220 об., малор. мизи́ний, мизе́льний; на мызыный Пересл. (Тр. II, 37), мезиный палецъ Новоградвол. (Тр. II, 17), мызынцемъ Каневск. (Рудч. II, 71); ср. рядомъ: людье мѣзинии Лавр. подъ 1176 г.; малор. мізиний палец Бродск. (Етн. зб. I, 19), мізи́ний, мізи́льний; угрорусск. мізи́лник (малый палецъ, Верхр. Знад. I, 37): ѣ сохранялось въ формѣ мѣзеный.

Примѣчаніе 1. Въ словѣ цѣловати, быть можетъ, еще въ общер. ѣ, ассимилируясь слѣдующему слогу, перешло діалектически въ о́; ср. бе[з] цоловань҃а Стогл. Хлуд. 293, не чолоую Новор. Новгор. 4-й, 327б, поцоло-

ваша Синод. сб. № 154 (Каринск.); поцолуюца Сарны (Вол. губ. вѣд. 1880 № 5); ср. еще дальнѣйшее измѣненіе о въ и подъ вліяніемъ слѣдующаго и въ сіиѣіj Бойк.-Стр. (Zb. X, 36).—Быть можетъ, правъ А. И. Соболевскій, объяснявшій телесе, телеса съ упорно держащимся въ древнихъ памятникахъ е (при тѣло), какъ результатъ ассимиляціи ѣ слѣдующему е (Ж. М. Н. П. 1893 № 11).

Примѣчаніе 2. Согласно § 15, ѣ въ общеслав. произносилось какъ іе въ концѣ слова и передъ слогомъ съ гласной передняго ряда и какъ еа въ другомъ положеніи. Слѣдовательно, указанный въ наст. § переходъ относится именно къ іе.

Лабіализація звука ъ.

§ 196. Выше, въ § 22, были указаны основанія, по которымъ звукъ общеславянскаго ъ надо опредѣлить какъ звукъ средняго ряда неполнаго образованія и при томъ нелабіализованный. Въ общерусскомъ праязыкѣ ъ, оставаясь звукомъ неполнаго образованія средняго ряда, лабіализировался; мы заключаемъ объ этомъ изъ того, что ъ позже въ извѣстныхъ положеніяхъ переходилъ въ о, т. е. въ лабіализованный звукъ. Причину перехода надо искать во вліяніи предшествующихъ согласныхъ; эти лабіализованныя согласныя образовались сами подъ вліяніемъ слѣдовавшей за ними гласной лабіализованной ŭ, до перехода ея въ средній рядъ (ў, откуда ъ). Такимъ образомъ разсматриваемое явленіе относится къ тѣмъ болѣе сложнымъ явленіямъ, гдѣ измѣненіе звука зависѣло отъ сосѣдняго съ нимъ звука; но я разсматриваю его здѣсь, а не ниже, потому что переходъ ъ нелабіализованнаго въ лабіализованный охватилъ вообще звукъ ъ, независимо отъ какихъ-либо иныхъ условій, кромѣ положенія его послѣ согласной, а внѣ этого положенія ъ былъ неизвѣстенъ. Особаго знака для лабіализованнаго ъ, въ отличіе его отъ нелабіализованнаго, я не ввожу.

Измѣненіе гласной а̊ въ о.

§ 197. Мы видѣли въ § 3 прим., что общеслав. праязыкъ имѣлъ звукъ о нижняго образованія; между тѣмъ во всѣхъ современныхъ славянскихъ языкахъ онъ представляетъ среднее образованіе. Очевидно, такое измѣненіе его происходило на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ. Славяне, а въ частности и русскіе даже въ позднѣйшія историческія эпохи передавали иноземное а черезъ о; это зависѣло отъ того, что а̊ было въ славянскихъ языкахъ неизвѣстно: въ эпоху распаденія славянства а̊ являлось только въ концѣ слова (изъ ā), между тѣмъ какъ въ другихъ положеніяхъ оно было долгимъ

или полудолгимъ. Въ русскомъ языкѣ X — XI вѣка, какъ увидимъ, иноземное ă въ началѣ слова систематически переходило въ о; то же было и въ серединѣ слова; удерживалось только ударяемое а; вѣроятно, это зависѣло отъ того, что подъ удареніемъ ´ (обычнымъ удареніемъ серединныхъ и конечныхъ слоговъ, весьма обычнымъ и въ начальныхъ слогахъ) гласныя еще въ общеслав. праязыкѣ растягивались до полудолготы.

Измѣненіе гласной ä въ а.

§ 198. Въ § 11 указаны условія появленія звука ā въ общеслав. праязыкѣ на мѣстѣ исконнаго ē. Въ общерусскомъ праязыкѣ, несомнѣнно въ связи съ переходомъ предшествовавшихъ звуку ä полумягкихъ согласныхъ въ мягкія, звукъ ä измѣнился въ а. Такимъ образомъ и здѣсь имѣемъ сложное явленіе, зависѣвшее отъ вліянія согласнаго звука на слѣдующую гласную; но мы разсмотримъ это явленіе здѣсь, а не ниже, въ виду того, что ä въ результатѣ смѣнилось вообще звукомъ а. Какъ мы знаемъ, употребленіе ā ограничивалось въ общеслав. праязыкѣ нѣкоторыми опредѣленными категоріями. Примѣры для звука а на мѣстѣ ä распредѣлимъ по этимъ категоріямъ.

§ 199. Въ суффиксѣ прилагательныхъ (преимущественно вещественныхъ) находимъ -an- вмѣсто общеслав. -ān- уже въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ: Остр. ев. камѧнъ, багърѧнѫ, трьнѧнъ, ꙗчьнꙗнъ; XIII Сл. Григ. Бог.: камѧнѣ 218δ, мѣдѧнаꙗ 349а, власѧнꙑихъ 65α; Сб. 1073: бисьрѧныꙗ, камѧнами, багърѧно, багърѧницеѭ; Сент. минея 1095: мѣдꙗнъ; Ноябр. минея 1097: пламѧнꙑꙗ; Путят. минея XI в. багърꙗницѫ; Папд. Антіоха: дрѣвѧнъ, зъдѧнъ; Син. Патер. XII в.: трьстѧноу трѣскоу, камѧница, Христиноп. ап.: пьр̓стѧнаго 160, камѧнаго 42, срд̄ць плътѧнъ 166; Сб. 1076: мѣдѧноую, плътꙗни; Юрьев. ев. оцьтѧно вино 189в; Чудовск. пс. XI в.: мѣдѧнаꙗ 80г, плътѧнъ 20а, глинѧнꙑ; Ефрем. кормч.: камѧнъ, мѣдѧнъ, дрѣвѧнъ (С. Обнорск., 54), сукнѧну Требн. Шерем. XIV в., 1б, и т. д. Въ позднѣйшихъ памятникахъ: потырь его мраморянъ Пут. Ант. Новг. 42; телѣга сребряна ib. 14, сребрѧникъ Волог. ев. XVI в. (Л. Васильевъ), витрѧнаа̀ ib.; камѧну и муромрѧну Ипат. 75б. Въ совр. языкѣ: великор. гли́няный, овся́ный, стекля́ный, полотня́ный, деревя́нный, волося́нка, склянка, сливянка, портянка, питья медяныя (у Кирши Дан.), Оловянка (мѣстность въ древн. Новгородѣ), Лубянка (въ Москвѣ). Бѣлор. сукня́ный, олова́нка, лубя́нка. Малор. мі́дяный, гли́няный, ка́мяний, костя́ний, сливя́ний, рутя́ний, соля́ний, соломя́ний, полотня́ний, румя́ний, румяне́ць, масляни́й, водяни́й, портяни́й, водяни́к, масля́нка, ледя́нка, ка́мянка, мідя́нка, прося́ниця, волося́ниця, склѧнну (Игн. зъ Никл. 17).

Примѣчаніе. Написанія, какъ камѣнаѧ Чуд. пс., мѣдѣнѣ двѣ капищи Лавр., и т. д., заимствованы изъ старослав. оригиналовъ; ѣ и въ подобныхъ словахъ въ русскомъ церковномъ произношеніи передавалось черезъ е; такъ объясняются: городъ каменъ Ипат. 77в, церк҃вь камену ib. 109в, рамено Радзив. 121 об., багренаѧ Христин. ап. 38. Что до руменый Лемк., то оно фонетически изъ румяный (Arch. XIV, 608). Звуковой аналогіей объясняется: а мнѣ жаль румѣнаю Обоян. (Машк. А. Г. О. XIX, 33); также отсюда алыми румѣнами (ib.); румѣный ср. зелёный.

§ 200. Въ суффиксѣ -an-, -anin- вмѣсто общеслав. -ān-, -ānin- видимъ а, напр. въ древнихъ памятникахъ, какъ Сб. 1073: ꙗ҆жпьтѧне; Сент. минея 1095: нінеуїтѧнъ; Ефр. кормч.: самарѧне, агарѧне (С. Обнорск. 54); Христин. ап. XII в.: ефесѧнина 52, понтѧнина 42, дерванинъ 47; Чуд. пс. XI в. вавулонѧне, македонѧнъ, палестинѧны; Мстислав. ев. израильтѧнинъ; Гр. 1189-99 (ок. 1263): гѳѧномъ. Въ болѣе позднихъ памятникахъ: египтѧне Ипат. 104б, ниневьгитѧны изд. 511; пираномъ Поуч. Ефр. Сир. 1377, 103б, перфѧни Сб. Рум. муз. 1584 № 358, 183 об. Совр. островитяне, Псковитянка, Смольняне, дворяне, Египтяне. Сюда же относится полоняникъ, ср. полонѧникы Ипат. 12а, вм. полоненикъ, подъ вліяніемъ *полоняне.

Примѣчаніе 1. Написанія, какъ ꙗ҆гупьтѣнемъ Сб. 1073, ниневгитѣне XIII Сл. Гр. Б., островѣнѣхъ въ одномъ изъ сп. Амартола, перьсѣнъяни, мелетинѣнина Син. пат. XII в., аравѣне, островѣне, сурѣне, египтѣне, измаилитѣне, моавитѣне Чуд. пс. XI в., илитѣнинъ Христин. ап. 128, излитѣнинъ Мстисл. ев., и т. п., заимствованы изъ старослав. оригиналовъ; передачу въ церковномъ произношеніи ѣ черезъ е находимъ, напр. въ случаяхъ, какъ издраилитены Ефр. кормч., ниневитены Хлѣбн., египтенина Радзив. 53.

Примѣчаніе 2. Только въ имени словѣнинъ, словѣне сохранялось ѣ въ общеслав. праязыкѣ, какъ видно и изъ словенск.: slovénac, slovę́nski, хорватск. slovinec, slovinski (у икавцевъ XVI в.), словацк. slovenka, slovenský. Это ѣ перешло и въ русск. языкъ, какъ заключаемъ изъ написаній: словѣнинъ Христин. ап. (Колосаямъ III, 11), словѣниноу Вопр. Кир. 33, Словѣнескъ (назв. города) Комм. сп. 448, Словѣньскоѓ озера Гр. 1395 (А. Кал. I № 53). Въ словенинъ Русск. Пр. по сп. 1282 е замѣнило ѣ вслѣдствіе общаго перехода ѣ въ е. Произношеніе Словяне, Славяне новое и книжное; оно явилось частью подъ вліяніемъ именъ народностей на -ан-, -анин-, а частью, быть можетъ, подъ вліяніемъ польск. słowianie.

§ 201. Въ имперфектѣ -а́а-, откуда -а́-, восходитъ къ общеслав. -ā̆а-. Примѣры. Остр. ев.: бѣахѫ, живѣаше 9с, идѣаше 4с, имѣаше 23b, хотѣахѫ; Сб. 1073: довъльаше, богатьаше, имаше, ѣдахоу и др.; Сб. 1076: баше; Ноябр. минея 1097: търпѣаше; XIII Сл. Гр. Бог. XI в.: велѣаше, вѣдаше, баше, видѣахоу; Путят. минея XI в.: имѣаше; Евг. псалт. XI в.: имашете, ядѣаше, разоумѣахѫ; Мстисл. ев.: идѣаше; Юрьевск. ев.: живѣаше; Отр. изъ житія Ѳеклы XI в.: живѣше, идѣхѫ; Син. пат. XII в.: сѣдаше, хотѣше, имаше, сѣдѣаше, идѣаше, владаше; Добр. ев.: бахъ, идаста; Христин. ап.: живахъ 121, пловахомъ 65, сѣдаше 63, хотахоу 63, баховѣ 38; Чуд. пс. XI в.: зьрѣаше, живѣахъ; Пант. ев. 1317: смаше, 127г., и т. д. Въ оригинальныхъ русскихъ памятникахъ подобныя формы употребляются почти исключительно: Ж. Ѳеод.: боудѣаше, имахоути и, сѣдѣаше; Ж. Б. и Гл. по сп. XII в.: бѣаше, хотѣаше, мьнѣхоу.

Примѣчаніе. Формы, какъ имѣху Лавр., совершенно единичны и едва ли не искусственны; формы, какъ имѣаше Ж. Б. и Гл., имѣяше, изумѣяше Лавр., имѣяхомъ послѣсл. писца въ Панд. Ник. Черногорца 1294 г., представляются новообразованіями подъ вліяніемъ основы наст. времени.

§ 202. Слово prāmo перешло въ общер. въ pŕamo. Примѣры. Сент. мин. 1095: прѣмо (изд. Ягича, 120, 121 и др.), Мстисл. ев.: прамо, Сб. 1073: прѣмь, Христин. ап.: прамо 48, Ефр. кормч.: прамо. Совр. великор. прямо́й, пря́мо, упря́мый; малор. пря́мий, пря́мо, прями́ти, прямува́ти. Слово sāmo перешло въ śamo, ср. великор. сям.

Примѣчаніе. Написанія, какъ прѣмо, прѣмь Чуд. пс. XI в., 141а, 110а, и т. д., восходятъ къ старослав. оригиналу. Рядомъ съ sāmo удерживалось и sĕmo: древнерусск. сѣмо, малор. сім, чешскослов. sem, словенское sémo и sèm, хорв. sim. Не исключена возможность объяснить русское сям вліяніемъ там; ср. сяк подъ вліяніемъ так; ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, вм. сихъ. Что до вьсямо, вьсякъ, то эти формы восходятъ къ общеслав. vьśamo, vьśakъ, ср. польск. wszak.

Измѣненіе гласныхъ ŏ, ŭ, ĭ въ ŏ, ŭ, ъ.

§ 203. Мы видѣли выше, что въ общеслав. праязыкѣ ŏ замѣняло е въ положеніи за j и смягченными согласными передъ слѣдующею твердой согласной и въ концѣ слова, что въ тѣхъ же условіяхъ измѣнилось ь въ ĭ, т. е. лабіализованное ь, и наконецъ, что и звучало какъ ŭ вообще за j и смягченными согласными. Въ общерусскомъ праязыкѣ всѣ три звука, еще до перехода полумягкихъ согласныхъ въ мягкія, измѣнились въ звуки ŏ,

ů, ъ, т. е. лабіализованные звуки средняго ряда, промежуточные между гласными задняго и передняго ряда; ъ, какъ мы видѣли, былъ въ общерусск. праязыкѣ звукомъ средняго ряда лабіализованнымъ. Такъ общеслав. žöna, kъnęžö, mѣšъkъ, ľübimъ, otъćü перешли въ žȯna, kъńažȯ, mѣšъkъ, ľübimъ, otъćů.

Привожу доказательства. Ниже увидимъ, что въ общер. праязыкѣ е послѣ мягкихъ согласныхъ (изъ общеслав. полумягкихъ) перешло въ положеніи передъ твердой согласной въ ö: общер. ńösu, śöło, śöstra; съ теченіемъ времени отсюда въ малорусскомъ nesu, sestra, seło (или точнѣе nėsu, sėstra, sėło съ ė средняго ряда); между тѣмъ, рядомъ въ малорусскомъ: žona, čoło, ščoka; отсюда видно, что если малор. nėsu возводить къ ńösu (а это необходимо въ виду общемалор. ńüös: нёсъ), то žona нельзя возвести къ žöna, т. е. къ тому виду, какой это слово имѣло еще въ общеслав. праязыкѣ; поэтому признаю общерусскою форму не žöna, а žȯna. Останавливаюсь именно на žȯna, не допуская для общерусскаго праязыка žona; хотя въ малорусскомъ найдемъ жона, чоло, пшоно, въ сѣверновеликор. жона, пшоно, южновеликор. жонка, пшонный, чолка, тѣмъ не менѣе препятствіемъ для признанія общерусскимъ произношенія съ о служитъ то обстоятельство, что древнерусскіе памятники пишутъ въ подобныхъ случаяхъ систематически е, а не о (жена, чело), слѣдовательно, за смягченными согласными въ древнерусскомъ слышалось не о, а другой звукъ. Правда, написанія съ е можно было бы объяснить церковнославянскою традиціей, но думаю, что живой русскій звукъ (если бы это было о) рано проявился бы на письмѣ; между тѣмъ въ памятникахъ XI—XII в. написанія чо, жо, шо почти неизвѣстны; позже, съ XIII в., эти написанія начинаютъ появляться только въ нѣкоторыхъ областяхъ, а именно въ западной Руси, гдѣ, повидимому, дальнѣйшій переходъ ȯ въ о произошелъ раньше, чѣмъ въ другихъ говорахъ.

Примѣчаніе. Въ памятникахъ XI в. о вмѣсто е послѣ послѣ шипящихъ встрѣчается только въ видѣ описокъ: чоловѣка Сб. 1073, 179д; нюжо Сент. минея 1095, боудоущохъ ib. —Изъ памятниковъ XII в. отмѣчу единичные случаи: тожо Гал. ев. 1144, 104а, пославшомоу ib.; ковьчогъ Ев. Единов. мон. XI—XII в., жьрьцомъ ib., оуражонъ Жит. Саввы XII в., вълѣзоущомъ ib., имоущомоу Христиноп. ап. 85, творѧщомоу 113, меньшомоу 125, свѣдѣтельствоующомоу 32. Часты такія написанія въ Словѣ Иппол. объ Ант. XII в.: блажонъ, дьржащомъ, раздѣливъшомъсѧ, хытрьцомъ, и др. Замѣчу, что о въ грамматическихъ окончаніяхъ могло вызываться на мѣстѣ ȯ вліяніемъ основъ на твердую согласную; исключивъ поэтому о на мѣстѣ е въ грам-

матическихъ окончаніяхъ, найдемъ, что написанія съ о вмѣсто е въ памятникахъ XII в. чрезвычайно рѣдки.

§ 204. Сходныя разсужденія приводятъ къ необходимости предположить переходъ ѣ въ ъ въ общер. праязыкѣ. Въ общер. праязыкѣ вмѣсто рѣsѣ, какъ увидимъ, явилось рѣsѣ; рѣsѣ перешло въ малор. въ pês; слѣдовательно, малор. мішок нельзя возвести къ mѣ̆s̆ѣ̆kѣ (которое дало бы мішек), а надо допустить промежуточную форму mѣ̆s̆ъkѣ. Правда, въ русскихъ памятникахъ написанія шъ, жъ, чъ, щъ совсѣмъ неизвѣстны, но это зависѣло, думаю, отъ того, что съ представленіемъ о буквѣ ъ тѣсно сочеталось представленіе о предшествующей ей твердой согласной, почему постановка буквы ъ за буквой, означающей мягкую согласную, была недопустима.

§ 205. О переходѣ ŭ въ ŭ въ общерусскомъ праязыкѣ заключаю по аналогіи съ допущеннымъ на основаніи изложенныхъ выше соображеній переходомъ ŏ въ ŏ и ѣ въ ъ. Что сочетанія s̆ŭ, ź̆ŭ, ć̆ŭ, ć̆ŭ древнерусскій языкъ не измѣнилъ въ s̆u, ź̆u, ć̆u, ć̆u, видно изъ упорнаго правописанія шю, жю, чю, цю рядомъ съ ша, жа, ча, ца въ памятникахъ даже XIV и XV в.; очевидно, буквой ю обозначалась не мягкость согласной (остававшаяся невыраженною въ написаніяхъ жа, ша, ча, ца), а особый звукъ, отличный отъ звука, изображавшагося буквой у (оу).

Измѣненіе звука ź̑ въ ź.

§ 206. Соображенія, изложенныя въ § 71 прим., не позволяютъ признать измѣненіе ź̑ (изъ g передъ новой гласной передняго ряда, замѣнившей исконный дифтонгъ oi, а также послѣ гласн. пер. ряда) въ ź діалектическимъ явленіемъ общеслав. праязыка. Дѣйствительно, такая замѣна могла произойти на почвѣ уже обособленныхъ славянскихъ нарѣчій. Сохраненіе ź̑ всѣмъ вообще составомъ общеслав. праязыка особенно вѣроятно въ виду того, что gu передъ дифтонгомъ ѣ, уже послѣ распаденія общаго языка, въ южной и восточной его вѣтви, перешло въ ź̑v, а не źv, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ діалектическія данныя малор. языка. Наконецъ, сохраненіе ź̑ въ общерусскомъ доказывается малорусскимъ ź̑, получившимъ, впрочемъ, діалектически, такъ сказать, неорганическое, распространеніе насчетъ звука z. Все это побуждаетъ меня признать переходъ ź̑ въ ź явленіемъ общер. праязыка, не получившимъ полнаго осуществленія въ нѣкоторыхъ, какъ кажется, югозападныхъ діалектахъ, гдѣ именно удержалось ź̑, повидимому, только въ началѣ слова. Итакъ общеслав. lьź̑a, noź̑ѣ, lęź̑ї, boź̑i и т. д. перешли въ lьźa, noźѣ, ľaźї, boźi. Ср. великор. польза, по̂зю Радзив. 87 об., нельзя; бѣлор. назѣ; малор. нозі, лязьте Нѣж. (Малининъ, 57), лязьте Ипат.

22б. Равнымъ образомъ южно-восточное слав. ʒvě̀zda перешло въ zvě̀zda: великор. звезда, малор. звізда.

Примѣчаніе. Указаніе на діалектическое сохраненіе ʒ въ началѣ слова извлекаемъ изъ малорускаго; здѣсь, какъ мы видѣли въ § 185, діалектически сохранилось ʒvizda. Чередованіе ʒvizda и zvizda, а также, можетъ быть *ʒiĭo и *ziĭo повело за собой появленіе ʒ вмѣсто z въ началѣ слова, напр. въ случаяхъ, какъ дзвинить (Игн. зъ Никл. 54), дзво́ныкъ (Кв. I, 168), дзвиныцю (Кв. I, 9), задзвонили (Шевч.), padzwaniu Волков. (Feder. I, 68), dzwiryna Бойк.-Стр. (Zb. X, 23), дзвер Харьк. (Р. Ф. В. 1882 № 1), dzołotyj czownyk (Pokucie Kolberga I, 107), dzołoto (ib. 101), dzełene wyno (ib. 105), dzełenyj Бойк.-Стр. (Zb. X, 6), dzelizo (ib. 23), дзеркáла (Кв. II, 72), и мн. др.—Неясно малор. Ольдзя, уменьш. отъ Ольга.—Не исключена возможность и иного объясненія ʒ вм. z въ началѣ словъ. По аналогіи съ сочетаніемъ ź ʒ́ можно думать, что и ź ʒ сохранялось въ общер.; слѣдовательно, напр. iź ʒ́vě̀zdy; отсюда извлекалось ʒvě̀zda, передававшее свое ʒ и въ другія слова вмѣсто z.

Измѣненіе ć и ʒ́ долгихъ въ ć и ʒ́.

§ 207. Общеслав. ć долгое или ćć явилось въ результатѣ измѣненія группы tj, а также группы kt передъ гласной передняго ряда (см. § 67). Въ общер. праязыкѣ ć долгое упростилось и перешло въ ć. Такъ общеслав. ććüdь, (изъ tjuda, готскаго слова, означавшаго «народъ»), хоććǫ, реććöга, поććь измѣнились въ ćüdь, хоćй, ре́ćöга, поćь. Примѣры изъ древнѣйшихъ памятниковъ: посѣчи XIII Сл. Г. Б., чоуждего Сб. 1073, 51b, клевечѫща ib. 27d, трепечоушта ib. 54a, възлечи Арх. ев. 5a, мечемъ ib. 7b, хочю ib. 22a, скрьжьчеть Юрьевск. ев. 160c, хочю Добр. ев. 54d, вачши ib. 122b, аче Сб. 1076, обьче ib., клокочющю Минея XI в. № 221, 55b, хочю Ж. Б. и Гл. XII в., почьтоуче ib., клевечють Усп. Минея XII в. № 175(18) въ Ж. Ав., порѫпъчи ib. 273, 2, дъчи, дъчѣрь Ев. XIII в. № 6, 114b, речі Христин. ап. 52, стеречи ib. 57, ночь Ефр. Кормч. (С. Обнорск. 62), хочеть, чюжь, клевечющю, бѣдьнѣюче, дъчере, сестричича ib., и т. д. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ укажемъ: вѣдоуче Новг. 1-я, 151a; спатъ ложачесѧ Переясл. сп. Поуч. Ефр. Сир. 200a, закладаюче Русск. Пр. 1282, 53, оусрѧчеть ib. 57, варяче Хожд. Дан. (Венев. 8), ѿ ссоучиѩ мт̑ри Палея 1477 (Каринск.), печерка Лавр. подъ 1051.—Изъ совр. языка: великор. горячій, падучій, идучи, встрѣча, мачеха, отвѣчать, короче, круче, обл. обочь,

овочь; бѣлор. stajačy, v̇edučy, ńasučy Лидск. (Weryha, 39, 36); малор. ніч, хочу, дочка, и т. д.

Примѣчаніе. Аналогично этому измѣненію позднѣйшее измѣненіе č́č́ въ č́: dъšč́anъ перешло въ tščan, č́č́an и č́an (чанъ). Ср. ниже, § 437.

§ 208. Общеславянское ǯ́ долгое или ǯ́ǯ́ восходитъ къ первоначальному сочетанію dj (см. § 68). Въ общерусскомъ праязыкѣ ǯ́ǯ́ перешло непосредственно въ ǯ́. Такъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ русскихъ говоровъ, представляющихъ ǯ на мѣстѣ исконнаго dj въ такихъ случаяхъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи о новомъ происхожденіи такого сочетанія; эти говоры находимъ какъ въ Угорской Руси, такъ и въ Галиціи. Въ угрорусскомъ можно указать: саджа, одеджа, пряджа, меджи и меджі, чюджий, рыджік (Верхр., Знад. II, 42 43); галицк.: їдж, їч Старомѣстск. пов. (Гнатюк, Етн. зб. VI, 21, 134), по́меджи (ib. 23), вуджій «поводырь» Бучацк. (ib. VI, 92), саджѧвка (Казки Игн. зъ Никл. 63), ѣчь 2 пов. (ib. 29), зъѣджъ (ib. 71), повѣджь (ib. 89), повѣджъ (ib. 69), повѣджте (ib. 45), передже (ib. 58, 76, 89). Въ пинскихъ говорахъ находимъ также zjidż (Zb. wiad. XIII, 202). Единично и весьма любопытно: на купца походжъ Черик. (Ро. VI, 309). Слѣды такого ǯ́ можно найти и въ памятникахъ, ср. произношеніе doroγobuǯ, на которое указываютъ написанія дорогобꙋчь въ Комм. сп. Новг. 1-й (изд., 447) и въ Новор. Новг. 4-й, 2б; ср. также мечибиѥ (Меджибожье) въ Ипат., 126б.

§ 209. Большинство говоровъ общерусскаго праязыка измѣнило ǯ́ въ ž́. При этомъ въ однихъ говорахъ такое измѣненіе было проведено безъ всякихъ ограниченій, а въ другихъ ǯ́ удерживалось въ такихъ грамматическихъ формахъ (а именно глагольныхъ категоріяхъ), гдѣ оно находилось въ чередованіи со звукомъ d,—удерживалось подъ вліяніемъ этого чередованія (ср. въ соотвѣтствующихъ образованіяхъ č́ при t). Въ говорахъ, легшихъ въ основаніе великорусскаго нарѣчія, такое архаическое ǯ неизвѣстно; напротивъ, оно распространено въ говорахъ, лежащихъ въ основаніи малор. и и бѣлор. нарѣчій. Мы находимъ его въ угрор. говорахъ съ неподвижныхъ удареніемъ: сыджу, віджу, родженый (Верхр. Знад. II, 43), между тѣмъ какъ говоры со свободнымъ удареніемъ имѣютъ ж: ви́жю, ла́жю, саже́ный, ме́жу (т. е. підправлюю медом, Верхр. Знад. I, 34). Сильно распространено такое дж въ Галиціи: виджу, ѣдженѧ, засмердженый (Казки Игн. зъ Никл. 16, 27, 42), си́джу Бучацк. (Етн. Зб. VI, 25), hladżu Бойк.-Стрыйск. (Zbiór, X, 34). Оно извѣстно и на Украйнѣ: hladżu Новоград.-вол. (Zbiór, VII, 170), súdżenyj Винницк. (Zbiór, VI, 44), невгоцувати Кіевск. (Шейк. 34). Въ сѣверномалор.: пробуджяти Кобр. (Бычко-Машко, № 17), прохо-

джуся ib. Въ бѣлорусскомъ: доходжу Быхов. (Ро. III, 214), саджаць (ib. 217), роджаць (ib. 93), виджу (ib. 168), награджу Рогач. (Ро. III, 177), засаджавать (ib. 184), приходжають (ib. 150), рагаδù Лидск. (Weryha, 32), śaδù (ib. 68), chadžù Сокол. (Zbiór, XVI, 231).

§ 210. Примѣры для русскаго ž изъ общеслав. ž̑ž̑ находимъ въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ. Такъ уже въ Остр. ев.: прихожѫ, просмражѫть, прѣже (нѣсколько разъ), роженъıи, рожьство, щоужемь, въздежеши и т. д. (ч вм. шт въ Остр. ев. не встрѣчается); въ Сб. 1073: жажа 22b, прѣже (нѣск. разъ), рожениѥ 11c, стражеть 66c, тожьство 3 об. и мн. др.; въ XIII Сл. Гр. Б.: дажь 110б, вижь 350γ; въ Туровск. ев. XI в.: рожьства 3 об., и мн. др.; въ Чуд. пс. XI в.: рожьство, прѣже, въхожениѥ, брѣжахъ, и др. (Погорѣловъ, 37); въ Кирилл. части Реймск. ев.: рожьства, прѣже; въ Ефр. кормч.: надежи, ноужѧ, дажь (по С. П. Обнорскому 500 случаевъ) и т. д. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XII в. ж замѣняетъ церковнославянское жд уже систематически; такъ между прочимъ, повидимому, въ Христиноп. ап. XII в., въ Стихир. Ак. Н. XII в.; на первыхъ 160 листахъ Ефр. кормчей написанія съ жд встрѣчаются, по С. Обнорскому, только въ 28 случаяхъ. Это обстоятельсто объясняется тѣмъ, что русскому языку XI—XII в. сочетаніе žd было чуждо и едва ли для русскихъ удобопроизносимо (žd до паденія глухихъ, до измѣненія žьd въ žd, не было извѣстно въ своихъ словахъ); можно поэтому думать, что старослав. žd въ церковномъ произношеніи съ самаго начала замѣнялось черезъ ž — и это въ противоположность церковному шт, которое русскими произносилось šč, т. е. сочетаніемъ, свойственнымъ самому русскому языку.

Примѣчаніе. Совершенно особо стоитъ судьба ž̑ въ положеніи за ž; сочетаніе ž ž̑ удерживалось въ общер. праязыкѣ безъ измѣненія (ср. § 92 и 93). Въ говорахъ, сохранявшихъ ž̑ (изъ общеслав. ž̑ž̑), этотъ звукъ извлекался изъ сочетанія žž̑ и подъ вліяніемъ звуковой аналогіи замѣнялъ начальное ž (изъ общеслав. ž). Такъ, вѣроятно, объясняется малор. джерелó (джерелóмъ Эн. 211): ǯerelo извлечено изъ сочетанія ižǯereła; джарити вм. жарити (Сл. Желех.); джурчи́ть (Основа 1862, янв. I, 11); dž̑gni Волков. (Feder. I, 59); крашивою джикгухою Козелецк. (Черниг. Г. В. 1855 № 17), и др. Изъ такихъ случаевъ дж передавалось и въ другіе: джонва вм. жовна, джолонка вм. жолонка (уменьш. отъ жовна).

Переходъ l въ ł.

§ 211. Общеслав. праязыкъ сохранялъ l въ неизмѣненномъ видѣ только передъ согласными, ибо передъ гласными задняго ряда l перешло въ ł, а передъ гласными передняго ряда l измѣнилось въ l полумягкое (откуда, какъ увидимъ, въ общер. ľ). Въ общерусскомъ праязыкѣ l измѣнилось въ ł, независимо отъ положенія передъ слѣдующей твердой или мягкой согласной. Такъ golsě, golva, mъlviti, xъlmъ, žölbъ, šölmъ, ćьlnъ, žьltъ (съ долгимъ l) перешли въ gołsě, gołva, mъłviti, xъłmъ, žołbъ, šołmъ, žъłtъ, ćъłnъ (съ долгимъ ł); отсюда позже gołosъ, gołova, žołobъ, šołomъ, а еще позже въ отдѣльныхъ діалектахъ mołvić, xołm, žołt, čołn. Еще разъ мнѣ придется вернуться къ этому явленію ниже, гдѣ я разсмотрю переходъ ьl, el въ ъł, oł.

Примѣчаніе 1. Звукъ l въ сочетаніяхъ ol, el, ъl, ьl ни при какихъ условіяхъ не измѣнялся въ ł. Произношеніе испольнить, хольстина, польти на Камчаткѣ (Обл. сл. 182), мольчать въ Нерч. (Обл. сл. 181) вызвано вліяніемъ той или иной инородческой среды. Если буквѣ ь въ написаніяхъ вольна Часосл. XIV в. (Собол. Оч. 76), тъльцѣте, вольнами Лук. ев. 1409, мольвлю, мольвять Ипат. и т. п. придавать значеніе знака мягкости, то легко признать въ этихъ написаніяхъ попытку передать искусственное церковнослав. произношеніе съ l, вызванное въ книжныхъ людяхъ вліяніемъ южнославянскимъ, ибо въ южнослав. языкахъ, какъ извѣстно, ł перешло въ l при всякомъ вообще положеніи. Ср. такую же попытку въ написаніяхъ церковныхъ словъ, какъ възалкася Погод. ев. XIII в. № 11, алькать, взальчетеся Лук. ев. 1409, альчють, альчюще Гал. ев. 1266-1301 (Собол. Оч.), альчбѣ Западнор. минея 1489 г.

Примѣчаніе 2. Наше скользкій восходитъ къ skъlьzъkъ, какъ было указано А. И. Соболевскимъ; ср. параллельную форму склизкій изъ skъlizъkъ.

Примѣчаніе 3. Въ сочетаніяхъ el послѣ смягченной согласной передъ слогомъ съ гласной передняго ряда l также перешло въ ł: общеслав. ćelně, želbitї измѣнились въ ćełně, želьbitї. Ср. § 221.

Переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія.

§ 213. Въ общеслав. праязыкѣ, какъ мы видѣли, согласныя несмягченныя произносились полумягко передъ слѣдующими за ними гласными передняго

ряда: і, е, ь, ę, ѣ, ā; полумягкость была вызвана ассимилирующимъ вліяніемъ этихъ гласныхъ. Въ общерусскомъ праязыкѣ произошелъ общій переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія. Возможно, что такой переходъ начался въ положеніи передъ гласными і и ѣ (іе) въ силу еще бо́льшаго приближенія къ нимъ предшествующихъ согласныхъ: p̓i, t̓i, n̓i, l̓ѣ и т. д. перешли въ ṕi, t́i, ńi, ĺѣ; это вызвало переходъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія также и въ другомъ положеніи, т. е. передъ гласными средняго (е, ь, ę) и нижняго образованія (ā). Какъ увидимъ ниже, эти послѣднія гласныя, въ противоположность гласнымъ верхняго образованія, подверглись значительнымъ измѣненіямъ, въ связи съ перемѣной въ артикуляціи предшествующихъ согласныхъ: ę перешло въ ą и а (ср. выше § 191), ā въ а (ср. § 198), е и ь (при другомъ сопутствующемъ условіи) въ ö и ъ̈. Эти измѣненія доказываютъ фактъ перехода полумягкихъ согласныхъ въ мягкія. Но кромѣ того онъ подтверждается совокупнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ русскихъ нарѣчій. Разсмотрю эти свидѣтельства.

Мягкость согласныхъ передъ замѣстителями дифтонга ѣ находимъ во всѣхъ русскихъ языкахъ: великор. и бѣлор. ḃeło (ḃiĺá, ḃaĺá), śeno (śeno), малор. ďiło, śino (отвердѣніе губныхъ и r передъ і въ малор. принадлежитъ къ позднѣйшимъ явленіямъ). Равнымъ образомъ мягки согласныя передъ а изъ ę во всѣхъ русскихъ языкахъ: великор., малор. и бѣлор. śaḋu, ź́aṫ, ṫanuṫ (ṫanut) 3 л. мн.; великор. и малор. poŕadok (páŕadák); отмѣчу при этомъ появленіе j(i̯) въ малор. послѣ отвердѣвшей губной, при чемъ произношеніе mi̯aso, pi̯aṫ ведетъ несомнѣнно къ mʹaso, pʹaṫ. Далѣе видимъ мягкую согласную передъ а изъ ā въ случаяхъ, какъ kośṫa̯nu̯i̯ (kośṫanoi̯, káśṫénoi̯), porṫanka, ołóva̯nu̯i̯ (ołóva̯noi̯) и т. п., при чемъ малор. sołomji̯anu̯i̯ ведетъ къ sołomʹanu̯i̯. Мягки согласныя также передъ выпавшимъ ранѣе ь, напр., въ концѣ слова: южновеликор. и бѣлор. nóśiṫ (nośić), малор. nosïṫ, сѣверновеликор. діалект. nośúṫ, бѣлор. nasuć, южновеликор. nasuṫ (nisuṫ); отвердѣніе конечнаго t въ окончаніи 3 ед. и мн. надо отнести къ позднѣйшимъ явленіямъ (сѣверноруссскимъ, сѣверномалорусскимъ и галицкимъ); устойчивѣе мягкость согласной въ формахъ именъ существительныхъ, гдѣ возможно допустить отчасти и вліяніе со стороны формъ, имѣвшихъ за мягкой согласной гласную: великор., молор., бѣлор. puṫ (puć), kośt (kiśṫ, kość); отвердѣніе конечныхъ губныхъ явленіе позднѣйшее; въ серединѣ слова отмѣчу, напр., великор., малор. и бѣлор. ṫma (ć́ma), великор. діалект. końskoi̯, малор. kińskýi̯, великор. toĺko, малор. tiĺko (діалектически извѣстно и tilko).

Всѣ русскія нарѣчія свидѣтельствуютъ о мягкости согласной также передъ общерусскимъ ö изъ е: это ö въ великор. и бѣлор. перешло въ о, а

въ малор. (когда оно было долго) въ üö, откуда далѣе ü, i, ср. великор. и бѣлор. ńos, ḿot (медъ), ťotka, сѣверномалор. ńuos, ťuotka, mjuod, укр. ńis, ťitka. Равнымъ образомъ можно указать на рядъ случаевъ, гдѣ всѣ русскія нарѣчія представляютъ мягкую согласную передъ о изъ ь: великор., бѣлор. и малор. ľoп, великор. ťomnoį, бѣлор. ćomnуį, малор. діалект. ťomnуį.

Примѣчаніе 1. Въ противоположность другимъ русскимъ языкамъ малорусскій представляетъ твердыя согласныя передъ исконными i и e, напр. sïťa, nèbo, но здѣсь имѣло мѣсто позднѣйшее отвердѣніе, какъ это видно, во-первыхъ, изъ того обстоятельства, что уже въ общеслав. праязыкѣ передъ гласными передняго ряда, въ частности передъ i и e, развивалась полумягкость; во-вторыхъ, изъ того, что не только полумягкость, но именно мягкость свидѣтельствуется малор. языкомъ въ положеніи передъ остальными исконно передними гласными (а изъ ę, i изъ ě, i изъ ō долгаго, о изъ ь), а также передъ исчезнувшимъ ь (см. выше); въ-третьихъ, изъ того, что самые гласные звуки ï и e (діалетически y и ė) не первоначальны, ибо славянскіе языки свидѣтельствуютъ, что напр. въ словахъ siťa и synъ въ первомъ слогѣ были исконно двѣ разныя гласныя, между тѣмъ какъ въ малор. находимъ здѣсь одну гласную (sïťa и sïn, діалект. syťa и syn). Невѣроятно заключить изъ показаній малор. языка, чтобы согласныя передъ i и e оставались въ общер. праязыкѣ полумягкими (каковыми они были въ общеслав. праязыкѣ); такое заключеніе основывалось бы единственно на предположеніи, что полумягкость можетъ утратиться легче, чѣмъ полная мягкость, тѣмъ болѣе что мягкія согласныя въ малор. вообще не отвердѣваютъ. Между тѣмъ имѣемъ ясное указаніе на отвердѣніе въ малорусскомъ и исконной (общеславянской) мягкости: общеславянскимъ ńiva, kъńiga, otъ ńixъ, kъ ńemu, poľe и т. п. здѣсь соотвѣтствуютъ nïva, knïha, vid nïx, k nèmu, polè (діалект. nyva, poťè). Слѣдовательно, передъ нами позднѣйшее, спеціально малорусское отвердѣніе согласныхъ и связанный съ нимъ переходъ гласныхъ передняго ряда i, e, ō въ гласныя средняго ряда ï, ė. Въ пользу того, что s, напр., въ śeľo, было мягко въ малор., говоритъ и то обстоятельство, что s мягко, напр. въ śiľskуį: і здѣсь изъ ie, которое изъ ê долгаго въ положеніи послѣ мягкой согласной. Отмѣчу еще произношеніе съ мягкими согласными передъ і въ совр. говорѣ Лемковъ: roḃiťi, ḃiťi, kośiťi, dźigati, moľiťiśa, ḿiųуį, gťiva, pšeńića, xoďiťi (Werchratskij въ Arch. XIV, 597—598; Ogonowski, Studien, 38, 145). Объяснить такое і вмѣсто малор. у вліяніемъ польскаго языка нельзя уже потому, что такое вліяніе неиз-

бѣжно повело бы къ появленію і вообще на мѣстѣ звука у, а потому распространилось бы и на у изъ древняго у, чего наблюдатели не указываютъ. Приходится думать, что въ этой чертѣ говора Лемковъ мы имѣемъ дѣло съ глубокимъ архаизмомъ.

Примѣчаніе 2. Отвердѣніе согласныхъ, находимъ и въ нѣкоторыхъ великор. говорахъ. Оставляю въ сторонѣ жиздринскіе говоры; о которыхъ см. въ описаніяхъ Е. Ѳ. Будде, Н. Н. Дурново и моемъ: такъ или иначе здѣсь возможно предполагать вліяніе малор. нарѣчія. Имѣю въ виду такіе говоры, какъ окающій говоръ южной части Судогодскаго уѣзда, гдѣ по крайней мѣрѣ подъ удареніемъ замѣчается отвердѣніе согласной передъ е: пэч, тэсть, молодэц, отэц; также акающіе говоры восточной части Егорьевскаго уѣзда, гдѣ подобное же отвердѣніе, иногда неполное, замѣчается, какъ черта вымирающая. Думаю, что мы должны принимать здѣсь приспособленіе согласной звуку е: результатомъ его являлась меньшее, чѣмъ передъ і, приближеніе языка къ твердому нёбу; мягкость замѣнялась полумягкостью, которая могла и совсѣмъ утрачиваться. О. Брокъ въ своемъ изслѣдованіи о Тотемскомъ говорѣ (стр. 75 и сл.) доказывалъ, что здѣсь губныя, а также, повидимому, r, l имѣютъ двѣ степени патализаціи: передъ і и передъ ê (е узкимъ изъ ударяемаго ѣ) находимъ высшую степень мягкости, между тѣмъ передъ е, а, о замѣчается меньшая степень мягкости; слоги pi, mi, pê произносятся какъ $p^{i}i$, $m^{i}i$, $p^{i}ê$, между тѣмъ какъ слоги pe, me произносятся $p^{e}e$, $m^{e}e$; ср. также $p^{e}a$, $m^{e}a$, $p^{e}o$, $m^{e}o$. Думаю, что и здѣсь имѣетъ мѣсто явленіе позднѣйшее: произношеніе согласной уподобилось непосредственно слѣдующей за ней гласной, вслѣдствіе чего сохранилось $p^{i}i$, но $p^{i}e$ перешло въ $p^{e}e$. — Изъ данныхъ, приводимыхъ Л. Л. Васильевымъ въ статьѣ о произношеніи ѣ въ моск. нарѣчіи, нельзя сдѣлать заключенія о томъ, что передъ е согласныя произносились въ древнемъ моск. нарѣчіи тверже, чѣмъ передъ замѣстителемъ стараго ѣ; написанія какъ mɛlko, wmɛste, sowsɛm, prigorɛƛo, otwɛsit при terti, czerƛen, ƛehkii въ любопытной записи XVII в., имъ напечатанной, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что замѣститель стараго ѣ подъ удареніемъ продолжалъ звучать здѣсь, какъ дифтонгъ ie (ie) или какъ узкое ê или, наконецъ, какъ i^{e}; ср. подобныя же отношенія въ нѣкоторыхъ современныхъ южновелик. говорахъ, напр. въ землянскомъ и задонскомъ, гдѣ ѣ подъ удареніемъ звучитъ какъ ie, въ рязанскомъ, описанномъ Тоншинымъ (Р. Ф. В. 1912 г.), въ егорьевскомъ,

описанномъ мною (Изв. 1913, кн. 4-я), гдѣ ѣ подъ удареніемъ звучитъ какъ звукъ средній между і и е.

§ 213. Одновременно съ переходомъ полумягкихъ согласныхъ въ мягкія передъ гласными произошелъ такой же переходъ полумягкаго r въ мягкое r въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ eŕ, ьŕ (см. выше, §§ 83, 112); слѣдовательно, eŕ, ьŕ перешли въ eŕ, ьŕ. Впрочемъ, этотъ переходъ не имѣлъ мѣста передъ твердой зубной (точнѣе передъ лабіализованной); можно думать, что r въ такомъ положеніи успѣло отвердѣть (лабіализоваться) до дѣйствія или одновременно съ дѣйствіемъ разсматриваемаго закона; слѣдовательно, вмѣсто ƀeŕza, żьŕno явились ƀerza, źьrno (отсюда ƀörza, źörno). Переходъ r въ ŕ въ сочетаніяхъ er, ьr имѣлъ такимъ образомъ мѣсто въ положеніи передъ мягкими зубными, мягкими и твердыми губными, а также передъ задненёбными согласными: čeŕvo, ďeŕvo, čeŕrъ, steŕgľъ перешли въ общерусскомъ въ čeŕvo, ďeŕvo, čeŕrъ, steŕgľъ (отсюда позже čeŕevo, ďeŕevo, čeŕerъ, šteŕegľъ); точно такъ же: vьŕba, šьŕrъ, vьŕxъ, żьŕkało, čьŕti перешли въ vьŕba, šьŕrъ, vьŕxъ, źьŕkało, čьŕti. О переходъ eŕ въ eŕ заключаю на основаніи перехода ьŕ въ ьŕ. Наличность же въ общер. праязыкѣ сочетанія ьŕ передъ указанными выше согласными доказывается какъ великорусскимъ языкомъ, такъ и угрорусскими говорами. Ср. южновеликор. и сѣверновеликор. верьба, верьх, серьи, церькофь, перьвой, стерьва, зерькало, черьпать, четверьк, терьпит, верьчен, черьти, перьсни, жерьть (жердь); въ литер. нарѣчіи сохранилось ŕ передъ мягкими согласными, но кромѣ того церькофь, четверьк, верьх. Въ угрорусскомъ отмѣчено: пе́рьвый, верьх, ме́рьва, серьця, тепе́рь изъ теперьво, верьхо́м, ве́рьба и верьба́, четве́рь, четверьга́ (Верхр., Знад. I, 30), серьи, верьх, серьце, перьгач (летучая мышь) (Верхр., Знад. II, 39), vêŕba, vêŕx, na vêŕxu, sêŕp, čêŕpati, cêŕkǫ̑ц, čêtvêŕ, têŕx, zêŕkalo, vêŕhaцu (Брокъ, Угрор. нарѣчіе с. Убли).

Переходъ полулабіализованныхъ согласныхъ въ лабіализованныя.

§ 214. Въ общеслав. праязыкѣ, какъ мы видѣли, полулабіализованными были несмягченныя согласныя передъ гласными задняго ряда и гласными средняго ряда, происшедшими изъ гласныхъ задняго ряда. Въ общер. праязыкѣ въ отношеніи къ полулабіализованнымъ согласнымъ дѣйствовалъ тотъ же законъ, что въ отношеніи къ полупатализованнымъ, т. е. здѣсь развивалась полная лабіализація, при чемъ между согласною и слѣдующею гласною появлялся въ изв. случаяхъ переходный звукъ—редуцированное и неслоговое. Это ц затѣмъ, быть можетъ, еще на почвѣ общерусскаго праязыка исчезало при отсутствіи благопріятныхъ условій; опредѣлить эти условія

трудно. Можно полагать, что лабіализація согласныхъ перешла и въ позднѣйшія эпохи при наличности слѣдующихъ условій: во-первыхъ, передъ слѣдующимъ о (а слѣдовательно, вѣроятно, также и передъ u), во-вторыхъ, передъ слѣдующимъ у (т. е. ы). Что касается положенія передъ ъ, то лабіализація согласныхъ исчезала передъ нимъ, причемъ измѣнялся за то самый звукъ ъ въ ъ лабіализованное (см. выше § 196). Сохранялась ли лабіализація согласныхъ также передъ а, мнѣ неясно, но наличность ея въ древнѣйшемъ періодѣ общер. праязыка можетъ быть, какъ увидимъ, доказана переходомъ е въ ö передъ слогомъ, состоящимъ изъ твердой согласной + а (см. § 218). Приведу основанія для признанія твердыхъ, непалатализованныхъ, согласныхъ въ общер. праязыкѣ лабіализованными передъ гласными непередняго ряда.

§ 215. Въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ о приведу слѣдующія два соображенія. Во-первыхъ, малорусскій языкъ представляетъ дифтонгъ uo на мѣстѣ ō, замѣнившаго о въ положеніи передъ слогомъ, утратившимъ ъ или ь (древнемалор. suoĺ, puop); дифтонгъ uo вѣроятно возвести непосредственно къ сочетанію ᵘo, подлежавшему удлиненію, а удлинилось оно вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ ъ или ь; результатомъ удлиненія былъ переходъ сочетанія ᵘo въ u̯o, uo; общеслав. dᵒ̂mъ̆ (съ ô закрытымъ и полудолгимъ) перешло въ общер. праязыкѣ въ dᵘ̂mъ̆, отсюда въ малорусскомъ duom. Во-вторыхъ, находимъ дифтонгизацію о въ u̯o и послѣдующую замѣну u̯o черезъ ô или ω (такъ обозначу средній звукъ между о и u) въ рядѣ великорусскихъ говоровъ. Какъ указано въ § 142 прим., явленіе это въ говорахъ болѣе архаичныхъ ограничивается положеніемъ подъ удареніемъ, и при томъ подъ старымъ восходящимъ удареніемъ—поэтому положеніемъ въ конечныхъ и серединныхъ слогахъ и только отчасти въ начальныхъ (ибо въ начальныхъ слогахъ могло стоять и нисх. ударѐніе, которое не вліяло на дифтонгизацію о); такъ находимъ: ku̯oža (kôža, kωža), vu̯oĺa, pu̯op, stu̯oĺ, dvu̯or; nu̯ośiš, gĺu̯ožeš, naru̯od, naru̯oda, zabu̯ota, soru̯oka, peru̯o, davnu̯o, (но рядомъ въ начальныхъ слогахъ находимъ: gośt́, doma, vodu, moŕe, goĺovu, storonu, и т. д.). Восходящее ударѐніе по природѣ своей было экспираторнымъ и уже въ общеслав. праязыкѣ растягивало краткую гласную до полудолготы. Такимъ образомъ дифтонгъ u̯o въ изслѣдуемыхъ здѣсь случаяхъ явился въ результатѣ растяженія звука о. Вѣроятно думать, что растяженіе о въ u̯o доказываетъ наличность u̯ редуцированнаго въ положеніи между согласной и о. Такимъ образомъ, напримѣръ, общеслав. tᵒ̆netĺ перешло въ tᵘ̆netĺ и отсюда tu̯onetĺ; также измѣнились narᵒ̆da, perᵒ̆ въ narᵘ̆da, perᵘ̆ и дальше въ naru̯oda, peru̯o.

Примѣчаніе 1. Весьма вѣроятно, что подобная же дифтонгизація

имѣла мѣсто въ бѣлорусскихъ говорахъ; безъ затрудненія можно бы указать на рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ объ этомъ (ср. Карскій, Бѣлоруссы, II, 126 и сл.), но пока вопросъ остается еще недостаточно выясненнымъ.

Примѣчаніе 2. Во многихъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ находимъ переходъ о въ u въ слогахъ неударяемыхъ; особенно часто — послѣ губныхъ и задненёбныхъ согласныхъ, напр. пудож. булото, петроз. скурія, мужавельникъ, пустеля, курман (Шахм.). Думаю, что это доказываетъ лабіализацію этихъ согласныхъ передъ o. Въ южновеликорусскихъ и сосѣднихъ съ ними бѣлорусскихъ говорахъ находимъ также переходъ неударяемаго o въ u; такъ въ смоленскихъ и ельнинскихъ говорахъ онъ имѣетъ мѣсто между губными: ельн. пувядуть, пубыла, пуваражу, пуминають, пупрасить, пупаламъ (Добров.), мосал. самувар, пупал, пуправили (Шахм.). Ясно, что u замѣнило непосредственно редуцированный звукъ α, и такая замѣна доказываетъ лабіализованность губныхъ передъ исконнымъ неудар. o.

§ 216. Въ пользу лабіализаціи согласныхъ передъ y (ы) приведены были уже нѣкоторыя соображенія въ предыдущемъ изложеніи. А именно, какъ указано въ § 111, есть всѣ основанія считать лабіализованными задненёбныя согласныя передъ y, ибо переходъ y въ i, имѣвшій мѣсто въ позднѣйшей жизни русскихъ и нѣкоторыхъ западнослав. языковъ, указываетъ на утрату такого свойства задненёбными согласными, которое раньше, въ эпоху какъ общерусскаго, такъ и общеславянскаго единства, препятствовало уподобленію ихъ слѣдующей гласной средняго ряда. Кромѣ того, какъ указано выше (§ 111), переходъ y въ u въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, имѣющій мѣсто послѣ губныхъ, ясно свидѣтельствуетъ о лабіализаціи губныхъ. Ср., наконецъ, отмѣченный въ § 7 прим. переходъ звука y (преимущественно послѣ губныхъ и задненёбныхъ) въ задній звукъ, близкій къ ô: онъ зависѣлъ несомнѣнно отъ вліянія на гласную y предшествующей лабіализованной согласной, очевидно, сохранявшейся таковою въ угрорусскихъ говорахъ. Возможно, что діалектическій бѣлорусскій переходъ vy въ vi указываетъ на то, что v передъ y было нѣкогда лабіализовано, при чемъ утрата его лабіализаціи повела за собой переходъ y сначала въ гласную болѣе переднюю, а потомъ и въ i, смягчившее предшествующее v.

§ 217. Лабіализація согласныхъ передъ ъ доказывается разсмотрѣннымъ выше, въ § 196, явленіемъ: вмѣсто нелабіализованнаго ъ общер. праязыкъ получилъ ъ лабіализованное, что доказывается переходомъ его въ o. Вѣроятно думать, что, повліявъ на лабіализацію слѣдующей гласной,

сами согласныя утратили ее, сохранивъ, быть можетъ, неполную лабіализованность.

Примѣчаніе. Въ говорахъ, развившихъ на мѣстѣ о дифтонгъ u̯o подъ удареніемъ, мы не находимъ u̯o въ соотвѣтствіи съ ъ: такъ напр. въ тотемскомъ говорѣ въ серединѣ слова и началѣ сохраняется о въ случаяхъ, какъ ćułók, mołotók, р. мн. drof, okóško, tópćeš, dóľe (О. Брокъ); равнымъ образомъ въ лѣкинскомъ говорѣ Егорьевскаго уѣзда: агонь, аглохниш, платок, девóцку, иголки, платком (Шахм.); также и въ другихъ говорахъ, указанныхъ въ § 142 пр. Едва ли однако это стоитъ въ связи съ отсутствіемъ лабіализаціи согласныхъ передъ о изъ ъ. Скорѣе это зависѣло отъ того, что ъ и его замѣститель о имѣли на себѣ удареніе ̀, а не ́ (которое растягивало гласную до полудолготы). Исключенія, какъ слова тотемск. ľubôf, krôt, morkôf, sv̓okrôf, лѣкинск. крωт, объясняются тѣмъ, что это слова отчасти книжныя, отчасти—попавшія изъ другихъ нарѣчій. Еще разъ вернусь къ настоящему вопросу ниже, когда буду разсматривать переходъ общер. ъ въ о въ древнерусскихъ говорахъ (см. §§ 378 и сл.).

§ 218. Прямыхъ указаній на лабіализацію согласныхъ передъ а мы не имѣемъ. Но она доказывается, какъ для согласныхъ передъ а, такъ и вообще для согласныхъ передъ гласными задняго и средняго ряда тѣмъ, что предшествующій этимъ согласнымъ звукъ е измѣнился въ общерусскомъ праязыкѣ въ ö: общер. ṕöra, śöło, ṕöku на мѣстѣ общеслав. ṗera, ṡeło, ṗekǫ. См. объ этомъ явленіи ниже, въ §§ 222, 317.

Переходъ е и ь въ о и ъ передъ ł изъ l въ сочетаніяхъ el, ьl.

§ 219. Послѣдствіемъ указаннаго выше, въ § 211, перехода l въ ł въ сочетаніяхъ el, ьl явился переходъ звуковъ е, ь въ звуки о, ъ. Несомнѣнно передъ нами ассимиляціонный процессъ, состоявшій въ уподобленіи гласной слѣдующей согласной; ł отличалось отъ l своей лабіовеляризаціей; такимъ образомъ его природа требовала передъ собой гласной болѣе задней, чѣмъ е и чѣмъ ь, къ тому же лабіализованной, т. е. соединявшей типическія для ł особенности. Такимъ путемъ е перешло въ о, а ь въ ъ, который былъ въ то время уже лабіализованнымъ звукомъ. Передъ этими о и ъ согласныя полумягкія, предшествовавшія первоначальнымъ звукамъ е и ь въ сочетаніяхъ el, ьl, отвердѣли. Примѣры: общеслав. ṁelko, ṗelnъ̌, ḋelto, v̓ьlkъ̌, ṗьlnъ̌ перешли въ общер. mołko, połnъ̌, dołto, vъłkъ̌, ръłnъ̌; отсюда позже, еще въ общер.: mołoko, połonъ̌, dołoto, и уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ: vołk, połn.

§ 220. Сочетанія el, ьl еще въ общеслав. праязыкѣ перешли, въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ, въ ӧl, ъ̈l, согласно указаннымъ въ §§ 12, 26, 111 законамъ. Переходъ l въ ł въ этихъ сочетаніяхъ повелъ за собой измѣненіе ӧ и ъ̈ въ болѣе задніе звуки; на мѣстѣ ӧ явилась гласная средняго ряда лабіализованная ȯ, на мѣстѣ ъ̈ — ъ. Дальнѣйшій переходъ ȯ въ o (ср. oł вм. el послѣ согласныхъ полумягкихъ) былъ задержанъ положеніемъ его за смягченною согласною. Примѣры: общеслав. ć̈ölnъ, ž̈ölbъ, š̈ölmъ, ć̈ьlnъ, ž̈ьltъ перешли въ общер. ć̈ȯłnъ, ž̈ȯłbъ, š̈ȯłmъ, ć̈ъłnъ, ž̈ъłtъ; отсюда позже еще въ общер. ć̈ołonъ, ž̈ołobъ, š̈ołomъ, и уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ: ć̈ołn, ž̈ołt.

§ 221. Тѣ же сочетанія въ томъ же положеніи передъ слогомъ съ гласной передняго ряда не переходили въ общеслав. праязыкѣ въ ӧl, ъ̈l, а сохранялись въ видѣ el, ьl. Сочетанія эти послѣ перехода l въ ł должны были измѣниться въ общер. языкѣ въ ȯł, ъł. Такимъ образомъ исконное различіе между сочетаніями какъ ć̈öln- и ć̈eln-, ž̈ölb- и ž̈elb-, зависѣвшее въ общеслав. праязыкѣ отъ положенія передъ слогомъ съ гласной непередняго или передняго ряда, стерлось въ русскомъ языкѣ. Примѣры: общеслав. мѣстн. ед. ć̈elnѣ, ž̈elbѣ перешли въ общер. ć̈ełńѣ, ž̈ełbѣ, отсюда далѣе ć̈ȯłńѣ, ž̈ȯłbѣ, и позже ć̈ołońѣ, ž̈ołobѣ.

Примѣчаніе 1. Западнослав. dłu въ польск. długi, dług, чешск. dlouhý, dluh и т. п., какъ указано въ § 84 пр., не можетъ свидѣтельствовать объ общеслав. dъl (изъ dьl); переходъ l въ ł въ сочетаніи dlь (изъ dьl) былъ вызванъ вліяніемъ предшествующей зубной. Равнымъ образомъ чешск. žluna, žluva, žlutý восходятъ непосредственно къ žl̨- изъ žłъ-, замѣнившаго žlь, при чемъ l перешло въ ł подъ вліяніемъ ž; польское żółty непосредственно изъ žl̨tyï.

Примѣчаніе 2. Форма измълъ въ Жит. Θеод. 36b вмѣсто ожидаемаго измьлъ (измоловъ) получила свое ъ въ сочетаніи ъł передъ согласной, напр. въ инфинитивѣ *mъłti.

Переходъ e, ь въ ӧ, ъ̈ подъ вліяніемъ слѣдующей согласной.

§ 222. Въ § 113 были указаны условія, при которыхъ совершался переходъ e въ ӧ въ общеслав. праязыкѣ: онъ имѣлъ мѣсто за согласными смягченными въ положеніи не передъ слогомъ съ гласною передняго ряда; поэтому ž̈ena, duš̈ö зв. ед., но ž̈enѣ. Общеслав. процессъ понимаю какъ результатъ диссимиляціи звука e предшествующей смягченной согласной, диссимиляціи задерживавшейся положеніемъ передъ слогомъ съ другой гласной передняго ряда.

Совсѣмъ отличнымъ отъ общеславянскаго представляется процессъ измѣненія е въ ö и ь въ ѣ̈ въ общерусскомъ праязыкѣ. Здѣсь этотъ переходъ оказывается въ тѣсной зависимости отъ слѣдующей согласной и не былъ извѣстенъ въ открытомъ конечномъ слогѣ. Ясное свидѣтельство всѣхъ русскихъ нарѣчій ограничиваетъ измѣненіе е въ о (которое непосредственно изъ ö) положеніемъ передъ твердой согласной. Согласно съ сдѣланнымъ въ § 214 выводомъ твердыя согласныя въ общерусскомъ праязыкѣ были лабіализованными. Поэтому переходъ е въ ö, ь въ ѣ̈ въ общерусскомъ праязыкѣ понимаю какъ результатъ ассимиляціоннаго процесса нелабіализованной гласной передняго ряда въ направленіи къ слѣдующей лабіализованной согласной. Въ §§ 219—221 мы познакомились уже съ подобнымъ ассимиляціоннымъ процессомъ, но онъ имѣлъ мѣсто въ тавтосиллабическомъ сочетаніи, а потому привелъ къ результатамъ болѣе рѣзкимъ (къ переходу е, ь въ о, е), чѣмъ при встрѣчѣ гласной одного слога съ согласной слѣдующаго слога. Итакъ признаю, что въ общерусскомъ праязыкѣ, въ извѣстный моментъ его жизни, звукъ е передъ лабіализованной согласной слѣдующаго слога перешелъ въ ö. Впрочемъ, явленіе это болѣе сложно въ своемъ происхожденіи. Оно имѣлъ своимъ источникомъ дѣйствовавшій одновременно, и уже въ предѣлахъ одного слога, диссимиляціонный процессъ, вполнѣ аналогичный диссимиляціонному процессу, приведшему въ общеслав. праязыкѣ къ переходу č́е, ž́е и т. д. въ č́ö, ž́ö. Когда въ силу указаннаго въ § 212 закона полумягкія согласныя перешли въ общер. праязыкѣ въ мягкія, въ этихъ новыхъ сочетаніяхъ «мягкая согласная + е или ь» произошелъ диссимиляціонный процессъ: гласная е или ь, расподобляясь предшествующей согласной, лабіализовалась, однако, только въ томъ случаѣ, когда для этого оказывались благопріятныя условія въ слѣдующемъ слогѣ, а именно когда за е или ь слѣдовала лабіализованная согласная. Примѣры: общеслав. ṁedu, v̇edǫ, ṡeło, ṫepło, l̇ьnъ̆, ṗьsъ̆ перешли въ общер. ḿedu, v́edu, śeło, ťepło, ľьnъ̆, ṕьsъ̆, а отсюда дальше: ḿödu, v́ödu, śöło, ťöpło, ľь̈nъ̆, ṕь̈sъ̆.

Примѣчаніе 1. Какъ увидимъ, уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ ѣ̈ перешло въ ö одновременно съ переходомъ ь въ е и ъ въ о; звукъ ö затѣмъ также уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ измѣнялся въ о. Такъ явились сѣверновеликор. мёду, вёду́, сёло́, тёпло́, лён, пёс; рядъ говоровъ сѣверновеликорусскихъ проводитъ систематическій переходъ исконнаго е въ о именно передъ твердой согласной; ср. напр. яросл. слёза, стёкло, горёвать, нёсла, ёму, вылётать, тёсак, тёпло. Въ южновеликор. и бѣлор. о удержало свой звукъ только подъ удареніемъ (въ неударяемыхъ слогахъ оно редуцируется и при извѣстныхъ условіяхъ пе-

реходитъ въ а); въ обоихъ этихъ языкахъ дѣйствуетъ законъ о переходѣ каждаго исконнаго ударяемаго е (ь) въ о передъ твердой согласной. Ср. моск. сёстры, сёла, тёплый, вёсну, пёкло, нёбо, подоплёка, стёкла, тёмный, дён, цвёл, и т. д.; бѣлор. клён, далёко, уцёк, весёлка, прынёс, ўмёр, и т. п. Въ малорусскомъ, какъ увидимъ, сочетаніе согласная мягкая+ö перешло въ сочетаніе твердая согласная+ė (е средняго ряда); но въ извѣстныхъ случаяхъ согласная мягкая, поддержанная аналогіей со стороны родственныхъ образованій, не отвердѣвала; въ этихъ случаяхъ находимъ сочетаніе согласная мягкая+о, т. е. то же, что въ великор. и бѣлор.: лён, тёмный, слёза, відём. Изъ малор. извлекается еще одно указаніе на общер. ö, какъ увидимъ въ § 223.

Примѣчаніе 2. Описанный выше процессъ появленія ö вм. е послѣ новыхъ мягкихъ согласныхъ долженъ быть поставленъ въ связь съ появленіемъ ä вм. е въ концѣ слова (см. ниже § 224; тамъ же укажу на непервоначальность сочетанія мягкая согласная+о въ концѣ слова).—Напомню, что въ силу § 203 общеславянское ö еще до перехода е въ ö, нами разсматриваемаго, перешло въ общерусскомъ въ ȯ.

Примѣчаніе 3. Измѣненіе е въ ö имѣло въ общер. праязыкѣ мѣсто только послѣ вновь смягченныхъ согласныхъ; послѣ j и исконно смягченныхъ такой переходъ произошелъ еще въ общеславянскомъ. Послѣ i̯ (въ слогахъ неударяемыхъ) е сохранялось безъ измѣненія. Ср. е въ совр. малор. моєму́, играємо, думаємо.

§ 223. Какъ указано въ §§ 10, 31, звукъ е въ общеслав. праязыкѣ замѣнялся звукомъ ê (е закрытымъ и при томъ полудолгимъ) въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной. Закрытое ê полудолгое послѣ выпаденія полукраткой гласной становилось уже въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ долгимъ, при чемъ въ малорусскомъ оно распалось въ дифтонгъ іе. Но ассоціація его съ ö изъ е въ положеніи не передъ полукраткимъ слогомъ была причиной замѣны (замѣны нефонетической) ê черезъ ö полудолгое закрытое, откуда позже, послѣ паденія полукраткихъ гласныхъ, ö долгое закрытое, распавшееся въ малорусскомъ въ üö. Такимъ образомъ принимаю для общерусскаго праязыка нефонетическую замѣну ê черезъ ö закрытое, напр., въ такихъ случаяхъ, какъ ḿödъ, tötьka, ńösĺъ вмѣсто ожидаемыхъ ḿêdъ, têtьka, ńêsĺъ. Отсюда въ великор. и бѣлор. мёд (мёт), тётка, нёс, плёл, вёл, р. мн. сёл, тёлка, плётка, ёлка, сам сём, и т. д. Въ сѣверномалор.: мjуод, тюотка, нюос, плюов, люод, привjуоз, москалюов, рублюов, и т. д.; отсюда укр. тітка, ніс, плів.

Примѣчаніе. Малор. üö (uo) въ указанныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ ясно свидѣтельствуетъ не только объ общер. ö полудолгомъ въ соотвѣтствующихъ словахъ, но также и объ ö краткомъ въ родственныхъ формахъ, ибо общер. ńösłъ̌, какъ мы видѣли, замѣнило ńêsłъ̌ подъ вліяніемъ ńösła, ńösło; слѣдовательно, малор. нюос ведетъ не только къ общер. ńösłъ̌, но и къ ńösła. Примѣры для общер. ê изъ общеслав. ê, не вытѣсненнаго звукомъ ö подъ вліяніемъ аналогіи, см. ниже въ § 280.

Переходъ е въ ä въ концѣ слова.

§ 224. Процессъ, приведшій къ измѣненію въ общерусскомъ праязыкѣ е въ ö былъ, какъ указано въ § 221, въ основаніяхъ своихъ процессомъ диссимиляціоннымъ. Подобно какъ въ общеславянскомъ, онъ не могъ имѣть мѣста передъ слѣдующею мягкою согласною (въ общеслав.—передъ слогомъ съ гласной передняго ряда), но нѣтъ основанія не ожидать его развитія въ концѣ слова (въ общеслав., какъ мы видѣли, е и въ концѣ слова лабіализовалось въ ö). Въ этомъ, однако, положеніи е въ общерусскомъ праязыкѣ не переходило въ ö: для лабіализаціи е въ общерусскомъ требовалось еще сопутствующее условіе — положеніе его передъ лабіализованной согласной; въ концѣ слова е, диссимилируясь предшествующей мягкой согласной, измѣнилось въ общер. праязыкѣ въ ä, т. е. въ переднюю гласную нижняго образованія, болѣе открытую, менѣе палатальную, чѣмъ е. Это положеніе основывается преимущественно на данныхъ сѣверновеликор. говоровъ, гдѣ исконному е въ концѣ слова, правда, только въ неударяемомъ слогѣ соотвѣтствуетъ а; сѣверновеликор. неударяемое а явилось дальнѣйшимъ измѣненіемъ звука ä, который подъ удареніемъ перешелъ въ е. Сѣверновеликорусскія данныя относятся не только къ настоящему времени; звукъ а указаннаго происхожденія можно прослѣдить до XVI и даже въ XV в. Болѣе подробно остановлюсь на этихъ данныхъ въ другомъ трудѣ, посвященномъ великор. нарѣчію, а здѣсь намѣчу только главнѣйшія категоріи относящихся сюда случаевъ. Итакъ общеслав. ṅeśѣt̓e, synov̓e, bojaŕe перешли въ общер. въ ńeśѣt̓ä, synov̓ä, bojaŕä.

§ 225. Конечное -е въ общесл. праязыкѣ являлось, напримѣръ, въ слѣдующихъ грамматическихъ категоріяхъ.

Въ им. мн. склоненія основъ на согласную. Звукъ -е замѣняется черезъ а, судя по памятникамъ, уже въ XIV в.: древѧнѧ Лавр. 8; отмѣчу еще: кр҃тьѧнѧ Суд. Ив. Вас. въ сп. Унд. XVI в., 61а, боꙗрѧ въ гр. 1483 (Гос. Древнехр. I, р. IV, № 10), въ догов. 1483 (С. Г. Гр. и

Д. № 115), въ копіи съ догов. 1402 (ib. № 36), въ гр. 1479 (А. Кал. I № 30), двораня въ гр. 1690 (А. Кал. II, 709), Шуяня въ гр. 1628 (ib. 748), вычагжана въ гр. 1613 (АЮр. № 339 v), вологжана Гр. 1648 (А. Кал. II, 808), татарова у Котошихина, въ письмѣ 1619 г. (П. Р. Г. I, № 16) строителя Домостр. изд. Забѣл., 121, поѣжжаня ib. 181 и т. д.; въ совр. языкѣ находимъ: бояря Олон., татаровя Арханг. (Кир. IV, 39), татаровя, булановя въ Бѣлом. былинахъ А. В. Маркова (Л. Васил.), Пановя у Кирши Дан. и т. д.—Въ окончаніи 2 л. мн. вмѣсто -е находимъ -а, напр. въ Петрозав.: уѣздѣ: прощайтя, извинитя, троньтя, не тянитя, гребитя, оставьтя и др.—Въ окончаніи 1 и 2 л. мн. вспомогательнаго глагола, въ формахъ есме, есте, точно также находимъ а на мѣстѣ е, что объясняется энклитич. употребленіемъ этихъ формъ, при которомъ на е не падало удареніе: есма находимъ въ Дв. духовной XV в. № 7, въ Дв. закладной № 98, въ Догов. 1434 №№ 53 и 54, въ Догов. 1447 № 63, Гр. 1490 (А. Кал. II, № 147), Ипат., Моск. Акад. XV в. (изд. Лавр., 469) и мн. др.; еста въ гр. 1501 (А. Кал. I, 252), 1532 (А. Ю. № 19), 1556 (А. Кал. I, № 41); охъ вы гой естя Олон. (Кирѣевск. I, 35). — Въ мѣстоименныхъ формахъ мене, тебе себе, употреблявшихся энклитически, видимъ въ окончаніи -а уже въ XIV вѣкѣ: тоба Дух. 1388 (С. Г. Гр. и Д. I № 33), на меня 1423 (Акал. № 41), мена Псковск. прол. 1383 (Оч. Собол. 129); въ совр. великор.—меня, тебя, себя, являющіяся и въ неэнклитическомъ употребленіи подъ удареніемъ.— Въ сравн. ст.: боля Гр. ок. 1360 (АЮ). — Им. мн. четыря совр. Олон., чотыря Рыбинск. — Топеря Олон., Онеж., Яросл., теперя Кадн., Тотем., ср. тепере Арх., топере Волог. — Здѣся 1591 (С. Г. Гр. и Д. I № 60), 1446 (А. Кал. I № 52), совр. олон. здѣся: ср. сдѣсе Ипат., здѣсе 1591 (С. Г. Гр. и Д. I № 60) и др.

Примѣчаніе 1. Въ малор.—ťă и т. д. измѣнилось въ tė: видите, мене, и т. д. Что касается южновеликор. и бѣлор. нарѣчій, то они не даютъ тѣхъ непререкаемыхъ указаній на общер. ă, которыя извлекаются изъ сѣверновеликорусскаго. Правда, и въ нихъ находимъ -а въ отмѣченныхъ выше окончаніяхъ, но это -а можно объяснить и изъ неударяемаго -е (-о); бѣлор. дайця, 3 ед. будзя, ѣдзя, зв. дубя (Карск. Р. Ф. В. 1892 № 4, с. 231), соколя (Ро. I, 355) и т. д. могутъ быть возведены и къ формамъ дайтё, будё, ѣдё (подобно, какъ конечное о измѣнялось въ а), дубе, соколе. Что до бѣлор. и южновелик. мене, тебе, себе, то е здѣсь могло сохраниться въ положеніи подъ удареніемъ.

Примѣчаніе 2. Подъ удареніемъ ă измѣнилось въ е: это видно изъ сѣверновеликор. формъ спитé, куритé. Правда, мы найдемъ и о

вмѣсто e: діалект. спитё; но думаю, что здѣсь o замѣнило нефонетически ударяемое e; а именно оно извлечено изъ формъ спи́тё, иди́тё, а эти формы въ свою очередь замѣнили спитя, идитя въ результатѣ невполнѣ выясненнаго процесса, состоявшаго въ замѣнѣ конечнаго неуд. a черезъ o въ окающихъ говорахъ; ср. напр. окончаніе -сё вм. -ся, -цо вм. -ца (боюсё, собираютцо); указаніе на -сё вм. -ся находимъ уже въ Великопермской лѣтописи XVI в. И. А. Н.: ср. печаловалсе 321 об., ѿбилисе 351, ино слышалосе имъ звѡ зычитъ 262, и др.

Примѣчаніе 3. Отъ разсмотрѣннаго a изъ ä послѣ смягчившейся согласной надо отличать a въ положеніи за i̯, восходящее къ e. Сѣверновеликор. листья, зубья, колья (рядомъ существуетъ произношеніе: ли́стьё, зу́бьё, ко́льё съ o, заимствованнымъ изъ другихъ именъ) восходятъ къ общерусскимъ listĭi̯e, zubĭi̯e, kolĭi̯e; эти формы перешли въ listi̯e, zubi̯e, koli̯e; отсюда далѣе listi̯ä zubi̯ä, koli̯ä и наконецъ, одновременно съ переходомъ ä въ a послѣ согласныхъ: listi̯a, zubi̯a, koli̯a. Въ положеніи послѣ i̯ звукъ e оставался безъ перемѣны въ общерусскомъ: dobroi̯e, ср. малор. доброє, добреє. Но i̯e являлось только въ неударяемомъ положеніи, a подъ ударе́ніемъ ему соотвѣтствовало jǫ́, откуда jo: mojo; отсюда o переносилось и въ неудар. положеніе: сѣверновеликор. дóброё. Въ малорусскомъ -ĭi̯e въ концѣ слова переходило въ -je, откуда -jä и далѣе -ja: каміння, пірря, збіжжа, оружжа. Подъ ударе́ніемъ ему соотвѣтствовало -ijǫ́ или ǩjǫ́, откуда jǫ́, jo: мы ожидали бы фонетически žitťó; вмѣсто этого находимъ žitťá непосредственно изъ žitťe, žitĭje, представляющаго въ концѣ слова e вмѣсто o подъ вліяніемъ словъ, какъ kameńi̯e, reŕi̯e.

Измѣненіе сочетанія je (i̯e) въ началѣ слова.

§ 226. Такія сочетанія въ общеслав. праязыкѣ были извѣстны въ началѣ слова только въ положеніи передъ слогомъ съ гласной передняго ряда полнаго образованія, ибо въ положеніи передъ слогомъ съ гласной непередняго ряда je измѣнялось въ jö (§ 113), a передъ слогомъ съ полукраткою гласной je (i̯e) переходило въ jê (§ 10, 31). Въ общерусскомъ праязыкѣ дѣйствовалъ законъ, по которому j (i̯) въ началѣ слова исчезалъ передъ e: сочетанія je (i̯e) измѣнились поэтому въ e, которое, лабіализируясь согласно съ § 230, переходило въ ö и затѣмъ въ o. Такимъ образомъ общеслав. jezero, i̯evinъ перешли въ ezero, evinъ и далѣе въ ozero, ovinъ.

Примѣчаніе 1. Исчезновеніе j (i̯) передъ e произошло на почвѣ уподобленія его этой гласной; въ сочетаніяхъ jo̯ (изъ общеслав. jŏ), равно и въ jê такого уподобленія не могло быть въ силу, съ одной стороны, разнородности обоихъ элементовъ (въ jo̯), а съ другой, значительной ихъ однородности (въ jê), препятствовавшей дальнѣйшему сближенію. Ср. ниже § 228.

Примѣчаніе 2. Впервые Ф. О. Фортунатовымъ установлено, что переходъ общеслав. je въ русское o ограниченъ въ общер. праязыкѣ положеніемъ сочетанія je передъ слогомъ съ гласной передняго ряда, при чемъ ему же принадлежитъ указаніе на то, что уже въ общеслав. je передъ слогомъ съ гласной непередняго ряда звучало какъ jo̯. Не вижу достаточнаго основанія законъ объ отпаденіи j въ нач. сочетаніи je переносить въ эпоху общеславянскую. Правда, мы находимъ однородныя явленія въ нѣкоторыхъ другихъ слав. языкахъ, но вѣроятно думать, что они развивались здѣсь въ каждомъ изъ этихъ языковъ самостоятельно. Вслѣдъ за Фортунатовымъ, съ отпаденіемъ j (i̯) въ русскомъ сочетаніи je (i̯e), откуда затѣмъ e —o̯ —o, я сопоставляю діалект. древнеболгарское отпаденіе j (i̯) въ сочетаніи je (i̯e); отсюда e, которое находимъ въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ, въ началѣ нѣсколькихъ словъ, при томъ именно въ такихъ памятникахъ, которые вообще правильно употребляютъ букву ѥ, не замѣняя ея черезъ e: ср. въ Остр. ев. езеро, етеръ, еште, еще (только въ трехъ послѣднихъ словахъ e можно объяснить и изъ ĥe-), въ Чуд. пс. XI в. езеро, елико, един- при ѥлико, ѥдин- въ Туровск. ев. езерѣ, въ XIII Сл. Г. Бог. елене 25δ, единъ 40β, елико 30β, въ Христин. ап. елико 119, елишьдъı 153, елькратъı 153, еще 198, и др. Совершенно однородно измѣненіе начальнаго je въ e и далѣе въ ĥe въ нижнелужицкомъ, гдѣ находимъ діалект. ĥeleń, ĥemeljina (ср. русск. омела), ĥerjebina (ср. рядомъ jerjebina).

§ 227. Приведу примѣры для случаевъ, гдѣ русское o объясняется изъ je. Случаи эти слѣдующіе: озеро, овинъ, осень, осетръ, олень, одинъ, ожина, олико, олишьдъı, осе. Въ памятникахъ находимъ: одіна XIII Сл. Г. Б. 203δ, одинъ Арх. ев. 96a, 101b, Ж. Ѳеод. XII в., Ж. Б. и Гл. XII в., одино Христ. ап. 181, из одинок Чуд. пс. XI в., 148г, ѡдиного Гр. 1229 (A), въ ѡдинъıи на десате часъ Сб. 1076 г. (Мат. Срезн.), ѡденъ Пут. ев. 85, олико Толк. ап. 1220 (Воскр. 57), ѡлико Кормч. 1282 (Р. Д. I, 83), Уст. гр. Свят. 1137 г. (Р. Д. I), олишьдъı Син. Пат. (Св. и З. № 85, с. 104); осетрьникъ Новг. дог. 1265 № 1, ѡсетрьникоу Новг. дог. 1265 № 2, осетръ Уст. грам.

Смол. 1150 г.(Мат. Срезн.); осень, напр. ѡсень Новг. дог. 1265, осень Новг. 1-я по Син. сп. подъ 1069 г., осеньнѥѥ полюдиѥ Гр. Мстисл. ок. 1130 г.; озеро, напр. ѡзеро Златостр. XII в. (Мат. Срезн.), озеро Стих. XII в. (ib.); олень, напр. ѡлень Поуч. Влад. Мон. (Лавр.), оленьци мали Ипат. лѣт. подъ 6622 г.; овинъ: по^{д} ѡвиномъ Новг. 1-я по Комм. сп. 461; осе Усп. сб. № 175 (18), 255 об. 2, ѡсе Ипат. 295a. Изъ современнаго языка отмѣчу: малор. о́лень, оле́нка (Art Goldkäfer), оле́нок, бленок (родъ бабочекъ), ожина, ożynkoju (Pokucie Kolberga I, 96); великор. ожина, ожевина, олень, олёнка, осётръ, осетрина, и др.

Примѣчаніе 1. Слово овинъ стоитъ въ связи съ малор. ѥвня, бѣлор. евня, ёвня, ёвна (бѣлор. ё указываетъ на контаминацію евня и овинъ), евьа^{ж}, евъи Уст. Сигизм. Авг. 1557 (Пам. изд. вр. комм., 5, 63), ѥвъя (Потебня, Къ ист. зв. III, 135) и восходитъ несомнѣнно къ исконному jev-inъ, ср. лит. jáuja. Отсюда слѣдуетъ, что и въ остальныхъ словахъ о можетъ быть возведено къ сочетанію je и не нуждается въ объясненіи непосредственно изъ e, хотя въ большей части относящихся сюда словъ звукъ e въ началѣ является дѣйствительно первоначальнымъ (je вм. нач. e—явленіе общеславянское). По этой причинѣ отношусь отрицательно къ попыткамъ объяснить русскія формы съ o вм. e, какъ результатъ обычнаго индоевр. чередованія звуковъ o и e. Такое объясненіе встрѣтило бы, впрочемъ, непреодолимое препятствіе уже и въ томъ обстоятельствѣ, что другимъ славянскимъ языкамъ чужды формы съ o. Далеко, однако, не всѣ слова, представляющія въ русскомъ языкѣ o въ соотвѣтствіи съ je другихъ славянскихъ языковъ, имѣютъ o только что указаннаго происхожденія. Во-первыхъ, въ рядѣ словъ имѣемъ старое чередованіе въ мѣстоименныхъ корняхъ сочетаній he- и ho-; сюда относятся, напр., древнер. одъва Усп. сб. XII в., 281 об. 2, Ж. Б. и Гл. по тому же списку, одва Хожд. Дан. Пал. (Венев. 26) и т. д., ср. рядомъ великор. едва; още XIII Сл. Г. Б. 145β, ср. рядомъ великор. ещо, эщо, эще́, при чемъ сербск. još указываетъ на чередованіе ješče и ošče также и въ сербскомъ (još явилось въ результатѣ контаминаціи); возможно, что сюда же относится древнерусское осе при ѥсе. Во-вторыхъ, старое чередованіе e и o имѣемъ въ словахъ, какъ великор. ольха, малор. вільха, великор, олешина, олешник при ёлка, елошникъ (общеслав. jeľьха изъ *elusa); также въ малор. орябина, ср. чакавск. orebìce (Беличъ) при јереб, ср. чешск. jeřáb, верхнелуж. jerjab (рябчикъ), нижнелуж. jerjebina (рябина), jerjabc (рябиновое дерево), словенск. jerebica, древн.-цслав. ѥрѧбь (при ѩрѧбь) рябчикъ, напр. ерѧбь Усп. мин. XII в., л. 268a. Неясно оме́жъ «желѣзный желобокъ, на-

дѣваемый на сохи» Тихв. (прогр. № 114), омешики въ Олон. былинахъ, при сербск. јемљеш.

Примѣчаніе 2. Русское одинъ можно объяснить, какъ кажется, только изъ jedinъ̆. При jedinъ̆ существовало въ общеслав. и hedinъ, hedьnъ, откуда словенское edən, edín. Но въ русскомъ языкѣ hedinъ, hedьnъ могло бы дать только edinъ, edьnъ (отсюда мы ожидали бы въ великор. эдин, эдно). Что касается формъ, какъ великор. единъ, разъединый, малор. що ти за единъ Проскур. (Рудч.), единъ чоловікъ (ib.), бѣлор. ядинъ Ржев. (Э. С. I. 247), едино^г 1479 (А. Кал. I № 30), то они могутъ быть церковнославянизмами. Возможно, впрочемъ, что это контаминированныя формы изъ odinъ и jedьnъ. Ср. явную контаминацію въ ёдынъ Нѣж. (Малининъ), ёдино Новг. (Колосовъ, Зам. I, 17), не йодне весилле Кролев. (Черн. Г. В. 1854, № 17). Обратно: одного, одному стоятъ несомнѣнно вм. едного, едному подъ вліяніемъ одинъ. Отмѣчу, что jedьnъ̆ существовало при jêdь̆no; jedьnъ̆ измѣнилось фонетически въ odьnъ̆, а jêdь̆no сохраняло свое jê; отсюда сѣверновелик. едный, разъедной; едноγо, едному Пудож., е́дножды Волог. (Бажен.), малор. jeden Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 120).—Вмѣсто ежевика великор., єжевика малор. можно бы ждать ожевика, ср. ожина; вѣроятно, здѣсь имѣло мѣсто вліяніе слова ёж, ежа́. Самое это слово въ бѣлор. и малор. представляетъ контаминированныя формы: бѣлор. ёж, ёжик имѣетъ jo не въ результатѣ измѣненія je (je не перешло бы въ jo передъ ж), а въ результатѣ вліянія слова ожик, ожина на ежь (которое изъ jêž̆ь̆). Точно также древнерусск. ожь, напр. ѡжь Псалт. Толк. Ѳеод. (Мат. Срезн.), ожь Второзак. по сп. XIV в. (ib.), заимствуетъ о изъ ожикъ.

Примѣчаніе 3. Въ нѣкоторыхъ словахъ вмѣсто ожидаемаго, согласно предыдущему, о находимъ je, откуда діалектически, а именно въ малор.—ja. Вѣроятно, je возникало подъ вліяніемъ родственной формы съ jê. Такъ вмѣсто jeli р. ед. мы ожидали бы въ русскомъ языкѣ oli; но подъ вліяніемъ им. jêlь̆ возникали новообразованія jeli (какъ при ṕêč̆ь̆ р. ед. ṕeči), ср. великор. ели; въ малор. je новаго происхожденія подверглось переходу въ ja: jалина; въ род. єли je сохранилось подъ вліяніемъ формы им. ед. їль (їль-єли, какъ піч-печи).

Примѣчаніе 4. Ниже, въ § 230, указано на связь разсматриваемаго здѣсь явленія съ измѣненіемъ е въ о въ началѣ греческихъ словъ.—Сочетаніе jo въ началѣ заимствованныхъ словъ переходило въ старослав., а отсюда и въ древнер. языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ о;

едва ли однако это явленіе имѣетъ что-либо общее съ указаннымъ отпаденіемъ j передъ e и послѣдующимъ переходомъ e въ o въ общер. праязыкѣ. Ср. осифъ, оаннъ Зогр., ѡта Юрьевск. ев. 206c, ardanskoų wodoų Стрыйск. (Zb. XIII, 118), великор. Осипъ, ср. осифу при есипъ гр. XV—XVIb. (А. Кал. II, № 149), осио 1479 (А. Кал. I, № 30).

Примѣчаніе 5. Разсмотрѣнное въ § 230 явленіе перехода начальнаго e въ ö (откуда и o) имѣло мѣсто до утраты начальнаго h передъ e; вотъ почему e въ heto не подверглось переходу въ ö—o, и мы имѣемъ въ великор. это, не ото.

Измѣненіе сочетанія jŭ (jй) въ началѣ слова.

§ 228. Сочетанія jŭ (jй) въ началѣ слова восходили въ общер. праязыкѣ къ общеслав. сочетаніямъ jŭ (jй) изъ первоначальныхъ joų, jeų, eų, а также къ общеслав. jǫ. Съ теченіемъ времени они утратили въ общер. праязыкѣ j (j̨), и начальное ŭ (й) измѣнилось въ u. Процессъ, приведшій къ такому измѣненію, представляется сходнымъ съ указаннымъ въ § 226 прим. 1; слѣдовательно, j (j̨) уподобилось слѣдующему гласному звуку и затѣмъ исчезло передъ нимъ. Такъ измѣнились общеслав. jŭnъ, jйха въ ŭnъ, ŭха и далѣе въ unъ, uха.

§ 229. Приведу примѣры для такого измѣненія: ugъ вм. общеслав. jŭgъ, напр. вѣтроу оугоу Христин. ап. 64, оужьнѣи νότου XIII Сл. Г. Б., къ оужьнѣи странѣ Уст. XII в. № 142, л. 10, къ оугу Ипат. 97a, ко оугу Радзив. 133 об., на угъ лиць Хожд. Дан. (Венев. 49, вар., ср. тамъ же: на югъ лиць 58), оугъ вѣтръ Комм. сп. Новг. 1-й, 345; unъ вмѣсто общеслав. jŭnъ: оунъмъ, оуноша Ж. Ѳеод., оунии Христин. ап. 86, оунъ Радзив. 79, Пут. ев. 50; uха вмѣсто jйха, напр. великор. уха; udołъ вмѣсто общеслав. jądołъ, ср. въ удолѣ плачѣвнемъ Хожд. Дан. 35 (вар. юдолѣ), во удоли плачевнѣй 54; оунець (телецъ) Пут. ев. 81.

Примѣчаніе 1. Формы, какъ югъ, ср. напр. на іюгъ гр. 1671 (А. Кал. II, 249), съ юга Пов. о Мам. поб. по Синод. № 485 (Шамб.), подъ южнымъ окном (ib.), съ южную сторону гр. 1674 (АЮ. № 231), также юный, юноша надо признать церковнославянизмами. Что до малор. и бѣлор. jуха, jушка, то здѣсь jу новое: оно явилось въ результатѣ развитія придыхательнаго приступа къ начальнымъ гласнымъ въ обоихъ этихъ языкахъ, ср. тамъ же юлица. Чередованіе utro и jutro восходитъ къ общеслав. эпохѣ; отмѣчу съ-по ютру Волог. (Р. Ф. В. 1887, № 4).

Примѣчаніе 2. Въ началѣ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ ju перешло въ u на почвѣ древнеболгарскаго языка, и уже отсюда u переносилось въ русскій языкъ. Ср. Устинъ, Увеналій, Ульянъ 1473 (XVI) А. Кал. II № 147, Оустинкѣ 1391—1428 (А. Кал. I № 82).

Потеря придыханія въ началѣ слова.

§ 229[1]. Согласно § 96 всѣ гласныя общеслав. праязыка получили передъ собой придыхательный приступъ. Передъ гласными передняго ряда онъ измѣнялся въ j (i̯). Но передъ i такое j (i̯) исчезло, повидимому, еще въ общеслав. праязыкѣ. Въ общер. праязыкѣ j (i̯) удерживалось въ началѣ слова только передъ ê, исчезая, согласно § 226, передъ e. Передъ гласной a придыхательный приступъ также измѣнился въ j (i̯), сохранявшійся въ русскомъ языкѣ. Передъ гласными задняго ряда придых. приступъ сохранялся въ видѣ h въ общеслав. праязыкѣ. Въ общерусскомъ праязыкѣ онъ исчезъ передъ u и передъ o, но сохранился передъ ô, ср. великор. ус, устье, она; сочетаніе hô, быть можетъ, еще въ общер. праязыкѣ перешло въ u̯ô; ср. великор. вотчим, вотчина, воспа, восемь. Въ малор. и бѣлор. придыхательный приступъ развился вновь передъ начальными гласными.

Лабіализація начальныхъ гласныхъ.

§ 230. Въ § 226 указано, что начальное e, замѣнившее сочетанія je и je, лабіализовалось въ общер. праязыкѣ и переходило въ ö, откуда o. Далѣе увидимъ, что начальное e въ заимствованныхъ изъ греческаго черезъ посредство древнеболгарскаго языка словахъ, лабіализуясь, переходило въ ö и затѣмъ въ o. Наконецъ, какъ увидимъ, а въ началѣ заимствованныхъ словъ переходило въ древнерусскомъ почти систематически въ o. Въ виду этого признаю возможнымъ допустить въ общерусскомъ праязыкѣ законъ о лабіализаціи начальныхъ гласныхъ e и a, слѣдовательно, нелабіализованныхъ гласныхъ средняго образованія. Законъ этотъ дѣйствовалъ до отпаденія h передъ начальными гласными; поэтому a изъ ha и e изъ he не измѣнились въ o, ср. древнерусск. аче, аже, але, великор. этот, эво, эко.

§ 231. Примѣры измѣненія начальнаго e изъ je въ ö и далѣе въ o даны въ § 227. Приведу рядъ примѣровъ измѣненія начальнаго e въ именахъ собственныхъ и другихъ заимствованныхъ словахъ: олѣи Прол. XIII в. (Лавровск., Оп. 70), октѣньѧ Служ. XIV в. (Амфил., Оп. Воскр. мон. 17),

во октеніи Хожд. Дан. Вевев. 140), октенїа Уст. XII в. Тип. № 142, л. 2, опитемью Новг. 1-я, 150а, опитемии Вопр. Кир. 21, съ опитемъею Стогл. Хлуд. 122, оклисиастъ Панд. Ант. XI в. (Собол.), охидьнова Юрьев. ев. 57д, ѡвгиньи Уст. Студ. (Оп. Г. и Н. Ш, 1, 241), ѡпимаха Погод. сп. Псков. лѣт. № 1413, 177б, опикуръ Пчела XIV в. (А. Семен.), ѡмельяна Новг. 1-я по Комм. 412, овдокимъ Вопр. Кир. 33, ѡстафеи Гр. 1284, ѡстафеи Гр. до 1455 (С. М. № 36/299), овхима Гр. 1508 (А. Ю. З. Р. I, 36); великор. афрем (въ акающ., вм. офрем), малор. охрім; великор. овдотья; олферьевъ 1464—73 (XVI) А. Кал. II № 156, IV; осѣй 1498—99 (XVI) А. Кал. II № 156, олисиѣва Новг. 1372 № 13 (печать), опатья 1462—64 (XVII) А. Кал. I, № 52, олена гр. XV в. (А. Кал. I № 63), оврѣомъ, овропискоу, ольпидию Ефр. Кормч. XII в. (С. Обнорскій, 56).

Примѣчаніе 1. И въ великор. и въ малор. извѣстно также произношеніе съ је, обязанное церковнослав. вліянію: Евстигнѣй, Евленья (при Алгинья изъ Овгинья), Евлампій, Евстрат; въ малор. је измѣнялось въ ја (какъ въ случаѣ, указанномъ въ § 227, прим. 3): Ярема, Явтухъ. Форма Ёвдоха Канев. (Рудч. I, 177) представляетъ контаминацію формы съ је и формы съ о. Какъ отмѣтилъ Ягичъ (Крит. зам., 24), «въ южнослав. памятникахъ только съ трудомъ можно подыскать тотъ или другой примѣръ съ начальнымъ о вмѣсто е въ греческихъ именахъ». Отмѣчу ѳѳиопьскомъ Бол. пс. (Собол.). Слѣдовательно, передъ нами вполнѣ русское явленіе.

Примѣчаніе 2. Однородна лабіализація е послѣ гласныхъ въ началѣ слога, ср. въ заимств. словахъ, напр. геонѣ, виѳлеомѣ Ефр. Кормч. XII в. (С. Обнорск., 51).

§ 232. На мѣстѣ начальнаго а въ словахъ и именахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, находимъ о, при чемъ у насъ нѣтъ основаній думать, чтобы этотъ переходъ происходилъ въ старославянскомъ и уже отсюда переносился въ русскій языкъ. Правда, замѣну иноземнаго а черезъ о находимъ и послѣ согласныхъ (ср. § 197), но въ началѣ словъ она проведена гораздо послѣдовательнѣе, что и заставляетъ выдѣлить переходъ начальнаго а въ о въ особое явленіе. Ударяемое а по общему правилу такому измѣненію не подвергается: это стоитъ, конечно, въ связи съ тою полудолготой, которую получали гласныя въ зависимости отъ ударенія (такъ сохраняется а въ Анна). Приведу примѣры изъ памятниковъ: ѡлекса Гр. 1284, офонасовѣ 1391—1428 А. Кал. I № 82, ондронову ib., олександръ 1447—56 А. Кал. I № 63, онтипинъ 1495 (XVI) А. Кал. II, № 156, олексѣемъ Новг. 1373 № 17, онцыфирова 1391 (XVI) А. Кал. II, № 134. Изъ

совр. яз.,отмѣчу, напр. великор. костромск.: Олёксанъ, Оганя, Огрофена, Окулина, Обрамъ, Ондрій, Онтонъ, Олёха, Оксютка (Виноградовъ), и мн. др.

Измѣненіе начальныхъ группъ or, ol.

§ 233. Изъ § 82 мы знаемъ, что еще въ общеслав. праязыкѣ группы or, ol въ началѣ слова подверглись перестановкѣ съ удлиненіемъ о въ ā, но только при экспираторной долготѣ этихъ сочетаній; при музыкальной долготѣ онѣ оставались безъ измѣненія въ общеславянскомъ. Перестановка or, ol съ музыкальной долготой наступала уже только въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Въ общерусскомъ праязыкѣ сочетанія or̄, ol̄ (послѣднее изъ ol согласно § 211) перешли въ ro, ło. Вѣроятно думать, что ro, ło содержали не краткое o, а полудолгое, а слѣдовательно o закрытое; это видно изъ перехода ro, ło въ ruo, łuo (откуда ri, li) въ малорусскомъ. Звукъ o краткое, удлиняясь вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ ъ, ь, переходитъ въ малорусскомъ въ o, какъ это видно, напримѣръ, изъ такихъ словъ, какъ король, порог, горох на мѣстѣ общерусск. korolъ, porogъ, gorohъ съ краткимъ o послѣ r; напротивъ, ô полудолгое при тѣхъ же условіяхъ переходитъ въ малолорусскомъ въ ō, откуда uo, i, что̀ видно изъ перехода общеслав. и общерусск. dômъ, nôsъ въ duom, nuos (откуда dim, nis). Слѣдовательно, малор. ліктя, ріжна, ріст, рівня, ріля указываютъ на общерусск. łôkъti, rôžьna, rôstъ, rôvьńa, rôlьja съ ô, явившимся, очевидно, вслѣдствіе передачи плавными своей долготы попавшей за ними гласной o.

§ 234. Примѣры для общер. ro, ło, указаннаго происхожденія. Въ древнѣйшихъ памятникахъ: рожьнꙑ Минея XI в. № 221, 31a, роздѣлѥна XIII Сл. Г. Б., 203б, рожьгъ Минея XI в. № 194, 84a, роскопа Юр. ев. 170b, роженъ Христин. ап. 53, лодиꙗ ib. 176, ѡт лони ib. 172 (2 Кор. VIII, 10 и IX, 2), локоть Ев. XIII в. № 6, 47b, рождьѥ Пантел. ев. 22b, локоть єваньскыи Уст. Всев. по Комм. списку, 410, лодию Усп. сб. XII в., 248, 2, лодиꙗ, лодиꙗхъ Злат. XII в., локътъ Ж. Б. и Гл. 22 об., 2, локътоу Усп. сб. XII в. 122 об., ростѧше Кирилл. ч. Реймск. ев., роснамъ Ж. Б. и Гл. 8 об. 2, локътъ Сб. 1073, 158б, робомъ д. мн. 197б, роспѧса 197в, розоумѣти 242в. Совр. великор. розга, рос̀ изъ рослъ, рост, ровный, лодка, лони, локоть, рожон, роз-. Малор. робити, роба, рокита, ріжна́ р. ед. (Эн. 21), ліктя, рівня (Кв. II, 275 и Эн. 144), rywni р. ед. Новоградвол. (Zb. VII. 195), ри́зну (Эн. 225), на́ривно, розризны́лися (Эн. 225), рімно Бучацк. (Етн. зб. VI, 48) изъ рівно, ріля́, ріще, рістóк, ріст, різно, ріжний, ріжни́ти, рівний, рівнина́.

Примѣчаніе. Малор. роля, ровно́ (Кв. I, 29), розныи (Эн. 12), ло́дь, ло́дя, ло́дка, лось заимствуютъ свое о, вм. ожидаемаго і, изъ какихъ-нибудь такихъ образованій, гдѣ о стояло не передъ слогомъ съ полукр. гласной; напр. р. ед. лоди, ровен, ролейний и т. п.

Измѣненіе сочетаній or, er, oł и др. въ серединѣ словъ (полногласіе).

§ 235. Согласно съ §§ 80—81 общерусскій праязыкъ получилъ изъ общеславянскаго слѣдующія дифтонгическія сочетанія исконныхъ гласныхъ о, е и слѣдующихъ за ними плавныхъ, бывшихъ долгими, а въ зависимости отъ извѣстныхъ условій и полудолгими: or, ol, eṙ, öl (послѣднее являлось послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ гласною непередняго ряда): vorta, golva, v̇erdъ̌, ḋeṙvo, ž́eṙb̆ę, č́eṙvo, ṁelko, ž́elb̆iti, ž́ölbъ̌. Въ общерусскомъ праязыкѣ имѣли мѣсто, во-первыхъ, переходъ ṙ въ ŕ въ положеніи не передъ твердою зубною и отвердѣніе ṙ въ этомъ послѣднемъ положеніи; во-вторыхъ, переходъ l въ ł, что вызвало переходъ предшествующихъ е, ö въ о, являвшееся однако въ видѣ ȯ послѣ мягкихъ согласныхъ; въ-третьихъ, переходъ е въ ö передъ твердой согласной (r, ł). Поэтому въ общерусскомъ праязыкѣ приведеннымъ общеслав. сочетаніямъ соотвѣтствовали or, oł, eŕ, ör, oł, ȯł: vorta, gołva, v́ördъ̌, ḋeŕvo, ž́eŕb̆a, č́eŕvo, mołko, ž́ȯłb̆iti, ž́ȯłbъ̌. Плавныя и въ общер. были получены съ долготой, а при извѣстныхъ условіяхъ съ полудолготой. Подъ удареніемъ сочетанія эти являлись въ трехъ различныхъ видахъ: подъ удареніемъ нисходящимъ съ долгими r, ł: ḋeŕvo, gołvǫ, ž́ȯłbъ̌ съ удареніемъ ˆ; подъ удареніемъ ˜ съ сверхдолгими r, ł: korl̆ъ̌, vorta, mołt̆iš̆i; подъ удареніемъ ´ съ полудолгими r, ł: korva, sołma.

§ 236. Въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка въ немъ утрачивалась долгота и полудолгота плавныхъ: утрата эта вознаграждалась двумя способами въ предѣлахъ слога, содержавшаго долгую или полудолгую плавную. Во-первыхъ, сочетанія ъ̌r̄, ь̌r̄, ъ̌ł̄ съ полукраткими ъ, ь переходили въ сочетанія ъr, ьr, ъł съ краткими плавными, но съ удлинившимися до краткости гласными ъ, ь—объ этомъ явленіи скажу ниже, въ § 252. Во-вторыхъ, сочетанія or̄, oł, er̄ замѣняли свои долгія плавныя сочетаніями плавной съ гласнымъ звукомъ, тождественнымъ съ предшествующею гласной; такимъ образомъ вмѣсто долгой плавной являлась краткая въ соединеніи съ слѣдующею гласною; возможно, что непосредственно за плавной развивался тотъ неимѣвшій еще специфической окраски той или иной гласной звукъ, который Сиверсомъ и другими фонетиками обозначается знакомъ ʌ (пере-

вернутое лат. v—vox), и что уже затѣмъ ʌ, ассимилируясь гласной передъ плавной, переходило въ гласную, съ нею тождественную. Итакъ вмѣсто or, oł, eŕ, ör, oł (изъ el), ȯł явились сочетанія oro, ołо, eŕe, öŕö (отсюда далѣе eŕö вслѣдствіе ассимиляціи звука ö послѣдующему ŕ), ołо, ȯłо. Въ слогахъ ударяемыхъ, если удареніе было нисходящимъ, оно оставалось на первой части сочетанія: ȍr и т. д. перешли въ óro, напр. póroxъ, gółovu, мѣстн. ед. ćéŕeрѣ, вин. ед. śéŕödu, žółoвѣ; если удареніе было восходящимъ (сверхдолгимъ или полудолгимъ), удареніе оставалось на второй части сочетанія, напр. voróta, mołótitь, ƀeŕéďitä; koróva, sołóma, ṕeŕéžȯ, šȯłómъ.

Примѣчаніе 1. Предложенное объясненіе русскаго полногласія (такъ именно принято называть разсматриваемое явленіе) я предпочитаю объясненію Ф. Θ. Фортунатова и нѣкоторыхъ другихъ лингвистовъ, предполагающихъ переходъ or̄, er̄ и т. д. непосредственно въ orr̥, err̥, потому, что слоговое r вообще не развивается въ положеніи за гласной; правда, въ сочетаніи orr̥ мы имѣли бы его развитіе непосредственно за согласной r, но если сочетаніе rr̥ представляется соединеніемъ неслогового r съ послѣдующимъ r̥, то возникновеніе такого сочетанія было бы непонятно. Возраженія противъ того, что переходъ or̄ въ orr̥ произошелъ уже въ общеслав. эпоху, предложены въ § 81 пр. 3. Объясненіе Торбьернсона (Die gemeinsl. Liquidametathese), предполагающаго общеслав. переходъ сочетаній or̄, er̄ и т. д. въ r̥ro, r̥re, встрѣчаетъ рядъ затрудненій физіологическаго характера и исходитъ изъ другого недоказаннаго предположенія—о томъ, что or̄, er̄ измѣнились въ общеслав. праязыкѣ въ orr̥, err̥, что̀ и дало въ результатѣ перестановки r̥ro, r̥re.

Примѣчаніе 2. Полногласіе имѣло мѣсто не только передъ слогомъ съ гласною полнаго образованія, но также и передъ слогомъ съ полукраткою гласною. Вслѣдствіе этого передъ слогомъ съ полукраткой гласной получались сочетанія ro, ło, ŕe, ŕö, при томъ съ краткими, а не полудолгими о, е, ö (а мы знаемъ, что исконныя о, е въ общеслав., а потомъ и въ общерусскомъ звучали какъ полудолгія ô, ê передъ слогомъ съ полукраткой гласной). Указаніе на краткость о, е, ö въ указанномъ положеніи извлекаемъ изъ малорусскаго языка, гдѣ по общему правилу находимъ ro, re, ło передъ утраченнымъ слогомъ съ ъ, ь, а въ малорусскомъ растягивались и распадались въ дифтонги только исконныя ô, ê полудолгія, между тѣмъ какъ краткія о, е, ö переходили въ результатѣ утраты полукр. гласной слѣд. слога въ соотвѣтствующія полудолгія гласныя (ср. выше § 233); такъ находимъ: берег, голос, горох, жолоб,

холоп, черен, пором, король, город и т. д. Правда, извѣстны также формы, какъ поріг (поригъ Кв. I, 249), рядомъ съ порбг, бе́риг, ве́рис, хоруеш Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 5), но вѣроятно объяснять ихъ вліяніемъ словъ какъ ніс-носа, ріг-рога, міст-мосту и т. п. Особенно часты такія новыя і въ формахъ р. мн. ж. и ср. рода: голи́въ (Кв. II, 47), сери́гъ (ib., 72), сторінъ (Основа 1860 г., янв. I, 11), беріз, доріг и др.; вори́тъ (Кв. I, 234; Эн. 115). Также, уже подъ вліяніемъ р. мн.: ворітьми (Осн. 1860 г., янв. I, 11); въ уменьшительныхъ: борідка, гірка, черидка (Эн. 122). Въ собирательномъ черипья (Кв. II, 160). Въ глагольныхъ формахъ, а именно въ причастіи на -ѣъ: бери́гъ (Кв. I, 5), берігся (ib. II, 122), одволік. Отсюда даже одволікла (Осн. 1860 г., янв. I, 32).

§ 237. Приведу примѣры для сочетанія oro изъ or. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* перехорони Палея 1494 (Каринск.), коромолници Новг. 1-я Комм. 333, распросторонимъ Псалт. XVII в., ворождоу Ипат. 133в, хорошавъ, хорошанѣѥ Чуд. еп. Панд. Ник. XIV в. (Изв. X, 291), поздоровляю Нѣж. (Малин. 65), соромаживоу Сб. 1076, испорохнѣти Хожд. Дан. (Венев. 71), соромота Волбг. (Бажен.), вороногра Сб. XV в. № 68/270 (Каринск.), дорогоцинны уряды Остер. (Черн. Г. В. 1853 № 10), воротьславьскимь Ипат. 289b; скоротити молитвъı Соф. кормчая XIII в. (Р. И. Б. VI, 106); въ слогахъ *заударныхъ:* испоротокъ Георг. Ам. XIV—XV (Св. и З. I, № 6, 21), па́морокъ: умъ, разсудокъ Бѣлгор.-Курск. (АГО. XIX, 44), пономровъ: червякъ Хожд. Дан. (Венев., 9), ср. чешск. ponrav, pondrava: личинка червей; малор. о́боріг (вм. оборог), ср. польск. bгбg; в соуморо́ Радзив. 121 об.

Подъ нисходящимъ удареніемъ: городоу XIII Сл. Г. Б. 73β, норовъ Минея XI в. № 194, 34а, борошьнъмь Сб. 1076, ворога Ипат. 282г, порозность Измар. XV в. Кіево-Мих. (Требинъ), дорогость Погод. Псков. л. № 1413 (Каринск.), своробъ Георг. Ам. XIV—XV в., скороньжит. Андрея Юр. (Св. и З. № 87, с. 176), смбродъ Волог. (Бажен.), ворахъ, вм. ворохъ, Обоян. (Машкинъ); ко́ротко; на скороду Рогач. (Ро. III, 336).

Подъ восходящимъ удареніемъ какъ изъ ˜, такъ и изъ ′: хорошь Чуд. сп. Панд. Ник. XIV в. (Изв. X, 296), в сеи соротце Радзив. 140 об., заборо́ломъ Ж. Б. и Гл. 25д, съ заборолами Новг. 1-я, 167б, пороздьнъ Ж. Θеод., пороздьнаıı нед. Уст. мон. XIII в. (Изв. VI, 65), огороднікъ XIII Сл. Г. Б. 369γ, добронорови҃ѥ Сб. 1076, съдоровьѥ зап. въ Гал. ев. 1266—1301, поворозше за нозѣ Радзив. 179, сторонікъ Новг. 1-я по Комм. сп. 462, во шести зородахъ 1691 (Барс. Палеостровъ, 150), пороча (пороча́? праща)

Толков. Ник. Иракл. XIV в. (Собол. Особ. русск. перев.), възборониваите Поуч. Ильи Новг. по сп. XV в. (А. С. Павловъ), наворочаеть Библ. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовствующихъ, 37), распросторонишъ Зап. русск. пс. XVII в.

§ 238. Примѣры для сочетанія еге изъ ег. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* извеременивше Новг. 1-я, 85, веременники Стогл. Хлуд. 69, верѣмена Псалт. 1296 (Матер. 25), деревꙗнѣ Ж. Б. и Гл. XII в., посередѣ Минея XI в. № 194, 14в, 30 а, доверечи Хожд. Дан. (Венев. 26), вередиши Сб. 1073, 381а, чережѣньѥ Ев. XIII в. № 6, 99в, жеребець ib. 145а, жеребьци Ев. XII в. № 1, 39в, берегли Усп. сб. XII в. № 175 (18), 272в, переклюкавъ Георг. Амарт. XIV—XV (Св. и Зам. I, № 6, 21), ѡперезуется Зап.-русск. пс. XVI в. (Карск. 189).

Подъ нисходящимъ удареніемъ: жеребиꙗ Арханг. ев. 1092 г., 110в, жеребии Христин. ап. 62, не веремѧ Ипат. 99а, не вереме Гр. до 1491 (А. Ю. № 7), ищерева Стих. XII в. А. Н.

Подъ восходящимъ удареніемъ: оумерети Арханг. ев. 95а, беремꙗ ib. 139в, простерети Поуч. Конст. Болг. XIII в., 82д, перѣже Гр. ок. 1230, переже Сб. 1076, Новг. 1-я, 134а, Ипат. 157б, Гр. 1371 № 29, переже Арханг. (Кузмищ.), пирешъ Обоян. (Машкинъ), передже Галицк. (Игн. зъ Никл. 76, 89), череплꙗ Сб. 1073, 33а, череплемъ Стих. XII в. А. Н. 43б, одерети Георг. Амарт. XIV—XV в., очере́тяный (Эн. 148); тереть, умереть, стеречь, перечить; жерети Юрьев. ев. 126д (Лук. 22,7), Христиноп. ап. 33.

§ 239. Примѣры для сочетанія еѓӧ изъ ег. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* переѡбидить Кормч. 1282 (Р. Д. II, 51, пр. 66), перегънѫвъ Остр. ев. 265д, перебъываниѥ Сб. 1076, передъславы Ж. Б. и Гл. XII в., середовѣчиѥ Поуч. Конст. Болг. XIII в., 142д, череворабoтьникъ Усп. сб. XII в. № 175 (18), 272в, передо́вгый (Кв. II, 255), передкове (предки) Молд. гр. 1434, переставилисѧ Библ. XVI в., Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), безъ перестатья ib.

Подъ нисходящимъ удареніемъ: снегоу и сереноу Ипат. 271в, черево Минея XI в., № 194, 140а, ищерева Минея XI в., № 221, 18 в, иштерева Чуд. пс. XI в., 97, теремъ (Эн. 113, 121), ве́редъ.

Подъ восходящимъ удареніемъ: Перёволока (назв. деревни Костр. у.), безпере́станно (Кв. II, 153), серёдка, подчерёвок.

§ 240. Примѣры для сочетанія оѓо изъ оѓ. Въ слогахъ неударяемыхъ; *предударныхъ:* Володиславу Гр. Дмитр. Ольг. 1388 (Изв. X, 213), Володимира Остр. ев., боложитъ Послов. XVII в. (Сим. 139), в' бологодѣть

Рукоп. Всеволода (Комм. сп. 489), полотна Добр. ев. 47с, ѹпапалази́лъ цѣлаю ночь Обоян. (Машкинъ), полоза Поуч. Конст. Болг. 5в, полокахоу Добр. ев. 109д, оуполоскала бѧше Палея Колом. 17, пополошитиса Георг. Ам. XIV—XV в. (Св. и З. I, № 6, 21), ср. луж. porłoch, позолотивъ Ж. Б. и Гл. XII в., осколоблениѥ Георг. Ам. XIV—XV в., оу тоту полонину Галицк. (Игн. зъ Никл. 14), соловии Минея XI в., № 221, 18в, молоденецъ Рыльск. (О. С. 95), маладенецъ Холмск. (АГО, XXXII, 19), молостбвъ, ср. польск. młost (Потебня, I, 164), розволожити Библ. XVI в., Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), молодици ib., ѡпѣхлиною голодовою ib., въ волосѧници ib., молоденьцомъ ib. (Перетцъ, Книга Руѳь въ бѣлор. пер.); *въ заударныхъ:* оболость Ж. Б. и Гл. XII в.; ѡболокоу Ипат. 269в, ѡболокомъ Библ. XVI в., № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств. 37); наволочка.

Подъ нисходящимъ удареніемъ: волотъ Толк. Ник. Ир. XIV в. (Собол. Особ. р. перев.), не бологомъ Слово о п. Иг., золотѣ Минея XI в. № 194, 127а, по́ломья (Кв. II, 106), по́ломья (Эн. 165, 204), бо́лого онъ самъ дома Костр. (Виногр.), бо́лозе Ельн. (Добров. I, 123), Кирилл. (АГО. XXIV, 9), болузни вм. болозни: мозоли Заон. (Пѣвинъ), до́лоньми Бучацк. (Етн. зб. VI, 2), солонъ, солоноу Уст. Студ. XII—XIII в. (Оп. Г. и Н. III, 261, 260), з молодѡсти Библ. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), поломѣнь Галицк. (Игн. зъ Никл., 6), во́лосы, Пѣловцы.

Подъ восходящимъ удареніемъ: позолочена Ж. Б. и Гл. XII в., позолотою Палея 1494 (Каринск.), патпалбсъ Обоян. (Машкинъ), р. ед. прохолбды (Кв. II, 181), долóня (ib. I, 249), полóтныще (ib. II, 219), искололъ Хожд. Дан. (Венев. 89, вар.), бороноволоковъ Лит. Метр. 1510, № 22, оболона лемк. угрор. и галицк., ср. чешск. blána, польск. błona.

§ 241. Примѣры для сочетанія оѣ изъ el. Въ неударяемыхъ слогахъ: ѿ молока Христин. ап. 148, волокоша ib. 33, полоненици Толк. ап. XIII в., 178 об., исполовемъ Гал. ев. 1144, 29а, полонены Библ. XVI в., Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 37), палаве́нь: сарай подлѣ тока Обоян. (Машк.).

Подъ восходящимъ удареніемъ: половъı Гал. ев. 1144, 6а, половелъ ib. 29а, половъı Георг. Ам. XIV—XV в. (Св. и З. I. № 6, 21), толощи въ двери Переясл. сп. Поуч. Ефр., 101в, моло́чный, приволо́къ.

§ 242. Примѣры для сочетанія о̀ѣ изъ el. Въ неударяемыхъ слогахъ: челономъ же и мозгомъ Христин. ап. (Евр. IV, 12), жолобок (Шевч. 57), жолобоватую Гр. Устюж. 1523, ви́жолобав Бучацк. (Етн. зб. VI, 2).

Подъ нисходящимъ удареніемъ: на шолома Ипат. 222в, шóломя (мѣсто пристанища, пріютъ) Арханг. (Кузмищ.), жóлоб.

Подъ восходящимъ удареніемъ: шеломъ Переясл. еп. Поуч. Ефр. 192г, шоломъ Радзив. 191 об., шоломо͡ Ипат. 245а.

§ 242а. Приведу здѣсь еще нѣсколько словъ съ полногласіемъ, требующихъ особой оговорки. *Гóломя:* «далѣе отъ берега» Арханг. (Кузмищ.), голомя́: давно Спасск. (О. С. 5), Мамадыш. (О. С. 59), голомя́ возвыше Хожд. Дан. (Венев. 71), оголóмя: обморокъ Курск. (О. С. 87), ср. лит. gelmẽ «глубина» (Berneker, Sl. etym. Wörterbuch). *Солопити* языка малор., высолопить (Ляпун. въ Сб. въ ч. Ягича), výsaŀapiw Лидск. (Weryha, 41), солупнýць (высунуть языкъ, лизнуть), ср. старослав. въслапити, въслаплѧти (отгонять, удерживать, укрощать). *Солощій:* неразборчивый на ѣду (о скотѣ) Заон. (Пѣвинъ), солошшой Молож. (О. С. 167), солóща: жадная ко всему Устюж. (Эрдм. АГО), ср. солодкий Нѣж. (Малинка, 65), корень солод-, лит. saldùs. *Сторови*: здоровы, цѣлы, въ Новг. 1-й подъ 6638, 6681, 6694 гг., ср. верхнелуж. strowy, а также оусторобивсѧ Ипат. 287г; быть можетъ, сторовъ вм. сторобъ, подъ вліяніемъ здоровъ (изъ съдоровъ), старосл. оустрабльти. *Полóдноваць*, папалóдную Слуцк. (Р. Ф. В. 1901, 3-4), ср. сербск. пладновати; рядомъ, подъ вліяніемъ полудня, полудню: полуднати Збараж. (Рудч.), полудновать Новоградвол. (Тр. II, 11), полуденокъ Галицк. (Игн. зъ Никл. 60). *Терёзвый* великор., терезви Вопр. Кирик. 58, угрор. терезбый; съ перестановкой: тверезий малор., тверезный, тверёзой великор., ср. истверезенїѧ Сб. 1076, старослав. трѣзвь, сербск. тријезан. *Толока*, напр. в толокоу Комм. сп. 455, на толочанѣхъ 455; ср. словенск. tlaka, сербск. тлака, польск. tłoka. *Приторомко:* сладко и нѣск. противно для вкуса Пошех. (О. С. 169), Заон. (Пѣвинъ), вѣроятно, вм. приторонко, ср. старослав. притранъ; наше прúторно поэтому вмѣсто притороно. *Четвереногъ*, напр. четверѣногъ Чуд. сп. Злат. XV в. (Ягичъ въ Archiv f. sl. Ph. I, 403), ср. старослав. четврѣногъ; наше четвероногъ подъ вліяніемъ четверо. *Яболонь*, напр. подъ ѣболонью Прол. 1425 (Каринск.), ср. старослав. ѣблань, луж. jaběłoń; наше яблонь представляетъ другое образованіе, изъ ѣблънь (?). *Снопородъ* назв. рѣки, впадающей въ Орель, лѣвый притокъ Днѣпра (= Самара), снопородоу Хлѣбн. (въ Ипат. въ этомъ мѣстѣ исправлено въ слѣпороду 540), до снопорода Ипат. 227с (здѣсь но исправлено въ не), снепорѡ͡ Комм. сп. 447, снепородскіи земляninъ въ гр. XV в. (Сборн. палеогр. снимковъ Вил., № 3), совр. Снопородъ, Снепородъ; ср., вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ, названіе рѣки Poprad. *Веснебологъ* назв. села Опоч. у. Псковск. губ., ср. лѣвый притокъ Одера: польск. Osobłoga, чешск. Osoblaha, нѣм. Hotsenplotz. Отмѣчу полно-

гласіе вънѣкоторыхъ словахъ, восходящихъ къ заимствованнымъ въ общеслав. праязыкѣ изъ другихъ языковъ словамъ: *коробъ*, коробка, коробья́, ср. старослав. крабии, крабиица, чешск. krabka, krabice, польск. krobia, króbka; общеслав. korb- заимствовано непоср. изъ германскихъ языковъ, которые получили это слово изъ лат. corbis (Berneker, Slav. etym. Wörterbuch); *коромола* древнерусск., коромóлы малор. восходитъ, быть можетъ, къ общеслав. kormola изъ средне-лат. carmula возстаніе, мятежъ, ср. старослав. крамола, чешск. kramola.

§ 243. Въ словѣ человѣкъ имѣется также полногласіе; наше человѣкъ, ср. человѣка, человѣци Ж. Θед. XII в., человѣчьско Христин. ап. 99, человѣкъ Ев. XII в., № 1, 25в, чоловѣкъ Поуч. К. Болг., малор. чоловік, бѣлор. moj ty čaŀaveča Лидск. (Weryha, 54), восходитъ къ общеслав. čŏlvĕkъ съ долгимъ l; рядомъ существовало въ общеслав. čŏlvĕkъ съ краткимъ ŀ, заимствованнымъ изъ формы čŏlĕvĕkъ. Это указываетъ на то, что разсматриваемое слово двусложно: въ первой части сложенія могла быть или форма čel-, или форма čelŭ-, представлявшая именную основу. Въ южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ čŏlvĕkъ измѣнилось въ čoŀvĕkъ и далѣе, съ перестановкой, človĕkъ, človĕkъ: старослав. человѣкъ, польск. człowiek, чешск. člověk (въ Кралицк. библіи съ ŀ: člověk). Въ русскомъ языкѣ čŏlvĕkъ, такъ же какъ čŏlĕvĕkъ, измѣнилось съ теченіемъ времени въ čeloĕk, ср. переходъ moŀviti въ moŀyť, žoŀvь въ žoŀ (Сл. р. яз. А. Н., подъ словомъ жолъ): челэкъ Дмитровск. (В. Черныш.), чилэкъ Обоян. (Машкинъ); такъ же должно, вѣроятно, читать челѣкъ Спасск. (О. С. 50). Что до čŏlvĕkъ, то форма эта сохранилась только въ восточно-слав. вѣтви, гдѣ она измѣнилась въ čŏŀvĕkъ (съ долгимъ ŀ) и далѣе въ čŏŀoʹvĕkъ, человѣкъ.

§ 244. Дѣйствіе закона о полногласіи продолжалось и послѣ распаденія общер. праязыка, въ языкѣ древнерусскомъ: въ словахъ заимствованныхъ сочетанія or, ol измѣнялись передъ согласными очевидно въ oŗ, oĺ, откуда дальше oro, oło. Сюда относится, напр., слово *корóль*; повидимому, оно въ древнерусскій языкъ проникло въ видѣ koŗlь изъ одного изъ западнославянскихъ языковъ (чешскаго, до перестановки его въ král, польскаго до перестановки его въ król), гдѣ оно передавало имя Карла Великаго и его преемниковъ (ср. краль въ Жит. Меѳ. со значеніемъ именно германскаго императора, если справедлива догадка проф. Брюкнера, Die Wahrheit über die Slavenaposteln). Къ позднѣйшимъ заимствованіямъ относятся слова какъ *мороморъ* вмѣсто mormorъ изъ греч. μάρμαρος: мороморъ, мороморие Злат. XII в., 182в, мороморъ Сказ. о Соф. хр. въ XII в. (Изв. X, 347), мороморяно Георг. Амарт. XIV—XV в. (Св. и З. I, № 6, 21), муроморянъ

Хожд. Дан. (Венев.). *Скоропиꙗ* изъ греч. σκορπιός: скоропии Злат. XII в., 182в, скоропию Ев. XIII в., № 6, 107в, Пут. ев., 118, скоропиꙗ рук. 1296 г., 125а, скоропиꙗ Ев. 1307. *Коропъ* назв. рыбы—изъ какого-нибудь западно-евр. языка, ср. лат. cagro, древневерхнѣм. charfo, kagro, малор. кóроп, коропéль, коропичь Хожд. Дан. (Венев. 102). *Уборокъ* изъ герм., ср. древневерхнѣм. ambar (заимств. изъ лат. amphora): оубороковъ Русск. Правда (Син. сп.); въ общеслав. рядомъ съ ǫborkъ существовало и ǫborъkъ, ср. польск. wędborek, чешск. úborek. *Соломя*: узкій проливъ Заон. (Пѣвинъ), заимствовано изъ финскаго salmi, ср. сáлма Арханг. (Подв.).

Примѣчаніе. Слово паполома, напр. Сл. о п. Иг., Требн. Шерем. XIV в., 79б (паполома есть сукно ib. 122а), замѣнило греч. πάπλωμα подъ вл. какой-нибудь аналогіи.

§ 245. Ошибочно думать, чтобы общеславянскому el могло соотвѣтствовать въ русскомъ языкѣ eĭe. Не придаю значенія написаніямъ членъ, шелемъ въ памятникахъ; это графическимъ путемъ возникшія контаминаціи русскихъ формъ челонъ, шеломъ и церковно-славянскихъ члѣнъ, шлѣмъ (въ русскомъ произношеніи членъ, шлемъ): челенковъ своихъ Поуч. Ефр. Сир. 1377, 114б, в шелемъ надежи Требн. Шерем. XIV в., 53а. Можно указать и на фонетическія контаминаціи, дававшія въ результатѣ сочетаніе еле. Такъ *ожеледь*, ожеледа, ожелодь, ожеледице малор. стоятъ вмѣсто ожидаемаго ожелодиця (ср. словенск. žled, žledíca) подъ вліяніемъ гололедиця, poledica словенск. (какъ это было указано другими), ср. угорусск. ожелец, род. ожельцу, ожелест (Верхр., Знад. II); *пелевня* Тихв. (О. С. 115) замѣнило форму половня подъ вліяніемъ пелъı, пелъве въ значеніи мякина (ср. въ Новг. 1-й подъ 6636: пелъми тв. мн.); *пелескаться* вм. полоскаться, напр. пялещутся Смол. (Добров. Э. С. II, 167), подъ вліяніемъ плескаться.

§ 246. Звуковой контаминаціей объясняется и сочетаніе его вм. ег. Такъ находимъ черосъ вм. чересъ, черезъ подъ вліяніемъ скрозѣ, скрозь: черосъ Усп. сб. XII в., 106д, 131б, Прол. 1383 (Собол.), черосъ ночь Поуч. Ильи Новг. по сп. XV в. (А. С. Павловъ). Вліяніемъ предлоговъ за, на объясняются формы, какъ *зарóдъ* Олон., Арханг., вмѣсто зорóдъ Олон. губ. (Слов. Кулик.), бѣлор. озеродъ, ср. лит. žardas (въ томъ же значеніи: приборъ для сушенія сноповъ); также *наровить* вм. норовить, напр. наровать Уст. Всев. по Комм. сп. 461.—Слово муравей вм. ожидаемаго моровей (ср. Моровискъ назв. города, Ипат. л.) подъ вліяніемъ слова мурава. Великор. шорохъ, повидимому, вмѣсто шерехъ (малор. шерехáтый) явилось подъ вліяніемъ *сорохъ, ср. старослав. въсрашити, въсрашати поднимать,

напр. волосы, въсрашьнъıи τραχύς (при въсрьхлъıи въ томъ же значеніи), ср. Mikl. Etym. Wörterbuch.

Примѣчаніе. Подъ вліяніемъ скрозѣ черезъ измѣняется въ керезъ: керезъ Козелецк. (Черн. Г. В. 1853, № 40), Глух. (Р. Ф. В. 1903, № 3-4), керезъ море Переясл. (Тр. II, 42). Ср. еще другую контаминированную форму: короз вокéнце Старомѣстск. (Етн. зб. VI, 24), короз вікно (ib. 70). Ср. выше въ § 216.

§ 247. Вмѣсто оро, оло находимъ въ производныхъ глаголахъ несов. вида орá, олá въ великор. нарѣчіи, напр., отгораживать, отворачивать, укорачивать, настораживаться, замораживать, охорашивать, приколачивать, замолаживать, заволакивать, оболакиваться, выколачивать и т. д.; гораздо рѣже еря вмѣсто ере, напр. въ сѣверномалор. пудеря́зуватьця Козельск. (Черн. Г. В. 1855, № 16). Звукъ а перенесенъ на мѣсто о по аналогіи изъ такихъ глаголовъ, какъ нашивать, упрашивать, важивать и т. п. (имѣющихъ á подъ вліяніемъ исчезнувшихъ теперь глаголовъ на -ать, какъ нашати, прашати и т. п.). Аналогично появленіе олá въ оболáкаться: одѣваться Устюжн. (Эрдм., АГО). Подобно великорусскому явленію малорусское, гдѣ і замѣняетъ о, напр. зволикáть (Эн. 225), переполи́скувавъ (Кв. I, 200), пидпири́зуетця (ib. I, 66); і проникло изъ такихъ случаевъ, какъ перелітáти. Я упоминаю здѣсь объ обоихъ этихъ явленіяхъ для устраненія неправильнаго объясненія орá, олá, олí, ерí, какъ результатъ какого-нибудь фонетическаго процесса, изъ первоначальныхъ ор, ол, ер.

Примѣчаніе. Первоначальныя формы съ оро находимъ, напр., въ оборочивая, выполоскываетъ Ипат. 289, 199.

§ 248. Путемъ заимствованія изъ древнеболгарскаго, въ значительномъ числѣ случаевъ черезъ посредство церковнаго, книжнаго языка, въ русскій языкъ проникли сочетанія ра, ла вмѣсто оро, оло и ре, ле (на мѣстѣ древнеболгарскихъ рѣ, лѣ) вмѣсто ере, ело. Отмѣчу нѣсколько подобныхъ заимствованныхъ словъ изъ живого языка: великор. праздникъ, странникъ, врагъ, врачъ, влага, влажный, власть, облако, область, краля (въ картахъ), храбрый, гласный, сладкій, срамъ, мразь, время, вредъ, среда, средній, шлемъ, плѣнъ, прежде и преже, прежда Смол. (Добров. II, 240), напрежъ: сперва Шенк. (Плечевъ), прежъ Соликам. (Лукан.), прежа Обоян. (Машкинъ, АГО XIX. 24), дапрежь Бѣлгор.-Курск. (ib. XIX, 44), напредки Шенк. (Плечевъ), Заон. (Пѣвинъ); пре- (прекрасный, премилый и т. п.); чрезъ; малор. ўремя; вража матюрь Козелецк. (Черн. Г. В. 1853, № 40), рlazom Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 240); старинное праворъ, ср. с праперы Пов. об Аз. сид. Бусл. сп. XVII в. (Орл. 143), откуда наше прапорщикъ.—Путемъ конта-

минаціи русской формы съ оро и книжной съ ра явилось произношеніе, какъ хора́брый, обычное въ былинахъ, хорабрыхъ въ Сб. Посл. XVII в. (Сим. 136): русское хоробрый, церковнослав. храбрый; также корачки, кукорачь (Собол. въ Ж. М. Н. П. 1882): русское *корокъ (ср. окорокъ), церк. *кракъ. — Рядъ словъ съ сочетаніемъ ра, ла, ре вмѣсто полногласныхъ сочетаній проникъ въ угрорусскій языкъ изъ сосѣднихъ словацкихъ говоровъ: стра́на, стражова́ти, о́блак (при о́болок, окно), краль, крагулец, діалект. врана, страка, млыко, крава; въ пѣсняхъ: младий, злато, здравый, гласный, власочькы́, влас (ср. Верхр. Знад. II, 24).

Примѣчаніе. Рядомъ съ хоr̄ьгъ въ общеслав. праязыкѣ были, повидимому, извѣстны и хоьгъ, хvоьгъ, хvаьгъ, съ тѣмъ же значеніемъ, ср. хъбъръ въ Ж. Б. и Гл. XII в., хвабрый Рогач. (Ро. III, 396), Смол. (Добров. II, 306), р. ед. прехваброи (Кв. I, 184).

§ 249. Изъ польскаго языка проникли въ русскій слова съ сочетаніями ро, ло вмѣсто оро, оло. Такъ находимъ въ старинномъ актовомъ языкѣ западной Руси: кроль, коня своєго влостъного Лит. Метр. 1510 г. № 12 (ср. рядомъ: ключницю мою волостную, ib. № 16), тыи два члонки ѳалчивѣ написаны 1515, № 192; кролеве, оув оброну, постронный, млоденець, отъ строжи Зап.-русск. пс. XVI в. (Карск., 156), превротныхъ, ростропности Зап.-русск. пс. XVII в. (ib.); кролю влодиславу Грам. Любарта 1393 г. (Палеогр. сн. Собол. и Пташ., № 11). Въ совр. языкѣ: оу злотомъ волосю Гал. (Игн. зъ Никл., 84), злот перстянь Щигр. (Халанск., Р. Ф. В. 1880, № 3). Предположительно такъ же объясняется злото въ надписи на крестѣ Евфросиніи Полоцкой 1161 г. Возможно, что частыя формы съ ро, ло въ Радзивиловской лѣтописи, написанной по многимъ соображеніямъ въ Смоленскѣ, обязаны вліянію книжнаго западно-русскаго языка, пропитаннаго полонизмами: гр҃ѡ свои 100 об., на злотыхъ воротє҃ 87, не бронѧше 86, ѡблоксѧ 105 об. и др. Великор. постромка (вмѣсто постронка), вѣроятно, польское заимствованіе, ср. польск. postronek, нижнелуж. póstronk, верхнелуж. postronk (въ чешск. postranek). Считаю возможнымъ признать старымъ заимствованіемъ и слово острогъ (по-русски было бы *осторогъ, ср. осторожный), а также строгій; любопытно острожность въ значеніи строгость Великолуц. (АГО № XXXII, 33).

Примѣчаніе. Написанія древнерусскихъ памятниковъ съ ро, ло вмѣсто оро, оло въ значительной части обязаны опискамъ писцовъ, а частью также и искусственной замѣнѣ церк. ра, ла черезъ ро, ло подъ вліяніемъ русскихъ формъ (слѣдовательно, своеобразной графической контаминаціи): проздьньство Минея XI в., № 194, 98а, проздьнолюбьци

ib. кротъчаи ib., злотьникъ ib.; плокаахоу Юр. ев. 90д, тлощи ib. 127а, проздьныѧ нє Ев. 1409 (Матер.), шломъ оупванияѧ Христин. ап. 214, по заброломъ Сб. XV в. Соф. 53/255 (Каринск.), с хробрыми Сб. XV в., № 1262 (Каринск.), чрово (ib.), словияѧ Сб. XV в. № 68/270 (Каринск.), сромаживъ Рум. кормч. XIII в. (Р. И. Б. VI, 120), ороужиємь огродивъсѧ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 44, на заболѣхъ Ипат. 292а, въ замрозъ 53в, совлокутьсѧ Лавр., врожить, врожениємъ (Быт. XLIV, 15 и 5) Тр.-Лавр. XIV в. (Срезн. Св. и З. № 91). Быть можетъ, подобныя контаминированныя формы были извѣстны и въ живомъ употребленіи, ср. кон(ь) врон Дух. Яросл. 1545 (Лихач. 14); также мло́дому Он. был. Гильф. 47в. Слово ко́вроты (ворота) Росл. (О. С. 160) вмѣсто ко́вороты явилось, конечно, вслѣдствіе выпаденія неударяемой гласной въ заударномъ слогѣ.

§ 250. Объ измѣненіи сочетаній ar, el и др. въ иностранныхъ словахъ въ ага, ele и т. п. скажу ниже, въ § 327. Объ измѣненіи сочетаній or, oł въ огу, оły въ случаяхъ, какъ скорынья, полынья см. § 260.

Измѣненіе сочетаній tъ̄r̄t, tь̄r̄t, tъ̄łt въ tъrt, tьrt, tъłt.

§ 251. Общеслав. сочетанія tъrt, tьŕt, tъlt, tьlt, ć̑ьlt, съ долгими и полудолгими плавными, о происхожденіи которыхъ сказано выше въ § 83, въ общерусскомъ праязыкѣ, во-первыхъ, измѣнили полумягкое r въ мягкое передъ мягкими согласными, а также передъ твердыми губными и задненёбными, между тѣмъ какъ передъ твердыми зубными r отвердѣвало, при чемъ предшеств. ь переходило въ ъ̈; во-вторыхъ, замѣнили l звукомъ ł, въ связи съ чѣмъ предшествующія ему ь и ъ̈ превратились въ ъ. Въ общер. праязыкѣ такимъ образомъ получились сочетанія tъrt, tъ́ŕt, tъ̈rt, tъłt, ć̑ъłt съ долгими и полудолгими плавными: gъrdyĭ, vъ́ŕha, mъ̄rtvyĭ, ć̑ъrta р. ед., mъłva, vъłśi, ć̑ъłna.

§ 252. Какъ указано въ § 236, въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка въ немъ утрачивалась долгота и полудолгота плавныхъ; въ связи съ этимъ и подъ вліяніемъ этой утраты предшествовавшія плавнымъ полукраткія ъ, ъ̈, ь переходили въ краткія ъ, ъ̈, ь, т. е. удлинялись съ полукраткости до краткости. Такъ явились въ общер.: gъrdyĭ, vъŕha, mъ̈rtvyĭ, ć̑ъrta, mъłva, vъłśi, ć̑ъłna съ краткими плавными. Доказательствомъ того, что ъ, ь, ъ̈ были въ подобныхъ случаяхъ не полукраткими, а краткими, служитъ то, что они не подлежали здѣсь выпаденію въ позднѣйшую эпоху, когда пали полукраткія гласныя; они замѣнены черезъ o, e, ö (отсюда o), такъ же,

какъ замѣнены тѣми же звуками ъ, ь, ъ̈, напр. въ случаяхъ, какъ sъnъ̆, ďьńь̆, ľь̈nъ̆; ср. великор. гордый, верьха, чорта, волки, малор. човна р. ед., мертвий и т. д. Указаніе на краткость плавныхъ извлекается изъ того обстоятельства, что здѣсь не возникали полногласныя сочетанія; переходъ v́ьŕха, č̆ь̈rta въ *v́eŕeха, *č̆eŕeta былъ бы неизбѣженъ, если бы r за краткими ь, ъ̈ было долго; ср. § 236.

Примѣчаніе. Какъ увидимъ ниже, въ § 421, паденіе ъ̆, ь̆ вызвало полудолготу r, ł въ сочетаніяхъ ъr, ъł, ъ̈r (or, oł, ör) предшествующаго слога. Явленіе это въ древнерусскомъ было діалектическимъ; въ нѣкоторыхъ діалектахъ r, ł оказались неспособными къ удлиненію; вновь возникшія сочетанія: краткая гласная + полудолгая плавная устранялись въ порядкѣ, указанномъ въ § 236. Такъ явилось второе полногласіе: торог, долог, черенца.

§ 253. Приведу примѣры сочетаній ъr изъ общеслав. ъ̆r̄: древнерусск. скърби Христин. ап., бързостию Ефр. кормч., отътъргати ib., пъртѣхъ ib., гърдѧщесѧ Поуч. К. Болг., истър̓гнеть Гал. ев. 1144, 153а, тържькъ Полоцк. гр. ок. 1265, търговати Гр. ок. 1230, запъртить Гр. Мстислава ок. 1130. Совр. коргъ: широта ладони Обоян. (Машк.); корнать, обкорнать; горсть.

§ 254. Примѣры сочетаній ъ̈r изъ общеслав.: ъ̆r̄ съ r полумягкимъ, мьртвъ Гр. 1229 (Д), пьрстаты ib., четвьртоѥ Гал. ев. 1144, 1а, простьртаꙗ ib., твьрдъ Гр. 1229 (А), оумьрлъ ib.

Примѣры сочетаній ъr изъ общеслав. ъ̆r̄: чьрнъı Чуд. пс. XI в., чьртогъ Ефр. Кормч. Совр. малор. чорний, великор. чорствый.

§ 255. Примѣры сочетаній ьŕ изъ общеслав.: ъ̆r̄ съ r полумягкимъ, вьрхъ Чуд. пс. XI в., испьрва ib., сьрдьцихъ ib., дьржавѫ ib., дьржа Гр. ок. 1130, вьрхъ Гр. 1229 (Д), оутвьржонъ ib., четвьрти ib., дьржати Полоцк. гр. 1265а. Совр. умерть Козельск. (Черн. Г. В. 1853, № 41), черьга: очередь Обоян. (Машк.), перга ib., ср. польск. pierzga; лико дерти Проскур. (Рудч.), терти Лубенск. (Етн. зб. XIV, 17), въ папьртъ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 6.

§ 256. Примѣры сочетаній ъł изъ ъ̆l: испълниши Арх. ев., вълсвѣхъ Гал. ев. 1144, дъл̓жьнъ 40в, дългъ Гр. ок. 1230, дължьбита ib., дължьни Гр. ок. 1130, сълньцю Ефр. кормч., вълка ib., обълчена ib.

Примѣры сочетаній ъł изъ ъ̆l: жовня́ Тотем. (Андр.); жолтый, чолнъ.

§ 258. Отмѣчу здѣсь нѣкоторыя особенныя слова: четвьргъ: до великаго четвьрга Уст. XII в. Тип. № 142, л. 5, въ четвержьнъıи дн̄ь Ипат. 157б: произведено отъ основы четвьр- суффиксомъ -го-, который является

напр. въ малор. у двійзі; отъ той же основы четвьр- образовано четвьрногъ, ср. четвьръногъ Христин. ап. 112. Слово гортань замѣнило исконное грътань подъ вліяніемъ горло, ср. Собол. Оч. 73 и въ Ж. М. Н. П. 1886. Слова скьрбь, скьрбѣти, откуда скербь, скербѣти, напр. скьрбѧаше Арх. ев. 94a, прискьрбьна 95b, скьрби Выголекс. сб. (Собол. Р. Ф. В. 1884), оскерблю Арх. лѣств. XIII—XIV (ib.)—явились результатомъ церковнаго произношенія перенесенныхъ изъ древноболгарскихъ памятниковъ написаній скрьбь, скрьбѣти (по русски: скърбь, скорбь). Неясно доржаша Ев. Типогр. XIV в. № 18 (Каринск.), не додоржу Лодомск. гр. 1581 № CXXXVII, великор. доржать, задорживать, задоржка: паралл. формы держать, дёржыт изъ дьржати. Слово кърста, при которомъ было кьрста, заимствовано изъ финскаго: ср. в коръсьтоу ѡрѡѡмѡреноу Троицк. сп. Новг. 1-й, 62, корсты Лавр. подъ 1092 г. Слово кербь (изв. число горстей льну) также заимствовано. О словѣ скользкій см. выше, § 211. Слово мовити, ср. въ великорусск. примовити Домостр. 38, малор. мовити изъ мълвити.

Слову бревно, діалект. бервно въ древнерусск. соотвѣтствовало бьрвьно см. ниже § 384.

§ 259. Бѣлор. измѣненія слова сълньце явились подъ вліяніемъ польскаго: słonca Лидск. (Weryha, 55), słońca Свенц. (Zb. XVIII, 198), na prysłonaczku leżąc (Zb. XVIII, 205). Заимствовано изъ польскаго: подлух того Молд. 1434; рядомъ: полугъ его сознанья Лит. метр. 1510 № 20.

О нѣкоторыхъ другихъ измѣненіяхъ сочетаній оr̄, оl̓ и др., ъr̄, ъl̓ и др.

§ 260. При нѣкоторыхъ условіяхъ, еще недостаточно выясненныхъ, сочетанія or, ol̓, er съ долгими r, l̓ измѣнились не въ полногласныя сочетанія оро, оло, ере, а въ сочетанія ору, олу, ері. Ограничусь указаніемъ на тѣ случаи, какіе я имѣю при этомъ въ виду, воздерживаясь отъ какого бы то ни было объясненія. Вмѣсто skorn̄ïją, откуда съ первымъ полногласіемъ скоронымъ Палея XIV в. (ср. старослав. скранити), находимъ: оударилъ его свазьць за скорънью Жит. Андрея Юр. по Прол. XIII в. (Св. и З. № 87, с. 176). Вмѣсто ropl̓ïja, откуда съ первымъ полногласіемъ полонья Шенк. (Плечевъ) (ср. польск. płonia), находимъ и въ южновеликор. и въ сѣверновеликор. полынья, ср. для послѣдняго напр. Арханг. (Шренкъ), Кунгур. (Бум. Срезн.). Отъ borš̆bno, откуда съ первымъ полногласіемъ бо́рошно малор., произведено боришений при борошенний: мучной малор. (Сл. Желех.). Вмѣсто rol̓ma, откуда съ первымъ полногласіемъ поломе бѣлор. (Слов. Носовича), находимъ

по́лымя великор., между прочимъ въ окающихъ говорахъ, какъ Владим. (В. Черныш.), Великоуст. (Протопоповъ), по́лымё Пошех. (Обл. сл. 171). Вмѣсто ѕоло́ма, откуда съ первымъ полногласіемъ шо́ломя: горка, пригорокъ, холмъ Арханг., Вят. (Даль), верхняя часть кровли Пошех. (Обл. слов. № 171), находимъ шо́лымя: возвышенная середина гумна Арханг. (прогр. № 155). Вмѣсто golóma, откуда съ первымъ полногласіемъ го́ломя: открытое море Арханг. (Шренкъ), го́ломень Петрозав. (Кулик.), го́ломянь Арханг. (Подв.), находимъ голыма́: открытое море Арханг. (Даль), голымень: глубокая вода Арханг. (Никоновъ).

Примѣчаніе. Обращаясь къ вопросу о природѣ ударенія тѣхъ сочетаній ог, ол, которыя измѣнились въ огу, олу, видимъ, что въ значительномъ числѣ случаевъ это было нисх. удареніе: по̀лымя, шо̀лымя, го̀лымя, бо̀рышно, вин. ед. ско̀рынью, по̀лынью.

§ 261. На мѣстѣ сочетанія ъl находимъ олу въ словѣ молынья при молонья; послѣднее можетъ быть объяснено въ результатѣ второго полногласія вмѣсто mъlïja (§ 252, 421); но олу въ молынья предполагаетъ какое-то особенное развитіе сочетанія ъl—ол. Написанія молыния, молынья находимъ въ Радзив. XV в. подъ 941 и 1024 г.: здѣсь не можетъ быть рѣчи о переходѣ о въ ы въ неударяемомъ слогѣ. Укажу молынья́ въ совр. сѣверновелик. говорахъ, также не знающихъ звука ы на мѣстѣ о: Кадник. (Шахм.), Кирилл. (прогр. № 170), Бѣлоз. (прогр. № 158), Весьег. (прогр. №№ 122, 217), Муром. (прогр. № 100), Мышк. (прогр. № 71), Шенк. (прогр. № 83), Пошех. (О. С. № 169) и др.; съ удареніемъ на ы отмѣчено молы́нье Ворон. (О. С.). Вмѣсто ъr находимъ оры въ тары́шка: барышъ, прибыль, выгода Наровч. (Оп.), тары́жничать: торговать мелочью или старьемъ Калуж. (Оп.); ср. старослав. тръжьникъ, словенск. tr̀žník.

§ 262. Еще неожиданнѣе измѣненіе ол въ началѣ слова въ алу. Мы находимъ его въ словѣ алынья́: корова Владим., Костром. (Оп.); ср. старослав. алъни.

Примѣчаніе. Оставляю также безъ всякаго объясненія сочетанія ага, аła, которыя находимъ вм. ого, oło. Такъ къ корню bogx-, откуда борошно, относится бара́хло: хламъ, буторъ, скарбъ (Даль), барахло́ Шенк. (Оп.), въ знач. всякое движимое въ домѣ имущество, рухлядь, барахло́ Арханг. (Подв.), Колым. (Богоразъ). При указанныхъ выше молонья, молынья находимъ мала́нья Арханг. (Подв.), мала́нка бѣлор. (см. у Носовича: мала́нка), Пинск. (прогр. сѣверномалор. № 1), Дисн. (съ значеніемъ зарница, прогр. бѣлор. № 6), мала́шка Ворон. (мола́шка въ Доп., с. 325); съ другимъ удареніемъ: маланья́ Кирилл. (прогр.

№№ 163, 167, 215), Бѣлоз. (прогр. №№ 162, 165, 191), Чердын. (прогр. № 258), Каргоп. (Кулик.), Кунгур. (Бум. Срезн.), Перм. (Волеговъ), Шуйск. (Гарелинъ), Судогод. (Соловьевъ), Вытег. и Нерех. (Оп.), Кадник. (Шайтановъ, Жив. Ст. V, 392); ср. моланьѧ въ Паис. сб. нач. XV в. (Мат. Срезн.), мьланьꙗмъ въ Палеѣ 1406 г. (изд., с. 5).— Число приведенныхъ примѣровъ съ оры, олы, ара, ала, и т. д. можно значительно увеличить, если принять во вниманіе рядъ глаголовъ, по значенію своему звукоподражательныхъ; въ виду именно этого значенія, звуковая форма такихъ глаголовъ не можетъ казаться достаточно убѣдительною для обоснованія того или иного звукового закона. Имѣю въ виду напр. полыснуть при полоснуть, полосовать; полыхнуть при малор. пала́хнути, спала́хнути; шелыхнуть при шелохнуть, шала́хнуться; бутаражить ср. буторга, чубарахнуть ср. словацк. brchat'sa (взбираться, карабкаться); толыкнуть; торыкнуть и т. д.

Измѣненія въ количествѣ и удареніи.

§ 263. Приведу ниже при обозрѣніи звукового состава общерусскаго праязыка тѣ основанія, которыя не позволяютъ допустить въ немъ сколько-нибудь значительныхъ измѣненій въ количественныхъ и акцентныхъ отношеніяхъ сравнительно съ общеслав. праязыкомъ. Частичныя измѣненія имѣли здѣсь мѣсто, какъ видно изъ сдѣланнаго въ § 236 указанія на сокращеніе плавныхъ согласныхъ въ сочетаніяхъ or, oł, ѣr, ѣł. Въ связи съ появленіемъ полногласныхъ сочетаній стоитъ измѣненіе долгаго и полудолгаго нисх. ударенія сочетаній or, oł, er на краткое нисходящее удареніе въ первой части полногласныхъ сочетаній oro, oło, eŕe (vôrtѣ перешло въ vȍrotѣ), при чемъ нисходящій характеръ такого ударенія доказывается тѣмъ, что великор. говоры, измѣняющіе о въ uo подъ старымъ восх. удареніемъ, здѣсь сохраняютъ о безъ измѣненія: Егор. го́лову, Тотем. сто́рону. Восх. удареніе долгое и полудолгое явилось въ видѣ, повидимому, краткаго восходящаго ударенія на второй части полногласныхъ сочетаній (koŕva, vor̃ta перешли въ koróva, voróta): восх. характеръ ударенія доказывается великорусскими говорами, представляющими произношеніе каруова Егор., воруота Тотем.

Отдѣлъ IV. Звуковой составъ древне-русскаго языка.

§ 264. Совершенно условно въ настоящемъ заглавіи подъ древнерусскимъ языкомъ понимаемъ языкъ того періода, который предшествовалъ

непосредственно окончательному распаденію русскаго языка на три большія нарѣчныя группы, опредѣляемыя какъ южнорусская, восточнорусская и сѣверноруссная. Образовались эти группы въ составѣ русскаго языка очень давно, въ эпоху, предшествовавшую появленію письменности и даже сложенію кіевскаго государства. Но долгое время, благодаря особеннымъ условіямъ политическимъ и экономическимъ, не прерывалась внутренняя связь между этими нарѣчіями, поддерживавшая языковое ихъ единство. Весь дальнѣйшій трудъ нашъ посвященъ описанію именно этой эпохи въ жизни русскаго языка. При этомъ необходимо различить, во-первыхъ, то общее, что унаслѣдовано всѣми русскими нарѣчіями изъ общерусскаго праязыка, во-вторыхъ, тѣ общія измѣненія, которымъ подверглись нѣкоторые звуки въ этомъ именно періодѣ, въ-третьихъ, діалектическія особенности, характеризующія названныя три русскія нарѣчія. Настоящій отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію общаго достоянія всего древнерусскаго языка въ области звуковъ.

§ 265. Древнерусскій языкъ того отдаленнаго періода, на которомъ мы останавливаемъ свое вниманіе, познается не только изъ данныхъ, выяснившихся въ предыдущемъ изслѣдованіи, гдѣ мы подвергли подробному разсмотрѣнію звуковой составъ общеслав. праязыка и внесенныя въ него измѣненія въ теченіе періода, опредѣляемаго какъ общерусскій праязыкъ, но также изъ изученія письменныхъ памятниковъ XI—XII вѣка: изученіе этихъ памятниковъ, современныхъ подлежащему нашему разсмотрѣнію періоду, даетъ значительное освѣщеніе фактамъ и расширяетъ поле наблюденія, обогащая наши знанія данными, засвидѣтельствованными современностью. Правда, дошедшіе до насъ памятники написаны почти всѣ не русскимъ, а церковнославянскимъ языкомъ, но этотъ церковнославянскій языкъ, при томъ не только рѣдкихъ, впрочемъ, свѣтскихъ памятниковъ, но также и духовныхъ, проникнутъ русскими элементами. Усвоивъ себѣ церковнославянскій языкъ, какъ живой языкъ церковнаго богослуженія, церковной проповѣди и бесѣды, русскіе полагали различіе между своимъ роднымъ языкомъ и этимъ книжнымъ, литературнымъ языкомъ развѣ только въ словоупотребленіи; что до звуковой стороны, то церковнославянскій языкъ принялъ весьма быстро звуковой обликъ русской рѣчи; особенные его звуки, чуждые русскому языку, замѣнялись соотвѣтствующими русскими звуками, и говорившіе на немъ не прилагали никакихъ стараній къ тому, чтобы сохранить въ своемъ произношеніи чуждыя родной ихъ рѣчи древнеболгарскія особенности; носовые звуки они замѣняли соотвѣтствующими чистыми звуками, произнося ǫ (ѫ) какъ u и ę (ѧ) какъ a; сочетанія слоговая плавная + ь или ъ замѣнялись соотвѣт-

ствующими русскими сочетаніями ър, ьр, ъл; звуки жд (žd') замѣнялись звукомъ ж (ž); болгарское ѣ, произносившееся частью какъ ä, частью какъ а, передавалось черезъ е; полумягкія или твердыя (вслѣдствіе отвердѣнія) согласныя передъ гласными передняго ряда произносились какъ мягкія; болгарское l (если оно въ тотъ періодъ уже успѣло замѣнить общеслав. l) передавалось передъ гласными непередняго ряда какъ ł; болгарское g южнорусами, превратившими всякое g въ γ, читалось какъ γ, и т. д. Это русское произношеніе въ первыхъ же памятникахъ письменности нашло себѣ выраженіе отчасти и на письмѣ: ср. смѣшеніе буквъ ѫ и оу; ѧ, ѩ и ѭ, а; замѣну ръ, рь, лъ черезъ ър, ьр, ъл; смѣшеніе буквъ ѣ и е; замѣну болг. жд черезъ русское ж, и т. д. Такимъ образомъ уже съ XI вѣка имѣемъ письменныя свидѣтельства о живомъ русскомъ языкѣ. Наши знанія были бы гораздо удовлетворительнѣе, если бы до насъ сохранились въ подлинникахъ или современныхъ копіяхъ многочисленныя оригинальныя произведенія русской письменности XI и XII вѣка. Но памятники эти частью погибли, частью дошли до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ и переработкахъ. Тѣмъ не менѣе и по этимъ ихъ передѣлкамъ можемъ судить объ языкѣ тѣхъ эпохъ, когда они возникли; даже звуковая сторона оригиналовъ не стерлась безслѣдно. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно юридическіе памятники представляли живой русскій языкъ, почти безъ примѣси церковнослав. элементовъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., языкъ Русской Правды, дошедшій до насъ въ спискахъ XIII в. Въ предстоящемъ обзорѣ звукового состава древне-русскаго языка будутъ приняты во вниманіе факты письма, насколько они отражали живое произношеніе.

§ 266. Древнерусская письменность началась одновременно съ принятіемъ кіевскою Русью христіанства. Это важнѣйшее въ исторіи русскаго народа культурно-историческое событіе было подготовлено тѣми культурными связями, которыя создались между южною Русью и Балканскимъ полуостровомъ; едва ли подлежитъ сомнѣнію, что эти связи тѣснѣйшимъ образомъ соединяли Кіевскій югъ именно съ родственною Болгаріей: она стала просвѣтительницей Руси. Заимствовавъ отъ Болгаръ христіанскую вѣру, русскіе переняли и ихъ языкъ въ качествѣ сначала церковнаго, потомъ книжнаго языка. Вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ элементы заимствованнаго языка проникли глубоко въ среду народную, при чемъ ея достояніемъ становилась не только обыденная христіанская терминологія, но также и рядъ по происхожденію болгарскихъ, а также и греческихъ, но прошедшихъ черезъ болгарскую среду словъ, выражавшихъ новыя понятія въ области духовной и матеріальной культуры. Благодаря тому, что заимствованія шли изъ родственной среды, они прививались живому русскому языку съ осо-

бенною легкостью. Историку языка необходимо считаться съ этими новыми, вторгшимися въ языкъ элементами, обогатившими въ частности и звуковой составъ языка. Кромѣ болгарскаго языка русскій языкъ древнѣйшаго періода испыталъ на себѣ вліяніе польскаго, а также греческаго языка; менѣе значительно было число заимствованій изъ древне-скандинавскаго (черезъ посредство Варяговъ), западно-финскихъ языковъ на сѣверѣ, тюркскихъ и иранскихъ на югѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ заимствованій будутъ введены въ обзоръ звукового состава древнерусскаго языка.

Глава I. Гласные звуки.

§ 267. Древнерусскій языкъ имѣлъ слѣдующія гласныя *задняго ряда*: нелабіализованное а, лабіализованныя о, ô, u; *средняго ряда*: нелабіализованное у, лабіализованныя ъ, ȯ, ô̂, u̇; *передняго ряда*: нелабіализованныя і, ь, ê, е, ä, лабіализованныя (діалект. ü), ъ̈, ô̂, ö. Гласныя а, u̇ были извѣстны въ краткомъ, полудолгомъ, долгомъ и сверхдолгомъ видѣ. Гласныя і, у, u являлись не только въ этихъ четырехъ видахъ, но также еще въ полукраткомъ видѣ (впрочемъ, полукраткое u — только въ діалектахъ), при чемъ і (а діалектически также u) было извѣстно еще и въ неслоговомъ видѣ. Гласныя о, ȯ, е, ä, ö были извѣстны въ краткомъ видѣ, но подъ удареніемъ восходящимъ о, ȯ, е, ö были полудолги. Гласныя ô, ô̂, ô̂, ê являлись только въ полудолгомъ видѣ. Гласныя ъ, ь, ъ̈ встрѣчались и въ краткомъ и въ полукраткомъ видѣ, при чемъ ъ и ь были извѣстны кромѣ того и въ неслоговомъ видѣ. Наконецъ, общер. языкъ имѣлъ сложную гласную ѣ. Укажу на происхожденіе всѣхъ этихъ гласныхъ и приведу соотвѣтствующіе примѣры.

§ 268. Звукъ а послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. а: dała, ž́aba, koń́a; послѣ мягкихъ согласныхъ (изъ общеслав. мягкихъ и полумягкихъ)—также къ общеслав. ę: č́adъ̌, d́it́a; послѣ мягкихъ согласныхъ (изъ общеслав. полумягкихъ)—къ общеслав. ä: ruḿanъ̌; въ началѣ слова а восходитъ къ общеслав. ha: a, ač́ȯ, aky. Кромѣ того а являлось изъ е въ результатѣ ассимиляціи предшествующему а: znaaš́i, dobraaho. Кратко а въ vodà, d́it́à, śiła; полудолго въ ž́ábu, brátъ̌, łopátu, dumaĺi; долго въ sâdъ̌, xvāłà; сверхдолго въ xvãĺiš́ĭ, ḿѣstã.

Въ заимствованныхъ словахъ а обычно соотвѣтствуетъ иноязычному а подъ удареніемъ, почему оно полудолго: котопанъ: κατεπάνος, баня: βάνειο, βανεια, *βάνειον, паплома: πάπλωμα. Иногда мы находимъ а на мѣстѣ неудар. о: акіаня 1459—70 (А. А. Э. I. № 62), манастырь 1433 (А. Кал. I,

№ 31), также обычно въ Лавр. лѣт. и мн. др., фегнасту 1391—1428 (А. Кал. I, № 82), фегнаста 1498 (А. Кал. I, № 31), конановъ Гр. XV—XVI (А. Кал. II, № 149), симанъ Гр. XV в. (А. Кал. II, № 160), симаново 1447—56 (А. Кал. I, № 63). Впрочемъ, древнеболгарское а передается всегда черезъ а: градъ, гражане. Въ положеніи послѣ мягкой согласной а соотвѣтствуетъ и древнеболгарскому ѧ, ѩ: времꙗ, жажда, а также иноземнымъ сочетаніямъ an, en: мꙗтель, варꙗгъ.

На письмѣ звукъ а изображался послѣ твердыхъ согласныхъ, послѣ ж, щ, ч, щ, ц, а также въ началѣ слова буквой а: сани, жаль, часъ, аче; послѣ мягкихъ согласныхъ онъ изображался и черезъ ꙗ, и черезъ ѧ: кънꙗзꙗ, мꙗсо, имꙗахоу, костꙗнтини, а также кънѧзѧ, мѧса, имѧахоу, костѧнтини; послѣднее правописаніе гораздо обычнѣе, въ особенности въ памятникахъ XII и сл. вѣковъ; впрочемъ, ꙗ держится дольше послѣ н, л, что объясняется наличностью въ старослав. оригиналахъ написаній нꙗ, лꙗ (между тѣмъ какъ мꙗ, сꙗ и т. п. были въ нихъ неизвѣстны). За буквами ж, ш, ч, щ, ц, кромѣ а, пишется также и ꙗ, ѧ: оц҃ѧ, чѧсти, ноужѧ. Сочетаніе ja (i̯a) изображается безразлично черезъ ꙗ и ѧ: ꙗко, моꙗ, твоѧ, но съ теченіемъ времени преобладаетъ ꙗ. Такъ вырабатывалась слѣдующая особенность позднѣйшаго русскаго письма: послѣ мягкихъ согласныхъ (кромѣ всегда мягкихъ ж, ш, ч, щ, ц) а изображается черезъ ѧ, послѣ j черезъ (ja=ꙗ) а.

§ 269. Звукъ о послѣ твердыхъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. о: doma, słovo, toho, въ началѣ слова—къ общеслав. ho, которое само изъ о: osa, ostrovъ, а также къ общеславянскому сочетанію je (i̯e), измѣнившемуся по-русски въ е и далѣе въ ö, о: ośeńъ, odïnъ; въ полногласныхъ сочетаніяхъ oro, oło, ȯło второе о возникло на русской почвѣ въ результатѣ сокращенія предшествующей плавной; въ нѣкоторыхъ случаяхъ oło восходитъ къ el: mołoko; въ сочетаніи uo вмѣсто ue, напр. предположительно въ дат. ед. dobruomu, о замѣнило е черезъ посредство ö. Кратко о въ gńѣzdò, bŷło; подъ удареніемъ нисходящимъ оно кратко, напр. въ vȍdu, pȍľö, gȍrodъ, а подъ восход. уд. въ серединѣ слова предположительно только въ полногласн. сочетаніяхъ, какъ koròva, koròľъ. Полудолго о подъ восх. удареніемъ: kóźa, nóśiśĭ, naróda.

Въ заимствованныхъ словахъ о соотвѣтствуетъ краткимъ о и а (неударяемому), напр. кровать: κραββάτι(ον), ропать: ῥαπάτ(ιον), огофонов 1391—1428 А. Кал. I № 82), гермона 1462—64 (XVI) А. Кал. I № 52, афонасья 1462—63 (А. Кал. I № 31), романъ и ромонъ: ῥωμανός, моностырь (напр. моностыря 1448—68 А. Кал. I № 35): μοναστήριον; начальное неударяемое а систематически передается черезъ о: оврамъ, ондрѣи, олексѣи. Кромѣ того о замѣняетъ начальное е: октенья, опимахъ, олистратъ, олисава.

На письмѣ звукъ o изображался буквой o: донъ; рѣже, и при томъ преимущественно въ началѣ слова, пишется и ѡ, напр. особенно обычно ѿ, вм. отъ, а также ⊙: ⊙ко.

§ 270. Звукъ ô послѣ твердыхъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. ô, а именно въ слогѣ, предшествующемъ слогу съ полукраткою гласною: dômъ, sôlъ, kôńь. Кромѣ того въ сочетаніяхъ rô, lô въ началѣ слова, явившихся въ результатѣ перестановки: lônі, rôstu. Звукъ ô всюду полудологъ.

На письмѣ ô изображалось такъ же, какъ o: домъ.

Примѣчаніе. Отличіе ô отъ o доказывается малорусскимъ, гдѣ на мѣстѣ удлинившагося ô передъ слогомъ съ выпавшею полукр. гласною явился дифтонгъ uo: duom, nuos, ruost.

§ 271. Звукъ u послѣ твердыхъ согласныхъ восходитъ къ общеслав. u и ǫ: muxa, drugъ, muka, puťь. Въ началѣ слова—восходитъ къ общеслав. lu: učiťь, umъ, и къ lǫ: ugъlь; кромѣ того восходитъ къ jü: unъ, ugъ. Кратко u въ bobù, nesù, sỳnu, vòdu; полудолго въ túča, lúkъ, posúda; долго въ drûgъ, sūdítĭ, mūkà; сверхдолго въ sūdъ, sūdiťь. — Полукратко u только діалектически въ соотвѣтствіи звукамъ vъ, vь другихъ говоровъ: ŭdova, praŭda, noй.—Неслоговое u̯ было извѣстно только діалектически въ соотвѣтствіи звуку v другихъ говоровъ (см. ниже, § 295), но также въ дифтонгахъ au̯, eu̯ въ заимствованныхъ словахъ.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ звуку u: зипунъ: ζιπούνι; также древнеболгарскому ѫ: оуболъ, соубота; кромѣ того сочетаніямъ on, un: соудъ (назв. цареградской гавани изъ древнесканд. sund), кубара: κουμβάρα. Далѣе находимъ u вм. древнесканд. ō, напр. тиоунъ: þiōn; наконецъ, вмѣсто неударяемаго и ударяемаго греческаго o: моускоусъ: μόσχος, пардоусъ: πάρδος, пароусъ: φάρος, уксусъ: ὄξος; варсунофей 1486 (XVI), А. Кал. I, № 69, сватыѫ матроуны Пут. ев. 223. На мѣстѣ греч. υ: паноухида Уст. XII в. Тип. № 142 (ср. ib. o панюхидѣ). Вообще же греч. υ можетъ передаваться черезъ ю: на кюпарисѣ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 7 об., въ мюра место ib. 34, и черезъ у (v), произносившееся какъ ü.

На письмѣ u изображалось обычно буквами оу (въ подражаніе древнеболгарскому и греческому пріему); изрѣдка вмѣсто оу лигатура ȣ: роусь, сѣноу, нȣжа. Гораздо позже стали писать у, сохраняя оу въ началѣ слога. Діалектическое ŭ изображалось буквами въ, напр. въдова, въгодьникъ, новъ, рѣже черезъ оу, а послѣ гласныхъ и черезъ у: оу домъ, оу чемь, прауда; неслоговое u̯ изображалось черезъ в, но послѣ гласныхъ также черезъ у: васъ, волѧ, вы, ставлю, гавриилъ, гауриилъ, еуга, еупраксѧ.

§ 272. Звукъ у употребляется только послѣ твердыхъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. у: była, dymъ̆. Кратко у, напр. въ vodỳ, rukỳ, vȍdy, полудолго въ łýko, kopýto, долго въ sŷnъ̆, mŷšь̆, bȳłà, сверхдолго въ mȳ. Полукраткое у (только въ положеніи передъ i̯)—въ слогахъ неударяемыхъ: úmỹi̯utь̆, dobrỹi̯e (при dobryi̯e).

Въ заимствованныхъ изъ древнеболг. языка словахъ русское у восходитъ къ ы, которое можетъ замѣнять и греческое ι, напр. статырь, давыдъ, монастырь (ср. монастиря 1455—62 А. Кал. I, № 31, манастиря гр. XV в., А. Кал. II, № 126).

На письмѣ изображается буквой ы, ы: рыбы; въ извѣстныхъ школахъ, подъ южнослав. вліяніемъ вм. ы писалось ы, напр. въ нѣкоторой части Сб. 1073, въ Кирилл. части Реймскаго евангелія.

§ 273. Звукъ ъ лабіализованный употребляется, во-первыхъ, послѣ твердыхъ согласныхъ, восходя къ общеслав. ъ нелабіализованному: sъnъ, rъžь̆, tъnъkъ, во-вторыхъ, послѣ исконно мягкихъ согласныхъ, восходя къ общеслав. ъ̈ (т. е. лабіализованному ь): š́ъłъ̆. Въ сочетаніи ъł звукъ ъ можетъ восходить къ ь (общеслав. ь̆l): vъłkъ̆, dъłgo, и къ ъ̈ (общеслав. ъ̆l): č́ъłnъ̆. Звукъ ъ кратокъ въ łъž́ь̆, kъŕь̆, полукратокъ въ sъ̆na, kъ̆ńaźь̆, dômъ̆. Краткое ъ восходитъ къ общеслав. полукраткому въ сочетаніяхъ ъr, ъł: bъrzyĭ, mъłva. Неслоговое ъ являлось въ положеніи за слоговыми r, ł: ṛъ̯žanъ̆, ḷъ̆ži.

Въ заимствованныхъ изъ болгарскаго словахъ ъ восходитъ къ ъ, при чемъ ъ въ извѣстныхъ случаяхъ возводится къ греческому ο: къснѧтинъ, вънифонтью Пут. ев. 229, вънифантиѧ Рум. ев. XIV в., № 8, 14с; является также на мѣстѣ греч. ου: коукъльмь главоу покрывъ Уст. XII в., №142, л. 4. Въ заимствованіяхъ изъ другихъ языковъ можетъ восходить къ u, напр. гътинъ; нѣмънъ: лит. Nẽmunas, пърꙗ финск. puri, также къ другимъ звукамъ: Вълга, Вълъгда, ср. финск. valkëa, valkia: бѣлый, свѣтлый (А. Л. Погодинъ).

На письмѣ звуки ъ, ъ̆ изображались послѣ твердыхъ согласныхъ буквой ъ: сънъ, ръпътъ, а послѣ мягкихъ буквой ь: шьлъ, чьртъ; также изображался ъ̯: ръжанъ (ṛъ̯žanъ̆).

§ 274. Звукъ ȯ употребляется только послѣ исконно мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. ö изъ е, въ концѣ слова и передъ слогомъ съ гласной непередняго ряда: žȯna, kъ̆ńažȯ, č́ȯtyŕä, dvoŕiš́č́ȯ. Звукъ ȯ кратокъ, но подъ восх. удареніемъ полудологъ: ṕeč́ȯ́ra.

На письмѣ ȯ изображается черезъ букву е, и лишь въ очень немногихъ случаяхъ вмѣсто е пишется о (ср. § 203): четыре, шестыи, жена, печера.

275. Звукъ ô употребляется также—только послѣ исконно мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. ô, замѣнявшему е (точнѣе ê полудолгое) передъ слогомъ съ полукраткимъ ъ: ž́ônъ̌ka, ž́ôstъ̌ko. Звукъ ô полудологъ.

На письмѣ изображается черезъ е и только изрѣдка черезъ о: женъ, жестъко, бъчелъ, жонъ.

§ 276. Звукъ ů употребляется только послѣ исконно мягкихъ согласныхъ и замѣняетъ общеслав. ü и ǫ: ľůbľů, kož́ů. Кратко ů въ nošů, kъ̌ńaźů, полудолго въ š́č́ůka, долго въ ľůbo, сверхдолго въ ľůb́imъ̌.

На письмѣ изображается черезъ ю: кожю, шюмъ, коню, волю, любить.

§ 277. Звукъ і употребляется въ началѣ слова и слога, а также послѣ мягкой согласной и восходитъ къ общеслав. і: ńiva, ťixo, idǫ, iva. Въ śiž́u, ďiťa і восходитъ къ общеслав. ѣ. Кратко і въ nesì, bož́iĭ, noč́i; полудолго въ śiła, kľinъ̌; долго въ ľistъ̌, ḿirъ̌; сверхдолго въ ľiž́eťъ̌.—Полукратко ĭ въ moĭ, daĭ, śaďĭ, ńeśeš́ĭ, koľĭi̯e, proľĭi̯uťъ̌, ĭdǫ.—Неслоговое i̯ чередуется съ j, см. ниже.

Въ заимствованныхъ словахъ і восходитъ къ иноязычному і: лимень: λιμένι, аксамитъ: ἀξάμιτον, ἐξάμιτον, паримиꙗ: παροιμία Уст. XII в., Тип. № 142, л. 5. Изъ древнескандикавскаго: Шимонъ, Шихбернъ.

На письмѣ изображается черезъ и: из лѣса, жизнь, приимъ; буква и въ значеніи ĭ: великъıи, мати, несеши, зелиѥ. Буква и можетъ замѣняться черезъ ı, ï.

§ 278. Звукъ ь употребляется послѣ мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеславянскому ь: ťьśťъ̌, v́ъ̌śi. Кратко ь напр. въ ľьśťъ̌, ṕьńъ̌; полукратко въ sôľъ̌, ḿъ̌zda, ḿъ̌śťisłavъ̌. Въ сочетаніи ьŕ ь замѣнило общеслав. ъ̌: v́ьŕba. Неслоговое ь является въ сочетаніяхъ ŕ̥ь̯, ľ̥ь̯ въ положеніи за слоговыми r̥, l̥: śľ̥ъ̯za, ľь̯nu, myśľь̯.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ краткому і: кьрста, ср. финск. kirstu (ящикъ, сундукъ); названіе мѣстности Тьрѣ, Терскій берегъ; далѣе Тьхвѣрь, ср. Тихвинъ; назв. рѣки Тьпра, откуда Пра (притокъ Оки); шьлкъ: ср. лит. šilkas, англ. silk. Передавая древнеболгарское ь, оно можетъ черезъ его посредство восходить къ греч. і: дьмитръ, парьмиꙗ (отсюда паремья), сьменъ, напр. смена Рум. ев. XIV в., № 8, 27а; сюда же вѣроятно, въ сноксари вм. сьноксари Уст. XII в. Тип. № 142, л. 12 об.

На письмѣ изображается буквой ь: чьсть, дьнь, тьма, чьрвь, вьрхъ, людьми, сльза.

§ 279. Звукъ е употребляется послѣ мягкихъ согласныхъ и восходитъ къ общеслав. е: v́edi, ľeťѣľъ; извѣстенъ кромѣ того въ началѣ слова на мѣстѣ общеслав. he: eto, evo, eśčo, и въ началѣ слога послѣ гласной: dobroe, moemu, znaetъ (при znaatъ); въ концѣ слова употребляется только послѣ i̯: ľisťi̯e, dobroi̯e (отсюда и dobroe). Въ сочетаніи eŕe, которое можетъ восходить къ общеслав. er, является вставнымъ звукомъ: umerèti, verèḿa. Звукъ е кратокъ; подъ удареніемъ нисх., напр. vȅśeło, подъ восход. удареніемъ въ серединѣ слова только въ полногласномъ сочетаніи ere: b̓erèḿa. Вообще же подъ восх. уд. онъ полудологъ: tŕaśéťä, poťéŕa, č́éśeťь.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ иноязычному е: ленъта: λέντιον. Въ церковномъ произношеніи звукъ е передавалъ древнеболгарское ѣ: предъ, времꙗ, средоу, телесьнъıи, при тебе. Ср. се же ведьте Путенск. ев. 107, не вѣде 109, к себе 113, ни азъ повѣде вамъ 140, ѡблеченъ 235; вѣде Быбельск. ап. 10, свѣде 27 об., въ себе 6 об.

На письмѣ изображается буквой е: вели, женѣ, печаль; i̯e передается черезъ ѥ: доброѥ, троупиѥ, но также, согласно и съ древнеболгарскимъ пріемомъ, черезъ е.

§ 280. Звукъ ê употребляется только послѣ мягкихъ согласныхъ и, восходя къ общеславянскому ê, встрѣчается, передъ слогомъ съ полукраткими ъ̆ и ĭ (рѣже съ ъ̆): ṕêčъ̆, jêĭ, mojêĭ. Звукъ ê всегда полудологъ.

На письмѣ изображается буквой е, а въ сочетаніи съ предшествующимъ j или i̯ черезъ ѥ: печь, о немь, вельможа, вечерьнии, ѥи (но также, согласно и съ древнеболгарскимъ пріемомъ: еи).

§ 281. Звукъ ä употребляется только послѣ мягкихъ согласныхъ, замѣнившихъ общеслав. полумягкія согласныя, и притомъ въ концѣ слова: synov́ä, xodiťä, otъ ḿeńä, i̯eśťä, i̯eśḿä. Звукъ ä всегда кратокъ, какъ въ неударяемомъ положеніи, такъ и подъ удареніемъ.

На письмѣ изображается буквой е: сынове, дворѧне, ѿ мене, ѥсте, ѥсме, ходите.

§ 282. Звукъ ъ̈ употребляется только послѣ мягкихъ согласныхъ (на мѣстѣ общеслав. полумягкихъ) и замѣняетъ общеслав. ь передъ твердой согласной: ľъ̈nъ̆, ṕъ̈sъ̆. Звукъ ъ̈ кратокъ въ приведенныхъ словахъ, также въ śťъ̈kła (им. мн.), boľъ̈nъ̆. Полукратко было ъ̈ въ ṕъ̈sa, śťъ̈kło. Въ сочетаніи ъ̈r звукъ ъ̈ замѣнилъ общеслав. ъ̆ сочетанія ъ̆ṙ: ďъ̈rnъ̆, ḿъ̈rtvyĭ.

На письмѣ изображается черезъ ь: зьрно, льнъ, больнъ.

§ 282[1]. Звукъ ü неполнаго образованія, и притомъ полукраткій, былъ предположительно извѣстенъ только діалектически въ тѣхъ именно говорахъ, которые въ соотвѣтствіи съ vъ̆ имѣли звукъ ŭ (u неполнаго образованія);

то же ŭ являлось и на мѣстѣ vь, какъ напр. grajda, но въ грамм. окончаніяхъ, подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ vi, ve, являлось и ŭ неполнаго образованія: krъŭ, ostaŭ (вмѣсто ostavï).

§ 283. Звукъ ŏ только послѣ мягкихъ согласныхъ (на мѣстѣ общеслав. полумягкихъ) замѣняетъ общеслав. e передъ твердой согласной: śŏło, ńŏsu, ḿŏdu. Въ сочетаніи eŕŏ ŏ новаго происхожденія (общеслав. er): ďeŕŏvo, ƀeŕŏza. Звукъ ŏ кратокъ въ ḿŏdu, ľŏdu подъ нисх. удареніемъ, въ ƀeŕŏza подъ восходящимъ. Подъ восх. удареніемъ ŏ полудолго: p̀eŕeŕl̀ŏta.

На письмѣ изображается черезъ e: несу, дерево, леду.

§ 284. Звукъ ô соотвѣтствуетъ общеслав. ê, замѣняя его при тѣхъ же условіяхъ, что ŏ замѣняетъ e (причемъ замѣна эта нефонетическая): ḿôdъ, ťôťĕka. Звукъ ô всегда полудологъ.

На письмѣ изображается буквой e: медъ, велъ.

§ 285. Сложная гласная ѣ̆ въ общер. праязыкѣ восходитъ частью къ общеслав. ѣ, частью же къ общеслав. ѣ̨. Общерусское ѣ̆ представляло тѣ же два оттѣнка произношенія, которые были свойственны общеслав. ѣ, а именно въ концѣ слова и передъ мягкой согласной ѣ̆ звучало, повидимому, какъ ie, а передъ твердой согласной какъ eă; въ концѣ слова ѣ̆ было, впрочемъ, кратко, и это даетъ основаніе думать, что оно произносилось здѣсь какъ i̯e. Сочетанія ie (ѣ̂) и eă (ѣ̆) могли быть долги и полудолги: долго ѣ̆ въ śѣ̂no, gńĕ̂zdò, ѣ̂ въ sťѣ̂ńѣ̂ (послѣ t, въ формѣ дат. ед. съ удареніемъ на корнѣ); полудолго ѣ̆ въ ḿѣ̆ra, śѣ̆la, ѣ̆ въ ḿѣ̆ŕiťi; кратко въ vodѣ̆, slavѣ̆, р. ед. volѣ̆.

Въ заимствованныхъ словахъ ѣ̆ соотвѣтствуетъ частью дифтонгамъ ia, iă, ie: Корѣ̆ла; Корѣ̆льскымъ 1459—70 (А.А.Э. I, № 62); Онѣ̆га, wбонѣ̆зьскъıи Уст. 1137 (сп. 1282); на Свѣ̆ри Уст. 1137 (сп. 1282), Тьхвѣ̆рь, Тфѣ̆ри 1361 — 65 (ААЭ. I, № 5), Тфѣ̆рьскихъ ib., частью же долгому e: Кѣ̆сь. Отмѣ̆чу имя лица Гѣ̆лмико Гр. 1285 (РЛА). Въ рядѣ̆ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, находимъ ѣ̆ на мѣстѣ ударяемаго e, при чемъ вѣроятно, что такое ѣ̆ возникло въ древнеболгарскомъ произношеніи и уже отсюда перенесено въ русскій языкъ: офрѣ̆мъ, ефрѣ̆мъ Лавр. 138б, ср. малор. охрім, аньдрѣ̆и Гр. 1284, артѣ̆мии ib., лаврѣ̆нтии ib., тимофѣ̆и 1362 — 89 (Г. Др. I, р. IV, № 2), евсѣ̆вка 1362—74 (Г. Др. I, р. IV, № 1), евсѣ̆вья 1462 — 64 (А. Кал. I, № 31), матвѣ̆и 1490 (А. Кал. II, № 156), дѣ̆монцо̆ Новг. 1471, № 20, кѣ̆ларем 1490 (А. Кал. II, № 156), кѣ̆ларю 1490 (А. Кал. II, № 147), дѣ̆мони Лавр. 83а, орѣ̆ста Мстисл. ев. Въ нѣ̆которыхъ случаяхъ замѣняетъ i: апрѣ̆ль, олексѣ̆и, сергѣ̆и, моисѣ̆и; керьлѣ̆шь Ипат. 270а; Огрофѣ̆на 1432 — 43 (А. Кал. I, № 63), Сергѣ̆ем 1490 (А. Кал. II,

№ 156), Овдѣикову 1471 (А. Кал. I, № 31), Овдокѣица 1459 (ib. № 84), Малаѳѣю 1399 (XVI) А. Кал. I, № 63, Малахѣю нач. XV в. (А. Кал. II, № 12b), Пантелѣѥвымъ монастыремъ Гр. до 1136 (сп. XIV в.), Ѳотѣи 1410—31 (XVI в.) А. Кал. II, № 178.

На письмѣ изображается буквой ѣ: мѣра, бѣси, сторонѣ. Въ Сб. 1073 и 1076 находимъ букву ѥ для выраженія ѣ послѣ j, т. е. для выраженія сочетанія jје: ѥѣ. Употребленіе буквы е на мѣстѣ ѣ вызвано произношеніемъ въ церковнослав. языкѣ ѣ какъ е, ср. выше §§ 15, 265.

Примѣчаніе. Церковнославянское ѣ передавалось, какъ мы видѣли, черезъ е, ср. преже, чрево, древо, облещисѧ. Но въ нѣкоторыхъ школахъ, преимущественно южнорусскихъ, оно было отождествлено со своимъ русскимъ ѣ; ср. напр. въ Быбельск. ап.: прѣже 26 об., брѣмѧ 32 об., стрѣгоми 29 об., врѣменъ 30, млѣка 17, прѣдъ 14 об., чрѣсъ 5, прѣданьѥмь; ср. и въ припиранье 31 об.; также въ Гал. ев. 1266—1301 г.; въ Пут. ев.: въ срѣдоу 5, оу чрѣво 6, прѣже 22, почрѣти 27, прѣд ними 41.

Сочетанія гласныхъ.

§ 286. Перечислю здѣсь сочетанія гласныхъ древнерусскаго языка, частью унаслѣдованныя изъ общеслав., частью возникшія въ общер. праязыкѣ. Сочетаніе аа: igraахъ, nošaахъ, xoďaахъ (вмѣсто xožaахъ подъ вліяніемъ xoďiti); dobraaho, dĺaašĭ вмѣсто dobraeho, dĺaešĭ; возможно, что еще въ общер. праязыкѣ произошло стяженіе: igrахъ, nošахъ, dobraho, dĺašĭ. Сочетаніе оо (изъ ъо; см. § 337): bezoťĺśa. Сочетаніе uu (изъ ue, откуда uö и далѣе uo, если только uo не сохранялось въ общер.): dobruumu; возможно, что uu стянулось уже въ общер.: dobrumu; uu изъ ъu, напр. izu ustъ. Сочетаніе ůu: śiňůumu; возможно, что ůu стянулось въ ů уже въ общер.: śiňůmu. Сочетаніе оа, быть можетъ, въ словѣ boaŕinъ, boaŕä, если это слово заимствовано съ такимъ сочетаніемъ (великор. барин, баре едва ли можно объяснить изъ бояринъ). Сочетаніе ѣa: iмѣaxu, śѣašȯ. Сочетаніе ае: dobraeho, dĺaeťĺ (вмѣсто чего было также извѣстно, повидимому, и dobraaho, dĺaaťĺ); ср. вѣдат 3 ед. 1462—63 (А. Кал. I, № 31), съповѣдать Чуд. пс. XI в. Сочетаніе ое: dobroe (ср. отсюда малор. добрэ). Сочетаніе ие: dueťä. Сочетаніе ůe: ćůeťä. Сочетаніе ѣе: dobŕѣeмъ мѣстн. ед., śѣeťä. Сочетаніе ъе: byĺъe изъ byĺъje (а это вм. byĺъje). Сочетаніе ео переходитъ въ иностр. словахъ въ е, а, быть можетъ, скорѣе въ ö: Федосии, фегностъ, фектистъ, напр. дат. ед. фектистовѣ Новг. 1314 г., № 12, фефилактъ, напр. фефилата Новг. 1471 (XVI) № 20; рядомъ извѣстно измѣненіе его въ ѳ:

фофанъ 1465 (XVII) А. Кал. II, № 149, V, ѳофаникъ гр. XV в. (А. Кал. II, № 149, I). Вмѣсто eo является eγo, ego: Егоръ, также evo: Геворгій 1328—40 (XVI) А. А. Э. I, № 4. Вм. io—ivo: боле вї легивоноу Пут. ев. 162, радивона 249. Сочетаніе uo: dobruomu (если оно не измѣнилось въ dobruumu). Сочетаніе u̇o: śińu̇omu (если оно не измѣнилось въ śińu̇umu). Сочетаніе yѣ: pomyѣ. Сочетаніе y̆ѣ: dobry̆ѣ. Сочетаніе aĭ: daĭ, kraĭ. Сочетаніе ai: им. мн. krai. Сочетаніе ôĭ: moĭ, stoĭ. Сочетаніе oi: moi им. мн. Сочетаніе uĭ: tъrguĭ. Сочетаніе ui: strui дат. ед. Сочетаніе u̇ĭ: pľu̇ĭťä. Сочетаніе u̇i: č́eśu̇i дат. ед. Сочетаніе êĭ: kъ ńêĭ, śińêĭ. Сочетаніе ѣĭ: iḿѣĭťä, ondŕѣĭ. Сочетаніе iĭ: b́iĭ, śińiĭ, płaťiĭćȯ. Сочетаніе ii: śii им. мн. Сочетаніе ъĭ: tъĭ. Сочетаніе ьĭ: śьĭ, guśьĭ, sołov́ьĭ. Сочетаніе yĭ: myĭ, pravyĭ. Сочетаніе aŭ и au: zaŭtra и zautra; pauziť, ср. въ паоузке 1462—1505 (Г. Др. I, р. IV, № 8).

§ 287. Сочетанія aŭ, oŭ, uŭ, yŭ, iŭ, ѣŭ были кромѣ того извѣстны діалектически тамъ, гдѣ въ другихъ говорахъ являлись avъ, ovъ, av́ъ и т. д.: praŭda, noŭ, pľu̇nuŭ, myŭś́ȯ, xoďiŭś́ȯ, ďѣŭka. Повидимому, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ, сохранявшихъ исконное произношеніе u̯, являлись сочетанія u̯a, u̯o и т. д. въ соотвѣтствіи съ va, vo другихъ говоровъ. Равнымъ образомъ—дифтонги au̯, ou̯ и т. д. въ случаяхъ, какъ stau̯ľu, krou̯ľa, въ соотвѣтствіи съ av, ov другихъ говоровъ. Ср. § 295.

§ 288. Сочетанія гласныхъ съ слѣдующимъ i̯ являлись только въ положеніи передъ гласными: dobrai̯a, koľĭi̯e, myi̯u, śi̯i̯a. Сочетанія i̯ съ послѣдующими гласными извѣстны въ началѣ слова и послѣ гласныхъ: i̯ać́ъmy, tupai̯a. Вопросъ о чередованіи въ такихъ случаяхъ i̯ съ j разсмотрю ниже, въ § 307.

Примѣчаніе. Большая часть этихъ сочетаній возникла въ общеслав. праязыкѣ въ результатѣ выпаденія i̯ передъ e, ē, i.

Глава II. Согласные звуки.

§ 289. Древнерусскій языкъ имѣлъ слѣдующія согласныя: плавныя r, ł, ľ, носовыя n, m; шумныя—губныя p, b; губнозубныя f, v; зубныя t, d, s, z, и аффрикаты ć, ʒ́; шипящія ś, ź и аффрикаты č́, ǯ́; средненёбныя ḱ, ǵ, x́, j; задненёбныя k, g, x, γ; гортанное h. Звуки задненёбные, также h и ł были извѣстны только въ твердомъ видѣ; звуки средненёбные, зубныя и шипящія аффрикаты, звуки шипящіе и ľ только въ мягкомъ видѣ; звуки губные, губнозубные, зубные и r являлись какъ въ твердомъ (лабіализованномъ), такъ и въ мягкомъ видѣ, а при извѣстныхъ условіяхъ и въ полумягкомъ. Звуки

плавные и носовые являлись въ извѣстныхъ случаяхъ также и въ слоговомъ видѣ. Разсмотрю согласныя древнерусскаго языка и укажу на ихъ происхожденіе.

§ 290. Звукъ r восходитъ къ общеслав. r: ryba. Въ полногласныхъ сочетаніяхъ oro сочетаніе ro восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) r передъ согласной. Сочетаніе ro въ началѣ слова можетъ восходить къ общеслав. or съ долгимъ (полудолгимъ) r передъ согласной. Въ сочетаніи ъr r восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) r передъ согласной. Въ сочетаніи ѣr r восходитъ къ общеслав. ṙ долгому (полудолгому) передъ твердой зубной согласной. Слоговое r является въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ъ̯: ṛъ̯ž́i, dṛъ̯va. Вмѣсто ṛъ̯ въ этомъ положеніи по аналогіи возникали и сочетанія r̯ѣ (r̯ — это глухое r): dobr̯ѣ.

Звукъ ŕ восходитъ къ общеслав. ŕ и ṙ: moŕȯ, sъmotŕu и ŕadѣ, ŕѣpa. Въ полногласныхъ сочетаніяхъ eŕe, eŕö ŕ восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) ṙ передъ согласной: śeŕöda, ṕeŕež́ȯ. Въ сочетаніи ьŕ ŕ восходитъ къ общеслав. долгому (полудолгому) ṙ передъ согласной. Слоговое ŕ является въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ь̯: ṛ́ь̯ku, tṛ́ь̯buxѣ. Вмѣсто ŕь̯ въ этомъ положеніи по аналогіи возникали и сочетанія r̯ѣ: v́epr̯ѣ.

Въ заимствованныхъ словахъ r послѣ гласной передъ согласной передавалось черезъ rѣ, см. объ этомъ ниже (§ 327):

На письмѣ звуки r и ŕ изображаются буквой р: ръıба, чьрнъıи, търгъ, вьрхъ, рькоуть, дръва, добръ, вепрь.

§ 291. Звукъ ł восходитъ къ общеслав. ł: łъbѣ, dała; въ сочетаніяхъ ołо, ȯłо (изъ ol, el, öl) и ъł (изъ ъl, ьl) ł восходитъ къ общеслав. l долгому (полудолгому). Слоговое ł являлось въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ъ̯: ł̣ъ̯ba, gł̣ъ̯tat́i, ńösł̣ъ̯. Вмѣсто ł̣ъ̯ въ этомъ положеніи по аналогіи возникало и ł̯ѣ: ńösł̯ѣ.

Звукъ ľ восходитъ къ общеслав. ľ и l̇: poľȯ, ľipa и ľagu. Въ положеніи послѣ губной не въ началѣ слова восходитъ къ общеслав. j: rubľu, zemľa. Слоговое ľ является въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ь̯: ḷ́ь̯na, śḷ́ь̯za. Возможно, что въ myśḷ́ѣ и т. п. ḷ́ замѣнило ḷ́ подъ вліяніемъ ľ въ myśľi.

Въ заимствованныхъ словахъ ł является и на мѣстѣ иноязычнаго l: латына. Въ положеніи послѣ гласной передъ согласной иноязычному l соотвѣтствуютъ łѣ и ľѣ: ołѣtaŕѣ, śiľѣv́estrѣ.

На письмѣ звуки ł и ľ изображаются буквой л: лошадь, лебедь, соль.

§ 292. Звукъ n употребляется только передъ гласными и восходитъ къ общеслав. n: naš́ѣ, ono, v́ѣnъkѣ. Возможно, что n передъ ъ̯ въ началѣ

слова и послѣ согласной было слоговымъ: rozn̥ъ̯, хотя вмѣсто n̥ могло въ такихъ случаяхъ возникать и глухое n, n̥̯: rozn̥̯ѣ.

Звукъ ń употребляется только передъ гласными и восходитъ къ общеслав. ń и ṅ: kъ ńömu, ńiva, ńitъ, ńöbo. Въ началѣ слова и послѣ согласной передъ ь̯ ń могло быть слоговымъ: ṕѣśń̥ь̯; вмѣсто ń слогового и въ этихъ случаяхъ могло возникать ń̥̯: ṕѣśń̥̯ь.

Въ заимствованныхъ словахъ иноязычному n послѣ гласной передъ согласной могло соотвѣтствовать nъ, nь: ponъta, anъtońiĭ, kľimenьta; но при извѣстныхъ условіяхъ n могло въ такомъ положеніи и исчезать (§ 327).

На письмѣ звуки n и ń изображаются буквой n: нашь, небо, нива, снѣгъ, конь. Изъ древнеболг. письма — н̂ вм. ń: къ н̂емоу.

§ 293. Звукъ m употребляется только переъ гласными и восходитъ къ общеслав. m: my, tamo, mъnogo. Возможно, что m передъ ъ̯ въ началѣ слова и послѣ согласной было слоговымъ: m̥ъ̯sta (назв. рѣки), m̥ъ̯nogo.

Звукъ ḿ употребляется только передъ гласными и восходитъ къ общеслав. ḿ: ḿiľъ, ḿѣsto, vъ toḿь. Возможно, что ḿ передъ ь̯ въ началѣ слова и послѣ согласной было слоговымъ: ḿ̥ь̯gla, ḿ̥ь̯śťiťi, osm̥ь̯. Подъ вліяніемъ аналогіи ḿ слоговое могло замѣняться черезъ ḿ̥̯: śêďḿ̥̯ь (отсюда śêḿь).

Въ заимствованныхъ словахъ иноязычному m послѣ гласной передъ согласной могло соотвѣтствовать mъ, ḿь: aľumъṕiĭ.

На письмѣ m и ḿ изображаются буквой м: мы, мьнѣти, мънѣ, намъ.

§ 294. Звуки p и ṕ восходятъ къ общеслав. p и ṗ: pravo, puťь, ṕirъ, ṕöro.

Звуки b и b́ восходятъ къ общеслав. b и b̆: b́eŕögъ, bratъ, tob́ѣ, łъbъ.

Въ заимствованныхъ словахъ p восходитъ не только къ иноязычному p, напр. parъdusъ, но также къ иноязычному f: parusъ, ṕiľipъ (§ 296). b восходитъ къ иноязычному b: subota, sobaka.

На письмѣ p, ṕ и b, b́ изображаются буквами п и б: пиво, пьнь, пѣти, пыль, былъ, роба, собѣ.

§ 295. Звуки v и v́ восходятъ къ общеслав. v и v̇: vorъ, trava, novyĭ, v́ösna, v́idъ.—Во многихъ говорахъ v и v́ были извѣстны только передъ гласными полнаго образованія; передъ полукраткими v и v́ были нетерпимы, сочетаніямъ же vъ, vь соотвѣтствовали ŭ и, быть можетъ, ü полукр.: ŭdova, praŭ, noŭ, ostaü съ ü полукр. (вм. ostavĭ), krъü съ ü полукр. (вм. krъvь). Повидимому, въ тѣхъ же говорахъ v звучало какъ u̯ въ положеніи передъ ľ въ случаяхъ, какъ stau̯ľu, tъrgou̯ľa (при stavľu, tъrgovľa другихъ говоровъ). Въ числѣ говоровъ древнерусскаго языка были и такіе, которые сохраняли во-

обще произношеніе v какъ u̯ передъ гласными: u̯ol'a, u̯asъ, słou̯o; возможно, что передъ гласными передняго ряда слышалось u̯̇ или ü̯: u̯̇ečörъ, u̯̇iźu.

На письмѣ v и v́ изображаются буквою в: вьсь, вечеръ, вода, вы. Тою же буквой изображались діалектическія u̯ и ü̯: търговлꙗ. О томъ, что ŭ писалось не только какъ оу, у, но и какъ въ, вь, сказано выше, § 271.

§ 296. Звуки f и f′ заимствованы древнерусскимъ языкомъ изъ греческаго (частью черезъ посредство древнеболгарскаго), а также изъ другихъ сосѣднихъ языковъ, между прочимъ изъ древнескандинавскаго: foma, f′il'ipъ, sof′ii̯a, afŕikanъ, furśt'ѣnъ. Но вѣроятно думать, что въ живой народный языкъ f проникло не скоро, замѣняясь звукомъ p: ср. совр. Степанъ, понарь Вятск., малор. Панас, Пилип, древнер. Есипъ, напр. 1459 (А. Кал. I № 84), Пилипе Пут. ев. 165, Анципорово село Гр. Владисл. 1387. Частью f замѣнялось черезъ x и xv: ср. малор. Хома, великор. Ховронья, хевраль. Въ нѣкоторыхъ словахъ f замѣнило p, что указываетъ на произношеніе f въ заимств. словахъ какъ p и на вызванное этимъ колебаніе f и p: митрофолита Гр. 1285 (Р. Л. А.) и др.

На письмѣ f и f′ изображаются буквой ф: фоурстѣнъ, филиппъ; также буквой ѳ въ соотвѣтствіи греч. ϑ: ѳеѡдосии, ѳедоръ, аѳанасии.

§ 297. Звукъ t восходитъ къ общеслав. t: ty, tako.

Звукъ t́ восходитъ къ общеслав. ṫ: t́ixo, pot́ѣxa, nośit́ѣ.

На письмѣ t и t́ изображаются буквой т: тако, тѣло, бысть, тьма.

Звукъ d восходитъ къ общеслав. d: dymъ, dъno, dṛъ̯va, sadъ.

Звукъ d́ восходитъ къ общеслав. ḋ: d́ѣło, d́ьńѣ, ṕad́ѣ, rad́i.

На письмѣ d и d́ изображаются буквой д: дъно, дань, дьнь, дѣло, ходити, сидѣти, диꙗволъ.

§ 298. Звукъ s восходитъ къ общеслав. s: synъ, samъ, svoĭ, b́ѣsъ.

Звукъ ś восходитъ къ общеслав. ṡ: śiła, śѣno, v́ѣśit́i; также къ общеслав. ś (изъ x): vьśь, vьśakъ, końüśi.

На письмѣ s и ś изображаются буквой с: сынъ, село, семь, конюси.

§ 299. Звукъ z восходитъ къ общеслав. z: za, rozborъ, vozy, kozu, bъzъ.

Звукъ ź восходитъ къ общеслав. ż: źeml'a, źima, voźit́i, źabnut́i. Кромѣ того, ź восходитъ къ общеслав. z передъ полумягкой согласной: źv́ѣŕѣ, źḿiĭ. Наконецъ, ź восходитъ какъ къ общеслав. ʒ́: noźѣ, druźi, такъ и къ южновост.-слав. ʒ́, замѣнившему общеслав. g передъ vѣ: źv́ѣzda. Діалектически ʒ́ въ началѣ слова удерживалось.

На письмѣ z и ź изображаются буквой з: землꙗ, звѣрь, нозѣ, звѣзда.

§ 300. Звукъ ć восходитъ къ общеслав. ć: ćѣna, kuṕьćь, dъśćѣ. Кромѣ того ć восходитъ къ южновост.-слав. ć, замѣнившему k передъ vѣ: ćvѣtъ.

Звукъ ć въ заимствованныхъ словахъ можетъ восходить, частью черезъ посредство древнеболгарскаго, къ иноязычному k: soroćiṅi.

На письмѣ ć изображается буквой ц: цѣлъ, вълци, овьца.

§ 301. Звукъ ź въ положеніи за ź восходитъ къ общеслав. ź: dŕaźźѣ, goźźѣ. Въ другомъ положеніи ź перешло въ ź, но діалектически сохранялось въ началѣ слова.

Звукъ ź въ русской письменности особаго знака не имѣетъ.

§ 302. Звукъ ś восходитъ къ общеслав. ś: śumъ, duša, śćitъ.

Въ заимствованныхъ словахъ соотвѣтствуетъ нерѣдко звуку s передъ гласными передняго ряда, въ особенности въ заимствованіяхъ изъ древнескандинавскаго и другихъ германскихъ языковъ: Шимонъ, Шьварнъ, Шибридъ, Шихбернъ и др.

На письмѣ звукъ ś изображается буквой ш: шесть, оубиша, шюмъ, нашю; сочетаніе ść — буквой щ: щитъ.

§ 303. Звукъ ź восходитъ къ общеслав. ź: źarъ, kožu, droźźi; также къ общеслав. źź, черезъ посредство žź: nuža, oďeža.

Въ заимствованныхъ словахъ восходитъ частью къ иноземному ж: жидъ, частью же къ z, особенно въ заимствованіяхъ изъ германскихъ языковъ: Жюжатъ. Въ Ижера, Селижарово звукъ ź явился на русской почвѣ изъ финскаго g передъ гласной передняго ряда (Собол.). При позднѣйшемъ Суздаль видимъ болѣе древнее Суждаль.

На письмѣ звукъ ź изображается буквой ж: жиръ, ножь, переже, вижю, также въ первой части сочетанія źź: dźźźa — дъждꙉ или дъжча.

§ 304. Звукъ ć восходитъ въ общеслав. č: čistъ, čьrtъ, čudo, ṕѣsъčanъ, ščeńa; также къ общеслав. čć изъ tj и kt: nôčь, dѣći.

Въ заимствованныхъ словахъ, какъ увидимъ, передъ гласными передняго ряда можетъ восходить къ k, напр. чуръ: κύριος, Чурило, Ничипоръ, ср. малор. Ничипір, чинжалъ Каз. (О. С. 54-55).

На письмѣ звукъ ć изображается буквой ч: чюдо, чьсть, печь; сочетаніе šć — буквой щ: вощанъ.

§ 305. Звукъ ź восходитъ къ общеслав. ź, которое сохранилось въ большей части говоровъ только послѣ ž: ѣžźü, dъžźъ. Діалектически оно сохранялось и въ иномъ положеніи: rъźźa, ṕeŕeźźó, частью въ нѣкоторыхъ грамм. формахъ подъ вліяніемъ ассоціаціи со звукомъ d въ родственныхъ образованіяхъ: śiźźü.

На письмѣ звукъ ź не имѣлъ самостоятельнаго выраженія; въ сочетаніи źź онъ въ южнорусскихъ памятникахъ обозначался буквой ч; ср. жч въ

дъжчь Христ. ап. 67, ражчьжениꙗ ib. 86, рожчьꙗ ib. 67, въ измъжчаниѥ плъти ib. 143, беж чены ib. 152 (без жены). То же и въ позднѣйшихъ памятникахъ, при томъ преимущественно югозападныхъ. Другіе способы обозначенія сочетанія ź ǯ см. ниже.

§ 306. Средненёбныя ḱ, ǵ, x́ были чужды общеслав. праязыку. Въ древнерусскомъ языкѣ сочетаніе śḱ явилось вмѣсто ść, вѣроятно, въ силу грамматической аналогіи подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ sk. Приведу примѣры изъ памятниковъ XI—XII в.: воскѣ XIII Сл. Г. Б. 188γ, золобѣ женьскѣ Сб. 1073, 174d, кр҃тьꙗнскии цр҃и Минея № 194, 91а, пиньскѣ Ж. Б. и Гл. XII в., въ роусьскѣи сторонѣ ib., пр҃рчьскѣи Злат. XII в., 131г; нбсьскии им. мн. Христ. ап. 160, плътьскѣи сквьрнѣ ib. 85, моужьскѣмь мѣстн. ед. Іо. Лѣств. XII в. Р. М., 30а, дъскѣ Жит. Кондр., скитьскѣмь Сузд. рпсь 1296 г., 145b, мирьскѣмь ib., 137b, 146b, полотьскѣ Лавр. подъ 988 г. смолиньскѣ ib. подъ 1054, 1078, 1095, апостольскѣи Син. Пат. (Св. и Зам. № 82, с. 51), чьрньчьскѣмь Ж. Ѳ., монастырьскѣ ib., на Ламьскемь волоце Новг. 1-я, 41б., и т. д. Возможно, что переходъ ść въ śḱ произошелъ на звуковой почвѣ, если предположить, что ḱ замѣнило ť въ сочетаніи śť изъ ść. Возможность такого процесса подтверждается такими словами, какъ въ раскéпъ дѣло пошло Обоян. (Рѣзан.), раскѣпилосѧ Палея до 1350 (Пам. Ср. 260), поскепаны Сл. о. п. Иг., оскѣпъ и ѡскѣпищю Ипат., проскѣпомъ Лавр., проскипомъ Новг. 1-я Комм. 107, роскѣпомъ Радзив. 103 об., раскипѣти҃ (= расцѣпитисѧ?) Палея Кол. 99, катапетазма раскипѣсѧ ib. 107, малор. скіпати, скіпка Староконст. (Тр. II, 47), бѣлор. скепать, скепина, оскёпок. (Ср. присцѣпити, да азъ присцѣплюсѧ Христин. ап. 129). Вмѣсто źǯ находимъ źǵ, напр. въ розгѣ Стих. 1157, 149а, Стих. XII в. № 279, 103а; быть можетъ, и źǯ переходило въ źď, и уже отсюда źǵ. Но было извѣстно и другое измѣненіе ść, а именно въ śč: щѣпка (на ѣ указываетъ произношеніе этого слова, напр. въ Егор. у., а также въ Моск., гдѣ щéпка, не щóпка), также щѣриться, ощѣриться, ср. Ощѣра Гр. 1486 (XVI в.) (А. Кал. I № 69). Вмѣсто ść (изъ śś) является śχ на почвѣ грамматической аналогіи въ словѣ пасхѣ м. ед. Юр. ев. 202с, Остр. ев. 256с.

Примѣчаніе 1. Неясно, какимъ образомъ явилось ḱ вмѣсто ć въ такихъ случаяхъ, какъ ки́вцы: цѣвки, на которыя наматываютъ нитки Борович. (Пардал., А. Г. О.); быть можетъ, въ сочетаніи словъ; напр. sъ ćѣvѣky переходило въ śćѣvky и далѣе śḱѣvky, откуда извлекалось ḱѣvky. Въ токило при точило: желобъ Тихв. (Сокол., Р. Ф. В. 1909, 3—4, 296) к замѣнило ч подъ вліяніемъ какой-нибудь аналогіи.

Примѣчаніе 2. Появленіе дъмъкѣ Минея XI в. № 194, 57а, вм. домъцѣ, вѣроятно приписать діалект. сѣвернорусской нефонетической

замѣнѣ ц черезъ k въ формахъ склоненія и спряженія. Мягкія k, g въ случаяхъ, какъ рка, поверга, явились въ позднѣйшую эпоху по аналогіи ходя, нося.

Въ заимствованныхъ словахъ ḱ, ǵ, x́ являлись на мѣстѣ иноязычныхъ k, g, x передъ гласными передняго ряда: керста (§ 278), хѣровимъ, схима, гемонъ (вм. и при игемонъ). Также въ измѣненіи такихъ словъ по падежамъ: антиохѣ Чуд. пс. XI в., 152б (при антиωсѣ 116б), архистратиге зв. ед. Мин. 1095 г., 34a, 34b.

На письмѣ ḱ, ǵ, x́, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, изображались буквами к, г, х.

§ 307. Звукъ j въ общеслав. праязыкѣ являлся только въ удар. слогахъ; въ неударяемыхъ ему соотвѣтствовало i̯. Едва ли такое различіе продержалось въ общерусскомъ. Повидимому, j замѣненъ былъ здѣсь черезъ i̯. Заключаю объ этомъ изъ того, что въ великор. сохраняется i̯ въ словахъ, какъ ružio̯, myt́io̯, kut́ia, śv́iń̑a до сихъ поръ, между тѣмъ въ общеслав. здѣсь было j (svinïja). Въ малор. и бѣлор., какъ увидимъ, дѣйствовалъ такой же, какъ въ общеслав. праязыкѣ, законъ, по которому i̯ измѣнялось въ j послѣ согласныхъ (на этой почвѣ общеслав. svinïja, kolïje перешли здѣсь черезъ посредство śv́iń̑a, kol'a въ śv́iń̑a, kol'a и далѣе въ sviń̑a, kol'a).

Въ заимствованныхъ словахъ j (i̯) восходитъ къ иноязычному j, напр. juŕii и jut́jii, jerašimъ, janvaŕь, jejûrьtь.

На письмѣ звукъ j изображается частью посредствомъ іотаціи гласной: юрии, ꙗюпьтъ, ꙗванꙑлие; частью буквою г: гюрии, гюргии, ꙗгюпьтъ, генварь, гета, герасимъ, ꙗваньгелиѥ; ср. напр. аньꙑлъ, аньꙑльскꙑи Поуч. Ефр. Сир. XIII в., у ꙗванꙑлихъ ib. (Оч. Соб. 58), ꙗфсиманию Стих. 1157, 163a, юргa Новг. 1-я подъ 1107, юрьи 1433 (А. Кал. I, № 31), геремея гр. 1229 (сп. D), генваремъ Палея Кол. 12a, при енварьскаи ib. 12a, гѐта Гал. ев. 1144, 9a, гета Холмск. ев. 159a, генварь Полик. ев. 114в, генв'а́ря Мстисл. ев. (Карск.), генварa Стих. 1157, 62a, 72b, параскивги Полик. ев. 111в, наугиина Усп. сб. XII в. № 175 (18), 249c, нинеугитьстии Тип. ев. № 1, 23a, алѣлоугиа Минея № 221, 81a, алилугиа Поуч. Конст. Болг. 249b, гюргевича Ипат. подъ 1141 г., параскѣвгии Холмск. ев. XIII—XIV в., наугинъ, нинеугитане, и т. д.

Примѣчаніе. Ниже увидимъ, что сѣвернорусское сочетаніе ž̑j изъ ž̑ž̑ писалось жг, при чемъ и здѣсь г обозначало j.

§ 308. Звукъ k восходитъ къ общеслав. k: kôńь, kvasъ, kŕikъ, ruky, kydati. Звукъ g восходитъ къ общеслав. g. Возможно, что g въ древнерусскомъ сохранялось только діалектически, а именно въ сѣвернорусскомъ на-

рѣчіи; въ восточномъ и южномъ нарѣчіяхъ оно вытѣснено черезъ γ. Итакъ сѣвернорусск.: guśѣ, nogy, gvôźďѣ, sapogѣ. Въ положеніи не между гласными γ въ этомъ нарѣчіи могло замѣняться черезъ g: gv́ьrsta, guźь.

Въ заимствованныхъ словахъ k и g восходятъ къ иноязычнымъ k и g: kaganѣ (но въ южнор., вѣроятно, kaγanѣ), ońѣga, koŕѣła.

На письмѣ k и g изображаются буквами к и г. Впрочемъ, въ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятникахъ г должно читаться какъ γ. Въ сѣвернорусскомъ книжномъ произношеніи господствовало также γ, какъ видно изъ совр. γоспоть, боγа (§ 310, прим. 1), но конечно, именно въ сѣверной Руси звукъ g находилъ себѣ выраженіе въ буквѣ г. Въ западнорусской письменности звукъ g въ именахъ и словахъ заимствованныхъ (преимущ. изъ польскаго) изображался съ XIV в. черезъ кг: Скиркгаиломъ гр. Владисл. 1387, Туркгенево id., Хурмокголы ib.

§ 309. Звукъ х восходитъ къ общеслав. х: хъmêľѣ, xytryĭ, xvôstѣ, хъłstѣ.

Въ заимствованныхъ словахъ восходитъ къ иноязычному х: харътиꙗ, пасха, хвалиса.

На письмѣ изображается буквой х: мъхъ, хочу.

§ 310. Звукъ γ въ нарѣчіяхъ, сохранившихъ различіе между g и γ, восходитъ къ общеславянскому γ, повидимому, только въ положеніи между гласными, гдѣ общеслав. γ діалектически замѣнило болѣе древнее h: род. toγo, dobroγo, moi̯eγo; рядомъ являлись и toho, dobroho, moi̯eho. Въ южнорусскомъ γ восходитъ какъ къ общеслав. γ, такъ и къ общеслав. g: γvoroƀiĭ, γora.

На письмѣ γ изображалось буквой г: того.

Примѣчаніе 1. Церковное произношеніе усвоило себѣ на русской почвѣ γ вмѣсто g; такъ проникло γ черезъ церк. слова и въ сѣвернорусское нарѣчіе. Ср. здѣсь произношеніе Boγa, имен. Box; также γospoť, γospoďin; boγat; м. б., и poγostъ, ср. поздн. повосты Лавр. лѣт. подъ 947 г., въ гр. 1635 г. (А. Кал. II, № 230, XII) и др.

Примѣчаніе 2. Быть можетъ, въ нѣкоторыхъ заимствованіяхъ изъ чешскаго (черезъ посредство польскаго) было получено не γ, а h. Сюда относилось бы слово hospodaŕѣ. Только такимъ образомъ можно понять форму осподарь, не чуждую и южнор. памятникамъ. Въ сѣвернорусскихъ отмѣтимъ, напр., осподаря 1490 (А. Кал. I, № 52), осподареву 1459 (А. Кал. I, № 84). Подъ вліяніемъ этого слова также осподинъ, осподь вм. господинъ, господь.

§ 311. Звукъ h, сохранявшійся, при томъ діалектически, только между гласными, восходитъ къ общеслав. h: toho, dobroho, hužь, huśѣńića.

Сочетанія согласныхъ.

§ 312. Древнерусскій языкъ сохранилъ тѣ сочетанія согласныхъ, которыя опредѣлены нами выше для общеслав. праязыка. Онъ обогатился только сочетаніемъ ćv́ изъ kv: ćv́ѣtъ. На мѣстѣ двойныхъ или долгихъ согласныхъ č́č́ и ǯ́ǯ́ онъ получилъ простыя или краткія č́ и ǯ́ (отсюда ž́): noč́ь, oďeža.

Появленіе мягкихъ согласныхъ на мѣстѣ полумягкихъ повело за собой измѣненіе цѣлаго ряда твердыхъ согласныхъ въ мягкія въ положеніи передъ этими новыми мягкими согласными. Такъ смягчились согласныя передъ мягкими зубными: rośťi, kôśťь, gńѣźďѣ; также передъ v: śv́ińija, źv́ьno, ďv́igaťi. Передъ ŕ, ľ предшествующія имъ согласныя были, какъ кажется, не мягки, а полумягки: ťŕi, źemľu, stavľu; но задненёбныя не смягчились, напр. gŕѣхъ, kľúčь, kŕičałъ. Сочетаніе śľ изъ sl не перешло въ šľ, тогда какъ въ общеслав. śľ измѣнялось въ šľ, ср. śľѣdъ, śľѣpъ, pośľѣ (позднѣйшее пошлю вм. посълю имѣетъ ш вм. с по аналогіи случаевъ, какъ пишу, пашу).

Примѣчаніе. Указаніе на то, что въ źemľu m было не твердо, извлекается изъ того, во-первыхъ, что въ великор. извѣстно діалектическое произношеніе źeḿľu, во-вторыхъ, изъ отсутствія измѣненія е въ ö (о) передъ губными + ľ (źemľu, sťebľi, tŕepľem).

§ 312[1]. На письмѣ изображеніе нѣкоторыхъ сочетаній представлялось затруднительнымъ. Такъ въ особенности—сочетанія ž́ǯ́. Оно пишется черезъ щ, напр. въещаю*т* 1455—62 (А. Кал. I № 31), 1462—72 (А. Кал. I № 31), въѣщають 1464—1501 (А. Ист. I № 81); также черезъ жжд: въежж*д*аю*т* 1462 (А. Кал. I № 31, XVII); черезъ жщ и жщж: вье*щжаю̈ 1462—1505 (Г. Др. I, р. IV, № 7);—жьщ: проѥжьщаꙗ Дв. гр. XV в. № 5;—зщ, зжч, зждж, здъщ: наѣзщать 1471 (XVI в.) А. А. Э. I № 92, розъѣзжчика, розъѣзщика, розъѣздъщика, розъѣзжджика гр. 1518 (А. Ю. № 16);—зж: дрозжей П. Р. Г. 1619, №19, съѣзжа̑ся 1395 (А. Ист. I № 53). Въ югозападной Руси установилось написаніе жч на мѣстѣ ž́ǯ́ уже съ XII в.: Гал. ев. 1144: дъжчь 15а, въж̇челѣхъ 170b, въж̇чѧдахъсѧ 57b, рож̇чьѥ 215а; также въ Христ. ап.; въ Тип. ев. № 6: въжчелѣша 53b, Поуч. Ефр. Сир. XIII в.: дожчь, тужчими, ражчьжеть; Гал. сп. ев. чт. XIII в.: въжьчизають, ижьченоуть, въжьчелаѥте; Луцк. ев.: ижченеть, оужчегъ, рожьчьѥ; Пс. 1296: дъжчѣвнымъ, Ипат.: дожчь (подъ 1146, 1148); Гр. 1493—94: ѣжчивая (А. Ю. З. Р. I, 296).

Рѣже видимъ жч въ новгородскихъ памятникахъ: пригвожчено Прол. XIII в. (Св. и Зам. № 87), ижченоу Новг. рпсь XV в. (Оп. Г. и Н. III, I, 129).

§ 312². Мягкость и полумягкость согласныхъ могли изображаться буквой ь (ср. § 334). При губныхъ и губнозубныхъ: терпью Пут. ев. 131, капьющимъ ib. 160, сбьюдоша ib. 169, пьрииде ib. 161, земьлѭ Добр. ев. 91c, 151c, коупью ib. 95a, приѥмьлють ib. 77a, 123d, погыбьнѣть ib. 10b, 247a, събьюдѣть ib. 25a, добьрѣѥ ib. 70c; погыбьнеть Ев. 1092 г., 127b, 132a, прѣвьлѣкоу ib. 12a; земьлѧ Пар. 1271 4c, исправьлати ib. 30b; вьрѣмѧ Гал. сп. ев. XIII в., пьризвавъ, пьрѣдъ, оставьлати, повапьленъимъ ib.; прославьлаю Лавр. 165; земьлю Дв. гр. XV в., № 107; земьла Жал. Швитриг. 1403; земьлю Новг. 1-я, 96a; ѥфьрѣмъ Полик. ев. 15d, лѣвьгитъ Добр. ев. 137c, параскевьгию 236c; харламьпьѭ Гал. сп. ев. XIII в. 250a; равьви Юрьев. ев. 134c, навьгина 202c, левьгиинъ 886. При зубныхъ: възълюби Добр. ев. 10b, ськвернать 54c, позьдѣ 85a, ѥсьмь 177a, дьвижениѭ 17b, въздьвиженьѥ 247b; изь ѥго Ев. 1092, 82a, разьвьрзися 81a; празьдникъ Вопр. Кир. по сп. 1282, 526c, недомъысьлию ib. 528b, дасьть Карамз. сп. Русск. Пр., реместьвеницу ib.; възълюблѥному Пар. 1271, 49c, въсьплещете 26c, зьвѣри 37c; листьвиемъ Поуч. Ефр. Сир. XII в.; дьверь Гал. сп. ев. XIII в., дьвигноути, медьлить, нѣсьмь, въстьрьмися, цр̄тьвьи ib.; листьвиѥ Полик. ев. 78d, сьвѣтъ 1c, ськрьжетъ 30d, ськвернаща 51b; нозьдри Палея до 1350 (Пам. Ср. 257); черезь сюю Гр. 1459—70 (Д. А. Э. I, 62); безь винъı Гр. ок. 1300 (Р. Л. А. № 49), потьребизна Жалов. Швитр. 1403 г., потьверьдили, потьверьжены; матьфѣа Гр. 1373; ѳадьдѣи Добр. ев. 49a; витьлеомѫ Поуч. Конст. Болг. XIII в.; смотьри Злат. XII в. 60b, жизьни 121a, казьни 53a; подьвигъшеся Рум. ев. XIV в. № 8, 17a; въздьревноваша Апост. 1307 (Воскр. 130). — При н: аньдрѣи Добр. ев., 5c, леньтионъ Ев. 1092, 93b, львоньтьѧ Гал. ев. 1144, 109b (поздн. р.), ѥваньгелиѭ Юр. ев. 133b, аньдрѣи Смол. гр. 1284, тереньтеи, брюньжвика; тереньтѣю гр. 1392, паньтѣлѣѧ гр. 1229 (сп. В), гиньдрикъ; ѳлегоньте Минея XI в. № 221, 28a (но ѳлегонъта 29b), аньтипе 38a; софоньтьевское гр. 1459 (А. Кал. I; 84); жьньчюгъ Новг. 1-я, 70a; лоньгина Усп. минея XII в. № 175 (18), 174c. — При р: арьхиепа Усп. минея XII в. № 175 (18), 157a; патрпарьшьскъими Минея XII в. № 221; скорьпию Юр. ев. 208a, арьхистратига 202d; аверькыѭ Гал. сп. ев. XIII в.; перьсане Поуч. Конст. Болг., 25b; гюрьгѧ Дух. Клим. XIII в., серьгеева гр. 1423 (А. Кал. I, № 41). Въ своихъ русскихъ словахъ рь для выраженія ŕ находимъ, напр. въ дерьжати Гр. 1229 (сп. В), оудерьжати, оудерьжить, дерьжати Жал. Швитр. 1403 г. борьтникомъ гр. 1462—

1501 (А. Ист. I, № 81).—При средненёбныхъ въ словахъ заимствованныхъ: закьхѣи Гал. ев. 1144, 163a, ѡкьсѣнтѣи Дв. рядная XV в. № 88, закьхѣа Сб. 1073, 86c.

§ 312². Въ приведенныхъ выше примѣрахъ мы находимъ мягкость или полумягкость согласной, нашедшую себѣ изображеніе на письмѣ, передъ слѣдующею мягкою согласною. Но въ рядѣ словъ видимъ мягкость согласныхъ передъ слѣдующею твердою согласной. Сюда относятся, во-первыхъ, слова съ мягкимъ р, вызваннымъ вліяніемъ на звукъ г предшествующей гласной передняго ряда еще въ общесл. праязыкѣ: церькъви гр. 1229 (В), верьхнего гр. XI в. (Собр. Мух. № 3), верьхного гр. XV в. (Собр. Мух. № 5), церьковными гр. 1432—43 (Собр. Мух. № 38), сверьгли Переясл. лѣт. 66, оу верьху Жал. Швитр. 1403, церькви ib.; померькшю Ипат. 441.

Во-вторыхъ, въ словахъ заимствованныхъ при р, л, в, въ положеніи за гласной передняго ряда: каперьнаоумъ Юрьев. ев. 4d, 103a (но каперънаоумъ 43d), късерькъсъ Поуч. Конст. Болг. XIII в., 262b, керькуру Лавр. 3, герьманъ Усп. Минея № 175 (18), 144b; евьга 73b, евьтухиа 168c, евьдоξиа 169b; вельзаоулѣ Добр. ев. 56b; мамельфъı Гал. сп. ев. XIII в.; змаıльти Новг. 1-я, 123a. Также при т, ф въ такомъ же положеніи: титьла Ев. 1092, 129a, виѳьсаидо Добр. ев. 53c. И здѣсь слѣдуетъ предполагать фонетическій переходъ твердой согласной въ мягкую подъ вліяніемъ предшествующей гласной.

Въ-третьихъ, въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ въ иностранныхъ же словахъ: катапетазьма Ев. XIII в. № 6, 187a, осаньна Юр. ев., 144c, орьганъ Праздн. на нотахъ XII—XIII в., 27b, ратьманꙋ Гр. ок. 1265 (b), альфѣова Добр. ев. 87d, и др.

§ 312³. Сочетаніе згн, вѣроятно, при произношеніи г какъ γ, переходило въ зн: разнѣвавъ же сѧ Сб. 1073, 145c, разнѣваса Холмск. ев. (Оч. Собол. 29), изна Полик. ев. 27a; ср. еще: позже надписанное г въ изгнити Ев. 1270, 45d, възгнѣтить Сб. 1073, 188b. Замѣчательно, что źń изъ zγń переходитъ въ ž́ń (очевидно zγń измѣнялось въ źjń): ражнѣвахъсѧ Сб. 1073, 99a, ражнѣвавъ же сѧ Ев. 1092, 73a, ражнѣваса рпсь XII в. (Св. и Зам. № 32, с. 28).

Глава III. Дифтонгическія сочетанія.

§ 313. Сюда относятся, во-первыхъ, сочетанія ŗ, ĺ, ļ, ļ̓ съ слѣдующими ъ и ь; они восходятъ къ такимъ же сочетаніямъ въ общеслав. пра-

языкѣ: kr̥ъ̯vä, tr̥ъ̯voga, gl̥ъ̯tati, śl̥′ъ̯za. Что въ общерусскомъ праязыкѣ эти сочетанія остались неизмѣненными, видно изъ того, что они имѣли различную судьбу въ русскихъ нарѣчіяхъ, доказывающую, что ъ, ь не перешли въ общерусскомъ въ ъ, ь слоговыя: малор. ы въ дрыва нельзя объяснить изъ ъ слогового.

На письмѣ эти сочетанія передавались буквами ръ, рь, лъ, ль, напр. дръва, кръвавого, Трьполь, блъха, глътати, клнеть.

§ 314. Во-вторыхъ, сюда относятся сочетанія ъг, ъ̄, ь̄ съ краткими редуцированными гласными и краткими плавными: они восходятъ къ общеслав. ъ̄г, ъ̄, ь̄, ь̄г съ полукраткими гласными и долгими (полудолгими) плавными.

На письмѣ эти сочетанія передаются обычно буквами ър, ъл, ьр: кърчага, вълци, пьрвии, чьрнъии, ѿвьргоуса, мьртвъ, сьрдьце, зьрно. Весьма часто пишется и ъръ, ълъ, ьрь; такъ напр. въ Сб. 1073: осквьрьниша, твьрьдо, не въздьрьжаса, извьрьзи; въ Житіи Ѳеод. XII в.: кърмлıше. кърчагоу, пригърѣщѣ, оумълъче, вълъкъ, пълъноу, съмьрьть, дьрьжавоу, пьрьсьхъ, твьрьдоу, вьрьстъı; вм. ьрь также ьръ: Ж. Ѳеод. жьръствı, мьръствъ, твьръдъı, четвьрътъıи, пьръстъмь; въ Остр. ев.: пьръстъı 132с, въ Сб. 1073: четвьрътъıи; вм. ър также ърь: Ж. Ѳеод. скърьби, поскърьбѣ, Сб. 1076: скърьби, т. д. Отнесемъ сюда же написанія ър̀, ъ̀л, ь̀р, гдѣ надстрочный знакъ надъ буквами р, л указываетъ какъ будто на пропускъ ъ, ь, ср. напр. такія написанія въ Остр. ев.: четвър̀тъкъ, пь̀рвъıи, вь̀рхоу, въ̀лци, въ̀лкъ и др. Подобныя написанія явились на почвѣ взаимодѣйствія, съ одной стороны, графическаго пріема старославянскихъ памятниковъ, усвоеннаго русскими писцами и требовавшаго постановки ъ, ь за плавными, съ другой стороны, живого русскаго произношенія: написанія пръстъ, врьхъ оригинала и живое произношеніе пьрстъ, вьрхъ порождали въ копіяхъ искусственныя написанія пьръстъ, вьрьхъ. Не исключена возможность и того, что подобныя написанія передавали то искусственное произношеніе, которое являлось результатомъ неумѣнія произнести по-болгарски vr̥ьхъ, pr̥ъstъ и старанія приблизить къ этому произношенію свое русское.

Примѣчаніе 1. Ни въ коемъ случаѣ такія написанія, какъ пьрьвъıи, твьрьдо, вълъка не могутъ свидѣтельствовать о живомъ явленіи языка (полногласіи, подобномъ переходу исконныхъ сочетаній or, er въ oro, ere); во-первыхъ, совершенно непонятны были бы условія перехода ъг, ъ̀, ьг въ ъгъ, ъ̀ъ, ьгь, такъ какъ невѣроятно допустить предшествующее измѣненіе ъ̄г въ ъ̄г, т. е. переходъ полукраткаго ъ въ краткій; во-вторыхъ, неясно было бы отношеніе сочетаній ъгъ, ъ̀ъ, ьгь къ соче-

таніямъ ъг, ъ̓, ьг, являющимся въ тѣхъ же самыхъ памятникахъ; въ-третьихъ, сочетанія ъгъ, ъ̓ъ, ьгь, если бы таковыя существовали въ словахъ, какъ tъгъgъ̀, vъ̓ъkъ̀, v́ь́ьхъ̀ (т. е. передъ слогомъ съ полукраткой гласной), неминуемо обратились бы послѣ паденія глухихъ въ го, ło, ŕe (слѣдовательно, vło̓k, trog, vŕex), чего на самомъ дѣлѣ не было.

Примѣчаніе 2. Появленіе скьрбь, оскьрьбѣ, скьрьбити вмѣсто русскихъ скърбь, оскърбѣ, скърбити указываетъ на стремленіе произнести по своему данныя въ книгахъ написанія, передающія древнеболгарское произношеніе: скрьбь читали какъ скърбь. Такимъ же образомъ древнеболгарское рь читалось какъ ьр въ рядѣ случаевъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ ему должно было соотвѣтствовать рь (изъ исконнаго гь); такъ объясняются: оу̓стьр̓млениѥ Сб. 1073, 203а, стьрмлениѥ Злат. XII в., дърва, бьрзды, боръзду ib. (Собол. въ Ж. М. Н. Пр., рец. на трудъ Б. М. Ляпунова), заоутьрнии Остр. ев.

Примѣчаніе 3. Лишь позже, послѣ паденія глухихъ, сочетанія ьг, ъг, ъ̓ въ слогѣ, предшествующемъ слогу, потерявшему полукраткую гласную, переходили діалектически въ ьг̄, ъг̄, ъ̓ī, откуда ьгь, ъгъ, ъ̓ъ. См. § 421 и сл.

§ § 314[1]. Въ заимствованныхъ словахъ сочетанія ar, or, er, el и др. переходили передъ согласными, благодаря развивавшейся долготѣ въ плавныхъ, въ полногласныя сочетанія ara, oro, eŕe, eĺe. Напр. харатиꙗ, мороморъ, селиванъ.

Рядомъ было извѣстно и другое ихъ измѣненіе въ arъ, orъ, erь, elь: marъ̓ѣ̀, marъ̓ta, отсюда маротъ Пут. ев. 246.

Сочетанія an, on, in переходили въ ana, ono, ini при anъ, onъ, inъ: манатию Требн. Шерем. XIV в., 12а, манотью ib. 54а, совр. манатка; кинисъ и кинъсъ (киносъ).

Глава IV. Недифтонгическія сочетанія согласныхъ съ гласными.

§ 315. Общерусскій праязыкъ унаслѣдовалъ изъ общеслав. только такія сочетанія согласныхъ съ гласными, гдѣ согласная одна или въ группѣ согласныхъ предшествовала гласной; сочетанія, гдѣ согласная слѣдовала за гласной, принадлежатъ къ дифтонгическимъ и разсмотрѣны выше, въ § 314. Природа согласныхъ видоизмѣнялась въ зависимости отъ слѣдующей гласной: передъ гласными передняго ряда согласныя палатализировались, передъ гласными задняго и средняго ряда онѣ лабіовеляризировались, если не

были палатализованы (въ результатѣ своей природы, какъ j, или смягченія подъ вліяніемъ j). То же имѣло мѣсто и въ общеслав. праязыкѣ, но здѣсь согласныя были полупатализованы и полулабіализованы, между тѣмъ какъ въ общер. праязыкѣ полумягкія перешли въ мягкія (t́ixo, v́ѣno, v́eśölъ, ńeśѣt́ä). Лабіализація въ общер. развилась изъ полулабіализаціи, повидимому, только передъ лабіализованными гласными (nᵘôsъ, dᵘômъ, pᵘut́ъ); передъ а и у сохранялась, вѣроятно, полулабіализація; передъ ъ, ставшимъ лабіализованнымъ, согласныя были, повидимому, лабіализованы.

На письмѣ мягкость согласныхъ вообще не изображается: сила, тихо, дьнь, дѣтьскъ, серебро. Это зависѣло отъ того, что въ силу звуковыхъ отношеній общер. праязыка, перешедшихъ и въ древнерусскій, всѣ согласныя произносились всегда мягко передъ звуками і, е, ь, ѣ. Передъ ů согласныя были также мягки; звукъ ů изображался буквой ю: кънѧзю, волю. Передъ ъ согласныя были вообще всегда мягки; вслѣдствіе этого въ сочетаніяхъ исконно мягкихъ съ слѣдующимъ ъ (ср. §§ 273, 204) послѣдній писался какъ ь: чьрнъıи, тържькъ. Передъ звукомъ о, изображавшимся черезъ букву о, согласныя также всегда тверды; вслѣдствіе этого въ сочетаніяхъ исконно мягкихъ съ слѣдующимъ ȯ (§§ 274, 203) буква ȯ писалась какъ е: шеломъ, чемоу. Передъ у согласныя были всегда тверды. Только передъ а являлись какъ твердыя согласныя, такъ и мягкія: саду и с́аду. Мягкія согласныя передъ а восходили отчасти къ общеслав. мягкимъ согласнымъ передъ а, отчасти же къ общеслав. полумягкимъ согласнымъ передъ носовымъ е; это послѣднее обстоятельство было причиной того, что буква ѧ стала означать звукъ а, смягчающій предшествующую согласную, т. е. съ представленіемъ объ этой буквѣ соединялось не только представленіе о звукѣ а, но также о смягченіи предшествующей согласной; но буква ѧ въ древнеболгарской письменности употреблялась не только послѣ полумягкихъ согласныхъ, но также послѣ мягкихъ, обозначая вообще носовое е; вслѣдствіе этого русскими писцами она отождествлялась съ буквой а въ случаяхъ, какъ часто, шатати, жаба, и съ буквой ꙗ въ случаяхъ, какъ играꙗ, заꙗць и т. д. Поэтому не только съ буквой ѧ, но также и съ букой ꙗ соединились указанныя выше представленія; обѣ онѣ и при томъ безразлично стали обозначать звукъ а въ положеніи за мягкой согласной: кънѧзѧ и кънꙗзꙗ; сꙗдоу, волꙗ и сѧдоу, волѧ. Старослав. письменности были вообще чужды соединенія буквъ, означающихъ согласныя, съ буквой ꙗ; ей были извѣстны только сочетанія рꙗ, лꙗ, нꙗ (послѣ ж, ч, ш, щ, ц буква ꙗ пишется обычно какъ а); вслѣдствіе этого и въ древнерусской письменности написанія тѧ, пѧ, бѧ, рѧ, нѧ, лѧ получили преимущественное распространеніе передъ тꙗ, пꙗ, бꙗ (извѣстными, впрочемъ,

въ памятникахъ XI—XII в.); но написанія рꙗ, лꙗ, нꙗ долго и упорно отстаивали свое существованіе.

Сочетанія рꙗ, лꙗ, нꙗ, также тꙗ, сꙗ и т. д., для обозначенія сочетаній мягкая согласная + а, по вполнѣ понятной причинѣ вызвали употребленіе буквы ѥ за мягкими согласными. Дѣйствительно, ꙗ и ѥ ассоціировались между собой вслѣдствіе употребленія на письмѣ въ началѣ слова и послѣ гласной для обозначенія—первымъ знакомъ звуковъ ja, вторымъ звуковъ je. Когда ꙗ стало писаться послѣ согласной для обозначенія звука а послѣ мягкой согласной, букву ѥ начали употреблять для обозначенія звука е послѣ мягкой согласной: ꙗко — ѥмоу, моꙗ — моѥ вызвали при сꙗдоу, тꙗноу написанія сѥми, тѥбѥ. Это было тѣмъ естественнѣе, что болгарское письмо изображало звукъ е послѣ смягченныхъ согласныхъ р, л, н черезъ ѥ, подобно тому какъ рꙗ, лꙗ, нꙗ обозначали сочетанія мягкихъ р, л, н съ гласною а. Приведу изъ древнерусскихъ памятниковъ написанія рѥ, лѥ, нѥ: до трѥтьѧго н҃бсе Уст. XII в. № 142, л. 32 об., съмьрьтьнѥ л. 33 об., нѥ вероуи л. 33; далѣе написанія чѥ, жѥ, шѥ, щѥ, цѥ: на соудищѥ Уст. XII в. № 142, л. 33 об., оучѥника л. 33 (ср. § 333), наконецъ, написанія ѥ послѣ другихъ согласныхъ: стѥпень Уст. XII в. № 142, л. 34, на небѥсьхъ л. 33 (ср. § 332). Эти послѣднія написанія могутъ служить доказательствомъ мягкаго произношенія исконно твердыхъ, а затѣмъ полумягкихъ согласныхъ передъ е. Написанія тѥ, сѥ, рѥ, лѥ, и т. д. не упрочились въ русской письменности по той же причинѣ, почему здѣсь не упрочились написанія тꙗ, сꙗ, рꙗ, лꙗ, уступивъ съ теченіемъ времени мѣсто—первыя написаніямъ те, се, ре, ле, а вторыя—тѧ, сѧ, рѧ, лѧ. Ср. напр. въ Стих. XII в. А. Н., какъ общее правило: ѧ послѣ согласныхъ, а ꙗ въ началѣ слога: въдворѧꙗсѧ 27а (исключенія рѣдки: дивꙗтьсѧ 88, свꙗти мѧ 100а).

§ 316. Мягкія согласныя и j, какъ мы знаемъ, оказывали въ общеслав. праязыкѣ вліяніе на слѣдовавшія за ними гласныя передняго ряда: ь, е, ę, ē, диссимилируясь съ предшествующими палатальными согласными, переходили ē въ а, ę въ ą, е въ ö, ь въ ъ̈. Въ общерусскомъ праязыкѣ такой же диссиляціонный процессъ привелъ къ измѣненію е и ь въ ö и ъ̈, однако только передъ согласными лабіализованными; такъ ṕero, v́edu, śeły, ḿedъkъ̈, śestra ṕьsъ̈, źьrno, t́ьzъ̈ka, śt́ьkła перешли въ ṕöro, v́ödu, śöły, ḿödъkъ̈, śöstra, ṕъ̈sъ̈, źъ̈rno, t́ъ̈zъ̈ka, śt́ъ̈kła (ср. ниже, §). Въ положеніи въ концѣ слова е измѣнялось въ ä: ńeśet́ä, ḿeńä, dvoŕańä (ср. § 224). Носовое е, въ связи со смягченіемъ предшествующей согласной, перешло въ носовое а и далѣе въ а чистое послѣ такой согласной: ṕat́ъ̈, ľagu, nośa, goŕač́ъ̈.

§ 317. Диссимиляціонный процессъ, о которомъ говорится въ предыдущемъ §, привелъ къ измѣненію е и ь въ ö и ъ̈ въ положеніи передъ

лабіализованною согласной. Признаю въ этомъ явленіи одновременный съ диссимиляціей ассимиляціонный процессъ: е, ь, диссимилируясь съ предшествующей согласной, уподоблялись слѣдующей согласной. Безъ этого привходящаго условія е въ результатѣ диссимиляціи измѣнялось вѣдь въ ä.

§ 318. Уподобленіе гласныхъ согласнымъ замѣчается въ древне-русскомъ языкѣ еще въ другихъ случаяхъ. Во-первыхъ, видимъ измѣненіе звука і въ у подъ вліяніемъ предшествующихъ задненёбныхъ согласныхъ, которыя, какъ мы знаемъ, были въ общеслав. и въ общер. праязыкѣ лабіализованными. Такое явленіе имѣло мѣсто, напримѣръ, въ иностранныхъ словахъ; мы видѣли, что иноязычныя ki, gi, xi передавались черезъ ki, gi, xi со смягченіемъ средненёбной согласной; но отсутствіе смягченія — сохраненіе k, g, x безъ измѣненія, точнѣе передача ихъ свойственными русскому языку лабіализованными задненёбными привели къ измѣненію подъ вліяніемъ ихъ слѣдующаго і въ у. Приведу примѣры для такихъ ky, gy, xy: древнерусск.: логꙑнъ, никꙑта, кꙑтъ, скꙑпьтръ. Однородно, повидимому, измѣненіе звука ü или ü, какъ нерѣдко передается произношеніе греческаго υ, въ звукъ u: коуръ, коурилъ, коуприанъ, анкоундинъ.

§ 319. Подобное же явленіе наблюдалось и въ своихъ русскихъ словахъ. А именно k, g, x передъ слогообразовательнымъ суффиксомъ -inъ должны были по общему правилу измѣняться въ c̓, z̓, s̓, или подъ вліяніемъ извѣстнаго процесса въ ć, ź, ś (ср. примѣры ниже, въ § 328); но были случаи, гдѣ k, g, x сохраняли свой звукъ подъ вліяніемъ аналогіи со стороны непроизводнаго слова; въ этихъ случаяхъ сочетанія ki, gi, xi съ k, g, x, заимствованными изъ положенія передъ гласной задняго ряда, переходили въ ky, gy, xy. Такъ находимъ даже въ позднѣйшихъ памятникахъ примѣры, какъ Щукынъ Лодом. 1576, № CXX, у Поткына Холмог. 1572, № LV; Кошкынъ Ермол. лѣт. 262, Чепечкына ib. 265 об.; Олешкына 1479 (А. Кал. VII, № 156, VII); Вѣкошкынъ гр. Тѣшаты ок. 1266; Щепеткына Холмог. 1568 № L; с мачехꙑными дѣт̓ми Комм. сп. Новг. 1-й, 487 и др. Частью то же и послѣ другихъ согласныхъ: ордынскій (ординьское 1362 — 89 Г. Др. I, р. IV, № 2). Отмѣчу еще: дщери иродꙑадынѣ дат. ед. Пут. ев. 263. Сюда же вѣроятно товарыщь при товаръ вм. товар-ищь.

§ 320. Во-вторыхъ, такое же измѣненіе находимъ въ извѣстныхъ случаяхъ въ положеніи вообще послѣ всѣхъ согласныхъ твердыхъ и, согласно даннымъ выше въ § 214 и сл. указаніямъ, лабіализованныхъ. А именно конечная согласная предлога превращала начальное і слѣдующаго за нею слова въ у. Сильное распространеніе это явленіе получило послѣ паденія глухихъ,

когда предлоги sъ, vъ, kъ, podъ, nadъ, izъ и т. д. превратились въ s, v, k, pod, nad, iz; приведу относящіеся сюда примѣры ниже, въ § 428. Но нѣкоторые изъ предлоговъ въ особенности въ сложеніяхъ были извѣстны съ окончаніемъ на согласную уже въ общеслав. эпоху, слѣдовательно, и въ общер. праязыкѣ: таковы напр. предлоги bez, iz, vъz, orz (откуда по русски roz), niz. Въ виду этого вѣроятно допустить, что уже общер. праязыкѣ и въ древнерусскомъ до паденія глухихъ могли возникать сочетанія z-у вмѣсто даннаго этимологически z-i, и это въ особенности въ тѣсныхъ сложеніяхъ. Примѣрами могутъ служить: възыгра Минея 1095 г. № 194, 139a, възыграите ib. 46a; възыграса Стих. 1157, 23a, възыграимъ ib. 63a; възыграютеса Добр. ев. 112д; изыскали Гр. Θеокт. послѣ 1300; взыщетьса Сб. поуч. до 1350 (Пам. Срезн. 247); взыщет 1441—42 (А. Кал. I № 31); возыскѫ, оузышѫ Пс. XVI в. (Карск. 190); възыграса Ев. 1144, 114a, възыграитеся Юр. ев., 93c, възыграите Арх. ев. 1092, 135a, възыграите Ж. Θ. XII в., и т. д.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ случаевъ у можно объяснить какъ результатъ стяженія ўi (изъ ъi), т. е. възыграса можетъ восходить и къ възъиграса; но большая часть указанныхъ примѣровъ допускаетъ предложенное выше объясненіе. — Ср. § 338.

Глава V. Количественныя и акцентныя отношенія.

§ 321. Не имѣя никакихъ указаній на измѣненія въ количествѣ и удареніи въ общерусскомъ праязыкѣ сравнительно съ выяснившимися для общеслав. праязыка отношеніями, я принимаю, что въ древнерусскомъ сохранялись въ большей или меньшей неприкосновенности какъ различія въ количествѣ гласныхъ, такъ и различные виды ударенія, возникшіе въ общеслав. эпоху. Рядъ косвенныхъ указаній подтверждаетъ это положеніе. Такъ, во-первыхъ, сохраненіе количественныхъ отношеній доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что полукраткія гласныя ѣ, ѣ, ї, ў отличались отъ краткихъ ъ, ь, і, у: это ясно изъ различной судьбы тѣхъ и другихъ звуковъ въ позднѣйшую эпоху; полукраткія исчезли изъ произношенія, а краткія ъ и ь перешли въ о и е. Далѣе паденіе полукраткихъ гласныхъ, какъ увидимъ, вызвало удлиненіе предшествовавшаго слога: здѣсь на мѣстѣ полудолгой гласной о или е, по крайней мѣрѣ въ южной вѣтви русскаго языка, возникала долгая гласная о или е, которая, дифтонгизируясь, переходила затѣмъ въ uo и ie; ср. съ этимъ дифтонгизацію ē и ō (изъ oj) въ общеслав. праязыкѣ; слѣдовательно, въ древнерусскомъ языкѣ, а именно въ южной его вѣтви, сохранялась въ эпоху паденія глухихъ долгота гласныхъ. Какъ мы видѣли,

новыя o, e сварабактическаго происхожденія, во второй части полногласныхъ сочетаній oro, oĺo, ere, oĺo, не подлежали въ южнорусскомъ нарѣчіи дифтонгизаціи; это можно объяснить только тѣмъ, что старыя o, e передъ слогомъ съ полукраткой гласной (напр. въ domъ̆, ledъ̆) произносились въ эпоху, предшествовавшую паденію глухихъ, полудолго, между тѣмъ какъ новыя, сварабактическія o, e произносились въ томъ же положеніи кратко; поэтому паденіе полукраткихъ, удлинивъ ихъ до полудолготы, не могло привести до распаденія ихъ на дифтонгъ (korŏ̆, ľĕd изъ koroĺъ̆, ľedъ̆). Во многихъ другихъ древне-русскихъ говорахъ паденіе полукраткихъ гласныхъ имѣло послѣдствіемъ удлиненіе r, ĺ въ сочетаніяхъ ьr, ъr, ъĺ, находившихся въ предшествующемъ павшимъ полукраткимъ гласнымъ слогѣ, до полудолготы: въ предшествовавшую эпоху r и ĺ въ этихъ сочетаніяхъ сократились, что вызвало переходъ находившихся передъ ними ъ и ь въ краткія ъ и ь; паденіе полукраткихъ гласныхъ удлинило r, ĺ въ указанныхъ предшествующихъ имъ сочетаніяхъ; сочетанія ъr, ьr, ъĺ съ полудолгими r и ĺ сократили ихъ такъ же, какъ въ предшествовавшую эпоху or, er, oĺ сократили свои долгія и полудолгія плавныя, а это повело къ образованію за плавными сварабактической гласной; такъ явились ьrь, ъrъ, ъĺъ въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ говорахъ, и отсюда ere, oro, oĺo (см. ниже § 421 и сл.).

§ 322. Во-вторыхъ, среди явленій русскаго языка есть нѣсколько такихъ, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь поддерживалось старое различіе между восходящимъ и нисходящимъ видомъ ударенія. Сюда относятся прежде всего указанія, извлекаемыя изъ ударенія полногласныхъ сочетаній ere, oro, oĺo: рядомъ съ òro, òĺo, èŕe, напр. въ словахъ гòродъ, гòлову, хòлостъ, стòрожь, стòрону, находимъ orò, oĺò, eŕè, напр. въ корòва, солòма, горòхъ, корòль, молòтиш; это различіе соотвѣтствуетъ акцентнымъ различіямъ въ соотвѣтствующихъ сербскихъ сочетаніяхъ ra, la, re, le: сочетаніямъ òro, òĺo, ère отвѣчаютъ сочетанія râ, lâ, rê, lê, а сочетаніямъ orò, oĺò, eŕè — во-перыхъ, сочетанія rȁ, lȁ, lȅ, rȅ; во-вторыхъ, въ чакавскомъ сочетанія rá, lá, ré, lé, что въ штокавскомъ измѣнилось въ râ, lâ, lê; такъ рядомъ съ грâд, глâву, стрâж, стрâну видимъ крâва, слâма, грâх, чакавск. králj, mlátiš (шток. крâљ, мла̂тиш); соотвѣтственное количественное различіе замѣчается и въ чешскомъ, а также и въ лужицкихъ языкахъ; равнымъ образомъ оно отражается и въ словенскомъ (см. § 156). Совершенно ясно, что сочетанія or, ol, er, el въ общеслав. праязыкѣ произносились различно, съ двумя видами ударенія: нисходящимъ въ случаяхъ, гдѣ русскій языкъ имѣетъ òro, òĺo, èŕe, сербск. и словенск. râ, lâ, rê, lê, и восходящимъ тамъ, гдѣ русскій языкъ имѣетъ orò,

olò, erè, сербск. rȁ, łȁ, rȅ, lȅ и rá, łá, ré, lé, словенск. rá, lá, ré, lé. Ясно также, что это различіе удерживалось и въ общерусскомъ праязыкѣ, разъ здѣсь, въ эпоху появленія полногласія, сочетанія or, oł, er дали различные результаты въ зависимости отъ стараго различія свойственнаго имъ ударенія.

§ 322[1]. Далѣе сюда относится явленіе, относящееся несомнѣнно къ болѣе позднимъ эпохамъ жизни русскаго языка. Какъ мы уже знаемъ (§§ 142 пр., 215), въ современныхъ великорусскихъ говорахъ, и сѣверныхъ, и южныхъ, исконный звукъ о въ однихъ случаяхъ сохраняется какъ о, въ другихъ переходитъ въ u̯o, откуда ô или особый звукъ, который опредѣляемъ какъ сильно лабіализованное о и обозначаемъ буквой ω. Отсылая къ § 142 пр., гдѣ приведены фактическія указанія, напомню здѣсь, что о сохраняется вообще только въ начальномъ слогѣ слова, т. е. на томъ именно слогѣ, который въ общеслав. праязыкѣ (а также и въ праштокавскомъ) былъ единственнымъ въ словѣ слогомъ, допускавшимъ на себѣ нисходящее удареніе; напротивъ, о дифтонгизируется, во-первыхъ, всегда въ слогахъ серединныхъ и конечныхъ—а мы знаемъ, что эти слоги въ общеслав. праязыкѣ могли имѣть только восходящія ударенія (на краткой гласной въ концѣ слова, сверхдолгой или полудолгой въ серединѣ), во-вторыхъ, въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ въ начальномъ слогѣ слова, и притомъ именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое удареніе, по свидѣтельству словенскаго и сербскаго языка, имѣло мѣсто въ общеслав. праязыкѣ. Такъ общеслав. словамъ vȍdǫ, pȍľö, bȍga, prȍso, słȍvo, ȍłovo въ великорусскихъ говорахъ, дифтонгизирующихъ въ извѣстныхъ случаяхъ исконное о, соотвѣтствуютъ vòdu, pòľo (и pòľa), bòga, pròso, słòvo, òłovo (pròsa, słòva, òłava); между тѣмъ общеславянскимъ però, naródъ, prorókъ, zalómiśĭ, pomóźete въ этихъ говорахъ соотвѣтствуютъ peru̯ò, naru̯òt, proru̯òk (praru̯òk), zału̯òḿiš, pomu̯òžeťe (pamu̯òžeťa); и точно также общеслав. kóźa, vóľa, prósiśĭ, nósite, xóćete, bóbъ, kóńь здѣсь соотвѣтствуютъ ku̯oža, vu̯oľa, pru̯ośiš, nu̯ośiťe, xu̯oćeťe, bu̯op, ku̯oń. Отсюда видно, что о дифтонгизировалось подъ восходящимъ удареніемъ, сохраняя свой исконный звукъ подъ нисходящимъ. Это явленіе можно понять какъ слѣдствіе растяженія гласной подъ восходящимъ экспираторнымъ удареніемъ; мы видѣли, что подъ этимъ удареніемъ въ неконечномъ слогѣ исконно краткія гласныя растягивались до полудолготы уже въ общеславянскомъ (напомню о долгомъ о въ словенск. kóža, naróda, чешскомъ ů въ kůže). Слѣдовательно, въ ту эпоху, когда происходило интересующее насъ явленіе, еще сохранялось старое различіе между восходящимъ и нисходящимъ удареніями. Эпоха эта, какъ видно изъ высказанныхъ въ слѣдующемъ §

соображеній, относится ко времени весьма отдаленному, всего вѣроятнѣе къ общерусскому праязыку. Впрочемъ, дѣлаю оговорку: къ этому отдаленному времени должно отнести собственно не дифтонгизацію о, а его растяженіе подъ восход. удареніемъ; и еще оговорка: растяженіе о восходитъ, какъ мы знаемъ, къ общеслав. праязыку въ слогахъ неконечныхъ; русскимъ явленіемъ признаемъ, слѣдовательно, только растяженіе о въ конечномъ слогѣ: regò, selò, nesłò, odьnò, имѣвшія краткое о въ общеслав. праязыкѣ, растянули его подъ дѣйствіемъ экспираторнаго восх. ударенія въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка, а можетъ быть еще въ общерусскомъ праязыкѣ. Такое растяженіе, какъ мнѣ кажется, доказываетъ совпаденіе всѣхъ трехъ видовъ восходящаго ударенія, различавшихся въ общеслав. праязыкѣ (ˋ, ´ и ˜), въ одномъ видѣ (´). Это совпаденіе имѣло мѣсто, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ древнѣйшую эпоху жизни древнерусскаго языка.

§ 323. Такое заключеніе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Звукъ о изъ ъ не подлежитъ дифтонгизаціи; онъ не подлежалъ, слѣдовательно, растяженію, и это несмотря на положеніе подъ восходящимъ удареніемъ (ˋ въ общеславянскомъ). Слова какъ свекровь, селом тв. ед., топчем, рот и т. п. имѣютъ о недифтонгизированное, несмотря на то, что такое о въ общеслав. праязыкѣ имѣло восх. удареніе; это объясняется тѣмъ, что о въ этихъ словахъ восходитъ къ ъ. Отсюда вся вѣроятность того, что растяженіе ò въ ó въ случаяхъ перо, село, несло произошло въ то время, когда рот, селом, пером, и т. д. не имѣли еще звука о, а содержали соотвѣтствующее ему болѣе древнее ъ: regò перешло въ regó, между тѣмъ какъ regъmь не перешло въ regъmь (откуда явилось бы regóm) въ силу именно того, что ъ, какъ звукъ редуцированный, не подлежалъ вообще растяженію. Итакъ переходъ regò въ regó произошелъ въ такую эпоху, когда ъ еще сохранялъ свой древній звукъ, не измѣнился еще въ о. Паденіе глухихъ, какъ увидимъ, произошло въ позднѣйшую эпоху періода, условно опредѣляемаго нами какъ древнерусскій, а именно не ранѣе XII вѣка, второй его половины. Слѣдовательно, переходъ ò въ ó имѣлъ мѣсто или въ древнѣйшую эпоху древнерусскаго періода или, что представлялось бы, какъ кажется, вполнѣ пріемлемымъ, еще въ общерусскомъ періодѣ (ср. однако слѣдующій §).

§ 324. Сдѣланный нами выводъ имѣетъ своими послѣдствіями слѣдующій рядъ заключеній. Переходъ ò въ ó доказываетъ утрату различія подъ восходящимъ удареніемъ краткаго слога отъ полудолгаго. Такое явленіе было бы понятно при допущеніи усиленія экспираторнаго элемента ударенія: ò краткое съ восходящимъ удареніемъ перешло въ ó полудолгое съ восхо-

дящимъ удареніемъ вслѣдствіе усиленія ударенія \`. Усиленіе ударяемыхъ слоговъ едва ли не сопровождалось ослабленіемъ слоговъ неударяемыхъ: xvāłà, измѣнивъ à въ á, вѣроятно, сократило ā въ предшествующемъ неударяемомъ слогѣ. Мы подходимъ къ выводу, что разсматриваемое явленіе ведетъ насъ къ эпохѣ, когда въ русскомъ языкѣ стерлись или начинали стираться количественныя различія какъ въ ударяемыхъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ. Но признавать это явленіе восходящимъ къ общерусскому періоду мы не можемъ, въ виду высказанныхъ въ § 321 соображеній, въ силу которыхъ въ общер. праязыкѣ сохранялись въ общемъ неизмѣнно старыя количественныя отношенія. Поэтому признаю болѣе вѣроятнымъ отнести его къ періоду древнерусскому и притомъ, согласно указаніямъ, извлекаемымъ изъ § 323, къ эпохѣ, предшествовавшей паденію глухихъ. Акцентныя и количественныя отношенія этой эпохи, наступавшей въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, разновременно, въ общемъ сходствовали съ отношеніями, господствующими въ совр. русскомъ языкѣ, а именно гласныя подъ экспираторнымъ удареніемъ (соотвѣтствующимъ общеслав. экспираторнымъ удареніемъ \` и ´, а также восх. экспираторно-музыкальному ударенію ˜) произносились съ полудолготой, между тѣмъ какъ въ неударяемыхъ слогахъ они произносились кратко. Но рядомъ съ экспираторнымъ удареніемъ держались въ ту эпоху, а также и въ эпохи позднѣйшія музыкальныя ударенія, свойственныя, впрочемъ, исконно только начальнымъ слогамъ. Подъ музыкальнымъ удареніямъ съ нисх. характеромъ сохранялось, быть можетъ, и различіе между долгой, полудолгой и краткой гласной. Слѣдовательно, въ разсматриваемую эпоху древнерусскаго языка слова, какъ voľa, pero, siła, prosi, piśeťь, paśeťä, koľěno, naroda, kobyła и т. д., имѣли безразлично удареніе ´; между тѣмъ рядомъ, въ начальныхъ слогахъ, различались нисх. музыкальныя ударенія ̏ на краткомъ слогѣ: vȍdu, v́ȍsnu, ṕȅći, pȍv́ěśťь, skȍvorodu; ̑ на долгомъ слогѣ—drȗga, sěno, sȳnu, и на полудолгомъ: tȗpośťь, sȋrotu и т. д. Позднѣйшимъ эпохамъ жизни отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій принадлежитъ измѣненіе музыкальныхъ нисходящихъ удареній въ экспираторныя восходящія: drúga, sýnu, vódu, ṕéći, túpośť. Возможно, что въ великорусскихъ говорахъ различіе между музыкальными удареніями и экспираторными держалось дольше, чѣмъ въ малорусскихъ и бѣлорусскихъ. Указаніе на это можно извлечь изъ того обстоятельства, что энклиза, переносъ ударенія со слова на предлогъ, и при томъ—ударенія исконно нисходящаго, музыкальнаго, гораздо послѣдовательнѣе сохранилась именно въ великорусскомъ нарѣчіи, чѣмъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. Ср. великор. ná vodu, ná poľe при малор. и бѣлор. na vódu, na póľe.

Примѣчаніе. Въ тѣсной связи съ дифтонгизаціей исконнаго о и съ сохраненіемъ звука о, во-первыхъ, исконнаго подъ нисх. удареніемъ, во-вторыхъ, происшедшаго изъ ъ, стоитъ то замѣчательное явленіе, которое для Обоянскаго говора впервые было установлено Л. Л. Васильевымъ: здѣсь предударныя е, а послѣ мягкихъ согласныхъ, ѣ—передъ ударяемымъ о исконнымъ звучатъ какъ а, между тѣмъ передъ ударяемымъ о изъ ъ тѣже звуки измѣняются въ і: пяро, сяло, висяло, гняздо, унясло, но пиром, силом, лисок, свикрофь и т. д. Различіе между обоими о состояло въ томъ, что исконное произносилось какъ ў̆о или ô или ѡ, тогда какъ о изъ ъ произносилось какъ о; редуцированная гласная переходила въ а передъ ударяемыми закрытыми, узкими гласными (къ нимъ принадлежали u, i, y, u̯o, ô, ѡ),—она измѣнялась въ і передъ гласными широкими (къ нимъ принадлежали а, е, также о). Появленіе редуцированныхъ гласныхъ въ восточно-русскомъ нарѣчіи принадлежитъ къ весьма отдаленной эпохѣ въ жизни этого нарѣчія, когда здѣсь были извѣстны еще количественныя различія въ гласныхъ (объ этомъ скажу ниже, въ гл. IV отдѣла VI). Слѣдовательно, растяженіе о въ u̯o относится къ той же отдаленной эпохѣ. Явленія, здѣсь упомянутыя, доказываютъ между прочимъ, что гласныя открытыя не подлежали удлиненію, между тѣми какъ закрытыя, узкія гласныя удлинялись. Не останавливаюсь здѣсь подробнѣе на этомъ обстоятельствѣ, отсылая къ аргументамъ, изложеннымъ ниже, въ гл. IV отдѣла VI. Отсутствіе въ великор. говорахъ дифтонгизаціи о въ окончаніи -ой (просто́й, слѣпо́й), равно какъ произношеніе слипой, сидой (не сляпо́й, сядо́й) въ Обоянск. говорѣ объясняются новымъ происхожденіемъ этого о.

Глава VI. О нѣкоторыхъ звуковыхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ древнерусскомъ языкѣ.

§ 325. Перечислю здѣсь нѣсколько звуковыхъ законовъ, обнаруживавшихъ свое дѣйствіе въ древнерусскомъ языкѣ, какъ это видно и изъ предыдущаго изслѣдованія и изъ совокупности всего матеріала, представляемаго доступными для насъ данными.

Гласныя. Звуки а, о, u, i, ѣ произносились въ началѣ слова безъ придыхательнаго приступа: oťѣč́ȯ, ostryĭ, ośeńѣ, umѣ, iva, idu, ѣdu, ѣda.

Гласныя а и е неударяемыя въ началѣ слова лабіализировались и переходили въ о: onъtônѣ, oľekśѣĭ, oľisava, ośeńѣ.

Звукъ е въ концѣ слова послѣ j и исконно смягченныхъ согласныхъ произносился какъ ȯ: ľić́ȯ, oťѣč́ȯ; за позже смягченными согласными въ

томъ же положеніи онъ произносился какъ ä: ḿeńä, bojaŕä, prośiťä; сохранялось е въ концѣ слова только послѣ i̯: dobroi̯e, znai̯e.

Звукъ е въ серединѣ слова, когда за нимъ не слѣдовала палатализованная согласная, послѣ j и исконно смягченныхъ согласныхъ произносился какъ ȯ: č́ȯtyŕä, vъčȯła, ṕъ́śȯno, ž́ȯłobъ; за вновь смягченными согласными онъ произносился какъ ö: ńösu, śöstra, ṕöro.

Звукъ ь въ серединѣ слова, когда за нимъ не слѣдовало палатализованная согласная, послѣ j и исконно смягченныхъ согласныхъ произносился какъ ъ: č́ъrtъ, š́ъłъ, pož́ъnъka; за вновь смягченными согласными онъ произносился какъ ъ̈ (лабіализованное ь): ṕъ̈sъ, ďъ̈nъ, ľъ̈nъ, svoboďъ̈nъ, svaďъ̈bъ, ṕъ̈stryĭ.

Послѣ i̯, j и смягченныхъ согласныхъ не употреблялись звуки y, u, o; вмѣсто y являлось i, вмѣсто u звукъ средняго ряда u̇: końu̇, muž́u̇; вмѣсто o—ȯ: poľȯ (изъ poľö), v́ъ́śȯmu (v́ъ́śömu).

§ 326. Въ группахъ согласныхъ мягкія зубныя и v вызывали смягченіе предшествующихъ шумныхъ зубныхъ согласныхъ и полумягкость губныхъ: śḿъ́хъ, ź́v́ъ́ŕъ, pośťiťi śa, poźďъ, ṕъ́śńi, śv́atъ, śľъ́dъ, źeḿľu, łov́ľa.

Въ группахъ согласныхъ звонкія мгновенныя согласныя уподоблялись слѣдующимъ глухимъ и обращались въ глухія: isṕiłъ, rosprava, vъ́stokъ. Обратно глухія передъ звонкими мгновенными обращались въ звонкія.

Группы sr и zr измѣнялись въ str, zdr. Напр. rozdruśi, izd rostova; въ заимствованныхъ словахъ и именахъ: издраиль.

§ 327. Звукъ r произносился мягко въ положеніи послѣ ь передъ мягкими согласными, твердыми губными и задненёбными: v́ьŕč́ȯnъ, ṕьŕvyĭ, v́ьŕхъ. Тоже въ заимствованныхъ словахъ и именахъ послѣ е и i: перьхурии.

Въ сочетаніяхъ гласная+носовая или плавная передъ согласной плавная и носовая становились долгими, но долгота ихъ не удерживалась, а сокращалась, вызывая однако за плавной и носовой сварабактическую гласную (ъ, ь): konъ́dratъ, konъ́śťaťinъ, tałanъtъ, ponъtъ, varъ́vara, ḱińьsъ (отсюда ḱińisъ), ср. кїнисъ Пут. ев. 144, златницю кинисноую ib. 144, ср. сильвестръ Усп. сб. XII в. № 175 (18), 103 об. 2, сельвестра Юр. ев. XII в., 217b, селивестра Прол. XIII в. (Св. и З. № 41), силивестръ Сб. XIII в. (Пам. Кал. 82), селеверстъ Новг. I.

Въ сочетаніяхъ плавная или носовая съ слѣдующими ъ или ь полукраткими, въ началѣ слова или послѣ согласной, плавная и носовая становились слоговыми, а ъ и ь неслоговыми: kr̥ь̯sta, tr̥ь̯voga, gł̥ъ̯tałъ, m̥ь̯śťisłavъ.

Терпимы были вообще только открытые слоги, т. е. оканчивающіеся на согласную. Исключеніе составляли слоги ъг, ьг, ъł. Вслѣдствіе этого въ заимствованныхъ словахъ замѣчаются нерѣдко вставки гласныхъ ъ и ь между согласными, устанавливавшія болѣе обычное слогодѣленіе.

§ 328. Согласныя передъ гласными передняго ряда смягчались: źima, ďѣło, ṕöro, v́ѣńьcъ̌. Задненёбныя переходили при этомъ въ шипящія и шипящія аффрикаты. Такъ явились, напр. Ревечинъ Хожд. Дан. (изд. Венев. 75 вар.), Телебоужинѣ Ипат. 297а, Олжинѣ Путеш. Ант. Новг. 14. Рядомъ извѣстно было и другое измѣненіе ихъ — въ свистящія и свистящія аффрикаты: Ревецинъ Хожд. Дан. (l. c.), в Телебоузиноу рать Ипат. 302б, вользинъ Лавр. 33, ѡльзинъı ib. 41; Алабузино Гр. 1440 № 60 при Алабугина, Калязинъ (назв. мѣстн.) при Калягино (Новг. губ. Списки № 3862). Такое измѣненіе было обязательно передъ ѣ: оу Вѣкшензѣ Уст. 1137 (сп. 1282 г.) Р. Д. I. Наконецъ, находимъ еще переходъ задненёбныхъ въ соотвѣтствующія средненёбныя: Ревекинъ Хожд. Дан. (l. c.). Конечное х можетъ измѣняться въ ц вмѣсто ожидаемаго с: въ октаицѣ Уст. XII в. Тип. № 142, л. 13 (ср. октаичьнаꙗ стр҃а ib. 20).

Діалектически въ словахъ заимствованныхъ видимъ переходъ ḱ въ ť: овъдотиꙗ, лоутиꙗнъ. Параллельное измѣненіе г въ д предполагаетъ, повидимому, произношеніе ǵ, а не j: дюрди Ипат. подъ 1135, дюрдевичь ib. подъ 1142, гюрди ib. подъ 1136.

Передъ гласными задняго ряда согласныя лабіализировались: śѣn^{u}o, t^{u}ъn^{u}ъ̌k^{u}o. Передъ а и у согласныя были, повидимому, полулабіализованы.

§ 328[1]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ вліяніе гласной слѣд. слога на измѣненіе гласной предыдущаго слога. Ср. переходъ ѣ въ і передъ слогомъ съ і: śiďiťъ̌, ďiťina (§ 195); ъ въ о, ь въ е (золоба вм. зълоба, серебро вм. сьребро, см. ниже § 336). Сюда же отнесемъ а вм. е передъ слогомъ съ а: Гарасима 1410—31 (XVI) А. Кал. II № 178, Галасіа ib., Фарафонтеевой 1438 (А. А. Э. I № 36); о вм. е передъ слогомъ съ о: Горонтью 1447—56 (А. Кал. I № 63); е вм. и передъ слогомъ съ е: Клементьевичь Новг. 1471 № 20.

§ 329. Въ концѣ слова гласныя произносились кратко и полукратко. Подъ удареніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ они были сверхдолгими.

Долгота гласной сохранялась только въ предпослѣднемъ слогѣ слова и въ слогѣ предударномъ. Въ другомъ положеніи исконная долгота замѣнялась полудолготой, а въ извѣстныхъ случаяхъ сверхдолготой.

Не въ концѣ слова исконно краткія и исконно долгія гласныя подъ восходящимъ экспираторнымъ удареніемъ получали полудолготу.

Нисходящее удареніе удерживалось только въ начальномъ слогѣ слова.

Глава VII. Дополнительныя замѣчанія относительно древнерусской графики.

§ 330. Мы видѣли въ §§ 268—315, какими буквами и какими способами выражались въ древнерусской письменности звуки живого языка. Нѣкоторыя буквы употреблялись для обозначенія двухъ или нѣсколькихъ звуковъ. Таковы: буква о, обозначавшая не только открытое о, напр. въ озеро, гости, но также закрытое, напр. въ домъ, гость; буква е, обозначавшая не только звукъ е, напр. въ словѣ печаль, но также ӧ въ перо, сестра, ӓ въ дадите, боꙗре, и даже ȯ въ жена, четыре; буква ь, обозначавшая звукъ ь (въ чьсти, мьсть), но также и звукъ ӗ (льнъ, пьсъ); точно также буква ѣ обозначала не только открытое ѣ (еӓ), но и закрытое ѣ (іе). Не говорю уже о томъ, что буквы, обозначавшія гласные звуки, служили одинаково для выраженія и долгихъ и сверхдолгихъ, полудолгихъ и краткихъ звуковъ; буква ꙑ (вмѣсто которой, какъ указано, въ нѣкоторыхъ школахъ употреблялось и ы) обозначала у не только сверхдолгое (въ sу̑čь̌), долгое (въ sу̑nu), полудолгое (въ ł́yko) и краткое (въ vodу̀), но также и полукраткое у (напр. въ pȍmу̑i̯etь̌); буква и означала также і сверхдолгое (ṕĩśeťe), долгое (v́îdъ̌), полудолгое (ľiśíća), краткое (božiĭ) и кромѣ того полукраткое і (напр. въ dobryĭ, ńeśešĭ); буквы ъ и ь означали какъ краткія ъ и ь, ӗ, такъ и полукраткія: sъ̌na, ľistъ̌, krъv́ь̌, dь̌ńä и т. д., кромѣ того неслоговыя ъ, ь: ръжанъ, кръве, льноу.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ удвоеніе гласныхъ буквъ, преимущественно а, напр. въ Чуд. пс. XI в.: прѣлаагаше, обладааниꙗ, оутрьнꙗахъ, также и, напр. въ Чуд. пс. XI в.: оудьржиимъ, пооучиихъ; ꙑ, вмѣсто чего ꙑи: Чуд. пс. XI в.: бꙑимь, бꙑихъ, прикрꙑихъ. Смыслъ такихъ написаній не совсѣмъ ясенъ, но скорѣе всего ими обозначалось то растяженіе, которому подвергались гласныя въ церковномъ чтеніи (псалтыри, евангелія).

Примѣчаніе. Особо стоитъ удвоеніе буквъ въ сложеніяхъ съ предлогами, какъ възаалчѫть Чуд. пс. XI в., безоочьство, изоу оустъ. Здѣсь (какъ увидимъ въ § 337) могло имѣть мѣсто удвоеніе звуковъ.

§ 331. Точно также согласныя буквы связывались нерѣдко съ представленіемъ о нѣсколькихъ звукахъ. Буква в въ представленіи однихъ писцовъ и читателей связывалась со звукомъ v; въ представленіи другихъ частью со звукомъ v (передъ гласными полнаго образованія), частью со звукомъ ŭ (въ сочетаніи въ); въ представленіи же нѣкоторыхъ она должна была связываться со звуками u̯ u ŭ (а именно въ тѣхъ говорахъ, гдѣ произно-

сили ųasъ, ųodu, и также noй, й brata). Буква г точно также въ однихъ нарѣчіяхъ произносилась какъ g, въ другихъ какъ γ (h); обычнымъ произношеніемъ ея въ церковномъ чтеніи также и на сѣверѣ, гдѣ живой языкъ зналъ g, было γ; кромѣ того, какъ было указано въ § 307, она могла обозначать передъ буквами, выражавшими звуки передняго ряда, j. Съ буквой л соединялось представленіе о звукѣ ł передъ а, о, оу, ъ, ы, а также передъ согласными;—представленіе о звукѣ l передъ другими гласными буквами, а также передъ ѩ, ю, ѧ, ѥ. Съ буквой ж соединялось представленіе не только о звукѣ ž, но діалектически также и о звукѣ ž́ (ср. § 305). Буква ч въ сочетаніи жч читалась какъ ž́. Буквы жд въ словахъ заимствованныхъ читались, повидимому, какъ žd и даже ž́ž́, что вело къ обозначенію и своего ž́ž́ черезъ жд, напр. въ словахъ дъждь, рождиѥ.

§ 332. Мягкія согласныя по общему правилу обозначались тѣми же буквами, что твердыя (лабіализованныя): рыба—рыбѣ, попъ—попи, росту—реку, рѣпа; тълстъ—тѣло, тьмьно; мьртвъ—вьрхъ. Когда мягкія согласныя стояли передъ другими согласными, мягкость ихъ по общему правилу не обозначалась, напр. вести (т. е. vesti), вьрхъ (т. е. vьrхъ); передъ гласными мягкость согласныхъ выражалась въ самой гласной буквѣ: сочетанія ти, де, сѣ, бь означали соединеніе мягкихъ согласныхъ съ послѣдующими гласными передняго ряда; точно также сочетанія рю, ню, лю означали соединеніе мягкихъ р, л, н съ гласной средняго ряда й: передъ гласными передняго ряда и передъ гласной средняго ряда й не могло стоять иныхъ, кромѣ мягкихъ, согласныхъ; сочетанія тѩ, рѩ, сѩ и т. д., равно тѧ, рѧ, сѧ означали сочетанія мягкихъ согласныхъ т, р, с со звукомъ а. Передъ звукомъ а могли стоять также и твердыя согласныя; такимъ образомъ именно въ этихъ сочетаніяхъ мягкость согласной была выражена въ слѣдующей за нею буквѣ, означавшей гласную; буквы ѩ и ѧ стали такимъ образомъ связываться съ представленіемъ не только о звукахъ ja (ja), но также съ представленіемъ о звукѣ а, которому предшествуетъ мягкая согласная. Это, какъ мы видѣли (§ 315), повело къ тому, что рядомъ съ написаніями те, се, не возникали написанія тѥ, сѥ, пѥ, имъ вполнѣ равнозначащія, при чемъ, слѣдовательно, съ представленіемъ о буквѣ ѥ (какъ и о буквѣ е) связывалось представленіе не только о звуковомъ сочетаніи je (je), но также и о звукѣ е съ предшествующей мягкой согласной; ср. напр. боудѥть Гал. ев. 1144, 150b, видитѥ Юр. ев. 182a, авраамѥ ib. 103д, небесѥ Стих. 1157, 103b, сватитѥлю ib. 121b, възлѥже Добр. ев. 130a, знамѥныѥ 183a; идѥ Ев. 1092, 30b, кръвѥ 54a, вьсѥи 32a; весѥлисѧ Минея № 194, 49b, словесѥ 64a, проститѥ 172a; оклѥвѥтанига Панд. Ант. XI в., рѥче ib.; плѥтоша Новг. минея XI в.

(И. Р. Ц. Макарія I, пр. 180), тѣлѥсе ib. трѥпетомъ ib., апл҃ѥ ib.; гнѥтѫть Остр. ев. 101а; тѥбе Сб. 1073, 149а, оумьрѥте Ев. XIII в. № 6, 19а, зѥмли Гр. ок. 1263. Отмѣчу еще употребленія ꙗ послѣ согласныхъ: постыдꙗтьсѧ Евг. толк. пс. — Впрочемъ, въ русской письменности при нѣкоторыхъ буквахъ употреблялись особые знаки мягкости, заимствованные изъ древнеболгарскаго письма: мягкія л и н выражались черезъ л҃, н҃: погыбн҃еть Остр. ев. (вм. погыбнеть, ср. ib. достанѥть); н҃еи Ж. Ѳ. XII в., разгнѣвавъ Сб. житій до 1250 (Пам. Срезн. 30), стонѧ Уст. XII в. Типогр. № 142, л. 12, вечернѧ 12 об., клеплють 12 об., ѿ понедѣльни 16, г҃нѧ землѧ 23 об.

§ 333. Буквы ч, ж, ш, щ, ц означали согласныя всегда мягкія. Вслѣдствіе этого въ сочетаніи со звукомъ а не требовалось непремѣнно обозначенія ихъ мягкости въ слѣдующей гласной буквѣ. Рядомъ съ тꙗ, нꙗ, сѧ, лѧ видимъ сочетанія ча, жа, ша, ща, ца, но понятно, что аналогія сочетаній перваго рода вызывала также возможность появленія написаній цꙗ, цѧ, шꙗ, шѧ и т. д. Поэтому во многихъ древнихъ памятникахъ находимъ колебаніе между тѣми и другими пріемами: ца и цꙗ, цѧ, жа и жꙗ, жѧ; ср. въ гр. 1229 (А) платежѧ, но обычно жа, ча; въ гр. ок. 1230: тѧжѧ, но вообще жа, ша, ча, ца; въ гр. 1229 (В) рижѧнѧмъ, но вообще жа, ча; въ нѣкоторыхъ видимъ только тотъ или иной способъ. Отмѣчу, напр., въ Риж. гр. ок. 1300 почти постоянно жѧ: горожѧнинъ, жѧль, жѧловали, но рядомъ ша: оуслышавъ, а также ча и ца: доконцанъ, учаны. Въ Риж. гр. 1281—97 постоянно жѧ, цѧ. Понятно, что сочетанія ч, ж, ш, щ, ц со слѣдующею буквой оу въ древнерусскихъ памятникахъ вообще неизвѣстны; рѣдкіе случаи подобныхъ сочетаній восходятъ къ прямому вліянію со стороны древнеболгарскихъ оригиналовъ: дѣло въ томъ, что сочетанія ću, ž̑u были вообще совсѣмъ неизвѣстны древнерусскому языку; вмѣсто нихъ систематически произносилось ćü, ž̑ü и т. д. Необходимо отмѣтить написанія жѥ, шѥ, чѥ, цѥ, щѥ въ древнихъ памятникахъ (ср. указанныя выше: тѥ, дѥ, и т. д.): оу̑чѥникъ Гал. ев. 1144, 21b, млъчѧщѥѥ XIII Сл. Г. Б., 78β, носѧщѥ ib. 233β, пачѥ Сб. 1076, бѣашѥ Сб. 1073, 9а, донъдѥже Тип. ев. № 1, 46а, сицѥ ib. 4а, речѥныи ib. 5д, приложѥние Минея XI в. № 194, наречѥшисѧ Арх. ев. 1092, 168а, рачѥниꙗ Стих. 1157, 189а, вънѣ стоꙗ̑щѥи Юр. ев. 127а, наричѥть Поуч. К. Болг. XIII в. 167b, ничѥгоже Гр. 1229 (В). Нерѣдко ѥ оказывается при этомъ передѣланнымъ изъ ошибочно написаннаго и; напр. въ оуповающѥ Пар. 1271, 80с, оукрашѥноу Праздн. на нотахъ XII—XIII в., 67b, показашѥ Поуч. К. Болг. XIII в., 59в, и др.

334. Возможно, что буква ь имѣла въ древней русской письменности значеніе не только гласнаго звука (ср. выше § 330), но также и знака мягкости въ соединеніи съ предшествующею согласной; имѣю въ виду, конечно, тѣ древнѣйшія эпохи, когда полукраткія гласныя, въ томъ числѣ и ь, были еще на лицо въ произношеніи, такъ какъ исчезновеніе ихъ само собою вело къ необходимости отождествленія знака ь со знакомъ мягкости (для поздн. эпохъ, но частью и для древнихъ см. § 312[2]). Дѣло въ томъ, что полукраткія гласныя пали въ древнеболгарскомъ языкѣ раньше, чѣмъ въ русскомъ: это видно изъ ряда старослав. памятниковъ, восходящихъ къ XI вѣку и уже не сохранившихъ ъ и ь въ прежнемъ ихъ употребленіи (Супр., Мар. ев., Зогр. ев., Клоц. сб., Син. пс., Син. тр.). Читая по церковно-славянски такъ, какъ читали болгарскіе учителя, русскіе люди не произносили буквъ ъ и ь какъ гласные звуки во многихъ случаяхъ, гдѣ въ ихъ живомъ произношеніи существовала еще гласная. Такъ напр. слова тьма, льва, славьна въ церковномъ произношеніи звучали ťma, ľva, sľavňa (ṫma, l̇va, slav̇na), между тѣмъ какъ въ русскомъ сохранялось еще ľьva, ťьma, sľavьna. Это вело къ представленію о томъ, что буква ь означаетъ не только звукъ ь, но также и мягкость предидущей согласной. Такое представленіе находило себѣ подкрѣпленіе еще и въ томъ, что напримѣръ такимъ написаніямъ церковнославянскихъ книгъ, какъ аминь, арьхиѥрѣи, сильвестръ въ живомъ русскомъ произношеніи могли соотвѣтствовать amiń, aŕχiįeŕѣi, śiľvestrъ. Подобныя же основанія приводили къ представленію о томъ, что буква ъ означаетъ твердость согласныхъ.

Примѣчаніе. Въ виду сдѣланнаго только что вывода, возможно, что написаніями ьрь, ьръ, ъръ, ълъ, на мѣстѣ сочетаній ьр, ър, ъл живого произношенія, русскіе писцы означали твердость и мягкость согласныхъ р или л, сообразно съ тѣмъ, что въ церковнославянскихъ написаніяхъ рь, ръ, лъ буквы ь и ъ были понимаемы ими именно какъ знаки мягкости и твердости. Такое объясненіе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что написанія ьръ господствуютъ именно въ положеніи передъ твердою зубной.

§ 334[1]. Встрѣчающіяся въ древнихъ русскихъ памятникахъ написанія ьꙗ, ью, ьѥ, и т. д. восходятъ къ церковнославянскимъ оригиналамъ; живое русское произношеніе соотвѣтствовало въ то время звукамъ ĭįa, ĭįu, ĭįe и т. д. Въ приведенныхъ написаніяхъ русскіе писцы едва ли придавали буквѣ ь значеніе ĭ полукраткаго; скорѣе они присвоивали ей то второе значеніе, которое ей принадлежало согласно § 334, а именно значеніе мягкаго знака. Вслѣдствіе этого написаніе братьꙗ читалось въ церковномъ произно-

шеніи bratja уже въ то время, когда ъ и ь полукраткія еще не исчезли изъ живого языка. Вотъ нѣсколько примѣровъ для написаній ьꙗ, ью, ьѥ изъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ: братьѣ, дн҃ью Ж. Ѳ. XII в., звѣрье, плътью Минея XI в. № 194; написанія ьꙗ, ью и т. д. обычны въ Сб. 1076 г.

§ 334². Надъ гласными буквами въ началѣ слога во многихъ русскихъ памятникахъ пишутся надстрочные знаки ', ', '', напр. въ Сб. 1073: житьѥ̀, различьꙗ̀, пойштѣте, братооу̀ бийства, отъ оу̀ ѥ̀ны, ѝзѣдена и т. д. Надъ ѡ пишется напр. въ Ж. Ѳеод. по сп. XII в. знакъ ″. Не въ началѣ слога гласныя буквы вообще знаковъ надъ собою не получаютъ, кромѣ буквы і. Надстрочные знаки эти, конечно, никакого звукового значенія не имѣютъ. Не имѣютъ они его вообще и надъ согласными, напр. въ Арх. ев. находимъ надъ согласными с, т, н, д, л и т. д. двѣ точки въ такихъ случаяхъ, какъ напр. вси, что, огнь, всегда, злѣ и т. д. Особое значеніе имѣетъ знакъ ' надъ согласными: имъ означался пропускъ слѣдующей гласной, большею частью ъ или ь, но иногда и гласной полнаго образованія. Такъ въ написаніяхъ Сб. 1073: ч̀то 110в, нѣк̀то 108г, в̀се 108б, къ м̀нѣ 104а, вс̀ѧ д̀ни 101а, з̀ло нѣч̀то 111г, к̀ тебе 151в и др., написаніяхъ Ж. Ѳ. XII в.: кай̀дила, клименте, талай̀та ясно, что ' означаетъ пропускъ полукраткихъ ъ и ь, но не ясно, хотѣлъ ли этимъ знакомъ писецъ выразить наличность въ своемъ произношеніи звука, отсутствующаго на письмѣ, или наличность буквы оригинала, пропущенной имъ при перепискѣ; вѣроятнѣе представляется первая возможность. Пропускъ краткихъ ъ, ь обозначенъ знакомъ ', напр. в̀сь Сб. 1073 г. 106а; особенно часто находимъ такой пріемъ въ Христин. ап. и Гал. ев. 1144. Пропускъ другихъ гласныхъ выраженъ тѣмъ же знакомъ, напр. въ Сб. 1073: о̀тъ ч̀ловѣкъ 206а, въ мол̀твѣ 198а, въ нач̀ло 203b, о̀блѣч̀тсѧ 210б, н̀нь (т. е. нань) 103б. Знакъ ' обозначаетъ иногда мягкость согласной; въ Сб. 1073: къ н̀имъ 166г, въ н̀ей 170б, тоун̀е 191б, жѧжел̀ьмь 181в, въ о̀гн̀и 166в, гн̀ѣвоу 192г, гн̀юсьни 101в, мау̀рикий 108г, зем̀лѧ 101а и т. п.; въ Гал. ев. 1144: гн̀ѣвъ 169а, и т. д. Значеніе знака ' надъ р, л передъ согласными въ сочетаніяхъ ьр, ър, ъл представляется не яснымъ, ср. рядомъ написанія ьрь, ьръ, ъръ, ъръ, ълъ, напр. въ Сб. 1073: съмьр̀ти 108б, въ Ж. Ѳ. чьр̀норизьць, напъл̀нивъсѧ.

Знакъ ^ имѣлъ спеціальное значеніе знака мягкости; онъ далеко не всегда соотвѣтствовалъ такому знаку церковнослав. памятниковъ, употребляясь и при такихъ согласныхъ, которыя стали мягки уже только въ русскомъ языкѣ; ср. въ Мстисл. ев. мягкость н въ особенности въ сочетаніи гн: агн̀ьць, гн̂етѧахоуть, гн̂етоущься, гн̂ѣзда, гн̂ѣваѥтесѧ, также въ сло-

вахъ мьѭитиса, поѭавою, еще въ еуаѭгелиѥ; тотъ же знакъ при д въ сочетаніи жд: иждѐноу, жаждѐть. Въ Добр. ев. медльнаꙗ 4с.

Знаки ударенія въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ совершенно неизвѣстны; они проникли въ русскую письменность только въ XIV в.

Отдѣлъ V. Паденіе глухихъ и полукраткихъ гласныхъ.

§ 335. Подъ паденіемъ глухихъ я вслѣдъ за предшествующими изслѣдователями совершенно условно понимаю рядъ разнообразныхъ явленій, имѣвшихъ своимъ началомъ исчезновеніе полукраткихъ гласныхъ; оно, какъ увидимъ, повело за собой общій переходъ краткихъ ъ и ь въ о и е. Такимъ образомъ исчезли совсѣмъ изъ произношенія редуцированные (глухіе) звуки ъ и ь, и одновременно утрачены полукраткія ї, ў, діалектическое й. Исчезновеніе полукраткихъ гласныхъ имѣло самыя разнообразныя послѣдствія въ звуковомъ составѣ древнерускаго языка: оно отразилось на удлиненіи предыдущаго слога и на полномъ измѣненіи структуры слоговъ, вызвавъ къ жизни до тѣхъ поръ почти неизвѣстныя закрытые слоги и породивъ самыя разнообразныя новыя соединенія согласныхъ; старое чередованіе краткихъ и полукраткихъ ъ и ь, послѣ исчезновенія послѣднихъ, вызвало наличность звуковъ е и о въ однихъ случаяхъ и отсутствіе ихъ въ другихъ, а это имѣло слѣдствіемъ разнообразныя контаминаціи различныхъ родственныхъ формъ одного и того же слова. Всѣ эти явленія мы разсмотримъ въ связи съ породившею ихъ причиной—паденіемъ глухихъ. Изслѣдованіе располагаемъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Сначала скажемъ о нѣкоторыхъ частичныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто по отношенію къ ъ и ь, затѣмъ объ исчезновеніи полукраткихъ, потомъ о переходѣ краткихъ ъ и ь въ о и е; далѣе разсмотримъ послѣдствія исчезновенія полукраткихъ.

Глава I. Частичный переходъ ъ и ь въ о и е подъ вліяніемъ слѣдующаго слога.

§ 336. Мы видѣли въ § 118 взаимное вліяніе ъ и ь въ сосѣднихъ слогахъ, благодаря чему еще въ общеслав. праязыкѣ ґъdыґъ могло перейти въ ґьdыґъ и tьпъкъ въ tьпькъ. Въ древнерусскомъ языкѣ имѣло мѣсто однородное съ этимъ вліяніе звуковъ о и е на ѣ и ѣ предшествующаго слога, благодаря которому ѣ переходило въ о, а ѣ въ е. Основываюсь на слѣдующихъ данныхъ. Рядомъ съ сьребро Іо. Лѣств. XII в. Р. М., 39а, сьреброу XIII Сл. Г. Б. явилось въ древнерусскомъ серебро: серебра Сб. 1073, 158 в, серебро Тур. ев. 3а, серебрьмь Ж. Б. и Гл. XII в. Форма сьребро

имѣла и другое измѣненіе: она переходила въ сребро, хотя возможно, что сребро это церковнослав. слово. Древнемалор. срѣбро (напр. Пут. ев. 117), совр. срібло восходятъ къ сьрѣбро, ср. чешск. stříbro. Неясно съ вм. сь въ ꙗрославле сърeбро на монетахъ Ярослава Влад., сърeбро, сърeбрьникъ въ Остр. ев.; возможно, что съ вм. сь древнеболгарскаго происхожденія, ср. сърeбро при сьребро Супр., сърeбро Зогр., сърeбролюбьцю Минея XI в. № 194, 233а. — Рядомъ съ зълоба (отсюда наше злоба) явилось въ древнерусскомъ золоба Сб. 1073, 170с, золобы 113а, золобоу 183а, 188d, золобѣ 172с, безолобы Часосл. XIV в. (Собол.) и т. д.. — Рядомъ съ зълодѣи (отсюда наше злодѣй) явилось золодѣи Жит. Ѳеод. XII в. — Рядомъ съ мъного (отсюда много) явилось моного, напр. монога телеса Добр. ев. 239 в.

Примѣчаніе. Ср. еще въ иноязычныхъ словахъ: манасъ твой Пут. ев. 117, манасъ твоꙗ ib. 117, вм. мънасъ, греч. μνᾶς.

§ 337. Ассимилируясь въ концѣ предлоговъ начальной гласной слѣдующаго слога, звукъ ѣ переходилъ въ о передъ о, въ u передъ u, въ а передъ а, въ ў передъ і (не въ і въ силу того, что согласныя передъ і смягчались, а смягченію въ данномъ случаѣ препятствовала бы предшествующая звуку ъ лабіализованная согласная). Приведу примѣры. Для оо вмѣсто ѣо: изо обоѭ XIII Сл. Г. Б. 154β, безо оц҃а ib. 148α, безо осѫждениꙗ ib. 6а, изо облака Добр. ев. 267д; сюда же относится, быть можетъ, во очью; со ѡбѣ половинѣ при с обѣ половинѣ Новг. 1471 № 20, во осень Псков. 2-я, 19, во ѡлонци Кормчая 1282, во отьца Гр. ок. 1285, изо олтарѧ Ж. Б. и Гл. XII в., со отрокомъ Юрид. сб. XIV в. (Р. Д. II, 14); въ сложеніяхъ находимъ: изоѡбрѣтоша Минея 1995, 106а, безоочьство Юр. ев., изоѡбразиста Минея XI в. Синод. № 166, 15а, безоочьство Добр. ев. 126с, изоѡстанеть Гр. Мстислава ок. 1130. Для uu вмѣсто ѣu: изоуѳутрь XIII Сл. Г. Б. 207β, Сл. Ип. объ Ант. XII в. (Невостр. 13), изоуоушью Ипат. 151б. Для аа изъ ѣа: възаалка Юрьев. ев. 88д, 134д, Гал. ев. 1144, 6в, възаалкахъ Типогр. ев. XII в. № 1, 50с, възаалчѫть Юр. ев., 38в, възаалчете Парем. 1271, 70в, възаалкахъ Тип. ев. XII в. № 6, Гал. ев. XIII в. Для ўі изъ ѣі: вы Исаинѣ евангельи Панд. Ант. XI в., кы истьчю Гр. 1229 въ сп. XIV в. (Р. Д. II, 264), вы Изьскѣ Уст. кн. Св. по сп. 1282 г. (Р. Д. I, 85 при Ѥзьскѣ), сы их измѣнъными грамотами Пов. объ Азовск. сидѣніи XVII в. № 409, 56.

Примѣчаніе 1. Отмѣчу аналогичное явленіе въ старослав. языкѣ. Въ Зогр. ев. находимъ: безо оц҃а Мѳ. 10, 29, изо облака Лук. 9, 35. Это не даетъ однако основанія возвести его къ общеслав. праязыку.—

Наши вообще (вм. вообщѣ), сообща подъ вліяніемъ церк. произношенія предлоговъ (ср. ниже, § 393 пр. 1); въ древнемъ языкѣ вопче гр. 1395 (А. Кал. I № 53), сопчя ib.

Примѣчаніе 2. Отъ уі указаннаго происхожденія необходимо отличить уї, явившееся въ результатѣ измѣненія ъіь. Мы находимъ уї, во-первыхъ, въ результатѣ сочетанія звука ъ въ концѣ предлога съ гласной і слѣдующаго слова: въı инъıи Гр. 1229 по сп. XIV в. (Р. Д. II), во-вторыхъ, въ результатѣ сочетанія звука ъ въ концѣ глагольныхъ формъ съ ї, формой в. ед. мѣстоименія: видѣлъı и Ев. 1092, 10в, приведохъı и ib. 38а, оубіимъı и Гал. ев. 1144, 47в, приимъı и Юр. ев., 128д, оубиѥмъı и 122с, прикрывы и Ипат. 208г, приѥлъı и ib. 300а.—Аналогично съ уї вм. ъіь появленіе ії вм. ьіь. Приведу примѣры: посадити и Сб. 1073, 201д, оубіюти и Ев. 1092, 38в, молѧхоуті и Гал. ев. 1144, 33а, възлюбити и Юр. ев. 97д, ѥмлети и ib. 113д, сътрети и 122д, познаѥти и Русск. Пр. по сп. 1282, проньзнути и Ипат. 63г, хотѧти и Ипат., и т. д. — Ср. § 320.

Глава II. Діалектическая замѣна неслоговыхъ ъ и ь краткими.

§ 338. Какъ увидимъ ниже, при обозрѣніи діалектическихъ явленій древнерусскаго языка, значительная часть древнерусскихъ говоровъ (а именно сѣверные и восточные) измѣнила общерусскія сочетанія r̥ъ, ŕь, l̥ъ, l̥ь въ первомъ слогѣ слова послѣ согласной въ сочетанія rъ, ŕь, lъ, lь съ краткими (не полукраткими ъ, ь); явленіе это произошло вслѣдствіе потери слоговыми плавными ихъ слогового характера; это и повело къ измѣненію неслоговыхъ ъ и ь въ слоговыя. Такъ явились напр. въ сѣверныхъ и восточныхъ говорахъ: krъta, glъtatĭ, śĺъza, tŕьvoga, между тѣмъ какъ въ южныхъ сохранялись kr̥ъta, gl̥ъtatĭ, śĺ̥ъza, tŕ̥ьvoga.

§ 339. Въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которые успѣли измѣнить древнее произношеніе u̯ передъ гласными въ v, а также представляли въ соотвѣтствіи съ й (изъ u̯ъ и u̯ь) сочетанія vъ, vь, сочетаніе согласная + vѣ было нетерпимо: вмѣсто него являлось сочетаніе согласная + vь. Быть можетъ, слѣдуетъ предположить, что й переходило діалектически послѣ согласной (гдѣ й звучало, быть можетъ, какъ u̯й и u̯ӥ) въ сочетанія vь, vъ (съ краткими, не полукраткими ъ, ь). Такъ, повидимому, наше слово звено въ однихъ древнерусскихъ говорахъ звучало źvьno, а въ другихъ zu̯й̆no; dv̆ьŕi въ однихъ говорахъ — du̯й̆ŕi въ другихъ, ср. позже въ однихъ говорахъ: двери, звено, въ другихъ дври, звино.

Діалектическая замѣна ĭ, ŭ черезъ i, u въ началѣ слова.

§ 339[1]. Въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ имѣлъ, повидимому, мѣсто переходъ ĭ въ началѣ слова въ i. Сюда относятся говоры, легшіе въ основаніе великорусскихъ. Въ нихъ на мѣстѣ ĭdu, ĭstъbъ̆ka, ĭmu, ĭgrat̆ĭ, ĭgъłъ̆ka явились idu, istъbъ̆ka, igъłъ̆ka, imu, igrat̆ĭ.

§ 339[2]. Въ тѣхъ же діалектическихъ группахъ говоры, сохранившіе ŭ, измѣнили его въ u въ началѣ слова. Въ нихъ на мѣстѣ ŭdova, ŭnukъ̆, ŭ domu явилось произношеніе udova, unukъ̆, u domu, ср. діалект. великорусскія удова, унук.

Глава III. Доказательства въ пользу существованія ъ и ь въ древнерусскомъ языкѣ XI и XII вѣка.

§ 340. Упомяну мелькомъ о тѣхъ доказательствахъ, которыя имѣютъ случайный и единичный характеръ. На грамотѣ французскаго короля Филиппа I, помѣченной 1063 годомъ, имѣется подпись дочери русскаго в. князя Ярослава Владиміровича, Анны, матери короля; подпись сдѣлана частью кирилловскими, частью латинскими буквами ANA РЪИNA, т. е. Ana reïna; такимъ образомъ французскій звукъ ə, т. е. звукъ средняго ряда неполнаго образованія (совр. e muet), переданъ здѣсь буквою ъ; очевидно, дочь Ярослава читала приблизительно такъ же букву ъ въ церковнославянскихъ книгахъ, основываясь, при этомъ на живомъ своемъ произношеніи. На этотъ интересный для исторіи французскихъ и русскихъ звуковъ фактъ обратилъ вниманіе K. Nyrop въ Grammaire hist. de la langue française, I, 178 (1904 г.) и А. Е. Крымскій въ Украинской грамматикѣ. Далѣе могутъ имѣть значеніе показанія тѣхъ заимствованныхъ изъ русскаго въ латышскомъ, литовскомъ и финскомъ языкѣ словъ, которыя относятся къ христіанской терминологіи и, слѣдовательно, восходятъ къ эпохѣ XI—XII в. Среди нихъ есть такія, въ которыхъ ъ и ь передаются черезъ u и i.

§ 341. Главнымъ однако основаніемъ для положенія о томъ, что въ русскомъ языкѣ XI—XII в. сохранялись полукраткія гласныя и что краткія ъ и ь не переходили еще тогда въ о и е, служатъ показанія памятниковъ. Имѣемъ рядъ памятниковъ XI—XII вѣка, въ которыхъ употребленіе ъ и ь выдерживается правильно. Правда, при обсужденіи вопроса о судьбѣ глухихъ въ русскомъ языкѣ, ссылки на эти памятники во главѣ съ Остр. ев. могутъ казаться не убѣдительными, такъ какъ всѣ они или бо́льшая часть ихъ представляются копіями съ древнеболгарскихъ оригиналовъ: выдержан-

ное употребленіе въ нихъ ъ и ь можно отнести на счетъ языка составителей этихъ оригиналовъ и насчетъ внимательной переписки ихъ русскими писцами. При этомъ однако рѣшающими оказываются слѣдующія соображенія. Русскіе писцы, при всей своей внимательности, копируя древнеболгарскія рукописи, не могли справиться съ тѣми буквами, которымъ не было прямого соотвѣтствія въ живомъ русскомъ языкѣ; такъ писецъ Остр. ев. смѣшалъ написанія ѫ и оу, ѧ и ѩ своего оригинала, ибо въ русскомъ языкѣ буквѣ ѫ соотвѣтствовалъ тотъ же звукъ, что буквѣ оу, а буквѣ ѧ тотъ же звукъ, что буквѣ ѩ; онъ не могъ выдержать даже употребленія ѣ и писалъ вмѣсто него ѩ (ѧ) тамъ, гдѣ въ живомъ языкѣ слышался звукъ а (каманъ). Слѣдовательно, отсутствіе случаевъ опущенія ъ и ь въ Остр. ев. (въ особенности во второй части рукописи, отъ 25-го листа, гдѣ, какъ показало изслѣдованіе Фортунатова, ъ и ь опускаются только въ слѣдующихъ случаяхъ: сребро 4 раза, сребрьникъ 2 раза, къждо 2 раза, комоуждо, колиждо 2 раза, сѫгнѫвъ; кромѣ того въ 4 случаяхъ пропускъ ъ обозначенъ знакомъ ˘), равно какъ отсутствіе случаевъ замѣны ъ и ь черезъ о и е тамъ, гдѣ ъ и ь обозначали краткія, а не полукраткія гласныя — все это доказываетъ, что ъ и ь существовали въ живомъ говорѣ самого писца. Прочіе древнерусскіе памятники XI в. не могутъ быть сравнены съ Остр. ев. въ отношеніи строгой послѣдовательности въ употребленіи ъ и ь, хотя, впрочемъ, нѣкоторые близко подходятъ къ нему. Тѣмъ не менѣе, отмѣчая въ этихъ памятникахъ случаи отступленія отъ правильнаго употребленія ъ и ь, мы не рѣшимся сдѣлать изъ нихъ выводъ, что ъ и ь (полукраткія) пали въ языкѣ писавшихъ эти памятники. Дѣйствительно, само Остр. ев., представляющее на первыхъ листахъ иныя отношенія, чѣмъ въ части отъ листа 25-го до конца рукописи, показываетъ, что колебанія въ употребленіи ъ и ь, непослѣдовательность и невыдержанность въ отношеніи къ употребленію этихъ буквъ имѣли мѣсто уже въ древнеболгарскихъ оригиналахъ. Дошедшіе до насъ памятники древнеболгарскаго языка нерусской редакціи подтверждаютъ вполнѣ это положеніе. Дѣйствительно, почти ни одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ ъ и ь такъ правильно, какъ Остр. ев.; во всѣхъ старослав. памятникахъ имѣются случаи опущенія полукраткихъ ъ и ь; почти во всѣхъ имѣются случаи написанія или о и е вмѣсто ъ и ь краткихъ, или только е вм. ь краткаго, что свидѣтельствуетъ о паденіи полукраткихъ ъ и ь и о переходѣ краткихъ ъ и ь въ о и е въ самомъ языкѣ. Такъ въ Савв. книгѣ находимъ опущеніе ѣ и ѣ въ случаяхъ, какъ кто, никто, мнѣ, створити, многъ, псати, и т. д. Въ Зогр. ев. рядомъ съ подобными случаями имѣются написанія о и е на мѣстѣ краткихъ ъ и ь: родось, волиѣ вм. вълиѣ, цръковь, темьницѫ, телецъ, подобенъ,

и т. д. Въ Мар. ев. видимъ сходныя явленія, но число случаевъ, гдѣ о и е замѣняютъ краткія ъ и ь, еще значительнѣе. Въ Супр. опущеніе ѣ и ѣ вполнѣ обычно; рядомъ е вм. краткаго ь, напр. день, дьнесь, месть, ревьнивъ, отець, чловѣческъ, празденьство, пришелъ. Отмѣчу, что отсутствіе замѣны ъ и ь черезъ о и е въ Савв. книгѣ едва ли можетъ свидѣтельствовать о сохраненіи ѣ и ѣ, ибо существовали такіе болгарскіе говоры, которые не измѣняли краткихъ ъ и ь въ о и е, какъ существовали говоры, допускавшіе переходъ краткаго ь въ е, но не знавшіе перехода ъ въ о (ср. говоръ Супр. рукописи).

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Россію въ XI в. попадали такіе старославянскіе оригиналы, въ языкѣ которыхъ сказались ясные слѣды паденія глухихъ (исчезновенія ѣ и ѣ, перехода ъ и ь въ о и е или сохраненія ъ и ь, несмотря на утрату полукраткихъ ъ и ь въ слѣд. слогѣ). Переписывая такія рукописи, русскіе писцы переносили въ свои копіи случаи, гдѣ ъ и ь пропущены и гдѣ они замѣнены черезъ о и е. Поэтому, напримѣръ, нижеслѣдующія написанія Сб. 1073 г., гдѣ ъ и ь пропущены, какъ створивъ 109б, въ злобѣ 109в, неподобно 118г, ѿтъ птиць 160г, зла р. ед. 111в, и т. д., или также написанія съ о и е вмѣсто ъ и ь, какъ на стегнѣ 242а, грѣшенъіихъ 111в, кото 238в, не должны быть относимы на счетъ живого произношенія русскаго писца: въ кіевскую копію съ Симеонова сборника эти случаи могли попасть изъ болгарскаго оригинала или частью въ результатѣ искусственнаго, усвоеннаго въ школахъ, произношенія ъ, ь какъ о, е. Тоже скажемъ о такихъ же написаніяхъ въ XIII Сл. Г. Б., въ Ев. 1092 г., въ Сб. 1076 г., Минеяхъ 1095—1097 гг., Чудовской псалтыри XI в., а также во многихъ памятникахъ XII в., какъ то Мстиславовомъ ев., Юрьевск. ев., Христин. ап., Ефрем. кормчей, Апр. минеѣ Син. № 221, Іо. Лѣств. XII в. Р. М., Стих. Син. № 279, Стих. XII в. А. Н., Стих. 1157, Злат. XII в., Минеѣ XI—XII в. авг. Тип. № 125, Уст. XII в. Тип. № 142 и др. Во всѣхъ названныхъ памятникахъ мы не найдемъ данныхъ для утвержденія, что ъ и ь пали въ языкѣ ихъ писцовъ.

§ 342. Ставлю однако вопросъ: можно ли оправдать методологически предложенное выше заключеніе? Не могутъ ли написанія памятниковъ XI—XII в., представляющія отступленіе отъ правильнаго употребленія глухихъ, быть отнесены на счетъ русскихъ писцовъ и дѣйствительно ли необходимо возводить ихъ къ древнеболгарскимъ оригиналамъ? Думаю, что нижеслѣдующія соображенія заставляютъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Дѣло въ слѣдующемъ. Среди случаевъ употребленія буквъ о и е вмѣсто ъ и ь находимъ нѣсколько категорій: 1) о и е замѣняютъ краткія ъ и ь пе-

редъ слогомъ съ полукраткими ъ и ь; 2) о и е замѣняютъ краткія ъ и ь въ ударяемомъ слогѣ, начальномъ въ словѣ; 3) о и е замѣняютъ ъ и ь при стеченіи согласныхъ, 4) о и е замѣняютъ ъ и ь въ русскихъ сочетаніяхъ ър, ьр, ъл. Первыя три категоріи случаевъ можно безъ труда возвести къ древнеболгарскимъ оригиналамъ, ср. подобные случаи въ Зогр. ев., Мар. ев. и др.; но четвертая категорія неизвѣстна и не можетъ быть извѣстна этимъ памятникамъ, такъ какъ русскимъ сочетаніямъ ър, ьр, ъл въ древнеболгарскомъ языкѣ и его памятникахъ соотвѣтствовали сочетанія ръ, рь, лъ, ль, а въ этихъ послѣднихъ сочетаніяхъ ъ и ь не замѣняются въ памятникахъ черезъ о и е (ибо сочетанія ръ, рь, лъ, ль обозначали r̥, l̥ съ послѣдующими неслоговыми ъ и ь, которыя не могли перейти въ о и е). Отсюда дѣлаю выводъ: русскіе памятники, въ которыхъ ъ и ь замѣняются черезъ о и е въ четвертой категоріи, отражаютъ живой говоръ писцовъ, уже утративній звуки ъ и ь, уже проведшій паденіе глухихъ. Но отсюда возможенъ и другой выводъ: тѣ русскіе памятники, которые въ четвертой категоріи не имѣютъ о и е на мѣстѣ ъ и ь, а употребляютъ о и е вмѣсто ъ и ь только въ другихъ трехъ категоріяхъ, пишутъ эти о и е подъ вліяніемъ своихъ древнеболгарскихъ оригиналовъ или подъ вліяніемъ особой школы письма, сложившейся подъ непосредственнымъ вліяніемъ болгарскихъ учителей. Слѣдовательно, рукописи, не употребляющія о и е вм. ъ и ь въ случаяхъ четвертой категоріи, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ говорѣ писавшихъ ихъ лицъ звуки ъ и ь сохранялись въ первоначальномъ своемъ употребленіи, не выпадая въ качествѣ полукраткихъ и не замѣняясь черезъ о и е въ качествѣ краткихъ. Оба вывода могутъ быть, разумѣется, ослаблены слѣдующими соображеніями: переходъ краткихъ ъ и ь въ о и е въ тѣхъ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ они находятся, могъ произойти не одновременно; если измѣненіе ъ и ь въ о и е въ слогахъ, за которыми были слоги, утратившіе полукраткія гласныя, стояло въ зависимости отъ паденія этихъ полукраткихъ гласныхъ (dь́ńь измѣнилось въ deń), то измѣненіе ъ и ь въ сочетаніяхъ ьр, ър, ъл въ о и е могло произойти независимо отъ перваго измѣненія и самостоятельно подъ вліяніемъ иныхъ условій (vь́rьa могло перейти въ veŕba независимо отъ перехода dь́ńь въ deń). Но памятники, какъ увидимъ, даютъ основаніе связать переходъ ь, ъ въ е, о въ dь́ńь, sъnъ и въ vь́rьa, gъrło (deń, son, veŕba, gorło) хронологически: тѣ изъ памятниковъ, въ которыхъ паденіе глухихъ проведено ясно и послѣдовательно, гдѣ ъ и ь въ слогахъ, предшествующихъ слогамъ, утратившимъ ъ, ь, замѣняются черезъ о и е болѣе или менѣе систематически,—представятъ непремѣнно и случаи написанія ер, ор, ол вмѣсто ьр, ър, ъл. Это об-

стоятельство, а также и нѣкоторыя другія теоретическія соображенія (о которыхъ скажу ниже, въ §§ 354, 355) ведутъ къ убѣжденію, что переходъ ъ и ь краткихъ въ о и е произошелъ въ различныхъ положеніяхъ этихъ звуковъ одновременно. А потому выставляю указанное выше положеніе какъ критерій при опредѣленіи того, пали ли или нѣтъ глухіе въ томъ или другомъ памятникѣ.

§ 343. Возвращаюсь къ названнымъ въ § 341 памятникамъ. Ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ вообще написаній съ ер, ор, ол, а потому утверждаю, что въ говорѣ ихъ писцовъ были живы глухіе во всей ихъ совокупности. Пропуски ъ и ь, также рѣдкіе впрочемъ случаи замѣны ихъ черезъ о и е отношу частью на счетъ древнеболгарскихъ оригиналовъ, лежащихъ въ основаніи этихъ памятниковъ, или частью на счетъ тѣхъ искусственныхъ пріемовъ, которые были усвоены писцами при чтеніи древнеболгарскихъ памятниковъ.

Примѣчаніе. Наше утвержденіе, что въ перечисленныхъ выше памятникахъ нѣтъ написаній ер, ор, ол вмѣсто ьр, ър, ъл, требуетъ нѣсколькихъ оговорокъ. Въ Сб. 1073 находимъ долженъ 122d, въ молчани 127c, первоѥ 122d, 127c, исполнить 9d; но всѣ эти написанія оказываются принадлежащими позднѣйшей рукѣ XIV в. и имѣются въ припискахъ и поправкахъ (относительно столбцовъ 122d и 127c поздній характеръ ихъ письма отмѣченъ былъ Горскимъ и Невоструевымъ въ Оп. рук. Син. Библ.). Въ Сб. 1076 г. указанныя изслѣдователемъ языка этого памятника, В. Шимановскимъ, написанія, какъ скорби, оскорби, долготърпѣливъ, обдержа, оудержавъıи, держава, простерта, равнымъ образомъ твордо, порвъıи, представляютъ буквы о и е на мѣстѣ подскобленныхъ или выцвѣтшихъ буквъ ъ и ь. Въ Минеѣ 1095 г. единичный случай жестосерьдъıимъ 88b объясняется какъ описка. Въ Христиноп. апостолѣ находимъ совершенно единичное ѡтверженсѧ (изд. Калужняцкаго, 234), что̀ или описка рукописи или опечатка изданія. Въ Стихирарѣ 1157 единичныя съмѣрти 1b, съмѣртию 186b, конечно, также описки. Отмѣченныя С. П. Обнорскимъ въ Ефр. кормчей съвершенъıи (три раза), волненıа, въздержатель, въ виду огромнаго числа случаевъ, гдѣ выдерживаются ьр, ъл, ър, также описки или такія же искусственныя написанія, какъ алчени, въгодено, мьрзоко, конеца, довольно частыя въ этомъ памятникѣ (О. яз. Ефр. кормч. XII в. въ Изсл. по р. яз. III, в. 1). Въ Злат. XII в. П. Б. № 46 С. П. Обнорскій (l. c., 85) въ видѣ единичныхъ примѣровъ приводитъ: въ чернъı ризъı и въчертано (жерьлъмь не относится сюда, ибо это жерелъмь).

§ 344. Источника погрѣшностей въ отношеніи къ правильному употребленію буквъ ъ и ь въ древнерусскихъ рукописяхъ надо искать, какъ указано, не только въ древнеболгарскихъ оригиналахъ, но также еще въ искусственномъ церковномъ произношеніи, заимствовавшемся въ теченіе X—XI вѣка изъ Болгаріи. Если на Русь попадали учителями такіе болгары, въ языкѣ которыхъ совершилось паденіе глухихъ, то они въ своемъ преподаваніи требовали, правда, умѣнія употребить буквы ъ и ь согласно съ традиціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавая соотвѣтственныя искусственныя (для самого учителя) правила, они должны были привить своимъ ученикамъ условное, искусственное произношеніе буквъ ъ и ь, уже не вызывавшихъ въ языкѣ учителей представленія о древнемъ первоначальномъ ихъ произношеніи. Понятно, что такимъ искусственнымъ произношеніемъ для ъ было о, а для ь звукъ е, если только учителя происходили изъ такихъ мѣстностей Болгаріи, гдѣ совершился переходъ краткихъ ъ и ь въ о и е. Пріучившись къ такому произношенію, ихъ русскіе ученики невольно писали о и е на мѣстѣ ъ и ь и въ такихъ случаяхъ, гдѣ живой языкъ не давалъ прямого основанія для этого произношенія (живой языкъ учителей—потому, что здѣсь звуками о и е замѣнялись только краткія, не полукраткія ъ и ь; языкъ учениковъ—потому, что имъ вообще была чужда замѣна ъ и ь черезъ о и е). Насчетъ искусственнаго произношенія отношу, напримѣръ, слѣдующія написанія Стихираря 1157 года: весѧ 186а, веселеноую 155в, добродѣтьлеми 153в, вьседе 78а, владъıцени 180в, подънбс҃енъıꙗ 118в, въ цьркови 108в, неплодове 143в; или Ефр. кормчей: тъкомо, золовѣрии, седе, дължени, мьрзоко, цьркове, вотор оѥ и др.; въ Стих. XII в. А. Н. находимъ: къ монѣ 21а, довоице 42а, о вѣсѣхъ насъ 27а. Но если отнесемъ насчетъ искусственнаго церковнаго произношенія приведенныя написанія, то можемъ признать искусственными (въ отношеніи къ живому русскому яз.), и такія, въ которыхъ позднѣйшій языкъ имѣлъ дѣйствительно гласныя о и е вмѣсто ъ и ь, напр. въ Стих. 1157: дьнесь 177а (формы тв. ед. на -омь, -омъ, какъ млѣкомь 3а, крьстомь 36а, гавриломъ 15b и др. перенесены, вѣроятно, прямо изъ оригинала), въ Ефр. кормч.: невѣжествиѥ, пришествиѥ, бж҃ествьнъıи, чинохъ и нѣк. др. Уча по своему, учителя-болгары пріучали своихъ русскихъ учениковъ не произносить совсѣмъ буквъ ъ и ь тамъ, гдѣ имъ не было соотвѣтствія въ живомъ болгарскомъ произношеніи, а это приводило къ тому, что ученики не писали ихъ. Поэтому написаніямъ Стих. 1157 г., какъ вѣрнии 144а, вѣрнъıихъ 153а, я не придаю значенія свидѣтельствъ о живомъ русскомъ произношеніи, а разсматриваю ихъ какъ свидѣтельство о томъ, что искусственное церковное произношеніе обходилось въ этихъ

словахъ безъ ь. Въ Минеѣ 1095 искусственными написаніями признаемъ: ковечегъ 135a, бг҃овидече 27a, весемирьнаѧ 13a, источьнико 93a, и также желѣзною 18a, вѣрно 80a, чл҃вколюбца 130в, вѣнча вин. мн. 16a. Въ Мстисл. ев. признаю искусственными, передающими нерусское произношеніе, написанія, какъ оставитсѧ, оуслъшитсѧ, нарицаѥтсѧ. Въ Юрьевск. ев. насчетъ болгарскаго оригинала можемъ отнести написанія, какъ одромь 76b, словомь 46b, вьсегда 14a, 16a, смоковиж 3d, оуповаше 106a, а насчетъ искусственнаго церковнаго произношенія случаи, какъ, съ одной стороны, вьседе 170d, отагочалѣ 176b, вземеть 56d, такъ съ другой стороны, такіе случаи, гдѣ опущены ъ и ь: вѣрнъıи 87b, вечернии 212b, двьрми 225a, простре 100a, оумре 9d, 86a.

§ 345. Особенный интересъ представляетъ искусственный пропускъ ъ и ь въ Гал. ев. 1144 г. и въ Христин. ап. XII в., двухъ памятникахъ, писанныхъ, вѣроятно, въ одной мѣстности и отражающихъ такимъ образомъ пріемы какой-нибудь одной общей школы. Въ Гал. ев. опускаются ъ и ь не только въ случаяхъ, какъ шьдше 48a, възметьсѧ 28a, раздѣлитсѧ 74в, сънмищихъ 11a, сътвор же 150a, аз҃ же 60в, напсах҃ 1a, съ҃никоу 16в, сръщет вы 102в и т. п. (здѣсь глухой выпалъ въ позднѣйшемъ русскомъ произношеніи), но также и въ такихъ, какъ дат. мн. двьрмъ 70b, тв. ед. оужѧсмь 80a, олтармь 147a, гласмь 135a, слоух҃мь 28a, страх҃мь 67a, прав҃дьна 81b, правьд҃нъ 4a, и т. д. (здѣсь глухой въ позднѣйшемъ русскомъ произношеніи перешелъ въ о, е). Въ Христин. ап. находимъ пропускъ ъ и ь, съ одной стороны, въ оупваю 201, шьпти 178, безд ръптании 200, сътвор же 47, єлишдъı 153, их же 62, възпи 55, старцемъ 36, вѣрна 30, а съ другой, въ немощнъ 32, блюдѣте п’съ 201, всьма 143, всьде 52, 42, люб҃вь 204, съıи коварнъ 178. Подобные же пропуски краткихъ, не подлежащихъ въ языкѣ выпаденію, глухихъ имѣются въ Чуд. пс. XI в.: днь, конц҃ь. Ясно, что пропускъ ъ и ь въ этихъ памятникахъ носитъ характеръ совершенно графическій: онъ вызванъ тѣмъ, что писцы считали себя въ правѣ опускать ъ и ь оригинала, и не справлялись при этомъ со своимъ живымъ произношеніемъ. Краснорѣчиво говоритъ за то, что глухіе были живы въ языкѣ указанныхъ памятниковъ, почти полное отсутствіе случаевъ замѣны краткихъ ъ и ь черезъ о и е. Въ Христин. ап., кромѣ отмѣченнаго выше въ § 343 прим. ѡтвержеся 234, могу указать только ѡт сотьникъ 56 и похоть плотьскаѧ 94, въ Гал. ев. мошьнъı 20в (Мо. X. 10).

Примѣчаніе. Пропускъ краткихъ ъ и ь, не подлежавшихъ въ языкѣ утратѣ, видимъ на письмѣ и въ нѣкоторыхъ старослав. памятникахъ. Напр. въ Мар. ев. ръптъ, сънмь; въ Клоц. отр. творць, начатькъ; въ Зогр.

повиннъ (дважды), істиннъ, многоцѣннъ, зимнъ, старць (Лука IX. 22), и др.

§ 346. Мы говорили выше о церковнослав. памятникахъ, переписанныхъ на Руси. Еще большее значеніе при изслѣдованіи судьбы звуковъ ъ и ь имѣютъ памятники русскаго происхожденія. Въ тѣхъ оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ, которыя сохранились въ оригиналахъ или древнихъ копіяхъ XI — XIII в., видимъ выдержанное употребленіе глухихъ. Остановлюсь на нѣкоторыхъ такихъ памятникахъ. Въ Усп. минеѣ XII в. содержится составленное пр. Несторомъ (между 1081—1088 гг.) Житіе Ѳеодосія; текстъ житія переписанъ двумя писцами; первый изъ нихъ менѣе акуратно передавалъ свой древній подлинникъ или скорѣе древнѣйшую съ него копію, чѣмъ второй; все же и у него видимъ большую выдержку въ употребленіи глухихъ. Замѣна глухихъ чистыми встрѣчается въ рѣдкихъ случаяхъ: о вмѣсто ъ неизвѣстно (ибо овогда можетъ имѣть исконное о послѣ в; о словахъ оуповаѧ, оуповающїмъ, оупованиѥмь см. ниже); е вм. ь находимъ только въ рьвеникѥ, наченъ, бжествьноуоумоу, а также послѣдовательно въ производныхъ отъ корня шед-(вм. шьд-). Въ виду того, что здѣсь нѣтъ замѣны ъ, ь черезъ о, е въ сочетаніяхъ ър, ьр, ъл и что приведенные случаи съ е вм. ь могутъ быть обязаны вліянію церковнослав. памятниковъ, такъ же какъ (довольно многочисленные) случаи опущенія ъ, ь (въ значеніи полукраткихъ) въ серединѣ словъ, мы въ правѣ думать, что даже въ языкѣ переписчика XII в. глухіе еще держались, еще не изчезли изъ произношенія. Послѣдовательное употребленіе глухихъ у второго переписчика во всякомъ случаѣ опредѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что глухіе держались въ языкѣ самого Нестора; въ этой части списка XII в. Житія Ѳеодосія совсѣмъ неизвѣстны случаи, гдѣ бы о, е замѣнили ъ, ь (слова оуповати, оуповающе, оупованиѥ, оупованиѧ, несомнѣнно заимствованы изъ церковнославянскаго; это видно изъ совр. уповать, вмѣсто котораго по-русски мы ожидали бы упвать); ъ и ь вообще не опускаются; исключеніе составляютъ только начальные слоги: сребро, мнѣ, мнѧщемъ, дни, кнѧзь, много, множьство и еще слова оумножи, оумножаютьсѧ, оумножашесѧ и т. д. (подъ вліяніемъ много); рядомъ тѣ же слова пишутся и съ глухими: при 56 случаяхъ написанія мног- находимъ 14 случаевъ съ мъног-; при 19 случаяхъ съ кнѧз- въ 6 случаяхъ держится къкнѧз-; при 1 случаѣ дни 5 случаевъ съ дьн-; при 1 случаѣ мнѧщемъ въ 10 случаяхъ пишется мьн-; при 1 случаѣ мнѣ 1 случай мънѣ. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что у самого Нестора число случаевъ съ мног-, кнѧз- и т. д. было еще ограниченнѣе или что такіе случаи отсутствовали у него совсѣмъ; вмѣстѣ съ тѣмъ является

полная возможность случаи пропуска ъ и ь въ спискѣ XII в. (а тѣмъ болѣе въ предполагаемомъ Несторовомъ оригиналѣ) отнести насчетъ церковнаго вліянія.—Находящееся въ той же Усп. Минеѣ XII в. Житіе Бор. и Гл. представляетъ тѣже отношенія, что первая часть Житія Ѳеодосія; замѣны ъ черезъ о нѣтъ, а е вм. ь въ пришедъ, пришелъ, ошедъшаго, шедъше и въ тв. ед. оц҃емь, псалмопѣвьцемь, спадъшемь лицьмь (12,2) (церкы 19,1 и церкъве при выдержанномъ ьр, вм. чего и рь, представляются описками; е въ церкы въ концѣ строки); пропускъ глухихъ довольно обыченъ и при томъ не только въ начальныхъ слогахъ, но также и въ серединныхъ: пси, злаꙗ, всеволода, кто, двьрми, елма, цьркве, бл҃говѣрныи, началникы и т. д. Даже на основаніи такихъ данныхъ я не рѣшился бы утверждать, что глухіе пали въ языкѣ переписчика этого памятника, такъ какъ, во-первыхъ, случаи замѣны ь черезъ е ограничиваются опредѣленнымъ кругомъ словъ и формъ книжнаго употребленія (возможно, что корень шед- въ причастіяхъ пришедъ, шедъше обязанъ церковному вліянію; тв. ед. на -емь формы церковнославянскія; церкы слово книжное); во-вторыхъ, пропуски ъ и ь могли быть прямымъ послѣдствіемъ подражанія современнымъ рукописямъ болгарскаго происхожденія; въ-третьихъ, написанія, какъ весемоу вм. вьсемоу, съ одной стороны, бъгъмь, крътъкъ, гръбъмь, нъгъть, ищьть, отъгоньнъ и мн. др., съ другой, свидѣтельствуютъ объ искусственномъ отношеніи писца къ буквамъ ъ, ь. — Въ грамотѣ Мстислава ок. 1130 года строго выдерживается употребленіе глухихъ: дьржа, съмьрти, запъртить, дължьни, гривьнъ, пришьствиꙗ, серебрьно, даровьноѥ, почьнеть, роусьскоу, осеньнѥѥ, състоить; пропущены глухіе только въ начальныхъ слогахъ: кнѧзь, кнѧжениѥ, всеволодъ, всеволодоу.—Въ Русской Правдѣ по старшему списку 1282 года находимъ несомнѣнныя указанія на паденіе глухихъ въ языкѣ переписчика (смерть, жердью, полнаꙗ, вынезъ, и т. д.), но рядомъ видимъ написанія, свидѣтельствующія о томъ, что въ оригиналѣ этого памятника XI в. или также въ древнѣйшихъ его копіяхъ глухіе выдерживались правильно; конечно, только живому русскому произношенію, а не какой-либо правописной школѣ могутъ быть обязаны своимъ существованіемъ написанія, какъ бърть, на търгоу, пьрвии, дължьбити, крьнеть, поръвѣть, мьчь, къснѧчько, дѣтьчьскомоу, дъчери.— Въ Вопрошаніи Кирика, памятникѣ второй четверти XII в., сохранившемся въ той же Кормчей 1282 года, находимъ между прочимъ: къ вълхвамъ, паробъка, легъчаѥ, комъкатъ, попьхноули.—Въ гр. 1136 (сп. не позже XIV в.): крьстъ, вьрхъ, мъхи, възвада, людьми, коньми, глистьны, городьни, лебединьца.—Въ гр. 1148 (сп. не позже XIV в.): мьстиславичь, подълѣ, пришьствиѥ, чьто, межьника, юрьѥвьскоую, въстоупатися. — Въ уст. 1137 (сп. 1282):

бывъшии, възметь, зьрѣлъ, дьнии, новогородьскѣи, порогопустьць, ѥзьскѣ.—Новгородская лѣтопись, обнимающая событія XI—XII вѣка, сохранилась въ Синод. спискѣ, едва ли старшемъ первой четверти XIV столѣтія; внимательности переписчика слѣдуетъ приписать ту выдержанность въ употребленіи глухихъ, которую мы находимъ въ первой части списка, обрывающейся на событіяхъ 1200 года; здѣсь видимъ написанія, какъ въ (союзъ), дрѣва, крѣви, мѣхъ, зълъ, сѣтьскии, плѣтьницьнаго, домѣхъ, тьсть, възьмъше, трьноли, прибрьде, пльсковъ, трьхъ, затьмь, именьмь; равнымъ образомъ сохранены ъ и ь полукраткіе: тъгда, къметьства, на къземли, на гътѣхъ, дъжг-, вьноукъ, дъци, дъцерь, пелъми, ръжи, на съжицахъ; льстаще, двьри, мьню, раздьра, зьданиѥ, испьса, пьсати, измьроша, ѡпьрешася (т. е. отъпьрѣшася), городьнѣыхъ, дмитровьноу, кромьнѣи; опускаются ъ и ь только въ начальномъ слогѣ слова: много, кназь, двѣ, кде, ста, кто, гна-, зва-, рчи, спащю, лга, лзѣ, что, шли и т. д. Ясно, что въ XII в. глухіе еще сохранялись въ Новгородской области; приписать однако ихъ выдержанность также языку переписчика XIV в. нельзя потому, что рядомъ найдемъ, впрочемъ, рѣдкія написанія, доказывающія паденіе глухихъ (ихъ относимъ насчетъ переписчика); сюда относятся: съ готъ, плотници, тв. ед. на -омь при болѣе рѣдкомъ на -ъмь, безмездьникоу, а также въ особенности сочьскаго, гдѣ о паденіи глухихъ свидѣтельствуетъ не только о вм. ъ, но и ч вм. ц, ибо ц явилось изъ т передъ с, изъ соединенія т и с послѣ выпаденія между ними ь; ср. тамъ же написаніе съцьскаго.—Въ копіи XIII в. съ Новгородской договорной 1189—1199 года находимъ: кърмьникоу, възмоуть, моужьскоѥ, латиньскъмь (писцу XIII в. припишемъ написанія, какъ моужескоу, первое, потвердихомъ, крови и т. д.).

§ 347. Оригинальные русскіе памятники (грамоты) XIII и начала XIV в. содержатъ много любопытнаго матеріала для исторіи глухихъ. Въ бо́льшей части ихъ рядомъ съ написаніями, доказывающими паденіе глухихъ, найдемъ другія со строго выдержанными ъ и ь. Такія написанія въ значительномъ числѣ случаевъ могутъ быть объяснены тою упорною традиціей, которой особенно охотно слѣдовали составители юридическихъ актовъ; для историка языка они являются непререкаемымъ свидѣтельствомъ въ пользу существованія глухихъ въ старшемъ періодѣ, слѣдовательно, въ XII в. Такъ въ Новг. договорной съ в. кн. Ярославомъ 1265 года находимъ написанія: вьрстъ, дьржати, търговати, тържькъ, новъгородьць, оу коупьць; въ договорной 1270 года: дьржати, ѡсетрьникъ, роуськыи; въ договорной 1305 № 10: дьржалъ, пьрвии, вьрстъ, търговати, търѣ, городьць, въ хр҃тьноѥ цѣлованиѥ; въ договорной 1305 № 9: дьржати, вьрстъ, търговати, тържькъ,

мьнших̀ъ, оу коупьць; въ договорной 1314 № 12: дьржати, новъгородъ, и др.—Въ договорной 1263 года Новгорода съ Нѣмцами находимъ: михаилъмь, языкъмь, гъцькаго, въпросили. Договорной грамотѣ Смоленска съ Ригой 1229 года предшествовали, конечно, старшіе трактаты; только такое предположеніе объяснитъ намъ наличность, напр., въ копіи D написаній: четвьрти, мьртвъ, вьрхъ, оутвьрживати, оутвьржонъ, кръви, крьнеть (что писецъ этой копіи не зналъ глухихъ, видно изъ случаевъ, какъ долгъ, должонъ, добросердье, гривенъ, болного, вощнъıи, притча, обчи, векше, што). Въ копіи E находимъ: дъва, дъвою, притъча, ѡбьчии, вѣкъше, извѣривъши, вольного, сътьского, грѣхъмь, кръви, серебрьнъıи, вьрхоу, добросьрдиѥ, оутвьрженъ, мьртвъ (что писецъ этой копіи не зналъ глухихъ, видно изъ случаевъ: верхъ, четверти, долженъ, возма, товаромь, вѣкше, што, децьскъıи вм. дѣтьскъıи). Равнымъ образомъ къ старшему трактату возводимъ написанія смоленской грамоты ок. 1240: притъча, мьздоу, мьстиславъ, льзѣ, почьнѣть, оуръветь, задьницю, въсхочеть, коньць, на гътьскомь, възьметь, дѣрѣвъмь, кръви, поемъши, търговати, дължьбита, дългъ, дължьнъ (что въ языкѣ самого писца глухихъ уже не было, видно изъ написаній дълженъ, Смоленьскѣ, Смольньскъ, вощець, возьма, ототнеть, пошло, и т. д.). Въ смоленской гр. 1284 года читаемъ: четвьртое, немьцомъ, намѣстьникъ. Въ грамотѣ Рижанъ къ Витебскому князю около 1300: емъшо, клетьнъıи, дѣтьскъıи, въстобъку (но рядомъ: волкъ, пришолъ, пришодъ, снемъ, Витебескъ, Смолнескъ, и т. д.).—Замѣчательно, что глухіе держались и въ частновладѣльческихъ актахъ; очевидно, и сюда проникала канцелярская традиція публичныхъ актовъ. Такъ во вкладной Варлаама Хутынскаго 1192—1207 видимъ: пожьнь, рьль, диаволъмь, дѣвъка, рꙑбьнаѧ, хоутиньскоую (но рядомъ: волховомъ тв. ед., пожни, божница). Также въ духовной новгородца Климента XIII в.: тъ, пьнь (два раза), городьскъıи, ѡсобьнеи ,възалъ, сътѣ (но рядомъ: даромъ, четверть, жеребець, Боркою при Борькы).

§ 348. Во второй части Новгор. 1-й лѣтописи, содержащей разсказъ о событіяхъ 1200—1234 гг., находимъ рядъ написаній, доказывающихъ наличность глухихъ даже въ первой половинѣ XIII столѣтія, ибо объяснить ихъ вліяніемъ традиціи или школы (частью по самому характеру относящихся сюда словъ) представляется совершенно невѣроятнымъ. Сюда относятся: въноукъ, тьхвѣрь, стькломь, дъщерь, дънепрь, вънѣ, въторнѝ, пьхающе, мьздоу, мьстиславъ, дъскъı, промъкла, издъхоша, кивотьнъıи, прѣльсти, одьраша, вельми, кръви, кръвопролитію, бръне, къгда, пльсковъ, прослъзитьсѧ, грькъı, оудьнии, бъчькъ, бъчькъı, сътъ, въпль, мъхъ, кръвь, дъщь-

кахъ, възьми, дъжгь, огньмь, людьмъ, пьсъ, мьньшеѥ, льгъко, изьмъше, больнъ, славьньскъıи (отъ славьно), смольньска. Опущенъ глухой только въ начальномъ слогѣ слова: дна, два, двѣ, зло, лжа, мнихъ, книгы, мнѣ, сла, стѣхъ, пси, ржи, пшена, пшеницѣ, сде, жда- зва-, гна-, и др. Отнеся эти написанія, всѣ или часть ихъ, на счетъ переписчика XIV вѣка, также какъ написанія мохъ, сотъ, бочкоу, правильное употребленіе глухихъ возводимъ къ оригиналу XIII в. и объясняемъ его слѣдствіемъ сохраненія ъ и ь въ новгородскихъ говорахъ первой половины XIII в.

§ 349. Разсмотрѣнные нами памятники содержатъ указаніе и на сохраненіе въ соотвѣтствовавшемъ имъ живомъ произношеніи писцовъ ĭ (і полукраткаго). Судьба ĭ была тождественна съ судьбой другихъ полукраткихъ гласныхъ ъ̆, ь̆. Въ Болгаріи, какъ мы видѣли, полукраткія гласныя пали раньше, чѣмъ на Руси; на письмѣ относительно ъ̆ и ь̆ это выразилось въ опущеніи буквъ ъ и ь тамъ, гдѣ онѣ соотвѣтствовали звукамъ ъ̆ и ь̆ (вообще буквы ъ и ь сохранялись послѣдовательно только въ концѣ слова). Сложнѣе обстояло дѣло съ буквой и, служившей для обозначенія ĭ. Паденіе ĭ послѣ гласной было невозможно выразить опущеніемъ ĭ уже потому, что на мѣстѣ ĭ появился звукъ i̯, требовавшій для себя обозначенія; поэтому переходъ moĭ въ moi̯ не отразился на письмѣ, сохранявшемъ написаніе мои. Паденіе ĭ послѣ согласной неудобно было выразить простымъ опущеніемъ буквы и, обозначавшей въ старшую эпоху ĭ, потому что невыраженнымъ остался бы звукъ i̯, произносившійся между согласною и слѣдовавшею затѣмъ гласною: камениѥ обозначало kamenii̯e; написаніе каменѥ передало бы произношеніе kameńe, а не то произношеніе—kameni̯e, которое было непосредственнымъ послѣдствіемъ паденія ĭ. Вотъ причина, почему въ древнеболгарской письменности выработался особенный пріемъ, состоявшій въ томъ, что на мѣстѣ буквы, обозначавшей утраченное ĭ, писалась буква ь, не обозначавшая уже въ то время звука; буква ь оказывалась въ такомъ употребленіи простымъ слогоотдѣлителемъ: каменьѥ читалось какъ kamen -i̯e, подобно тому какъ камень произносилось kamen. Написанія ьѥ (ье), ьꙗ, ью, ьи рано перешли въ древнерусскую письменность, раньше дѣйствительной утраты ĭ изъ произношенія; ср. проникновеніе сюда случаевъ опущенія буквъ ъ и ь въ то время, когда звуки ъ̆ и ь̆ были еще живы въ языкѣ. Тѣмъ не менѣе, до эпохи паденія глухихъ въ языкѣ, указанныя написанія сравнительно весьма рѣдки; написанія иѥ, иꙗ, ию, ии уступаютъ имъ мѣсто одновременно съ паденіемъ ĭ. Какъ увидимъ, эти послѣднія написанія позже возстанавливаются подъ южнославянскимъ вліяніемъ, гдѣ упрочиваются иѥ, иꙗ, ию въ связи, вѣроятно, съ соотвѣтствующимъ искусственнымъ, книжнымъ произношеніемъ.

§ 350. Обращаюсь къ памятникамъ. Въ Остр. ев. находимъ только цр҃квыѫ 215г, обьѥмлють 231а, изъѫтрыѫдоу 275б, диоклитьꙗнѣ 230в, диоклитьанѣ 236а. Въ Сб. 1073 написанія ьѥ, ьꙗ, ью довольно обычны и восходятъ, конечно, къ древнеболг. оригиналу: благочьстьꙗ, тъчьѭ, житьѥ̀мь, житьѥ, ѻ̀убьѥ̀нъ, дивьꙗꙗ звѣри в. мн., ѻ̀бильѥ̀, и т. д. (ср. въ особенности ѥ̀мьꙗй 201г, что уже несомнѣнно изъ нерусскаго оригинала); рядомъ однако, и при томъ гораздо чаще, написанія иꙗ, иѥ, ию. Въ Ефремовской кормчей, по указанію С. П. Обнорскаго, на 5661 случай съ иꙗ, иѥ, ию приходится 140 случаевъ съ ьꙗ, ьѥ, ью, ьи: братью, чьстью, трьѥ, нѣчьѥмоу, злославьꙗ, напоутьꙗ, невѣрьи, и др. Въ Минеѣ 1097, по указанію того же изслѣдователя, написанія съ ь уже болѣе обычны, но тѣмъ не менѣе они значительно перевѣшиваются написаніями съ и. Въ Стих. XII в. А. Н. ь вм. и въ видѣ исключеній: бьѥнии 29а, кръвью 36а, благоꙗзычьꙗ 71а, сьꙗнии 60а, чьстью 24а, и др.

Особо стоятъ Гал. ев. 1144 и Христиноп. ап. Въ обоихъ этихъ памятникахъ, представляющихъ какъ мы видѣли, совершенно оригинальные пріемы въ употребленіи буквъ ъ и ь (§ 345), написанія съ ьѥ, ьꙗ, ью болѣе обычны, чѣмъ написанія съ и. Такъ въ Гал. ев. 1144 находимъ: хр҃щеньѥ 46а, жребьѧ 224а, сънѧтьѧ 100а и др. Въ Христин. ап.: покаꙗньꙗ, оупваньѥ, рожчьꙗ, абьѥ, братьꙗ (рядомъ, впрочемъ, лодиꙗ 176, нощию 43).

Преполагая, что эти графическіе пріемы перенесены изъ древнеболгарскихъ оригиналовъ, думаю, что ьꙗ, ью, ьѥ читались русскими какъ ї̯а, ї̯u, ї̯е, въ то время, когда полукраткіе еще не пали. Замѣчательно, что въ оригинальныхъ русскихъ памятникахъ написанія съ и выдерживались послѣдовательно. Напр. въ Ж. Ѳ. всегда и, а ь только два раза во второмъ почеркѣ: по дъвою дн҃ью и ѿ братьѣ. Въ Житіи Б. и Гл. всегда и, не ь (съмерению, кнѧжениꙗ, ороужиѥ и т. д.), и только два раза ь: поутьѥ, гь҃ѥ мои. Въ Гр. Мстислава только и: полюдиѥ, кнѧжениѥ, данию, пришьствиꙗ, полътретіꙗдесѧте. Упорная традиція удерживала и также въ XIII в. Такъ въ Русск. Правдѣ по сп. 1282 года находимъ: людиѥ, ѡроудиꙗ, тылѣснию, за коровиѥ молоко (но рядомъ жердью, татьѥ, оубьѥть, третьꙗго и т. д.). Въ Смол. Гр. 1229 по сп. А находимъ исключительно написанія съ и. Въ Рижской гр. около 1300 видимъ: подворие, оубиеть, челование, прокопию, братие, людие и др. (но рядомъ и братье, людье, прокопьево).

Выдержанности написаній иꙗ, ию, иѥ въ русскихъ памятникахъ, и особенно въ оригинальныхъ, придаю значеніе свидѣтельства въ пользу сохраненія ї въ живомъ языкѣ XI—XII в.

Примѣчаніе. Написанія ходишь, ходить, мать, будь мы найдемъ въ русскихъ памятникахъ не раньше XIII в. (§ 360). Это доказываетъ, что до того времени ĭ держалось въ живомъ произношеніи: написанія ходиши, ходити, мати, буди имѣли значеніе xod'iš̆ĭ, xod'it̆ĭ, mat̆ĭ, bud'ĭ.

§ 351. Немаловажнымъ доказательствомъ въ пользу существованія глухихъ въ XI и первой половинѣ XII вѣка въ южнорусскомъ нарѣчіи служитъ то, что въ южныхъ памятникахъ того времени мы не найдемъ указаній на измѣненіе ê (е закрытаго полудолгаго) въ іе (ѣ) въ слогѣ, предшествующемъ слогу, утратившему полукраткую гласную; ср. здѣсь написанія камень, шесть, оучитель, творениѥ. Между тѣмъ, одновременно съ появленіемъ опредѣленныхъ данныхъ въ пользу паденія глухихъ, въ южнорусскихъ памятникахъ являются указанія на упомянутое измѣненіе. Такъ напр. въ Добрил. ев. 1164 года, гдѣ полукраткіе пали (это ясно изъ такихъ написаній какъ верха, зерно, волци, пришлець, ръпотъ, ропьщють и т. п.), пишется ѣ (т. е. іе изъ удлинившагося ê), напр. въ шѣсть, оучитѣль, ремѣнь, камѣнь и т. п. Ср. подробнѣе объ этомъ въ VI отд., гл. 2. Указанное обстоятельство убѣждаетъ меня между прочимъ въ томъ, что въ языкѣ писцовъ Гал. ев. 1144 и Христин. апостола XII в. глухіе были еще живы: въ нихъ, несмотря на ихъ южнорусское происхожденіе, нѣтъ буквы ѣ въ подобныхъ случаяхъ. Слѣдовательно, утвержденіе, высказанное въ § 350, относительно того, что случаи пропуска ъ и ь, а также написанія ьѥ, ьꙗ и т. п. явились въ обоихъ памятникахъ результатомъ подражанія тѣмъ или инымъ болгарскимъ оригиналамъ или школамъ письма, находитъ себѣ полное подтвержденіе. Сопоставленіе Гал. ев. 1144 г., сохранявшаго ъ, ь и полукраткіе ъ, ь, ĭ, съ Добриловымъ ев. 1164 г., несомнѣнно утратившимъ краткіе и полукраткіе глухіе, а также ĭ, доказываетъ, что даже въ предѣлахъ отдѣльныхъ языковыхъ группъ, на которыя распался русскій языкъ, паденіе полукраткихъ произошло не одновременно.

Примѣчаніе. Въ эпоху существованія полукраткихъ гласныхъ полукраткое ŭ, извѣстное діалектически, могло, правда, въ единичныхъ случаяхъ изображаться черезъ оу, у; послѣ паденія полукраткихъ такія написанія были также возможны, хотя вмѣсто ŭ слышалось уже только u̯. Написанія Сб. 1073 прауда 66в и Христин. ап. опраўди 124 передаютъ черезъ у звукъ ŭ.

Глава IV. Паденіе полукраткихъ гласныхъ.

§ 352. Предшествующее изслѣдованіе показало, что памятники XII и даже XIII вѣка содержатъ доказательства въ пользу сохраненія полукраткихъ гласныхъ въ живомъ произношеніи того времени. Во второй половинѣ XIII в. мы такихъ указаній уже не находимъ; рядъ памятниковъ болѣе раннихъ—первой половины XIII в. и второй половины XII в. свидѣтельствуютъ, что діалектически полукраткія исчезли уже въ то время. Напротивъ, въ первой половинѣ XII в. полукраткія удерживались еще повсемѣстно. Слѣдовательно, паденіе ихъ началось діалектически не раньше середины XII вѣка. Доказательства даны частью въ предыдущей главѣ; они должны быть сопоставлены съ тѣми показаніями памятниковъ, на которыя обратимъ вниманіе ниже (§§ 356 и сл.). Возникаетъ вопросъ: произошло ли паденіе полукраткихъ гласныхъ одновременно во всѣхъ положеніяхъ въ словѣ, или при однихъ условіяхъ они пали раньше, чѣмъ при другихъ. Изъ данныхъ современнаго языка на этотъ вопросъ не можетъ быть извлеченъ какой-нибудь опредѣленный отвѣтъ. Но памятники XI—XII вѣка даютъ основаніе утверждать, что въ процессѣ паденія полукраткихъ гласныхъ замѣчалась слѣдующая послѣдовательность: сначала исчезли полукраткія въ начальномъ слогѣ слова; потомъ они исчезли въ другомъ положеніи, т. е. въ серединныхъ и конечныхъ слогахъ.

§ 353. Рядъ русскихъ памятниковъ XII вѣка опускаетъ ъ, ь въ начальномъ слогѣ слова, сохраняя ихъ въ другомъ положеніи. Повторю нѣкоторыя данныя, приведенныя выше въ § 346. Житіе Ѳеодосія по сп. XII в. во второй своей части допускаетъ пропускъ ъ и ь только въ начальныхъ слогахъ: створи, створивъшемъ, кнѧзь, кнѧжю и др., многъ, мнѡзи и др., мнѣ, сребро, мнѧщемъ; въ серединѣ слова только: оумножи, оумножаѥтьсѧ, оумножаютьсѧ, оумножающаасѧ, оумножашесѧ. То же въ гр. Мстислава около 1130 года: кнѧзь, кнѧженіѥ, всеволодъ, кто (но даровьноѥ, роусьскоу, дължьни). То же въ первыхъ двухъ частяхъ Новгородской 1-й лѣтописи по Синод. сп. XIV в., изъ которыхъ первая составлена въ XII, а вторая въ первой половинѣ XIII столѣтія; въ первой части находимъ: много, кнѧзь, двѣ, кде, что, лзѣ, лга, рчи, гна-, зва-, спѧщю, и др. (рядомъ: городьныхъ, кромьныи, дмитровьноу, пелъми); во второй части находимъ: два, двѣ, гна-, зва-, зло, лжа, второѥ, книгы, мнихъ, мнѣ, сла, пси, ржи, пшена, пшеницѣ, жда-, сде, и др. (рядомъ: лыгъко, смольньска, животьныи). Приписать эти пропуски вліянію древнеболгарской письменности нельзя: извлекаемое изъ указаній болгарскихъ памятниковъ паденіе глухихъ повело бы къ опущенію ихъ и въ се-

рединныхъ слогахъ, а также къ замѣнѣ краткихъ глухихъ звуками o, e, чего однако въ названныхъ памятникахъ нѣтъ.

§ 354. Итакъ принимаю, что паденіе полукраткихъ началось въ первомъ слогѣ слова. Возможно, что прежде всего исчезли глухіе въ начальномъ слогѣ передъ слѣдующимъ ударяемымъ слогомъ. Удареніе слога, слѣдующаго за слогомъ съ полукраткой гласной, требовало особаго напряженія, особенной силы, въ виду того, что полукраткость предшествующаго слога возмѣщалась экспираторнымъ усиленіемъ послѣдующаго. Въ словахъ kѣtò, pѣsà, kѣńáźi удареніе слога за полукраткой гласной было особенно напряженно, такъ какъ оно не умѣрялось экспираторнымъ вѣсомъ предшествующихъ слоговъ, что имѣло мѣсто какъ въ случаяхъ gъnaĭà, kѣńagúńi, такъ и въ случаяхъ, какъ otъśà, kusъkà, gumъnò. Это имѣло послѣдствіемъ еще большее ослабленіе слога съ полукраткой гласной и вело къ полному ея исчезновенію. Возможно, что уже въ XI вѣкѣ полукраткія гласныя въ указанномъ положеніи подлежали въ древнерусскихъ говорахъ выпаденію. Но понятно, что полнаго выпаденія даже и въ этомъ положеніи произойти не могло, въ виду именно вліянія родственныхъ формъ и образованій, гдѣ полукраткія удерживались вслѣдствіе своего положенія при другихъ условіяхъ. Такъ kѣto, dъva, kѣńaźi, śѣto, измѣняясь фонетически въ kto, dva, kńaźi, śto, возстанавливали однако свои полукраткія ъ и ь подъ вліяніемъ ńikѣto, ńѣkѣto, po dъva, ńѣśѣto, na kѣńaźa.

Примѣчаніе. Старослав. памятники даютъ также основаніе думать, что глухіе выпали первоначально въ начальномъ слогѣ и уже потомъ въ другихъ положеніяхъ. Такъ напр. формы всь omnis и всь vicus, частыя въ Савв. книгѣ, явились, очевидно, подъ вліяніемъ другихъ падежей: вса, вси, всѣхъ, всемоу—вси; слѣдовательно, вьсь продолжало сохранять свои глухія въ то время, какъ вса, вси уже опустили ихъ. Равнымъ образомъ сохраненіе ь въ овьцѧ, овьцахъ въ Савв., при послѣдовательномъ опущеніи въ случаяхъ вси, вса, всакъ, всегда, можетъ свидѣтельствовать о томъ же; ср. еще многъ въ Савв. около 90 разъ, створити 96 р., при посълати 48 р. Впрочемъ, въ самой Савв. книгѣ (въ отличіе отъ ея оригинала) отношенія могли осложниться.

§ 355. Представляется вѣроятнымъ, что указанное исчезновеніе полукраткихъ въ начальномъ слогѣ послужило основаніемъ для выпаденія ихъ и въ другихъ положеніяхъ, прежде всего въ слогахъ серединныхъ. Дѣйствительно, kto вмѣсто kѣto, kńaźa, вм. kъńaźa, gnaĭi вм. gъnaĭi и т. п. естественно вызывали и ńѣkto, ńikto вм. ńѣkѣto, ńikѣto, na kńaźa вм. na kѣńaźa, pognaĭi вм. pogъnaĭi и т. д. Это повело къ общему паденію полукраткихъ—

сначала, повидимому, въ слогахъ неконечныхъ, а потомъ и въ конечныхъ слогахъ.

Дневнерусскій языкъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ слѣдующія полукраткія гласныя: во-первыхъ, ъ̆ и ь̆ въ разныхъ положеніяхъ въ словѣ, кромѣ однако, начала слова (гдѣ вмѣсто ъ̆ являлось vъ̆, діалектически ŭ, а вмѣсто ь̆—ĭ) и положенія послѣ слоговыхъ плавныхъ въ началѣ слова, гдѣ ъ̆ и ь̆ измѣнялись въ ъ̯ и ь̯, а также послѣ плавныхъ за согласными, гдѣ ъ̆ и ь̆ въ однихъ говорахъ измѣнялись въ ъ̯ и ь̯, при чемъ плавныя были слоговыми, а въ другихъ въ ъ и ь, при чемъ плавныя становились неслоговыми; во-вторыхъ, ĭ въ положеніи въ началѣ слова (напр. ĭstъbъ̆ka), правда, не во всѣхъ русскихъ говорахъ (ср. § 339[1]); ĭ въ положеніи въ концѣ слова (sъpatĭ, budĭ, ńeśeśĭ, domov́ĭ); ĭ въ положеніи за гласной (moĭ, daĭ, voĭna, boĭko); ĭ въ положеніи передъ i̯ (kaḿeńĭi̯e, ĭśťĭi̯e); въ-третьихъ, ў въ положеніи послѣ согласной передъ i̯ (pomўi̯eťь, čьrtorўi̯a); въ-четвертыхъ, діалектически ŭ въ положеніи въ началѣ слова (напр. ŭdova), правда, не во всѣхъ говорахъ, сохранявшихъ ŭ и связанное съ нимъ произношеніе v какъ u̯ (ср. § 339[2]); и еще ŭ въ положеніи за гласной (noŭ, praŭda).

Всѣ эти полукраткія гласныя въ извѣстную эпоху въ различныхъ русскихъ нарѣчіяхъ исчезли, ъ̆ и ь̆—безслѣдно во всѣхъ положеніяхъ; ў—также безслѣдно; ĭ—безслѣдно въ концѣ слова и передъ i̯, но съ замѣной черезъ i̯ постоянное послѣ гласной и согласной (въ посл. положеніи i̯ позже выпало діалектически) и черезъ бѣглое i̯ въ началѣ слова; ŭ съ замѣной черезъ u̯ постоянное послѣ гласной и черезъ бѣглое u̯ въ началѣ слова. Разсмотрю отдѣльно примѣры выпаденія ъ̆, ь̆, выпаденія ĭ, затѣмъ ў, и выпаденія діалектическаго ŭ. Хронологическія указанія представлю ниже.

§ 356. Примѣры для выпаденія ъ̆, ь̆. Въ началѣ слова: sъ̆to, dъ̆va, ṕь̆sała, ľь̆nu, gъ̆nała, v́ь̆č́ora и т. п. перешли въ sto, dva, psała, ľnu, gnała, vč́ora. Отмѣчу нѣсколько интересныхъ случаевъ: тъскливо перешло въ цкливо и далѣе въ скливо Арханг. (Ляп. 64), тьсти перешло въ цти, ср. цтя Виленск. сп. Лит. лѣт., ко цтю Ипат. 230а, аки стѧ ib. 85б, оу цтѧ Супр. сп. Лит. лѣт. 46, совр. бѣлор. ко сцю, свойму сьцю (Карск., Бѣлоруссы, II, 230); чьсти въ чти Увар. сп. Лит. лѣт., въ велици чти Лѣт. Авр., чти Крас. сп., чьти многи Лавр. 48, чьстити въ чтить, бл҃гочтивно Требн. Шерем. XIV в., 147б; тъснутися въ цнутися, ср. не цнѣтася Ипат. 156г; бъчела въ бчела, откуда въ великор. пчела, діалект. мчела, а въ малор., вслѣдствіе регрессивной ассимиляціи, бджола; дъжа им. ж. отъ дъжь, въ значеніи твердый, правоспособный, въ джа, ср. не джи Русск. Пр. 1282 г., а также глаголъ уджать: быть въ состояніи сдѣлать что-нибудь Арханг. (Кузмищевъ); съсати,

съсу въ ссати, ссу, напр. ссутъ, ссали Бѣлом. был. (Л. Васил. 17); дъска въ цка, ср. совр. цка въ значеніи деревянной части иконы, дску Лавр. подъ 1097; стькло въ скло, стькляныи въ скляный, ср. между прочимъ наше склянка; дъщанъ въ тщанъ, откуда тчанъ, чанъ; Дъбрѧньскъ (назв. города, ср. дъбрѧньскѣ Ипат. 124в) перешло въ Дбрянеск, откуда далѣе Брянеск, Брянск, ср. изъ брѧньска Ипат. 126а; ṕьźďѣťi перешло въ bźďѣť; чьбанъ при чьванъ перешло въ чбан, откуда джбан, жбан; śьćaťi перешло въ śćať и далѣе въ scať, ср. высцав Подольск. (Шейк. 7); бъзина перешло въ бзина, ср. до бзини́ Бродск. (Етн. зб. I, 68); чьхнути въ чхнуť, откуда и чкнуť, шкнуť, ср. pačxnuwśa Лидск. (Weryha, 39), прошнеться Глух. (Литв.-Барт. Матер. до укр.-р. этн. III, 77), обл. ни шкни; взростовъ Гр. 1681 (А. Кал. I, с. 680), взраста Лавр.; взговорѧ̄ Новг. 1426—61 № 18, взговоритъ 1471 (XVI в.) А. А. Э. I № 92; всхочетъ ib.; встока Новг. 1-я, встокъ Лавр.; взрадовашасѧ Жит. Бор. и Гл. по Чудовск. сп. XIV в.; всприꙗлъ ib.; зблазнъ, зблюдеши Кормч. XIII в. (Р. Дост. I, 91, 90); Дьмитрии въ Дмитрий, Митрий; Сьменъ перешло въ Сменъ, напр. Двинск. XV в. № 34 и др.; Тьхвѣрь перешло въ Твѣрь, наше Тверь; пьхати, пьхнути перешли въ пхати, пхнути, ср. малор. пхнуть (Потебня, Два изсл. 95); Дънѣпръ перешло въ Днѣпръ и далѣе Нѣпръ; Дьсна (параллельная форма при Десна?) перешло въ Тсна, Цна, совр. Цна (назв. многихъ рѣкъ въ средней и западной Россіи); Тьпра (назв. рѣки и народа, ср. Тепру въ Лавр. подъ 1210 г.) перешло въ Пра (совр. рѣка въ восточной части Ряз. губ., притокъ Оки); Мъда (назв. рѣки, впадающей въ Чудское озеро, ср. прилагательное Модскій, Модская губа, напр. въ актѣ XVII в., обнародованномъ А. Я. Лихтерманомъ въ Тр. Псковск. Археол. Общ. 1912 № 8) перешло въ Мда (ср. тамъ же, а также совр. назв.); стьга (параллельная форма при стьзя, ср. § 116) перешло въ стга, зга, ср. выраженіе ни зги не видно; пьсати перешло въ псати, ср. псалъ Гр. ок. 1266; въпитивъ впити, напр. Лавр. 168а, Микул. ев. 73в; дъчи, дъчери въ дчи Ипат. 137б, тчери, Лавр. 50.

§ 357. Въ серединѣ слова. Ruśьskyĭ перешло въ ruśkyi̯, напр. укр. руський, великор. руской: ďѣťьskyĭ перешло въ ďѣćkyi̯, ďѣскуi̯, совр. великор. дѣцкой; р. ед. Череповьси перешло въ Череповси, отсюда новообразованіе Череповец — Череповца; ср. въ Арбужевси при Арбужевеси Гр. 1490 (XVI в.) А. Кал. I № 69. Приведу еще: послушству 1471 (XVI) А. А. Э. I № 92, исхнеть Пут. ев. 168; ѥству Палея Кол. 9с вм. ѥстьствоу; kopѣč́u перешло въ kopč́u, великор. копчу; śeďьło въ śeďło, śedło, совр. великор. седло, сёдла; тришьдъı перешло въ трижды, ср. паралл. форму трожди Обоян. (Машк.) изъ трошьди; падъчерица перешло въ

падчерица, паччерица, ср. pàdčarka Лидск. (Weryha, 59), великор. паччерица; ногъти перешло въ ногти, нохти; родьство перешло въ роство; рожьство въ рожство, роштво; Ольксѣи перешло въ Олксѣй, Ольксандръ въ Олксандр; оупъвати въ оупвати, напр. оупваниѥ Толк. ап. 1220 (Воскр. 25); сватьба — въ свадба, и т. д.

§ 358. Въ концѣ слова. Твор. имь, моимь, вьсѣмь, тѣмь перешли въ им, моим, всѣм, тѣм; 3 л. ед. сидить, ходить въ сѣверновеликор. сидит, ходит; 3 мн. идуть, леѓать въ сѣверновел. идут, леѓат, малор. галицк. идут, лэтят; прилаг. Игумень (назв. города) въ Игумен (совр. назв.).

§ 359. Примѣры для отпаденія діалектическаго ї въ началѣ слова (согласно § 339[1] ему соотвѣтствовало въ извѣстныхъ группахъ говоровъ і): малор. ськати вм. искати, (ср. § 35 пр. 2), напр. Бродск. (Етн. зб. I, 50), Звенигор. (Рудч. I, 73), ськать, ськають Лубенск. (Етн. зб. XIV, 46); малор. и бѣлор. мати, мать вм. имати, ср. и ѡнъ мать кони платити Лит. метр. 1510 № 30, чл҃вка не мамъ Поликарп. ев. 1307 г., маемъ Гал. гр. 1427, мают Вкл. кн. Ануфрія ок. 1399 (Л. Васильевъ), маемъ Измарагдъ XV в. Кіевско-Мих. (А. Требинъ); мѣти вм. имѣти, ср. мѣлъ Изм. XV в. (А. Требинъ), мѣетъ Гал. гр. 1424, мел Вкл. кн. Ануфрія ок. 1399 (Л. Васильевъ), нѣ мать Пут. ев. 28, мѣѡи брашно Пантел. ев. 1317, 117а (изъ южнаго оригинала); му вм. иму, ср. малор. му, меш; покоѡ не мъѡи Переясл. сп. поуч. Ефр. Сир. 227 (изъ южн. оригинала); грати вм. играти, напр. граю Нѣжин. (Малин., 60), грець, грище; голка вмѣсто игълъка, напр. голка Нѣжин. (Малин., 60), hołky Новоградвол. (Zb. VIII, 157); меноваѡ мѣста Гал. гр. 1442, галицк. мнс (имя); стобка и стебка вмѣсто истъбъка, истьбъка, ср. напр. стёпка: кладовая Ржев. (Этн. сб. I, 252, 246), ср. истјопка Холмск. (А. Г. О. XXXII, 19), запроша оувꙋ стоꙋце Хлѣбник. сп. лѣт. 459, Стебёнокъ иное назв. села Истобное Нижнедѣв. у., жители котораго называются Стебенцы (Ѳ. Поликарповъ, въ Пам. кн. Вор. губ. 1906); малор. и бѣлор. з изъ из, напр. з нея вм. из нея уже въ прип. къ Вѣнск. октоиху (Собол. Оч., 50); столкова, звести, з нас и др. въ Измар. XV в. (А. Требинъ); чорт счез Каменецк. (Шейк. 33); спідниця, звісно, зволити (позволить), бѣлор. звольця (извольте), з мора, з хаты; вм. Иларіонъ, Исидоръ, Игнатъ явились на малор. почвѣ Ларион, Сидор, Гнат, отсюда и великор. Ларивон, Ларька, Сидор, въ малор. Сидір, Ларко, Гнат; съ покрѣты Пут. ев. 149 (ср. ипокрѣти 123), гѣмоноу вм. игемону іѣ. 164.

Примѣчаніе. И въ великорусской области можно ѹказать на діалектическое отпаденіе ї, что свидѣтельствуетъ, вѣроятно, о томъ, что переходъ начальнаго ї въ і не охватилъ всѣхъ говоровъ восточнорусскихъ.

Ср. мянины, голки, нагда Скоп. (Будде, къ діалектологіи, 52, 48). Даже въ сѣвернорусской области: ска́рина въ значеніи искра Волог. (Бажен.) вмѣсто ожидаемаго искорина (?). Но вообще въ великор. выдержано і: ср. иму шить Солигал. (О. С. 84), я иму кататься Пошех. (О. С. 171), играть, имѣть, и т. д.—Что до начальнаго і въ малор. и бѣлор., то въ рядѣ случаевъ оно возстанавливалось подъ вліяніемъ і въ ударяемомъ слогѣ, ср. малор. імъя́ подъ вл. и́мени, іду подъ вл. и́дут (ср. еще дальше: ішоў); ср. еще угрор. йігла, йікра, галицк. йіму; бѣлор. ići, ihołka, ihrać, iskać, iḿeńńa. Но кромѣ того видимъ въ началѣ слова и i̯ (или ї): оно переносилось изъ положенія послѣ гласной: i̯ḿa подъ вліяніемъ na i̯ḿa. Послѣ согласной предшествующаго слова i̯ замѣняется звукомъ і, напр. іду з города, но чоловік із города Житецк. Оч. 194.

§ 360. Примѣры для отпаденія ї въ концѣ слова. Окончаніе 2 л. ед. ś̆ї перешло въ ś; примѣры восходятъ къ XII в.: тружаѥшь Ев. XII в. Кіевск. Ц. арх. м. (Оч. Собол. 79), можешь Архив. лѣств. XIII—XIV в. (Р. Ф. В. 1884), обратишь Выголекск. сб. XII—XIII в. (ib.), можешь, побѣдишь, безмолвьствуѥшь Поуч. Ефр. Сир. XIII в. (Оч. Соб. 56), наречешь, хощешь Луцк. ев. (ib. 44), въıводишь Новг. 1-я лѣт., поклонишь рук. 1296 Син. № 836, 108в, видишь, жнешь, сбіраѥшь Полик. ев. 1307, прѣтъкнешь Рум. ев. XII—XIII в. № 104, ведаешь, дѣешь, ставишь и др. Рижск. гр. ок. 1300, пріимешь, управишь Кормч. 1282 (Пам. Кал.). Отмѣтимъ еще малор. єсь, дась. Неясно появленіе имашь Чудовск. пс. XI в. 79 (Погор. 37); судя по изданію, гдѣ этой формы нѣтъ, а есть имать, указаніе В. А. Погорѣлова основано на ошибкѣ, что уже отмѣчено С. П. Обнорскимъ въ Р. Ф. В. 1912 № 3, с. 348 (въ Словарѣ В. А. Погорѣловъ даетъ опять форму имашь). — Окончаніе 2 л. ед. повел., переносившееся и во 2 л. мн.: украдь, оставьте, обидьте, прѣобидьте, въверьзьте Гал. ев. 1266—1301 (Оч. Соб.), прилежь, видьте, въстаньте, наполньте Холмск. ев. XIII—XIV (ib.), наполньте, вѣдьте, видьте, будьте Полик. ев. 1307, видьте, будьте, слышьте Луцк. ев., боудьте зап. къ Поуч. Ефр. Сир. XIII в. (Оч. Соб. 52), помысль, усплачьмося, почюдьмыся, будьте, плачтеся Поуч. Ефр. Сир. XIII в., видь Ипат. 304г, молъвьте 257а; чинь, оучинь, выѧснь, не замолчь, мов'те, ѿстꙋпте^ж Пс. XVI — XVII в. (Карск. Западнор. пер. 186); въстаньте Ев. XIII в. № 6 221в (Мѳ. 17,7); сядьте Вѣнск. окт. XII—XIII в., оуверзьте ѡдесноую страноу кораблѧ мрѣжѧ ib. (Сперанск. въ Р. Ф. В. 1890, № 3); не ѣздь Ипат. 198г, поѣдьта ib. 141в; не оукрадь Пут. ев. 111, боудьте 107, не плачьтесѧ 101, двигньсѧ

и оуверзьсѧ оу море ib. 140; плачте 195; видьте 29, 42, вѣдьте 84; пусть Новг. 1-я, 106; лемк. берь (Житецк. Оч. 194) и т. д. — Окончаніе 2 л. вспомог. глагола: въбил мѧ єсь Ипат. 298б, єсь 284а; оу кого есь то серебро заимовȃ Моск. гр. 1433 № 50. — Мат᾽ вм. мати, напр. великор. мать, малор. мать (Эн. 171). — Доч вм. дъчи. — Домов᾽ отсюда домов вм. домови (Ляп. 182, Ягичъ, 60), damòw Лидск. (Weryha, 55), домовь Ипат. 212а, 223b, домовь Гр. 1189—99 (сп. 1263); долов᾽, отсюда долов вм. долови, ср. доловъ Ипат. 1946, Новг. 1456 (XVI) А. А. Э, I № 58, Жалов. Алекс. Коріатовича (ср. Пам. 265); ежегодов вм. ежегодови. — Оч вм. очи въ малор. увіч (увичь Эн. 57). — Дат. ед. энкл. м᾽, т᾽ вмѣсто ми, ти: приведѣте мь и сѣмо Луцк. ев., аще не бы ть дано свышьше ib.; всує ть будеть вѣщь Поуч. Ефр. Сир. XIII в., и сътвори мь ядь Парем. Типогр. XII в. № 157 (Оч. Соб. 79), велѣла мь Ипат. 268в и др., без лѣпа т сѧ прить ib. 292в, какая ть земля из старіны 1490 (А. Кал. I № 52). — Энкл. с́ вм. си въ возвратномъ мѣстоименіи, ср. великор. боюсь, умоюсь, уже въ Комм. Новг. 1-й XV в.: что сѧ ѡсталось 362, Ипат. кормачесь 296в. — Вопрос. частица ль вм. ли: ты ль єси цр̑ь июдѣискъ Луцк. ев. (Оч. Соб. 44), добро ль, твердо ль, хороше ль Прип. къ мон. уст. XIII в. (Изв. VI, 64), на Шокснѣ ль 1479 (А. Кал. II № 156, VIII). — Хоч вм. хочи. — Толь, нѣколь, коль, столь вмѣсто толи, нѣколи, коли, столи, напр. нѣколь Ипат. 293 в. — Въ окончаніи инфинитива — т᾽ вм. ти, напр. въ XIII в.: розделить Дух. Клим.; уже даже въ XII в., напр. въ Добрил. ев.: вълѣсти въ домъ крѣпькаго ти съсоуды єго разграбить 56с, и ємоуже аще хощеть сн̑ъ ꙗвить 125d. — Единично въ своясь вм. въ свояси Луж. (Зап. Г. О. IV).

Примѣчаніе 1. Сохраненіе і напр. въ малор. окончаніи инфинитива, также въ діалектахъ великор. (отмѣчено преимущ. въ Вятской губ.) объясняется вліяніемъ окончанія — ті подъ удареніемъ (ср. великор. нести́, вести́ рядомъ съ принесть, привесть), при чемъ возможно, что еще въ общеслав. ĭ вытѣснялось діалектически черезъ і въ указанномъ окончаніи. Отмѣчу сясьти (сѣсть), сяди (сядь), jе́сьти (ѣсть) Яросл. (Тихв. въ Р. Ф. В. 1890 № 3), сѣди Любим. (ib.). Равнымъ образомъ mati могло сохраняться вм. matĭ еще въ общесл. подъ вліяніемъ dъ́с́с́і, ср. малор. мати (и южносл. мати).

Примѣчаніе 2. Изъ случаевъ какъ стукни, прыгни, крикни можно заключить, что і конечное не сокращалось въ ĭ въ положеніи за группой согласныхъ. Но, можетъ быть, надо исходить изъ стукъни: Въ такомъ случаѣ имѣлось бы указаніе на то, что і не сокращалось

за слогомъ съ полукраткой гласной; ср. еще помни изъ пóмьни (помньте въ Луцк. ев. и Поликарп. ев. подъ вліяніемъ аналогіи).

§ 361. Примѣры для выпаденія ї въ положеніи послѣ согласной передъ і̯. Въ великор. нарѣчіи сохраняется до сихъ поръ возникшее послѣ выпаденія ї сочетаніе согласная + і̯, напр. колья (т. е. koĺ̯a), листья, каменья, ученье, имѣнье, гаданье, братья; въ малор. и бѣлор. і̯, измѣнившись въ j, ассимилировалось предшествующей согласной; такъ явились, напр. малор. каміння, свиння, життя, насіння, гілля; бѣлор.: суддзя, бяллё, сучча, колля, и т. д. Указаніе на совершившееся уже выпаденіе ї извлекается изъ тѣхъ памятниковъ южнорусскихъ (малорусскихъ), которые въ предидущемъ слогѣ пишутъ ѣ вм. е, напр. изъ Добр. ев. 1164, гдѣ находимъ весѣлье, зѣлье, трѣтьіе, Жит. Саввы XIII в., гдѣ: трѣтьюю, Тип. ев. XIII в. № 6, гдѣ: евангѣлье, лаврѣнтья и др.

Примѣчаніе. О выпаденіи і̯ въ великор. завтря вм. завтрья изъ zavъtrĺ̯a, скажу ниже.

§ 362. Примѣры для паденія ї въ положеніи послѣ гласной въ концѣ и серединѣ слова. Всѣ русскія нарѣчія представляютъ одинаково на мѣстѣ ї въ указанномъ положеніи і неслоговое, сливающееся съ предшествующею гласною въ дифтонгъ. Такъ находимъ въ великор.: мой, край, дай, мой, мойте, тайна, война, войско, бойко, яйцо, пойло, діалект. хазяйна Крапив. (Будде), выйграть, пойти, найду, пройгрышъ, пройдоха; въ малор. мій, крий, постій, військо, ryba j hraje Бойк. - Стр. (Zb. X, 48), въ бѣлор. пойщи Бых. (Ро. III, 139), зайграли Рогач. (ib. 153), сыйскаць Рогач. (ib. 156), пайщитка Ржев. (Э. С. I, 248), пайграть Смол. (Добров. I, 256), выйграли (ib. 443), пайщи (ib. 642), пайскать (ib. 648), за йзвощика (ib. 548). Въ малор. памятникахъ паденіе ї, точнѣе переходъ его въ і̯, свидѣтельствуется написаніями съ ѣ вмѣсто е въ предшествующемъ слогѣ: такъ находимъ напр. въ Путенск. ев. XIV в.: нѣ имамъ 104, нѣ имать 104, 115, отъ нѣ имоущаго 118; въ Добр. ев.: нѣ ищю, нѣ имете, нѣ имуть; въ Типогр. ев. № 6: нѣ истовъ, нѣ имущимъ, нѣ имѣюще, въ Гал. ев. 1266 — 1301: нѣ имать, нѣ имуть.

Примѣчаніе 1. Въ великор. нарѣчіи і вм. і̯ находимъ въ относящихся сюда случаяхъ подъ вліяніемъ перенесенія частью изъ начала слова, напр. поиграть, проиграть, выискать, поискать (ср. играть, искать), проидоха (ср. иду, идти): частью подъ вліяніемъ і, сохранившагося въ слогѣ передъ слогомъ съ выпавшимъ ъ и ь: хозяина подъ вліяніемъ хозяин; поиски подъ вл. поиск; поило Владим. (Черныш.) подъ вліяніемъ р. мн. поил; яйца подъ вліяніемъ р. мн. яйц, напр. яица (риема: галица)

Посл. XVII в. (Сим. 90), е́ица Костром. (Виноград.), отсюда и яицо Пошех. (О. С. 169), еицо́ Костром. (Виноград.), яицо́ Онежск. (Калининъ), јицо́ Рост. (Булычевъ), йицо́ Судж. (Рѣзановъ). — Впрочемъ, можно указать и обратный переносъ і̯ на мѣсто і въ слогъ передъ слогомъ, утратившимъ ъ или ь: убойнку Бѣлев. (Будде).

Примѣчаніе 2. Неслоговое і̯ можетъ опускаться въ такомъ положеніи какъ въ малор. и бѣлор., такъ и въ великор. области: малор. заграшъ Игн. з Никл. 14, стрыка: дядю ib. 71; бѣлор. Глазомичи вм. Глазоимичи Лит. метр. 1510 № 63 (ср. новгородск. прозваніе Глазоемцовъ); великор.: не замали Стогл. Хлуд. сп. 287, не замают гр. 1533 (Лихач. 8), совр. не замай.

Примѣчаніе 3. Въ случаяхъ, какъ пју, бју въ слогѣ передъ ударяемымъ слогомъ выпало і̯, замѣнившее ѣ подъ вліяніемъ тѣхъ именно случаевъ, гдѣ оно было получено передъ і̯ (ср. §§ 25, 37); исконное bĭjǫ́, подъ вліяніемъ случаевъ какъ úbĭi̯etь, póbĭi̯ǫtь, измѣнялось въ bĭjǫ. Примѣры выпаденія ĭ передъ ј см. § 409.

§ 363. Приведу примѣры для выпаденія ў въ положеніи послѣ согласной передъ і̯. Такія сочетанія были не такъ часты, такъ какъ они во многихъ случаяхъ устранялись подъ вліяніемъ грамматической аналогіи; напр. вин. мн. dobrўi̯ѣ, bѣłўi̯ѣ, mĭłўi̯ѣ и тождественныя формы р. ед. ж. р. измѣнялись въ dobrуi̯ѣ, bѣłуi̯ѣ, mĭłуi̯ѣ, откуда далѣе, согласно § 87, dobrуѣ, bѣłуѣ, mĭłуѣ — подъ вліяніемъ dobry, bѣły, mĭły. Но діалектически сохранялись и формѣ съ ў. Онѣ перешли въ результатѣ выпаденія ў въ dobrі̯ѣ, bѣłі̯ѣ, mĭłі̯ѣ, при чемъ і̯ измѣнялось въ несловоное у подъ вліяніемъ предшествующей твердой, не подлежавшей иначе смягченію согласной. Такія формы имѣли мѣсто въ южнорусской области. Ассимилируясь предшествующей согласной, неслоговое у съ теченіемъ времени исчезло. Такъ явились малор. формы добрі, білі, милі съ твердыми согласными передъ і (діалектически развивалось произношеніе и съ мягкими согласными). — Сочетаніе ўі̯ являлось далѣе въ спряженіи глагола myti въ настоящемъ времени, а именно въ сложеніяхъ съ предлогами, переносившими удареніе на себя: ср. оумъкши Луцк. ев. 1409 (Оч. Соб.), вымьёшь Соликам. (Лукан.). — Въ словѣ čьrtogўi̯a было также это сочетаніе, отсюда čertogi̯a, ср. Черторьею Воскр. лѣт. подъ 1514 г. — Наконецъ, такое же сочетаніе ўі̯ возникало въ соединеніи причастія муж. р. на -łъ съ формами вспомогательнаго глагола i̯esmь, i̯estь или i̯e и т. д.; ъ передъ і̯, согласно § 115, измѣнялось въ ў. Такъ явились напр. формы 3 л. ед. dałўi̯e, kupíłўi̯e, vźałўi̯e. Отсюда послѣ выпаденія ў: dałi̯e, kupíłi̯e, vźałi̯e и далѣе подъ дѣйствіемъ согласной ł: dałye, kupíłye, vźałye (съ у неслого-

вымъ), откуда, съ переходомъ звука e въ ė, т. е. въ соотвѣтствующій звукъ средняго ряда: daĺė, kuṕiĺė, vźaĺė. Подобныя формы долго держались въ сѣверноруссkихъ говорахъ: въдале Вкладн. Варл. до 1207, осѣле сто̄славъ Новг. 1-я, акиме писале поздн. прип. къ Минеѣ 1096 года, дворъ ихъ погорѣле Новг. гр. 1392 г., взале, имале, доспеле Двинскія гр. XV в. Также прич. -пъ въ соединеніи съ je переходило въ -пйje; отсюда дальше nė; ср. блазнъ не хотию написане, нъ диволею пакостию Пантел. ев. XII—XIII в. (Лекціи Собол.); обрѣтене Вопрош. Кирика по сп. 1282, л. 523а. Быть можетъ, такія формы имѣлись и въ другихъ говорахъ. «Васко не далы» въ Львовск. актѣ 1421 года, ты же тоѣ зимы не всѣлы Ипат. 239а представляютъ предположительно передачу ĺė черезъ ĺу.

Примѣчаніе 1. Возможно, что другою приблизительною передачей сочетанія ĺė было написаніе ло; въ такомъ случаѣ сюда же относились бы случаи, какъ: а за десятинника ся яло попъ Семенъ и за Соѳияне Двинск. рядн. XV в. въ копіи XVII в.; оу кого лежало товаръ Лѣт. Авр.

Примѣчаніе 2. Въ случаяхъ какъ мjу, умjу, умjеть гдѣ удареніе падаетъ на слогъ за слогомъ съ полукраткимъ ў, за этимъ ў слѣдовало не i, а j (въ общеслав., а вѣроятно и въ общерусскомъ праязыкѣ): ў здѣсь замѣнило у долгое подъ вліяніемъ тѣхъ именно случаевъ, гдѣ оно было получено передъ i (ср. §§ 32 пр., 37 пр., 45). Приведу примѣры выпаденія ў передъ j: мью Соликам. (Словцовъ), Яренск. (Куклинъ, Волог. сб. IV), не сомью ли я Чердын. (Пермск. сб. I, 42), мьются ib. 51, оумъю т. н. Служ. Ант. Римл. XIV в., 21а, оумъю рук. 1296 Син. № 836, 38а, мъющихъсѧ ib., 128в, оумъѫ Юрьевск. ев. 173с, мьѭ Кириллобѣл. сб. XVI в. № 251, мъıшесѧ Пантел. ев. 9б, мьяхутся Бес. о св. царегр. XVII в., 23, мьющихся ib. 23, умъю руце Хут. служ. XIII—XIV в. (Собол.), не мьющемўсѧ Богд. Злат. XVI в. (Изв. 1905, III), умъıши Лук. ев. 1409 (Оч. Соб. 142), оумью Служ. Рум. М. 1359 г. № 399, 16в.—Точно также является ў передъ j и въ другихъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ замѣнить ъ подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ уj; такъ им. ед. strуї (изъ strъjь) имѣлъ при себѣ въ косв. strъjá, но strъjá замѣнялось подъ вліяніемъ имен. ед. черезъ strўjá; полукраткое ў подлежало выпаденію; такъ явились формы: стръя моѥго, стръя своѥго, къ стрыо въ Поуч. Ефр. Сир. XIII в., стрыı Ипат. 152а, 108в и со смягченіемъ р: съ стрьемъ 115д, на стрыı 121г, 126в, на гюргѧ стрыı 134в, стръѥма Жит. Саввы 15, стрыı, стръемь Новг. 1-я (Ляп. 119). Вѣроятно, также было

извѣстно vўjá при vўja, ср. поклони въю подъ яремъ Поуч. Ефр. Сир. XIII в.

§ 364. Примѣры для выпаденія діалектическаго й въ началѣ словъ: малор. схід (востокъ), звести, скипіти, звар (взваръ, компотъ), зійти, галицк. зяў; бѣлор. злинуць, зыдзе, діалект. сё, другъ (вм. вдругъ) Быхов. (Р. Ш, 196), а pȯtym žo Новогр. (Клихъ), gočyščo (Клихъ, 202). Примѣры для перехода діалектическаго й въ u̯ въ концѣ слова и въ серединѣ послѣ гласной: малор. ноў, ниўка, діўка, городіў; бѣлор. гарадоў, кроў, слоўна; великор. калужск. бабоў, дéўка, т. д. Малорусскіе памятники, пишущіе ѣ вмѣсто е передъ у и в, доказываютъ, что это у неслоговое и что оно замѣнило й, удлинивъ предшествующее е, которое при этомъ дифтонгизировалось. Ср. напр. въ Путенск. ев. нѣ вкоусить 108, нѣ оубоитеса ib. 121, нѣ оуведосте ib. 122, нѣ оумреть Пут. ев. 135. Въ Добрил. ев. дооулѣкть 25d представляетъ несомнѣнно въ начертаніи оу звукъ u̯, ибо въ этомъ памятникѣ ясны слѣды того, что въ языкѣ его писца уже окончилось паденіе полукраткихъ гласныхъ. Ср. въ поздн. великорусскихъ памятникахъ: Леушину при Левшину 1471 (А. Кал. I № 31), Леушову дат. ед. 1490 (А. Кал. II № 147), Ноугородского, Ноугородцемъ Новг. 1456 (сп. XVI в.) (А. А. Э. I № 57), ноугородцемъ Новг. 1471 (XVI) (А. А. Э. I № 91).

Примѣчаніе 1. Въ одномъ положеніи й было извѣстно, повидимому, во всѣхъ русскихъ говорахъ, слѣдовательно, и въ тѣхъ, которые вообще противопоставляли звуку й сочетанія vъ, vь, а именно при соединеніи начальнаго u съ гласною предшествующаго предлога: u переходило при этомъ въ й. Такъ zautra измѣнилось въ zaŭtra; отсюда при паденіи полукраткихъ явилось zau̯tra, давшее въ говорахъ, не имѣвшихъ u̯, zavtra (и далѣе zaftra). Равнымъ образомъ находимъ: добро втра (т. е. привѣта съ добрымъ утромъ) оу нихъ нѣтъ Хожд. Аѳ. Ник. 379a.

Примѣчаніе 2. Какъ было указано въ § 339², въ тѣхъ великорусскихъ говорахъ, которые представляютъ u̯ вмѣсто исконнаго й послѣ гласной, й въ началѣ слова измѣнилось въ u, причемъ это измѣненіе предшествовало паденію полукраткихъ гласныхъ.

Примѣчаніе 3. Подъ вліяніемъ аналогіи находимъ u въ малор. и бѣлор. тамъ, гдѣ ожидалось бы его отпаденіе, напр. малор. узваръ, узлиссэ, узбіччя (Крымскій, Укр. грамм., 258), удова, уся; бѣлор. усюды, узяў, унук и т. д.

Примѣчаніе 4. Въ виду указаннаго отпаденія й въ началѣ словъ,

приходится допустить, что слова ŭźaťi, ŭźьmъ, ŭźaľъ стали звучать źať, źem, źaľ. Это вызвало новообразованія źmu, źmeť, źmi, а съ другой стороны чередованіе źať и vźať вызывало отпаденіе v въ формахъ voźmu, voźmi; ср. малор. діалект. озми, озмете у Бойковъ, бѣлор. азьми; въ бѣлор. памятникахъ: ѡзмоуть Супр. сп. Лит. лѣт., ѡзма Вил. сп. Лит., лѣт., ѡзметь Статутъ 1588 г., озмї Ев. Тяпинскаго (Карск. II, 423). Подъ вліяніемъ такихъ формъ зем и узем замѣнялись черезъ оземъ, ср. не оземъ Вилни Вил. сп. Лит. лѣт., ѡземь Патер. Супр., 254; зял замѣнялось черезъ озял: азяў Свенц., Борис.

§ 365. Приведу, наконецъ, примѣры паденія ŭ полукраткаго въ сочетаніи согласная + u̯ŭ, которое въ діалектахъ, сохранявшихъ произношеніе v какъ u̯, соотвѣтствовало сочетанію vь другихъ діалектовъ и восходило къ исконному u̯ĭ (ср. § 339). Древнемалор. дври, т. е. dvri, при дьврехъ, дьври, къ дьвремъ Гал. сп. ев. чт. 1266—1301.

Примѣчаніе 1. Рядомъ однако было извѣстно и другое измѣненіе сочетанія u̯ŭ; а именно оно переходило въ v́ŭ и далѣе въ v́i; возможно, что такой переходъ зависѣлъ отъ измѣненія въ соотв. говорахъ u̯ въ v; онъ вызывалъ измѣненіе ŭ въ ŭ краткое; слѣдовательно, это діалект. измѣненіе происходило до эпохи паденія полукраткихъ гласныхъ. Такъ объясняется сочетанія v́i (откуда малор. vї), напр. въ дзвинїла Глухов. (Литв.-Барт., 101), дзвинить Иги. зъ Никл. 71, коли макъ зацвине ib. 91, зацви́ла Бродск. (Етн. зб. I, 9), zacwyła Бойк.-Стр. (Zb. X, 9), зацвитў Пс. XVII в. бѣлор. (Карск. 187), цвище Рогач. (Ром. III, 185), źwiniàć Дисн. (Zb. XVIII, 207), zaźwinièli Волков. (Federowski, I, 45), Звинигородского Псковск. 2-я лѣт., 34.

Примѣчаніе 2. Въ серединѣ слова между согласными выпаденіе полукраткихъ ŭ, ĭ вызывало появленіе вмѣсто u̯ сочетанія ev или ov: кь листьвну Ипат. 55в, ко листьвноу Радз. 84, жертьвнику Хут. служ. XIII—XIV (Оч. Соб.), жертовникъ Хожд. Дан. (изд. Венев. 114), о жертовницы (ib. 22, вар.).

Примѣчаніе 3. Сохраненіе u̯ или v въ началѣ словъ, какъ вдова, внук, вдод, и т. д. въ малорусскомъ обязано вліянію той формы, которую эти слова принимали послѣ предлоговъ: у вдови, т. е. u̯dovї, за вдову, т. е. zau̯dovu, и т. п. Послѣ согласной предшествующаго слова начальное u̯ замѣняется черезъ u.

§ 366. Какъ указано было выше, паденіе полукраткихъ гласныхъ, не частичное (въ начальномъ слогѣ передъ ударяемымъ слогомъ), а общее обнаруживается въ памятникахъ не раньше середины XII столѣтія. Судя по

памятникамъ, оно произошло разновременно въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ, но завершилось вполнѣ въ теченіе XIII вѣка. Раньше, чѣмъ на сѣверѣ, пали полукраткія гласныя на югѣ. Въ южнорусскомъ (малорусскомъ) памятникѣ, Добриловѣ евангеліи 1164 года паденіе полукраткихъ обнаруживается во всѣхъ положеніяхъ и уже со всѣми его послѣдствіями: переходомъ ъ и ь въ предшествующихъ слогахъ въ о и е, дифтонгизаціей е въ предшествующемъ слогѣ. Мы находимъ здѣсь: што вм. что, недужнъıхъ, дверми, послѣднии, свѣтилникъ, брашно, что доказываетъ полное паденіе ъ и ь во всѣхъ положеніяхъ въ словѣ. Паденіе ї доказывается какъ приведенными выше въ § 360 написаніями, разграбить 56c, ꙗвить 125d, такъ и такими, какъ трѣтьѥѥ, шѣстью, въ нѣи, по всѣи земли, камѣньѥ, въ рожѣньи. Паденіе й доказывается случаями, подобными отмѣченнымъ въ § 364: нѣ въмѣщаѥтьсѧ, нѣ оужасаитесѧ, и др. За Добриловымъ евангеліемъ слѣдуетъ рядъ другихъ южнорусскихъ памятниковъ XII-го, затѣмъ XIII в. съ однородною графикой.

Полное паденіе глухихъ въ сѣвернорусскомъ нарѣчіи обнаруживается памятниками, начиная съ XIII в. Укажу на грамоты, напр. Новг. гр. 1265 (а): коупцины, посадника, закладниковъ, ѿ лну, пошло; Новг. гр. 1270: новгородца; Новг. гр. 1265 (б): соцьскъıхъ (вм. древняго сътьскъıхъ), хмелна, за волок. Новгородская кормчая 1282 года представляетъ, напр. въ Русск. Правдѣ, такія написанія, какъ: нелзѣ, матернѧ часть, бчелъı, на гостинци, передъ кнѧземъ, жеребець и т. д.

Въ XIV вѣкѣ всѣ рѣшительно памятники уже послѣдовательно усвоиваютъ себѣ даже новыя орѳографическіе пріемы, вызванные паденіемъ глухихъ. Приведу для примѣра московскую духовную 1328 года: свободка, отоїму҃, осмничеѥ, селце, не їмет ли служити, можаѥскъ, в҃ блюдци, меншии, псалъ, дчери дат. ед., со всими, пѣсочну. Въ Лаврентьевской лѣтописи: русску землю 98, храборъ 99 об., сътснувшеси 99, логожескъ 99, сде ѡндѣ 97, хочешь 102, сступленью 101, безо князя 102 об., сскочи с конѧ 106, изѧслав же 109, 108 об., кон же его 108 об., сѣделнъıи 108, создана 117 об., не ѡстал бо сѧ бѧшеть 115, и мн. др.

Глава V. Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми плавными.

§ 367. Мы знаемъ, что сочетанія г̣ъ, ґ̣ь, ł̣ъ, ł̣ь въ общерусскомъ праязыкѣ, какъ и въ общеславянскомъ, являлись въ положеніи, во-первыхъ, за согласными, во-вторыхъ, въ началѣ слова. При этомъ, какъ указано въ § 338, при одномъ условіи діалектически произошло измѣненіе этихъ соче-

таній въ гъ, ѓь, ĺъ, Ĺь (съ неслоговыми плавными и слоговыми, краткими ъ, ь), а именно въ началѣ слова послѣ согласной (dr̥ъva и т. п. вм. dr̥̆va). Оставляя въ сторонѣ эти новыя діалектическія сочетанія, видимъ, что вообще ъ̆, ь̆ исчезли въ русскомъ языкѣ, что вело и къ измѣненію предшествующихъ слоговыхъ плавныхъ. Представляется вѣроятнымъ, что паденіе ъ̆ и ь̆ произошло одновременно съ паденіемъ ѣ и Ѣ и, быть можетъ, вызывалось ихъ паденіемъ: отпаденіе ѣ въ daĺѣ естественно вело къ отпаденію его въ ńösl̥̆ъ̆, и это было тѣмъ естественнѣе, что рядомъ съ ńösl̥̆ъ̆ издавна существовало произношеніе ńösl̥̆Ѣ̆, вызванное вліяніемъ аналогіи (см. выше, § 79). Поэтому признаю выпаденіе и отпаденіе ъ̆ и ь̆ общимъ для всего русскаго языка явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто въ теченіе второй половины XII и въ теченіе XIII вѣка. Оставшіяся такимъ образомъ безъ опоры со стороны слѣдующей гласной слоговыя плавныя (въ началѣ слова передъ согласными, діалектически и послѣ согласной, въ серединѣ—между согласными, а въ концѣ—послѣ согласной) устранялись съ теченіемъ времени въ различныхъ русскихъ говорахъ болѣе или менѣе однообразными способами, а именно посредствомъ измѣненія r̥, l̥, ŕ, Ĺ въ сочетанія гласная слоговая + r, l, ŕ, Ĺ неслоговыя. Только діалектически сочетанія согласная + слоговая плавная въ началѣ слова устранялись инымъ путемъ, а именно измѣненіемъ ихъ въ сочетанія согласная + ru, lu, ŕi, Ĺi. Въ виду того, что измѣненія слоговыхъ плавныхъ были въ общемъ однородны въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, мы разсмотримъ ихъ здѣсь, въ отдѣлѣ, посвященномъ древнерусской эпохѣ, хотя на самомъ дѣлѣ часть ихъ (въ особенности измѣненіе слоговыхъ плавныхъ въ началѣ слова) могла произойти и въ позднѣйшее время.

§ 368. Но сначала остановлюсь на одномъ общемъ пріемѣ, которымъ устранялись слоговыя плавныя въ началѣ слова и въ концѣ его, повидимому, еще въ древнерусскомъ языкѣ: слоговыя плавныя замѣнялись неслоговыми. Прослѣдить это явленіе въ концѣ слова не такъ легко, такъ какъ полученныя въ результатѣ такого измѣненія группы согласная + плавная неслоговая могутъ имѣть и иное происхожденіе, восходя къ общерусскимъ сочетаніямъ согласная + глухая неслоговая плавная + полукраткое ъ или ь; мы знаемъ, что эти послѣднія сочетанія возникали еще до паденія глухихъ. Такъ ńösl̥̆ъ̆ измѣнилось въ ńösl (и отсюда ńös), но ńösl могло имѣть и иное происхожденіе, восходя къ ńösl̥̆Ѣ̆, явившемуся подъ вліяніемъ ńösło, ńösła (ср. § 79). Тѣмъ не менѣе разсмотрю здѣсь примѣры, указывающіе на замѣну слоговой плавной неслоговою въ концѣ слова. Сюда относятся, напр., причастія на ĺъ въ муж. р. отъ основъ на согласную: ńösl̥̆ъ̆, какъ указано,

измѣнилось въ ńösl̓ и далѣе въ ńösl̓ и ńös. Ср. совр. великор. нёс, пёк, сгрёб, утоп, рос, мог, лёг, отсѣк, запрёг, умер и т. д.; малор. пік, міг, віз, ніс, тер Лубенск. (Етн. зб. XIV, 112); бѣлор. прынёс, прыбёх, мох, грыс. Изъ древнерусскихъ памятниковъ приведу: зане оувергъ еси ножь Ипат. 94б, оумеръ быхъ Новг. 1-я по Тр. сп. 65г, оглꙋ Богд. Злат. XVI в. (Изв. 1905, III) и др. Что касается написанія ѩко ѿвьрзъ ѥсть въ Христ. ап. 34, то здѣсь или описка, или опечатка, ср. ѩко ѿвьрзлъ ѥсть ib. 35. Въ именахъ существительныхъ находимъ, напр. великор. рупь и рупъ вм. рубль, карапь и карапъ вм. корабль, Пёт; доб Псков. (Оп.), Новгор. (Обз. Кол. 199); на кораб Лубенск. (Етн. зб. XIV, 73). Въ древнерусскомъ: сн҃ъ ѩрославъ вм. ярославль Ипат. 61а, на переѩславъ 12б (л надъ ъ надписано позже) и др.

Въ началѣ слова замѣна слоговой плавной неслоговою могла происходить сначала подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, обобщаясь затѣмъ до общаго звукового явленія въ отдѣльныхъ говорахъ. Такъ l̓nu, r̥ta, l̥ba, l̓źa, переходили въ l̓nu, rta, l̥ba, l̓źa подъ вліяніемъ l̓ǒn, rot, l̥ob, ńel̓źa, (изъ ńe l̓ĕźa, ибо послѣ гласной слоговая плавная была нетерпима); также и rvaś вм. r̥vaś подъ вліяніемъ narvaś, l̓nuś вм. l̓nuś подъ вліяніемъ pŕil̓nuś. Ср. древнер. ркли 1490 (А. Кал. I № 52); великор. льну, рта, рвать, лба, льва, льнуть, лгать, ржать (вмѣсто рзать), р. ед. ржи, лжи, льняной, и т. д., малор. лжа, лгати, льгота, Львів, рзати, ржа, ржія (ржавое болото).

§ 369. Перехожу къ примѣрамъ фонетическаго измѣненія слоговыхъ плавныхъ, утратившихъ за собою неслоговыя ъ и ь въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ. Во-первыхъ, въ концѣ слова. Здѣсь на мѣстѣ r̥, l̥ возникали сочетанія or (послѣ задненёбныхъ), or и er (послѣ другихъ согласныхъ), ol̓; на мѣстѣ r̓, l̓ — сочетанія eŕ, el̓. Примѣры изъ памятниковъ: не моголъ Ев. Типогр. № 8, 20 в, потополъ Гр. 1229 (въ сп. С), моголъ, потополъ Гр. 1229 (Е), постригълъсѧ Ипат. 69а, потѧголъ Новоросс. сп. Новг. 4-й, 659а, рекълъ (чит. реколъ) Лѣт. Авр. (Карскій), веперь Кн. Законн. сп. XV в. (Павловъ), земель Дв. гр. XV в. №№ 35, 77, 90, 1470 (А. Кал. I № 31), вѣдоръ Акад. сп. Русск. Пр. XV в., Комм. 88, добръ хороборъ Ипат. 299 об., доборь и хороборь Хлѣбн. сп. (въ соотв. мѣстѣ), Теребовелъ Ипат. 168б, наголъ Поуч. Ефр. Сир. 1377, 100б, 103в, 231а, деберь Пут. Аѳ. Ник. 390а, круголъ Хожд. Дан. Пал. (Венев. 19), узолъ Посл. XVIII в. (Симони, 211), Судебн. Ѳед. Ив. 1589 г., 29, игоръ р. мн. Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ въ Изв. 1905, III), по ō оутерь Псков. л. Погод. № 1413, 139б, храберъ Тр. сп. Новг. 1-й, 4б, мюрчюфолъ Новг. 1-я, храборъ Лавр., веперь Барс. сп. Кн. зак. XV в. (Павл. 54), р. мн. купе[ъ] Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в., 59а. Въ совр. великор.: им. ед. вихорь, уголь,

рубель (обл.), и́стопель Шенк. (Оп.), у́добель Шенк. (Оп.), ве́перь Усол. (Оп.), жураве́ль Нижегор. (Доп.), мысель Шенк. (Оп.), свою мысель потѣшающи Петроз. (Прич. сѣв. края, I, 76), ка́рабель Бѣлом. был. (Л. Васильевъ, 29), вѣтеръ, бобёръ, добёръ Костр. (Виногр.), сестёр р. мн., капель, вёсел; им. быстеръ, мудеръ, кругалъ, смугалъ, мо́каръ Обоян. (Машкинъ). Въ малор. корабе́ль, напр. Лубенск. (Етн. зб. XIV, 73), Днѣстер, р. мн. сестер, земе́ль, им. ву́голь, угорусск. вітор (Верхр. I, 25 и II, 33), мысель, веперь. Въ бѣлор. рубе́ль, вепе́р, мудзёр, сесцёр, зубёр, сясцёр, земе́ль.

Примѣчаніе. Мнѣ неясно, чѣмъ именно вызывается колебаніе ег и ог въ указанныхъ выше случаяхъ, какъ хоробор при хоробер, добор, и добёр, вѣтер и вітор, вѣдор и наше вёдер; не находя е послѣ заднепёбныхъ, думаю, что фонетически ŗ переходило въ ог только послѣ нихъ; послѣ другихъ согласныхъ фонетически оно измѣнялось, вѣроятно, въ ег, а ог являлось подъ вліяніемъ той или иной аналогіи. Напротивъ, ļ всегда переходило въ оļ, а еļ, напр. въ узел, вёсел, объясняется аналогіей.—Угрор. угел (уголь), галицк. угель (напр. у Игн. зъ Никл. 88) имѣютъ е вм. о, вѣроятно, подъ польскимъ вліяніемъ (węgiel).

§ 370. Во-вторыхъ въ серединѣ слова. Здѣсь, повидимому, имѣлъ мѣсто такой же фонетическій переходъ ŗ въ ог, ег, ŕ въ еŕ, ļ въ оļ, ľ въ еľ, какой мы видѣли въ концѣ слова. Въ доказательство сошлюсь на слѣдующіе примѣры. Изъ памятниковъ: гоусельныа Толст. Патер. XVI в. (Яковл. LIII), въ пеколници Никон. лѣт. подъ 6970 (XII, 114), бы ѿтепельа Псков. Погод. № 1413, 193д. Великор. земельный, земелька, корабельный, корабельникъ (назв. монеты), весельный, ведёрный, ведёрко, подребёрный, масельца Тороп. (З. Г. О. 1864, II, 137), остержонокъ: отщепокъ, отщепанное березовое полѣно Тихв. (Оп.), ср. острежбнокъ: тоже Шенк. (Подв.) и острёжекъ: тоже Арханг. (Оп.), ср. строгать; су́дорга Арх. (Подв.) изъ судръга; къ заутерни Акмол. (прогр. № 75). Бѣлор. маселцо (Слов. Носовича), ведзерко, ведзёрный. Малор. весе́льний (отъ весло), муде́рний и муде́рський (Слов. Желех.), масельце́, масельни́чка, осте́рва (и ости́рва): заостренный колъ, рядомъ: остро́ва, островина́ (съ суфф. -ов-); земелька, земельний, гусе́лки (уменьш. отъ гусли), угорусск. ремесе́льник (Верхр. I).

Примѣчаніе 1. Указанное фонетическое измѣненіе нарушалось въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, вмѣсто ŗ, ļ, ŕ, ľ являлись r, l, ŕ, ľ подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, и эти плавныя (можетъ быть, именно глухія плавныя) под-

лежали затѣмъ выпаденію. Чаще, чѣмъ въ великорусскомъ, находимъ мы это въ малорусскомъ, напр. малор. ремéсник, ремéсний, срібний, масни́ця и ма́сниця (масляница), ябко Долівск. (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 31), jabl̓ko Збараж. (Zb. VII, 122), Злоч. (Zb. VII, 127), йапка Бродск. (Етн. Зб. I, 16), ябка Иги. зъ Никл. 7, jabko Перемышл. (Zb. XIII, 43), заоутрни Ев. XIII в. № 6, 162в; бѣлор. вн҃тр҃нбти Псалт. XVI—XVII в. (Карск. 188), на заоутрни Пут. ев. 229; также Петрка Ипат. 128а (при чемъ буква е надписана позже). Сюда же лѣпши моужи Ипат. 303 г., преставшюсѧ Ипат. 78 об., переꙗславьскыи ib. 77 об., ꙗвлшася ꙗму им. дв. Пут. ев. 259. Въ великор.: діалект. серебрный съ открытымъ е передъ б (ср. въ Оп. им. гетм. Ив. Самойл. 1690 г.: 6 пугвицъ сребрныхъ, Р. И. Б. VIII, 1186). Во-вторыхъ, вмѣсто r̓, l̓, ŕ, ĺ являлись ro, lo, ŕe, ĺe, причемъ эти сочетанія переносились, повидимому, изъ положенія передъ слогомъ съ утраченнымъ ъ̀ или ь̀. Такъ jabl̓ko измѣнилось въ jabloko подъ вліяніемъ jabłok, jabłočnyj, великор. яблоко; сюда же великор. масленый, мысленый, вѣтреный, вёдрено (о погодѣ), малор. у́треня; Ипат.: задиѣпрескыи князи 290а, престоуплеше 293в, переꙗславлескиѧ 77 об., переꙗславлестии 76.

Примѣчаніе 2. Вмѣсто ожидаемаго ел находимъ ол въ мітолки Лубенск. (Етн. зб. XVI, 94).

Примѣчаніе 3. Повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ r̓, ĺ, ŕ, ĺ могли переноситься и въ положеніе передъ слогъ съ полукраткими гласными (фонетически здѣсь могли быть только сочетанія гъ, l̓ъ, ŕь, ĺь съ краткими ъ, ь, подъ вліяніемъ полукраткости гласной въ слѣдующемъ слогѣ). Въ этомъ положеніи слоговыя плавныя въ бѣлор. и малор. нарѣчіи измѣнились въ ry, l̓y, ŕi, ĺi (т. е. такъ же, какъ въ случаѣ, указанномъ ниже, въ § 372). Примѣрами могутъ служить: бѣлор. Петрык (отсюда и Петрыку въ Акад. сп. Лит. лѣт. XV в., 167 об.), опатрын (отсюда wпатриности въ Зап.-русск. сб. XV в. Карск. Изв. II, 1002), яблычка, яблышный Рогач. (Ром. III, 184). Малор. за́втрички (Слов. Желих.); р. мн. *яблык (что вызвало угрорусск. яблыко Верхр. I, 23 и древне-малор. ꙗблъко въ Житіи Саввы XIII в. изд. Помял. 5 об., 6).

§ 371. Въ-третьихъ, въ началѣ слова. На мѣстѣ слоговыхъ плавныхъ находимъ въ разныхъ русскихъ говорахъ or, ol̓, ar, al̓, ir, il̓. Приведу примѣры изъ разныхъ эпохъ и нарѣчій. Въ памятникахъ находимъ вмѣсто древняго Льто (назв. притока Трубежа): Ольто, напр. на Олто Радзив. подъ

1068, на Олту Акад.-Сузд. подъ 1151; Альто, напр. на Алтѣ Ипат. подъ 1015 г., на Алъто Ипат. подъ 1019 г.; вм. Львовъ—Илвовъ въ актѣ 1407 г. (Акты З. Р. I, 30); въ Библіи Скорины находимъ: илъжу, илжеть, илживое, илжите; илсти, ильстивомъ, ильстит', ильстивость, ильстец'; иръци; иржавает' (Владиміровъ, Докторъ Фр. Скорина, с. 255); олляныхъ вм. ольняныхъ Гр. 1603 (А. Кал. II, 264); ѡржаное Домостр. 46; аркучи Слово о п. Иг. 20, арка Новг. 1-я по Комм. 359, аркоуще 357, ильпятъ Хожд. Дан. (Венев., с. 54 вар.), илжа Акад. сп. Сузд. лѣт. подъ 1071 г., аркуци 1459—70 (А. А. Э. I № 62). Въ сѣверновеликорусской области: аржано́й Шенк., Холмог., Тотем., Сольвыч., Грязов., Бѣлоз., Покр.-Владим. и др. (см. Изв. 1903, кн. I), оржано́й Молож., Пошех., Рыбинск., Холмог., Грязов., Кирилл., Муром. и др. (см. тамъ же), альняной Новгор. (Обз. Кол. 127), орляное масло вм. олляное, ольняное Владим. (В. Черныш.), ольгота Петроз. (прогр. № 30), вольгота Онеж. (прогр. № 41), Тотем. (прогр. № 192) и др., ильгота Тотем. (прогр. № 203), Холмог. (прогр. № 50), артуть Холмог. (прогр. № 50), Соликам. (прогр. 181), ильстецъ Холмог. (прогр. № 50), Тотем. (прогр. № 203).—Южновеликор. область: аржаной Обоян. (Машкинъ), Ряз. (Будде), Жиздр. (Никольскій), Тамб. (Оп.) и др., альяно́й Курск. (Э. С. V, 48), Касим. (прогр. № 47), альняный Тороп. (прогр. № 233), альну Мосал. (Шахм.), ильны Болхов. (Сахаровъ), ильни Мосал. (Шахм.), ильна Мещов. (Шахм.), Тимск. (прогр. № 246) и др., ильни́ще Псков. и Осташ. (Доп.), иржи Тимск. (прогр. № 246), Льгов. (прогр. № 76) и др., иржанище Псков. (Доп.), ирвать Жиздр. (Никольскій), Псков. (Копаневичъ), Обоян. (Машкинъ, А. Г. О. XIX. 3), ирво́та Мещов. (Черныш.), ильгота Обоян. (Машк.), Псков. и Осташ. (Доп.) и др., ильстецъ Зубцов. (прогр. № 108), илгать Мещов. (Черныш.), илгунъ Островск. (прогр. № 33), илгеть Мосал. (Шахм.), ильнуть Псков. и Осташ. (Доп.), ильзя Псков. (Доп.), Ильвовъ Мещов. (Шахм.), илбомъ Болхов. (Сахаровъ), ирта́ Холмск. (прогр. № 159), иртуть Болхов. (Сахаровъ), иржать Тороп. (прогр. № 233), иржеть Жиздр. (Никольскій), ирты: охотничьи лыжи Трубч. (Доп.), ср. древнерусск.: пріидоша Мордва на ртахъ съ сулицами и рогатинами, а также словенск. ŕt, rtíce въ значеніи двойныя короткія сани съ однимъ приводомъ (Слов. Плетершника), Орша—древнее Ръша въ Смол. губ., Аржать при Ржать, притокъ Межи, впадающей въ Западную Двину.—Бѣлорусская область: аржаны́й Дисн., Слуцк., Мозыр., Быхов. и др. (Изв. 1903, кн. I), аржа́ный (Слов. Носовича), иржи́ще Ельн. (Добров. Э. С. I, 639), аржа: ржавчина (Слов. Носовича), иржа: тоже (тамъ же, а также Орш., Минск., Новоалекс. и др., см. Изв. 1903, кн. I), иржа́ць, иржець, иржуць (Слов. Носовича и др.), ирваць (Слов. Носов.), ирвець Ельн. (Добров. Э. С. I, 139)

и др., ирдзе́ль и ирдзень (краснощокій, краснорожій, отъ ръдѣти, Слов. Носовича), альня́ный (Слов. Носовича и др.), ильня́ный Новоалекс. (прогр. № 11), ильнища Витебск. (прогр. № 18), ильну Игум. (прогр. № 8), аўге́шъ Ельн. (Добров. Э. С. I, 470), илгаць Витебск. (прогр. № 18), Ельн. (Добров. Э. С. I, 468) и др., ильну́ць (Слов. Носовича), ильва Минск. (прогр. № 7), ильвица Ельн. (Добров. Э. С. I, 493), илкну́ць: глонуть (Слов. Носовича), арцы́ и ирцы́: назв. буквы р, Орш. и Сѣнн. (прогр. № 4). — Малорусская область: ортуть при ртуть (Слов. Желех.), иржа́ (Ogonowski, Studien, 54), иржа́вый угрорусск. (Верхр. Зн. I, 24), арджа: ржа угрор. (Верхр. II, 33), иржа́ти, ирза́ти (Ogonowski, 54), заирзавъ (Игн. зъ Никл. 59), ирзонути угрор. (Верхр. I, 24), ирва́ти (Ogonowski, 54), ирвати, ирвуть угрор. (Верхр. I, 24), ирвону́ти (Ogonowski, 54), иржі́й при ржий, ржій раст. Myagrum sativum (Слов. Желех.), ильня́ний (Ogonowski, 54), ильну угрор. (Верхр. I, 25), и́льще: блудящій огонекъ, при льще (Слов. Желех.), и́льва: львица (Слов. Желех.), Ильвӧв: Львовъ угрор. (Верхр. I, 24), Ирша притокъ Тетерева, ср. выше Ръша, u tim yłnì Бойк.-Стр. (Zb. X, 27), Ільтиця (назв. р., Житецк. Оч. 193).

Примѣчаніе 1. Обычной народной формой для Гжатскъ является Аржа́тскъ, что ведетъ насъ, вѣроятно, къ Ръжатьскъ, ср. Ржать, Аржать — отмѣченный выше притокъ Межи. Если названія Гжатскъ, Гжать и Ржать, Аржатскъ одного происхожденія, то г въ Гжатскъ надо объяснить какъ придыханіе, явившееся передъ слоговымъ р: hr̥žať измѣнилось далѣе въ hržať, hžať, γžať. Ср. подобное придыханіе въ діалектахъ словенскихъ: hrtalec (хоботъ), hrzati (ржать), см. Ilešić въ Archiv, XXI, 205; въ старочешск. hrzati, hrdousiti, діалект. hrvat, (рвать), словацк. hrdza (ржа), см. Gebauer Hist. mluvn. I, 464. Ср. еще угрорусск. гарджа, ведущее къ hr̥dža, при арджа (Верхр. II, 33), а также долівск. гризати: ржать (Верхр. въ Зап. Тов. Шевч. XXXV, 54), восходящее къ hr̥ъ̯zati.

Примѣчаніе 2. Малор. иллють Козелецк. (Черн. Г. В. 1855 № 17) и др. восходитъ непосредственно къ ḷ́juť, очевидно, изъ ḷ́ь̯juťь̆, что доказываетъ или наличность ь передъ j въ этомъ глаголѣ: lьjǫtь изъ lĭjǫtĭ, или переходъ ĭ (перенесеннаго въ положеніе передъ j изъ положенія передъ i̯, ср. nalĭi̯eśĭ) въ ь̯ въ положеніи за плавной.

Примѣчаніе 3. Можетъ быть, Азна при Лзна, притокъ Черехи въ Псковской области (И. Васильевъ, Опытъ слов. Пск. у.), ведетъ къ ḷъzna.

Примѣчаніе 4. При условіяхъ для меня неясныхъ начальныя r̥,

ļ перешли въ разныхъ русскихъ говорахъ въ гу, ļу, а Ї въ ї; особенно неясны подобные случаи въ великорусскомъ нарѣчіи. Такъ находимъ ры́жки Пудож. (Шахм.); лежицами (чит., конечно, лыжицами) въ южнорусскомъ Погод. сп. Тверск. лѣт., Ливовъ, Ливовчане гр. 1546 (ссылка у Огоновскаго, 55); сюда же: рѣкы Лысны Ипат. 291б, при рѣкы Лосны тамъ же; отмѣчу еще рилѣ рпсь XIV в. (Р. Д. II, 292), рили Кар. сп. Русск. Пр. XV в. (Кал. 42); ср. на рли Новг. 1-я лѣт. Съ нѣсколько иною вокализаціей: Лутаву Ипат. 211б при оу Лтавы 202б (совр. Полтава).—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ находимъ въ началѣ слова го, ło, ŕe, їе, которыя нетрудно объяснить вліяніемъ со стороны подобныхъ сочетаній, возникавшихъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную. Такъ ложицами Забѣл. сп. Тверск. лѣт. 48 явилось подъ вліяніемъ ложка; также объясняется лестити, лестить Ипат. 120а, 196в, малор. лести́ти; лести́ть Грязов. (Мансикка), лястил, ляслиф, Ворон. и Павл. (Филатовъ) подъ вліяніемъ лесть. Ср. еще легота Шенк. (Плечевъ), Соликам. (прогр. № 207), лягбта Болхов. (Сахаровъ), волегота Соликам. (прогр. № 207) подъ вліяніемъ легко; далѣе рожаной Судог. (Обз. Колосова, 1), Самар. (прогр. № 40: ръжанбj), лбба Кашнск. (прогр. № 117), Кадник. (прогр. № 46) и др., лобан, подъ вліяніемъ рожь, лоб; также: въ роту Бѣлоз. (прогр. № 191), рота Петроз. (прогр. № 30), Шенк. (прогр. № 83), z rota Липов.-Кіевск., ротатий малор.; ле́на малор., лёну (Квитка II, 177), їопи Лидск. (Weryha, 87); левы звѣри, лева звѣря въ былинахъ (Обз. Колосова, 1), лявиный Болхов. (Сахаровъ) и мн. др.—Что до лыжка Кинеш. (О. С. 79), малор. и угрор. лижка, ļужkаmу Бойк.-Стр. (Zb. X, 22), лыжици, лыжицами Хлѣбн. подъ 996 годомъ, то здѣсь корень ļug-, чередовавшійся съ ļъg-; ср. польск. ļużka при нижнелуж. ļeżka.

§ 372. Діалектически сохранялись въ древнерусскомъ сочетанія ŗъ, ļъ, ŕь, ļ′ь въ начальномъ слогѣ послѣ согласной (эти сочетанія, согласно § 338, въ другихъ діалектахъ перешли въ гъ, ļъ, ŕь, їь). Отсюда, послѣ выпаденія неслогового звука—ŗ, ļ, ŕ, ļ′, измѣнявшіяся далѣе въ этомъ положеніи въ гу, ļу, ŕі, ї. Такія сочетанія находимъ въ малор., бѣлор. и нѣкоторыхъ западныхъ говорахъ южновеликорусскихъ. Приведу примѣры. Малорусская область: проклиноў Хлѣбн. (ср. Ипат. подъ 1172 г. прокленоуть, 2-е изд. 554); слизи́ти: заставлять плакать (Слов. Желих.), слызы Шевч. 8; глита́ти, глитну́ти; угрорусск. блыха, бўыха (Верхр. I, 23; II, 23), замішанск. бўыха, долівск. блуха́, блу́хи (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 31); трівати, трівóжити; подле твои стрымѣ Хлѣбн. подъ 1152 г. (въ Ипат.: стремень 419), скрыжеть

Луцк. ев., стриноги Лубенск. (Етн. зб. XIV, 13, при стреноги ib. 14), стринбжити, стри́коза (при стре́кавка), стри́мині: жилки на листьяхъ, при стре́мені, стрікати, заскриготав Канев. (Рудч.), с крыницами Жал. 1433, скриницами Жал. 1454 (ср. съ крьницами Жал. 1424), побриде Тверск. лѣт. по Погод. южнор. списку подъ 1018, ryczku izbryłà Новоградвол. (Zb. XI, 150), на думку збридє (Нѣж. Черн. Г. В. 1853 № 39), побрыде, вбрыде, убрыдше, вбрыдъ Хлѣбн. сп. подъ 968, 1018, 1096 и 1093 г., ср. прибрьде Новг. 1-я; дрижати, дрижі: лихорадочная дрожь, дрижа́к и дри́жик; руки ихъ дрыжаху, задрыжа̂ Зап.-русск. Четья 1489, zdryhnutsia Яросл. (Zb. X, 70), ручки дры́жать Гродн. (Бобровск.), dryżać Сокол. (Zb. XVI, 236), дріжить Шевч. 69, здрігнув 80, съдрьгания Архивск. лѣств. (Соб. Р. Ф. В. 1884); крыви́ р. ед. (у Квитки), криві́ р. ед. при кроў Бродск. (Етн. зб. I, 6), укривавлений Канев. (Рудч.), кри́вний: родимый Остер. (Черн. Г. В. 1853 № 6), крівавого Шевч. 120, ночі крівавої Шевч. 53, с кривлею Каменецк. (Шейк.), кривавымь Пересопн. ев., крывава Зап.-русск. Четья 1489, криха, крихотка Шевч. 19; кришити и кри́шити; ни кришечкі Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 6), крышечку Гадяч. (Рудч.); повыкрышувала Козел. (Черн. Г. В. 1855 № 17); чорнобривий Шевч. 14, briwońky Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 221), czornobrywyj Збараж. (Zb. VII, 127), чорнобрів Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 5), угрорусск. брывó, брыва́ (Верхр. I, 23); дрыва, syrymy drywy Бойк.-Стр. (Zb. X, 23), друва долівск. (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 30), угрор. дрыва (Верхр. II, 31), дрыва Гал. гр. 1424 (А. Ю. З. Р. I № 16), брынѣ Хлѣбн. 759 (въ Ипат. бронѣ); Тристаньць Гал. гр. 1409 (А. Ю. З. Р. I, № 11), тристя́ (Эн. 5).

Бѣлорусская область: дрыжаць, дрыжа́ка бярэць Новоалекс. (прогр. № 14), дры́жыки Минск. (прогр. № 7), здрыганулися Орш. и Сѣнн. (прогр. № 4), дрыжали, дрыжати, дрыжанье Зап.-русск. пс. XVI в. (Карск. 188), задрижали Зап.-русск. пс. XVII в. (ib. 189), крыви Библ. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. тр. о жидовств., 38), искрышил ib. 38, свекрыви ib. (Перетцъ, Книга Руѳь въ бѣлор. переводѣ), содрыгнетсѧ бѣлор. XVI—XVII в. (Карскій, Р. Ф. В. 1890 № 2 и 4), крыха, вин. krychu Волков. (Feder., I, 6), ра krýszaczcy Волков. (ib. 51), р. мн. крышекъ Пинск. (прогр. № 1), крыши́ць (Слов. Носов.), кры́шуць Витеб. (прогр. № 15), кры́шиць Мозыр. (прогр. № 10), чернобрывый Витеб. (прогр. № 15), czarnabrywy Свенц. (Zb. XVII, 173), на брывя́хъ Ельн. (Добров. I, 189), крыви́ р. ед. Ельн. (ib. 437), у крыви Бых. (Ро. III, 416), kryvì Лидск. (Weryha, 58), у крыви Рогач. (Ром. III, 159), дрыўми́ Минск. (прогр. № 7), трысциць: ломать что-нибудь слоистое (Слов. Носовича), трысци́ць: сучить, тростить (ib.); двѣ тры-

сщинки Бых. (Ро. III 215); аббрытаў, ни абрытывай Ельн. (Добров. I, 513, 502), забрытавъ Бых. (Ро. III, 135);—блыха́ Новоалекс. (прогр. № 11) и др., праглыщи́ць Ельн. (Добров. I, 646), ина—глоць! и проглыне Бых. (Ро. III, 213), проглынула Бых. (ib. 203), глыка́ць Орш. и Сѣнн. (прогр. № 4), клычи́ць Ельн. (Добров. I, 132);—слызы Зап.-русск. сб. Р. М. XV в. № 406 (Соб. Оч. 73), kłупїеć, nia kłyni Свенц. (Zb. XVII, 172);—трывога Ельн. (Добров. I, 221, 504, 679: тривога), трывбжить Ельн. (ib. I, 613: тривожить), tryb̂ch Волков. (Feder. I, 60), трызвбн Ельн. (Добров. I, 516: тризвонъ), брысци, брыду (Карскій, Обзоръ, 147), грымѣць, напр. гримѣў, загримѣла, гримить Ельн. (Добров. I, 510, 234, 91), трыва́ць, vytryvàć (Weryha, 64), трывати, трываючаѧ Зап.-русск. XVI в. (Карскій, Пс. 188), хрысци́ць Рогач. (Ро. III, 148: христить), achryścić Волков. (Feder. I, 55), nie chrỳszczany (ib.), крищенiа, на кристе, ѡкристи̑, христи̑, хрищонъ Зап.-русск. сб. XV в. (Карск.), ѡхристи̑сѧ, похристилѝ Литовск. лѣт. въ сп. Красинскихъ XV в., хрыбе́т, напр. хрибетная Ельн. (Добров. I, 123), васкрысенiя Ельн. (Добров. I, 694: скрысенiя), стрыка́ць и стры́каць: стрекать, жечь крапивой (Слов. Носовича, ср. чешск. strkati: толкать, совать), скрыгота́ць (Слов. Носов.), скригита̑ Зап.-русск. пс. XVII в. (Карскій, 189), и т. д.

Южновеликорусская область: дрыжи́ть Жиздр. (Шахм.), кры́шить Мосал. (Шахм.), блышить: лгать Калуж. (О. С. 68), крыши́ть и кры́шить Дмитр.-Курск. (прогр. №№ 236, 125), крыши́ть, крышу́ Мещов. (В. Черныш.), крыши́ть Мценск. (прогр. № 188), Льгов. (прогр. № 76), крыши́ть, кры́шить Тимск.-Курск. (прогр. № 246);—кры́чуть пѣтуха: бьютъ Мещов. (В. Черныш.), склыки сколько было Мещов. (В. Черныш.), склыка Моск. (В. Черныш.), рожь склы́чилась Мосал. (Шахм.), склыки: ссора, брань Обоян. (Машк.).

Отмѣчу еще: ѡкрывено Ев. Тип. № 1, 18с, кринеть Смол. гр. 1229 (въ сп. Е.), ср. крынеть Русск. Пр. 1282 г.; назв. города Пронска: прыньскоу Ипат. 263б (ы переправлено въ ъ), прыньскы ib. (ы въ ь), прыньску, прыньска Лавр. подъ 1186, к прѣ̑скоу и въ прѣ̑ньскоу Хлѣбн. подъ 1237; назв. города Клечска: кличьскъ Ипат. 115в, при кльчьскъ 115а, клеческъ 115г.

Примѣчаніе 1. Фонетически слоговыя плавныя, а слѣдовательно, и сочетанія ry, ły, ŕi, Ĺi могли возникать только въ слогѣ, за которымъ не было слога съ полукр. гласной и на которомъ не было ударенія; въ этихъ обоихъ положеніяхъ являлись сочетанія rъ, łъ, ŕь, Ĺь, дававшія ro, ło, ŕe, Ĺe (примѣры см. въ § 382). Но по аналогіи сочe-

танія гу, ґу и т. д. проникали и на мѣсто го, ґо; ср. въ указанныхъ выше примѣрахъ: дрыўми́ вм. дроўми, кры́шить вм. кро́шить, крышка вм. крошка, клычуть вм. клочуть, кривний вм. кровний, вбрыдъ вм. вбредъ, и т. д.

Примѣчаніе 2. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, въ малор. вмѣсто ри является и рі: быть можетъ, крів, крівний подъ вліяніемъ крові́, гдѣ рі подъ вліяніемъ нѣкогда мягкой слѣд. согласной, брівка, брівонька подъ вліяніемъ брівi; но кое-что и неясно, напр. дріва близъ Львова (Верхр. въ З. Т. Ш. Ш, 164).

Примѣчаніе 3. Сюда же относится вѣроятно: малор. глибо́кий, глыбоки въ Зап.-русск. пс. XVII в. (Карск., 189), глыбина, глыбокій Могил. (прогр. № 3); но неясно великор. глыбко. — Стрьжень (ѿ стръжене Ипат. 74 об.) перешло фонетически въ бѣлор. стры́жень, малор. стри́жень и стри́жінь (въ великор. этому соотвѣтствуетъ стрежень: болѣе глубокое мѣсто на рѣкѣ Арханг.: Кузмищевъ, стрежень Палея Колом. 24, ѿ стреженѣ Радзив. 116). Великор. и малор. стержень, вм. стрежень, вѣроятно, подъ вліяніемъ *остержень, ср. бѣлор. астры́жень: сердцевина дерева. Грътань перешло въ грытань Зап.-русск. Ч. М. 1489, но рядомъ съ грътань существовало и гъртань, напр. Новг. тріодь XIII в. (Матер. Сл. Срезн.), подъ вліяніемъ гърло, ср. великор. и малор. гортань, гортанка; гортань въ Рум. Парем. 1369 (Соб. 73); угроруск. гартань (Верхр. II, 32), вѣроятно, подъ вліяніемъ польск. gardło.

§ 373. Въ отдѣльныхъ говорахъ слоговыя плавныя указаннаго въ § 372 происхожденія измѣнились въ сочетанія уг, ег, уӀ. Такія сочетанія находимъ преимущественно въ западномалорусской области. Такъ у Лемковъ: кырвавый (съ краткимъ ы), род. ед. кырвы, кырниця (съ краткимъ ы), кыртовина (тоже), гырміти, сылза, сывза и сыза (Ogonowski, Studien, 48—49); Терстяна (назв. селенія), хе́рбет (Ogon. 49); у Замішанцевъ: обырви, дырва, сокырвица: сукровица, гырмит (Верхр. въ З. Т. Ш. Ш, 164); у Долівцевъ: дерва, дерво (Верхр. въ З. Т. Ш. XXXV, 30); въ галицк. говорахъ: сти́рвати при стрива́ти: ждать, терпѣть, ср. чешск. strvati и setrvati, дирва́, гирбе́т: хребетъ, кирни́ця (Слов. Желех.), сте́ркавка: стрекоза, керни́ця, керти́ця, керти́на, керва́, керва́вий, керви́стий, тервбга (Слов. Желех.), прикервавлена (Игн. зъ Никл. 8), керницю (ib., 6), коло керницѣ (ib. 44), піля кернички Збараж. (Рудч.), kérnyczeńka Липов.-Кіевск. (Zb. VIII, 180), kiernyczky Бойк.-Стр. (Zb. X, 38), кервянка Бойк. (Жив. Ст. X, 218), ки́рвов Бучацк. (Етн. зб. VI, 190), с кирниці (ib. 49). Угроруссk. западн.: гырмит и гырміт, кыртіца и кыртипя, дырва, шкырготати,

обырва, окыршини при окришини, хырбет, обырві, стыржень, gылтати, gыўтнути (Верхр. II, 31), окерстити, до керсту, керст, кертица и кертіца, оберві (ib.); восточн.: покыршити, накыршити (Верхр. I, 23), стернадка (ib.); угорусск. села Убли: керві, кервоў (Брокъ).

§ 374. Наконецъ, при условіяхъ не вполнѣ ясныхъ, быть можетъ, прежде всего подъ вліяніемъ неслоговыхъ плавныхъ въ родственныхъ образованіяхъ, слоговыя плавныя указаннаго въ § 372 происхожденія замѣнялись неслоговыми, что въ отдѣльныхъ случаяхъ вело и къ полному ихъ исчезновенію. Подобныя слова найдемъ опять таки только въ малорусской и бѣлорусской области. Малор. крстити, хрстити, рстити, кршеный; у лемковъ: кстити (Ogon. 49); заміш. накстити (Верхр. въ З. Т. Ш. III, 199); восточноугрор.: кстити, ститися, перестітися (Верхр. I, 44), буков. кравими (Сб. Драгоманова, 320) вм. крвавими, па wodorszczu галицк. (Kolberg, Pokucie I, 112); Липов.-Кіевск. krwawy riczky (Zb. VIII, 163); въ памятникахъ: крщенъ гр. 1404 (А. Ю. З. Р. I № 9), крви, крві Поликарп. ев. 1307, 63c, 108b, 1d и др., кви ib. 8c, воскьснеть ib. 52b; отъ крви, отъ крве, кьлнетсѧ Луцк. ев. 1409 (Оч. Собол. 72), кнешисѧ Поликарп. ев. 1307, 21в (надъ строкой приписано ль).

Бѣлор. ксциць, ксцины, хрсциць (Слов. Носов.), кстy, крвавый, трваць, дрвиць (Слов. Носов.), krvi Лидск. (Weryha, 26, 32); въ памятникахъ: стрвожено, трвожишъ, затрвожи̑, трваѣ Зап.-русск. пс. XVII в. (Карск. 189), хръщены Зап.-русск. сб. XV в. (Карскій), крвавое Уст. Сиг. Авг. 1557 (Пам. II, 21).

Примѣчаніе 1. Въ великорусскомъ нарѣчіи подобное измѣненіе совершенно неизвѣстно; это зависитъ отъ того, что здѣсь въ соотв. случаяхъ являются послѣдовательно сочетанія го, ѣо, ѣе, ѣе. Къ кажущимся исключеніямъ относятся слова кстить, кстины при и вмѣсто крестить, крестины; едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это заимствованія изъ южнорусскаго нарѣчія. Ср. еще на Кстовѣ полянѣ 1627 (А. Кал. I, с. 557). Отмѣчу, что въ нѣк. великор. говорахъ произносится только крестить, крестины, а не кстить, кстины Рост. (Булычевъ). Рядомъ съ теперь уже исчезнувшимъ, но въ древности очень распространеннымъ произношеніемъ Плесковъ является Псковъ, ср. Пьсковъ Забѣл. сп. Тв. лѣт. 178 об., пьсковъ Паракл. 1389 (Соб. Оч. 131), пьсковѣ, псковици запись 1389 (ib. 124); исконною формою было Pl̓skovъ (ср. Пльсковъ въ Новг. 1-й Синод.); думаю, что измѣненіе Pl̯̓skovъ въ Pl̓skovъ и далѣе Pl̓skovъ, Pskovъ принадлежитъ къ числу тѣхъ особенностей, которыя, какъ мы отчасти уже видѣли (§ 181), отличали псковское

нарѣчіе отъ сѣверноруссkаго, сближая его съ польскимъ. Неясно отношеніе слова трогать, не трожь къ тревога, тревожь (трьвога, трьвожити); возможно, что, явившись въ бѣлор. или малор., оно перешло въ великорусское. Приведу малор. тряетъ Тверск. лѣт. по южн. Погод. сп. подъ 1018, вм. трьваетъ.

Примѣчаніе 2. Отмѣчу еще сложное антихьста, антихьсты въ Комм. сп. Новг. 1-й, 107; ср. въ Ипат. антихръста, антихросту (здѣсь о переправлено въ ъ) 65г, антихрстъ 246в; антихъста, антихъсту Сб. № 1262 (Каринскій); антихъстоу Сб. № 68/270 (Каринск.).

Примѣчаніе 3. Относительно написанія дърва Злат. XII в., то возможно, какъ это указано въ § 314 пр. 2, что это искусственная, графическая передача написанія дръва оригинала.

Паденіе неслоговыхъ ъ и ь въ положеніи за слоговыми носовыми.

§ 375. Одновременно съ описаннымъ въ §§ 367 и сл. паденіемъ ъ̯ и ь̯ за слоговыми плавными, должно было происходить ихъ паденіе за слоговыми носовыми. Здѣсь также необходимо различать три положенія: во-первыхъ, въ концѣ слова послѣ согласной, во-вторыхъ, въ серединѣ слова между согласными, въ-третьихъ, въ началѣ слова передъ согласной.

Въ концѣ слова послѣ согласной слоговыя носовыя измѣнились въ сочетанія en, em, on, om. Примѣры: великор. плѣсень, р. мн. пѣсень и пѣсенъ, басень и басенъ, восемь, діалект. казень Олон. (Обз. Кол. 127), р. мн. сосенъ и сосонъ, им. огонь; угрор. осем (Верхр. II, 33), малор. огонь, діалект. галицк. огéнь, напр. и у Игн. зъ Никл. 92, сосонъ и сосенъ (Гр. Осадцы, 57), плісонь, бѣлор. ωгонь Пс. XVII в. (Карск. 192), сосонъ А. Кал. II, с. 250, с. 144; есъмь Пут. ев. 156. Неясно і въ малор. вісім, плісінь. Сочетаніе dm въ концѣ слова переходитъ въ m: śedḿь перешло въ śedḿ, śeḿ; ср. въ серединѣ слова сохраненіе dm въ великор. śedḿoi̯; параллельная форма śemoi̯, вѣроятно, обязана вліянію формъ śeḿ, śom; ср. семое гр. 1449 (А. Кал. I, № 31).

Примѣчаніе. Сюда относится и псаломъ; неясно однако псаломъ уже въ Чуд. пс. XI в., что указываетъ на то, что о появилось въ этомъ словѣ еще въ церковнослав. языкѣ.

§ 376. Въ серединѣ слова находимъ также фонетическій переходъ слоговыхъ носовыхъ въ en, on, em, om. Примѣры: великор. сосенка, пѣсенка, пѣсенный, восемнадцать, восемьдесятъ, восемью, Подсосонники (назв. селенія

Тверск. губ.); малор. сосóнка; сосонникъ гр. 1391 (въ сп. XVI в.) А. Кал. II, № 134.

Примѣчаніе. Нерѣдкія и́е, и́е въ серединѣ слова объясняются вліяніемъ аналогіи: жизненный подъ вл. жизни; осменичее гр. 1462—72 (А. Кал. I, 113), восменичее 1432—43 (А. Кал. I, № 31) подъ вл. осми; кознеми, казнеми, болизнеми, болизнена, огненое, неприязнены, жизнѣны въ Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ) подъ вл. казни, огня, неприязни и т. д., рѣка вогнена Часосл. XIV в. П. Б. (Шиман. 82), истинено Ев. Публ. библ. I, F 17 (Л. Васильевъ). Еще яснѣе вліяніе родственнаго слова въ осминичее 1470 (А. Кал. I, 109), восминичее 1434—47 въ копіи XVI в. (ib. I, 93), восмидесѧ волостеи Комм. сп. Новг. 1-й, 427, діалект. великор. восминацать. — Кромѣ того находимъ, также подъ вліяніемъ аналогіи родственныхъ образованій, переходъ слоговой носовой въ простую, напр. восмничее 1447—56 (А. Кал. I, № 31), осмничее гр. 1445—46 (А. Кал. I, № 31). Ср. во огннѣ образѣ Кол. Палея 109, огнаго родства ib.

§ 377. Въ началѣ слова видимъ переходъ слоговой носовой въ неслоговую, напр. много, мнѣ, мнѣти, мнихъ: итакъ въ положеніи m передъ n. Но вообще m переходитъ въ сочетанія om, am, im (ср. аналогичный переходъ слоговыхъ плавныхъ въ началѣ слова, § 374). Примѣры. Сѣверновеликорусская область: омшани́къ изъ мъшаникъ Тихв. (Оп.), Холмог. (прогр. № 50) и др., омша́никъ Кашин. (прогр. № 177), Яросл. (Оп.), омша́нникъ Пошех. (прогр. Е. Якушкина), омше́нникъ Покров. (прогр. № 244), омшить: конопатить мохомъ Грязов. (прогр. № 36).

Южновеликорусская область: амшани́къ Рыл. и Судж. (Оп.), амшени́къ Тул. (прогр. № 174), амшанникъ Зубц. (прогр. № 108), амша́никъ Моск. (В. Черныш.), амшы́ть Обоян. (Машкинъ), амша́ра: болото Новотор. (Оп. омша́ра), амхаво́й Бронн. (прогр. № 81), амхавикъ назв. гриба Бѣльск. (Оп.: омховикъ), Амченскъ (городъ Мценскъ); — имшени́къ Опоч. (Оп.), имшить Псков. (Доп.), имшари́на: болото Псков. (Доп.), имша́рить: мшить Псков. и Осташ. (Доп.), имхаво́й Осташ. (прогр. № 84), имча́ть: мчать Великолуц. (Оп.).

Бѣлорусская область: амше́нникъ, амшара, амша́рина, амши́ць (Слов. Носов.), амше́дь: лишай (ib.), амгла Ельн. (Добров. I, 95), Амсци́слав (назв. города), Амли́н (городъ Мглинъ).

Малорусская область: омшани́к и омшанни́к, омши́ти, омша́р, омша́рина (Слов. Желех.); — имшени́к, имши́не, имше́дь, имхо́вий, имча́ти, имчи́ти, имжа́ти, имжи́ти, имгла́, имла́, имли́стый, имсти́тися (Слов. Желех. и Ogo-

nowski, 54), и́мста: месть угрор. (Верхр. I, 24), Имстичево назв. села (ib.), ymczjała Бойк.-Стр. (Zb. X, 42); про се имьстиславъ разъгнѣвася на нѣ Хлѣбн. подъ 6648 г.

Примѣчаніе 1. Произношеніе мшедь малор. (лишай), великор. мгла, мчать, Мценск, мшаник, мстить, мши́ть, мжить и др. объясняется такъ же, какъ произношеніе ржаной при оржаной и т. д., ср. § 368.

Примѣчаніе 2. Неясно мъізда Ук. ев. чт. XIII в., ср. мъздоу Христин. ап. 141; также Мистиславъ, Мистиша, ср. § 374 пр. 4. Такъ же какъ начальныя ŕе, ľе (см. тамъ же) объясняются ḿе, mo, напр. мегла Новор. Новг. 4-й, 498б, мезда Поуч. Ефр. Сир. 250г, мегновение Лѣт. Авр. XV в. 313б, мошени́къ Уфим. (Оп.), машени́къ Курмыш. (прогр. 110), мыхавой Цывильск. (прогр. № 143), мыхавой, мухавой Темник. (прогр. № 131), в мегновений ока Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ); сюда же отме́стить Бѣлгор.-Курск. (А. Г. О. XIX. 44), отмешшу Бѣломор. (Л. Васил.), мегновеньи Лавр. 166б.

Примѣчаніе 3. Великор. муравей восходитъ къ общеслав. m̥ъ̯ravii̯; начальное m̥ передъ r измѣнилось здѣсь, слѣдовательно, въ mu. Рядомъ существовала форма моровий, восходящая къ общеслав. morvii̯ (польск. mrówka, сербск. мрав, словенск. mravek). Точно также при общеслав. norvѣ (откуда русск. норовъ, старослав. нравъ, чешск. mrav) существовало n̥ъ̯ravѣ, ср. болг. нърав, сербск. и слов. nárav; великор. діалект. на́ровъ Шенк. (Оп.), быть можетъ, вм. наравъ, подъ вліяніемъ но́ровъ; въ такомъ случаѣ мы имѣли бы указаніе на измѣненіе n̥ передъ r въ na. Рядомъ было извѣстно и ндрав, непосредственно изъ n̥drav, которое могло перейти также и въ индрав, ср. индра́въ, индра́виться, индра́вный Порх. (Оп.).

Глава VI. Переходъ краткихъ глухихъ въ гласныя полнаго образованія.

§ 378. Въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка краткія ъ, ь, ѣ замѣнены были гласными полнаго образованія о, е, ö. Можно думать, что это явленіе произошло одновременно съ только что разсмотрѣннымъ паденіемъ полукраткихъ гласныхъ и даже вызвано имъ. Краткія ъ, ь, ѣ были извѣстны въ слѣдующихъ положеніяхъ: во-первыхъ, въ слогѣ, предшествующемъ слогу съ полукраткой гласной, во-вторыхъ, въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ, въ-третьихъ, въ сочетаніяхъ съ послѣдующими плавными передъ согласной, въ-четвертыхъ, діалектически: въ сочетаніяхъ за плавной съ предшествующей согласной въ началѣ слова и въ сочетаніяхъ

за v съ предшествующею согласной. Въ первомъ изъ этихъ четырехъ положеній краткость глухой стояла въ тѣсной связи съ наличностью въ слѣдующемъ слогѣ полукраткой гласной; глухая стала краткой вслѣдствіе того, что въ слѣдующемъ слогѣ глухая была полукраткой; исчезновеніе полукраткой гласной неминуемо должно было отразиться на природѣ глухой предшествующаго слога; мы увидимъ, что предшествующій слогъ измѣнялся вслѣдствіе паденія полукраткой количественно (полудолгія о и е превращались въ долгія); сообразно съ этимъ принимаемъ, что ъ, ь, ѣ̈ должны были въ этомъ положеніи перейти въ гласныя полнаго образованія, какъ болѣе вѣскія въ экспираторномъ отношеніи. Звукъ ъ перешелъ въ о послѣ твердыхъ, лабіализованныхъ согласныхъ и въ ȯ (средній звукъ между о и ӧ) послѣ палатализованныхъ (о ъ послѣ палатализованныхъ см. §§ 222, 273); звукъ ь перешелъ въ е; звукъ ѣ̈ (т. е. лабіализованное ь) въ ӧ (лабіализованное е). Такимъ образомъ глухія переходятъ въ соотвѣтствующія гласныя полнаго образованія, которыя нѣсколько ниже и шире ихъ. Переходъ ъ, ь, ѣ̈ въ о, е, ӧ въ указанномъ положеніи повелъ за собою общій переходъ ихъ въ эти гласныя во всѣхъ вообще положеніяхъ. Тѣмъ не менѣе принимаю, основываясь при этомъ на памятникахъ, не послѣдовательное измѣненіе глухихъ въ гласныя полнаго образованія въ указанныхъ выше положеніяхъ, а одновременный переходъ ихъ въ эти гласныя во всякомъ положеніи; это понятно: переходъ sъпъ въ son велъ за собой тутъ же переходъ dѣsku въ dòsku, kъrmĭu въ kormĭu, діалектическаго drъva въ drova. Въ памятникахъ, обнаруживающихъ паденіе полукраткихъ ъ, ь, находимъ случаи замѣны ихъ гласными о, е одновременно во всѣхъ указанныхъ положеніяхъ. Приведу примѣры изъ памятниковъ и изъ современнаго языка.

§ 379. Гласныя о, е, ȯ, ӧ, откуда позже о (на письмѣ о, е, позже о), на мѣстѣ ъ, ь, ѣ̈ въ слогѣ, предшествующемъ слогу, содержавшему полукраткую гласную. Въ памятникахъ. Добрил. ев. 1164: соньмищихъ 18b, самарѧнескъ 49a, стоуденець 22b, ропъщѣте 15d, старечьско 100b, ѡто двою 132d, надо всѣми 4a. Ев. XIII в. № 6: рабо тъ 73a, годо сь 138a, восьмъвъшю 12a, невѣрествью 224a. Гр. 1229 (сп. D): сотьского, гривенъ, противенъ, долженъ. Гр. 1229 (E): возма, товаромь. Гр. ок. 1230: мечемь, ножемь, ототнеть, Смолнѧниномь. Гр. 1189—1199 (въ сп. 1263 г.): посолъ, языкомь. Гр. Полоцк. ок. 1285: любовь, сномь. Дух. Климента XIII в.: со мною. Рижск. гр. ок. 1300: въстобъку, Витебьска, Смоленьска. Новг. 1-я Син.: сочьскаго, бочкоу, мохъ, сотъ. Палея Кол.: въподъшаѧ 5d. Въ совр. языкѣ. Великор. цёс, дён, вон, силён, сотня, тёмно, лён, морковь, локоть, ноготь, кусок, писец, деревень, пень, честь, тесть, тёзка, въ

санёхъ Рост. (Булыч.), въ лаптёхъ (ib.). Малор. сон, мох, сотня, сотка, вон, вонка, сот (соты), сосок, пес, лён, пень, день, темно, сином, раком. Бѣлор. цесць, дзень, цёмно, лён, Нёмон, и т. д.

Примѣчанія. Особо оговоримъ случаи съ ро, ло, ре, ле вмѣсто гъ, ѣъ, ґь, ѣь съ краткими ъ, ь. Здѣсь ъ и ь измѣнились въ о и е по общему закону, но, какъ указано въ § 372 пр. 1, на мѣстѣ го, ѣо, ґе, ѣе подъ вліяніемъ аналогіи случаевъ, гдѣ гъ, ѣъ, ґь, ѣь стояли не передъ полукраткимъ слогомъ, діалектически могли явиться и другія сочетанія. Фонетическое измѣненіе находимъ, напр. въ ѣożkatu Новогр.-Вол. (Zb. VII, 156), ложки Глух. (Литв.-Бартошъ), слёзъ Кв. I, 102; малор. óброть, великор. óброть (обруть: Вят., обрать: Шенк.); малор. брость: побѣгъ, почка, ср. сербск. брст (Потебня, Къ ист. зв.), великор. бронь (влагалище съ образующимся въ немъ колоскомъ овса), стрежь: быстрина въ рѣкѣ на мелкомъ мѣстѣ Вятск. (Верещ.), малор. у клочья Збараж. (Рудч.), клоча р. ед. Каменецк. (Шейковск. 9).

§ 380. Ударяемыя ъ, ь, ѣ въ началѣ слова (гдѣ они получали или сохраняли удареніе по аналогіи) перешли въ о, е, ö. Примѣры. Въ памятникахъ: дощере Добр. ев. 102b. Въ совр. языкѣ. Великор. дóску, стёкла, сóхнуть, дóхнуть, мóху, пёстрый, сóты, тéстя, тёща, чести. Малор. мóху, р. ед. мéсти, р. ед. сóта, числ. сóтеро, тéща. Бѣлор. дóжджу, мóху.

Примѣчаніе. Особо оговоримъ случаи съ го, ѣо, ґе, ѣе въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ: błochy Кіевск. (Zb. V, 83), дрóва Бродск. (Етн. зб. 52), дрóвы Мосал. (Шахм.), слёзи Кобр. (Бычко-Машко, № 17), чорнобровий Шевч. 2. Сюда же, быть можетъ: Треполь Хлѣбн. сп. южнор. лѣт. 196.

§ 381. Сочетанія ъr, ьґ, ѣr, ъѣ передъ согласными перешли въ or (ór), eґ, ör, oѣ (óѣ). Примѣры. Въ памятникахъ. Добр. ев. 1164: перьста 9a, мерьтвии 11b, 52c, растергноуть 48a, мерътвъıа 11a. Ев. XIII в. № 6: перта вънемъшасıа нѣ въгасить 205b, въстергати 49b, четвергъ, перьвъıи, скорбь 165b. Путенск. ев. не истергнеть ли 110. Гр. 1229 (въ сп. D): оумолвить, долгъ, добросердье, держите. Гр. 1229 (E): верхъ. Гр. 1189—1199 (сп. ок. 1263 г.): первое, потвердить. Рижск. гр. ок. 1300: берковьскъı. Дух. Клим. XIII в.: четверть. Въ совр. языкѣ. Великор. чóрной, верьх, перьвой, тёрн, зёрна, перевёрт, по насёрдкам, червь, скорбь, горло, кормить, корчага, стерьва. Малор. хорт, порча, портяни́й, товкáти, тóвсто, кóрчма, корпáти, кóрчити, мóрква, моргáти, мóрщити, зéрно, мéрзкий, мéрзлий, пéрхати (при порхáти), серна́, тéрня, тéрти (тереть), и т. д. Бѣлор. тоўсты, моўчаць, воўки́, и т. д.

Примѣчаніе. Появившіяся въ искусственномъ произношеніи (§ 314 пр. 2) скьрбь, скьрбѣти точно также перешли въ скербь Добр. ев. 200d, скербѣти ib. 216c, оскербѣ ib. 38d; скерба Ев. XIII в. № 6, 157a, прискербьна ib. 173b, прискербенъ ib. 223b, скербь Ев. 1307, Кормч. 1282, скербаше Гал. сп. ев. чтеній 1266—1301, скербь Поуч. Ефр. Сир. XIII в., прискербенъ Путенск. ев. 111, и мн. др.

§ 382. Діалектическія сочетанія гъ, гь, ѣъ, ѣь перешли въ го, ѓе, ѣо, ѣе. Это явленіе, свойственное сѣверному и части восточнорусскаго нарѣчія, не можетъ быть доказано ни для малорусской, ни для бѣлор. области. Примѣры. Въ памятникахъ: Поуч. Ефр. Сир. Переясл. сп. поглотити 118б, плотанъ 147a, плотана в. ед. 139a. Палея Колом.: плотанъ 95, простроgастася 130. Русск. Пр. по Кормч. 1282: въ дровѣхъ, Кормч. 1282 г.; Пост. Ильи Новг.: ты крохы, Требн. Шерем. XIV в., въ брона 38б, Гр. 1189—1199 (въ сп. 1263): крови. Великор.: строгать, дрожать, кроха, трезвонъ, требухъ, гремѣть, глотать, кровавой, кресты, дрова, слеза, бровей, тростить, клену, и т. д.

Примѣчаніе. Сочетанія го, ѓе, ѣо, ѣе въ малор. и бѣлор. объясняются согласно § 382 пр. и § 383 пр. Такъ бѣлор. тросцинка Бых. 215 подъ вл. тросць; малор. дрова́ (напр. Эн. 76, 104), дрова́ Бучацк. (Етн. зб. VI, 62), дрова Лит. метр. 1510 г., с. 111, подъ вліяніемъ паралл. формы дрóва и р. мн. дров; по крови́ Эн. 177, у крові Канев. (Рудч.). krowàwaja Новоград.-Вол. (Zb. VII, 168) подъ вліяніемъ кров, крóви; такъ же кровава Ипат. 61в; дрожала Игн. съ Никл. 58, подъ вліяніемъ дрож; слёза́ Кв. I, 97 подъ вл. слёзи, слёз; бровамы Эн. 201 подъ вл. бров, бровы.

§ 383. Діалектическія сочетанія ѵ̀ь послѣ согласной, замѣнившія ѫ̀ѣ въ порядкѣ, указанномъ въ § 338, перешли въ ѵ́е, ѵ́ѳ. И этотъ переходъ можно доказать только для великор. области. Примѣры: звено, дверей, цвету, звенѣть, Звенигородъ. Изъ памятниковъ: о жертвеницѣ Хожд. Дан. (Венев. 22), когда свенеть Переясл. сп. Поуч. Ефр. Сир. 232a.

Примѣчаніе. Такимъ великор. сочетаніямъ противополагаются въ малор. и бѣлор. области въ начальномъ слогѣ обычно сочетанія vi (§ 365 пр. 1), рѣже просто v (§ 365), а въ серединѣ слова сочетанія ev, ov (§ 365 пр. 2). Что до сочетаній ѵ́е, то они возникали здѣсь по аналогіи, заимствуясь изъ положенія въ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткой гласной или въ слогѣ ударяемомъ.

Судьба глухихъ въ группахъ слоговъ, содержавшихъ глухія.

§ 384. Согласно предидущему полукраткія глухія исчезли изъ произношенія, между тѣмъ какъ краткія перешли въ русскомъ языкѣ въ гласныя полнаго образованія. Вслѣдствіе этого въ группѣ слоговъ, содержавшихъ глухія, эти гласныя (вслѣдствіе своей полукраткости) исчезали въ крайнемъ слогѣ, конечномъ въ группѣ, а также въ третьемъ отъ него слогѣ; между тѣмъ въ предшествующемъ крайнему слогѣ и также въ четвертомъ отъ него слогѣ глухія (вслѣдствіе своей краткости) переходили въ гласныя полнаго образованія о, е, ö. Такъ напр. слова pŕíčьtъ̆, гъ̆ръtъ̆, žъ̆ŕьćъ̆, ḿьčъ̆ńьskъ̆ должны были измѣниться въ pŕíčet, rpot, žreć, ḿečńesk. Примѣры для перехода глухой въ гласную полнаго образованія въ группѣ двухъ сосѣднихъ слоговъ, содержавшихъ глухія, указаны въ § 372. Приведу примѣры для группъ изъ трехъ и четырехъ такихъ слоговъ. Въ памятникахъ: пришлець Добр. ев. 4а, правьденъ 11d, ръпотъ 19b, мьчетъ 74с, жьречьскамъ 51с; сънемъ Ев. XIII в. № 6, 28а, жьречьскы 28; Витьбескъ Риж. гр. ок. 1300, пришлець Новг. гр. 1317, № 14, Путенск. ев. 3, Козлескъ Ипат. 234а, Увар. 109, рпотъ Ев. 1307, 10а, мольбенъ Псков. 2-я, 44, Смольнескъ, Смолнескъ Гр. ок. 1300, Смолнескъ Новор. 193а, Ипат. 343, Видьбескъ Пол. гр. ок. 1265, b, Видбескъ Новор. 428а, жрецкы Полик. ев. 71д, снемъ Кормч. XIII в. (Оп. Рум. муз. 274), Ипат. 285г, Корческъ Ипат. 144а, молбѣнъ Псков. Погод. № 1413, 153б, р. мн. подъшевь Ипат. 258б, всопше Вопр. Кир. 32, глекъ изъ гълькъ Переясл. сп. Поуч. Ефр. Сир. 257а, цберъ (Соболевск. въ Ж. М. Н. П. 1897 № 5) изъ цьбьръ, чьбьръ (лит. kibiras), ср. цебровъ Ипат. (польск. cebr, czebr и древн. dźber); жрець Лавр. 64, правденъ Путенск. ев. 13, 190, Ев. 1339, 198б, 206а, молбенъ Ермол. 187 об., въ Молбенскомъ ѣзу 1453 (копія XVI в.) (А. Кал. II, 147), подълокъ весь фелонѧ Требн. Шеремет. XIV в., 122б. Ср. рядомъ въ сочетаніяхъ двухъ слоговъ: голькомъ Добрил. ев., лестьцы Богд. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ), Коречьска Ипат. 144а, а по пѧти цебровъ ѡвса ib. 306б, жерьци Ев. XIII в. № 6, 28b, четца Соф. перг. Кормч. XIII в. (И. Б. VI, 105), Смоленьска Гр. 1229 (D), Витебьска Риж. гр. ок. 1300, соньма, соньму Сб. XIV в. (И. Х. Б. 120), зашелци Новг. гр. 1368—71, № 16, Козельскоу Ипат. 203г, жерцю Ипат. 228б, лестьцѧ Ипат. 197, четцѣмъ Соф. XV в. № 1262, 117 об., четчи Новор. Новг. 4-й, 527а, женцом Ев. Тяпинскаго 1580г., шевци Сб. XIV в. (Р. Д. II, 177), сонмѣ Ипат. 285г, зедцемъ Русск. ист. сб. XV в. (Св. и З. № 84), ропту Посл. Геннадія 1496—1504 (А. Ист. I, с. 147), возпи Путенск. ев. 101; и т. д.

Въ совр. языкѣ находимъ: великор. жрец, жнец, швец, чтец, пришлец, льстец; глёкъ Брянск. (Тихан.), глек Новгородсѣв. (Черн. Г. В. 1855), швець Нѣж. (Малининъ), жнець (ib.). Рядомъ женьца Петроз. (Шахм.), шевця, женця Нѣж. (Малининъ), пришельца; šawcà Лидск. (Weryha, 49); молебна, Смоленска, Козельска, Витебска.

Исконное пъпьрьць согласно этому должно было перейти въ *попрец, а пъпьрьца въ пперца, перца; ср. совр. перца въ р. ед.; пъпьряникъ перешло въ попряникъ, ср. эту форму въ Холмск. (А. Г. О. № XXXII, 19).

Исконное бьрьвьно, ср. эту форму въ Остр. ев., Юрьев. ев. 38d, перешло въ бревно, великор. бревно, брёвна. Рядомъ существовала форма бьрвьно съ исконно отличною отъ первой формы коренною частью, ср. бьрвьно, бьрвьна Арх. ев. 1092, Юр. ев. 95a, Гал. ев. 1144, отсюда берьвно Полик. ев., 23a, бервьно Добр. ев. 114d, берьвьно Гал. сп. ев. чт. 1266—1301 и др., ср. польск. bierzwiono, bierzwno.

При подъшьва, откуда подошва, существовало исконно подшьва, ср. в подшву Устюж. 1554, № III, совр. великор. почва.

Исконное Мезьчьскъ перешло въ мезческ, мещеск, ср. Мѣщескъ Новор. 3б (отсюда совр. Мещовск и Мещорск подъ вліяніемъ аналогіи); въ род. было Мезьчьска, отсюда Мезецка, ср. Мезецкіе князья. — Мьцьньскъ перешло въ Мецнеск, ср. Мецнянинъ, Мецняне 1666 (А. Кал. I, 30); р. Мьцьньска перешло въ Мценска, ср. Мьченьска Ипат. 249.

Глава VII. Нарушеніе старыхъ отношеній подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 385. Благодаря указанному въ предидущемъ § порядку, по которому чередовались краткія и полукраткія гласныя въ словѣ, въ рядѣ родственныхъ формъ и словъ были получены различныя звуковыя сочетанія. Взаимное вліяніе ихъ порождало новообразованія, въ которыхъ старыя отношенія были нарушены. Сюда относится, во-первыхъ, опущеніе звуковъ о, е, ö (изъ ъ, ь, ѣ) подъ вліяніемъ случаевъ, гдѣ такіе звуки не возникали фонетически; во-вторыхъ, появленіе о, е, ö на мѣстѣ подлежавшей опущенію полукраткой гласной.

Опущеніе о, е, ö изъ ъ, ь, ѣ подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 386. Сюда относятся въ особенности новыя формы именъ городовъ на исконное -ьскъ. Въ имен. являлась форма на -ескъ, въ косв. падежахъ

-ска, -ску и т. д. безъ предшествующаго е. Ср. напр. въ старомъ языкѣ имена, какъ Курескъ Ипат. 139г, Пинескъ 147а, Менескъ 106а, Боровескъ Дог. Дм. Ив. съ Олегомъ ряз., Лоуческъ Супр. сп. Лит. лѣт., Дреютескъ Новор. сп. 231, Полотескъ Лавр., Севескъ, Курескъ, Землянескъ, Саранескъ, Керенескъ Нак. 1683 (Архивъ Кал. 1859, III, 50), Туринескъ, Тоболескъ 1697 (А. Кал. I, 435), Серенескъ, Клѣческъ, Воротынескъ, Девѧгорескъ, Масалескъ, Изборескъ, Деревескъ, Оболенескъ Сборн. XVI—XVII в. (Св. и Зам. № XL) и т. д. Подъ вліяніемъ косв. падежей, какъ Курска, Пинска и т. д., явились совр. новообразованія: Курск, Пинск, Сѣвск, Землянск, Саранск, Керенск, Изборск, и т. д. Въ Лавр.: Смоленскъ, Точно также, вмѣсто Можаескъ Дух. Ив. Кал., Бобруескъ Гр. Влад. Литовск. (Пам. Ср. 266), явились Можайск, Бобруйск подъ вліяніемъ Можайска, Бобруйска. Сохраняется -еск только въ діалектахъ: Ку́рискъ Обоян. (Машк.).

Такой пропускъ видимъ далѣе въ формахъ род. мн. отъ словъ женскаго рода: неправедъ Поуч. Ефр. Сир. 1377 замѣнено черезъ неправд; приточь — черезъ притчь; истоб, истеб замѣнено черезъ изб; олех замѣнено черезъ ольх.

Діалектически существовали, повидимому, въ живомъ языкѣ новообразованія, какъ взми Ев. 1339, 193в, взма Ипат. 190г, взметь Сборн. XV в. № 1262, 20 об., взметь Колом. Палея, 73; вѣроятно, о опущено подъ вліяніемъ взять, взял, взем.

Примѣчаніе 1. Книжный языкъ представлялъ нѣсколько подобныхъ же образованій, едва ли извѣстныхъ живому языку. Такъ въ Добр. ев. находимъ: оумершь 117b; общь Новор. Новгор. 4-й 265; агнць Ев. 1339, 204б, повиннъ ib. 130в, правдныи ib. 31в, правднаго 188в; тонкъ Ж. Б. и Гл. по Сильв. сб., чернць Зап. 1339 г. съ похв. Іоанну Калитѣ (Св. и Зам. № 86); пѣскъ морскыи Палея 1477 (Каринск.), въ деснои сосць Сборн. XV в. № 154 (ib.), вѣнць Палея Кол., 40 сбраномъ ib. Ср. еще книжныя, вошедшія въ литер. совр. языкъ слова: причт подъ вл. причта, сонм подъ вліяніемъ сонма; въ народный языкъ вошло замкъ Псков. (А. Г. О. XXXII, 28). Въ малор. находимъ жерць вм. жрець (жьрьць) подъ вліяніемъ жерця (Писк.).— Книжныя слова царствіе, бѣдствіе являются вмѣсто ожидаемыхъ формъ, какъ царе́ствье, ср. цреcтвьи Добр. ев. 55с, цр҃ествьꙗ ib. 6с, чювествьꙗ Поуч. Ефр. Сир. XIII в. (Св. и З. № 6), невѣрествиꙗ ib.; царествии Полик. ев. 30с, невѣрествиѥ ib. 37с, невѣрествью Пут. ев. 131,—подъ вліяніемъ царство, чювство и произношенія -і̯і̯е вм. -і̯е. Точно также кормчія вм. кормечья, ср. кърмечиꙗ Апост. XIV в. № 46 (Воскр. 137); книгчія вм.

книгочья, ср. книгочьıа Ев. 1307, 34в, книгочиıа Паис. сб. ок. 1400; вліять вм. вольять, ср. вольıати Ев. 1307, возльıа Путенск. ев. 103; сліять, сліяться вм. сольять, сольяться, ср. сольıавше Лавр. 63.

Появленіе о, е, ѳ на мѣстѣ выпавшей полукраткой гласной.

§ 387. Едва ли можно указать случай, гдѣ о, е, ѳ замѣнили бы ъ, ь по причинѣ фонетической, а именно вслѣдствіе стеченія согласной, или что тоже—едва ли ъ, ь переходили въ ъ, ь, ѣ подъ вліяніемъ какихъ либо иныхъ условій, кромѣ указанныхъ выше: положенія передъ слогомъ съ полукраткой гласной и положенія въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ. Такъ самыя сложныя группы согласныхъ, какъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ §§ 536 и сл., не задерживали выпаденія глухого; исключеніе составляетъ положеніе ъ, ь послѣ плавныхъ съ предшествующей ей согласной и послѣ v съ предшествующей согласной; здѣсь, какъ мы видѣли, діалектически развивались сочетанія плавная и v съ краткими ъ, ь, ѣ, но непосредственно они замѣнили не сочетанія простыхъ согласныхъ съ полукр. гласными, а сочетанія слоговыхъ плавныхъ и полукраткаго ŭ съ неслоговыми ъ, ь. Между тѣмъ въ рядѣ случаевъ видимъ замѣну подлежавшаго выпаденію полукраткаго ъ, ь звуками о, е, ѳ — и часто именно при неудобопроизносимыхъ сочетаніяхъ согласныхъ. Эту замѣну во всѣхъ случаяхъ можно признать нефонетическою, возникшею подъ вліяніемъ грамматической аналогіи. Нѣкоторые изъ такихъ случаевъ могутъ быть обобщены въ значительныя группы. Разсмотримъ отдѣльно, во-первыхъ, случаи, гдѣ вставка замѣчается въ корнѣ слова: это случаи единичные; во-вторыхъ, случаи, гдѣ видимъ ее въ опредѣленныхъ суффиксахъ; въ-третьихъ, въ приставкахъ; въ-четвертыхъ, въ предлогахъ внѣ сложенія; въ-пятыхъ, въ словахъ книжнаго, церковнославянскаго происхожденія; въ-шестыхъ, наконецъ, кажущіеся случаи, гдѣ гласныя о, е замѣняютъ ъ, ь въ концѣ слова.

§ 388. Сложныя группы согласныхъ въ корнѣ, возникшія вслѣдствіе выпаденія между согласными звуковъ ъ или ь, препятствовали ассоціаціи нѣкоторыхъ формъ слова съ другими родственными формами, представлявшими фонетически о, е, ѳ изъ краткихъ ъ, ь, ѣ; отсюда эти звуки переносились въ соотвѣтствующее мѣсто между согласными. Сюда относятся, напримѣръ: стекло вм. и при скло подъ вліяніемъ стёкла; доскá вм. и при цка подъ вліяніемъ дóску, дóски; тестя вм. и при цтя; дождя, дожжя вм. ожидаемаго джя, ср. джить Сборн. Син. 1296 г., 88с; Добрянéскъ Ипат. 249 и Дебрянескъ вм. Брянескъ подъ вліяніемъ добрь, дебрь; пестро, пестра, пестрить вм.

пстро (ср. пьстро Ипат. 101в) подъ вліяніемъ пёстр, пёстрый; сосать, до сосущи̂ млеко Ипат. 264а, вмѣсто ссати, ср. бѣлор. выссу Бых. (Ром. III, 198), малор. попіссу (Етн. зб. I, 25) подъ вліяніемъ сосъ, со́ска; чести при и вм. чти; чести 1499 (А. Кал. I, № 52); лести при и вм. льсти; тоска вм. ожидаемаго цка подъ вліяніемъ тошно (изъ тьщьно); на моху при и вм. на мху подъ вліяніемъ мох, мо́ха; пошевѣхъ вм. пошвѣхъ подъ вл. пошевъ 1549 (А. Кал. I, с. 680); веси вм. вси подъ вл. весь, ср. веси Кн. зак. XV в. (изд. Павлова, с. 69); высохнуть вмѣсто высхнуть, ср. схноути Бѣлор. сб. XV в. П. Б. № 391 (Карск. 179); дочерній вм. дчерній подъ вліяніемъ дочь, дочери; вопить подъ вліяніемъ вопль (ср. впити Лавр. 168а, Микул. 73в); ножны хозу черного Оп. им. гетм. Ив. Самойл. 1690 (Р. И. Б. VI, 1189), ср. хзы Лавр. подъ 6550 г. Произношеніе почестиша Хожд. Дан. (Венев. 81) вм. почтиша (ib., вар.) подъ вліяніемъ почесть.

Иногда появленіе формы съ о, е не зависѣло отъ указаннаго условія—стеченія согласныхъ и вызывалось другими причинами. Такъ при сты Сборн. XIII в. (Пам. Кал. 23) является соты. Неясно, принадлежали ли живому языку формы, какъ вынемемъ Лавр. 140а, вынемѣте ib. 118а; онѣ явились подъ вліяніемъ прич. вынемъ, или наст. вр. вынемлю (ср. вземлю); ср. внеми при вонми въ Чуд. сп. Злат. XV в. (Малининъ, 22).

§ 389. Въ склоненіи именъ форма косв. падежей можетъ вызывать новообразованіе въ имен. падежѣ. Такъ подъ вліяніемъ Смоленска является Смоленескъ Ипат. 202а, Письмо 1609 (Доп. А. И. I, 398), подъ вліяніемъ Витебска—Витебескъ Увар. Литов., 94, Риж. Грам. ок. 1300; подъ вліяніемъ ропта—ропотъ (вм. рпотъ) Путенск., 23; подъ вліяніемъ праведна—праведенъ Путенск. ев. 229 (вм. правденъ); подъ вліяніемъ молебна—молебенъ (вм. мольбенъ); подъ вл. пришельца—пришелецъ (вм. пришлецъ); подъ вл. лестца—лестець Богдан. Злат. XVI в. (Л. Васильевъ), лестець Пут. ев. 193; подъ вл. šavcà—šav́èc Лидск. (Weryha, 49).

Напротивъ, форма им. падежа вызываетъ новообразованія въ косв. падежахъ. Такъ швец вызываетъ швеца (вм. шевца), чернец — чернеца, жрец — жреца, жнец — жнеца, льстец — льстеца, чтец — чтеца, пришлец — пришлеца, глек — глеку Пересопн. (Житецк. 71), в глеку Козелецк. (Черн. Г. В. 1854). Точно также рощот (изъ росчьтъ и изъ розъчьтъ) вызываетъ рощота вм. ожидаемаго розочта (изъ розъчьта), ср. по розочту Догов. 1389, № 35; скрежетъ (изъ скрьжьтъ) вызываетъ скрежета вм. скрежта.

Новообразованныя указанныя выше формы им. падежа вызываютъ дальнѣйшія новообразованія въ косв. падежахъ: Смоленескоу Ипат. 111в.

Им. падежи словъ ж. р. на -ь, получивъ вставную гласную, сохраняютъ ее въ косв. падежахъ: быстерь — быстери, плѣсень — плѣсени.

§ 390. Обосложненная тѣмъ или другимъ способомъ коренная часть слова можетъ стремиться переходить въ такомъ же видѣ въ производныя. Такъ уменьш. отъ лёнъ — ленокъ (фонетически ожидалось бы льнок), рот — роток, мох — мошок, лоб — лобовой, лобан, день — денёк, пень — пенёк. Равнымъ образомъ: вѣтеръ — вѣтерок, угол — уголок, огонь — огонёк, узел — узелок. Отъ дъска, доска старинное уменьш. дощка, отсюда дощечка вмѣсто ожидаемаго дщечка. Вмѣсто пугвица Гряз. (Мансикка), пугвиця Бѣлом. (Л. Васильевъ, 17) является пуговица подъ вліяніемъ пуговка.

§ 391. Суффиксъ -ьск принимаетъ послѣ ж, ч, ш, щ форму -еск въ современномъ литер. языкѣ, при чемъ -еск явилось фонетически въ им. м. р. краткой формы и отсюда передавалось въ другія образованія. Такъ княжеск, греческ вм. къняжьскъ, грьчьскъ, отсюда и княжеска, греческой вмѣсто княжска, гречской (совр. грецкой). Такъ же явились: божескій, монашескій, товарищескій, купеческій (при купецкой), молодеческій (при молодецкой), кузнеческій (при кузнецкой), земледѣльческій, человѣческій и т. д. Въ старинномъ языкѣ суффиксъ -еск- являлся въ такомъ видѣ и послѣ другихъ согласныхъ, напр. карлаѫвескъıи Дв. гр. XV в. № 5, степановескои р. ед. ib. № 36, червенескъı Ипат. 246в, к Зароубескомоу бродоу 154а, Перемъıшлескоую 253г, Бельзескоую ib. 253в, подеснескъıм ib. 174а, Холмескаго Новор. Новг. 4-й, 644б, Полтескои Ермол. 30 об., Водышеское озеро 1450 (А. А. Э. I № 47), ѿ плотескихъ похотии Требн. Шерем. XIV в., 59б, поповескихъ одѣнии ib. 123а. Нѣкогда именно была распространена краткая форма такихъ прилагательныхъ, ср. дѣмонескъ Переясл. сп. Поуч. Ефр. Сир., 138г, манастырескъ Ипат. 87б, странескъ Пантел. ев. 31а, словѣнескъ, дѣтескъ, жидовескъ, хѣнескъ Лавр., и т. д.

Суффиксъ -ьство является въ видѣ -ество въ положеніи послѣ ж, ч, ш, щ въ совр. литературномъ языкѣ; свое е оно заимствовало, вѣроятно, изъ образованій на -ествье, представляющее фонетическое измѣненіе исконнаго -ьstvьje (ср. за невѣрествье Путенск. ев. 73, невѣрествью Ев. XIII в. № 6, 224а). Такъ находимъ: множество (въ древнерусскомъ и множтво Ипат. 6б, мноство 270б), посадничество (ср. посадниство Новор. Новгор. 4-й, 363а), намѣстничество (ср. намѣстниство Супр. Лит. 80), княжество (ср. кнѧзьства Южнор. гр. 1375 г.), невѣжество, ср. невѣжества Домостр. Конш. 15 (ср. всѧкомѫ разѹмѫ и вѣштву, ib. 14). Въ древнемъ и областномъ великорусскомъ языкѣ -ество также и послѣ другихъ согласныхъ: богатество Четья 1489 г., у Скорины, въ Патерикѣ по Супр. сп. 260, въ Служ.

Шерем. XIV в., 77б, богатествомъ Новор. Новгор. 4-й, 310б, богáтиство Луж. (З. Г. О. IV), богатествомъ был. Нижегор. губ. (Изв. 1-й серіи, IV, с. 81); коварество, лукавество, воинество Поуч. Ефр. Сир. XIII в. (Св. и З. № 6, 48), пиянествомь Апост. XIV в. № 59 (24) (Воскр. 177), чювествы Кормч. XIII в. (Р. Д. I, 114), поповество Жит. Б. и Гл. по Сильв. сб., цареством Поликарп. ев. 38в, пространество Ипат. 83г, лихоимество Служ. Шерем. XIV в., 85а, воинества Троицк. сп. Новг. 1-й, 29г, таинество Четья Минея 1489 г. (Карск. Бѣлоруссы, II, 270), совр. литер. естество (ср. ество Соф. XV в., № 1262, 18 об., ества Ипат. 98б).

Примѣчаніе. Неясно, на какой почвѣ явилось о въ случаяхъ, какъ нагоствовати Требн. Шерем. XIV в., 29а, ликоствовати 109б, ср. ликъствуѭть Іо. Лѣств. Р. М. XII в., 39а.

§ 392. Въ приставкахъ находимъ вставку о, напр. въ отошол (ср. атшёлъ: Обоян. Рѣзановъ, 140), подошолъ подъ вліяніемъ отошли, подошли; сошолся, сошол подъ вліяніемъ сошлись; соберу подъ вліяніемъ собрать; созову, обл. сожать подъ вліяніемъ созвать, сожну. Обычно со передъ начальнымъ с формы, вошедшей въ сложеніе: состариться, соскучиться, сосватать подъ вліяніемъ со въ другихъ сложеніяхъ (напр. соврать, солгать). Въ діалектахъ это явленіе еще шире: сошить (подъ вл. сошью), сходить (подъ вл. сойти) Грязов. (Мансикка). Въ подоспѣть, согрѣть, подогрѣть, подоплёка, соплечье и т. п. видимъ вліяніе такихъ сложеній съ подо, со, гдѣ о обязано звуковому закону.

§ 393. Внѣ сложеній рядомъ съ предлогами с, в, к были извѣстны со, во, ко; возможно, что и въ общер. праязыкѣ рядомъ съ sѣ, vѣ, kѣ были извѣстны sъ, vъ, kъ; послѣднія (равно какъ позже со, во, ко) обобщались изъ случаевъ, гдѣ они приходились въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной или подъ удареніемъ; ср. такіе случаи, напр.: во всю́, со сна́, ко рту́, во́ время, со́ слѣпу. Приведу примѣры со, во, ко изъ древняго языка: со Игоремъ Ипат. 118в, со собою ib. 104г, во водѣ 120г, ко Деснѣ 159б, во бронѧхъ 211г; во воду Новор. Новг. 4-й, 153б, во землю 62б, во то врема 590б; ко асколду Лавр. 15, ко Рогъволоду ib. 46; во корабли Супр. Лит.; ко дочце Увар. Лит., ко городу, со братомъ, со Нѣмци, во Вильне ib.; со лѣсы Южнор. гр. 1400; во шести зородахъ 1691 (Барсовъ, Палеостровъ, 150). Изъ совр. языка отмѣтимъ въ великор. со утра́ Сарат., со двора, ко двору; передъ группой согласныхъ, начинающейся съ с, со обычно: со слезами, со страху, со стола, со свѣтомъ. Въ бѣлор.: нѣшто са пяць вазоў ѣдуць Слуцк. (Карск., Р. Ф. В. 1901, № 3—4).

Примѣчаніе 1. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ во, со заимствуются изъ церк. языка: со влѧкою Новг. 1471 № 20, во православное 1465 —

70 (А. А. Э. I № 80), изо Царягорода ib.; со хрстьяны 1448—68 (А. Кал. I № 35), во имя 1459 (А. Кал. I № 84), во wбласть Кн. Зак. XV в. (изд. Павл. 69), во wбчюю (ib. 89).

Примѣчаніе 2. Ниже, въ § 408, укажемъ на появленіе sy, vy, ky вм. s, v, k, объясняемое такимъ же переносомъ подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 394. Во многихъ случаяхъ произношеніе съ сохраненіемъ o, e, ѳ зависѣло отъ книжнаго, церковнаго языка, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже (§ 414), орѳографическія ъ, ь долго читались какъ o, e. Сюда относятся напр.: оуповати Лавр. 40, оуповахъ Служ. Шерем. XIV в., 85б, оупованиѥ уже въ Жит. Ѳеод. XII в., малор. вповай (ср. рядомъ: оупва Ев. XIII в. № 6, 191b, оупваниѥ Толк. Ап. 1229 г., Воскр. 55); также повати Панд. Ант. XIV—XV в. (Оп. Г. и Н.), поваи Корч. XIII в. (Пам. Кал. 106); пещюите рпсь 1296 г., 53а, непещева Апост. 1309—1312 (Воскр. 132), непещюѣ Требн. Шерем. XIV в., 68а; оу стегнахъ Путенск. ев. 123; всесожежение Сб. XIV в. (И. Х. Бусл. 123), пожежениѧ Поуч. Конст. Болг. XIII в., 159d; доволѣѥть Ев. XIII в. № 6, 2а, рпсь 1296, 23в, Ев. 1307, Рум. ев. 1270 г., 19д, доволѣеть Пут. ев. 165 и т. д.; тощаниѥ Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., тощаниѥмь Псалт. 1296 (Матер. 25), тощеты Юрид. сб. XIV в. (Р. Д. II, 158), тощашесѧ рпсь 1296 г., 143 в; забовениѥ Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., забовѣныѧ Поуч. Ефр. Сир. XIII в. (Св. и З. № 6, 48), забовенъ Псалт. 1296 (Матер. 25), нѣсть забовена Пут. ев. 220; мовенье Лавр. 6, ср. совр. литер. умовеніе; сочетаться, сочетаніе (ср. сочтаютсѧ Лавр., съчтаисѧ Требн. Шерем. XIV в., 34б, съчтаниѥмь, сочтаѥться Кормч. XIII в., Р. Д. I, 93).

Также: вертепа, вертепу (ср. верьтьпѣ Добрил. ев. 236с, вертпѣ Парим. Син. № 204, 4а, горы и вертьпы Поуч. Ефр. Сир. 1377, 199г); скрежета, скрежету (ср. скрежьта Поуч. Ефр. Сир. 1377, 115а); бисера, бисеру; бисера въ Рум. ев. XIV № 8, 7д, Путенск. ев. 58, 215 (ср. бисра Поуч. Ефр. Сир. 1377, 121а); цр҃кова҆ Бѣлор. сб. XV в. П. Б. № 391 (Карск., Бѣлоруссы, II, 175), цьркови Стихир. 1157 г., 108в; неплодови Рум. ев. XIVв., № 8, 26с, неплодове Стих. 1157, 143в, Минея XI в. № 194, 137в; любови Апост. XIV в. № 59 (Воскр. 177), любове Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., ср. имя собств. Любовь, Любови; старецу 1391—1428 (А. Кал. I № 82), гонеци 1470 (А. Кал. I № 31). Также возопить, възопи Ж. Б. и Гл. Сильв. сб., частью подъ вліяніемъ возопью (ср. възпиша Добр. ев. 178с, възпи Ипат. 89б, возпи Лавр. 63, воспи Чудовск. сп. Кормч. XIV в.); оцѣпенѣть (ср. оцѣпьнѣѥть Юрьев. ев. 160с, оцѣпнѣѥть Добрил. ев. 192а).

Въ причастіяхъ: пришьдошю Ж. Б. и Гл. Парем. XIV в., 260а, рекошю Апост. № 59 (Воскр. 177), пришьдоше Ев. XIII в. № 8, 9а, створеше Панд. Ник. Черн. XII в. (Сб. Отд. X, 220), ѡбрѣтоши Поуч. Конст. Болг. XIII в. и др.

§ 395. Большинство сложныхъ словъ, гдѣ находимъ въ совр. литературномъ языкѣ со, во, воз, представляются заимствованными изъ книжнаго языка и обязаны, слѣдовательно, своимъ о церковному произношенію. Сюда относятся: сокровище (скровище Ипат. 47б, скровищю Сильв. сб. 30в, скровищь Пут. ев. 125), соборъ (зборѣ Лавр. 79, сборнѣи 26, сборъ Новг. 1-я, 34, 83, 110), сосудъ, во сосудѣхъ Путенск. ев. XIV в. 86 (ссуды Ипат. 45г, Лавр. 103а), совѣтъ (свѣтьникъ Чуд. сп. XIV в. Ж. Б. и Гл., 8, свѣтъ Сильв. сб. 37а), сохранить (схранити Лавр. 34), сотворить (створи Новг. 1-я, 30 и др.), соблазнъ (сблазнъ Кормч. XIII в., Р. Д. I, 91), соблюсти (сблюдеши Кормч. XIII в., Р. Д. I, 90), сообщать, сопредѣльный, соприкасаться, сожалѣть, соблаговолить, соразмѣрить, соединять, сограждане, собратья, сотоварищи, содружество, сопасти Зап.-русск. Ч. М. 1489, сопстнои все ѡвощь Путеш. Ао. Ник. 374б (ср. съѣстной); восходъ (ср. малор. схід), востокъ (встокъ Лавр. 3), возвратить (взратимъ Кол. Палея, 107), возлюбить (злюбиша Ипат. 81а), воспріять (всприлъ Чуд. сп. XIV в. Ж. Б. и Г., 9), сокрушеніе (скроушеніе Ж. Б. и Гл. XII в.), возрадоваться (взрадоваша Чуд. сп. XIV в. Ж. Б. и Г., 9), воздвиженіе (вздвиженья Кирша Дан.), воплотиться, вокругъ, вооружиться, вопрошать (впрашати Чудовск. сп. XIV в. Ж. Б. и Г., 12), воежъжаютъ 1470 (А. Кал. I № 31), согрѣшить (ср. сгрѣшѣньи Пут. ев. 124), воспросй Суд. Ив. Вас., Унд. XVI в., 25в (ср. вспросити ib.), вокушаю Зап.-русск. Ч. М. 1489, водворить, вооружать, возвеличить, возмечтать, возвѣстить, возл Ипат., возиска Ипат., возлюбленный, возстановить, совокупить (совкупивъ Лавр. 20), совокупленіи Ипат. 65а, и т. д. Подъ удареніемъ находимъ воз, со также въ словахъ церковныхъ: возрастъ (ср. до взраста Лавр. 37, взрастъ Колом. Палея, 68); воздухъ (на вздусѣ Лавр. 110б, къ вздуху Колом. Палея 65, вздуха Служебн. XIV в. А. Н. № 17. 8.1, л. 6а); совѣсть (свѣсть Поуч. Ефр. Сир., свѣстью рпсь XIII в. Пам. Калайд. 87).

Примѣчаніе. Фонетическій пропускъ ср. для приставки въз, напр. въ словахъ вздыхать, вздѣть, взмётъ, взмахъ, взлѣзть, взводъ, взваръ; вспросити Судебн. Ив. Вас. Унд. XVI в., взмолвй ib., малор. злетіти, збивати, и т. д.

§ 396. Конечныя ъ и ь ни при какихъ условіяхъ не переходили въ о, и е. Исключеніе составляютъ только односложныя слова, ибо на нихъ ле-

жало удареніе: ср. совр. но, а въ старомъ языкѣ то, се им. м. р. Ограничусь нѣсколькими примѣрами: варѧгъ то Лавр. 52, се же ѡлегъ 15, се градокъ 14, столпъ то 4; родъ се Добрил. ев. 151с, рабъ то 134с. Вмѣсто нь вин. ед. м. р., употреблявшагося только энклитически, находимъ не, едва ли не подъ вліяніемъ искусственнаго произношенія: единъ дн҃ь в неже Лавр. 71, наруби въ не (т. е. въ градъ) 63в, при сведе во нь.

Повидимому, подъ вліяніемъ сь еще до паденія глухихъ на мѣстѣ вьсѣ могло являться произношеніе вѣсь. Отсюда дальше все. Ср. вск дн҃ь въ Юрьев. ев. 2с, 56с, 63с и др. Въ Новгор. 1-й является вхе полъ вмѣсто все полъ (ср. вхоу во Вкладн. Варл. до 1207).

§ 397. Вмѣсто jestь, откуда jeсть, является въ сѣвернорусск. есте, естя Олон., въ бѣлор. jeśćia Пинск. (Zb. II, 282, 283): конечное е, вѣроятно, заимствовано изъ такихъ формъ, какъ иде, несе, хоче, ср. сербск. jeste. Слово плуго, встрѣчающееся въ юрид. памятникахъ, представляетъ особое образованіе вмѣсто плугъ: кудѣ ходило плуго и топоръ и коса Холмог. 1571 № LX, кудѣ... плугъ ходило 1572 № LV, куде ходило плугъ Устюж. 1573 № Ш, ср. совр. плуга Сапожк. (Тр. М. Д. К.). Особыми образованіями представляются и имена личныя м. р. на -о, какъ Петро, Олександро, ср. малор. Петро́. Также имена рѣкъ: Дністро, Дніпро, Волхово, Псло, Ворскло;—городовъ: Полотеско, Гр. 1285—1315, Витебско, Смоленско, Мѣнско, Изборско (ср. польск. Smoleńsko, Lipsko). Въ выраженіяхъ Богъ дало́ Молож. (О. С. 167), что ей Богъ дало Пересл. (О. С. 17) средній родъ явился въ результатѣ утраты такими предложеніями сознаваемаго субъекта, перехода ихъ въ безсубъектныя. Неясно daŀebiћ Кіевск. (Zb. V, 79).—Приходится отказаться отъ какого-нибудь фонетическаго объясненія е вм. конечнаго ъ въ именахъ собственныхъ, какъ Варламе, Смене, Петре, Якиме и т. д.; вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ признаю ихъ теперь за зват. падежи ед. числа. Что до Савке, Ваське, Марке Гр. ок. 1360 (А. Юр.), то это вызванныя подобными именами новообразованія вм. Савко, Васько, Марко (Пут. ев. 125). Окончаніе е указаннаго происхожденія изъ именъ личныхъ проникло и въ отечественныя имена, ср. Иванове, Ночине, Кузмине, и т. д. Невѣроятнымъ представляется распространеніе е и въ имена нарицательныя (какъ товаре, морозе); тѣ немногіе примѣры, гдѣ въ памятникахъ XV в. встрѣчаются такія нарицательныя на -е, могутъ быть частью объяснены графически, замѣной ь подлинника черезъ е. Кое-что остается, однако, неяснымъ, напр. останъке, Новг. 1-я. — О формахъ дале, купиле см. § 363.

Опущеніе исконныхъ о, е, ѳ подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 398. Когда въ языкѣ появился рядъ словъ съ такимъ неравносложнымъ склоненіемъ, при которомъ форма им.-вин. м. и ж. р. (на исконныя ъ и ь) оказывалась короче формъ прочихъ падежей, возникло стремленіе бороться противъ этого путемъ сокращенія звукового состава этихъ падежей. Образцомъ для подобнаго сокращенія могли служить слова съ ъ, ь въ предпослѣднемъ слогѣ; въ нихъ форма им. ед. оказывалась равносложною съ формой косвенныхъ падежей, напр. день — дня, мох — мху, пяток — пятка, волен — вольна. Слѣдуя этому образцу, слова съ исконными е, о въ предпослѣднемъ слогѣ, сохраняя ихъ въ имен., могли утрачивать ихъ въ косвенныхъ падежахъ. Такъ явились: великор. лёд—льда вм. лёда, ср. древнерусск. по ледоу Тмутар. камень 1068 года; камень—камня, корень—корня, гребень—гребня, плетень—плетня, потолокъ—потолка (ср. потолока Арханг.; пословица: руки въ боки, а глаза въ потолоки; производное: потолочина), олень—ольня Чердын. (Пермск. сб. I 29).

Равнымъ образомъ находимъ въ словахъ заимствованныхъ: игуменъ—игумна (вм. игумена), напр. игумновъ 1391—1428 (А. Кал. I № 88), їгумьну 1448—68 (ib. № 63), игумна Сб. XV в. (Оп. Г. и Нев. II, 3,693); архангелъ—архангла Указ. ев. чт. XIII в. Подъ вліяніемъ косв. падежей даже игумнъ 1459 (А. Кал. I № 84).

Особо шесть — шти (обычная въ древнемъ языкѣ XV и сл. вѣковъ форма). Вмѣсто церковнаго забвена и забовена находимъ забовна, напр. Рум. ев. XIV в., № 8, 10с.

Чередованіе уї, ії съ ъї, ьї и переходъ ъї, ьї въ оі, еі.

§ 399. Въ § 23 пр. указано, что въ общеслав. праязыкѣ не были терпимы сочетанія ъї, ьї, ибо они переходили въ уї, ії. Но въ общерусскомъ праязыкѣ сочетанія ъї, ьї въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ аналогіи, замѣняли исконныя уї, ії. Можно указать три категоріи случаевъ, при чемъ въ каждой изъ нихъ указанная замѣна имѣетъ свое особенное объясненіе. Во-первыхъ, имен. ед. указ. мѣстоименія: tъї, sьї вмѣсто общеслав. tуї, sії и при нихъ; во-вторыхъ, имен. ед. нѣкоторыхъ существ. мужескаго рода, какъ sołovьї при и вмѣсто sołovії; въ-третьихъ, род. мн. склоненія муж. и женскихъ основ. на ї, какъ gostьї, kostьї при и вмѣсто gostіі, kostіі. Разсмотрю всѣ эти случаи отдѣльно.

§ 400. Формы туї, сіі перешли въ tъї, sьї подъ вліяніемъ краткой формы тѣхъ же мѣстоименій tъ, sь. Отсюда въ древнерусскомъ toї, śeї, во

всѣхъ его нарѣчіяхъ. Ср. малор. и бѣлор. той; той въ Пут. ев., 239; малор. сей, цей; сей въ Пут. ев. 212, сеи листъ Жалов. Алекс. Коріат., ср. оу сии вѣкъ гр. Владисл. 1387 г., великор. сей. Бѣлорусское сёй замѣнило сей подъ вліяніемъ той. Рядомъ продолжали сохраняться и старыя формы tуї, sії; ср. бѣлор. си, малор. діалект. тый; сій южнор. гр. 1409 (А. Ю. З. Р. I, № 11).

Примѣчаніе. Ср. появленіе въ сербск. тај изъ tъї вм. tуї подъ вл. tъ.

§ 401. Мы знаемъ изъ §§ 22, 23, 33 и сл., что исконное окончаніе -ijís въ имен., откуда -ijí, вслѣдствіе редукціи ї перешло въ -ії, ибо ї не переходило въ ь послѣ j и į, а также передъ į и ї; но въ косвенныхъ падежахъ являлись вм. -ijá, -ijú формы на -ьja, -ьjú, ибо передъ j звукъ ї подлежалъ редукціи въ ь. Такъ при sołovіі им. ед., род. звучалъ sołovѣja, при vorobіі—vorobѣjá, при tretіі—tretѣjá и т. д. Это имѣло слѣдствіемъ появленіе sołovьї, vorobьї, tretьї вмѣсто sołovіі, vorobіі, tretіі — въ общерусскомъ праязыкѣ. Отсюда въ древнерусскомъ, въ эпоху паденія полукраткихъ и проясненія краткихъ глухихъ: sołovéį, vorobéį, tŕeťéį во всѣхъ нарѣчіяхъ. Ср. малор. соловéй, инéй, бѣлор. салавей, вирабей, древнебѣлор. самъ третей, на третей рокъ Стат. 1529 (Карск. Р. Ф. В. 1890 № 4), великор. соловей, воробей, самъ третей. Изъ даннаго объясненія видно, что подобное окончаніе являлось только подъ удареніемъ; въ неударяемыхъ слогахъ было возможно только ії -їja, ибо і передъ į (ср. о чередованіи į и j въ § 25 пр.) измѣнялось не въ ь, а въ ї; слѣдовательно, žeŕeвіі — žeŕeвїja. Понятно, что съ теченіемъ времени различіе между ударяемымъ и неударяемымъ окончаніемъ сгладилось; вмѣсто žeŕeвіį могло являться žeŕeвьї. Отсюда предположительно великор. жеребей, хотя возможно, что жеребей восходитъ фонетически къ жеребий вслѣдствіе великорусскаго перехода іį въ еį. Рядомъ продолжало сохраняться и окончаніе -ії, что видно изъ совр. малор. окончанія -ій (гдѣ і обозначаетъ звукъ і послѣ предшествующей мягкой согласной, и — вообще звукъ і передняго ряда): соловій, при чемъ -ій вм. -ий явилось подъ вліяніемъ нѣкогда мягкой согласной въ косвенныхъ падежахъ: соловья, соловью (т. е. нѣкогда sołovja, sołovju).

Примѣчаніе. Такъ же явилось въ сербск. Јурај вм. Јурий. — Сочетаніе еи въ Евг. толк. псалт. XI в. восходитъ къ древнеболг. оригиналу: велеи, вышьнѣи, р. мн. татеи, заповѣдеи, житеискоумоу и т. д.; ср. тамъ же -ои: въ день сѫдьнои.

§ 402. Въ склоненіи основъ на ї форма род. мн. на іі подверглась вліянію со стороны окончаній дат., тв. и мѣстн. падежей и заимствовала

изъ нихъ на мѣсто i звукъ ь. Формы gostiĭ, kostiĭ, подъ вліяніемъ gostьmъ̌, kostьmъ̌, gostь̌ḿi, kostь̌ḿi, gostьxъ̌, kostьxъ̌, перешли въ gostьĭ, kostьĭ. Отсюда при переходѣ ь въ e: gostei̯, kostei̯ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ. Ср. малор. річей, ночей, дверей, дней; свинеи Гал. 1424, грошеи Гал. гр. 1438 (Лекціи² Соб. 206), двереи Луцк. ев., людей Гр. Владисл. 1387; бѣлор. гасцей, людзей, коней; коней Лит. Метр., грошей ib.; великор. гусей, путей, гостей, кистей, костей, дочерей; свинеи Дух. Клим. до 1270, рублеи, жирятиничеи Гр. ок. 1360 (А. Ю.). Рядомъ продолжали существовать и формы на iĭ. Это видно какъ изъ древнихъ великорусскихъ памятниковъ, какъ напр. волостии, соболии Моск. Дух. 1328, людии Моск. Дух. 1353, такъ и изъ памятниковъ южныхъ и западныхъ, напр. кѡниї Зап. еп. Іоанна 1398, дѣтии Грам. 1409 (А. Ю. З. I № 11), людіи Грам. 1401 (ib., № 8), приѧтелии Гр. Владисл. 1387. То же сохраняется въ совр. малорусскомъ, какъ гусий, гроший, и бѣлорусскомъ, какъ гроший, коний, кони. Малор. окончаніе -ій вм. -ий, напр. коній карпаторусск. (Ogonowski, 126), объясняется вліяніемъ мягкаго н въ кінь, коня.

Примѣры для чередованія je (изъ jь) и i.

§ 403. Въ § 25 пр. было указано, что подъ удареніемъ въ общесл. праязыкѣ являлось jь (изъ jĭ), между тѣмъ какъ въ неударяемыхъ слогахъ i (изъ i̯i), которое было кратко, когда въ слѣдующемъ слогѣ стояла полукраткая гласная, и полукратко въ иномъ положеніи: zajьmъ̌, но záĭma, vъzáimъ̌. Сочетаніе jь (отсюда въ извѣстныхъ случаяхъ jь̌) перешло, при общемъ переходѣ ь въ e, въ je (jȯ); такъ установились чередованіе je (jȯ) съ i̯ (изъ ĭ) при различныхъ положеніяхъ въ отношеніи слѣдующаго слога (zajȯm, zai̯ma) и чередованіе je (jȯ) съ i при одинаковыхъ условіяхъ (zajȯm и vzáim). Послѣднее чередованіе, обусловленное первоначально удареніемъ, благодаря колебаніямъ въ удареніи (какъ vzaím при vzáim), съ теченіемъ времени исчезало, при чемъ i уступало мѣсто сочетанію je (и въ неударяемомъ положеніи). Старое i сохранилось сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ.

§ 404. Приведу примѣры для je изъ jь изъ древнихъ памятниковъ и изъ совр. языка, не различая по указанной выше причинѣ ударяемаго отъ неударяемаго положенія: възаѥмъ Арх. ев., Ев. XIII в. № 6, 97a, възаемъ Добр. ев. 113d, Поуч. К. Болг. XIII в., 68d; достоѥнъ Добр. ев. 3d, 230b, Ев. XIII в. № 6, 59a, гноѥнъ Добр. ев. 125a, рюѥнъ Ук. ев. чт. XIII в., 232б, потаенъ Арх. ев., июдѣѥскъ Ев. XIII в. № 6, 183a, галилѣѥскъ Пантел. ев. 1317, 70г, Добр. ев., самарѣѥскъ Добр. ев., злодѣѥсь

Пантел. ев. 1317, 100в, на долгѣѥсь поуть рпсь 1296 № 836, 174а, страннѣѥсь Поуч. Ефр. Сир. (Собол. 57), приѥмъ Арх. ев., чл҃ооубиѥць Переясл. сп. 1377 г., 162а, бобруѥскъ Гр. 1387 г., волковыѥскь Ипат. 279г, можаѥскъ Комм. Новг. 1-й, 424, заемъ Посл. XVII в., 107, перѥмъ Русск. Пр. 1282, 56, яецъ бѣлор. гр. послѣ 1444 (А. Ю. З. Р. I № 23), ꙗець Лит. метр. 1510, № 92, мытоемьцемъ Хут. служ. XIII—XIV в. (Собол.), ꙗечнаѧ Сборн. 1584 Р. М. № 358, 267, достоенъ Пут. ев. 120, поемъ Ісоусъ 132, ѡтъ военъ 191, рюенъ 202, наемникъ 204.

Въ совр. яз. Великор. яецъ, яешница Мосал., яец Ворон. (Кол. 118), яешня Лукоян. (Ляпуновъ), заём, поёмныи луга; буёнъ вѣтиръ Обоян. (Машк. XIX. 33), пріёмыш, ёмкой, съёмка, раёк, ббек, паёк, ручеёк.

Малор. таенъ р. мн. (Граматка, 49), яе́чко Глухов. (Р. Ф. В. 1903, № 3—4), яечо́к Старобѣл. (Р. Ф. В. 1894, № 1—2), яець Кіев. (Шейк. 8), до своєи стаенкы Игн. зъ Никл. 47.

Бѣлор. яецъ Смол. (Добров. I, 254), яешню (ib. 347), jajeśńa Лидск. (Weryha, 53).

Примѣчаніе 1. Приведу здѣсь примѣры для стараго і изъ ji: възаимъ Арх. ев., Ев. № 6, XIII в., 97а, достоинъ ib., Добр. ев. 49с, июдѣискъ Ев. XIII в. № 6, 184а, оубииць р. мн. Ипат. 207б; ꙗички, сь ꙗички Домостр. 41, яицъ Новг. писц. I, 286, мꙗздрица ꙗична Сб. 1584 Р. М. № 358/267, яичко Посл. XVII в. (Сим. 94), заимщикъ (ib.), съ пріимыши 1692 (А. Кал. I, 484).—Въ совр. языкѣ. Великор. избу, яиц, яичко, яишница; Яичкова пожня въ Псковской области (П. Ивановъ, Обозрѣніе писцов. книгъ по Новуг. и Пскову, с. 220), яи́шница Вытег. (Филим.), яичка Обоян. (Машк. XIX, 34), хлѣпъ-соль заимная дѣла (ib.), яйи́цъ Судж. (Рѣзановъ), и́стабакъ: верхъ избы, чердакъ Обоян. (Машк.).—Бѣлор. яицъ Смол. (Добр. I, 253), три капы яицъ Лидск. (Э. С. I, 289).—Малор. достои́нъ (Кв. II, 289).—Русск. литературныя: взаимный, заимствовать, достоин, воинскій, воинство, таинство, таинственный восходятъ, вѣроятно, къ церковно-славянскому языку.

Примѣчаніе 2. Сочетаніе je вытѣснило не только то і, которое восходитъ къ ji и слѣдовательно стояло въ естественномъ чередованіи съ jь (изъ jĭ), но также и то і, которое восходитъ къ ji (въ силу § 36). Передъ нами въ этихъ случаяхъ еще естественнѣе обнаруживается вліяніе аналогіи. Такъ находимъ Троецкои 1447 — 56 (А. Кал. I № 63), Троецкого гр. XV в. (А. Кал. II № 126, обор.), Троецког 1474—78 (А. Кал. I № 63) и т. д., при Троицькоr 1434—47 (А. Кал. I

№ 31), въ троицкоую сѹботѹ Стогл. Хлуд. 9. На этой же почвѣ явилась, конечно, замѣна начальнаго і черезъ je въ случаяхъ, какъ ѥмати Русск. Пр. 1282, ѥмети и ib., ѥмати Новг. дог. 1304—1305, № 9 и № 10, гр. 1189—1199 (сп. ок. 1263), естино Арханг. (Кузмищ.), егре́цъ: чортъ Бѣлгор.-Кур. (А. Г. О. XIX. 44), єнчого дерива Бучацк. (Етн. зб. VI, 5), єна́кше слово (ib. 7), зъ єнчыхъ Игн. зъ Никл. 49, єздебку Игн. зъ Никл. 33, єздебкы 59; построй ты мнє горенку новую єльмовую Щигр. (Халанск. Р. Ф. В. 1880 № 2), прилаг. отъ илемъ. Сюда не относится je въ євановъ Комм. 355, локоть єваньскыи Уст. Всев. ib. 460; здѣсь je восходитъ къ jo.

Судьба ī, ȳ передъ j.

§ 405. Согласно § 37 пр. ī, ȳ сохранялись въ общесл. передъ j, слѣдовательно, передъ ударяемымъ слогомъ. Поэтому: svinīja, pījǫ, bījǫ и т. д. Такія і, у сохранялись и въ общерусскомъ праязыкѣ и въ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ однако великорусскихъ, гдѣ і, у передъ i̯ (j) правильно и послѣдовательно перешли въ е, о. Приведу примѣры для і такого происхожденія изъ совр. малор. и бѣлор. Малор. бію, біешь, біе Саноцк. (Осадца), вію (ib.), pijanyj Пинск. (Zb. XIII, 217), osijało Новоградвол. (Zb. XI, 149), czyjá Новоградвол. (Zb. VII, 227), течия́, течія́ (текущая вода, потокъ, теченіе (Слов. Желех.). Бѣлор. бию́, лию́, пию́ (Карск. Обзоръ, с. 149). žnijà Дисн. (Zb. XVIII, 208), ablijusia Свенц. (Zb. XVII, 166), пія́ницы Лидск. (Э. С. I, 90), majo piwa pijanoja (Zb. XVIII, 196), чиꙗ Лит. метр. 1510 № 108. Сюда же относятся въ древнихъ говорахъ великорусской области случаи, какъ биють Хожд. Аѳ. Ник., не пиє̑ ib., роучіѧ Дв. гр. XV в. № 107. Но около XIV—XV в. произошелъ въ великорусскомъ переходъ сочетанія ii̯ въ ei̯ (какъ подъ удареніемъ, такъ и въ неударяемыхъ слогахъ). Такъ появились: роучеꙗ Дв. гр. XV в. № 27, гнеетъ Лѣчебн. XVII в., изъгнееть Лавр. 52, межу Пеꙗницины^м и Ꙗкункины^м починко̑ гр. XVII в., сгнеетъ 1615 (А. Кал. II, 791). Въ совр. великор.: гнеётъ Петроз. (Шахм.), гнеётъ Муром. (Колосовъ), леёш Астрах. (Обз. Колосова, 121), далѣе швея, гостея, мелея: чужь, глупость Луж. (З. Г. О IV), печея, прядея, тчея, ткея Волог. (Бажен.), чудеянъ Костр. (Виногр., 15), ламея, желтея, колотея Ржев. (Леоновъ, Арх. II Отд.), ищея Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в. 12а, Судебн. Ѳед. Ив. 1589 г., 15, талстія́ (съ і вм. е) Обоян. (Машк.), лезвеё, ручеёк; блисъ бульвару ручијёчку Яросл. (Тихв.) съ и изъ е въ неуд. слогѣ. — Примѣръ для великор. о изъ у (ы) въ такомъ положеніи: Лукоян

непосредственно изъ Лукыян вм. Лукиян (съ кы вм. ки по § 318), ни въ коемъ случаѣ не изъ Лукъянъ, такъ какъ ъ въ такомъ положеніи выпалъ бы.

Примѣчаніе 1. Необходимо оговорить нѣсколько случаевъ, гдѣ въ великор. является і вм. ожидаемаго е: піявка Петроз. (Шахм.), Луж. (З. Г. О. IV), піяной Луж. (ib.) имѣютъ і вм. е подъ вліяніемъ пить; также ліяло подъ вліяніемъ лить; пріятель, пріязнь подъ вл. приставки при; гніёт, γніють Богор.-Тул. (Будде) подъ вліяніемъ гнить. — Слова сіять, сіятельный представляются книжными; ср. малор. сиять Шевч. 57, (сонце) сія ib. 11; syjaje Пинск. (Zb. X, 278); со вставкой звука n: siny snyjajut Pokucie, I, 102, snyjaje Бойк.-Стр. (Zb. X, 25), сніяти Буков. (Верхр. въ Сб. въ ч. Ягича). — Книжнымъ заимствованіемъ является и сію (сію минуту, сію секунду). — Изъ нѣмецк. заимствовано грубіянъ (ср. Собол. Лингв. и археолог. набл. II, 28), грубіяны Обоян. (Машк.); забіяка — изъ польскаго. Неясно ріяся Правая 1529 (Лихач. 156), ріясь тому въ гр. 1503 (Потебня, Къ ист. зв. IV, 55), при рьяный.

Примѣчаніе 2. Подобный же переходъ замѣчается въ заимствованныхъ словахъ и именахъ въ древнемъ языкѣ: еюнь 1646 (А. Кал. I № 104), деѧнисѣвича Ипат. 305г, Дмитрея XV в. (А. Кал. I № 63), Дмитреевъ 1459 (А. Кал. I № 84), Аѳонсеевъ 1432—43 (А. Кал. I № 63), по дмитреи Дв. XV в. № 54, василею ib. № 5, софонтеа ib. № 3, остафеѣвй ib. № 77, деѧкъ ib. № 36, кюпреѧну ib. № 104, деѧкони Уст. Студ. 1398, деѧк(ъ) 1479—81 (А. Юрид.), Деонисиа Ипат. 280а; великор. Софея; Настасея Луж. (З. Г. О. IV); Марея, Прасковея Смол. (Добров. I, 178). Ср. сохраненіе і: татиѧни Дв. XV в. № 95, кюприѧнъ ib. № 104; Татіяна Луж. (З. Г. О.) «съ протяжнымъ і», діякъ Судебн. Ѳед. Ив. 1589, 11, Васияну 1391—1428 (А. Кал. I № 82).—Звукъ е въ южнор. деѧци Гр. 1371, деѧковичь Гр. 1366 явился на почвѣ искусственнаго произношенія ь какъ е; ср. беѣну, любовею, тернеѣмь, недостоянее Поуч. Ефр. Сир. XIII в. (Оч. Соб. 55), каменея Луцк. ев. (ib. 43). Сюда же отнесу ови трее мужи Сб. XV в. № 68/270, величествеа ib.; столпеѣмъ Радзив. 92, вечее 99. — Особо стоитъ слово завтрее; звуковая сторона его для меня не ясна: на завтрее Лит. метр. 1514, № 129, на завтреа 1510 № 14, къ завтрею Соликам. (Луканинъ), к зѣтрею Послов. XVIII в. (Сим. 207). Великор. завтря, вѣроятно, имѣетъ мягкое р подъ вліяніемъ завтрие, завтрее; также завтрикъ Соликам. (Словцовъ), Дорогоб. (Пляшкевичъ), Моск., вм. завтрок.

Примѣчаніе 3. Слова верея, веретея, колея имѣютъ е, кажется, изъ ѣ. Ср. веретѣы Дв. XV в. №№ 3, 18, 35, веретѣю № 114, веретѣи № 24, также веретеи 1510 (А. Ю. З. Р. I, 42).

Чередованіе ī и ĭ, ѣ передъ j.

§ 406. Случаямъ сохраненія і передъ j, приведеннымъ въ предыдущемъ §, противополагаются случаи, гдѣ произошло выпаденіе полукраткой гласной. Фонетически і удерживалось только въ предударномъ слогѣ, слѣдовательно передъ j: это зависѣло отъ того, что передъ j удерживало свой звукъ исконное ī. Передъ j, слѣдовательно, въ предударномъ слогѣ, полукраткая гласная могла имѣть двоякое происхожденіе: во-первыхъ, это ѣ, восходящее къ ī передъ j, во-вторыхъ, это ĭ, замѣнившее ī подъ вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ изъ ī развивалось ĭ въ слогѣ непредударномъ (ср. § 362, пр. 3). Различеніе тѣхъ и другихъ случаевъ представляется затруднительнымъ. Но, повидимому, съ увѣренностью можно принимать сочетаніе ѣj тамъ, гдѣ нѣтъ параллельной формы съ ij, и напротивъ — ij тамъ, гдѣ такая параллельная форма есть и указана въ § 405.

Исконное ѣj принимаемъ напр. въ трыѣ Добрил.

Исконное ij принимаемъ въ пья Добрил., Ев. XIII в. № 6, пьеть Пут. ев. 128, пьѣте Хут. служ. (Оч. Собол.), пьяньствомь Ип. 304а, бьяхуся Ев. XIII в. № 7, бьяше Выголекс. сб. XII—XIII в. (Собол. Р. Ф. В. 1884) пьявка Петроз., пьявка, пьявица Мещов. (В. Черныш.), пьявиця Арх. лѣств. (Собол. Р. Ф. В. 1884), пьяной великор., льяло Тихв. (О. С. 115), змья, змью Добрил., змья Арх. лѣств. (Собол.), змью Ев. XIII в. № 6, змья Ев. XII в. № 7, излыа Хут. служ. (Оч. Собол.), вопыа Ев. XIII в. № 6, смьяхуся Добрил., Ев. XII в. № 7, Ев. XIII в. № 6, смьятися Выголекс. сб. (Собол.), великор. діалект. смялись (Будде, Къ діалект. 144); осья Добрил., восьявъшю Ев. XIII в. № 6, сыяху Ипат. 71г, сыяюче ib. 114в, съять Обоян. (Машк.), сьяють Мещов. (В. Черныш.), сяе Шевч. 16, свѣчки зяють Кролев. (Черн. Г. В. 1854 № 17), зьяя, зяя Бых. (Ром. III, 271, 272), сьяила, осьяило у В. Майкова (В. Черныш.), рьяетъ (ib.), рьянъ, зарьять: загорѣться (Потебня), вьять, вьялица, Завьяловъ; съпрыа Ипат. 113г, нѣпрыазниньскыя къзни Хут. служ. XIII—XIV в. (Соб.), гньющема Новг. 1-я, 21 об., чыа, чью Ипат. 65б, 229в, шыа Переясл. лѣт. 75, шьи Новгор. 1-я, 21 об., Шья назв. рѣки въ Егор. уѣздѣ; зьяньи Арх. лѣств. (Собол. Р. Ф. В. 1884). — Также ij принимаю въ свинья́ (ср. болг. сфиния́, свинией́, В. Н. Щепкинъ, Разсужд. о яз. Савв. кн., 237), княжья, мужья, дружья, гостья́.

Примѣчаніе 1. Подобно чередованію русск. гостея́ (изъ gostīja) съ гостья (изъ gostĭjá) чередованіе въ словенскомъ: gostija при gostja.

Примѣчаніе 2. Подъ удареніемъ, частью перенесеннымъ позже, является, конечно, і, откуда великор. е: бѣлор. шию, брыю, великор. брею, бѣлор. и малор. шия, шию Рижск. гр. ок. 1300, великор. шея; бѣлор. пріяцель.

Примѣчаніе 3. Особо стоитъ сочетаніе ѣj въ drѣjutьskѣ. Первоначально, вѣроятно, dr̥ь̯γutьskѣ, съ южнор. и западнор. γ, ср. дрьговичи. Отсюда dŕγuťesk (§ 374) и далѣе dŕjuťesk, dŕuťesk, ср. дрютескъ Комм. сп. Новгор. 1-й, 447. Другимъ измѣненіемъ ŕ, согласно § 372, могло быть ŕi: dŕijutesk, что въ устахъ великоруса перешло въ Дреютескъ Новор. сп. Новг. 4-й.

Появленіе сочетанія ji вм. ii̯ подъ вліяніемъ аналогіи.

§ 407. Появленіе ji вмѣсто ii̯ вызывалось, повидимому, въ нѣсколькихъ случаяхъ вліяніемъ аналогіи. А именно чередованіе ii̯ (изъ iĭ) въ однихъ образованіяхъ, однѣхъ падежныхъ формахъ, съ ja, ju и т. п. (изъ ĭi̯a, ĭi̯u и т. д.) въ другихъ вызывало указанное явленіе. Могу указать три категоріи случаевъ. Во-первыхъ, род. мн. какъ śv́iń̯ii̯ подъ вліяніемъ им. мн. śv́iń̯jѣ, дат. мн. śv́iń̯jam и др. переходилъ въ śv́iń̯ji, łod́ii̯ подъ вл. łod́jѣ и т. д.—въ łod́ji, ľud́ii̯ подъ вліяніемъ ľud́je — въ ľud́ji; существованіе подобныхъ новообразованій доказывается написаніями, какъ инъıхъ волостьи Новг. дог. 1305—1308 №№ 6 и 7.—Во-вторыхъ, формы им. ед. какъ sud́ii̯, Juŕii̯, Gŕigoŕii̯ замѣнялись формами sud́ji, Juŕji̯, Gŕigoŕji подъ вліяніяхъ косв. падежей: sud́ju, Gŕigoŕja; ср. древнерусскія написанія, какъ Власьи Ондроновъ Дв. XV в. № 36, Дементьи дьякъ ib., Григорьи Кузминъ ib. № 91, Васильи ib. №№ 5, 25, Юрьи ib. №№ 8, 15, 105, Юрьи 1433 (А. Кал. I № 31), 1442—43 (А. Кал. I № 30); при Юрьи находимъ и написанія Юрги, Гурги, напр. въ Ипат., гдѣ г обозначаетъ звукъ j. Великор. жеребье (Обз. Колосова, 204, 211) явилось, вѣроятно, указаннымъ путемъ, замѣнивъ форму жеребьи и перейдя въ средній родъ.—Въ-третьихъ, уменьшительныя, какъ płaťiĭćȯ, poḿѣśťiĭćȯ должны были перейти въ płaťii̯ćȯ, poḿѣśťii̯ćȯ; ср. подобныя формы, съ переходомъ і въ великорусское е, напр. въ подвореице Домострои Сильв. (Орл. 58), рȣкодѣлеицо ib. 32, во вседневномъ платеицы ib. 19, в раменеицѣ 1442—43 (А. Кал. I, 77), помѣстейца 1642 (А. Кал. II, 491), остожейца 1637 (А. Кал. II, 158), озереицем 1391—1425 (А. Кал. I № 31). Но подъ вліяніемъ płaťje, poḿѣśťje являлись новообразованія płaťjićȯ, poḿѣśťjićȯ; вм. этого дальше являлись и платьеце, помѣстьеце великор.

Точно также вмѣсто Makaŕiiśćo, braťiiśćo, подъ вліяніемъ Makaŕja, braťja, являлись Makaŕjiśćo, braťjiśćo, ср. въ гр. 1640: Макарейще при братьище (А. Кал. II, 145).

Появленіе предлоговъ sy, vy, ky.

§ 408. Мы видѣли въ § 393, какъ формы so, vo, ko, возникавшія на мѣстѣ sъ, vъ, kъ въ положеніи передъ слогомъ съ полукраткой гласной, переносились на мѣсто s, v, k, замѣнившихъ sѣ, vѣ, kѣ. Однородное явленіе возникало при другихъ условіяхъ. А именно названные предлоги получали форму sy, vy, ky при одномъ фонетическомъ условіи: передъ начальнымъ i слѣдующаго слова, которое измѣнялось въ ĭ: sy ivanъmѣ, ky ĭgnatu, vy ĭm̀a, sy ĭga, sy ĭnumѣ. и т. д. Отсюда, въ этой формѣ предлоги эти переносились на мѣсто s, v, k и so, vo, ko передъ согласными. Такъ объяснилъ впервые Л. Л. Васильевъ (Р. Ф. В. 1907 № 4) предлоги сы, кы (ки), вы въ современномъ пѣсенномъ языкѣ южновеликорусскаго нарѣчія, доказавъ, что фонетическое объясненіе (какъ редукція неудар. o) не выдерживаетъ критики. Примѣры: сы таски Щигр. (Халанск. въ Р. Ф. В. 1880 № 3), кы калодизю ib., кы двару Обоян. (Рѣзановъ), сы вышинью Обоян. (Машкинъ, А. Г. О. XIX 33), сы камушка бялóва ib. кы чужой старанѣ ib., сы утра Моздок.-Терск. (Карауловъ), сы кручины ib., ки свѣту Смол., ки утру ib.

Примѣчаніе 1. Неясно, можно ли объяснить также въ вторникъ Гал. ев. 1266—1307, 27 об. (Л. Васильевъ, l. c.). Неясно также, что такое ви, си въ случаяхъ, какъ ви ямчужное дѣло 1582 Лодом. № CXXXIX, си Егорьевской деревни ib., си Егорьевской 1573 Лодом. № CIX.

Примѣчаніе 2. Въ сѣверноруссскихъ говорахъ вмѣсто вз, вс является выз, выс. Здѣсь надо принимать вліяніе предлога вы (ср. Л. Васильевъ, l. c., отд. отт. 8, прим.): вы́стать, вы́здынуть, вызнима́ть. Удареніе особенно ясно указываетъ на то, что здѣсь вліяніе предлога вы. Подобное же вліяніе однихъ предлоговъ на другіе сказывается въ появленіи ив, ис, ик вмѣсто в, с, к; ср. чередованіе предлоговъ из и з. Ср. еще діалект. да́ ста вм. до́ ста, подъ вл. на́ ста, за́ ста.

Нефонетическая замѣна e изъ ь черезъ o и обратно.

§ 409. Иногда, благодаря ошибочному словопроизводству или случайной аналогіи, вмѣсто ожидаемаго e изъ ь находимъ o въ той или иной группѣ согласныхъ. Такъ Шидловоскыи, Ілвовъскыи Гал. гр. 1400, Тевликовоская 1490 (А. Кал. I № 52); вмѣсто Витебескъ является Витобескъ Риж. гр. ок. 1300. Что до Помостье (мѣстность по р. Мстѣ), то оно, быть мо-

можетъ, произведено отъ Мъста, а не отъ Мьста. Вмѣсто с чимесь находимъ ис чи́мось Бучацк. (Етн. зб. VI, 48), в якимось сели Подольск. (Шейковск. 7), ср. якыхось Каменецк. и др. Попряникъ вм. пепряникъ подъ вл. предлога по. Неясно о въ сольночьнъи Палея Кол., 8 в; м. б., о замѣнило ė (е середняго ряда), появившееся вмѣсто е послѣ ĺn, ср. моск. soĺnyšnyi, pacsoĺnyšńik.

Обратно—изеталъ при изотьметь съ непонятнымъ, впрочемъ, е. Слова певно Нѣж. (Черн. Г. В. 1853 № 39), кревный (родной, Игн. зъ Никл. 86)—полонизмы.

Редукція и утрата о и е въ слабоударяемыхъ словахъ.

§ 410. Слабоударяемыми словами являются слова со значеніемъ служебнымъ. Можно думать, что въ нихъ глухія ъ и ь исчезли раньше, чѣмъ въ другихъ положеніяхъ. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ видимъ написанія къгда, тъгда, между тѣмъ какъ этимологически они восходятъ къ къгъда, тъгъда (ср. Б. М. Ляпун. въ Ж. М. Н. П. 1900, № 6, с. 395—396). Только это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ этихъ словахъ не выпало ъ: оно изъ полукраткаго превратилось въ краткое вслѣдствіе выпаденія ѣ въ слѣдующемъ слогѣ.

Особенно часто находимъ отпаденіе конечныхъ о и е въ подобныхъ словахъ. Приведу примѣры: так, как, всяк; какъ Гр. 1265 (Р. Л. А.), как то Г. 1285, такъ ib., какъ Гр. ок. 1330, тамъ ib., приведѣта и сѣмъ Пут. ев. 137. Далѣе там, сям. Малор. гаразд. Ож, аж, напр. ѡжь Ипат. 233а, ажь ib. 234а. Лиш вм. лише. Проч вм. проче, напр. прочь Ипат. 28б, Полоцк. гр. ок. 1330. Частица же является въ видѣ ж: такожь Полоцк. гр. ок. 1330, ѣша жь Ипат. 221в.

Сюда же относится, быть можетъ, зан же вм. за́неже: ср. заньже Новор. сп. Новг. 4-й, 442а, Виленск. Лит. 199, Супр. Лит. 60, занже и заньже Хожд. Аѳ. Ник. 382а и 386б, занже 1448 (А. А. Э. I № 40), занжо 1479 (А. Кал. II № 156, VII).

Такъ же вмѣсто дѣля находимъ для: цр҃ици дла Троицк. сп. XV в. Новг. 1-й, 53а.

Упомяну здѣсь о появленіи дся́т въ энклитическомъ употребленіи вмѣсто десяти, хотя возможно, что dьsętь вм. desęti восходитъ еще къ общеслав. праязыку. Примѣры дванадьсать Парем. 1271, ѡбанадьсате Рум. ев. 1270, тринадьсать Рижск. гр. около 1300, обѣма на дьсать Путенск. ев., 57, четвертая на дьсять Ап. 1307; великор. двадцать, и т. д.

Глава VIII. Графическія явленія въ памятникахъ, вызванныя паденіемъ глухихъ.

§ 411. Послѣдствіемъ паденія ъ и ь — ихъ утраты въ однихъ случаяхъ, замѣны гласными о и е въ другихъ должно было быть исчезновеніе самыхъ знаковъ для звуковъ ъ и ь. Но письмо сохранило ихъ и при томъ частью по необходимости. Во-первыхъ, мягкость и твердость согласныхъ, опредѣлявшаяся въ серединѣ слова въ значительной степени сосѣдними звуками и не требовавшая нарочитаго для себя обозначенія, должна была быть неизбѣжно обозначаема въ концѣ слова: брат и брать, сол и соль, дѣн и день не могли бы безъ явнаго затрудненія изображаться въ концѣ одинаковыми буквами; это было причиной удержанія традиціоннаго различія между ихъ передачей: солъ, но соль, братъ но брать, роусъ, но роусь и т. д. Такимъ образомъ буква ь получила функцію знака мягкости, и при томъ въ концѣ слова обязательнаго. Это повело къ тому, что буквѣ ъ въ концѣ слова было присвоено также обязательное употребленіе со значеніемъ твердаго знака. Значеніе мягкаго знака дѣлало возможнымъ употребленіе буквы ь и въ серединѣ слова, причемъ частью и здѣсь такое употребленіе находило себѣ оправданіе въ написаніяхъ старшихъ памятниковъ, гдѣ ь обозначало особый звукъ. Въ особенности часто стало писаться ь въ положеніи передъ твердой согласной: тьма, сильнъıи, царьскъıи, бездьна; частью ь въ такомъ употребленіи не находило себѣ соотвѣтствія въ старшихъ памятникахъ: верьхъ (въ старшихъ памятникахъ вьрхъ, но также, какъ мы видѣли въ § 314, вьрьхъ). Впрочемъ, ь употреблялось какъ мягкій знакъ и передъ мягкой согласной: людьми, коньцю (въ этихъ случаяхъ ь оправдывалось старшими памятниками), земьла, любьви (здѣсь ему не было историческаго оправданія). Приведу нѣсколько примѣровъ: Путенск. ев. оуподобью 108; Добр. ев.: земьла 91c, 151c, вьза 17d, вьзаша 98a, възьлюби 10b, дьвижениа 17b, позьдѣ 85a, погъıбьнѣть 10b; Ев. 1092: сью 164a, вьза 114a, притьчю 132b, сь нимь 128b; Парем. 1271: земьла 46c, зьвѣри 37c, възьдвигни 60д, въсьплещете 26в, исправьлаи 56a; Вопр. Кир. по Кормч. 1282: недомъıсьлию 528b, празьдникъ 526c; Поуч. Конст. Болг. XIII в.: любьви 161в, вьзать 242a, сьвѣдѣтель 192d; Гал. ев. 1266—1304: дьвигноути, нѣсьмь, пьризвавъ, блюдѣте, и т. д.

Примѣчаніе. Пропускъ ь, ъ въ концѣ слова имѣетъ мѣсто, напр. въ случаяхъ, какъ: не ѡтрѣшит ли Пут. ев. 106, достоит ли 126; тѣм же Быб. ап., не причастит бо ся 31 об., аз же 31, цѣлоуют въı 24 об., не можем 26, хотѣх 30 об. и др.

§ 412. Буквы ъ и ь, послѣ паденія звуковъ ъ и ь въ произношеніи,

оказывались на письмѣ необходимыми слогоотдѣлителями, а именно передъ слогомъ, начинавшимся съ і̯ (j): въѣхати, троупье; въ первомъ случаѣ буква ъ слѣдовала за твердой согласной, а во второмъ за мягкой; оба написанія (ъı и ьı и т. д.) были унаслѣдованы изъ древнихъ памятниковъ (о написаніяхъ ьıе, ьıа, ьıю и т. д. см. §§ 349, 350); сохраненіе обоихъ написаній оказалось необходимымъ; для передачи сочетаній ја, је, ји и т. д. послѣ согласныхъ стали служить обычно эти написанія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ школахъ письма долгое время значеніе слогоотдѣлителя присвоивалось буквѣ и: написанія какъ братиа, троупиѥ, имѣнию не уступали здѣсь мѣста новой манерѣ письма, поддерживаясь вліяніемъ южнослав. памятниковъ.

§ 413. Въ общемъ оба новыхъ значенія для буквъ ъ и ь — знаковъ твердости-мягкости и знаковъ для слогоотдѣленія послѣ твердой и мягкой согласной — сложились въ первыя же десятилѣтія послѣ паденія глухихъ; они удержались за ними и до сихъ поръ въ русской письменности, которая съ теченіемъ времени урегулировала употребленіе ь, какъ знака мягкости въ серединѣ слова.

Примѣчаніе. Въ частности замѣтимъ, что теперь l' пишется всегда (и передъ твердыми и передъ мягкими согласными) черезъ ль. Между тѣмъ въ древности l' обозначалось передъ согласными и просто черезъ л: волна читалось не только volna, но и vol'na. Ошибочно было бы на основаніи написаній, какъ болное, силныи, колца заключать о соотвѣтствующемъ отвердѣніи звука l', ср. волнымъ 1361—65 (А. А. Э. I № 5), жаловалныи ib., силна Быб. ап. 22 об., печалнъıмъ 19 об., не прѣлщаитеса 32 об.

§ 414. Но во многихъ школахъ письма вопросъ объ употребленіи буквъ ъ и ь осложнялся сложившимся въ нихъ требованіемъ давать каждому письменному знаку звуковое значеніе; при обученіи письму долженъ былъ въ особенности практиковаться подобный пріемъ. Понятно, что буквѣ ъ присвоено было значеніе звука о, такъ какъ орѳографическому ъ въ рядѣ случаевъ соотвѣтствовалъ въ живомъ произношеніи звукъ о, а буквѣ ь присвоено было значеніе звука е. Подобный пріемъ употреблялся и раньше: иноземные учителя, болгары, въ произношеніи которыхъ паденіе глухихъ произошло раньше, чѣмъ на Руси, учили произносить ъ по-болгарски, т. е. какъ о, а ь по-болгарски же, какъ е. Вслѣдствіе этого уже въ древнѣйшихъ памятникахъ оказываются написанія, гдѣ буквы о и е замѣняютъ ъ и ь вопреки живому произношенію. Примѣры. Сб. 1073: кото, Типогр. ев. XII в. № 7: кото, сьрьдепе, вьрхоню, въ домо свои, явихо; Ефрем. кормч. XII в.: тъкомо, седе, мьрзоко, второиѥ, конеца, цьркове, дължени; Усп. сб. XII в.:

водовъı 121; Стих. 1157: весѧ 186a, въ цьркови 108в, веселеноую 155в, владъıцени 180в, подънбсенъıѧ 118в; Юр. ев. до 1132: отѧгочалѣ 176b, въземеть 56d; Минея 1095 г. № 194: ковечегъ 135a, бо̀видече 27a, источьнико 93a, весемирьнаѧ 13a; Добр. ев.: монога 239b, могоущихо 50c, подоножью 203c, въземъıи 208b, и т. д.

Реакціей противъ этого со стороны русскихъ писцовъ была обратная замѣна буквъ о, е черезъ ъ, ь. Примѣры. Жит. Ѳеод. XII в.: кръткъ, бъгъмь, подъбънъ, мѣстъ то, въ ньмь, имьньмь; Ж. Бор. и Гл. XII в.: илътъıдьца; Минея 1095 № 194: архг̀лъвъ, крѣпъсть 19a, ръжьство 75b; Злат. XII в.: ижь, обличьно, оумрьть, диѧвълъмь; Ирмолой Григ. XII—XIII в.: бъгъ, грѣхъвъ и даже зовъу; Ефрем. кормч. XII в.: можьть, рекъхъ, оустрашьно.

Контроль живого русскаго произношенія вообще парализовалъ дѣйствіе подобныхъ графическихъ пріемовъ, и на Руси XI—XII в. является рядъ памятниковъ, правильно употребляющихъ ъ и ь и не прибѣгающихъ къ замѣнѣ ихъ черезъ о и е или къ обратной замѣнѣ буквъ о, е буквами ъ, ь. Въ § 341, 346 указаны памятники, въ общемъ передающіе буквами ъ, ь дѣйствительные звуки, краткіе и полукраткіе.

§ 415. Съ паденіемъ глухихъ старый графическій пріемъ долженъ былъ возобновиться еще съ большею силой. Писцы стали смѣшивать буквы ъ и ь съ буквами о и е, и это смѣшеніе держалось до тѣхъ поръ, пока не былъ отвергнутъ пріемъ, который придавалъ буквамъ ъ и ь звуковое значеніе, пока онѣ не были признаны простыми буквенными знаками, не имѣющими самостоятельнаго звукового достоинства. Въ особенности часто происходило указанное выше смѣшеніе при машинальной перепискѣ, когда копіистъ, перенося буквы оригинала въ свою копію, не справлялся всякій разъ съ соотвѣтствующимъ живымъ произношеніемъ. Такъ напр. въ извѣстной особенно этими своими написаніями гр. 1229 г. (сп. А) находимъ: миро, оустоко, всехо, битоса, 3 л. ед.: въсхочете, оударите; доконечано, готескомь, оурадатеса, в. ед. роусе, р. мн. коупьче; обратно: нъга, мъре, хъчьть, излъмьна, пьревьзлъ, мьжю, вѣрьмьнемь, золъта, голъвоу, берьгомь, дъкончано, тв. ед. женъю, ръздроушенъ, холъпъ и т. д. Тоже видимъ, напр., въ гр. 1294—1304: ѿ великогъ новагорѣда, ко кърольвъımо моужьмо, новгорѣдескъıи, молвате, к вамо; гр. ок. 1360: окънфо, жирятиничямо, послухо, псало, дрочила олексино, острово, созоно илеѣно, ивановиче; гр. ок. 1263: новгороцкъмоу, нѣмецкъе, оупьхньть, р. мн. грно̀, докончахъмъ; въ двинскихъ гр. XV в.: навълокъ, попъви, събѣ, федъта, хтъ, селъ роспопинъ вин. ед., с притьрьбъмъ, стъıлъ, съроковъ, черьмховъи; в рѣ-

чекы, оу выгумновыхо, пѧтенацате, степановескои, степано, дворо, островъко, отеча (= отца), ивановиче им. ед., и т. д.; въ купч. княгини Ѳеод. п. 1389: зьмлями, с путикомо, за Кузьмокою, пополонока, на Словѣнокѣ, игумено (Срезн. Пам. 268).

§ 415[1]. Отмѣчу, что і̯ стало изображаться нѣкоторыми писцами черезъ ѥ. Причина мнѣ неясна. Такъ въ гр. ок. 1263 и въ приложенной къ ней копіи съ гр. 1189—1199 находимъ: вин. ед. жеребеѥ, новгороцкоѥ, нѣмецкъѥ, р. мн. треѥ дворць, дат. ж. моужьскоѥ, чюжеѥ, мѣстн. ж. в ъноѥ; въ гр. 1391—1425: по се дшвное (А. Кал. I, № 82), въ купчей княгини Ѳеод. п. 1389: оц҃ь дш҃вное (Срезн. Пам. 268).

Нѣкоторые писцы опускали букву и на мѣстѣ і̯: из мое очи*н* 1462—72 (А. Кал. I, № 31), Ан*д*рѣ 1474—78 (А. Кал. I, № 36), 1479—1516 (ib. № 63), на всяко год 1434—47 (ib. № 31), то*т* старо ib.; велики 1439 (А. Кал. I, № 31), смѣстно ib.; дат. ж. дроуго Кн. Зак. XV в. (Павл. 43).

Звукъ ц̯ изображался черезъ черезъ въ, в, оу, напр. въсѧ дѣвы ты Пут. ев. 149, нѣ въбо оузиидохъ къ ѡц҃ю 269.

Глава IX. Звуковыя послѣдствія паденія глухихъ.

§ 416. Звуковыя послѣдствія паденія глухихъ были двоякаго рода: во-первыхъ, оно вызвало удлиненіе сонанта предшествующаго слога (гласной или плавной); во-вторыхъ, благодаря выпаденію полукраткихъ гласныхъ, образовались различныя новыя сочетанія звуковъ, неизвѣстныя въ предыдущую эпоху. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эти явленія принадлежатъ, какъ и самое паденіе глухихъ, уже отдѣльнымъ русскимъ нарѣчіямъ и что поэтому нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ образовавшіяся между ними діалектическія отличія. Тѣмъ не менѣе разсмотрю ихъ здѣсь, въ настоящей главѣ, предоставляя себѣ развить подробнѣе отдѣльныя положенія ниже, при обозрѣніи діалектическихъ явленій.

Удлиненіе гласныхъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную.

§ 417. Какъ мы знаемъ, въ общеслав. праязыкѣ наличность полукраткой гласной въ неначальномъ слогѣ требовала удлиненія гласной предшествующаго слога: вслѣдствіе этого въ слогахъ передъ слогомъ съ полукраткой гласной могли быть или исконно долгія гласныя, или полудолгія ô, ê, ö, замѣнившія ŏ, ĕ, или наконецъ краткія ъ, ь, у, і, которыя въ другомъ положеніи перешли бы въ полукраткія ъ̆, ь̆, ў, ĭ. Отсылая къ §§ 33 и сл.,

заключаю отсюда, что появленіе полукраткой гласной вызывало удлиненіе предшествующаго слога на половину моры: краткія гласныя предшествующаго слога обращались не въ долгія, а въ полудолгія гласныя. Паденіе полукраткихъ гласныхъ вознаграждалось соотвѣтствующимъ удлиненіемъ предшествующаго слога; естественно думать, что удлиненіе происходило въ предѣлахъ опять таки одной полуморы. Вслѣдствіе этого долгія гласныя предшествующаго слога становились очень долгими, сверхдолгими; полудолгія—долгими, а краткія полудолгими. Вотъ гипотеза, которую обосновываемъ нижеслѣдующими соображеніями и ограничиваемъ нѣсколькими оговорками. Во-первыхъ, удлиненіе долгихъ гласныхъ до сверхдолготы нельзя доказать современными данными въ виду послѣдовавшаго еще въ древнерусскихъ нарѣчіяхъ сокращенія долгихъ гласныхъ вообще; но нѣкоторыя указанія извлекаемъ изъ указаннаго ниже, въ § 418, передвиженія ударенія. Во-вторыхъ, краткія ъ и ь измѣнились не въ соотвѣтствующія полудолгія гласныя, а въ гласныя о и е: однако эти гласныя, представлявшія бо́льшую полноту звука, были, быть можетъ, и количественно длиннѣе ъ и ь, что сдужило бы подтвержденіемъ нашей гипотезы; равнымъ образомъ діалектическое измѣненіе краткихъ у, і въ о (ȯ), е свидѣтельствуетъ о томъ же. Въ-третьихъ, наконецъ, южнорусскій переходъ общеславянскихъ (общерусскихъ) полудолгихъ ô, ê, ê̆ въ дифтонгическія сочетанія uo, üö, ie свидѣтельствуетъ о посредствовавшемъ измѣненіи полудолгихъ гласныхъ въ долгія. Разсмотрю вкратцѣ всѣ три намѣченныя явленія: переносъ ударенія на долгую или сверхдолгую гласную; переходъ ъ, ь въ о, е и діалектическій переходъ у, і въ о(ȯ), е; наконецъ, южнорусскій переходъ общеслав. полукраткихъ въ дифтонгическія сочетанія.

§ 418. *Переносъ ударенія на гласную, удлинившуюся вслѣдствіе выпаденія въ слѣд. слогѣ глухого.* О такомъ переносѣ, свидѣтельствующемъ, быть можетъ, о сверхдолготѣ гласной, можно заключить на основаніи ударенія въ совр. великорусскихъ словахъ, какъ камéнья, ужéнье, прославлéнье, поставлéнье, увѣрéнье, видѣ́нье, мышлéнье, малор. камíння. Удареніе этихъ словъ не можетъ быть первоначальнымъ: коренная гласная ихъ имѣла нѣкогда экспираторную долготу, требовавшую переноса на себя ударенія, ср. удареніе соотвѣтствующихъ сербскихъ словъ: сла̏вљѐње, ми̏шљѐње. Слѣдовательно, новый переносъ ударенія въ русскомъ языкѣ зависѣлъ отъ той или иной новой причины: естественно искать ее въ исчезновеніи полукраткаго і въ слогѣ, слѣдующемъ за слѣдующимъ слогомъ, а эта причина могла дѣйствовать непосредственно черезъ удлиненіе непосредственно слѣдующаго слога. Если дѣйствительно существовалъ указанный законъ о переносѣ ударенія на

слѣдующій удлинившійся слогъ, то сохраненіе ударенія въ случаяхъ, какъ о́сен́, о́стров, пло́щад́, го́луб́ и т. п., зависѣло отъ вліянія соотвѣтствующихъ косвенныхъ падежей: о́сени, о́строва, пло́щади, го́луби. Въ производныхъ находимъ ожидаемый переходъ: лебёдка, площа́дка, голу́бка, печёнка, гребёнка. Сопоставленіе перехода го́лубъка въ голу́бка съ сохраненіемъ ударенія го́луби, если только, дѣйствительно, передвиженіе ударенія стоитъ въ связи съ выпаденіемъ глухого, доказываетъ или то, что при появленіи gółūbka (отсюда gołū́bka) исконное gółūbi успѣло сократиться въ gółŭbi, или то, что рядомъ съ gółuubka (— отсюда переносъ ударенія на сверхдолгую гласную, которую мы обозначили двойной буквой) существовало gółūbi съ долгой гласной. Въ виду этой второй возможности я допускаю, что переносъ ударенія въ соотвѣтствующихъ случаяхъ можетъ доказывать развитіе сверхдолготы въ зависимости отъ выпаденія полукраткой гласной въ слѣдующемъ слогѣ.

§ 419. Переходъ краткихъ ъ, ь, ѣ въ о, е, ö подробно разсмотрѣнъ выше въ главѣ VI (§ 378 и сл.). Тамъ указано, что переходъ этотъ начался именно въ слогахъ, за которыми слѣдовалъ слогъ съ выпавшимъ ѣ̆, ѣ̆, и изъ такихъ случаевъ распространялся дальше, охватывая всѣ вообще краткія ъ, ь, ѣ. Итакъ переходъ sъnѣ̆, dьnѣ̆ въ son, d́eń вызвалъ переходъ dъsku въ dosku, st́ѣ̆kła въ st́ökła. Это даетъ основаніе для аналогичнаго объясненія перехода краткихъ у и і въ діалектахъ русскаго языка въ о и е. Онъ начался въ сочетаніяхъ уі̯ и іі̯ изъ уї и ії, какъ результатъ усиленія или удлиненія звуковъ у и і, а отсюда распространился вообще на другіе случаи, гдѣ у и і находились передъ і̯; переходъ śĺѣ̆руї, głuxyї, dobryї, śińiї въ śĺѣ̆роі̯, głuxoi̯, dobroi̯, śińei̯ повелъ за собой и переходъ łukyi̯anъ въ łukoi̯an, sof́ii̯a въ sof́ei̯a, iść́ii̯a въ iść́ei̯a. Ср. великор. слепой, глухой, доброй, третей, синей, лукоян, софея, ищея́. Подробнѣе объ этомъ явленіи ниже, въ гл. I отдѣла VI. Тамъ же укажу, что рядомъ съ переходомъ уі̯ въ оі̯ извѣстенъ еще и другой аналогичный переходъ его въ ėі̯ (ė означаетъ е средняго ряда) и öі̯, ȯі̯: ср. въ бѣлорусской, а частью и въ сѣверновеликорусской области еі̯ въ словахъ, какъ сляпэй, худэй, сядэй, жиздр. и мосальск. мöю, крöю и мȯю, крȯю (болѣе точныя указанія даны ниже). Думаю, что уї непосредственно измѣнилось именно въ ėі̯ во всѣхъ сѣвернорусскихъ и восточнорусскихъ говорахъ, но что изъ ėі̯ уже позже въ подавляющемъ большинствѣ ихъ развилось ȯі̯, въ результатѣ ассимиляціоннаго вліянія на гласную со стороны предшествующей лабіализованной согласной; ȯі̯ перешло дальше въ этихъ говорахъ въ оі̯, сохранившись какъ ȯі̯ и öі̯ лишь въ немногихъ діалектахъ.

§ 420. Въ южнорусскихъ говорахъ о, е, ö полудолгія закрытыя въ положеніи передъ выпавшею полукраткою гласной переходили въ соотв.

долгія; эти долгія гласныя, еще до распаденія южнорусскаго нарѣчія на отдѣльныя поднарѣчія, дифтонгизировались, переходя въ uo, ie, üö: dômъ̌, ṕêč̌ъ̌, ńösłъ̌ перешли въ duom, ṕieč̌, ńüös. Монофтонгизація этихъ дифтонговъ принадлежитъ уже позднѣйшей жизни малорусскихъ нарѣчій. Эпоха появленія дифтонговъ совпадаетъ вполнѣ съ эпохой паденія глухихъ. Это видно изъ южнорусскихъ памятниковъ, которые со второй половины XII в. обнаруживаютъ на письмѣ одновременно утрату ъ и ь и переходъ е въ дифтонгъ іе, обозначаемый тою же буквою, которая означала исконный дифтонгъ іе (изъ общеславянскихъ ē и oi̯); такъ въ Добрил. ев., рядомъ съ написаніями, какъ пришлець, ропъщѣте, жерьцемъ, што находимъ: шѣсть, ремѣнь, зѣлье. Подробнѣе разсмотрю это явленіе ниже, въ отдѣлѣ южнорусскихъ явленій.

Примѣчаніе. Согласно даннымъ въ § 233 и 235 пр. 2 указаніямъ, о краткое (не полудолгое) и не закрытое, подъ вліяніемъ выпаденія полукраткой гласной въ слѣдующемъ слогѣ, удлинялось до полудолготы; полудолгая гласная въ дифтонгъ не распалась; ср. совр. малор. король, горох.

Удлиненіе плавныхъ въ сочетаніяхъ ъr, ьr, ъł передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную. (Второе полногласіе).

§ 421. Въ общеславянскомъ праязыкѣ плавныя въ сочетаніяхъ ъ̌r, ь̌r, ъ̌l, ь̌l были во всякомъ положеніи долгими или полудолгими (въ зависимости отъ характера исконной долготы); общерусскій праязыкъ, какъ указано въ § 236, сократилъ плавныя въ тавтосиллабическихъ сочетаніяхъ съ предшествующею гласной: результатомъ сокращенія плавныхъ въ сочетаніяхъ or, er, oł былъ переходъ этихъ сочетаній въ oro, ere, ołо, при чемъ ro, re, łо возмѣщали утраченную долготу плавныхъ r, ł; результатомъ сокращенія плавныхъ въ сочетаніяхъ ъ̌r, ь̌r, ъ̌ł былъ переходъ этихъ сочетаній въ ъr ьr, ъł, при чемъ замѣна ъ̌, ь̌ черезъ ъ, ь возмѣщала утраченную плавными долготу. Такимъ образомъ въ древнерусскомъ языкѣ до паденія глухихъ сочетанія ъr, ьr, ъł имѣли краткія r, ł независимо отъ того, стояла ли въ слѣдующемъ слогѣ гласная полнаго образованія или неполнаго образованія, полукраткая: tъrgъ̌, tъrga, vъłkъ̌, vъłka. Паденіе полукраткихъ имѣло слѣдствіемъ удлиненіе плавной въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ; она удлинялась до полудолготы: torg, vołk, съ полудолгими r, ł; рядомъ torga, vołka, съ краткими r, ł. Въ большей части древнерусскихъ говоровъ полудолгія плавныя сократились безслѣдно. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ и въ нѣкоторыхъ положеніяхъ сокращеніе пошло

здѣсь тѣмъ самымъ путемъ, какимъ происходило сокращеніе въ общерусскомъ праязыкѣ сочетаній or, oł, er (съ долгими плавными); а именно оно возмѣщалось замѣной полудолгой плавной сочетаніемъ плавная + гласная. Подобно тому какъ общеслав. vorna, voł̀sa съ долгими и полудолгими плавными перешли въ общер. праязыкѣ въ vorȍna, vȍłosa, точно также общерусск. torg, voł̀k съ полудолгими r, ł̀ перешли діалектически въ torog, voł̀ok. Опредѣляя это явленіе какъ діалектическое, имѣемъ въ виду, что оно получило преимущественное распространеніе въ нѣкоторыхъ сѣверноруссскихъ говорахъ; опредѣляя же условія, благопріятствовавшія развитію этого явленія также и въ другихъ говорахъ, находимъ, что такія условія создавались звуковою аналогіей сходныхъ словъ и образованій, гдѣ языкъ, благодаря утратѣ полукраткихъ и переходу краткихъ глухихъ въ гласныя полнаго образованія, представлялъ «бѣглыя» гласныя (ср. § 388). Такъ, напримѣръ, только діалектически явились верёх, доложнó изъ v́eŕx, doł̀žno съ полудолгими ŕ, ł̀; а между тѣмъ во всѣхъ великорусскихъ говорахъ имѣется произношеніе полон, долог, гдѣ о возникало по аналогіи случаевъ какъ короток (при коротка), силён (при сильна). Однако и въ доложнó и въ дóлог имѣемъ явленія въ источникѣ своемъ тождественныя; но въ однихъ говорахъ для его развитія не требовалось наличности тѣхъ благопріятствующихъ условій, которыя необходимы были для его развитія въ другихъ. Поэтому явленія эти могутъ быть разсмотрѣны одновременно, и поэтому же я не нахожу основанія относить ихъ къ числу тѣхъ, которыми опредѣлялись главнѣйшія діалектическія различія русскаго языка (ср. обзоръ ихъ ниже, въ VI отдѣлѣ). Какъ увидимъ ниже изъ приведенныхъ примѣровъ, они не чужды также малорусской и бѣлорусской области; выдѣлю однако особо случаи, отмѣченные какъ въ обѣихъ этихъ областяхъ, такъ и въ южновеликорусскомъ нарѣчіи, такъ какъ, согласно съ только что сказаннымъ, изслѣдуемое явленіе получило совершенно особое развитіе, особое распространеніе въ говорахъ сѣворнорусскихъ. Не стоитъ ли это обстоятельство въ связи съ болѣе позднимъ въ этихъ говорахъ сравнительно съ другими паденіемъ глухихъ?

§ 422. Явленіе, по которому исконныя tъrgъ, pъł̀nъ (общесл. pьlnъ) и т. д. измѣнились въ torog, połon, было впервые опредѣлено А. А. Потебней въ его трудѣ «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», вып. I. Онъ назвалъ его вторымъ полногласіемъ,—терминомъ, который удержимъ и мы. Потебня, какъ мнѣ кажется, недостаточно точно ограничилъ предѣлы распространенія этого явленія. Во-первыхъ, онъ ошибочно отождествилъ съ полногласными сочетаніями (напр. въ долог, верёх) начертанія ъръ, ьрь, ьръ, ълъ древнерусскихъ памятниковъ. О такихъ начертаніяхъ сказано выше, въ

§ 314, при чемъ показано ихъ искусственное, графическое значеніе; второе полногласіе, что̀ такъ ясно изъ фактовъ живого языка, можетъ быть объяснено только въ связи съ паденіемъ полукраткихъ гласныхъ въ слѣдовавшемъ за сочетаніями ъг, ьг, ъ́ слогѣ, и уже по тому самому начертанія ьрь, ъръ, ълъ въ Остр. ев., Сб. 1073 и др. не могутъ быть признаны за изображеніе полногласныхъ сочетаній: въ XI вѣкѣ паденіе глухихъ еще не имѣло мѣста; эти начертанія встрѣчаются при всякомъ положеніи въ словѣ, а не только передъ слогомъ съ ъ и ь. Во-вторыхъ, Потебня не обратилъ вниманія на эту именно связь второго полногласія съ паденіемъ глухихъ; между тѣмъ она ясно обнаруживается изъ того обстоятельства, что полногласныя сочетанія являются только въ закрытыхъ слогахъ (т. е. тамъ, гдѣ въ слѣдовавшемъ за такими сочетаніями слогѣ стояли нѣкогда полукраткія гласныя): мы увидимъ это изъ приводимыхъ ниже примѣровъ и дополнительныхъ замѣчаній. Не будь такого ограниченія, всякія вообще сочетанія ъг, ьг, ъ́ перешли бы въ ъгъ, ьѓь, ъ́ъ, и не было бы основаній для той утраты полногласныхъ сочетаній, которая, однако, оказывается явленіемъ общимъ всему русскому языку: *вълъкъ, *вълъка перешли бы въ *волок, *волока; ср. общій переходъ сочетаній ог, о́, ег въ ого, о́ло, е́ге (явленіе перваго полногласія). Соображенія Л. Л. Васильева, предположившаго, что полногласныя сочетанія въ слогѣ не передъ слогомъ съ полукраткою гласной звучали (по принятой въ наст. трудѣ терминологіи) какъ ъгъ̆, ьгъ̆, ъ́ъ̆ (съ полукраткими ъ, ь), между тѣмъ какъ въ слогѣ передъ слогомъ съ полукраткой гласной какъ ъгъ, ьгь, ъ́ъ (съ краткими ъ, ь), при чемъ первыя сочетанія измѣнялись въ ог, ег, о́, а вторыя въ ого, е́ге, о́ло, — эти соображенія оставляютъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, почему въ древнихъ русскихъ памятникахъ, не нарушившихъ еще правильнаго употребленія буквъ ъ и ь, пишется ър, ъл, ьр, напримѣръ, въ словахъ вьрхоу, вълкъ, кърмити, и т. д., разъ второе полногласіе было общерусскимъ явленіемъ (однороднымъ и одновременнымъ съ первымъ полногласіемъ).

§ 423. Согласно предложенному объясненію второго полногласія, мы вообще не можемъ допустить измѣненія ъг, ьг, ъ́ въ ъгъ, ьгь, ъ́ъ даже въ качествѣ посредствующихъ сочетаній; второе полногласіе развивалось послѣ паденія глухихъ и вслѣдствіе этого паденія, слѣдовательно, мы исходимъ изъ сочетаній ог, о́, е́г съ полудолгими плавными, сочетаній замѣнившихъ передъ слогомъ, утратившимъ ъ̆ или ь̆, исконныя ъг, ъ́, ьѓ. То обстоятельство, что мы имѣемъ не только о̀го, о̀ло, ѐге въ результатѣ второго полногласія, но также и ого̀, е́ѐ, о́ло̀ (напр. коро̀м, верёх, столо̀б), объясняется позднѣйшимъ перенесеніемъ ударенія, падавшаго на предшествующую плав-

ной гласную, съ этой гласной на слѣдующій слогъ, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны сходныхъ образованій, представлявшихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Такъ стòлоб—столбà естественно переходило въ столòб—столбà подъ вліяніемъ напр. глотòк — глоткà, катòк — каткà, и т. п. Удареніе словъ пòлон, дòлог, имѣвшихъ нѣкогда восх. удареніе, что̀ ясно изъ сербскихъ дȕг, пȕн, доказываетъ, что восходящее удареніе переносилось съ плавной на предшествующую гласную.

§ 424. Приведу примѣры для полногласныхъ сочетаній, располагая ихъ въ трехъ группахъ: древнерусской, совр. сѣверноруссой и группѣ всѣхъ другихъ нарѣчій, включая сюда и древнерусскіе примѣры изъ южной и западной Руси. Сначала—тѣ слова, гдѣ полногласныя сочетанія находятся въ закр. положеніи, т. е. передъ слогомъ съ выпавшею полукраткою гласною.

Древнерусскій языкъ: боротной староста 1453 въ сп. XVII в. (А. А. Э. I № 53); веребнꙑа нед. Парем. 1271, 91d, на веребницю Ипат. 123 об.; новерѣиши Вопр. Кирика по Кормч. 1282, 529d; ѿверестъ Пчела XIV—XV (Временникъ, XXV, с. 91); за 500 верестъ за Кыевомъ Псков. 2-я подъ 6908; и заа ѧрославъ верешь на Торжьку Тверск. подъ 6724; все Поволожьѥ Новг. 1-я Синод. 84б; хотѧ горонци вести въ городъ Новг. 1-я Троицк. подъ 6497; Горончарьскꙑи конець (въ Новгородѣ) Новг. 1-я Комм. подъ 6868; куши (или купилъ) одерень Двинск. гр. XV в. №№ 2, 8, 23, 24, 89, 103 и др.; даю... ѡдерень сѣ̄му гергью Рукоп. Клим. до 1270, даѫхуть одрень вм. одерень Новг. 1-я Синод. 81б, 114б, ср. одрнь Догов. Дм. Ив. 1372 (значеніе: въ полную собственность); подеренка Холмог. 1553 № XXXV; дологъ Гр. 1229 (сп. С. XIV в.), доложьнующе Новг. минея 1370 (Мат. Срезн.); дологъ (долгій) Цвѣтникъ 1665 г.; подологъ морѧ Палея 1477 № 210, 141 об.; корозно (плащъ) Пискар. сп. 1485 г. Елл. лѣт., 305 об.; короцму, короцмѣ Сильв. сб. XIV в. 30б; ѡцѣ̀ ти оумерелъ Лавр. лѣт. 90а; безмоловиꙗ Новг. прол. 1262 (Собол. Лекціи); молоньꙑ Лавр. лѣт. 20, 100, молоньѧ Ипат. 32б, молоньи им. ед. Уст. церк. XIV в. (Оп. Горск. и Нев. III, 1, 287); пересть сыпати Соф. 1-я по сп. XVI в. А. Н. подъ 988г.; наперестника вм. напересника Сказ. о Мам. поб. по сп. XVII в. (изд. Снегирева); Перемь Догов. Новг. 1264—1265; и приѣхавъ же глѣбъ въ свои полокъ Ипат. 119б подъ 6654, полокъ Ист. палея XV в. (изд. Попова, 112); исполѡ̑ Рукоп. Всевол. Комм. 488; да полоть маса пополонка, ѡвцю пополонка, свинью пополонка Дв. XV в. №№ 30, 22, 19 и др.; и съкрꙑ ѩ въ полостьници близъ шатра Новг. 1-я Синод. 89б; Серебь Лавр. 4; не блюдеть смередъ Новг. 4-я (П. С. Р. Л. IV, 5), смородъ Новг.

4-я Новор. 234б; теренье Библія 1499 (Матер., 45); на Торожкоу Новг. дог. 1269—70, Торожкоу, Торожькоу Новг. 1-я Синод. подъ 1215, 1216, 1230; торожествуемъ Новг. тріодь XIV в. (Собол. Лекціи); челонъ Юр. сб. XIV в. (РД. II, 10); в Черемнѣмь мори Псков. ирм. 1344 (Собол. Лекціи); череньци Новг. кормч. 1282, черенца Сильв. сб. XIV в., 26d, черенци, черенцовъ, черенцамъ Дв. XV в. №№ 1, 2, 12, 5 и др., о черенцѣ Богдан. злат. XVI в. (Л. Васильевъ); четвереть Дв. XV в. № 22; а ржи наша четверетка Псков. 2-я подъ 1422, четверетцею Новг. писц. I, 632; оусмы и шерестьми Чт. О. И. и Др. 1867, II, 208).

Совр. сѣверноруссная область: на́бередье (приборъ, въ который укрѣпляется бердо) Лодейн. (Кулик.); ку́веретью (кувыркомъ) Вытег. (Филим.), за́вереть (хвиль, вихрь) Псков. и Осташ. (Доп.), оберётка (большой ломоть хлѣба) Борович. (О. С. 112); верёх (при верха́) Новгор., Олон., Арханг., Псков. губ. (см. Изв. 1903 г.); верёхъ, на верёхъ Морш. (О. С. 164), ве́рехъ и верёхъ Арханг. (Подв.), ве́рёхъ и верёхъ Петроз. (прогр. № 34); Гверездка (назв. селенія) Гдов., Гвереэдно (назв. селенія) Луж., Кронштт.; го́роп (пригорокъ) Новгор. у. (В. Черныш.); одере́нь (напрасно, попусту) Бѣлоз. (прогр. № 172), вбдерень (совсѣмъ, вовсе) Верхотур. (Оп.), Нерч. (О. С. 181), Кем. (О. С. 181), Кем. (О. С. 5); про́дологъ (продолговатъ) Шенк. (Оп.); доложно́ Псков., Олон., Перм., Вят., Петерб., Арханг., Новгор. губ. (см. Изв. 1903), до́ложно Петроз. (Шахм.), при до́ложности Петроз. (Шахм.), доложникъ Псков. (Д.); желедь (тростинка, ср. желдь, водожелдь) Новорж. (Сл. А. Н.); жередь Псков. и Осташ. (Доп.), же́редья Петроз. (Шахм.); жерёнки (желудокъ, требухъ, рубецъ маленькихъ птицъ) Псков. и Осташ. (Доп.), жерёнки (сухіе мозоли) Псков. (Даль); жо́лонъ (колода, жолобъ) Сѣверн. (Даль); зереньё (зерна, зерновой хлѣбъ) Старорусск. (Доп.), зере́нье Псков. и Осташ. (Доп.); коромщикъ (кормщикъ, рулевой) Псков. (П. Якушкинъ, Пут. письма, 139); ко́ром и коро́м Новгор. у. (В. Черныш.), коромной (жирный, тучный, о скотѣ) Псков. и Осташ. (Доп.); смередное платье вм. смеретное Новолад. (Новг. сб. II); молонья́ Арханг., Волог., Олон., Псков. губ. (см. Изв. 1903), мо́лонья Новгор., Твер., Вят. губ. (ib.); молоствйкъ Судог. (О. С. 25), фамилія Молоство́въ (древнее *мълстъвъ, род. *мълстъва, ср. литовское milsztuvẽ, доёнка); смолость (коровье вымя) Волог., Вят. и др., ср. молсать (сосать); молость (непогодь) Нижегор. (Даль); Перемь Соликам. (прогр. № 181); перёсъ (перстъ) Пудож. (Шахм.), пе́рес Петроз. (Шахм.); поло́къ (полчокъ, кучка) Покров.-Владим. (Оп.); приполонъ (приплодъ) Уржум. (Магницк.); полонья́ Шенк. (О. С. 9); по на́середки Ладож. (Кедровъ въ Ж. С.); се́ренъ Петроз. (Шахм.), Порхов. (Евсѣевъ

въ Ж. С.), Новгор. (прогр. № 20); у́солонь, у́солонье (мѣсто, не освѣщаемое солнцемъ, тѣнь) Тихв. (Оп.); скатереть Арханг., Тихв. (Оп.), скатерётка Бѣлоз. (прогр. № 172); столо́бъ Псков., Петерб., Новгор., Олон. губ. (см. Изв. 1903); су́толомня, су́толомшина (возня, шумъ) Псков. (Доп.); дуботолокъ Вят. (Верещ.); за́толокъ (захолустье) Сибир. (Оп.), за́толочье Перм. (Оп.); по́торокъ (ударъ) Псков. и Осташ. (Доп.), ср. торкнуть, торкать; всу́терепъ (нарѣчіе: насколько можно стерпѣть) Псков. (Доп.); холо́мъ, ср. Большой Холо́мъ, Малый Холо́мъ (назв. покосовъ) Новгор. у. (В. Чернышевъ), Захоломье Новоладож.; че́ревъ (червь) Осташ. (Доп.); черень (дубовый лѣсъ, чернолѣсье) Порх. (Доп.); черёмный (рыжій) Сольвыч., Вят., Сибир. (Оп.), чере́мный Вят. (Верещ.), черемнуха (родъ кори) Псков. и Осташ. (Доп.); четвереть Кем. (прогр. № 104), Онеж. (прогр. № 41); чо́лонъ Пудож. (Кулик), Новгор. (Каринскій, Р. Ф. В. 1898); па́щелокъ Вят. (Доп.), ср. щелкнуть; пришело́пъ (приморская береговая возвышенность у подошвы горы) Арханг. (Подв.) вм. прищелобъ, ср. малор. щовб, у́щовб (скала, утёсъ); четве́регъ Вятск., Перм., Олон., Новгор. губ. (см. Изв. 1903).

Прочіе южновеликорусскіе говоры, а также малорусская и бѣлорусская области. Памятники: в доложь гр. 1400 (А. Ю. З. Р. I № 6), жолоткомъ яець (желткомъ) малор. лѣчебн. XVIII в. (изд. Потебни въ К. С. 1890), оумеретвиѣ Полик. ев. 1307, до оумеретвыѣ Иродова Пут. ев. 233, молоньѧ Кіевск. псалтырь 1397 (Собол. Лекціи), переcть западнор. сп. Библ. кн. XVI в. Вил. № 262 (Перетцъ, Нов. труды о живовствующихъ, с. 38). Современный языкъ: болозни, болузни (мозоли) Ряз. (Диттель въ Ж. С. II, 206), ср. словенск. bôłzen, bôłzni: трещина, щель; верёвка Великор., віровку Кіевск. (Рудч.), верьовочку Звенигор. (Рудч. II, 139), ср. малор. вервечка; горон Александр.-Екатериносл. (Драгомановъ, Малор. нар. пр. и разск. 126); горость Мещов. (В. Черныш.); задерёжка (занавѣсъ у окна) Тул. (Оп.), раздерёжный (веселый) Обоян. (Доп.); дологъ Великор.; волонки фунтикъ, уменьш. отъ во́лна шерсть (Ѳ. И. Поликарповъ въ Пам. кн. Вор. губ. 1906), во́лонку острыги, во́лонку продай Бѣльск.-Смол. (Пляшкевичъ, Великор. ск., изд. Г. О.); жеревни́къ (пищеводъ) Малор. (Желеховскій); жеренки (ручная жерновка и рачьи жерновки) Смол. (Даль), жере́нцы (уменьш. отъ жорны) Бѣлор. (Носовичъ); джоло́нка (дятелъ) Малор. (Желеховскій), ср. желна́; жо́рость (жерздь) Новоросс. (Слов. Ак. Наукъ); зеренце́ (зёрнышко) Малор. (Желеховскій), зере́н Бродск. (Етн. зб.); волошебникъ Лубенск. (Етн. зб. XIV, 54); ко́бромъ Дон. (Соловьевъ), Украин. (Шимановскій); кочере́жка Малор. (Желеховскій), кочере́жка, кочере́жникъ Бѣлор. (Носовичъ); мылання Новоалекс.-Ков.

(прогр. № 14), Витеб. (прогр. № 18), молодня́, Бѣлор. (Носовичъ), мо́ланья и маланья́ Курск. (Обз. Колосова), молонье́ Крапив. (прогр. № 85), Ефрем. (прогр. № 173), мо́лыдня Ельн. (Добров. I, 510), мо́лоння бѣлор. (Носовичъ), маланья́ Слуцк. (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898); р. ед. маластва́ отъ маласто́фъ Ряз. (Диттель въ Ж. С. VIII, 210); ополонка Шевч. 28; по́лость Богор.-Тул. (Будде), Болхов. (Сахаровъ) и др.; папереть Новг.-Сѣв. (Черн. Г. В. 1860 № 17); по́рос вм. по́роск (горячіе уголья) Малор. (Желеховскій); полонъ Великор.; по́рушни, мн. отъ поршень Астрах. (Даль); по́солонь Малор. (Желеховскій); терѐнь (тёрнъ) Новоград.-Вол. (Zb. VII, 219, 222); скатирёткыю, скатяретку Ельн. (Добров. Э. С. I, 599); смерётный Бѣлор. (Носовичъ), смерётныя одежды Бѣлор.-Сакуны (И. А. Сербовъ); твёредъ Мещов. (В. Черныш.), тьверед Коротоякск. (Путинцевъ въ Пам. кн. Вор. губ. 1905); та́воложка Самар. (Доп.), таволо́жник (Spiraea crenata) Малор. (Шейковск.); толо́чный парень (дошлый, бывалый) Ряз., Пенз. (Даль), бе́зтолочь Великор., то́лок (толкъ, умъ) Александр.-Екатериносл. (Драгомановъ, Малор. нар. пр. и ск., 79); то́ронъ Сарат.; те́ренъ Великор. (Далъ); че́ряфъ Касим. (Будде); городъ Че́рень Одоев. (Будде); в свій че́рег Малор. (Желеховскій), поче́режно (Кв. II, 173); чало́нъ (челнъ) Курск. (Халанск. въ Сб., т. 76, с. 53).

§ 425. Необходимо отмѣтить, что въ рядѣ случаевъ полногласное сочетаніе стоитъ не передъ исконнымъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную, а передъ слогомъ съ гласною полнаго образованія. Безъ всякаго сомнѣнія во всѣхъ такихъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ новообразованіями типа, разсмотрѣннаго нами выше въ §§ 387 и сл.: о, е послѣ плавной перенесены изъ родственныхъ образованій. Такъ форма имен. ед. съ о, е вызываетъ вставку этихъ гласныхъ въ косв. падежахъ; это является общимъ правиломъ въ словахъ ж. р. на ь; при за́вереть, же́редь, жо́рость, бе́зтолочь, ко́ромь, ска́тереть, по́лость и др. находимъ за́верети, по́лости, а не заверти, полсти; рѣже найдемъ то же въ словахъ м. р.: холомы́ Псков. и Осташ. (Доп.), съ столобомъ Новгор. (П. Якушкинъ, Путев. письма, 120), до верёха Пинеж. (Тр. Эти. Отд. V, 2, 257), терену́ малор. (Smal Stockij въ Archiv VIII, 245), безъ у́толоку (безъ толку) Волог. (Оп.), на́толокомъ при на́товкомъ (биткомъ) Бѣлор. (Носовичъ). Далѣе уменьшительныя, согласно § 390, сохраняютъ о, е того сло́ва, отъ котораго они произведены: холомо́къ Псков. и Осташ. (Доп.), челонокъ Арханг. и Тихв. (Оп.), столобокъ Луж. (Каринскій въ Р. Ф. В. 1898), гороббк гуцульск. (Собол. Лекціи) подъ вліяніемъ гороб; смерётушка, до смерёдушки Новолад. (Новг. сб. II) подъ вл. смерётка. Имен. падежъ получаетъ о, е изъ косвенныхъ въ случаяхъ, какъ Торожокъ Новг. 1-я, 45,

пополонокъ Дв. гр. XV в. №№ 29 и 110, перестень Чудовск. сб. XIV в. (В. Н. Щепкинъ въ Библ. мат. А. Н. Попова), жолотокъ Сб. Рум. № 358, л. 267, Волоховець при Волховцю Молд. 1421 г., быть можетъ, вмѣсто Волохвец, Волховцю, шерешень Малор., доложон Нолинск. (О. С. 52), молостов; голобец Кашин. (Оп.) и го́лубец Кинеш. и др. вмѣсто го́лбец, подъ вліяніемъ го́лобца. Тоже въ формѣ сравн. степени подъ вліяніемъ положительной: тало́ше Новорж. (прогр. № 39), толо́шѣ Псков. (Доп.) подъ вліяніемъ *толост; тверя́же Холмск. (Обзор Колосова, 39), тве́реже Новгор. (В. Чернышевъ) подъ вліяніемъ тверед. Наконецъ, полногласныя сочетанія проникаютъ и въ другія категоріи случаевъ: шерести́ть Перм. (Доп.) въ значеніи мѣнять лошадь на лошадь, ср. перешерсти́ть: перемѣнить Болхов. (Сахаровъ въ Сб. II Отд., т. 68); твере́дить и тверед и́ть, утве́редить (утрудить) Псков. и Осташ. (Доп.) отъ тверед; солоновосходъ, солоноворотъ Уржум. (Магницк.), солонова́ть (ходить посолонь) Сѣверн. (Даль), перещатка (при перщатка) Пудож. (Кулик.) подъ вл. перест; быть можетъ, сюда же сполонилсѧ бѣшеть днѣпръ Ипат. 227б, ср. spowenýw (наполнилъ) Бойк.-Стр. (Zb. X, 6).

§ 426. Кромѣ указанныхъ въ предыдущемъ § случаевъ, легко объясняемыхъ аналогіей, находимъ второе полногласіе передъ слогомъ съ гласной полнаго образованія въ нѣсколькихъ случаяхъ, не поддающихся подобному объясненію. Въ древнихъ памятникахъ, гдѣ не исключена возможность графическаго, искусственнаго явленія, находимъ напр. бороздо Ипат. 394б (1172 годъ) вм. борзо; далѣе оберетѣвше Ж. Бор. и Гл. Сильв. сб. XIV в.; городость Зап.-русск. Четія 1489 г. (Карпинскій въ Р. Ф. В. 1890). Въ совр. языкѣ: ве́рево (вервь) Вят. (Оп.); быть можетъ, верёха (толстая жердь) Астрах. (Оп.), (древко стрѣлы) Нижнекол. (Богоразъ); полону́шка (сборъ разныхъ сельскихъ произведеній) Новотор. (Оп.); сте́рево вмѣсто сте́рво у Номиса (Желеховскій). Число подобныхъ случаевъ настолько ничтожно, что исключаетъ всякую возможность поколебать выше выставленное положеніе объ условіяхъ появленія второго полногласія.

§ 427. Распространенность полногласныхъ сочетаній на мѣстѣ исконнаго ър, слѣдовательно, въ чередованіи съ ор, была причиной появленія ор, ол при оро, оло иного происхожденія, а именно въ сочетаніяхъ, вызванныхъ первымъ полногласіемъ. Сюда относится напр. Полтескъ вм. Полотескъ (Полотьскъ), ср. назв. рѣки Полоты; такую форму находимъ, напр. въ Гр. Владисл. 1387 (Пам. Ср. 266); въ Лавр. лѣт.: в полтескъ 100 при в полотьскѣ ib., и мн. др. Очевидно, Торжок при Торожку, чернец при черенца и т. п. вызывали Полтеск при Полотска.

Примѣчаніе 1. Слово золовка при сербск. заова не представляетъ полногласнаго сочетанія, ибо оно восходитъ къ зълъвъка; о словѣ беревно сказано выше, въ § 384; сверѐбить Осташ. представляетъ первое полногласіе, ср. сворбить; гуцульск. долобати точно также представляетъ первое полногласіе, ср. долотó, а также малор. прúдолоб, прóдолоб (плужное дышло), древнерусск. надолобомъ дат. мн. въ Новг. 1-й Синод. подъ 1238, и др. (при надолобъ существовало надолбъ, ср. надолбомъ Акад. Суздал. подъ 1238). Толонуть, деренуть могли возникнуть подъ вліяніемъ другихъ образованій на -онуть, какъ двигонуть. Остолопъ при ослопъ для меня неясно; объяснить ослопъ изъ остълпъ, ср. стълпъ, представляется невѣроятнымъ, ибо о въ первой части полногласнаго сочетанія вообще никогда не выпадаетъ; ослопъ, думаю, надо отдѣлить отъ остолопъ, а послѣднее можетъ быть возведено къ остълпъ; отмѣчу остолóбъ: Уржум. (Магницк.); ср. малор. стовп при стовб. См. о словѣ остолопъ статью А. И. Собол. въ Ж. М. Н. П. 1897, № 7.

Примѣчаніе 2. Въ нѣсколькихъ случаяхъ видимъ въ малор. и бѣлор. замѣну o черезъ e въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ; ср. напр. czowen, powen Новоград.-Вол. (Zb. VII, 181), na czowenok (ib. 176), y горенъ Кіевск. (Рудч.), горен Бѣлор.; также указанное выше spowenўw Бойк.-Стр.

Измѣненіе гласной передняго ряда, вызванное вліяніемъ предшествующей твердой согласной.

§ 428. Случаи подобнаго измѣненія возникали, напримѣръ, при встрѣчѣ конечной твердой согласной одного слова съ гласною і въ началѣ слѣдующаго слова; результатомъ такой встрѣчи должно было бы быть смягченіе согласной; но вліяніе аналогіи могло удерживать ея твердость, и это имѣло слѣдствіемъ переходъ і въ у: s ivy переходило въ s yvy. Соединеніе s ivy могло въ свою очередь имѣть двоякое происхожденіе: sѣ ivy и sў ivy; второе сочетаніе замѣняло первое при большемъ сближеніи предлога съ слѣдующимъ словомъ, въ силу разсмотрѣннаго въ § 337 процесса; вслѣдствіе закона объ утратѣ полукраткихъ оба сочетанія измѣнялись въ s ivy.

Приведу примѣры: в ѣстобъку Риж. гр. ок. 1300, в ѣстобцѣ Ипат. 186б, в ѣноую землю Гр. ок. 1230, в ѣнъ законъ Лавр. 72, в ѣлмерь ib. 5, в ѣнок зѣмли Гр. 1189—1199 (сп. ок. 1263), из ѣного Гр. 1391—1425 (А. Кал. I № 31), с ѣгуменом 1433 (А. Кал. I № 31), с ѣстокоу̑ 1432—43 (Г. Др. I, р. IV, № 5), с ѣноною 1490 (А. Кал. II № 156, 160) без ѣс-

правы 1462—63 (А. Кал. I № 31), в ывановское рпсь XVI в. (Русск. Дост. II, 78), в ыстинну бе^{з}росту Суд. Ив. Вас. Унд. XVI в., 63а, в ъырода мѣсто Рум. ев. XIV в. № 8, 18в, с ъыви Дв. XV в. № 27, с ъывашомъ Дв. XV в. № 18, в ъынъ городъ Гр. 1229 (D), в ыпа҃евъ 1442—43 (С. М. № 32-376), в ыконниче 1525—62 (С. М. 35-298), с ысаина мо҃кꙋ на ель Межев. XV в. (П. Б.). Изъ совр. языка великор. приведемъ не только: вызбу, сылом, сыной стороны, безывана, но также знал ымя, этот ыл, сам ы пошол.

Также въ серединѣ слова,—но въ относящихся сюда случаяхъ переходъ и въ ы можетъ восходить къ старшей эпохѣ, предшествовавшей паденію глухихъ, въ особенности въ сложныхъ съ предлогами въз, из, роз, издавна утратившими ъ (ср. § 328); но въ подымать 1464—1501 (А. Ист. I № 80), взъыскалъ Дв. XV в. № 77, изъыскали Гр. Ѳеокт. п. 1300, подыскать, отыграться у можетъ восходить къ і подъ вліяніемъ согласной, потерявшей за собою ў (podўimatĭ при podyĭmati).

Примѣчаніе 1. Въ случаяхъ, какъ ув ыгната Гр. Новг. ок. 1360, оу въыгумновъыхо дѣтеі Дв. XV в. № 26, видимъ переходъ і въ у послѣ согласной v, развившейся изъ u; случаи эти возникли, слѣдовательно, независимо отъ паденія ъ въ силу § 328.

Примѣчаніе 2. Книжному вліянію обязаны написаніе и произношеніе, какъ ѿтимаѥть Гр. ок. 1130.

§ 429. Звукъ е, оказавшись вслѣдствіе утраты передъ нимъ ў, послѣ твердой согласной, измѣнялся въ звукъ ė средняго ряда, подъ вліяніемъ этой согласной. Сюда относятся разсмотрѣнные въ § 363 случаи, какъ kuṕiłė, vźałė, вм. kuṕiłўe, vźałўe, а можетъ быть и непосредственно изъ kuṕiłўi̯e, vźałўi̯e, при чемъ i̯ (j) исчезало послѣ твердой, не подлежавшей смягченію согласной.

§ 430. Звукъ ѣ (ie), оказавшись вслѣдствіе утраты передъ нимъ ў, послѣ твердой согласной, измѣнялся, повидимому, въ дифтонгъ yė. Это имѣло мѣсто въ діалектическихъ образованіяхъ им.-вин. мн. въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ: ḿiłўѣ, dobrўѣ измѣнились въ ḿiłѣ, dobrѣ, откуда miłyė, dobryė, ср. малор. милі, добрі, чорні, руді (съ твердыми согласными передъ і), также бѣлор. добрэ, безхвостэ Слуцк. (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898); бѣлор. э такого происхожденія переносилось затѣмъ по аналогіи въ склоненіе сущ.: им.-вин. мн. сватэ, дварэ Слуцк. (ib.), валэ Зап.-Гродн. (Р. Ф. В. 1901, 3—4). См. § 363.

Появленіе новыхъ сочетаній гласныхъ съ согласными и согласныхъ между собой.

§ 431. Паденіе полукраткихъ гласныхъ имѣло слѣдствіемъ появленіе закрытыхъ слоговъ, почти неизвѣстныхъ въ предшествующую эпоху, когда допускались только такіе закрытые слоги, которые оканчивались на плавную, и при томъ въ серединѣ слова. Теперь появились согласныя и въ концѣ слова: mir, voł, nos, syn, rot, ideť и т. д.; также группы согласныхъ: torg, vołk, śeŕp, vosk, v́izg, gośť, tołst, ťьrn и т. д. Отпаденіе согласныхъ послѣ гласныхъ въ концѣ слова вообще не имѣло мѣсто; впрочемъ, оно допускалось въ нѣкоторыхъ слабоударяемыхъ словахъ; ср. бо въ великор. спасибо, непосредственно изъ спасибоγ, малор. спасибі, далэбі, также тепере изъ теперев (а это согласно § 421 изъ ťeŕьrvъ, ср. чешск. teprv); отсюда великор. теперя, малор. тепер, тепере, тепера, топер.—Звонкость согласныхъ въ концѣ слова, повидимому, сохранялась долго, исчезнувъ только въ позднѣйшія эпохи; ср. сохраненіе звонкости въ совр. украинскомъ нарѣчіи (въ вост. его говорахъ), а также въ нѣкоторыхъ великорусскихъ: углицкомъ (Н. Шляковъ), яренскомъ, костромскомъ (Н. Виноградовъ).—Равнымъ образомъ только въ болѣе позднія эпохи наступало отвердѣніе конечныхъ согласныхъ, за которыми слѣдовалъ нѣкогда звукъ ь: такъ мягкое m въ 1 л. ед. и въ тв.-мѣстн. ед. можно указать въ великорусскихъ говорахъ еще въ XIV вѣкѣ, ср. напр. въ Дух. Калиты 1328 г. (никимь, цѣлымь и др), или въ Полоцк. гр. ок. 1330 (пуднъімь, товаромь, своимь, с мѣштеремь), въ Смол. гр. ок. 1300 (съ ѡтц҃мь моимь глѣбомь ї с моимь стрыѥмь федоромь), также въ гр. Олега Ряз. Богород. монастырю послѣ 1356 (передъ бо҃мь, ни ѡ которомь же дѣлѣ, съ своимь ѡц҃емь и др.), Смол. гр. 1284 (пискоупомь, мастеромь, гоцьскомь, дворомь, армановичемь), Смол. гр. ок. 1230 (мечемь, кнѧземь, смолнѧниномь, гътьскъмь), въ Полоцкихъ двухъ гр. ок. 1265 (кымъ въ одной изъ нихъ можетъ быть опиской), въ литовскорусск. гр. 1349 (-мь десять разъ, а -мъ два раза, м. б., по винѣ издателя), въ Троицк. сп. Русск. Пр. XIV в., въ Лавр. лѣт. (здѣсь непослѣдовательно). Отвердѣніе t въ 3 л. обнаруживается въ сѣверновеликорусскомъ не раньше XIII вѣка.

§ 432. Группы согласныхъ въ концѣ слова подверглись упрощенію. По общему правилу здѣсь оказывались терпимыми только сочетанія плавная+шумная и плавная+носовая (połk, gord, v́eŕx, vołn, č́ȯrn); далѣе сочетанія шумныхъ: фрикативная+мгновенная (gorazd, groźď, post, kośť, isk, ľazg). Сочетанія шумная+плавная ł были нетерпимы еще въ древнерусскомъ, что можно заключить изъ согласныхъ данныхъ совр. русскихъ нарѣчій, гдѣ находимъ: великор. пёк, сѣк, лёк (вм. лёг), вёс (вм. вёз), нёс, бѣлор. прынёс, мох, малор. пік, ніс, віз; сочетаніе rł перешло въ r: великор. умер, тёр,

малор. тер. Если рядомъ находимъ, напр., въ русскомолдавскихъ грамотахъ XV в. моглъ, оутеклъ, то это зависѣло, вѣроятно, отъ параллельнаго существованія формъ на оł, ср. выше, § 369. Однородно измѣненіе bĺ въ концѣ слова въ b: на кораб Лубенск. (Етн. зб. XIV, 73), великор. корап, руп. Сочетаніе tr перешло въ t въ великор. Пёт; br въ b: великор. доп (изъ доб).

§ 433. Въ началѣ слова отмѣчу слѣдующія новыя сочетанія согласныхъ, неизвѣстныя въ старшую эпоху: kt (kto), gd (gďѣ, gďe), pt (птица), bd (бдѣть), śt (шти, р. отъ шесть), dč (дчерь 1459 А. Кал. I № 84), čt (что, чту), čť (чти), žd (ждать), žb (жбанъ), zd (zďe), ps (псать, псана, псалъ Гр. 1284 Р. Л. А.), dx (дхорь), šv (шва), žv (жвать); tĺ (тло), tĺ (тлѣть), dĺ (длина), šĺ (шли), šł (шла), dn (дно), dń (дни), ťm (тьма), dm (дму), šm (шмель), žn (жну), žń (жнець), žm (жму), žḿ (жми), žr (жрать), žŕ (жрець), čĺ (чли), čł (чла), cr (въ неясномъ этимологически црен при церен). Далѣе—сочетанія плавная + шумная: rp (рпотъ), rv (рвать), rz (рзати), rž (ржи), rk (рку), rč (рчеть), rt (рта), rd (рдѣть); ĺṕ (льпять), łb (лба), ĺg (льгота), łg (лгу), ĺź (льзя), ĺn (льну), ĺń (льни), ĺv (льва), ĺv́ (львица), łž (лжи). Сочетанія носовая + плавная: mr (мру), mŕ (мри), mĺ (млѣть). Сочетанія mn (много), mń (mńѣ). Сочетаніе m + шумная: mž (мжить). Сочетанія vĺ (влить), vł (вломиться), vr (врыть), vŕ (врѣть), vn (внушить), vń (внѣ), vḿ (вмѣстѣ), vm (вмазать), vt (второй), vd (вдова), vś (вши).

Сочетанія изъ трехъ согласныхъ: bzd (бздѣть), psł (Псла, р. отъ назв. рѣки Псёлъ), čxn (чхнуть), pxn (пхнуть), dbr (дбрянеск).

§ 434. Въ начальныхъ группахъ происходили ассимиляціонные процессы. Такъ глухія становились звонкими передъ звонкой: čban перешло въ žban, sdorov въ zdorov, kďe въ gďe, śďe въ źďe. Звонкія становились глухими передъ глухой: dska перешло въ tska, cka; bčóła перешло въ pčóła (въ малор. иное измѣненіе: bč перешло въ bž—бджола); dšč перешло въ tšč, откуда čč и č (дъщанъ перешло въ чан). Далѣе čs—въ č (чтит); šs въ š (шти р. ед. отъ шесть); ts въ c (цти, цтя изъ тьсти); dbŕ въ bŕ (Брянск); sr въ str (стрѣтенье, стрѣте Пут. ев. 109); zr въ zdr (здря); ṕṕ въ ṕ (перец); pt въ t (таз изъ пьтазъ? ср. 4 птаза мѣдныхъ: Опись имущ. гетм. Ив. Самойл. 1690, Р. И. Б. VII, 1044).

§ 435. Въ серединѣ словъ возникали частью тѣ же сочетанія, что въ концѣ слова и въ началѣ его, частью еще и другія. Отмѣчу въ особенности сочетанія плавная + носовая и сочетанія плавная + шумная согласная; кромѣ ор, ол, ер изъ ъг, ъł, ьг, приведу напр.: горка, печерка, вѣрный, горько, старца, мѣрка, жарко, жирно; палка, бѣлка, мѣлко, тёлка, сильно, стольный, мыльный, польскій и т. д. Далѣе tĺ, tl, dĺ, dl: котлы, утлый, седло, ветла,

петля, подлый, свердло. Затѣмъ сочетанія d, t съ носовыми: пятно, полотно, видно, очередной, вѣдьма, седьмой. Сочетанія носовая + шумная согласная или + группа шумныхъ: гонца, лунка, соломка, пелёнка, пенька, Смоленска, деревеньской, конской. Сочетаніе v + согласная или группа согласныхъ (только діалектически, ибо въ извѣстной части говоровъ вмѣсто v въ такомъ положеніи было извѣстно u̯): овца, овса, ровной, ивановской. Сочетанія šn, žn: страшный, нужный. Сочетанія ŕć, tć или ćć, ść: kuŕća, oćća, kośća; pč: korčи. Сочетаніе ćk изъ dsk, tsk, čsk: тысяцькымь гр. 1257—59, немецкъмоу ib.; великор. люцкой, дѣцкой, грецкой, гороцкой. Сочетаніе šsk: по мушски. Сочетаніе śk: руськый, и др.

§ 436. Здѣсь видимъ также ассимиляцію звонкихъ глухимъ и глухихъ звонкимъ: хрепта вм. хребта, скрешта вм. скрежта; трижды вм. тришьды; вездѣ вм. вьсьде, вьсьдѣ.

Сочетаніе čn рано перешло въ šn: рушной, молошный. Сочетаніе šč послѣ согласной переходитъ въ č: перчатка, или въ š: горшок изъ гърньщькъ.

Вмѣсто rn + согласная и ĺn + согласная является n + согласная: гончар вм. гърньчарь, сонцо вм. сълньце; діалектически и ĺc вм. ĺnc: солцо и сонцо Шенк. (О. С. 9.).

Сочетаніе śĺ изъ sъĺ сохранялось безъ измѣненія, напр. слѣзу, слить; что до такого случая, какъ шлите Гр. 1285 (Р. Л. А.), Гр. 1281—97 (ib), пошлю Гр. 1362—89 (Р. Др. I, р. IV, № 2), шлѧ Ипат. подъ 1116, и т. д., то ш вмѣсто с явилось здѣсь подъ вліяніемъ аналогіи (ср. прислите Новг. 1-я, 115в).

Сочетаніе dm изъ dьm, dъm сохраняется: великор. седьмóй, ср. сказанное въ § 385; dn также сохранялось и только діалектически переходило въ nn: на оннои лодьи 1441—54 (Г. Др. I, р. IV, № 6).

§ 436¹. Согласная, потерявъ за собой ъ и оказавшись передъ мягкой согласной, должна была смягчиться. Укажу рядъ случаевъ, гдѣ смягченіе согласной выражено въ памятникахъ буквой ь за согласной. Губныя и губнозубныя: вьзѧ Добр. ев. 17d, вьзѧша 98a; вьзати Гал. ев. 1144, 84в, вьзѧша 55в; вьзѧть Парем. 1271, 142a; вьзѧтъ Поуч. Конст. Болг. 242a, любьви 161в, мьнѣ 53в; любьви гр. ок. 1265 (Р. Л. А.), любьве Полик. ев. 6c, мьнѣ 6c, ропьщють 9c; вь вѣкъı Гр. 1229 (сп. F), вьпишеть Юр. сб. XIV в. (Р. Д. II, 198), вьзищеть ib. 192, вь великъıı ib. 152; ропьщють Лавр. 18; вь ꙗрославль Данн. ок. 1392 (С. М. № 18), вьежаю гр. 1483 (Г. Др. I, р. IV, № 10), вь еловью Новг. рядн. XV в. (С. М. № 15), вь ꙗколи, вь еремѣевъ ib. Зубныя: сьвѣдѣтель Поуч. Конст. Болг. XIII в., 192d; сьнимь Ев.

1092 128b, притьчю 132b, сьлю 164a; дьнѣстръ Лавр. 3; изьꙗснить рпсь 1296 г., 66b; прѥшедьшихъ 164a, сьмѣрениѥмь 83a; изьѣлъ Юр. сб. XIV в. (Р. Д. II, 237), сь серебр҃о Данн. 1425—62 (С. М. № 37); сь Яковцемъ гр. 1459 (А. Кал. I, № 84), зь еловои грани Новг. рядн. XV в. (С. М. № 15).

§ 436². Мягкая по причинѣ слѣдовавшаго за нею ь согласная могла отвердѣвать передъ слѣдующею твердою согласною; особенно часто видимъ такое отвердѣніе зубныхъ передъ слѣдующими твердыми зубными; рано явилось напр. произношеніе krasnyi̯ вм. kraśnyi̯, rodnyi̯ вм. rod'nyi̯. Но нерѣдко сохранялась мягкость подъ вліяніемъ словообразовательныхъ причинъ. Напр., видимъ мягкую согласную передъ н древняго суффикса -ын: на лѣтьнои сторони Дв. XV в. (б. м., подъ вліяніемъ паралл. формы лѣтнии), волостьнои гр. 1471 (А. Кал. I № 31), дворьныи ок. 1460 (А. А. Э. I, № 64), волостьными гр. 1462—63 (А. Кал. I, № 53), чтьнаго (т. е. честьнаго) гр. 1447—56 (А. Кал. I № 31). Также передъ ск суффикса -ьск: мягкость губныхъ, напр. кузнечовьскаѧ Дв. XV в., гаврилковьскаѧ ib., никоновьскою 1448—68 (А. Кал. I № 63), уломьскую ок. 1460 (А. А. Э. I № 64), ерусалимьская 1437—60 (ib. № 35), кистемьскые 1462—66 (А. Кал. I № 31, XVII), земьскѝ 1395 (А. Кал. I № 53), переяславьскые 1432—43 (А. Кал. I № 31); колпьской 1554 (А. Ю. № 150). Мягкость звука н: словѣньскѡ̀ 1395 (А. Кал. I № 53), егоньскую 1462—63 (А. Кал. I № 31), старостиньскую до 1485 (А. Ю. № 156, VII). Мягкость звука р: дворьскому 1432—43 (А. Кал. I № 31), Прохорьскои 1490 (А. Кал. II № 156), боярьскые 1462—66 (А. Кал. I № 31, XVII), лютозерьскые до 1453 (А. Ю. № 101). Передъ ств суффикса -ьство: душегубьства 1432—43 (А. Кал. I № 31).

§ 437. Сочетанія согласная —і̯, явившіяся въ результатѣ измѣненія сочетаній согласная —ї̯, и сочетанія согласная —j, явившіяся въ результатѣ измѣненія сочетаній согласная —ĭj, совпали въ однихъ русскихъ нарѣчіяхъ (тѣхъ, что легли въ основаніе великорусскаго нарѣчія) въ сочетаніяхъ согласная—і̯, а въ другихъ (тѣхъ, что легли въ основаніе малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій) въ сочетаніяхъ согласная—j. Сочетанія согласная—і̯ сохраняются въ великорусскомъ нарѣчіи до сихъ поръ: kátań̯e, myt̯ó, brát̯a, svat̯á; сочетанія же согласная—j перешли въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, въ результатѣ ассимиляціи j предшествующей согласной, въ сочетанія двойная мягкая согласная: малор. свиння, життя, каміння, бѣлор. суддзя, колля.

Отдѣлъ VI. Древнерусскія нарѣчія.

§ 438. Несомнѣнно, что еще въ составѣ восточной вѣтви общеславянскаго праязыка существовали діалектическія отличія; такія же разновидности представлялъ, конечно, и общерусскій праязыкъ даже въ самомъ началѣ своей обособленной отъ прочаго славянства жизни. Но возможно, что не эти древнѣйшія діалектическія дѣленія легли въ основаніе послѣдующаго раздѣленія русскаго языка на нарѣчія. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы остановимся главнымъ образомъ на тѣхъ особенностяхъ, которыми опредѣлялись древнѣйшія русскія нарѣчія, нашедшія себѣ продолженіе въ современныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка. Но предварительно скажу о нѣкоторыхъ діалектическихъ отличіяхъ, не лежащихъ въ основаніи позднѣйшаго и современнаго намъ дѣленія русскаго языка. Это перенесетъ насъ въ періодъ общерусскаго и даже отчасти общеславянскаго единства. Изученіе же другихъ діалектическихъ отличій, характеризующихъ еще и теперь отдѣльныя вѣтви русскаго языка, приведетъ насъ къ тому періоду, который мы опредѣлили какъ древнерусскій. Въ это время сложились уже географическія и связанныя съ ними культурныя и экономическія грани между отдѣльными частями русскаго племени, но грани эти еще не знаменовали собою полнаго распаденія и не опредѣляли обособленности однѣхъ частей отъ другихъ. Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы разсматривали паденіе глухихъ: оно совершилось послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчныя группы; это видно изъ хронологіи самаго явленія, ибо въ XII вѣкѣ русскія племена были настолько разъединены географически, что невозможно допустить языкового между ними единства; это видно также изъ нѣкоторыхъ явленій, сопровождавшихъ паденіе глухихъ и обнаруживающихъ существованіе между русскими нарѣчіями тѣхъ самыхъ отличій, которыми опредѣляется ихъ обособленность и теперь (ср. различную судьбу сочетаній согласная + слоговая плавная + неслоговое ъ или ь въ началѣ слова; далѣе судьбу звуковъ въ слогѣ передъ слогомъ, утратившимъ полукраткую гласную,—о и е полудолгихъ, съ одной стороны, у и і краткихъ, съ другой). Тѣмъ не менѣе и время паденія глухихъ и результаты вызванныхъ имъ измѣненій оказываются общими для всего русскаго языка. Обращаясь къ явленіямъ морфологическимъ, увидимъ, что многія изъ нихъ относятся несомнѣнно къ эпохѣ не ранѣе XII вѣка, а между тѣмъ они объединяютъ всѣ русскія нарѣчія между собой. Слѣдовательно, и въ XII вѣкѣ, несмотря на рѣзко обозначившіяся діалектическія отличія, русскій языкъ еще не утратилъ своего единства; исторія отдѣль-

ныхъ русскихъ нарѣчій можетъ начинаться съ момента фактическаго распаденія русскаго племени, слѣдовательно, съ VIII и IX вѣка; но исторія русскаго языка, какъ единаго цѣлаго, не можетъ ограничиваться этими эпохами: она захватываетъ и XI и XII вѣкъ, ибо, какъ указано, и въ это время единство не было порвано окончательно, оно поддерживалось внутреннею связью между расщепившимися уже частями. Періодъ IX—XII вѣка— это время, когда создавались различія въ языкѣ русскихъ племенъ, успѣвшихъ разойтись въ IX еще вѣкѣ территоріально. Какъ указано во введеніи, къ IX—XII вѣкамъ не можетъ быть возведено существованіе тѣхъ нарѣчій, которыя видимъ теперь: великорусская народность сложилась изъ соединенія двухъ племенныхъ группъ, нѣкогда разъединенныхъ—сѣвернорусской и восточнорусской; бѣлорусская народность обнаруживаетъ спайку также двухъ старшихъ племенныхъ группъ, изъ которыхъ одну, по ея близости къ совр. малорусской, опредѣляемъ какъ южнорусскую, а другую, по ея близости къ совр. южновеликорусской, какъ восточнорусскую. Такимъ образомъ современныя три русскія нарѣчія, великорусское, бѣлорусское и малорусское, предполагаютъ существованіе въ предшествовавшую ихъ образованію эпоху другихъ старшихъ нарѣчій, объединявшихъ, очевидно, исконно тѣ племенныя группы, на которыя распалось русское племя: это нарѣчія южнорусское, восточнорусское и сѣвернорусское. Изслѣдованіе особенностей этихъ нарѣчій и составитъ главное содержаніе настоящаго отдѣла, при чемъ оно приметъ во вниманіе и тѣ дѣленія, которыя образовались въ составѣ названныхъ трехъ нарѣчій. Итакъ, сказавъ въ первой главѣ о древнѣйшихъ діалектическихъ особенностяхъ русскаго языка, въ слѣдующихъ трехъ главахъ разсмотримъ особенности трехъ древнерусскихъ нарѣчій и ихъ поднарѣчій.

Глава I. Древнѣйшія діалектическія явленія.

§ 439. Перечисленныя ниже явленія почти всѣ извѣстны намъ уже изъ предыдущаго изслѣдованія. Часть ихъ, какъ увидимъ, сложилась еще въ эпоху общеславянскую, а другая часть позже — въ эпоху общерусскую. Возможно, что нѣкогда, при своемъ возникновеніи, ими опредѣлялись діалектическія грани, но теперь эти грани стерлись, уступивъ мѣсто другимъ. Впрочемъ, необходимо сдѣлать оговорки: произношеніе v какъ u̯ и какъ й въ положеніи не передъ гласной до сихъ поръ характеризуетъ все малорусское и бѣлорусское нарѣчія, но все таки діалектическою гранью оно служить не можетъ, ибо свойственно также нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ; произношеніе g какъ γ (h) характеризуетъ всѣ русскія нарѣчія, кромѣ сѣвер-

новеликорусскаго и средневеликорусскихъ, но и его нельзя класть въ основаніе діалектическаго дѣленія, ибо имъ объединяются такія существенно различныя нарѣчія, какъ малорусское и южновеликорусское; сохраненіе дж свойственно бѣлорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, но и въ нихъ оно вытѣсняется черезъ ж, возобладавшее окончательно въ великорусскомъ; слѣдовательно, и дж вмѣсто ж не можетъ относиться къ характернымъ для позднѣйшихъ нарѣчій признакамъ, и т. д. Перехожу къ обозрѣнію интересующихъ насъ явленій.

Чередованіе v, w и u̯.

§ 440. Какъ мы знаемъ (§§ 47—49), одни говоры общеслав. праязыка измѣнили исконное u̯ на v и вмѣсто сочетаній u̯ŭ, u̯ĭ имѣли vъ̌, vь̌, другіе говоры измѣнили u̯ на v, но на мѣстѣ u̯ŭ, u̯ĭ сохраняли ŭ, третьи говоры сохранили какъ u̯, такъ и ŭ на мѣстѣ указанныхъ сочетаній. Общерусскій праязыкъ унаслѣдовалъ всѣ эти три группы говоровъ. Они сохранялись, конечно, частью въ иномъ составѣ, частью уже не въ прежней чистотѣ, а въ смѣшанномъ видѣ въ древнерусскую эпоху, продолжая свое существованіе и до нашихъ дней. Приведу данныя современныхъ говоровъ и древнерусскихъ памятниковъ. Господствующими являются два типа говоровъ: первый, гдѣ произносится какъ передъ гласными, такъ и въ концѣ слова и передъ согласными v (откуда при извѣстныхъ условіяхъ f), и второй типъ, гдѣ передъ гласными произносится v, а въ другомъ положеніи u̯ (на мѣстѣ полукраткаго u). Первый типъ преобладаетъ въ великорусской области: ср. моск. вада, вор, нива, лофка, фтарой, кароф, кроф́, остаф́, врать, правда, сѣверновеликор. тотемск. v́eś, fśo, v rovú, f połkú, łovok, dvoi̯o, gołovy, gołôf (Брокъ), южновеликор. южноряз. фсяк, трафьки, ф тваих, дяревня, крофь, ф хату, ф поли, каво, дѣфка, hалофку Скоп. (Будде). Второй типъ обнимаетъ малорусскую и бѣлорусскую области, но встрѣчается также въ южновеликорусской и сѣверновеликорусской области. Такъ въ малор. находимъ: укр. трава, голова, верх, мертвий, но ўдова, праўда, діўка, слаўно, кроў, церкоў; въ бѣлор. воск, баранаваць, карова, но здароў, даўно, зноў, аўторак, аўца, дзяўчо́нка, дрыўми́, ўсюды, ўзлѣзъ, ўнучку, и т. д. Въ сѣверновеликорусской области говоры съ ў отмѣчены въ Кирилловскомъ, Демянскомъ, Череповецкомъ уѣздахъ Новгородской губерніи; въ Яренскомъ, Тотемскомъ, Сольвычегодскомъ, Кадниковскомъ, Вельскомъ, Великоустюжскомъ Вологодской губерніи; въ Слободскомъ и Орловскомъ уѣздахъ Вятской губерніи; въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губ.; въ Ко-

стромскомъ уѣздѣ; въ Казанскомъ уѣздѣ, и др. Приведу примѣры для ў, отмѣтивъ, что передъ гласными в произносится какъ v: на побыўку, поддёўка, даўно, роўно, Гаўрилѣ, заўтра, каўтанъ, Крылоў, товароў Великоуст. (А. Дмитріевъ въ Жив. Ст. 1893 г.); диўки, непраўду Вельск. (Этн. сб. V); дѣўка (и дѣўга), заўтра Слободск. (Зеленинъ); дѣука, верéука, ворбука, лаука, лоуко Бѣлозер. (прогр. № 166); лаўка, пиўцо, гриўка, криўда, дереўня, соўрáлъ, церькёўной, съ оўсомъ, крестоў, возоў, землякоў, Денисоў Костромск. (Н. Виноградовъ), кроў, дѣўка Демянск. (Тр. діал. комм.), кроў, любоў Кирилл. (прогр. № 163), дереўцо, хлѣў ib. (прогр. № 164), ниўка, бороў, ноў, т. е. нов, ib. (прогр. № 170), и т. д.

Въ южновеликорусской области говоры съ ў весьма распространенны; они извѣстны въ Калужской, Орловской, Курской, Тульской и сѣверныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи. Приведу примѣры для ў, отмѣтивъ, что и здѣсь обычно передъ гласными произносится v: дѣўки, ва ўсём Бѣлевск. (Будде), дроў, лоўко Мещов. (В. Черныш.), харчеўня, саўсимъ, дѣўки, лаўка, у папоўскыхъ, каўшá, ниўка, тарγбўля, пудоў, мужыкоў, γаршкоў Мосальск. (Шахм.); дроў, дѣўка, дяреўни Жиздр. (А. Никольскій), дѣўка Спасск. (Будде).

Примѣчаніе 1. Что касается начала слова, то, какъ предположено въ § 339², въ рядѣ говоровъ, легшихъ въ основаніе великорусскаго нарѣчія, й еще до паденія полукраткихъ гласныхъ измѣнилось въ u; ср. удова Демянск. (Тр. діал. комм.), у Касимовъ, у подлахъ у бѣлыхъ Касим. (Будде), удовушка Щигр. (Халанск. въ Р. Ф. В. 1880 № 3, с. 115), устал вм. всталъ ib.; узлѣсъ на хату, узялъ, учерась Старобѣльск. (Ветуховъ), усѣ, уремя, удѣть, усётаки, упалнѣ, у горади, удава Мещов. и Мосал. (Шахм.), и ушú ни убьешъ Обоян. (Машк. XIX. 34), уся, узила, упирётъ, узашлá Обоян. (Рѣзановъ). Впрочемъ, мѣстами и въ великорусскихъ говорахъ слышится ў въ началѣ слова: ўдрукъ Великоуст. (А. Дмитріевъ), ўкусно Кадник. (Шустиковъ), ў кавò, ўчерá, ўсюды Мосал. и Мещов. (Шахм.), ўси, ў поля при у слаўнам у гóрадя, уздахнула Жиздр. (А. Никольск.). Ср. появленіе в вм. у въ случаяхъ, какъ вдарить Яросл. (Тихв.), вмер Демянск. (Тр. діал. комм.), вдалыхъ Мосал. (Шахм.). Повидимому, й, откуда u, сохранялось въ соединеніи съ предшествующей гласной и уже отсюда переносилось въ другія положенія. Ср. напр. он гарúть, ни ўгарая Щигр. (Халанск.).

Примѣчаніе 2. Въ говорахъ, измѣнившихъ звукъ й предлога въ u, другой видъ этого предлога—vo, подъ вліяніемъ со стороны u, прини-

маетъ произношеніе uvo. Ср. напр. въ южновеликор. говорахъ: ува ржы Щигр. (Халанск.), ува сынѣ Жиздр. (А. Никольск.), увайти, т. е. войти, Мосал. (Шахм.). Вообще начальное во вслѣдствіе этого замѣняется черезъ уво: увошъ Обоян. (Машк. XIX. 3); увóвсѣ Старобѣл.-Харьк. (Ветуховъ), уво вторникъ, увойтить ib., ува вторникъ Обоян. (Рѣзановъ). Также начальное ве замѣняется черезъ уве: увесь Жиздр. (А. Никольск.), Обоян. (Рѣзановъ), Старобѣл. (Ветуховъ).

Примѣчаніе 3. Вмѣсто u передъ гласной въ такихъ говорахъ обычно uv: уванбаря Обоян. (Рѣзановъ), увакошка ib., совр. бѣлор. увавечки, увагонь, увогромный (примѣры у Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы, II, 420—423).

§ 441. Въ древнерусскую эпоху говоры второй группы—съ u̯ изъ й—были такъ же многочисленны, а быть можетъ и болѣе многочисленны, чѣмъ теперь. Опредѣлить эти говоры по памятникамъ представляется затруднительнымъ, ибо звукъ u̯ передавался ими такъ же, какъ звукъ v,—одинаково буквой в. Съ увѣренностью можно видѣть указаніе на произношеніе u̯ въ положеніи не передъ гласной въ тѣхъ памятникахъ, которые смѣшиваютъ предлоги u и vъ. Въ новгородской области можно отмѣтить рядъ такихъ памятниковъ, хотя самому Новгороду смѣшеніе оу и въ, а слѣдовательно произношеніе u̯ было, повидимому, чуждо, какъ можно думать на основаніи новгородскихъ договорныхъ XIII и XIV в.; среди нихъ такое смѣшеніе только въ догов. 1317 года № 14, но и по языку (отсутствіе смѣшенія ц и ч), и по содержанію (это договорная в. кн. Юрія Даниловича съ Михайломъ тверскимъ) это памятникъ не новгородскій: здѣсь находимъ у Волоцѣ; ср. еще отсутствіе смѣшенія оу и въ во многихъ другихъ новгородскихъ памятникахъ. Впрочемъ, смѣшиваютъ оу и въ всѣ три части Новгор. I-й лѣтописи (первая и третья части весьма рѣдко, но вторая часть чаще): оусрѣте 80б, оустрѣте 84б, оустретоша 60б, 92а, въ оуторнѝ 107б, въ 8торꙋ 110а; также Кормчая 1282 года: уторникъ 522b, оу Вели, оу Тошьмѣ, оу Вѣкшензѣ, ср. тамъ же и нооугородьско 518а;—гр. около 1360, писанная гдѣ то на Вишерѣ: у томъ острови, у Пикшиничѣ земли. Въ единичныхъ случаяхъ въ Комм. сп. Новг. 1-й: оуво ѡц̑а 92; оуво ртѣ 471. Въ представляющемъ смѣшеніе ч и ц Стихирарѣ XII в. А. Н.: въ оузиграніи 107а. Далѣе находимъ смѣшеніе оу и въ въ Двинской области; судя по грамотамъ XV вѣка, здѣсь различалось два нарѣчія—одно смѣшивало оу и въ, слѣдовательно, произносило u̯, не v, послѣ гласныхъ, а другое не смѣшивало этихъ предлоговъ, слѣдовательно, не знало и произношенія v какъ u̯. Такъ въ №№ 2, 4, 7, 12, 15, 24, 19, 112, 108 и др. находимъ: оу Фомини наволоки, оу дву мѣстехъ, оу глухомъ

погости, оу Бориса и в Ондрѣѧна, оу поутикахъ і оу ловищахъ, оу рѣки; оу вм. начальнаго в другого происхожденія, напр. Оуласеи, Оуласке №№ 15, 87, оунукъ № 95. Особенно рѣзко выступаетъ смѣшеніе оу и въ въ древнепсковскихъ памятникахъ. Такъ въ Параклитикѣ 1386 года находимъ: укусивъшю, узвеличися; въ Типогр. пс. XIV в. № 35 утораго; въ Палеѣ 1494: оу вратѣ, оузовеⁿ, оу годину сию; передъ гласной видимъ оув: оув осла, оув ысточника, оуво ѡца, еще оуꙋ: на оуꙋкраинѣ; вмѣсто во оуво: уво всю землю; въ Палеѣ 1477: оуспоущаѣ, въ двереи, въ единого, в Соломона; вм. Валеріанъ—оувалериѧнъ; въ Новг. 4-й Новоросс. оунзоша; передъ гласными оув: оув Ондрѣана, оув Овдокѣи 495а, оуво ѡки 495а, оув ыныꙋ 483а, и т. д. Въ Псковской 1-й по Погод. № 1413: оу двоу насадꙋ, ꙋ видебскъ, оудовыꙋ, оусхотѣ, оу великыи Новгородꙋ, оу лари, оуздали, в короля, въ Пскова, в него, ср. передъ гласной оув: оу града оув Опоки, оув Опо̑комъ конци, оув Орешка. Въ Псков. 2-й по Синод. № 154: оусходити, оу две неꙋли, оу снекѣ, оу Юрьевѣ, в мене, в кого, ср. передъ гласной оув: оув Орѣшка, оув Опокѣ. Въ Ипатьевской лѣтописи, представляющейся также псковскимъ спискомъ: оунезапу 75а, оусеволодъ 74а, оувергъ еси 94б, изо оуроучего 281г, оу се же лѣто, оузратиса, оузворотишаса, оупраша, оуздыхание; на вътреѧ же, въ втрии же дн̑ь, во вчаны, оу въгоръ, ни вхо слыша 77а, на вбогиѧ 74б, воу роуцѣ. Въ Псковской ссудной грамотѣ: оу торгу. Въ псковской Лѣств. Іо. Син. оусего, оудовици и др. (Р. Ф. В. 1911).

Смѣшеніе оу и въ встрѣчается и въ памятникахъ великорусскихъ областей, приволжскихъ и пріокскихъ, напр. въ гр. 1425—28: оу Солци (А. Кал. I № 34), гр. 1437—61: устрѣтенья (А. А. Э. I № 35); въ ев. 1339: съоупрошаѥтеса 30а, оукушь не хоташе пити 184б, оудовица 131а. Въ гр. 1471: Леушину при Левшину (А. Кал. I № 31) доказываетъ произношеніе ц вмѣсто v.

Примѣчаніе 1. Смѣшеніе в и у вело за собой появленіе у и на мѣстѣ во: напр. по оустрьи Ипат. 45г, вм. по Вострьи (рѣка Остёръ). Находимъ и обратно во вм. у: вои, т. е. уй, Ипат. 261в; и вомре вм. и оумре ib. 94б, во Боужьска вм. оу Боужьска, и др.

Примѣчаніе 2. Отмѣчу ув вм. вв: оув водѣ псковск. Сб. № 68 (270) XV в. (Каринскій); увс вм. вс: оусакъ Палея 1494; ув вм. в: оув црк̑ви псковск. Сб. № 1262 XV в. (Каринскій); также должно прочесть написаніе въвъ: въвъ старѣишинахъ, въвъ вода̑, въвъ грѣсехъ ib.

§ 442. Послѣдовательно проводится смѣшеніе оу и въ въ памятникахъ

южнорусскихъ и западнорусскихъ. Ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами: Типогр. ев. № 7: оусплевемъ; Гал. ев. 1266—1301: оудова, оузяти, ѿ оустокъ; Типогр. XIII в. № 6: навъчиша, въгасить, оученицы оупрашахуть и; еще: увторыи вм. вторыи; въ Поликарп. ев. 1307: усѣдоша, унѣшнеѥ, навчи, во вхо, во вътробѣ, во игѣмона вм. оу; въ Поуч. Ефр. Сир. XIII в.: ото вности, передъ гласной оув: оув адъ; еще отмѣтимъ: во вунютрьнѥѥ; въ Указ. ев. чт. XIII в.: у лаврѣ, унемлѣте, ото вченикъ; любопытно увчн҃ци вм. ученици; въ Луцк. ев. 1409: аурама, аурамля, видѣуше, влиты вм. улиты; въ Путенск. ев. XIV в. оузлеже 4, оу вѣки 19, оувержеть 21, оуздрастъ 37, оуз благодать 2, оу ны 2, и т. д. Въ Быбельск. ап.: оуноутрьнимъ дат. мн. 1, оу лице 28, оу васъ 14 об., оу славоу бж҃ью 31 об., во вчѣньи вашѣмь 4, вготовають 22, втѣшѣньѥмь 19, паоуловъ 7 об. Въ гр. Владисл. 1387: оусехъ, оусѧкии, оуса таꙗ волость, в чсть и оу славу. Въ разныхъ спискахъ литовско-русскихъ лѣтописей: у Вилни, оу пятницю; вов покои. Въ западно-русскихъ переводахъ Псалтыри: Псалт. XVI в. оу вер҃, оу хлѣба мѣсто, оу храм҃, оу пасродкоу земли, оузыш҃о, оуспомн҃и; Псалт. XVII в.: ҃зрад҃ю, ҃спомина (Карскій); въ Лѣт. Авр. XV в.: наоугородчемъ, оу ладогѣ и т. д.

Примѣчаніе. Замѣчательно, что не всѣ южнорусскіе памятники обнаруживаютъ такое смѣшеніе. Такъ напр. его нѣтъ въ Добрил. ев., нѣтъ въ Часословѣ XIV в. (Оч. Собол.); въ Холмскомъ ев. находимъ только два раза въ вм. оу: въспѣ, со въченикы и др. Не слѣдуетъ ли предположить, что смѣшеніе оу и въ въ памятникахъ свидѣтельствуетъ о томъ, что буквѣ в придавалось два значенія v и u̯ (первое изъ нихъ послѣдовательно въ положеніи передъ гласными); между тѣмъ какъ отсутствіе смѣшенія показывало бы, что буква в вообще всюду произносилась какъ u̯?

§ 443. Рядомъ съ двумя указанными въ § 440 группами говоровъ существовали, существуютъ и теперь еще такіе, которые сохраняютъ вообще произношеніе u̯ даже передъ гласными. Приведу современныя данныя, отмѣтивъ, однако, что опредѣленнаго указанія на послѣдовательно проведенное произношеніе u̯ мы ни откуда не имѣемъ. Для говоровъ Мосальскаго уѣзда могу подтвердить собственными наблюденіями произношеніе: ўосемь, ўесь, ўонъ, ўолю, ўоуцы, ўася, наўос, ўазил, даўольна, дўацать, кўасу и др. Для тульскихъ говоровъ такія же наблюденія сообщены Е. Ѳ. Будде, напр. въ Бѣлевскомъ уѣздѣ: ўэрх, зўякнуть, въ Одоевскомъ: броўи, въ Новосильскомъ: ўот, ўодють, ни hатоўа, hалаўа, ничяўо́, траўы́, яўо́, дѣўачькя, ръзгаўор, у ли́ўую сторъну, у надо́шўу, дўор, зўон, Синяхўонъўа (Ксенофонтова). Для Бѣльскаго уѣзда Смоленской губ.: тўорю, ў моёмь дўорѣ, тўори, кола дўора (Шейнъ

въ Сб. Отд. 57, с. 524, 525, 532). Для Слободского уѣзда Вятской губ.: поўоротит (Зеленинъ). Для Бѣлозерскаго уѣзда Новгородской губ.: слаўа (прогр. № 166). Для Казанскаго уѣзда: ёўо́, сёўо́дня.

Тоже діалектически въ малорусскомъ; напр. въ Миргородскомъ уѣздѣ, по указанію В. Г. Ярошенка, извѣстно произношеніе: ŭam, ŭy, poyŭlośa, zaŭyďky (Изв. 1909, I, 237 и сл.). Въ бѣлор., напр. въ Новогруд.: u̯ýṕi̯e, u̯ałė, u̯on, trau̯u (Klich), ни быўаў (Карск., Бѣлор. II, 413).

§ 444. Выпаденіе звука, соотвѣтствующаго звуку v другихъ говоровъ между гласными, объясняется легче всего при предположеніи, что выпало именно u̯. Судя по нѣкоторымъ даннымъ такое выпаденіе весьма часто въ Кирилловскомъ уѣздѣ Новгор. губ.: короа, ниа, бороа р. ед., короай (прогр. № 170), короа ib. (№ 215); также опускается ü̯ (въ соотвѣтствіи v́ другихъ говоровъ): поёл, крои, любои, нои р. ед. (прогр. № 170). Тоже въ Лаишевскомъ уѣздѣ Каз. г.: самоар (Будде), въ Казанскомъ у.: ŏдноо́, по ла́очьки подьвигайтца, за прау́ руку (Будде въ Сб. въ честь Фортунатова). Ср. такое же выпаденіе ü̯ послѣ согласной: съјёл (свёл) Новосил. (Будде). Весьма возможно, что встрѣчающійся въ памятникахъ пропускъ в передъ у (оу) зависѣлъ именно отъ произношенія его какъ u̯, причемъ, быть можетъ, u̯ держалось передъ u упорнѣе, напримѣръ, чѣмъ передъ а или ы. Приведу нѣсколько примѣровъ для оу вм. воу. Лавр. лѣт., въ особенности на первыхъ сорока страницахъ: мараоу, оустаоу, жиоуть, жиоуще, жиоуще, зооуть, протиоу, нооугороду, нооу и др.; ср. въ Поликарп. ев.: зоуща (Очеркъ Собол. 105). Ср. пропускъ в передъ у въ живыхъ говорахъ, напр. Костром.: голоушка, дѣуля, соу (Виноградовъ); также въ воронежскихъ говорахъ. Тоже въ угрорусскомъ.

§ 445. На пути перехода u̯ въ v стояло измѣненіе u̯ въ w (губногубной спирантъ). Такое w отмѣчено и въ такихъ говорахъ, которые уже не знаютъ u̯ передъ гласными. Напр. въ описанномъ Брокомъ тотемскомъ говорѣ w является часто передъ u, o, рѣже передъ a: zowùt, rozgowòr, vdowà, sowà, ńezwànoi̯. Также въ Новогрудск. у.: wou̯k, wam, baranawaľi, na woz (Klich).

Чередованіе g, γ, h.

§ 446. Общеславянскій праязыкъ имѣлъ въ соотвѣтствіи съ индоевр. g звукъ g; въ соотвѣтствіи съ h, напр. въ мѣстоименномъ корнѣ указательномъ ho, he, онъ имѣлъ h, которое развивалось кромѣ того на мѣстѣ придых. приступа, а также между гласными (toho вм. too); звукъ γ замѣнялъ здѣсь діалектически болѣе древнее h, являясь, быть можетъ, еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Уже на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ произошло вытѣсненіе γ черезъ g

и обратно g черезъ γ. Въ древнерусскомъ языкѣ, такъ же какъ въ совр. русскомъ языкѣ, различаются слѣдующія три группы говоровъ: во-первыхъ, группа, сохранившая g и h; во-вторыхъ, группа сохранившая g, но измѣнившая h въ g; въ-третьихъ; группа, измѣнившая и g и h въ γ. Въ составѣ первыхъ двухъ группъ видимъ сѣверноруссніе говоры, въ составѣ третьей группы говоры восточно-русскіе и южнорусскіе (современные южновеликорусскіе, бѣлорусскіе и малорусскіе).

§ 447. Сѣверноруссніе говоры распадаются такимъ образомъ на двѣ группы: первую, сохранившую различіе между g и h, и вторую, измѣнившую h въ g. Въ первой изъ этихъ группъ исконное h или исчезло совсѣмъ, или замѣнилось звукомъ γ, или, наконецъ, замѣнилось звукомъ v. Исчезновеніе h въ формѣ род. падежа мѣстоименнаго склоненія наблюдается преимущественно въ восточныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи. Ср. доброо, ёо Бѣлоз. (прогр. № 166), доброо, косбо, сйнёо, Кирилл. (прогр. № 167), ёо, злоо, слѣпоо ib. (№ 170), сухоо, бѣлоо ib. (№ 215). Далѣе въ Холмог. уѣздѣ Арханг. губерніи отмѣчено худоо, доброо (А. Грандилевскій въ Сб. Отд. р. яз. и сл., т. 83). Замѣна h звукомъ γ въ той же формѣ отмѣчено, какъ обычное явленіе, въ Петроз. и Повѣн. уѣздахъ (Шахм.), Петроз. (Иваницкій, прогр. № 13 и А. Георгіевскій, № 30), Вытег. (К. Филимоновъ, № 22), Кемск. (прогр. № 104), Шенк. (прогр. № 235), Бѣлозерск. (прогр. № 162). Наконецъ, замѣна h черезъ v (возможно, что ovo непосредственно изъ oo) обычна всему вообще составу сѣверновеликор. говоровъ и подъ вліяніемъ ихъ переходитъ въ средневеликор. говоры, представляющіе вообще смѣшеніе сѣверновеликор. и южновеликор. особенностей; ср. моск. таво, добрαвα, худова и т. д.

Примѣчаніе. Отмѣчу здѣсь, что древнѣйшіе примѣры съ -во восходятъ въ памятникахъ къ XIV—XV в.: ворога своіѥво Ипат. 292 г. Вопросъ о происхожденіи -во осложняется тѣмъ, что мы находимъ во на мѣстѣ южнор. γо въ словахъ, заимствованныхъ изъ южнорусскаго, напр. повостьı Лавр. лѣт., повоскому Судебн. Θед. Ив. 1589 (с. 21), повостъ Черт. книга Ремезова (Оп. Рум. Муз., 484), повост Вятск. (Колосовъ, Замѣтки, 72).

§ 448. Во второй изъ указанныхъ двухъ группъ звукъ h замѣненъ звукомъ g. Сюда относятся по преимуществу говоры Архангельской губерніи. Сошлюсь для Арханг. и Холмог. уѣздовъ на свои наблюденія, для Арханг. уѣзда еще на П. Кузмищева (въ Арх. Г. В. 1847 г.), для Холмог. уѣзда на П. Базилевскаго (О. С. 3) и на А. Грандилевскаго (прогр. № 50), для Онежскаго на г. Верюжскаго (прогр. № 41). Кромѣ того такое g я

слышалъ въ Пудожск. у. Олонецкой губ. Оно извѣстно, повидимому, и въ Яренскомъ уѣздѣ Волог. губерніи (Волог. сб. IV).

§ 449. Въ несѣверновеликорусскихъ и не въ средневеликорусскихъ говорахъ исконное g произносится какъ γ, которое замѣнило и h, между прочимъ въ формѣ род. падежа мѣстоим. склоненія. Звукъ g вообще извѣстенъ только въ словахъ заимствованныхъ; ср. въ западнорусскихъ памятникахъ кг — такъ обозначался звукъ g — въ словахъ, какъ скиркгаило, кганокъ, кгродскихъ, ѡнакгри, срокгѣ (ср. Карскій, Бѣлоруссы, II, 468—469). (Сюда же очевидно относится и кгды изъ польскаго gdy). Весьма вѣроятно, что вмѣсто γ (какъ на мѣстѣ g, такъ и на мѣстѣ h) извѣстно и h; А. Крымскій отмѣчаетъ въ украинскомъ произношеніи какъ γ, такъ и h.

Примѣчаніе 1. Ошибочно, думаю, заключать изъ транскрипціи какъ mogilla, hlubokigo въ латинскихъ грамотахъ XIV—XV в., писанныхъ въ Галиціи, о произношеніи g, не h: g могло имѣть значеніе и h въ устахъ малорусовъ, которые произносятъ вѣдь γ на мѣстѣ латинскаго g.

Примѣчаніе 2. Неясно, какъ понять опущеніе γ въ тульскихъ говорахъ въ формахъ род. падежа: као, яснаа Крапив. (Будде), аднао, милоа Бѣлев. (Будде); рядомъ: другоўа, за стараўа и даже залётнăва Крапив. (Будде). Быть можетъ, оно однородно съ опущеніемъ γ=h въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ, напр. Бродск.: за нео, чоо (Етн. зб. I, 6), до тоо 5; йоо 19, жадноо страху́ 5; рядомъ: тоўо му́дроўо 11, дру́ўоўо чоловіка 13, до свóўо бáтька 8, до тоўо хлóпцьа 8; ср. опущеніе г въ случаяхъ, какъ у дороу ib. 7, дороа 4.

Чередованіе ź и ź, ź и ź.

§ 450. Какъ указано въ § 209, бóльшая часть говоровъ общер. праязыка измѣнила ź, замѣнившее здѣсь общеславянское źź, въ ź, но нѣкоторые говоры сохранили ź: сюда относится значительная часть говоровъ южнорусскаго нарѣчія, хотя большинство такихъ говоровъ сохраняло ź только при извѣстныхъ грамматическихъ условіяхъ, а именно тамъ, гдѣ оно стояло въ чередованіи съ d. Примѣры и указаніе на отдѣльныя группы говоровъ см. въ § 209.

§ 451. Какъ указано въ § 206, бóльшая часть говоровъ общер. праязыка измѣнила ź, унаслѣдованное частью изъ эпохи общеславянской, а частью изъ эпохи единства южнаго и восточнаго славянства, въ ź. Однако ź продолжало сохраняться, повидимому, только въ началѣ слова, въ гово-

рахъ южнорусскаго нарѣчія, получая здѣсь и дальнѣйшее распространеніе насчетъ ź. Примѣры и другія данныя см. въ § 206.

Глава II. Явленія южнорусскія.

§ 452. Изъ предыдущаго видно, что южнорусскіе говоры еще въ составѣ общерусскаго праязыка характеризовались слѣдующими особенностями: а) они сохраняли произношеніе u̯ передъ согласными (kroṷ'a, не krov'a), а также ŭ, перешедшее затѣмъ въ положеніи въ концѣ слога въ u̯, а въ началѣ слова сохранявшееся какъ ŭ, но послѣ конечной согласной предшествующаго слога переходившее въ u: praṷda, ŭźał'a, on uźau̯; б) они вынѣснили исконное g черезъ γ; г) діалектически они сохранили произношеніе ǯ и ź. Въ позднѣйшую эпоху, уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка, но до окончательной утраты единства между частями распавшагося языка, въ южнорусскомъ нарѣчіи произошелъ рядъ такихъ явленій, которыя окончательно обособили его отъ другихъ русскихъ нарѣчій. Этотъ періодъ въ жизни южнорусовъ предшествовалъ послѣдующему періоду — малорусскому, отдѣляясь отъ него еще и тѣмъ, что въ южнорусскій періодъ, или что тоже, согласно принятой здѣсь терминологіи—въ древнерусскій періодъ, сѣверныя отрасли южнорусскаго нарѣчія еще не отдѣлились отъ южныхъ и не примкнули къ тому языковому цѣлому, которое опредѣляется какъ языкъ бѣлорусскій. Поэтому къ южнорусскимъ явленіямъ отношу явленія, общія малорусскому и бѣлорусскому языкамъ, а къ позднѣйшимъ, малорусскимъ—явленія, имѣвшія мѣсто только въ малорусскомъ и не коснувшіяся бѣлорусскаго языка. Въ предыдущемъ отдѣлѣ мы изучали явленія, относящіяся къ этому періоду, ибо паденіе глухихъ произошло уже послѣ распаденія общерусскаго праязыка. Но мы говорили тамъ преимущественно объ явленіяхъ общихъ всѣмъ нарѣчіямъ древнерусскаго языка; здѣсь остановимся только на явленіяхъ, обособившихъ южнорусское нарѣчіе отъ прочихъ.

§ 453. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ такихъ явленій разсмотрѣны нами уже выше, а именно явленія, стоящія въ связи съ паденіемъ глухихъ. Часть ихъ обнаруживаетъ сохраненіе въ южнорусскомъ нарѣчіи старшихъ отношеній, нарушенныхъ въ другихъ говорахъ. Сюда относится напр. отпаденіе ŭ и ĭ въ началѣ слова, измѣнившихся въ u и i въ другихъ говорахъ (§§ 339[1], 339[2], 359, 364). Другія явленія свидѣтельствуютъ объ измѣненіи старшихъ отношеній. Таковы: во-первыхъ, измѣненіе слоговыхъ плавныхъ, утратившихъ за собой неслоговое ъ или ь, въ положеніи послѣ согласной въ началѣ слова; во-вторыхъ, дифтонгизація долгихъ о и е закрытыхъ, замѣнившихъ

общерусскія о и е закрытыя полудолгія въ слогѣ, за которымъ утраченъ слогъ съ полукраткой гласной. Первое изъ этихъ явленій разсмотрѣно выше, въ § 372; изъ приведенныхъ тамъ данныхъ ясно, что оно имѣло мѣсто не въ отдѣльной жизни малорусскаго нарѣчія, а въ предшествующій періодъ, ибо свойственно и бѣлорусскому нарѣчію. Второе явленіе мы разсмотримъ здѣсь, установивъ прежде всего его древность и распространеніе на всю область южнорусскаго нарѣчія.

Дифтонгизація долгихъ o, e, ȯ, ӧ.

§ 454. Кратко объ этомъ явленіи было упомянуто выше, въ § 420. Долгія o, e, ȯ, ӧ закрытыя, замѣнившія соотвѣтствующія полудолгія гласныя вслѣдствіе выпаденія въ слѣдующемъ слогѣ полукраткихъ гласныхъ, сократились въ сѣверномъ и восточномъ нарѣчіи; въ южномъ они распались въ дифтонги, перейдя въ uo, ie, u̯ȯ, u̯ӧ. Отношу этотъ переходъ къ южнымъ явленіямъ потому, что онъ оказывается общимъ малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ: дифтонги, перечисленные выше, а также ихъ замѣстители (другіе дифтонги и монофтонги) свойственны малорусской рѣчи во всемъ ея объемѣ; тѣ же дифтонги съ ихъ замѣстителями извѣстны и бѣлорусскому нарѣчію, но въ послѣднемъ они принадлежатъ не всѣмъ говорамъ, а только части ихъ — южнымъ и западнымъ, сосѣдящимъ съ малорусскими. Ограниченность распространенія на бѣлорусской территоріи дифтонговъ uo, ie и ихъ разнообразныхъ замѣстителей, въ числѣ которыхъ находимъ ȯ и ê, не можетъ служить препятствіемъ для признанія ихъ восходящими къ эпохѣ южнорусской: бѣлорусское нарѣчіе сложилось изъ смѣшенія южныхъ говоровъ съ восточными, и вполнѣ естественно, что послѣдніе, сообщившіе всему этому нарѣчію свой вокализмъ въ слогахъ неударяемыхъ, повліяли и на замѣну дифтонговъ или замѣщавшихъ ихъ монофтонговъ также въ слогахъ ударяемыхъ гласными o, e: исконное южнорусское ńüös или позднѣйшее ńôs замѣнено было произношеніемъ ńos, подобно тому какъ ńeśĺi замѣнилось произношеніемъ ńaśĺi. Признаніе дифтонговъ на мѣстѣ удлинившихся o, e, ȯ, ӧ исконною чертой бѣлорусскихъ говоровъ встрѣчаетъ затрудненіе въ томъ возможномъ предположеніи, что эти дифтонги, такъ же какъ и ихъ замѣстители, занесены въ бѣлорусскіе говоры изъ сосѣднихъ сѣверномалорусскихъ; вліяніе послѣднихъ сказывается въ нѣсколькихъ особенностяхъ южныхъ говоровъ Бѣлоруссіи (напр., въ появленіи bj, pj, mj, vj, на мѣстѣ b́, ṕ, ḿ, v́ передъ гласными задняго ряда). Но это предположеніе должно быть отвергнуто по слѣдующимъ основаніямъ:

во-первыхъ, дифтонги и ихъ замѣстители на мѣстѣ удлинившихся o, e, ô, ö имѣютъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи самое широкое распространеніе: мы находимъ ихъ во многихъ уѣздахъ Минской, Гродненской и Сѣдлецкой губерніи; во-вторыхъ, въ рядѣ говоровъ наличность дифтонговъ или ихъ замѣстителей не сопровождается какими бы то ни было иными явленіями, заимствованными изъ малорусскаго; въ-третьихъ, дифтонги и ихъ замѣстители извѣстны вообще только въ ударяемыхъ слогахъ: это согласуется съ общимъ звуковымъ строемъ бѣлорусскаго нарѣчія и дѣлаетъ поэтому сомнительнымъ предположеніе о заимствованіи ихъ изъ другихъ, небѣлорусскихъ говоровъ. Замѣчу, наконецъ, что и хронологическія соображенія заставляютъ отнести дифтонгизацію ô—ê къ южнорусской, а не къ позднѣйшей малорусской эпохѣ: явленіе это засвидѣтельствовано памятниками начиная съ XII вѣка, между тѣмъ чисто малорусскія явленія едва ли старше XIII—XIV в.

§ 455. Выдвигаю прежде всего вопросъ хронологическій. Памятники южнорусскаго происхожденія доказываютъ, что дифтонгизація произошла тотчасъ же послѣ выпаденія полукраткихъ гласныхъ и непосредственно имъ вызваннаго удлиненія полудолгихъ гласныхъ въ долгія; а именно мы находимъ указаніе на наличность дифтонга ie въ тѣхъ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ, гдѣ впервые обнаруживается паденіе глухихъ; этотъ дифтонгъ изображается буквой ѣ, что вполнѣ естественно потому, что эта буква употреблялась для обозначенія древняго дифтонга ie (изъ общеслав. ie, еа на мѣстѣ ē и ō). А. И. Соболевскому принадлежитъ заслуга—впервые сгруппировать эти памятники и догадаться, что они южнорусскаго происхожденія. Древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ съ указанною ороографіей является Добрилово евангеліе 1164 года. Приведу изъ него написанія съ ѣ на мѣстѣ дифтонга ie изъ удлинившагося ê, размѣщая ихъ по слѣдующимъ категоріямъ: во-первыхъ, находимъ ѣ вмѣсто старшаго e, когда въ слѣдующемъ затѣмъ слогѣ находился нѣкогда звукъ полукраткій ь (на письмѣ частью опущенный, частью удержанный для обозначенія мягкости предшествующей согласной); во-вторыхъ, находимъ ѣ тамъ, гдѣ за слогомъ съ e слѣдовалъ нѣкогда звукъ ĭ послѣ согласной, перешедшій при паденіи глухихъ въ i̯ (на письмѣ предшествующая согласная снабжается буквой ь, а i̯ находитъ себѣ изображеніе въ составѣ слѣдующей іотированной гласной буквы); въ-третьихъ ѣ видимъ тамъ, гдѣ за e слѣдовалъ непосредственно звукъ ĭ, при паденіи глухихъ перешедшій въ i̯ (пишется черезъ и). Итакъ, во-первыхъ: камѣнь, ремѣнь, оучитѣль, съвѣдѣтѣльство, бѣздьноу, мѣчьнымь, сѣльнаго, телѣснымь, сѣдмь, пѣщь, шѣсть, въ нѣмь, о сѣмь, о всѣмь, по чюжѣмь, 3 л. ед. боудѣть, оум-

рѣть, можѣть; во-вторыхъ: камѣныѥ, корѣныа, въ рождѣньи, падѣныѥ, зѣлькѣ, шѣстью, трѣтыѥѥ; въ-третьихъ: въ нѣи, на нѣи, горѣ сѣи, по всѣи земли, во всѣи славѣ, нѣ имоу, нѣ имате, нѣ истовъ, нѣ ижденоу. То же и въ другихъ памятникахъ XII и слѣд. вѣковъ. Приведу нѣсколько примѣровъ: Типогр. ев. XII в. № 7: разорѣниѥ, камѣнь, сѣмѣньныя, грядѣть, възмѣть (Собол.); Типогр. ев. XIII в. № 6: перстѣнь, племѣньма, камѣнь, оучитѣль, житѣль, зѣмнаа, весѣлыѥ, трѣтыаа, шѣстью; Житіе Саввы XIII в.: корѣниѥ, слоужитѣль, дъщѣрь, трѣтьюю, трѣтьѥмоу, нѣ имати, нѣ въкоушати; Галицк. ев. 1266—1301: бѣздьну, вѣльми, пѣщь, учитѣль, шѣсть, сѣдьмь, горѣ сѣи, нѣ смысльна, нѣ умреть, нѣ мните, нѣ вьниде, нѣ имать (Собол.); Ирмолой Григоровича XII—XIII в.: матѣрь, зѣмьнѣимъ, душѣвьнаа, пламѣнь, пѣщь, трепѣтьно, бѣздьна, весѣлиѥ; Поученія Ефр. Сир. XIII в.: степѣнь, корѣнь, пьрьстѣнь, дш҃ѣвною, плачѣвноѥ, очѣсныхъ, небѣснаго, словѣснѣи, трепѣтно, колѣсница, матѣжь, горѣсть, блажѣньства, родитѣль, защититѣль, вѣщь, жѣньскаа, постѣльную одежю, весѣлькѣ, словословѣсьѥ; Холмск. ев. XIII—XIV в.: сѣмь, на вечѣрни, камѣнь, перстѣнь, учѣниѥ, нѣ чтеть, нѣ истовъ, нѣ ищете; Путенск. ев.: ѡсоужѣнье, лъжисвѣдитѣль, на послѣднѣмь мѣстѣ, оу чюжѣмь, ѡ сѣмь, ѡтъ лишѣныа, въ ср҃дьи своѣмь, въ терпѣньи вашѣмь, на нѣмь, ѡ моѣмь имени, въ навечѣрье, колѣна зѣмльнаа, до трѣтьего дн҃е, крѣнъ сильныхъ 60 (съ и вм. ѣ). Быбельск. ап.: молѣныѥ 21, в пощѣньихъ 34, мѣчь 7, строитѣль 29 об., вѣлми 28, тѧжѣсть 16 об., оу весѣлыѥ 35, въ своѣмь ср҃дьи 3, в тѣлѣ пашѣмь 31, о нѣмь 16 об., въ житьи сѣмь 12, ни о чѣм же 34, ѣи дат. ед. 6 об., вашѣи вѣрѣ 27 об., во плъти моѣи 31, в сѣи 24, в чюжѣмь ѡправлѣньи 23, прѣмоудростью словѣсною 7 об., врѣмѣньна им. мн. 16 об.; Выголекс. сб.: камѣнь, мятѣжь, весѣлиѥ, вѣлиѥ, плетѣниѥ, о сѣмь, нѣ имѣ (Собол. Р. Ф. В. 1884); Архивск. лѣств.: рожѣния, ѡ҃лучѣниѥ, учитѣль, горѣсть, ненадѣжьна, мѣдвьници; Евсевьево евангеліе 1283 г.: въ течѣньи, въсхожѣныѥ, ремѣнь, на стоудѣнци, оучитѣль, пѣщь, вѣлью, трѣтьѥѥ, кринъ сѣлныхъ, на нѣмь, въ законѣ вашѣмь, въ горѣ сѣи, по всѣи земли, нѣ мню, нѣ створи (Голоскевичъ); Поликарп. ев. 1307: матѣрь, дъчѣрь, зѣмнаа, зѣлькѣ, вечѣрни, сѣмь, шѣстью, и т. д.

§ 456. Сопоставленіе съ совр. малорусскимъ языкомъ ясно показываетъ, что это ѣ южнорусскихъ памятниковъ обозначало тотъ самый звукъ, который имѣло въ то время исконное ѣ, ибо и этому послѣднему ѣ и тому новому одинаково соотвѣтствуютъ теперь звуки іе, је (сѣверномалорусское), і (украинское и галицкое). Приведенные ниже, въ § 460, примѣры изъ современныхъ говоровъ докажутъ, что буквѣ ѣ южнорусскихъ памятниковъ на мѣстѣ

ископнаго е соотвѣтствуютъ указанные звуки. При этомъ, однако, необходимо сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Мы видимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ древнему ѣ (изъ е) отвѣчаютъ не указанные звуки, а, во-первыхъ, сѣверномалорусскій дифтонгъ uo, откуда далѣе ӱ, украинское і, во-вторыхъ, звукъ е. Перваго рода соотвѣтствіе видимъ въ случаяхъ, какъ сѣи, нѣи, всѣи дат. мѣст. ед. ж. р., въ нѣмь, о сѣмь, на сѣмь, по чюжѣмь мѣстн. ед. м. и ср. р.; ср. сѣверномалор. о нюом, к нюой, о чужуом; южнобѣлор. на юой; къ юой Бобруйск., swajuoj, czuom Волков. (Federowski); укр. о нім, о сім, на всім, о чужім. Это обстоятельство было выдвинуто, какъ возраженіе противъ объясненія Соболевскаго и предложеннаго имъ отождествленія ѣ южнорусскихъ памятниковъ со звукомъ ѣ. Но при этомъ упускалось изъ вниманія, что фонетически, въ результатѣ паденія полукраткихъ гласныхъ, śeĭ, vѣ ńeĭ, na ćužeḿь должны были измѣниться въ śѣi̯, v ńѣi̯, na ćužѣḿ; равнымъ образомъ не взвѣшивалось и то обстоятельство, что появленіе śuoi̯, v ńuoi̯, na ćužuoḿ, могло произойти только на почвѣ звуковой аналогіи, вліянія со стороны склоненія основъ съ твердой согласной на склоненіе основъ съ мягкой согласной; формы на туом, на одноуом, добруой вызвали нюом, на сюом, чужуой; понятно, что эти новыя формы могли замѣнить именно тѣ самыя древнія формы, какъ нѣи, чюжѣи, сѣмь, чюжѣмь, которыя и имѣются въ южнорусскихъ памятникахъ. Ср. дальнѣйшее развитіе дифтонга—звукъ и вм. ѣ: о штрочати симь Пут. ев. 232, оу домоу своимь ib. 27, на селѣ своимь ib. 222; о вашимь свершѣньи Быб. ап. 26. Второго рода соотвѣтствіе—древняго ѣ современному е—находимъ въ формахъ 3 л. ед. числа: написаніямъ боудѣть, можѣть, лажѣть соотвѣтствуютъ въ совр. малорусскихъ и южнобѣлорусскихъ говорахъ буде, може, ляже и будеть, можеть, ляжеть; формы на ieť, iť въ этихъ говорахъ совершенно неизвѣстны. И это обстоятельство противопоставляли объясненію Соболевскаго. Но, во-первыхъ, и теоретически необходимо допустить, что нѣкогда въ южнорусскомъ нарѣчіи существовали формы на -ieť: budieť, umrieť; дѣйствительно, если ṕeć̌ь, šestь, kaḿeńь измѣнились въ pieć̌, šieśť, kamień, то budťeťь, въ силу того же фонетическаго процесса, должно было перейти въ budieť. Во-вторыхъ, на самыхъ южнорусскихъ памятникахъ можно видѣть, какъ старыя, «органическія» формы budieť, umrieť, ńesieť и т. п. уступали постепенно мѣсто новымъ, неорганическимъ формамъ, budťeť, umŕeť, ńeśeť (отсюда малор. budeť, umreť, neseť): причиной послужило дѣйствіе грамматической аналогіи, а именно ie вытѣснялось звукомъ е, заимствованнымъ изъ формъ, какъ budete, umremo, nesete, nese, umre. Какъ это было отмѣчено и Соболевскимъ, древнѣйшіе памятники имѣютъ въ 3 л. окончаніе -ѣть (а именно Добрил. ев., Типогр. ев. № 7, Выголекс. сб.), ме-

жду тѣмъ какъ позднѣйшіе (начиная однако съ XIII в.), выдерживая ѣ въ другихъ случаяхъ, пишутъ исключительно -еть (таковы напр. Типогр. ев. № 6, Ирмолой Григоровича XII—XIII в., Вѣнскій Октоихъ XIII в., Галицк. ев. 1266—1301, Путенское ев. XIV в. и др.).

§ 457. Необходимо указать еще на слѣдующія обстоятельства. Мы находимъ ѣ, какъ указано въ § 10 пр., преимущественно передъ мягкими согласными, на мѣстѣ звука е, утратившаго въ слѣдующемъ слогѣ звуки полукраткіе ъ̆ и ĭ; передъ твердой согласной, слѣдовательно, передъ слогомъ, утратившимъ ъ̆, замѣны е черезъ ѣ въ южнорусскихъ памятникахъ, равно также въ живомъ языкѣ (въ сѣверномалор. и южнобѣлор. говорахъ) мы вообще не находимъ. Однако можно указать въ памятникахъ нѣсколько исключеній: всѣ они объясняются тѣмъ, что фонетически въ общеслав. и общер. праязыкѣ ê полудолгое развивалось безразлично какъ передъ слогомъ съ полукраткими ь, і, такъ и передъ слогомъ съ полукраткимъ ъ; но подъ вліяніемъ аналогіи ê вытѣснялось въ значительномъ числѣ случаевъ черезъ ô или ô; такъ ńêsłъ въ общер. праязыкѣ перешло въ ńôsłъ подъ вліяніемъ ńösła; š́êstъ прилаг. перешло въ š́ôstъ подъ вліяніемъ š́östa и т. п. Возможно, однако, что діалектически удерживалось старое произношеніе; на это было указано въ § 10 прим., гдѣ приведено діалектическое, сѣверномалор. и южнобѣлор., міед. Но по необходимости сохранялось старое произношеніе съ ê, откуда далѣе южнор. ѣ, тамъ, гдѣ не было принудительнаго вліянія аналогіи со стороны родственныхъ формъ съ ö (ȯ). Быть можетъ, такой случай представляетъ слово ветхій, которое только въ краткой формѣ им.-вин. ед. имѣлъ ö, а во всѣхъ остальныхъ формахъ ê, откуда ѣ; ср. вѣтъхы мѣхы Гал. ев. 1266—1301, вѣтхаго Поуч. Ефр. Сир. XIII в.; впрочемъ, случай этотъ сомнительный, такъ какъ возможно, что это слово въ живой рѣчи не существовало, а заимствовано изъ церковнаго языка (о замѣнѣ церк. е въ закрытыхъ слогахъ черезъ ѣ скажу ниже); возможно также, что рядомъ съ ветъхъ существовало исконно вѣтъхъ, ср. вѣтхъıи Кормч. 1282, л. 588, а также наше ветошь съ é, а не ё (ё ср. въ вётухъ: луна на исходѣ Жиздр. и Масал., О. С. 69). Во всякомъ случаѣ находимъ ѣ на мѣстѣ исконнаго е передъ твердой согласной въ предлогѣ бѣз (изъ bezъ̆), напр. бѣс печали Поуч. Ефр. Сир. XIII в. и въ отрицаніи нѣ. Это нѣ находимъ, напримѣръ, передъ u̯ (изъ ŭ) въ случаяхъ, какъ нѣ ужасаитесѧ Добрил. ев., нѣ оубии Путенск. ев. 111, ꙗко нѣ оутаисѧ 101, нѣ оубогъ ib. 105, нѣ вкоусить 108, нѣ въдобь 111, нѣ оуведосте 122, нѣ въведи оу напасть 124, и т. д.

Примѣчаніе. Въ словѣ мед Шевч., med Пинск. (Zb. XIII, 219),

мед-вино Гадяч. (Рудч.) можно видѣть новообразованіе вм. мід подъ вл. косв. падежей.

§ 458. Въ церковныхъ заимствованіяхъ е передъ твердой согласной не замѣнялось черезъ ö, а сохраняло свой звукъ; паденіе глухихъ повело за собой измѣненіе е въ ѣ. Такъ объясняются написанія: небѣсъ Ирм. Григор., жьрцѣмъ дат. мн. Типогр. № 7, словесѣмъ Типогр. № 6; также вѣроятно, аньгѣлъ Луцк. ев. Ср. замѣну е черезъ ѣ въ церк. словахъ передъ мягкой согласной: вѣщь Выголекс. сб. (Соб., Р. Ф. В. 1884), вѣщь Быбельск. ап. 6 об.

Примѣчаніе. Въ греческихъ словахъ и именахъ ѣ частью допускаетъ и иное объясненіе, являясь еще въ древне-болгарскомъ замѣстителемъ греч. звука е (случаи, какъ ефрѣмъ, и т. д. § 285). Но вѣроятно, что въ нижеслѣдующихъ случаяхъ ѣ замѣнило е въ результатѣ выпаденія полукраткихъ гласныхъ въ слѣдующемъ слогѣ: евангѣлыѥ Типогр. № 6, лаврѣнтья ib., арсѣнья Указ. ев. чт. XIII в., лаврѣнтья ib., ѥвъгѣнья ib.; парфѣнья Гал. ев. 1266—1301, лаврѣнтья ib., викѣнтья ib.; параскѣвгии Холмск. ев. XIII—XIV; сюда же кѣдрьскааго Типогр. № 6 и, быть можетъ, гѣрмана Указ. ев. чт. XIII в., Типогр. № 6; также влахѣрнѣ Гал. ев. 1266—1301; также въ негреческомъ словѣ вѣльбуду Типогр. № 6; слова эти могли быть получены съ ѣ и ѣ за плавными, согласно § 327.

§ 459. Замѣчательно, что дифтонгизаціи ē мы не найдемъ въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ въ положеніи послѣ i̯. Думаю, что здѣсь, какъ предположительно еще въ общерусскомъ праязыкѣ (§ 194), дифтонгъ ie (ѣ) за i̯ переходилъ въ е; слѣдовательно, напр. stroi̯ieńjä (изъ stroi̯ēńi̯e) перешло въ stroi̯enja. Такъ, напримѣръ, въ Добрил. ев., Типогр. № 7, Гал. ев. 1266—1301, Указ. ев. чт. XIII в., Холмск. XIII—XIV в. ѣ замѣняетъ е только въ томъ случаѣ, «если передъ е согласная буква» (Собол. Очерки, с. 2). Въ позднѣйшихъ памятникахъ ѣ проникаетъ и послѣ гласныхъ; думаю, что ѣ означало уже не ie, а монофтонгъ i и переносилось въ положеніе за гласной изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ оно фонетически являлось въ положеніи за согласной. Въ болѣе древнихъ памятникахъ ѣ въ такомъ положеніи совершенно единично, напр. о имени твоѣмь Типогр. № 6, по мучѣнии своѣмь Вѣнск. окт. XII—XIII в., устроѣния Архив. лѣств., но позже оно обычно, напр. въ Поликарп. ев.: въ словеси моѣмь, въ оцѣ твоѣмь, въ дому своѣмь, на нивѣ своѣи, на мѣстѣ нѣкоѣмь, строѣныѥ, нестроѣнья, и также бьѣныѥ, по убьѣньи (Собол. 35), въ Быбельск. ап.: нестроѣнью 10 об., невъстроѣныа 25 об. Ср. и вм. ѣ: нестроиныа Пут. ев. 121, по оубиньи ib. 220; в нестроиныхъ Быб. ап. 34.

§ 460. Перехожу къ указанію примѣровъ изъ совр. языка для дифтонга іе и его замѣстителей (i̯e, i) изъ современнаго малорусскомъ языка и изъ южнобѣлорусскихъ говоровъ. Въ совр. сѣверномалорусскомъ находимъ: весіеллє, шіесть, сіем, зіелє. Въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ: сім, шість, камінь, каміння, весілля, піч. Въ угрорусскихъ говорахъ: сім, шість, камінє.

Въ южнобѣлорусскихъ говорахъ ṕêč, śêm, піечка.

§ 461. Одновременно съ дифтонгизаціей ē произошла дифтонгизація ō, ȫ и ȫ закрытыхъ изъ о, ȯ, ö полудолгихъ закрытыхъ. Въ памятникахъ не находимъ выраженія соотвѣтствующихъ дифтонговъ (т. е. uo, u̇ȯ, üö) на письмѣ, за неимѣніемъ особыхъ буквъ; поэтому они согласно этимологіи и традиціи изображались буквами о, е. Буквы оу, ю, которыя, правда, въ единичныхъ случаяхъ, можно встрѣтить въ памятникахъ позднѣйшихъ (XIII—XIV в.), обозначали, вѣроятно, уже монофтонги u, u̇, ü, замѣнившіе указанные дифтонги; ср. написанія какъ щюдръ Ев. XIII в. № 6, 97b, вечеръ субутныи 193; ѥтюръ Указ. ев. чт. XIII в. Въ позднѣйшихъ памятникахъ у, ю постоянно употребляются для обозначенія соотвѣтствующихъ монофтонговъ. Вопросъ о томъ, какъ монофтонгизировались указанные дифтонги и какіе имъ соотвѣтствуютъ въ разныхъ говорахъ монофтонги, не входитъ въ задачу настоящаго труда, ибо монофтонгизація произошла уже въ позднѣйшія эпохи. Ограничусь примѣрами изъ современныхъ говоровъ.

§ 462. Примѣры для дифтонга uo и его замѣстителей. Въ сѣверномалорусскомъ: вуол, двуор, руок, діалект.: стуе́лъ, ягуе́донька, муе́й, нуесъ, куынь, Буыгъ, руыдна, буыльшъ, суиль, друибний, руидъ, стиіл, тиілько; муй, вун, нужни, суль. Въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ: дім, піс, дїм, сьтїл, жидїв, спосїб; стилъ, ридня, рикъ, хвистъ. Въ угрорусскомъ: кӱнь, дрӱзд, пӱп, вӱл, нанӱч, збӱжа, бӱк; нус, радусть, нуг, жун, стул, кулько, дул, буб, хвуст. Въ южнобѣлор. говорахъ: дуомъ, волуосъ, гуотъ, хвуост, куонь, пируохъ, наруод, нуож, руодного; гôт, гут, двôр, двур (ср. Карскій, Бѣлоруссы, II, 126—129).

Примѣчаніе. Укр. кімната ведетъ къ древнерусскому комьната (изъ лат. caminata); укр. Вівдя ведетъ къ древнерусск. овъдотиꙗ, какъ вѣрно указалъ Соболевскій.

§ 463. Примѣры для дифтонговъ u̇ȯ, üö и ихъ замѣстителей. Въ сѣверномалорусскомъ: прівюезъ, москалюеў, тюитка, знюсъ, рублювъ, завюол, люод, жуинка, жуынка. Въ украинскихъ и галицкихъ говорахъ: нїс, віз, москалїў, жінка, плїў, тїтка. Въ угрорусскомъ: ńus, ťutka. Въ южнобѣлорусскихъ говорахъ: мюод, жуонка; лябіо͡удкою, іоунъ.

Примѣчаніе. Звукъ и (й) въ: батька да матюр Козельск. (Черн. Г. В. 1855 № 17) замѣнило і (ср. матѣрь: Ирмолой Григор.) подъ вліяніемъ звуковой аналогіи. Возможно, что то обстоятельство, что съ е чередовалось і обычно передъ мягкой согласной, а съ и передъ твердой и было причиной перенесенія и на мѣсто і передъ отвердѣвшимъ р.

§ 464. Въ позднѣйшія эпохи, въ частности въ отд. малорусскихъ говорахъ, происходило нарушеніе полученныхъ въ древнерусскую эпоху отношеній: а именно, съ одной стороны, дифтонги и ихъ замѣстители подъ вліяніемъ аналогіи уступали мѣсто звукамъ о и е, напр. укр. мед, нáрод и нарóд, зáводь, зáводня, затóн, у догóнь, догóдне, домовник, набожний, и мн. др. Съ другой стороны, звуки о и е замѣнялись дифтонгами подъ вліяніемъ аналогіи родственныхъ формъ и образованій, напр. уменьш. какъ голывонька Остер. (Черн. Г. В. 1853 № 10) подъ вліяніемъ голывка; гъулечки: вѣточки Козельск. (Черн. Г. В. 1854 № 26) подъ вліяніемъ гъулля и т. д. Нѣкоторые изъ подобныхъ случаевъ восходятъ къ южнорусской эпохѣ. Ср. здѣсь, напр., случаи, какъ четвероднѣвенъ Путенск. ев. 136, съ ѣ изъ четвероднѣвна.

Примѣчаніе 1. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ видимъ замѣну о черезъ uo (и его замѣстителей) въ исконно закрытыхъ слогахъ; едва ли можно усомниться въ томъ, что здѣсь сказалось вліяніе случаевъ, гдѣ uo замѣняло о въ закрытыхъ слогахъ фонетически (подъ вліяніемъ выпаденія ъ, ь въ слѣдующемъ слогѣ): двѣ нôздрѣ Иги. зъ Никл. 68, зимівля, угрорусск. торгувля.

Примѣчаніе 2. Мнѣ неясно сѣверномалор. мнуого, ср. мныго Гродн. (Бобровскій, 833), мнūго нūч ни спав Кобр. (Бычко-Машко № 13), nemniho Пинск. (Zб. XIII, 210). Быть можетъ, uo замѣнило о подъ вліяніемъ выпаденія ѣ въ предш. слогѣ, но вопросъ остается не яснымъ.

Примѣчаніе 3. Отрицаніе нѣ вм. не возникало передъ слогами съ выпавшими ѣ, ĭ, й (напр. нѣ створи, нѣ сь ли, нѣ имамъ, нѣ усхотѣ); отсюда оно переносилось и въ другіе случаи: нѣ бѣ пришелъ Добрил. ев. (одинъ разъ); нѣ смѣю Поуч. Ефр. Сир.; нѣ остави, нѣ одержиме Хут. служ. XIII—XIV, нѣ ѡбрѣте Пут. ев. 140, нѣ ѡбинуıся 172, нѣ ѡдѣсте мѧ 122, да нѣ ѡсквернатьсѧ 178, и т. д.—передъ слѣд. о.

Измѣненіе ĭ въ j послѣ согласной.

§ 465. Въ § 437 указано, что сочетанія ѣj + гласная, съ одной стороны, и ĭj + гласная, съ другой, въ южнорусскомъ нарѣчіи, послѣ выпа-

денія ѣ и ĭ, измѣнились одинаково въ сочетанія j + гласная: sudѣ̆já и brátĭi̯a одинаково измѣнились въ sud'já и bráťja. Заключаю объ этомъ изъ того, что какъ въ малорусскомъ, такъ и въ бѣлорусскомъ произошла ассимиляція обоихъ элементовъ этихъ новыхъ сочетаній, въ результатѣ чего явились сочетанія изъ двухъ мягкихъ согласныхъ (sud'd'a, braťťa). Слѣдовательно, въ южнорусскомъ нарѣчіи, въ противоположность другимъ русскимъ нарѣчіямъ, braťi̯ĭa, измѣнившись, вслѣдствіе выпаденія ĭ, въ braťi̯a, перешло затѣмъ въ braťja: итакъ i̯ перешло въ этомъ нарѣчіи въ j въ положеніи послѣ согласной.

§ 466. Неясно, произошло ли дальнѣйшее измѣненіе сочетаній мягкая согласная + j еще въ южнорусскую эпоху или уже на почвѣ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій. Возможно, что j ассимилировался предшествующей согласной еще въ южнорусскомъ нарѣчіи. Въ результатѣ ассимиляціи онъ переходилъ въ соотвѣтствующую согласную, и на мѣстѣ сочетанія согласная + j получалось сочетаніе двойная мягкая согласная; впрочемъ, j послѣ ŕ могъ перейти въ ŕ только діалектически; также только діалектически имѣлъ мѣсто переходъ j въ мягкую губную послѣ мягкой губной. За группой согласныхъ j вообще исчезалъ, но за аффрикатой č́ онъ измѣнялся въ č́. Приведу примѣры изъ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, оговариваясь еще разъ, что эти явленія могли имѣть мѣсто и позже — не въ южнорусскую эпоху.

Въ южнорусскихъ памятникахъ находимъ: своѥ именѣ Поуч. Ефр. Сир. XIII в., ѡтъ терьнꙗ вѣнець Пут. ев. 181, осуженню Ев. Верковича, прязъ обвезаннѣ присягы нашои Буков. гр. 1462 (Крымскій), з моєю печаттю Кіевск. дарств. зап. 1510, по роллѣ Кіевск. воев. приг. 1510, з росказання Оп. Мозырск. замка 1552, свиннє Кіевск. уч. ев. 1604 (Житецкій), спротивленнє Лекс. Лавр. Зиз., преумноженнє Лекс. Памвы Бер., ллят'ся ib.

Въ совр. малор.: браття, зілля, збіжжя, колосся, подружжя, волосся, безладдя, похмілля, коріння, рілля, суддя, стаття, гілля, ніччю, обличчя, гряззю, піррjа (Ogonowski), пірьря Глухов. (В. Бѣлявск. въ Р. Ф. В. 1903), подвіррjа (Ogonowski), друге звірря Радомысл. (Тр. II, 16), ссяти (сіять), льлѧти Игн. зъ Никл. 15, трістя́ Эп. 5.

Въ бѣлорусскихъ памятникахъ: братанню Увар. сп. Лит. лѣт., платтє Крас. Лит., вси князя смоленскии Увар. Лит.

Въ совр. бѣлорусск.: плацьця, калодзьдземъ, ружжо Быхов. (Роман.), вясельля, сватьтя, Ильля (Матер. II), третти, призвання Борис. (Шахм.) судзьдзя Свенц. (Матер. III), свиння, соллю, коханне, нўоччу Слуцк. (Н. Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898), барсуччую, песьссе мясо Рогач. (Роман.), валосься

Новоалекс. (Матер. III), клбчча, пахмелля, куцця́ Минск. (Матер. II), жиццё, мужыччо Орш. и Сѣнн. (Рамзевичъ, Матер. I), Васильлю, Саватьтю, свиньни им. мн., пупадьдёю, съ лошадьдю, сухапутьтя, калдуння, Божжія Матирь, Божжую, атъ удушьша, третьтію, дявоччіи Ельн. (Добров. I), грудьдю, ручьчомъ льлютца Гомел., питтё, пѣнне, Хавроння Ржев. (Э. С. I). Сочетаніе ĺĺ находимъ напр. въ Витебскомъ у.: Юрьря, звярьрё (Никифоровскій въ Матер. III), Ягорьря, перьря (Шейнъ, №№ 138, 163); въ Ельн. у.: звирьря́, падворьря, падворьрика, матирьрю (Добров. Э. С. I и II). Сочетаніе двухъ мягкихъ губныхъ, напр.: Дземмяна Новогруд. (Матер. IV), Дзя́ммянъ Борис. (Шейнъ, II, 438); любоввю, капнё Ржев. (Э. С. I, 268, 237); подлаввя Леппел. (Шейнъ, № 36), рыббя Дисн. (ib. № 91), щукорыбьбія кось Витеб. (Матер. III), вираббемъ Витеб. (Шейнъ, № 60), зъ рыббій косци Городок. (Ром. VI, 271).

Примѣчаніе 1. Въ Ржев. у. отмѣчено удвоеніе въ группѣ согласныхъ: змерттю, миласттю, воласттю (Э. С. I). — Въ пциччій Рогач. (Ром. III, 173) двойное ч ведетъ къ формѣ пътичиии. Въ свиньнячьчу Бых. (Ром. III, 190) двойное н заимствовано изъ слова свиння. Отмѣчу еще ссемъ Новоалекс. (Матер. II) въ значеніи съѣмъ; здѣсь группа съ j образовалась вслѣдствіе выпаденія ъ. Малор. діалект. біжый, кізій Лемк. (Ж. С. 1892, IV, 54) представляютъ упрощеніе двойной согласной. Неясно удвоеніе м въ уремьмя, времьмя Городок. (Ром. VI, 273, 269); быть можетъ, надо исходить изъ уремја и допускать новый процессъ ассимиляціи j предшествующему м.

Переходъ ĺ въ ц̣ въ концѣ слога.

§ 467. Общимъ для малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія явленіемъ оказывается переходъ ĺ въ концѣ слога въ ц̣. Это даетъ основаніе возвести его къ южнорусской эпохѣ. Можно было бы допустить, что переходъ этотъ совершился въ обѣихъ областяхъ независимо, но замѣчательно, что тождественными въ малорусскомъ и бѣлорускомъ являются условія, ограничивающія его въ извѣстныхъ предѣлахъ: переходъ ĺ въ ц̣ неизвѣстенъ ни въ формáхъ им. падежа м. р. (бѣлор. stoĺ, voĺ, γoĺ, малор. stiĺ, viĺ, γiĺ), ни въ формахъ р. мн. (бѣлор. kaby̆ĺ, малор. striĺ, diĺ), ни въ уменьшительныхъ съ суффиксомъ -ък (бѣлор. γoĺka, γareĺka, viĺka; малор. горілка). Отсюда заключаю, что разсматриваемое явленіе сложилось уже въ южнорусскую эпоху. То обстоятельство, что въ совр. языкѣ имѣются исключенія изъ общаго правила о переходѣ ĺ въ ц̣ въ концѣ слога, показываетъ, что пер-

воначально онъ былъ ограниченъ еще какимъ нибудь физіологическимъ условіемъ, отсутствіе котораго позволяло сохранить ł въ указанномъ положеніи. Переходъ ł въ u̯ въ концѣ слога ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснить какъ результатъ общаго перехода ł въ u̯, напримѣръ, такого перехода, который имѣлъ мѣсто во многихъ говорахъ польскаго языка, гдѣ ł произносится какъ u̯ и передъ гласной. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположить, что ł въ концѣ слога измѣнялось въ u̯ сначала только послѣ нѣкоторыхъ гласныхъ, вѣроятнѣе всего послѣ гласныхъ лабіализованныхъ o, u; въ сочетаніяхъ же съ предшествующими a, y, а также съ e, i, ѣ сохранялось ł; кромѣ того ł сохранялось и за o, u тамъ, гдѣ вліяніе аналогіи затрудняло его измѣненіе въ u̯; такъ подъ вліяніемъ vał—vała, mѣł—mѣła, вмѣсто stou̯, rou̯ при stoła, roła, являлось произношеніе stoł, roł. Впослѣдствіи, уже по устраненіи физіологической причины, приведшей къ переходу ł въ u̯, звуки ł и u̯ въ концѣ слоговъ распредѣлились въ извѣстныхъ случаяхъ по грамматическимъ категоріямъ: такъ въ им. пад. ед., р. мн. и въ уменьшительныхъ съ суффиксомъ -ък удерживалось систематически ł, между тѣмъ въ причастіяхъ u̯ вмѣсто ł проникло и въ положеніе послѣ гласныхъ a, i, ѣ, y.

§ 468. Судя по памятникамъ, переходъ ł въ u̯ совершился не раньше XV в., ибо только съ того времени являются написанія съ в вм. л; но едва ли правильно заключать отсюда, что это явленіе такъ поздно установилось и въ живой рѣчи: письмо было стѣснено и графическими навыками и этимологическими соображеніями. Въ полоцкой гр. 1418—1420 читаемъ: оу местерови тоуку; далѣе находимъ Видовда вм. Витолда въ бѣлор. гр. 1442, Вовчькевичъ въ гр. 1497, не вдовзѣ (испр. въ невдолзѣ) въ Четьѣ 1489 г. А. Е. Крымскій изъ памятниковъ южнорусскихъ XVI в. приводитъ: повную, за довгъ, Здовбицу (при Здолбицу), мовчу, жовтобрухъ, а также причастныя формы на -въ вм. -лъ, пытаясь, однако, объяснить ихъ какъ старыя причастія на -въ (Укр. грам., с. 89—90, 93—96). Ср. причастія на -въ бѣлорусскихъ памятникахъ XV—XVI в., напр. услышавъ, пріехавъ, переступивъ Вил. сп. Лит. лѣт. и т. д. (ср. у Карскаго, Бѣлоруссы, II, 402—403). Представляется невѣроятнымъ нефонетическое объясненіе этихъ формъ, а также совр. прош. времени въ малор. и бѣлор. уже потому, что въ ж. и ср. родѣ находимъ окончанія -ла, -ло, во мн. числѣ -ли. Отмѣчу еще форму смовивши вм. смолвивши въ Вил. Лит. и др., указывающую на переходъ лв въ в черезъ посредство ўв. Что л въ концѣ слога читалось въ XVI в. какъ u̯, видно и изъ употребленія буквы л вмѣсто в (со значеніемъ u̯), напр. оу вольторникь Супр. Лит. 59, оу вольторокъ ib. 46; у волторок Синод. № 790 XVI в. (Карск. I, 403).

§ 469. Приведу примѣры изъ совр. языка. Малор.: поўний, воўк, воўна, доўбати, жоўтий, моўчу; даў, ходиў, просиў.

Бѣлор.: поўны, ваўки, маўча́ць, тоўсты, чоўн, доўжна; для паўдня́ Минск. (Матер. IV), poütara Новогруд. (Клихъ), дывжиня (разстояніе) Витеб. (Никифоровскій, Матер. III), паутаривъ (повторивъ) Ржев. (Э. С. I), пашоў, увороваў, павесиў, кинуў, вѣрыў, пусциў; byu̯ Новогруд. (Клихъ), zrabiu̯ (ib.).

Примѣчаніе 1. Звукъ u̯ вмѣсто ł проникалъ издревле и въ слова съ суфф. -ък. Ср. діалектическія галицк. сопівка, ківки́; въ бѣлор. сп. Тайная Тайныхъ XVI в.: сажевку, въ Лит. статутѣ 1588: сажавка.— Діалектически u̯ являлось и на мѣстѣ замѣнившаго ł звука ł, ср. карпаторусск. тівко, ківко, бі́вший, стебевцé; можетъ быть, такъ же объясняется написаніе въ галицк. Прав. 1421 оу вовѣ (обозначающее u u̯vovi, непосредственно изъ u łvovi вм. u lvovi).

Примѣчаніе 2. Можно указать на рядъ случаевъ, гдѣ u̯ въ видѣ v перенесено въ положеніе передъ гласной: сажавокъ въ Лит. ст. 1588, бѣлор. повин, товист, човин и човян; малор. горівочка, човен.

Придыхательный приступъ передъ начальными гласными.

§ 470. Мы не имѣемъ основанія думать, чтобы начальныя гласныя въ общерусскомъ праязыкѣ произносились съ придыхательнымъ приступомъ; правда, такое произношеніе (какъ указано въ § 96) было свойственно общеслав. праязыку, но здѣсь придых. приступъ успѣлъ измѣниться по крайней мѣрѣ передъ большею частью гласныхъ въ спиранты j, v, γ. Общерусскій праязыкъ утратилъ часть начальныхъ спирантовъ, освободивъ такимъ образомъ гласную начала слова отъ предшествующаго элемента; ср. переходъ je въ e и далѣе въ o, разсмотрѣнный въ § 226. Уже позже, на почвѣ отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ, видимъ развитіе передъ начальными гласными новыхъ спирантовъ, и заключаемъ отсюда о новомъ наступленіи придыхательнаго приступа передъ ними. Согласныя данныя малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій убѣждаютъ въ томъ, что въ южнорусскомъ нарѣчіи такое явленіе получило общее распространеніе. Въ отдѣльныхъ уже говорахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ придыхательный приступъ измѣнялся въ спиранты u̯, j, γ. Приведу примѣры, располагая ихъ по гласнымъ.

§ 471. Начальное a. Малор.: гангол Уман. (Рудч.), гаспид укр.; jаспид, jангол галицк. — Бѣлор. гарбуз, Гаўгустоў Августовск. (Карск., Матер. IV), Ганна Новоалекс. (Матер. II).

Начальное о. Малор. гочи Брацлавск. (Рудч.), зубы гострыла Козелецк. (Черн. Г. В. 1855 № 17); горати, годи́н, горі́х, гостры Укр., горати Кобр. (Бычко-Машко № 17). — jоріх Укр., jосика, jорати, jовес, jотец, jострый Карпаторусск. — воко, ворі́х, восика, ворати, вовес, ворел, вострый Галицк., вона Укр., voko, u̯oko, vorati, u̯ozero, u̯oheń Угрорусск. (Брокъ); воле междом. Выголекс. сб. XII—XIII в. (Соб. Р. Ф. В. 1884), Архивск. лѣств. XIII — XIV в. (ib.). — Начальное u̯o изъ исконнаго о полудолгаго: ꙗко вовьцѧ Гал. ев. 1266—1301, вовьцѣ им. мн., за воовьцѧ, ѥзеро вогньно ib.; къ вовьцѧмъ Луцк. ib., волтарь Поликарп. ев., вооц̄а, вооц̄и ib., о вовцахъ ib., вътъ мерътвыхъ ib., кнѧгини Волзѣ Поуч. Ефр. Сир. XIII в. прип.; ворьли Путенск. ев., оу гольга Забѣл. сп. Тверск. лѣт. Совр. укр. він, вівця, вітця.

Бѣлор. ни годнаго Рогач. (Ром. III, 181), hорацъ, hостры, ниhо́дзинъ Слуцк. (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898), hорацъ, hорѣхи, hовцы, hалена Витебск. (Никифоровскій въ Матер. III), haraṷ, haranj̯ò, haṷcu, hadna, pahastryć Волков. (Federowski), hòstry, hawiòs, hawièczka Гродн., Сокольск. (ib.), haràć Лидск. (Weryha, 66), Гаудоця, гось (вотъ), нашоў гарла́, годна́ковы, гаўца́, гавёс, гавечки, гарѣхи Зап.-Гродн. (Карск. въ Р. Ф. В. 1901, № 3-4), гуостры Слуцк. (Малевичъ). — восинь, вокошко, вотрубы, возиро, воба, ниводзинъ Витебск. (Никифоровскій), возиро, воба, воўцы и ўоўцы Могил. (Матер. I), возяро Слуцк. (Матер. I), вока Минск. (Матер. II), возеро, ниводзинъ Новоалекс. (ib.), возяра, вось, ни водзенъ Свенц. (Матер. III), на востровъ Рогач. (Ром.), вочы, возяро, вуостры Слуцк. (Малевичъ), ўоко, ўоўца, ўостроў, во́блако (Чудовск. въ Р. Ф. В. 1898), вави́нъ Смол. (О. С. 156), воблакъ, воба Смол. (Добров. О. С. I), z vabrućmì Лидск. (Weryha, 40), войцу, востры и войстры, воспа, vókna Новогруд. (Клихъ) и т. д.

Начальное u. Малор. гулица, гухо Сѣверн., мею гулицею Кобр. (Бычко-Машко № 47).—вуж Збараж. (Рудч.), въдасть и воу роуцѣ Ипат. 268b, воу Татарѣхъ ib. 264a, за вужа ib. 675, на вудици Вѣнск. Окт. XII—XIII (Собол.), вученици Луцк. ев., изо вутра ib., вухо Сѣверномалор., vucho Угрор. (Брокъ).—на юлиці Нѣжинск. (Собол. въ Ж. С. 1892), по юлицамъ Новгород.-Сѣв. (Черн. Г. В. 1855 № 19), юшка Батур. (Черн. Г. В. 1860 № 16), то й юшкою умыесся Козелецк. (Черн. Г. В. 1853 № 37), въ юсци (ib. 1854 № 28), борщу да и юшечки (ib. 1853 № 13), juszki Новоградвол. (Zb. VII, 218), na jułku (ib. 199), юха Лемк. (Arch. XIV), южь Игн. зъ Никл. 76, на юмъ Козелецк. (Черн. Г. В. 1853 № 37).

Бѣлор. гулица Зап.-Гродн. (Карск. въ Р. Ф. В. 1901 № 3—4), hу-

лица Витебск. (Никифоровскій), гужъ, т. е. ужъ Слуцк. (Матер. I), гуголь Рогач. (Ро. III, 430), ра húlicy Волков. (Federowski, I, 24), huγaľočku Борис. (Шахм.). — вумъ, вусъ, вухо, вугаль, вулица Витебск. (Никифоровскій), вужъ, вутка Могил. (Матер. I), вулица Слуцк. (Матер. I), вушы Минск. (Матер. II), вумны, вулачка, вучыць Игум. (ib.), вуцица, вужъ Свенц. (Матер. III), вучыцца, вутка Слуцк. (Малевичъ), вутка, вуголь, вумный Ржев. (Э. С. I, 238), вумъ, вузилъ, вужасъ, на вутро Смол. (Добров. Э. С. I), вухо Рогач. (Ром. III, 13).—юшку Полоц. (Шейнъ, IV, 454), юха́, юшка Мглин. и Стародуб. (М. Н. Косичъ, 120), на юлицу Сураж. (Шейнъ, II, 417), ю мужа Сѣнн. (въ пѣснѣ, Ром. I, 24).

§ 472. Равнымъ образомъ развивался придыхательный приступъ передъ i, переходя затѣмъ въ j, h, γ и даже v. Малор.: гинчий при инчий Галицк., під гіншого цара Бродск. (Етн. зб. I, 9), γинде Лемк. (Arch. XIV), гиншій, гива Заслав.-Вол., гинчій, гива Гайсин.-Под., гыва, гышшій Бѣльск.-Любл.; ги́скра и ји́скра Галицк. (Ogonowski); jігўа Лемк. (Arch. XIV). — вістебка (молочная кладовая) Сарны (Вол. Г. В. 1880 № 3).

Бѣлор. гиншым манерам, гиншаго.

Переходъ сочетаній ky, γy, xy въ ќi, ґ́i, х́i.

§ 473. Уже въ древнѣйшихъ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятникахъ находимъ написанія ки, ги, хи вм. кы, гы, хы. Это является для меня главнымъ основаніемъ при допущеніи, что указанный переходъ произошелъ еще въ южнорусскую эпоху; между тѣмъ тотъ же переходъ въ восточнорусскихъ и сѣверорусскихъ говорахъ имѣлъ мѣсто значительно позже, во многихъ изъ нихъ — не раньше XIV в. Къ заключенію о весьма раннемъ появленіи сочетаній ќi, ґ́i, х́i въ южнорусскомъ нарѣчіи ведетъ насъ еще то обстоятельство, что въ періодъ отвердѣнія согласныхъ передъ i и передъ e въ малорусскомъ и перехода послѣднихъ въ гласныя средняго ряда сочетанія ky, γy, xy звучали уже ќi, ґ́i, х́i: угрорусскіе говоры, въ которыхъ старыя i и y не совпали въ одномъ звукѣ, а различаются до сихъ поръ, имѣютъ послѣ k, γ, x звукъ i, а не y, но конечно k, γ, x при этомъ тверды, ибо передъ i отвердѣли вообще всѣ согласныя (явленіе общемалорусское). Такому утвержденію о весьма древнемъ измѣненіи ky, γy, xy въ ќi, ґ́i, х́i противорѣчитъ, повидимому, то обстоятельство, что въ цѣломъ рядѣ угрорусскихъ говоровъ послѣ k, γ, x является y (Верхратскій знаетъ ї, т. е. звукъ передне-средній, не средній, только по сосѣдству съ Гуцулами), ср. кыпень, кышкы́, нбгы, погыбнути, хыжа, хылитися,

сокыра, быкы, кышеня, и т. д.; тоже у галицкихъ Лемковъ. Но я думаю, что ку, γу, ху замѣнили здѣсь кї, γї, хї (изъ кі, γ́і, х́і) вслѣдствіе именно того, что средненебныя несмягченныя перешли въ задненебныя, а задненебныя потребовали за собой задняго звука у (въ угорусскомъ у — болѣе заднее, чѣмъ, напримѣръ, въ великорусскомъ).

§ 474. Переходъ южнорусскихъ ку, γу, ху въ кі, γ́і, х́і (однородный съ такимъ же, но болѣе позднимъ переходомъ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ) былъ вызванъ, повидимому, измѣненіемъ въ природѣ задненебныхъ согласныхъ. Какъ мы знаемъ, звукъ у въ общерусскомъ праязыкѣ былъ средняго ряда, а предшествующія ему согласныя были лабіализованны, при чемъ лабіализація ихъ восходитъ къ тому времени, когда у звучало еще какъ ū. Съ теченіемъ времени лабіализація согласныхъ, сначала діалектически, стала исчезать въ русскомъ языкѣ; быть можетъ, она утрачивалась въ нѣкоторыхъ рядахъ согласныхъ раньше, чѣмъ въ другихъ; ср. съ этимъ утрату въ польскомъ языкѣ лабіализаціи задненебными и губными согласными раньше утраты лабіализаціи другими согласными (поэтому передъ задненебными и губными не развивается здѣсь о вмѣсто е за мягкой согласной). Повидимому, въ южнорусскомъ нарѣчіи процессъ утраты лабіализаціи (по крайней мѣрѣ задненебными согласными) имѣлъ мѣсто раньше, чѣмъ въ сѣверномъ и восточномъ нарѣчіи. Когда послѣ утраты лабіализаціи задненебными возникли сочетанія нелабіализованныхъ задненебныхъ согласныхъ со звукомъ у, этотъ средній звукъ ассимилировалъ себѣ предшествующія согласныя, которыя перешли при этомъ въ согласныя средняго ряда: $к^{u}у$, $γ^{u}у$, $х^{u}у$ перешли въ ку, γу, ху, откуда дальше к̑у, γ̑у, х̑у. Но средненебныя к̑, γ̑, х̑ не удержались въ языкѣ, а перешли въ средненебныя смягченныя; ср. съ этимъ переходъ полумягкихъ согласныхъ въ общерусскомъ праязыкѣ въ мягкія. Послѣ к, γ́, х́ звукъ у не могъ удержаться; онъ долженъ былъ перейти въ і; ср. сходное явленіе въ общеславянскомъ праязыкѣ, гдѣ на мѣстѣ ȳ (изъ ū) послѣ j и мягкихъ согласныхъ явилось ī. Такъ перешли kynuťi, γybї, xytro, ruky, noγy, muxy въ kinuťi, γ́ibї, х́itro, ruki, noγ́i, muх́i.

§ 475. Южнорусскіе памятники представляютъ примѣры для кі, γ́і, х́і уже въ XII в. Такъ въ Гал. ев. 1144 года находимъ: нб̄ськии 13a, 96a, нб̄ськіхъ 54a, небесьскімъ 77a, нбс̄кимь 39b, члч̄скии 37a; въ Христинопол. ап.: книги 127; въ Добрил. ев. 1164: никии же 51d, въскисе 60c, секира 256c, 257d; въ Типогр. ев. XII в. № 7: покиающе, никии, секира; въ Ирмолоѣ Григоровича XII—XIII в.: аки, вѣки, отроки (Собол. Очерки). Для XIII в. это уже весьма обычное явленіе. Въ Типогр. ев. XII—XIII в.

№ 6: великии, людьскиѧ. Въ галицкихъ грамотахъ XIV в. это тоже обычно. Отмѣчу еще ки, ги, хи, какъ обычную черту, въ Быб. ап. XIV в. (П. Копко). — Какъ указано, кі, ґі, хі въ малорусскомъ языкѣ перешли въ кї, ґї, хї, подобно тому, какъ ті, дї, те, де перешли здѣсь въ тї, дї, тѐ, дѐ.

Бѣлорусскіе памятники, которые были бы древнѣе XIII—XIV в., намъ неизвѣстны. Но раннее появленіе кі, ґі, хі въ бѣлорусской области можетъ, какъ кажется, подтверждаться наличностью ки, ги, хи въ древнѣйшихъ смоленскихъ памятникахъ. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ 1229 г. (списокъ А), писанной, вѣроятно, въ Смоленскѣ, находимъ: Латинескии, Латинскии, Роускии, Ризкии, Ризкимь, Роускимь, Латинескимъ, лихии, и т. д. Правда, въ бѣлорусскихъ памятникахъ долго и упорно держались написанія кы, гы, хы (примѣры см. у Карскаго, Бѣлоруссы, I, 463—464); но возможно, что это объясняется тѣмъ, что восточнорусскіе говоры, нахлынувшіе въ Бѣлоруссію, равно какъ и сѣверозападнорусскіе (какъ вообще сѣвернорусскіе) долгое сохраняли старое произношеніе съ ы. Въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи находимъ исключительно кі, ґі, хі.

Примѣчаніе. Державшееся довольно долго въ нѣкоторыхъ южныхъ памятникахъ правописаніе кы, гы, хы склоняюсь признать искусственнымъ, вызваннымъ частью традиціей, частью болгарскимъ вліяніемъ. Къ этому заключенію ведутъ въ особенности такіе случаи, гдѣ кы, гы, хы замѣняютъ терпимыя даже въ древности сочетанія ки, ги, хи, напр., въ заимствованныхъ изъ греческаго словахъ и именахъ. Ср. напр. въ Указ. ев. чт. XIII в.: никѣты, понахѣдѣ, логѣна, архѣстратига, садукѣи, глукѣрьѧ, параскѣвьги, ѥвгѣньѧ; въ Путенск. ев.: левгѣтъ 103, видѣ левгѣю 128; Быбельск. ап. имѣетъ кѣ, гѣ, хѣ преимущественно въ иноязычныхъ словахъ, какъ указалъ его изслѣдователь П. Копко: макѣдѡнью 12 об., макѣдономъ 21 об., акъхѣи мѣстн. ед. 13, архѣтиктонъ 11 об.

Явленія, свойственныя сѣвернымъ говорамъ южнорусскаго нарѣчія.

§ 476. Какъ указано во введеніи, область, колонизованная южнорусами въ верхнемъ Поднѣпровьѣ, была раньше ихъ занята польскими племенами, Радимичами въ совр. Могилевской губерніи и рядомъ другихъ племенъ къ западу, въ направленіи къ Повислинью. Эти племена были покорены южнорусами, которые, смѣшавшись съ ними и ассимилировавъ ихъ себѣ, восприняли въ свою рѣчь вѣроятно не мало особенностей польскаго произношенія. Къ числу ихъ отношу дзеканье и цеканье, шепелявое произношеніе мяг-

кихъ свистящихъ и отвердѣніе r. Что до дзеканья и цеканья, которое утвердилось указаннымъ путемъ въ Бѣлоруссіи, то его надо признать польскою наносною чертой по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, польскіе говоры, дзекающіе и цекающіе, примыкаютъ къ бѣлорусскимъ непосредственно; во-вторыхъ, явленіе дзеканья и цеканья, усиливаясь на западѣ, на границѣ съ польскою территоріей, ослабляется по направленію къ востоку. Шепелявое произношеніе мягкихъ свистящихъ, какъ увидимъ, тѣсно связано съ дзеканьемъ и цеканьемъ (ибо шепеляво произносится и свистящій призвукъ при т и д мягкихъ); слѣдовательно, и оно также ведетъ насъ къ польскому вліянію. Отвердѣніе r, столь типичное для бѣлорусскаго нарѣчія, стоитъ, вѣроятно, въ связи съ отсутствіемъ твердаго r въ польскомъ, гдѣ оно переходило въ rj, замѣнявшееся затѣмъ—черезъ rž, ž. Болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ трехъ явленій принадлежитъ спеціальному труду по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія; ограничиваюсь здѣсь краткимъ описаніемъ этихъ явленій.

§ 477. Бѣлорусское цеканье и дзеканье въ памятникахъ обнаруживается не раньше XVI вѣка. Такъ находимъ, напр., въ Библ. кн. XVI в. Виленской Публ. библ. ѡбидець, глаголець, ходець 3 л. ед. (Карскій въ Р. Ф. В. 1892 № 1). Но это обстоятельство не можетъ помѣшать предположенію, что это явленіе очень старое, ведущее свое начало отъ ляшскихъ племенъ, ассимилировавшихся съ южнорусскими насельниками: во-первыхъ, можно думать, что городское населеніе въ Бѣлоруссіи, южнорусское по происхожденію, не скоро восприняло особенности деревенскаго говора, окружавшаго городскіе центры, ляшскаго по своему происхожденію; во-вторыхъ, не скоро могли найти мѣсто въ графикѣ ц вмѣсто т, а тѣмъ болѣе дз вмѣсто д, въ виду консервативности графическихъ пріемовъ; обозначеніе ц изъ т буквой ц могло произойти лишь сравнительно позже, когда замѣститель т мягкаго приблизился въ своемъ произношеніи къ звуку ć, между тѣмъ какъ исконное ć произносилось, повидимому, шепеляво. Какъ отмѣчено изслѣдователями (напр. К. Аппелемъ въ Р. Ф. В. 1880 № 2, с. 211), бѣлорусскія ц́, дз́ не тождественны съ польскими ć, dź («а представляютъ, напр. по указанію Аппеля, середину между польскими c, dz и ć, dź»); слѣдовательно, допустивъ, что цеканье и дзеканье—черта ляшская, можно думать, что первоначально они были нѣсколько иными, чѣмъ теперь, т. е., что первоначально бѣлорусскія ć и ź произносились такъ же шепеляво, какъ польскія ć и ź, при чемъ шепелявость была постепенно утрачена подъ вліяніемъ русскихъ говоровъ, которымъ она была вообще чужда. Это предположеніе подтверждается нѣкоторыми историческими данными. Супрасльскій сборникъ 1520 г.,

въ составѣ котораго сохранились списки съ Литовской лѣтописи, Патерика и нѣк. другихъ памятниковъ, представляетъ смѣшеніе буквъ т и ч въ сочетаніяхъ ча, чи, че, чю, чь, съ одной стороны, сочетаніяхъ тя, ти, те, тю, ть, съ другой; такъ вмѣсто рекоучи, отчича, полочане, псковичи, выскочивъ, чернечества читаемъ рекоути, отчита, полотяне, псковити, выскотивъ, чернетества; вмѣсто хотять, кестоути, приметь, чтоуть, тьстю — хотячь, кестоучи, приимечь, чтоучь, чьщю. Супрасльскій сборникъ написанъ, вѣроятно, около Друцка совр. Могилевской губерніи, въ мѣстности, сосѣдней съ древними поселеніями Радимичей. Слѣдовательно, въ XVI вѣкѣ, въ этой мѣстности ć и ʒ́ изъ t́ и d́ произносились на польскій ладъ, шепеляво; смѣшеніе на письмѣ шепеляваго ć и буквы ч (обозначавшей звукъ č́, еще не успѣвшій отвердѣть) вполнѣ естественно.

§ 478. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкогда на бѣлорусской территоріи было значительно распространено шепелявое произношеніе ś и ź; его необходимо отнести насчетъ ляшскаго вліянія: въ польскомъ ś и ź шепелявы. Указаніе на шепелявость ś и ź находимъ, напримѣръ, въ упомянутомъ выше Супр. сб. 1520 года: въ немъ смѣшиваются буквы ш, ж и с, з; вмѣсто прославиша, понесоша, вопрошахоуть, погроужати, поможе читаемъ прослависѧ, понесосѧ, вопросѧхоуть, погроузѧти, помозе; и обратно, вмѣсто слоучисѧ, осквернисѧ, крестишасѧ, кнѧзѧ—слоучиша, оскверниша, крестисѧша, кнжѧ. Эту черту Друцкаго говора, къ области котораго относится Супр. сборникъ, нельзя не сопоставить съ шепелявымъ произношеніемъ въ немъ ć и ʒ́. Отмѣчу, что, какъ замѣтилъ А. И. Соболевскій, въ актовыхъ книгахъ города Дорогичина «встрѣчаются — въ небольшомъ количествѣ — особенности малорусскаго нарѣчія и рядомъ съ ними отголоски такъ-называемаго мазураканья сосѣднихъ поляковъ». Въ актѣ 1530 г.: слузбу, тамоснимъ; въ актѣ 1531: церезъ соцкого (Сб. палеогр. сн. съ древн. гр. и актовъ Вил. №№ 31 и 32; рецензія А. И. Соболевскаго на это изданіе въ Ж. М. Н. П. 1884). Такимъ же путемъ проникло смѣшеніе с, з съ ш, ж въ нѣкоторые сѣверномалорусскіе памятники. Поликарп. ев.: въжложити, ложьѥ, съжижю, ѿверзешисѧ (рядомъ и очта, обѣщничи); Луцкое ев.: такозде, тозде же; Поуч. Ефр. Сир. XIII в.: помысляи, помысляеси, скрусьна, раздизаѥться. Въ совр. бѣлорусскихъ говорахъ шепелявость ś и ź такъ же, какъ ć и ʒ́, почти исчезла. Все таки имѣются нѣкоторыя указанія на то, что она мѣстами извѣстна и до сихъ поръ; сошлюсь на Е. Ѳ. Карскаго (Бѣлоруссы II, 15), сообщающаго, что мягкое s во многихъ мѣстностяхъ приближается по своему звуку къ ś: м̓ьг̓ил̓ӓуш̓ки, т. е. могилевскій. Отмѣчу еще соообщеніе анонимнаго автора въ рукописи, принадлежащей собранію покойнаго О. М. Бодянскаго

(нынѣ въ Библіотекѣ Моск. университета), о томъ, что въ одномъ изъ смоленскихъ говоровъ s имѣетъ шепелеватый звукъ, средній между s и š (ср. у Карскаго, ib. II, 457). Обращаю вниманіе на опредѣленное указаніе М. Н. Косичъ относительно того, что стародубскія и мглинскія ś и ź произносятся иначе, чѣмъ въ другихъ русскихъ говорахъ (впрочемъ, указанія на ихъ шепелеватость она не даетъ).

§ 479. Бѣлорусское отвердѣніе ŕ можно считать чертой, заимствованною изъ польскихъ говоровъ, какъ указано въ § 473: польскій языкъ не имѣетъ мягкаго r; поэтому ляхи, ассимилируясь южнорусамъ въ Бѣлоруссіи, превратили южнорусское ŕ въ концѣ слова и передъ согласными въ r; ŕ передъ гласными они измѣнили непосредственно въ rj (въ сочетаніяхъ rja, rjŭ, rje, rji); отсюда дальше rr и r. Думаю, что бѣлорусское отвердѣніе ŕ не можетъ быть отождествлено съ діалектическимъ малорусскимъ (сѣверномалорусскимъ и галицкимъ) отвердѣніемъ ŕ; въ малорусскомъ отвердѣніе ŕ едва ли не пошло отъ того, что въ предѣлахъ цѣлаго ряда словъ происходило чередованіе r и ŕ въ зависимости отъ отвердѣнія ŕ передъ гласными передняго ряда i и e; moré, morї замѣнили moŕó, moŕi въ силу измѣненія всѣхъ вообще сочетаній мягкихъ согласныхъ съ гласными передняго и средняго ряда въ сочетанія твердыхъ согласныхъ съ гласными средняго ряда; это могло повести къ измѣненію moŕa, moŕu въ moга, moru; ср. появленіе -la вмѣсто -ła въ восточномалорусскихъ говорахъ въ формахъ причастія ж. р. подъ вліяніемъ ї вмѣсто -ї. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи такой причины отвердѣнія ŕ указать нельзя, и остается предположить иноязычное вліяніе. Судя по памятникамъ, отвердѣніе ŕ восходитъ къ XV вѣку, но едва ли можно сомнѣваться, что въ живой рѣчи оно упрочилось гораздо раньше. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ памятниковъ: прегразны̑ Сб. XV в. Публ. библ. № 391; говорѕ, крыча̑, прамы̑ Библ. кн. XVI в. Вил. Публ. библ. (Карскій въ Р. Ф. В. 1892 № 1); цр̑а, створоу, Браньскы̑, wбращеши, пекаромь, дщеръ Супр. сб. 1520 г.; по мору, пры нихъ, вѣрыли, тры, Кипрыянъ, з Марыина городка, прысягу, Василеи Дмитрэевич Позн. сб. XVI в., и мн. др.

Въ совр. бѣлорусской территоріи отвердѣніе ŕ распредѣляется далеко неравномѣрно. Проф. Карскій дѣлитъ бѣлорусскіе говоры на твердоэрые и мягкоэрые; твердое r, по его указанію, имѣютъ говоры западные, мягкое — говоры сѣверовосточные. Но, кажется, правильнѣе было бы опредѣлить мягкоэрые говоры вообще какъ восточные, ибо и на юговостокѣ, что̀ видно на діалектической картѣ проф. Карскаго, r произносится мягко. Нельзя не согласиться съ проф. Карскимъ, что мягкость ŕ (сохраненіе мягкаго r) обязана вліянію сосѣднихъ сѣверновеликорусскихъ и южновеликорусскихъ гово-

ровъ; слѣдовательно, и здѣсь, какъ и при дзеканьѣ-цеканьѣ, рѣзко выдержано противоположеніе запада востоку; и это дѣлаетъ вѣроятнымъ ляшское происхожденіе разсматриваемой черты.

Глава III. Явленія сѣверноруссКія.

§ 480. Сѣверорусская эпоха, сѣверноруссКія явленія противополагаются сѣверновеликорусскимъ. Критеріемъ для такого противоположенія могутъ служить слѣдующія соображенія: во-первыхъ, древность того или другого явленія, засвидѣтельствованная памятниками; во-вторыхъ, распространеніе его во всей вообще области современныхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ; въ-третьихъ, данныя въ пользу того, что изслѣдуемое явленіе не случилось въ позднѣйшую эпоху совмѣстнаго жительства сѣверноруссовъ съ восточнорусами, когда они въ силу политическихъ и экономическихъ связей образовали одно великорусское цѣлое. Сѣверорусское нарѣчіе исконно распадалось на восточную и западную вѣтви; отличительныя особенности говоровъ, входившихъ въ составъ западной вѣтви, заимствованы ими главнымъ образомъ отъ тѣхъ ляшскихъ племенъ сѣверной части современной Бѣлоруссіи и Псковской области, которыя смѣшались съ насѣвшими на нихъ сѣверноруссами. Разсмотрю сначала общія всему сѣверному нарѣчію явленія, а затѣмъ явленія западныхъ его говоровъ.

§ 481. Выше намъ пришлось отмѣтить нѣсколько характерныхъ для сѣверноруссКаго нарѣчія чертъ, отличавшихъ его частью отъ южнаго и восточнаго, частью отъ одного южнаго нарѣчія. Сюда относятся: сохраненіе g, перешедшаго въ обоихъ другихъ нарѣчіяхъ въ γ (§ 446); отсутствіе ž (кромѣ однако въ положеніи за ž), сохранявшагося діалектически въ южномъ нарѣчіи; отсутствіе ź, сохранившагося въ нѣкоторыхъ говорахъ южнаго нарѣчія; наконецъ, отсутствіе черть, разсмотрѣнныхъ въ предъидущей главѣ, обособившихъ южное нарѣчіе.

Смѣшеніе ч и ц.

§ 482. Одной изъ древнѣйшихъ и типичнѣйшихъ особенностей сѣверноруссКаго нарѣчія было смѣшеніе č и ć. Судя по нѣкоторымъ современнымъ говорамъ, можно думать, что č и ć собственно не смѣшивались, но перешли въ одинъ общій звукъ, средній между č и ć, слѣдовательно, въ ć шепелявое; но рядомъ существуютъ говоры, которые дѣйствительно смѣшали этимологическія č и ć, сохраняя раздѣльность обоихъ звуковъ, но употребляя ихъ

несогласно съ этимологіей; наконецъ, видимъ говоры, въ которыхъ ć было вытѣснено ć, а также и такіе, гдѣ произошло обратное этому вытѣсненіе. Обращаясь къ памятникамъ, видимъ, что и они свидѣтельствуютъ какъ о смѣшанномъ употребленіи ч и ц, такъ и о вытѣсненіи ч черезъ ц и, наконецъ, о вытѣсненіи ц черезъ ч. Соображая все это, приходится искать такое объясненіе разсматриваемому явленію, которое выяснило бы его во всемъ его разнообразіи. Всего естественнѣе предположить здѣсь наличность иноязычнаго вліянія, и именно ляшскаго. Сѣверноруссы, двигаясь изъ средняго Поднѣпровья, вверхъ по Днѣпру въ сѣверное Поднѣпровье и въ озерную область, должны были встрѣтить на своемъ пути ляшскія племена, Радимичей и другія племена, населявшія совр. Бѣлоруссію. Пробиваясь черезъ ляховъ, сѣверноруссы могли смѣшаться съ ними, увлекая ихъ въ дальнѣйшія движенія, ассимилируя ихъ себѣ, но и воспринимая нѣкоторыя черты и отъ нихъ. Ляшскія племена восточной отрасли принадлежали, конечно, по своему говору къ племенамъ мазуракающимъ, т. е. измѣнившимъ č, ž, š въ c, z, s; рядомъ существовавшія здѣсь ć, ź, ś произносились ими, какъ всѣми вообще поляками, шепеляво. Результатомъ смѣшенія русскихъ племенъ съ подобными польскими было въ нѣкоторыхъ изъ нихъ шепелявое произношеніе ć, ź, ś и смѣшеніе ć съ шепелявымъ ć, замѣна ć звукомъ ć шепелявымъ; другія русскія племена, не усвоивая себѣ ś, ź шепелявыхъ, замѣнили однако свое ć шепелявымъ ć; третьи, подъ указаннымъ иноязычнымъ вліяніемъ, не усвоивая себѣ вообще шепеляваго произношенія, смѣшали этимологическія ć и ć (не различавшіяся въ мазуракающихъ говорахъ). Такимъ образомъ общимъ для всѣхъ сѣверноруссскихъ говоровъ явленіемъ было смѣшеніе ć и ć; нѣкоторыя изъ нихъ смѣшали ć и ć въ звукѣ ć шепелявомъ; что до шепеляваго произношенія ś и ź, то оно, какъ увидимъ, было усвоено только окраинными говорами сѣверноруссскаго нарѣчія.

Примѣчаніе. Предположеніе о томъ, что смѣшеніе ć и ć въ сѣверноруссскихъ говорахъ черта заимствованная, представляется мнѣ необходимымъ потому, что иначе трудно понять это явленіе. Если бы ć перешло въ ć по той или иной физіологической причинѣ, то непонятно было бы, какъ же могло сохраниться въ тѣхъ же говорахъ ć и даже получить распространеніе насчетъ ć; если бы ć и ć совпали въ одномъ звукѣ (скажемъ ć шепелявомъ), то неясно, какимъ образомъ отдѣльные сѣверноруссскіе говоры пришли къ измѣненію ć шепеляваго въ ć и ć и къ смѣшанному употребленію этихъ звуковъ.

§ 483. Памятники доказываютъ, что смѣшеніе ć и ć было чертой, исконно свойственною сѣверноруссскому нарѣчію. Оно находится въ древнѣй-

шихъ памятникахъ новгородскаго письма, кромѣ Остр. ев. Такъ въ Минеѣ 1095 г.: оц҃ьскымь 4б, троичею въ три лича 10а, вѣньчь 15а, родительнича 14б, въ страдальчихъ 14б, въ тьмьничи 19а, и т. д. Въ Минеѣ 1096 г.: коньцанiе 15а, вѣньчьмь 17а, 50б, преже коньча 54а, срд҃цьнаѧ 64б. Въ Минеѣ 1097 г.: срд҃цьною 83б, прочвьтеть 123а. Для XII в. укажу напр. на Стих. 1157 года: паце 55а, цада 11в, объѧцьенъ 7а, цловѣкъ 97в, чьсарѧ 130а, цьто 162в, ичелениѧ 38в и др. Отъ XIII в. до насъ дошло нѣсколько новгородскихъ грамотъ; всѣ онѣ смѣшиваютъ ч и ц; напр., догов. 1265 г.: коупцины, на цѣмь то, заволоцьи; догов. 1270 г.: проць, про коупче. Въ Вопрош. Кирика: свѣцю, руче въздѣвати; въ духовной Климента: савиницѧ. Отъ XIV в. до насъ дошли новгородскія лѣтописи: Синодальный списокъ во всѣхъ трехъ частяхъ своихъ представляетъ смѣшеніе буквъ ч и ц.

§ 484. Явленіе это не ограничивалось одною Новгородскою областью. Мы находимъ его на Сѣверной Двинѣ, что видно изъ многочисленныхъ грамотъ XV в.,—въ Суздальской области, что видно, напримѣръ, изъ Лавр. лѣтописи: робичица 99 об., ѡколо Торопча 154, сѣцяхуся (впрочемъ, въ Лавр. эти случаи крайне рѣдки); также изъ Синод. рукописи 1296 года, писанной въ Сузд. области, — въ Вологдѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ.

Примѣчаніе. О распространенности изслѣдуемаго явленія на западѣ, въ Псковѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, скажу дальше.

§ 485. Современные сѣверорусскіе говоры сохраняютъ эту черту древности до сихъ поръ. Среди нихъ имѣются говоры, преимущественно цокающіе, далѣе такіе, которые замѣняютъ преимущественно ц на ч, наконецъ, говоры, представляющіе на мѣстѣ ч и ц одинъ общій звукъ — шепелявое ć.

Среди сѣверорусскихъ говоровъ многіе не смѣшиваютъ ć и ć. Думаю, что различеніе обоихъ звуковъ, этимологическое ихъ возстановленіе совершилось подъ вліяніемъ восточнорусскихъ говоровъ. Такъ напр., въ пріокской области, быть можетъ, издревле существуютъ говоры, не допускающіе смѣшенія ć и ć; весьма часто эта черта сопровождается другою, чуждою сѣверорусскому нарѣчію, а именно, редукціей неударяемыхъ и непредударныхъ о, е, а. Изъ пріокской области шла одна изъ колонизаціонныхъ волнъ, наводнившихъ Сѣверо-двинскій край: отсутствіе смѣшенія ч и ц во многихъ говорахъ Архангельскаго и Холмогорскаго уѣзда, такъ же какъ, напр., переходъ въ нихъ конечнаго о въ а, естественно признать слѣдствіемъ вліянія этой колонизаціонной волны.

Діалектическое отвердѣніе конечнаго t̀ въ 3 л.

§ 486. Современное сѣверновеликорусское нарѣчіе противополагается сосѣднимъ нарѣчіямъ—бѣлорусскому и южновеликорусскому послѣдовательно проведеннымъ во всей его области отвердѣніемъ t̀ изъ t̑ъ въ 3 л. ед. числа. Равнымъ образомъ находимъ t вмѣсто t̀ въ 3 л. мн., но въ одномъ изъ современныхъ говоровъ (въ Заонежьѣ) t̀ держится здѣсь до сихъ поръ, однако, только въ окончаніи—ut̀ (рядомъ—at). Памятники не позволяютъ признать это явленіе предшествующимъ образованію великорусскихъ (т. е. общихъ сѣвернорусскому и восточнорусскому нарѣчіямъ) особенностей. Можно указать рядъ новгородскихъ памятниковъ XIV—XV в., сохраняющихъ t̀ (пишется — ть), напр., Синод. списокъ Новгор. лѣтописи, новгородскія договорныя XIII—XIV в., Бѣлозерскую уст. гр. 1488 г. (А. А. Э. I, № 123), и мн. др.; равнымъ образомъ упорно держится t̀ на Сѣв. Двинѣ въ XV в. и даже въ XVI в. Тѣмъ не менѣе глубокая древность явленія свидѣтельствуется, во-первыхъ, широкимъ распространеніемъ его въ совр. сѣверновеликорусской области; быть можетъ, оно отчасти объясняется тѣмъ, что твердое t въ 3 л. упрочилось въ центральныхъ говорахъ великорусскихъ (напр. въ московскомъ); во-вторыхъ, показаніями памятниковъ, представляющихъ -ть уже съ XIII в. Такъ въ Новг. гр. 1257—63 и совр. копіи съ договорной 1189—99 г. находимъ: оучинитъ, придетъ, оубьютъ; въ гр. 1266—77: гоститъ; въ Русской Правдѣ по Кормч. 1282: то которыи дѣчькыи дѣтии ихъ дѣлитъ, въ двинскихъ грамотахъ XV в.: стоитъ, преступитъ, идетъ, дадутъ, дастъ, заложитъ, будетъ, восходятъ.

§ 487. Отвердѣніе t̀ произошло фонетически и указываетъ, вѣроятно, на общее стремленіе замѣнять въ концѣ слова мягкія согласныя твердыми, если этому не препятствуетъ вліяніе аналогіи со стороны случаевъ, гдѣ мягкость согласныхъ защищена положеніемъ передъ гласной; такъ въ инф. t̀ сохраняется подъ вліяніемъ — t̀i (брать, ср. нестѝ); въ им. ед. мягкія согласныя сохраняются подъ вліяніемъ косв. падежей (krov̀, ср. krovì), и т. д.

Примѣчаніе 1. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ -ть, можетъ быть, обязано вліянію церковно-слав. оригинала или церковной рѣчи, гдѣ -ть (отсюда t) могло держаться искони. — Отвердѣніе t̀ въ 3 л. извѣстно и въ сѣверномалор. и въ галицкихъ говорахъ.

Примѣчаніе 2. Возможно, что вытѣсненію t̀ черезъ t содѣйствовала связь съ формой указат. мѣстоименія тъ. На это указывало бы, во-первыхъ, діалектическое -то въ 3 л. ед.: идёто, ходито (уже отсюда о проникло во 2 л.: идёшо); во-вторыхъ, также и то, что, судя по

указанному выше говору Заонежья, твердое t явилось раньше въ 3 л. ед., позже въ 3 л. мн. Этотъ говоръ наблюдается въ сѣверной части Петрозав. уѣзда и прилегающей къ нему части Повѣнецкаго уѣзда: жнуть, насажывають, жмуть, доставають, могуть, гребуть, навезуть, придуть, ѣдуть, вышишуть; въ сказкѣ: идуть, стучатъ, гремятъ калики перехожіи (Шахм.); цитають, играють, давають, поють (Рыбниковъ).

Діалектическое измѣненіе сочетаній š́č́ и ž́ǯ́.

§ 488. Общею многимъ сѣвернорусскимъ говорамъ, быть можетъ, даже и всему сѣверному нарѣчію чертою, слѣдуетъ, кажется, признать переходъ сочетаній š́č́ и ž́ǯ́ въ š́ḉ и ž́ǯ́, гдѣ ḉ и ǯ́ обозначаютъ шепелявыя ć, ǯ́. Въ западныхъ говорахъ, какъ увидимъ, отсюда могли являться и ş́ḉ, ẓ́ǯ́ съ шепелявыми ś и ź, но въ восточныхъ говорахъ, гдѣ вообще были извѣстны только шепелявыя ḉ и ǯ́ (а не ş и ẓ́), это измѣненіе не было извѣстно. И въ восточныхъ и въ западныхъ говорахъ š́ḉ и ž́ǯ́ перешли затѣмъ въ š́χ́ и ž́j; переходъ этотъ шелъ путемъ утраты взрывнаго элемента во второй части сочетаній. Впослѣдствіи сочетанія š́χ́ и ž́j измѣнились, вслѣдствіе ассимиляціи χ́ и j предшествующимъ согласнымъ, въ š́š́ и ž́ž́; ср. подобное произношеніе въ значительной части современныхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ. Но въ XI—XIV вѣкахъ сочетанія š́χ́ и ž́j держались на новгородскомъ сѣверѣ; это доказывается, думаю, памятниками.

§ 489. Сочетаніе ž́j передавалось буквами жг, что мы находимъ въ сѣверныхъ памятникахъ, начиная съ XI в. Изобразить j черезъ г было вполнѣ естественно для писцовъ, которые въ церковномъ свое произношеніи читали г нерѣдко какъ j, ср. сдѣланныя въ § 307 указанія. Что до š́χ́, то передача этого сочетанія на письмѣ оказалась затруднительной, ибо звукъ χ́ не былъ извѣстенъ въ самостоятельномъ употребленіи; изобразить его черезъ шч представлялось, конечно, неудобнымъ. Памятники, сохраняя вообще традиціонное щ, которое читалось какъ š́χ́, имѣютъ при немъ и написаніе ш, опуская, слѣдовательно, второй элементъ сочетанія š́χ́; ср. съ этимъ передачу ž́j не только черезъ жг, но и черезъ ж.

§ 490. Приведу примѣры для жг изъ памятниковъ: дъжгь 60а, одъжги, ижгилъ 133а, въжгелавъши 144в Минея 1095 г. № 194; дъжгь 101а, дъжгемь 76в, бездъж҃ьемь 77в, въжгелѣвъши 81а Минея XI в. № 221; одъжгивъıи Стих. 1157, 80в; одъжгѧющи Майск. Минея Синод. XII в. № 166, 171в; пригвожгено Прол. XIII в. (Св. и Зам. № 87); дъжгь 84а, ѡдъжги 41а Парем. 1271 г.; дъжгь Синод. Новг. 1-й 105б; дъжгить 62в,

бездожгиѧ 59а, дожыгъ 85в Сузд. рукоп. 1296 г. Син. № 836; з' дожгемъ Комм. Новг. 1-й, 427; дъжгъ 29d, 30а, дъжгѧѣть 26а, ѡдъжгии 84с Ев. 1270 г. Примѣры изъ псковскихъ памятниковъ указаны ниже, § 496.

Примѣчаніе. Замѣчательно, что церковное жд (которому въ русскомъ языкѣ соотвѣтствовало этимологически ж) передавалось также въ произношеніи черезъ $\acute{z}\acute{z}$, откуда, согласно § 485, $\acute{z}j$. Ср. жг на мѣстѣ церковнослав. жд, напр., въ: прѣжге Минея 1095, 84а, рожгение ib. 165в, рожгеныхъ ib. 136в, побѣжгенъ ib. 164а; чюжгии Псалт. XIV в. Соф. (Д. Абрамовичъ, I, 110).

§ 491. Приведу примѣры для ж и ш, употребленныхъ какъ обозначеніе сочетаній $\acute{z}j$ и $\acute{s}\acute{x}$: бездъжье Минея XI в. № 221, 78а; въжелѣвъши, Майск. Минея XII в. № 166, 19b, ражыъсѧ ib. 53а, въжелаѥмоуоумѫ ib. 21а, ражъгъсѧ ib. 53а; въжелѣвъше Стих. 1157, 141в; въжелѣхъ Сузд. рпсь 1296 Синод. № 836, 56в, джить (вм. дъжгить) ib. 86а; иженоуть Ев. 1270, 89а, иженоутьсѧ 32а; — свѧшенъѣи, просвѣщенѧ, соудиши мѣстн. ед., съмоушаеть, възовоушаго, живоушии, поюшимъ Минея XI в. № 221; прошеніѥ Минея 1095, 116в, 141а, прошение ib. 84в; славашаѧ Минея авг. Типогр. № 125, 111 об., посѧшааго 112 об., просвѣшение 18 об.

Примѣчаніе. Не надо упускать изъ виду предложеннаго В. Н. Щепкинымъ объясненія ш вм. щ въ старослав. памятникахъ: ш можетъ свидѣтельствовать о шт оригинала, оставшемся недописаннымъ (Разс. о яз. Савв. кн., 37); возможно, что такъ же явилось ш и въ нѣкоторыхъ древнерусск. памятникахъ.

Діалектическое измѣненіе ѣ въ і.

§ 492. Монофтонгизація ѣ въ е въ сѣверноруссномъ нарѣчіи можетъ представляться чертою, общею этому нарѣчію съ восточнорусскимъ. Но переходъ ѣ въ і характеризуетъ рядъ діалектовъ сѣверноруссихъ, лишь спорадически появляясь въ восточнорусскихъ (южновеликорусскихъ) говорахъ (имѣю въ виду здѣсь, конечно, только ударяемые слоги). Это даетъ основаніе думать, что сѣверноруссное ѣ исконно отличалось по звуку отъ восточнорусскаго ѣ. Послѣднее, какъ кажется, сохраняло дольше другихъ нарѣчій то исконное различіе въ произношеніи ѣ, которое зависѣло отъ положенія его въ словѣ (ср. § 15). Вѣроятно, что общерусскій праязыкъ сохранялъ произношеніе іе въ концѣ слова и передъ мягкой согласной, рядомъ съ еѣ передъ твердою согласною; отсюда, какъ увидимъ, въ восточнорусскомъ ѣ передъ мягкой согласной, е — въ концѣ слова и передъ твердой согласной. Сѣ-

вернорусское нарѣчіе измѣнило, какъ кажется, іе въ концѣ слова и передъ мягкой согласной въ іê, а еä передъ твердой согласной въ іе, т. е. замѣнило вторыя части обѣихъ сложныхъ гласныхъ болѣе закрытыми звуками: общер. ḿеäга, ḿіеŕіłъ, guƀіе перешли въ ḿіега, ḿіêŕіł, guƀіê. Такое предположеніе объясняетъ, какъ кажется, ту различную судьбу, которую имѣло ѣ въ сѣвернорусскихъ говорахъ. Мы находимъ здѣсь, во-первыхъ, говоры, измѣнившіе іе въ е открытое, а іê въ ê закрытое; во-вторыхъ, говоры, измѣнившіе іе въ е открытое, а іê въ і; въ-третьихъ, говоры, измѣнившіе іе и іê въ ê закрытое; въ-четвертыхъ, говоры, измѣнившіе іе и іê въ і. Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ явленій входитъ въ задачу спеціальнаго изслѣдованія о великорусскомъ нарѣчіи. Здѣсь ограничусь лишь немногими указаніями.

§ 493. Приведу примѣры для говоровъ, представляющихъ на мѣстѣ исконнаго ѣ звуки і передъ мягкой согласной и ê передъ твердой и въ концѣ слова (подъ удареніемъ). Тотем. хł́іƀеć, хł́êр, gŕіł́і, gŕêu̯, i̯іś, i̯ês, śіŕе, śêга, na sv́іt́е, sv́êt, śêno, sńêk, d́іt́і, v́іńік, ońê, fśê. (О. Брокъ). Примѣры для говоровъ, представляющихъ на мѣстѣ ѣ въ концѣ слова и передъ мягкой согласной і, а передъ твердой е. Костром. у.: стрича, линь, ви́теръ, диверь, мисяцà, отдилёнъ (Н. Виноградовъ). Бѣлоз. у.: лизетъ, диверь, захтили, цидить, встриця (бр. Соколовы). Нолинск. у.: митить, симя, повисить, здись (прогр. № 52). Ярослав. губ.: отвѣтъ-отвитить, jѣсъ-jись, влѣсъ-лисьница (Тихвинск. въ Р. Ф. В. 1890 № 3). — Примѣры для говоровъ, гдѣ ѣ вообще замѣнено чередъ ê: хлêп, сêно, сêни, тêсто Пудож. (Шахм.). Примѣры для говоровъ, измѣнившихъ ѣ вообще въ і. Новгор. у. Тёсовская волость: здилаютъ, старовиры, желизна, милкой, силъ, синокосъ, хлибопашество (Н. М. Каринскій). Красноуф.: викъ, грихъ, сирый, дивка, бида, рика (прогр. № 139). Слободск.: свитъ, дило, рипа, клитка, нитъ, зивать (прогр. № 65). Пошех. у. с. Захарьевщино: хлибъ, сино, дило, мидь, нимецъ, обидня (отв. на прогр. Якушк.).

§ 494. Приведу примѣры для и вмѣсто ѣ изъ древнихъ сѣвернорусскихъ памятниковъ. Новгор. ев. 1355: тило, человикомъ, колинома, желизными, болихъ, пинязь, запричая, к жени, на мѣсти и др. (Соболевскій въ Ж. М. Н. П. 1886). Ев. до 1362: оприснокъ, о хлѣбихъ, видихъ, скорбити (ib.). Требникъ гр. Шереметева XIV в.: на колину, притикаꙗ, въ облачихъ, въ страни, въсхоти, хотиниꙗ, говиниѥ. Двинск. гр. XV в. № 28: сина, на писку, в рицки, дитемъ, въ сосъники, соби; № 54: по володинью, мисто, многогришнъıи, на Сюзми рикѣ; № 110: мисто, на литнои сторони, дитеи, в викѣ, парьфинеи, ѡндриеви^ч. Новгор. лѣт. Комм.: корилу, приихалъ, сгори, нитуть,

загорися, хоти, поболивъ, проскипомъ, медвидь, шистомъ, в городки. Новг. лѣт. по Арх. сп. XVI—XVII в.: шилъ молебны, невирно, велилъ, сино, телігы, билому, безъ отмины, ціло, поихалъ, тимѧ, повисіли, бѣлки лишей. Сб. XVI в. Соф. № 1448: восхоти, человицы, висть, писнеписець, сивере, имиа и др. (А. Поповъ, Книга бытія неба и земли). Богдан. Злат. XVI в., какъ указываетъ его изслѣдователь Л. Л. Васильевъ, обнаруживаетъ столько случаевъ употребленія и вм. ѣ, что ихъ «приходится считать не десятками и сотнями, а тысячами»: цилъ, побида, обрилъ, слипъ, линостию, извистно, свита, мисець, слипець, болизнеми, чародиемъ, бл҃говищ҃, бисовьскими и т. д. Виленск. сп. Лѣт. Авр. нач. XVI в.: в печенигы, нитоу, повелиша, разгнѣваса, дитинца, по дви нощи, по старїни. Новоросс. сп. Новг. 4-й: паче миры, прібигло, повелї, в рѣцї, за рик҃, побиди, чоловико҃, прибижавъ. Ипат. лѣт.: ефримъ, ѡслипилъ, ѡсвитиши, раздилиса, стрилити, видинье. Палея 1494: оприснокы, на холми, дивица, оузри Заор., прѣгрішивъ, и т. д.

Волог. евангеліе XVI в. Синод. арх. № 58, какъ показалъ Л. Л. Васильевъ, представляетъ такой говоръ, гдѣ ѣ передъ твердыми согласными звучитъ какъ е, а передъ мягкими какъ и: бесъ, гневъ, крепка, мероу, снегъ, векъ, опреснокъ, хлеба, слепа, делаю, задепа, ѡбрежоуть, со свещами (ж, ш, щ произносились лицомъ, писавшимъ евангеліе, очевидно твердо, въ противоположность ч, ц, остававшимся мягкими)—хлиби, винець, колини, биси, клить, вичныи, во вики, в михи, развие, довлиеть, ѡсицы, и т. д.

Примѣчаніе. Замѣна и черезъ ѣ на письмѣ доказываетъ произношеніе ѣ какъ и. Въ рядѣ памятниковъ, названныхъ выше, замѣчается это графическое явленіе, служащее такимъ образомъ подтвержденіемъ тому, что ѣ дѣйствительно произносилось ихъ писцами какъ и.

§ 495. Рядомъ съ этими данными находимъ рядъ памятниковъ сѣвернор. нарѣчія, свидѣтельствующихъ о раннемъ совпаденіи звука ѣ со звукомъ е. Такъ напр. въ Кормчей 1282 года находимъ: поръвѣть, ѡбѣль, по холопьи речи, г҃. гривне продаже, ѡ перевесехъ, железа и т. д. Во многихъ двинскихъ грамотахъ XV в. смѣшеніе буквъ е и ѣ свидѣтельствуетъ о совпаденіи этихъ звуковъ, напр. въ № 109: месту, владелъ, железа, оуделу, детемъ, перевесищо, реки; въ № 92: по ѡбе сторони, на губе, въ Левкове води, въ половине, место, темъ, собе; въ № 68: деверь, на Еванцеве жени, надобе, белъ р. мн.; въ № 81: по речкѣ, рек҃, розделнои грамоте и т. д.

Примѣчанія 1. Далеко не всякій памятникъ, смѣшивающій буквы е и ѣ, можетъ служить надежнымъ свидѣтельствомъ въ пользу смѣшенія соотвѣтствующихъ звуковъ въ живой рѣчи. Дѣло въ томъ, что

въ церковномъ чтеніи ѣ произносилось какъ е, и это неминуемо вело къ смѣшенію ихъ на письмѣ. Вотъ почему даже въ древнѣйшихъ южныхъ памятникахъ можно видѣть смѣшеніе буквъ е и ѣ. Смѣшеніе е и ѣ въ первыхъ двухъ частяхъ Синод. списка Новгор. 1-й лѣтописи, содержащихъ много архаическаго, перешедшаго изъ древняго оригинала, едва ли не обязано механическому воспроизведенію оригинала, при которомъ ѣ передавалось черезъ е; третья часть почти свободна отъ этого смѣшенія. Новгородскія договорныя XIII в. смѣшиваютъ е и ѣ въ противоположность позднѣйшимъ.

Примѣчаніе 2. Можно указать рядъ сѣверноруссскихъ памятниковъ XIV и XV в., гдѣ ѣ употребляется правильно. Ограничусь ссылкой на новгородскія договорныя XIV в. или на сорокъ двинскихъ грамотъ XV в. изъ общаго числа восмидесяти: въ нихъ не найдемъ случаевъ смѣшенія е и ѣ.

Примѣчаніе 3. Совершенно особо стоитъ вопросъ о произношеніи ѣ въ началѣ слога. Повидимому, указанный выше переходъ еа въ іе не имѣлъ мѣста въ положеніи послѣ і; сочетаніе іеа измѣнилось въ іе. Это объясняетъ намъ появленіе написанія ѥ вм. ѣ въ началѣ слога въ памятникахъ, правильно вообще употребляющихъ ѣ: ср. ѥдъ, ѿѥхалъ въ новгородскихъ договорныхъ XIV в. Равнымъ образомъ это объясняетъ, почему въ положеніи за і въ описанномъ Брокомъ тотемскомъ говорѣ ѣ совпадаетъ съ е: ср. произношеніе іеš, іes, іedu, іехаџ (правда, при іêš, іês, іêm, іêхаѓ). — Ср. § 194.

Явленія, свойственныя западнымъ и южнымъ говорамъ сѣверорусскаго нарѣчія.

§ 496. Сѣверорусы, пробившись черезъ верхнее Поднѣпровье, двинулись въ двухъ главныхъ направленіяхъ: сѣверовосточномъ, приведшемъ ихъ къ обладанію озерною областью и верхнимъ Поволжьемъ, и сѣверозападномъ—по теченію Западной Двины. Назовемъ племена, двинувшіяся въ первомъ направленіи, Словѣнами, а племена, оставшіяся въ верхнемъ Поднѣпровьѣ и занявшія бассейнъ Западной Двины, Кривичами. Кривичи—это, слѣдовательно, западная отрасль сѣверорусскаго племени. Словѣне, благодаря своему движенію на сѣверъ и сѣверовостокъ, скорѣе, чѣмъ Кривичи, отошли отъ вліянія ляшскихъ племенъ; напротивъ, Кривичи тѣсно сжились съ ними, встрѣтившись и въ области Западной Двины съ колонизаціонными волнами Ляховъ. Это повело къ лингвистическому обособленію Кривичей отъ Словѣнъ.

§ 497. Въ составъ западной отрасли сѣверноруссkаго нарѣчія входили говоры, характеризовавшіеся наличностью въ нихъ звуковъ u и u̯ на мѣстѣ общерусскаго діалектическаго ŭ; такіе говоры имѣлись и въ составѣ восточной отрасли, но тамъ господствующими были говоры, замѣнившіе исконное u̯ черезъ v и представлявшіе vъ, vь, откуда v, v́, на мѣстѣ ŭ другихъ діалектовъ.

Вмѣстѣ съ восточною отраслью говоры западной отрасли пережили слѣдующія явленія. Во-первыхъ, смѣшеніе ć и ś, а діалектически переходъ ć и ś въ ś шепелявое. Такъ находимъ въ Смоленской области смѣшеніе ч и ц въ памятникахъ XIII в. Укажу, напримѣръ, на грамоту около 1240 года: соуличами, немьчиць, коуноемьчи дат., романовиці мѣстн. и др. Также на грамоту 1229 года въ сп. А. Нѣкоторые смоленскіе памятники мѣны ч и ц не имѣютъ, напр. списки D и E съ грамоты 1229 года, также обѣ грамоты 1284 года. Отсюда, равно какъ и изъ того обстоятельства, что мѣна ч и ц извѣстна до сихъ поръ только въ сѣверной части Смоленской области, мы въ правѣ заключить, что въ Смоленскѣ обнаруживались двѣ стихіи — сѣверноруссkая и, вѣроятно, южноруссkая. Полоцкіе памятники также знаютъ смѣшеніе ч и ц; ср., напр., грам. 1265 (Р. Л. А. XXV[a]): полочькаѧ, немечькомоу; въ рижскихъ памятникахъ XIII—XIV в. мѣна ч и ц довольно обычна; можно думать, что въ Ригѣ писали на языкѣ Полоцка или Пскова. Мѣна ч и ц не чужда и совр. бѣлорусскимъ говорамъ, пограничнымъ съ сѣверновеликорусскими; ср. табацокъ, зацымъ Себеж., за цымъ, мацыхи, дыцка, падцырича Велиж., тоўкаць (= толкачь) Лепп. и др. (Карскій, Бѣлоруссы, II, 497). Это указываетъ, думаю, насколько далеко къ сѣверо-западу сидѣли сѣверноруссы. Мѣну ч и ц находимъ и въ Псковской области, напр. въ Порховск., Холмск., Великолуцк. уѣздахъ. Она извѣстна и въ древнепсковскомъ нарѣчіи, при чемъ оказывается, что нѣкоторые памятники представляютъ рѣшительное преобладаніе ц надъ ч, напр. Погод. сп. Псковск. 1-й лѣт. (Н. М. Каринскій, Языкъ Пскова, 84). Въ Палеѣ 1494 г. Н. М. Каринскій насчиталъ до 400 случаевъ мѣны ч и ц, при чемъ ц вм. ч встрѣчается значительно чаще, чѣмъ ч вм. ц (ib. 29). Быть можетъ, это доказываетъ, что въ соотвѣтствующихъ говорахъ звуки ć и ś совпали въ одномъ звукѣ, шепелявомъ ś, которое и изображалось буквой ц.

Во-вторыхъ, западные говоры получили тѣ же сочетанія ž̑j и š̑č̑, какъ и восточные, на мѣстѣ ž̑ž̑ и š̑č̑. Ср. написанія жг въ псковскихъ памятникахъ, напр. въ Ап. 1307: дожгь, надъжгити, рожгья, пригвожгъше (Собол. Очерки, 120), Паракл. 1369: дожгя, приважгяя (ib. 126), Прол. 1383: пригвожгѣнъ, рожгья (ib. 130), Типогр. пс. XIV в.: яжгеніѥ (ib. 134);

дъжгъ, дъжгеве, пригвожгенъ въ Сб. № 1262 (Каринскій); дъжгемъ, ижгеноу въ Сб. № 53/255 (Каринскій), бездожгие, дожгоу въ Сб. № 68/270 (ib.), дожгъ въ Сб. 1584 Рум. № 358, л. 279, дожга въ Синод. № 154, дожгьцю въ Ипат. 104в, въжгегъ ib. 105а. Впрочемъ, какъ вѣрно указываетъ Каринскій, жг въ псковскихъ памятникахъ употребляется сравнительно рѣдко; быть можетъ, оно заимствовано изъ новгородскихъ памятниковъ; такъ оно отсутствуетъ въ Палеяхъ 1477 и 1494 гг., между тѣмъ какъ послѣдняя обнаруживаетъ въ большомъ количествѣ черты мѣстнаго говора; характерно гж вм. жг въ Типогр. ев. XIV в. № 3 (Каринскій, 148), напр. игжену, одогжившю, что указываетъ на непониманіе начертанія жг соотв. оригинала; въ Сб. № 1262 имѣется написаніе дрождгами, въ Сб. № 53/255 ижженѣ, въ Сб. до 1584 г. Рум. № 358: дожь 273, дожа 273. Быть можетъ, ź̑j измѣнилось въ ź̑j въ псковскомъ говорѣ, что и было причиной не столь частаго употребленія написанія жг; на ź̑j указываютъ написанія дозга, наезгати, недоезгаа, съезгався въ Погод. Псков. 1-й (при дожга, дожгевны).

Въ-третьихъ, западные говоры измѣнили предположительно, такъ же какъ восточные, еа въ іе (откуда и іѣ), а іе въ іѣ. Это видно изъ наличности и вмѣсто ѣ въ древнепсковскихъ памятникахъ; примѣры выше въ § 494.

§ 498. *Шепелявыя* ś, ź. Главнымъ отличіемъ западныхъ говоровъ отъ восточныхъ было появленіе въ нихъ шепелявыхъ звуковъ ṣ̑, ẓ̑ на мѣстѣ ś, ź, поведшее за собою совпаденіе исконныхъ š и ś, ž и ź, а также смѣшеніе звуковъ š и s, ž и z. Согласно высказаннымъ выше соображеніямъ, эти явленія вызваны вліяніемъ ляшскихъ мазуракающихъ говоровъ, т. е. такихъ, которые замѣняли š и ž черезъ s и z и произносили ś и ź, какъ всѣ вообще польскіе говоры, шепеляво. Слѣдовательно, можно думать, что западные говоры сѣверноруссkаго нарѣчія смѣшали š, ž и s, z, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ замѣнили ś, ź и ṣ̑, ẓ̑ черезъ шепелявыя ś, ź. Шепелявыя ś, ź, а также смѣшеніе буквъ с, з и ш, ж въ памятникахъ сѣверозападной Руси обнаруживаются рано. Такъ въ Рижской грамотѣ около 1300 года читаемъ: лишии люди вмѣсто лисии (лихіе), смоленьще, витебьще (вм. смоленьсцѣ, витебьсцѣ). Въ псковскихъ памятникахъ, извѣстныхъ съ XIV в., смѣшеніе буквъ с, з и ш, ж весьма обычно, и оно свидѣтельствуетъ, конечно, о наличности въ Псковѣ разсматриваемаго звукового явленія. Приведу примѣры: а на то послуши Отводная зап. XIV в. Вастечской земли, что близъ рѣки Псковы (Срезн., Др. пам. 300); дъще вм. дъсцѣ Прол. 1383 г., когоздо, вразду, зѣланіе, поносеные, мъисцѣю высокою, ѡвърже очи, примѣшитиса, искушьна Ап. 1307, Павла и друзины его, поясъ сьшь (т. е. сьсь, сесь) Ап. 1309—1312; узясеся, сествия, усопсая, по-

шиси, донеши, вшю силу, прожябе Паракл. 1369, поясѣть, жерно, възлежете, дружии, всяку рожьгу Лук. ев. 1409, согрѣшиси, наказю, порадоваша сатана Палея 1494, оу снека^{x}, Ижеславъ, померже, оумнозишася Сб. Син. № 154, послину, пусками, зазгоша, снѣзна, жѧта, вжемше, на шію нощь, рѣка стоѧла помрѣзсы Погод. сп. Псков. 1-й; держаю, въ грѣшехъ, мысцею Псалт. И. Публ. Библ. (А. Сорочанъ, Р. Ф. В. 1911). пенежи, ѿ кн҃жѧ, зѧлуютсѧ, послине гр. Псковск. кн. Ив. Алекс. и т. д. (см. А. И. Соболевскій, Очерки; Н. М. Каринскій, Языкъ Пскова XV в.). Въ приведенныхъ примѣрахъ замѣнѣ черезъ ш, ж подверглись только исконно мягкія с, з; но въ нѣкоторыхъ памятникахъ видимъ такую замѣну и для твердыхъ с, з; такъ въ Погод. Псков. 1-й: шжь кн҃зь великои вм. ѕѧзъ 190, кажноу вшѫ вм. казну всю 130б; въ Сб. № 1262: крашноую, кѣшлое, пишано, смѣшломъ, ѿ помѣшлъ, грожно.

Въ современныхъ псковскихъ говорахъ это старое явленіе почти исчезло, очевидно, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ въ Псковскую область другихъ русскихъ племенъ, именно восточнорусскихъ. Только мѣстами и, повидимому, въ скудныхъ остаткахъ замѣчаются случаи замѣны с, з черезъ ш, ж, напр. Опочецк. штакан, штановой, штрашная, штякло (Тр. Моск. діал. комм.). Въ южныхъ уѣздахъ Псковской губерніи И. Е. Евсѣевъ отмѣтилъ въ единичныхъ случаяхъ произношеніе ш какъ с или сш: сшкапъ, мясоцикъ; обратно: полшотни (Ж. Ст. I, в. 3). Ж. Монмитоннэ указалъ въ Псковскомъ уѣздѣ мягкое ш въ пешня, крашива, шяштра, шито, шени, неши, вшю, шпашибо; обратно: музикъ, сазалъ, Бозе, цуза́ старана (Соболевскій въ Оп. р. діал. 30). С. К. Буличъ въ одной мѣстности Лужскаго уѣзда указалъ на произношеніе «мягкаго з близко къ польскому ź, т. е. представляющее уже переходную ступень къ мягкому ж» (прогр. № 5). Въ Новоржевскомъ у. И. И. Замотинъ въ отв. на прогр. привелъ сци вм. щи, ситина вм. щетина.

§ 499. *Отвердѣніе* р. Другимъ отличіемъ западныхъ говоровъ отъ восточныхъ могло быть твердое произношеніе р. Изъ собраннаго Н. М. Каринскимъ матеріала изъ псковскихъ памятниковъ XV в. можно заключить о твердомъ произношеніи исконнаго р въ Псковѣ. Правда, графика псковскихъ памятниковъ находилась въ сильной зависимости отъ памятниковъ бѣлорусскихъ, съ одной стороны, южнославянскихъ, съ другой; твердое р могло быть заимствовано какъ изъ той, такъ и изъ другой письменности, ср. хотя бы написанія лоу, ла, лъ и т. п. вмѣсто лю, лѧ, ль, перешедшія въ псковскія рукописи изъ южнослав. оригиналовъ. Но, во-первыхъ, отвердѣніе можно указать и въ оригинальныхъ псковскихъ памятникахъ, какъ-то въ

лѣтописяхъ и записяхъ, напр. въ Псковск. 1-й лѣт.: манастыры, патрыкеєвичь, старынахъ (ср. соображенія Н. М. Каринскаго, Языкъ Пскова, с. 181); во-вторыхъ, видимъ его въ чисто русскихъ словахъ и въ названіяхъ мѣстностей, напр. рыге, рызскои въ той-же Псковск. 1-й лѣт. (ib., с. 84—85). Можно думать поэтому, что отвердѣніе р въ древнепсковскихъ говорахъ однородно съ отвердѣніемъ р въ бѣлорусскомъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ передъ нами результатъ ляшскаго вліянія на русскій говоръ — тамъ на говоръ южнорусскій, здѣсь на сѣвернорусскій. Въ настоящее время псковскіе говоры уже не знаютъ отвердѣвшаго ṕ: думаю, что какъ въ этой ихъ особенности, такъ и въ возстановленіи этимологическихъ ж, ш — с, з, смѣшавшихся въ древнепсковскомъ наръчіи, сказалось вліяніе восточнорусовъ.

§ 500. *Цеканье и дзеканье.* Возможно, что сѣвернорусскіе говоры Смоленской, Полоцкой и Псковской области переняли у ляшскихъ племенъ также и цеканье-дзеканье. Отмѣчу, съ одной стороны, правда, скудныя показанія псковскихъ памятниковъ, какъ напр. расчиснустасѧ ему челюсти Палея 1477 (Каринскій) вм. растиснустасѧ. Съ другой стороны — наличность этого явленія въ южныхъ говорахъ псковскихъ, сосѣднихъ съ бѣлорусскими, но несомнѣнно сѣвернорусскихъ по своему происхожденію (ср. въ нихъ наличность взрывнаго g).

§ 501. *Сочетанія* gl, kl *изъ* dl, tl. Такія сочетанія на мѣстѣ общерусскаго l, въ соотвѣтствіи съ общеславянскими и совр. западнославянскими dl, tl, находимъ какъ въ древнепсковскихъ памятникахъ, такъ и въ единичныхъ, правда, случаяхъ въ современныхъ псковскихъ говорахъ: вегли, жерегло, перецок (перечелъ). Подробно объ этомъ явленіи сказано въ § 181, гдѣ приведены основанія для признанія этого явленія заимствованнымъ изъ ляшскихъ говоровъ. Исчезновеніе и этой наносной черты изъ совр. псковскихъ говоровъ однородно съ исчезновеніемъ въ нихъ другихъ наносныхъ неисконнорусскихъ чертъ — отвердѣнія ŕ, смѣшенія ś, ź съ ŝ, ẑ, и др.

§ 502. *Однородныя явленія въ юговосточныхъ говорахъ сѣвернорусской области.* Можно думать, что въ близкомъ сожительствѣ съ ляшскими племенами сѣверорусы оказывались не только въ Смоленской, Полоцкой и Псковской области, но также и восточнѣе, въ области верхняго Поволжья и Оки, если дѣйствительно эти области были нѣкогда колонизованы ляшскими выходцами, какъ о томъ повѣствуетъ Несторова лѣтопись. Не исключена, конечно, возможность и позднѣйшаго движенія съ запада въ Тверскую, Московскую и Рязанскую земли. Но устойчивость и широкое распространеніе нѣкоторыхъ звуковыхъ чертъ, уже знакомыхъ намъ изъ бѣлорусскихъ

и псковскихъ говоровъ, въ названныхъ земляхъ даютъ основаніе предполагать, что онѣ сложились уже давно и слѣдовательно, если признать ихъ ляшскими,—въ результатѣ вліянія на сѣверноруссовъ со стороны давнихъ ляшскихъ выходцевъ въ пріокскія области. Сюда относятся *цеканье* и *дзеканье*. Это явленіе отмѣчено въ Моложскомъ уѣздѣ, въ такъ называемой Ситчинѣ (бассейнѣ рѣки Сити); такъ въ Станиловскомъ приходѣ отмѣчается послѣдовательное произношеніе д и т мягкихъ какъ дз и ц: дзеревня, дзвери, дзѣти, дзядзя, идзи, зяць, цёмно, цесць, цёска (Э. С. I); въ Покровско-Ситской волости: ицёто, сцелаёшо, т. е. идзёто, здзѣлаёшо (ib.); въ отвѣтахъ на прогр. Е. И. Якушкина по Станиловской, Брейтовской и Покровско-Ситской волостямъ отмѣчено: цюрьма, цѣло, цѣсно, цеперь, цяну, дзѣвка, дзьяконъ, дзьенкёмъ, т. е. денькомъ, и др. Цеканье указывается и въ Пошехонскомъ уѣздѣ: цихо, цеперь, цѣпь, любиць, и т. д. (отвѣты на прогр. Якушк.). Въ Тверскомъ уѣздѣ, въ окающемъ говорѣ Васил. волости отмѣчено: дзенешку, до цемна (В. Черныш., Св. о нѣк. гов.). *Шепелявость* ś, ź отмѣчена проф. Будде въ вятскихъ говорахъ; возможно, что эта черта ничего общаго съ ляшскимъ вліяніемъ не имѣетъ. Но едвали можно отдѣлить отъ западнорусскаго явленія шепелявое произношеніе мягкихъ с и з въ Васил. волости Тверской губ., гдѣ имѣется и цеканье-дзеканье; такъ шепеляво произносятся здѣсь мягкія с и з, напримѣръ, въ землю, фсево, возьму, сведи; вмѣсто с и з мягкихъ здѣсь иногда просто ш и ж мягкія: кужница, вижбѣ, вжять, здѣшь, шѣили и т. д. (В. Черныш., l. c.).

Глава IV. Явленія восточнорусскія.

§ 503. Восточнорусское нарѣчіе легло въ основаніе, съ одной стороны, южновеликорусскаго нарѣчія, съ другой, бѣлорусскаго. Южновеликорусское нарѣчіе нельзя назвать прямымъ продолжателемъ восточнорусскаго потому, что оно произошло изъ той его отрасли, которая вошла въ ближайшую связь съ сѣверноруссимъ нарѣчіемъ, образовавъ вмѣстѣ съ нимъ великорусскую языковую группу. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано прямымъ продолжателемъ восточнорусскаго и бѣлорусское нарѣчіе, которое, какъ мы видѣли, представляетъ соединеніе восточнорусскихъ элементовъ съ южнорусскими и ляшскими. Отсюда слѣдуетъ, что восточнорусское нарѣчіе возстанавливается путемъ сравнительнаго изученія южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій: общія тому и другому нарѣчію явленія могутъ быть возведены къ восточнорусской эпохѣ. Такихъ явленій немного, но они сильнѣйшимъ образомъ видоизмѣнили всю древнюю фонетику. Сюда от-

носятся: редукція гласныхъ а, о, е въ неударяемыхъ слогахъ, зависѣвшее отъ нея аканье, т. е. переходъ редуцированной гласной въ предударномъ слогѣ въ а, далѣе—измѣненіе дифтонга ѣ въ е, отвердѣніе ć; кромѣ того измѣнилась въ ė неударяемая редуцированная гласная, когда, подъ вліяніемъ грамматической аналогіи, она получала на себя ударепіе. Особо должны быть разсмотрѣны явленія нѣкоторыхъ сѣверныхъ говоровъ восточнорусскаго нарѣчія.

Редукція неударяемыхъ гласныхъ а, о, е.

§ 504. Въ общеслав. праязыкѣ, какъ мы видѣли, редукціи подверглись краткія гласныя ŭ и ĭ при всякомъ положеніи по отношенію къ ударенію; позже, также еще въ общеславянскую эпоху, редуцировалось то ĭ въ концѣ слова, которое являлось на мѣстѣ ī, но только въ положеніи не подъ ударепіемъ. Такимъ образомъ въ общеслав. праязыкѣ изъ краткихъ гласныхъ свой звукъ сохранили только открытыя гласныя, точнѣе гласныя широкаго образованія о и е, между тѣмъ какъ гласныя узкаго образованія ŭ и ĭ подверглись редукціи. При этомъ ŭ еще до своей редукціи перешло изъ задняго ряда въ средній, потерявъ свою лабіализацію; слѣдовательно, редуцировались собственно ŭ и ĭ. На мѣстѣ ŭ явился звукъ ъ, на мѣстѣ ĭ звукъ ь—редуцированныя гласныя широкаго образованія.

Въ восточнорусскомъ нарѣчіи редукціи подверглись иныя по характеру своему гласныя, а именно гласныя широкаго образованія: а, о, o̯, ӧ, е, ӓ; редуцировались онѣ только въ неударяемомъ положеніи; подъ ударепіемъ эти гласныя сохранили свой первоначальный звукъ. Редукція этихъ гласныхъ стоитъ въ несомнѣнной связи съ ихъ краткостью; гласныя о, o̯, ӧ, е, ӓ были кратки исконно; но гласная а (въ общерусскомъ она восходила къ ā, ę̄, ă̄) было исконно долгой; полудолгой она становилась въ общеслав. праязыкѣ при извѣстныхъ условіяхъ, а сокращенію подверглась тамъ только въ концѣ слова. Въ виду этого можно думать, что редукціи неударяемаго а предшествовало его сокращеніе. Дальнѣйшее заключеніе отсюда сдѣлаемъ ниже, а теперь укажу, какія редуцированныя гласныя замѣнили названныя гласныя полнаго образованія. На мѣстѣ а послѣ твердой согласной и о (извѣстной только послѣ твердой согласной) явилась гласная редуцированная (короче краткой) средняго ряда, которую условно обозначимъ буквой α: общерусск. vodá, xvaĺí, storoná, staŕikú, lĭ́pa, próso, vółosy, ná vodu и т. п. измѣнились въ vαdá, xvαĺí, stαrαná, stαŕikú, lĭ́pα, prósα, vółαsy, ná vαdu; этотъ звукъ сохранился до сихъ поръ въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, напр. въ московскомъ нарѣчіи—въ положеніи въ непредударномъ слогѣ (въ словахъ, какъ старику, волосы, на воду, просо, липа, которыя

могутъ быть условно транскрибированы, какъ стърику, волъсы, на въду, просъ, липъ, если изображать редуцированный звукъ черезъ букву ъ), въ калужскихъ и смоленскихъ говорахъ также и въ предударныхъ слогахъ (събака, въда, къбак), и т. д. На мѣстѣ а послѣ мягкой согласной, ȯ, ö, е, ä (извѣстныхъ только послѣ мягкой согласной) явилась гласная редуцированная (короче краткой) передняго ряда, которую условно обозначимъ буквой ε: общерусск. ṕaťí, pŕamói̯e, gŕadá, śöłó, žȯná, kóźa, vóľa, prośíťä, ńeśí, b́ěľíła, słáv́ě, v́eśöłá, ṕataká и т. п. измѣнились въ ṕεťí, pŕεmói̯ε, gŕεdá, śεłó, žεná, kóźε, vóľε, prośíťε, ńεśí, b́εľíłα, v́εśεłá, ṕεtαká; звукъ ε сохранился до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ; въ московскомъ, егорьевскомъ и др. онъ измѣнился въ предударномъ слогѣ въ звукъ е полнаго образованія (моск. ė, егор. е), но въ большей части онъ перешелъ въ і (пити, грида, сило, висила, питака, ниси, слави).

Примѣчаніе. Какъ увидимъ, редуцированные звуки α, ε въ рядѣ случаевъ замѣнены въ разныхъ говорахъ гласными полнаго образованія частью подъ дѣйствіемъ звуковыхъ причинъ (напр. въ предударномъ слогѣ, какъ vadá, ńaśí), частью подъ вліяніемъ аналогіи (напр. въ конечномъ слогѣ, въ случаяхъ какъ vóľa, słáva).

§ 505. Редукція широкихъ гласныхъ неударяемыхъ при сохраненіи безъ измѣненія узкихъ неударяемыхъ гласныхъ можетъ быть объяснена двоякимъ путемъ: или такъ, что сохраненіе узкихъ гласныхъ при редукціи широкихъ зависѣло отъ того, что редукція поражала только широкія гласныя (тогда какъ въ общеслав. праязыкѣ или позже, въ словенскомъ языкѣ, редукція поражала только узкія гласныя); или такъ, что редукція поражала только краткія гласныя и не распространялась на долгія (отсюда слѣдовало бы, что въ восточнорусскомъ нарѣчіи исконное ā стало краткимъ, между тѣмъ какъ исконныя ī, ȳ, ū сохранили свою долготу). Я склоняюсь признать болѣе вѣроятнымъ второе объясненіе, имѣя въ виду высказанныя ниже, въ § 506, соображенія въ пользу того, что дѣйствительно и подъ удареніемъ исконное ā сократилось, между тѣмъ какъ ī, ȳ, ū, ē сохранялись долгими. Принимаю поэтому, во-первыхъ, сокращеніе исконно долгихъ гласныхъ широкихъ, т. е. звука а различнаго происхожденія; оно могло имѣть мѣсто еще въ общерусскомъ праязыкѣ, но возможно, что сокращеніе произошло позже, въ восточнорусскомъ нарѣчіи; вслѣдствіе такого сокращенія оказывалось, что всѣ широкія гласныя кратки, всѣ узкія долги; ср. подобныя отношенія во многихъ совр. европейскихъ языкахъ. Во-вторыхъ, принимаю редукцію всѣхъ краткихъ (т. е. широкихъ) гласныхъ въ положеніи ихъ не подъ удареніемъ; это явленіе уже спеціально восточно-русское.

§ 506. Въ общеслав. праязыкѣ появленіе редуцированныхъ гласныхъ вело за собой удлиненіе гласной предшествующаго слога; мы видѣли, что краткая гласная переходила при этомъ въ полудолгую, а полукраткая въ краткую (nosъ̆ съ ŏ, sъnъ̆ съ ъ краткимъ въ первомъ слогѣ). Въ восточнорусскомъ нарѣчіи замѣчалось, думаю, сходное явленіе, но удлиненію подверглась гласная не предшествующаго слога, а сосѣдняго слога ударяемаго. При этомъ, однако, удлинялись не всѣ гласныя, а только тѣ, которыя могли быть вообще долгими. Согласно § 504 долгими могли быть только узкія гласныя, слѣдовательно, гласныя і, у, u, ѣ (i̯e); равнымъ образомъ могло удлиняться исконное о подъ восходящимъ удареніемъ, ибо согласно § 322[1], оно звучало въ этомъ положеніи какъ u̯o. Напротивъ, не могли удлиняться гласныя а, ä, ö, е, — и также о не исконное, а восходящее къ ъ. Останавливаясь пока только на слогахъ предударныхъ, видимъ, что, при наличности здѣсь редуцированной полукраткой гласной, въ слѣдующемъ ударяемомъ слогѣ могли стоять или гласныя долгія узкія (типъ ˘ ´), напр. nαśí, prαšū́, b́εŕí, stαłȳ́, kαl'ѣ́nα, kαrώvα, ṕεrώ, или гласныя краткія широкія (типъ ˘ ˘́), напр. ṕεrá, v́εśöĺyǐ, vαdá, b́εŕéḿεńi, ṕεróm. Въ восточнорусскомъ нарѣчіи слова второго типа (˘ ˘́) сохранялись безъ измѣненія; напротивъ, еще въ восточнорусскую эпоху слова перваго типа (˘ ´) должны были подвергнуться измѣненію, вслѣдствіе наступившаго здѣсь общаго сокращенія долгихъ гласныхъ; сокращеніе долгой ударяемой гласной имѣло слѣдствіемъ удлиненіе полукраткой гласной предшествующаго слога; удлиняясь, α (полукраткая редуцированная гласная средняго ряда) переходило въ а; ε (такая же гласная передняго ряда) переходило въ однихъ діалектахъ въ а, а въ другихъ въ ė, т. е. въ звукъ средняго ряда полнаго образованія, или въ е, т. е. въ звукъ передняго ряда полнаго образованія. Такимъ образомъ, еще въ восточнорусскую эпоху nαśí, prαšū́, stαłȳ, kαl'ѣ́nα, kαrωvα, b́εŕí, v́εdū́, ṕεrώ перешли, въ результатѣ сокращенія ударяемой гласной, въ naśí, prašú, stałý, kal'ѣ́na, karώvα; далѣе—въ однихъ діалектахъ: b́aŕí, v́adú, ṕarώ, въ другихъ b́ėŕí, v́ėdú, ṕėrώ, въ третьихъ b́eŕí, v́edú, ṕerώ. Противоположеніе двухъ установленныхъ нами для восточнослав. эпохи рядовъ: ˘ ´ (откуда ˘ ˘́) и ˘ ˘́ доказывается отношеніями, господствующими до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Разсмотрѣніе такихъ говоровъ можетъ служить доказательствомъ выставленной выше гипотезы во всемъ ея объемѣ, т. е. въ объемѣ всѣхъ заключающихся въ ней положеній: 1) о существованіи двухъ рядовъ ˘ ˘́ и ˘ ˘́ въ восточнорусскую эпоху, различавшихся въ удар. слогѣ тѣмъ, что въ рядѣ ˘ ˘́ это была узкая гласная, а въ рядѣ ˘ ˘́ широкая, 2) о происхожденіи ˘ ˘́ изъ ˘ ´, 3) о сокра-

щеніи широкихъ гласныхъ и сохраненіи долготы узкихъ гласныхъ въ эпоху, предшествующую редукціи, 4) объ удлиненіи узкихъ гласныхъ, вызванномъ редукціей въ предшествующемъ слогѣ. Но сначала сдѣлаю нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній относительно природы гласныхъ ударяемыхъ.

§ 507. Природа широкой гласной a, узкой гласной ū не требуетъ дополнительныхъ разъясненій; равнымъ образомъ не нуждаются въ нихъ гласныя широкія ȯ, ö, замѣнившія e передъ твердой согласной, ни также ä, замѣнившее e въ концѣ слова. Что до звука e передъ мягкой согласной, то его звукъ, какъ видно и изъ современныхъ діалектическихъ данныхъ, былъ широкимъ—и это въ противоположность господствующему теперь и въ южновеликорусскомъ и въ бѣлорусскомъ узкому произношенію его передъ мягкой согласной (ср. моск. saĺêńjα, ďɛŕev́êńkα при предполагаемомъ восточнорусскомъ saĺeńjɛ, ďɛŕev́eńkα; ср. обоянск. дириванька, не дирявенька); ср. съ этимъ сохраняющееся до сихъ поръ широкое произношеніе e передъ мягкой согласной въ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, напр. въ тотемскихъ (у Брока: e не ê въ sťeĺut, ťeŕek, ćeĺniśa и т. д.). Звукъ ȳ имѣлъ при себѣ исконно краткую разновидность ў; а именно, какъ мы знаемъ, въ положеніи передъ j̆ звукъ u былъ кратокъ (§ 33 прим. 2); краткое u, въ противоположность ū, было звукомъ широкаго образованія въ общерусскомъ праязыкѣ: это видно изъ перехода его въ великорусскомъ нарѣчіи въ o (рою, худой); вслѣдствіе этого оно не подверглось удлиненію въ зависимости отъ редукціи въ предшествующемъ слогѣ: восточнорусск. prαstyĭ, śv́ɛtyĭ, не prastyĭ, śv́atyĭ (ср. обоянск. свитой, не святой). Равнымъ образомъ ī имѣло при себѣ краткую разновидность ĭ; какъ мы знаемъ, звукъ i въ положеніи передъ j̆ былъ кратокъ (§ 36 прим. 1), и это краткое i, въ противоположность ī, было звукомъ широкаго образованія въ общерусскомъ праязыкѣ: это видно изъ перехода его въ великорусскомъ нарѣчіи въ e (шея, пей); вслѣдствіе этого оно не подверглось удлиненію въ зависимости отъ редукціи въ предшествующемъ слогѣ: восточнорусск. tŕɛĺĭĭ, не tŕaĺĭĭ (ср. южновеликор. тритéй, не трятéй).

§ 508. Изъ предидущаго мы видѣли, что восточнорусское нарѣчіе имѣло два o: одно изъ нихъ восходитъ къ исконному o, которое подъ восходящимъ ударéніемъ переходило въ ω (т. е. uo): kω̆a, narωda, karωva, другое произошло изъ ъ и подъ восходящимъ ударéніемъ не подлежало переходу въ ω: śɛĺom, ṕɛsok̆. Въ § 323 мы сдѣлали отсюда выводъ, что растяженіе o подъ восходящимъ ударéніемъ въ ω произошло до перехода ъ въ o, ибо иначе замѣнѣ черезъ ω подверглось бы и это o. Едва ли было бы осторожно вывести отсюда что редукція широкихъ неударяемыхъ гласныхъ произошла до паденія глухихъ: совр. діалект. южновеликорусское śaĺω при

śiłom ведетъ къ восточнорусскому śałώ при śεłom и далѣе къ śεłω̄ при śεłom, восходящимъ къ śöłω при śöłom; редукціи ö подверглось уже тогда, когда въ слѣдующемъ слогѣ на мѣстѣ исконныхъ о и ъ явились ω и о.

Что до звука, соотвѣтствующаго исконному ѣ, то онъ, согласно даннымъ, представляемымъ нѣсколькими южновеликорусскими говорами, не потерялъ своей дифтонгичности въ восточнорусскую эпоху, но она удерживалась только подъ удареніемъ; въ неударяемомъ положеніи іе рано измѣнилось въ е; ср. отсутствіе дифтонгизаціи о въ u̯o въ неударяемыхъ слогахъ и дифтонгизацію его подъ восходящимъ удареніемъ. Вслѣдствіе этого подъ удареніемъ исконное ѣ было звукомъ узкимъ, а въ неударяемомъ положеніи широкимъ; редуцируясь въ этомъ послѣднемъ положеніи, оно подъ удареніемъ сохраняло долготу, удлиняясь за редуцированною гласной: b̆ѣdá, b̆ѣl̆íť, перешли въ b̆εdá, b̆εlíť, откуда b̆al̆íť; l̆eťѣť, na śel̆ѣ перешли въ l̆εťѣ̄ť, nα śεl̆ѣ̄, откуда l̆aťѣ̄ť, nα śal̆ѣ̄.

§ 509. Приведу данныя изъ современныхъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, подтверждающія выставленныя положенія. Главнымъ образомъ подлежитъ доказательству, что въ восточнорусскую эпоху рядомъ съ типомъ ˇ ˘ (съ широкой гласной подъ удареніемъ) существовалъ типъ ˘ ˘ (съ узкой гласной подъ удареніемъ). Эти два типа наблюдаются, напримѣръ, въ слѣдующихъ говорахъ: обоянскомъ, землянскомъ и задонскомъ, мосальскихъ и жиздринскихъ, донскихъ, смоленскихъ, могилевскихъ и другихъ бѣлорусскихъ.

Въ обоянскомъ говорѣ, представленномъ многочисленными записями И. И. Машкина, сохранились весьма послѣдовательно старыя отношенія, но только послѣ мягкихъ согласныхъ; послѣ твердыхъ они стерлись, при чемъ остается неяснымъ, стерлись ли они только въ письменной передачѣ Машкина (который могъ затрудняться при передачѣ звука α и условно могъ передать его буквой а, обозначающею и гласную полнаго образованія), или также и въ живой рѣчи (мы увидимъ, что во многихъ говорахъ предударныя α и ε замѣнялись подъ вліяніемъ звуковой аналогіи гласными полнаго образованія). Послѣ мягкихъ согласныхъ въ обоянскомъ говорѣ сохранились оба указанные выше типа: *типъ* ˇ ˘, когда подъ удареніемъ находятся звуки а, о изъ ъ, о изъ ȯ, о изъ ö, о изъ ў (ы), е; *типъ* ˘ ˘, когда подъ удареніемъ находятся звуки і, u, у (ы), е изъ ѣ, о изъ исконнаго о (при чемъ весьма вѣроятно допустить его произношеніе какъ u̯o или какъ ô). Закономѣрность чередованія въ записяхъ Машкина обоихъ типовъ, при чемъ на мѣстѣ ˇ послѣдовательно является і, а на мѣстѣ предударной краткости — а, была впервые указана Л. Л. Васильевымъ, познакомившимся съ этими записями по печатному ихъ изданію въ

Курскомъ сборникѣ. Замѣчательное наблюденіе Л. Л. Васильева подтвердилось вполнѣ подлинными рукописями Машкина, относящимися къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія и хранящимися въ И. Геогр. Обществѣ и И. Академіи Наукъ. Приведу рядъ примѣровъ для обоихъ типовъ, оговаривая, что нарушеніе закономѣрности почти совсѣмъ незамѣтно въ этихъ записяхъ. Примѣры для типа ˘ ˚ (i–+á и т. д.): пинькя, дивятай, рика, митла, нимой, риткомъ, зитёкъ, питакъ, визать, бире, правиде, свикровья, винецъ, злыи дила, биремя, диревья, съ диньгами, дапикать, жирёлакъ, типерь, дивчонка, слипой, напиречить, пиривёслы, къ мистечку, свитецъ, у зитья, динёчки, чиломъ вамъ, брихачка, пратиной (сдѣланный изъ пеньки или льна), свитой, тритьякъ, билóкъ, липёха, рибой, пичалитца, падвичóркавать, тисать, шшипóтникъ (крестящійся щепотью), шимиткóй (торопливый), улипётавать, абрижáтца, рибёнка, тв. ед. силомъ, мишокъ, клитьба (клятьба), книзёкъ, залигать, зимля, у пирвой, тилокъ, тилята, стиречь, спирва, диревню и др. Примѣры для типа ˘ ˚ (а–+í и т. д.): кядрóвай, пянькёвай, сяло, крястовай, мястовъ, дяловъ, на сядлу, бялѣича, вядметь, яму, у бяду, нявѣсту, падвяжи, сястрицы, брявно, бряхунъ, падъ мяжою, вярзила, вястима, галянистай, дапяку, матяршиною, заглядѣлси, у кляти, у курянѣ (курень), увяздѣ, нясгóда, пиряѣхали, жняцы, пирвясло́, къ сваяму мастярству, палятѣлъ, сябры, пазилянѣла, навсягды, тялѣга, у яздѣ, святлица, къ стянѣ, бирявно, бряховка, стрянýтца, дявуня, жалѣзы, ляшшина (орѣшина), макрядина, стрякучка, тряплó, учанúкъ, шимятнýтца (торопливо, опрометливо броситься), бязъ гривны, тяплѣя, р. ед. зямли, стюдяно, нябось, р. ед. клятьбы, вядро, у бяду, залягло́, рядно, зярно, плясуха, свякруха, святыи, съ камушка бялова, и др. Исключенія, какъ указано, почти неизвѣстны. Тѣ, которыя на лицо, объясняются вліяніемъ другого говора: пирхóта, ляхá (при лихá, вин. ляхý), рябой (въ пѣснѣ), царкóвнай, сябёръ (при сибёръ), сибрóвшина при сябрóвшина, ядрёнай при йдрёнай (й=jи), астирвинúтца, дивчуръ при дявчуръ («мужчина, особенно расположенный къ дѣвицамъ») и немн. др. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣемъ вліяніе аналогіи: сябёръ подъ вл. сябры. Случаи какъ йго, йму вм. яго, яму явились въ слабоударяемомъ положеніи.

Представленный записями В. И. Тростянскаго говоръ Землянскаго и Задонскаго уѣздовъ Воронежской губерніи обнаруживаетъ тѣ же отношенія, что обоянскій, опять таки послѣ мягкихъ согласныхъ. Типъ ˘ ˚ является, когда подъ удареніемъ находятся гласныя а, о изъ ъ, о изъ ȯ, о изъ ӧ, о изъ ў, е. Примѣры: тв. ед. перóм, венок, селенья, деревню, завезала, везе, лисочкям, девчонка, ребята, бере, ва зелёнай сат, цветочки, метёлачкя, насерётки, раствелá, свекровья, лесок, дьечок, беда, зернá, берёзу, на плечам,

серпом, теперь. Типъ ˘ ˚ является, когда подъ удареніемъ гласныя і, у, u, іе изъ ѣ, цо изъ исконнаго о. Примѣры: ляти, сняси, лятіел, збяру, ребятишшав, у зелянўом саду, вядуть, ў сялўо, пязгўода, слядўов, стрялўою, пярўо, дяржи, твяти, слязўою, с дятьми, ва лясу, сястрицы, рявнивай, читвярик, на бясіедя, далякўо. Немногочисленныя исключенія объясняются вліяніемъ другихъ говоровъ: сядая борода, бяда, слядочки, па залатым пясочкям, за рашоткою, часочик, падняла, ва слязах, наняла, ня знаю, шшалкала. Въ случаяхъ, какъ у нево, ничево, севодня, ево, тваево, вліяніе другого говора обнаруживается и на звукѣ в вм. южновеликорусскаго γ.

Въ мосальскихъ и жиздринскихъ говорахъ, по моимъ наблюденіямъ, различіе типовъ ˘ ˚ и ˘ ˚ замѣчается какъ послѣ мягкихъ согласныхъ (въ предударномъ слогѣ чередуются і и а), такъ и послѣ твердыхъ согласныхъ (въ предударномъ слогѣ чередуются ɑ, откуда ы, у,—и а). Типъ ˘ ˚ господствуетъ, когда подъ удареніемъ находится гласная а. Примѣры послѣ твердой согласной: дɑсада, Тытьяна, пупал, пуправили, сɑмуварчик, пышла, ны масло, пɑжар, пурядɑшна, не лɑмайтя, Нɑтапга, сɑбака, дычка, у пɑпа, для скыта, дыжжа, кыбак, глыза, кылпак, жына, и т. д. Примѣры послѣ мягкой согласной: зимля, лиса, бида, тилятɑм, слипая, нильзя, атприγать, взила, авсица, пɑчивать, лиγавɑя, систра, пинькя, питнацать и т. д. Напротивъ, господствуетъ типъ ˘ ˚, когда подъ удареніемъ находятся узкія гласныя і, у, u. Примѣры: мятлы р. ед., жанился, пɑбяγу, лимяши, гряши, дирявушка, жану, пляту, зямли, ня думай, ў лясу, рɑздялить, пяску, цалѣе, и т. д. Въ случаяхъ, гдѣ подъ удареніемъ находятся звуки о или е (изъ е и ѣ), замѣчается колебаніе, въ особенности послѣ мягкой согласной. Такъ, напримѣръ, въ предударномъ слогѣ является і (типъ ˘ ˚) въ случаяхъ: питьсотъ, нидѣля, дитей, забиреть, тилѣγа, типеря, γлидѣть, видметь (преимущественно передъ е); въ предударномъ слогѣ является а (типъ ˘ ˚) въ случаяхъ: пясок, вядром, верьтяно, Хвядотьевна, бядовай, нямношко, сямой, стяклом, зялёнай, сярёх, пиряхот, лясоў, царькобный, яшшо, вядро, зямельки, жалѣзо (преимущественно передъ о).

Сходныя отношенія держатся въ смоленскихъ говорахъ, какъ можно судить по записямъ В. Н. Добровольскаго. Типъ ˘ ˚ при ударяемомъ а. Примѣры послѣ твердой согласной: пыга, быяръ, удыва, стыкана, скыта, дысаду, пылаты, пупа, дурука, лумать, лупату. Примѣры послѣ мягкой согласной: дила, вирьхами, бирна (бревна), чирвякъ, глидять, ни плачъ, у твитахъ, рика, двиряхъ, жирибца. Типъ ˘ ˚ при ударяемыхъ і, у, u, ѣ. Примѣры: тялѣгу, дятьми, сваяму, кастяную, Дняпру, пирякстимъ, языкъ. Когда подъ удареніемъ звуки о или е, въ предударномъ слогѣ колебаніе, въ

особенности послѣ мягкой согласной: бязъ денихъ, сяребриная, скатярётку, плячо, ляснэй, дяньжонки; висельля, скатиряткыю, жирибецъ, систёръ, типерь (возможно, впрочемъ, что написанія съ и обязаны ошибкѣ, ср. рядомъ: вясельля, скатяретку).

Рядъ могилевскихъ говоровъ, судя по записямъ Е. Р. Романова, представляютъ господство типа ˘ ˘, когда подъ удареніемъ а. Примѣры послѣ тв. согл.: гыряць, твыя, скызавъ, пыславъ, пыставила, балывався; послѣ мягкихъ: узила, дзисятку, зыглидався, косьцина́я, ина, двинатцыць, съ тримя, звизавъ, рибяты, поцикла, симнатцыци, спишаць, клищами, зьвинчались, крихцяць, и т. д. Рядомъ видимъ типъ ˘ ˘ при ударяемыхъ і, у, и, ѣ, о, е. Напримѣръ: зыбяре́мила, дяцёнкымъ, пяро́дныя дычка́, пытрябила, пяку́ць, пыляцѣвъ, грябиця, яе, яны, цяперь, сьпячи́, сяребриная, масьцяры́, нявѣстки, пысячець возъ дровъ, упярёдъ, либядзиныя пяро, ряку, и т. д. (Мстиславск. у., Ром. VI, 178—188). Или въ Климов. у.: послѣ твердой согласной: хызяину, булува́тца; послѣ мягкой, при удар. а: отвичаиць, ни знаиць, пириночивавъ, повиньчавъ, разьдзиватца, по лисахъ; рядомъ, при ударяемыхъ і, у, и, ѣ, о, е: вярёвки, нямного, бярець, вянецъ, полядзѣвъ, яны, шарсьцинка, зывядзиця, пяро, вяликъ, нязьвѣсно, приняси, къ яму, у цябе, дзяржись, зьвярьё (Ром. VI, 70—81). Или въ Сѣнн. у.: послѣ твердой согласной: кызавъ, пыдъ камиць, нычавъ, пызадъ, гылывами, ныгами, кыня, сыбакъ; послѣ мягкой при удар. а: заижжавъ, дзивицьмя, литаюць, пувчиса, навизала, зимля, обнила, зыклила, зьмія; рядомъ, при удар. і, у, и, ѣ, о, е: зялѣзную, бяжиць, мядьвѣдь, зынясець, поляге́нько, яе, цячець, клянину, ляжиць, скро́сь зямлю, зьмяю (Ром. VI, 382—394).

Въ средне-донскомъ говорѣ, описанномъ Калмыковымъ (Изв. II Отд., т. III), послѣ твердыхъ согласныхъ находимъ всегда ˘ ˘, но послѣ мягкихъ ˘ ˘ чередуется съ ˘ ˘, въ зависимости отъ того, какая гласная находится подъ удареніемъ. При ударяемыхъ і, и, у находимъ а: бяру, бярусь, часы, няси; при ударяемыхъ а, е, о находимъ і: рика, рикою, висло, слиза, ширстиной, гриховъ, глидять, нисеть, къ виснѣ, и т. д.

§ 510. Бо́льшая часть южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ отступили однако отъ сложныхъ отношеній восточнорусской эпохи. Изъ двухъ типовъ ˘ ˘ и ˘ ˘ второй получилъ перевѣсъ надъ первымъ и вытѣснилъ его. Такимъ образомъ въ предударныхъ слогахъ была проведена однообразная система. Сюда относятся, напр., московское нарѣчіе и сходныя съ нимъ, гдѣ послѣ твердыхъ согласныхъ послѣдовательно проводится а, послѣ мягкихъ согласныхъ ѐ (і); напр. вада, гаре́т', каре́т', нашу́, паро́к, храмо́й — сѐло́, сѐвѐтой, бѐда́, вѐди́, мѐли́, чѐсу́. Также нѣкоторые тульскіе,

южнорязанскіе, тамбовскіе, виленскіе и др. говоры, гдѣ въ предударномъ слогѣ является а въ положеніи какъ за твердыми, такъ и за мягкими согласными: наγá, паю́, балит́-бядá, вязу́, няси́, гнядо́й, и т. д. — Въ нѣкоторыхъ говорахъ природа звука предударнаго слога обусловливалась вліяніемъ слѣдующей за нимъ согласной, при чемъ передъ твердой согласной являлось а, передъ мягкой і: нясу́, пярб́, жаны́, вялá — нися́, пи́рина, жы́них, ви́ли. — Подробное разсмотрѣніе различныхъ системъ «аканья», т. е. замѣны редуцированной гласной въ предударномъ слогѣ, относится къ спеціальнымъ очеркамъ южновеликорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій.

§ 511. Повторю еще разъ доводы въ пользу предложенной выше гипотезы, разъясняющей происхожденіе аканья. Разсматривая всѣ системы аканья, включая сюда и тѣ, которыя упомянуты выше въ § 508, ни одну изъ нихъ мы не можемъ признать первоначальною. Дѣйствительно, появленіе редуцированныхъ гласныхъ на мѣстѣ а, о, е неударяемыхъ было несомнѣнно слѣдствіемъ одного общаго закона, распространявшаго свое дѣйствіе одинаково какъ на слоги предударные, такъ и на прочіе неударяемые слоги; между тѣмъ во всѣхъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ видимъ въ предударныхъ слогахъ также и звукъ а полнаго образованія; только въ части этихъ говоровъ находимъ кромѣ а или рядомъ съ а также и звуки неполнаго образованія (откуда у, і); въ виду этого такіе говоры должно признать архаичными и среди нихъ наиболѣе архаичными тѣ, въ которыхъ чередованіе гласныхъ неполнаго образованія и гласной а зависитъ отъ природы ударяемой гласной, ибо подобное различеніе гласныхъ въ предударномъ слогѣ должно быть признано болѣе древнимъ состояніемъ, чѣмъ то однообразіе, которое наступало, въ силу естественнаго вліянія звуковой аналогіи, въ другихъ говорахъ. Если мы допустимъ, что измѣненіе неударяемыхъ звуковъ о, а въ словахъ vodá, xožú, krasáv́ica, staŕiká, staŕík, posyłáť происходило подъ дѣйствіемъ одного общаго закона о редукціи, мы должны ждать вмѣсто нихъ въ древнѣйшемъ періодѣ одинаково: vɑdá, xɑžú, krɑsáv́ica, stɑŕiká, stɑŕik, pɑsyłáť. Ясно, что говоры, сохранившіе ɑ въ случаяхъ vɑdá, krɑsáv́ica, этой чертой своей древнѣе тѣхъ, которые имѣютъ vaɫá, krasáv́icɑ (при stɑŕiká, pɑsyłáť). Непервоначальность а въ этихъ говорахъ въ слогѣ предударномъ слѣдуетъ и изъ общихъ соображеній. Если звукъ а въ неударяемомъ слогѣ подлежалъ редукціи, то какимъ образомъ могъ бы онъ сохраниться въ случаяхъ, какъ samá, krasáv́icɑ, maĺína, staŕík? И какимъ образомъ а могло оказаться къ тому же замѣстителемъ звука о, такъ же какъ а, подлежавшаго редукціи, въ словахъ, какъ vadá, našú,

kasíť и т. д., вмѣсто vodá, nošú, kosíť? Если бы мы предположили, что положеніе въ предударномъ слогѣ способствовало сохраненію звука, при чемъ, слѣдовательно, на него не распространялся законъ о редукціи, то непонятно, почему звукъ o не сохранился въ предударномъ слогѣ, а перешелъ въ a. Изъ предидущаго слѣдуетъ, что наиболѣе архаичными должно признать тѣ говоры, которые въ наибольшемъ числѣ случаевъ сохранили ɑ въ слогѣ предударномъ. И если въ этихъ говорахъ въ предударномъ слогѣ всетаки является и a, то это a не можетъ быть древнимъ: ясно, что оно замѣнило ɑ подъ вліяніемъ той или иной звуковой причины. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что переходъ ɑ въ a ограничивался опредѣленными условіями, стоящими въ прямой связи съ природой ударяемой гласной,—что онъ былъ вызванъ ею. Въ предударномъ слогѣ, согласно всему сказанному, первоначально являлось ɑ; если же вмѣсто ɑ здѣсь явилось a, то, слѣдовательно, въ природѣ ударяемой гласной произошло извѣстное измѣненіе, повлекшее за собой измѣненіе гласной предударнаго слога. Переходъ полукраткой редуцированной гласной ɑ въ краткую гласную полнаго образованія a можно опредѣлить какъ удлиненіе звука. Ясно, что это удлиненіе вызвано тѣмъ или инымъ измѣненіемъ ударяемой гласной. Всего вѣроятнѣе допустить, что количественное измѣненіе предударнаго слога вызывалось количественнымъ же измѣненіемъ слога ударяемаго; если предположимъ, что гласная подъ удареніемъ, бывшая долгою въ силу редукціи гласной предшествующаго слога, сократилась (по общему закону о сокращеніи долгихъ гласныхъ), то заключимъ, что именно такое сокращеніе ударяемой гласной было прямою причиной перехода ɑ въ a въ предударномъ слогѣ. Но, какъ мы видѣли, передъ слогомъ съ ударяемыми i, u, y неизвѣстны ни ɑ, ни ɛ ни въ одномъ бѣлорусскомъ и южновеликорусскомъ говорѣ; отсюда заключаемъ, что сокращеніе i, u, y произошло еще въ восточнорусскомъ періодѣ, но уже послѣ редукціи неудар. гласныхъ; напротивъ, передъ слогомъ съ ударяемымъ a весьма распространенно произношеніе съ ɑ и ɛ въ предударномъ слогѣ до сихъ поръ; довольно часто найдемъ ɑ и ɛ также передъ слогомъ съ ударяемымъ o (въ нѣкоторыхъ говорахъ только съ такимъ o, которое восходитъ къ ъ и къ e) и съ ударяемымъ e; отсюда заключаемъ, что a, o (изъ ъ), e оставались краткими въ слогѣ подъ удареніемъ, несмотря на редукцію гласной предшествующаго слога, въ восточнорусскомъ періодѣ. На этомъ построено наше предположеніе о томъ, что гласная a сократилась въ восточнорусскомъ нарѣчіи, а можетъ быть, еще и въ общерусскомъ праязыкѣ раньше, чѣмъ гласныя i, u, y, ô, ê.

§ 512. Въ предъидущемъ мы разсматривали только гласныя слога предударнаго и выясняли причину замѣны въ этомъ слогѣ ɑ, ɛ черезъ a. Что

до такой же замѣны въ концѣ слова, то она довольно распространенна и въ бѣлорусскихъ и въ южновеликорусскихъ говорахъ. Не сомнѣваюсь въ томъ, что въ этомъ отношеніи произношеніе московскаго нарѣчія, гдѣ находимъ α и ε въ такомъ положеніи, болѣе архаично, ибо, конечно, слѣдствіемъ закона о редукціи долженъ былъ быть переходъ a, o въ α, напримѣръ, въ словахъ, какъ sława, słova (им. ед.), domα, m̀iłα (нарѣчіе), и т. д. Если на мѣстѣ α, ε находимъ діалектически звукъ a, то это можетъ быть слѣдствіемъ только той или иной позднѣйшей причины. Возможно, что и здѣсь переходъ α въ a въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ, должно понимать какъ удлиненіе полукраткаго α, вызванное сокращеніемъ гласной въ ударяемомъ слогѣ. Такимъ образомъ пришлось бы допустить, что, прежде всего a явилось въ случаяхъ, какъ śíła, úxa (р. ед.), rýba, śéna, kóża (изъ śíłα, ű́xα и т. д.), и уже отсюда переносилось какъ въ случаи sława, ŕóbra, móxa, tésta, nósa (гдѣ подъ удареніемъ исконно широкія гласныя, не подлежавшія удлиненію подъ вліяніемъ редукціи въ сосѣднемъ слогѣ), такъ и въ случаи jáγαda, kóraba, γórada, и т. д. (гдѣ конечный слогъ съ α не сосѣдилъ съ ударяемымъ слогомъ). Но допускаю и другую возможность, которую признаю болѣе вѣроятною, а именно предполагаю, что разсматриваемая редукція не вела къ удлиненію предшествующаго ударяемаго слога и что также сокращеніе ударяемой гласной не вело за собой удлиненія въ слѣдующемъ за ней слогѣ полукраткой редуцированной гласной; поэтому фонетически должны были получиться и удержаться только słóvα, śíłα, rýbα, słávα и т. д.; но редукція предшествующаго слога вела и здѣсь къ усиленію слѣдующаго (въ данномъ случаѣ неударяемаго) слога; вслѣдствіе этого jáγoda, γóroda, mółodo переходили не въ jáγαdα, γóraдα, mółαdα, а въ jáγada, γóraда, mółada; конечное a вызвано наличностью полукраткой редуцированной гласной въ предидущемъ слогѣ. Изъ такихъ случаевъ a въ нѣкоторыхъ говорахъ переносилось на мѣсто конечнаго α и въ случаи, какъ słáva, słóva, śíła, rýba; между тѣмъ другіе говоры измѣнили jáγadα, móładα, γóraдα, подъ вліяніемъ аналогіи со стороны произношенія słávα, śíłα, rýbα, въ jáγadα, móładα, γóraдα, ср. моск. jágadα, móładα, góradα.

§ 513. Замѣна начальнаго α черезъ a (въ слогѣ непредударномъ) обычна, какъ кажется, въ большинствѣ «акающихъ», бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ, говоровъ, напр. моск. обарот, агуре́ц, азадачи́т, апаздал, и т. д. Думаю, что и здѣсь a замѣнило α,—въ данномъ случаѣ вслѣдствіе фонетическаго своего положенія въ началѣ слова, ср. замѣну α также и другими гласными въ этомъ положеніи, напр. рязанск. иγурцы́, итвали.

Замѣну α, ε черезъ a находимъ еще въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

Возможно, что она объясняется такъ же, какъ замѣна α, ε черезъ а въ концѣ слова; т. е., напр., zá γαrat, náναłak, výpłakať, pŕigαvar и т. п. повели къ появленію а въ сходномъ положеніи и въ такихъ случаяхъ, какъ γórad, vółak, płákať, góvar, mółat; равнымъ образомъ ná łαšať, ná v́εťar, ná b́εŕak повліяли на появленіе а въ случаяхъ, какъ łošať, v́éťar, b́éŕak.

§ 514. Что до замѣны α, ε черезъ а въ западныхъ говорахъ бѣлорусскаго нарѣчія, являющейся и въ третьемъ слогѣ передъ удареніемъ и въ предпослѣднемъ слогѣ за удареніемъ, то это новая черта, стоящая въ рѣшительномъ противорѣчіи съ самыми основаніями аканья и редукціи неударяемыхъ слоговъ, вызвавшей, аканье. Вѣроятнѣе всего видѣть въ этой особенности такъ называемыхъ «сильно-акающихъ» бѣлорусскихъ говоровъ указаніе на то, что самое аканье въ этихъ говорахъ — черта наносная; если признать, что бѣлорусскіе говоры въ основаніи своемъ представляли южнорусскую фонетику, то аканье ихъ естественно объяснить вліяніемъ восточнорусовъ, смѣшавшихся съ первоначальными обитателями Бѣлоруссіи. Усваивая себѣ эту чуждую черту, предки совр. бѣлорусовъ тамъ, гдѣ ассимиляція съ новыми пришельцами шла болѣе туго и болѣе постепенно (а именно на югѣ и на западѣ бѣлорусской территоріи), частью распространили ее за тѣ звуковые предѣлы, которыми она ограничивалась въ восточнорусскомъ нарѣчіи (отсюда сильное аканье: замѣна α, ε черезъ а тамъ, гдѣ фонетически такой замѣнѣ не слѣдовало быть), частью же не допустили ея естественнаго распространенія: такъ во многихъ южныхъ и западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ (въ томъ числѣ сильно-акающихъ) видимъ сохраненіе этимологическихъ о, е въ слогахъ заударныхъ, также и конечныхъ въ словѣ (грамматическихъ окончаніяхъ). Итакъ признаемъ діалектическое бѣлорусское произношеніе: съ одной стороны, staraná, γałavá, śaradá, čatyróx, ʒ́aśaćí, съ другой, móro, sérco, зéллё, дзицятко моё рóднаё, ср. далѣе: требо вм. треба, оженіўсё, си́нё моро трепятáлосё и т. п., — новымъ, чуждымъ исконно акающимъ говорамъ и явившимся на почвѣ смѣшенія акающихъ говоровъ съ неакающими.

§ 515. Необходимо оговорить здѣсь замѣну ε черезъ α, которую находимъ въ концѣ слова въ современныхъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, откуда можно заключить что она восходитъ еще къ восточнорусской эпохѣ. А именно здѣсь звукъ ε послѣ мягкой согласной въ грамматическихъ окончаніяхъ, когда ему соотвѣтствовали звуки α, а, о послѣ твердой согласной въ родственныхъ формахъ, замѣнялся черезъ α. Такъ окончаніе им. ед. ε въ словахъ, какъ moŕε, poľε, ṕѣńi̯ε, которому въ

родственныхъ формахъ соотвѣтствовали звуки о и ɑ (напр. śaĺó, sáĺɑ, prósɑ, ružjó), замѣнилось черезъ ɑ: моск. moŕɑ, poĺɑ; окончанія ɛḿi, ɛx, ɛm, напр. въ voĺɛḿi, voĺɛx, voĺɛm, подъ вліяніемъ ɑḿi, ɑx, ɑm и aḿi, ax, am (rybɑḿi, śťɛnáḿi), замѣнялись черезъ ɑḿi, ɑx, ɑm: моск. voĺɑḿi, voĺɑx, voĺɑm; окончаніе р. ед. ɛ въ kńaźɛ, mužɛ подъ вліяніемъ ɑ, а (bratɑ, porɑ) замѣнялось черезъ ɑ: моск. kńaźɑ, mužɑ.

Судьба звука Ѣ.

§ 516. Изъ указаній, сдѣланныхъ въ § 507, слѣдуетъ, что звукъ Ѣ въ восточнорусскомъ нарѣчіи сохранялъ свое дифтонгическое произношеніе подъ ударéніемъ, переходя въ монофтонгъ въ неударяемомъ положеніи. На сохраненіе дифтонгическаго произношенія Ѣ подъ ударéніемъ указываетъ не только измѣненіе предударной редуцированной гласной въ гласную полнаго образованія (а, ė, е), но также дифтонгическое его произношеніе въ нѣкоторыхъ современныхъ южновеликорусскихъ говорахъ; такое произношеніе (какъ ie) отмѣчено напр. Тонышинымъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, В. Тростянскимъ въ Землянскомъ и Задонскомъ, также Жирицкимъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Совершенно очевидно, что этотъ дифтонгъ ie долженъ быть возведенъ къ тому исконному дифтонгу ie, eä, который являлся въ общерусскомъ праязыкѣ въ соотвѣтствіи съ такимъ же общеславянскимъ дифтонгомъ. Новымъ и характернымъ для восточнорусскаго нарѣчія явленіемъ было измѣненіе Ѣ неударяемаго въ монофтонгъ; этотъ монофтонгъ совпалъ со звукомъ е; изъ того обстоятельства, что е исконное (сохранявшееся только передъ палатальными согласными) и е изъ Ѣ редуцировались вмѣстѣ со звуками а, о, заключаю, что е звучало въ восточнорусскую эпоху открыто. Слѣдовательно, признаю́ восточнорусскимъ явленіемъ переходъ Ѣ неударяемаго въ е открытое: ďedá, ḿešáť, ćená, ĺetá; отсюда ďɛdá, mɛšáť, ćɛná, ĺɛtá. Такое же измѣненіе претерпѣло Ѣ неударяемое въ концѣ слова: sĺaźɛ, v rodɛ. Обычнымъ явленіемъ оказывается дальнѣйшій переходъ ɛ въ і въ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ: sĺaźi, v rodi. Измѣненіе ɛ въ а, встрѣчающееся діалектически, объясняется въ порядкѣ, указанномъ въ § 512: gorodɛ измѣнилось въ gorɑďa; отсюда а переносилось діалектически и въ такіе случаи, какъ v doḿa, v ĺeťa, f śeńa, и т. п.

§ 517. Повидимому, въ связи съ совпаденіемъ е и Ѣ въ неударяемомъ положеніи стоитъ и совпаденіе е и Ѣ подъ ударéніемъ. Можно думать, что это явленіе діалектически восходитъ къ восточнорусской эпохѣ, такъ какъ

это черта общая большей части южновеликорусскихъ говоровъ и говорамъ бѣлорусскимъ. Дошедшіе до насъ западнорусскіе памятники доказываютъ, что совпаденіе е и ѣ при всякомъ положеніи въ словѣ имѣло мѣсто въ весьма отдаленную эпоху жизни бѣлорусскаго языка. Такъ, напримѣръ, находимъ смѣшеніе буквъ е и ѣ въ спискѣ А смоленской грамоты 1229 года, при чемъ встрѣчающіяся здѣсь написанія съ е вмѣсто ѣ нельзя сопоставлять съ написаніями е вмѣсто ѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей письменности (напр. кіевскомъ сборникѣ 1073 года, новгородскихъ минеяхъ 1095 — 1097 годовъ) именно потому, что мы найдемъ здѣсь не только е вмѣсто ѣ (какъ: оу Смольнеске, всемь, темь, Немчича), но также, въ большомъ числѣ случаевъ, ѣ вм. е: дѣржати, оутвѣрдать, пѣрвоѥ, четвѣрти, дѣрѣвъмь и дѣревъмь, боудѣте, и даже ѣ вм. ь: весатѣ, языкомѣ, Регньбодѣ, Ризѣскими, и т. д. Тоже въ смол. грамотѣ ок. 1240: Немѣчьскомоу, Смолѣньска, оурывѣть, почьнѣть. Въ рядной Полоцка съ Ригой около 1330 года находимъ ѣ вм. е передъ мягкой согласной: рѣмѣнь, рѣмѣнемь, привѣзеть, вѣсти, Немѣць, Любѣцьскии, вѣрхъ, коупцѣвъ, бѣрковьска, а передъ твердой согласной только въ словѣ Немцѣмъ дат. мн.; въ сущности то же, что въ гр. 1229 (А) и гр. ок. 1240. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что звуки е и ѣ совпали передъ мягкой согласной, ибо, какъ увидимъ, вѣроятно еще въ восточнорусскую эпоху е передъ мягкой согласной измѣнилось въ ѣ (между тѣмъ какъ передъ твердой согласной оно звучало какъ ѳ). Въ XIV в. можно указать нѣсколько бѣлорусскихъ грамотъ, совершенно изгнавшихъ букву ѣ. Наличность рядомъ съ этимъ бѣлорусскихъ памятниковъ со строго выдержаннымъ употребленіемъ ѣ объясняется тѣмъ, что среди бѣлорусскихъ говоровъ держались такіе, которые сохраняли свою южнорусскую фонетику; особенно упорно должны были держаться южнорусскіе элементы въ городахъ. Такъ, напримѣръ, договорная 1349 года литовско-русскихъ князей съ королемъ Казиміромъ выдерживаетъ различіе между е и ѣ, употребляя вмѣстѣ съ тѣмъ ѣ на южнорусскій ладъ и въ словахъ вѣлми и своѣи. Отсылая къ труду проф. Карскаго, гдѣ собраны нѣкоторыя данныя по вопросу о смѣшеніи е и ѣ въ бѣлорусскихъ памятникахъ (II, 234 и сл.), отмѣчу, что на востокѣ, въ пріокскихъ областяхъ, памятниковъ съ ясно выраженными особенностями южновеликорусской фонетики мы раньше XV в. не находимъ; правильное употребленіе е и ѣ въ московскихъ грамотахъ XIV в. можно, кажется, отнести насчетъ сѣвернорусскаго вліянія. На основаніи общаго бѣлорусскому и южновеликорусскому нарѣчіямъ перехода ѣ въ е подъ удареніемъ, древности этого явленія въ бѣлорусскомъ, наличности различія ѣ и е въ нѣкоторыхъ совр. южновеликорусскихъ говорахъ заключаю,

что переходъ ѣ въ е (его монофтонгизація) имѣлъ мѣсто въ діалектахъ восточнорусскаго нарѣчія.

Переходъ е въ ê подъ вліяніемъ слѣдующей палатальной согласной.

§ 518. Можно думать, что къ восточнорусской эпохѣ относится переходъ е въ ударяемомъ слогѣ передъ палатальной согласной въ ê. Этому переходу подлежало е изъ исконнаго е и изъ исконнаго ь: śêḿ, š̂êśť, ṕêč̂, k ṕêč̂i, pľêč̂i — ďêń, ťêśť, ľêśť, ṕêń; перешло въ ê и то е, которое, какъ мы видѣли, восходило діалектически къ ѣ: śêľi, v́êśť, na ḿêśťε. Такое произношеніе е какъ ê передъ палатальными согласными извѣстно и въ бѣлорусскомъ и въ южновеликорусскомъ нарѣчіи: отсюда можно заключить о томъ, что оно восходитъ къ восточно-русской эпохѣ. То обстоятельство, что редуцированная гласная въ южновеликорусскихъ говорахъ, сохранявшихъ ее въ предударномъ слогѣ, не замѣнялась черезъ а передъ слогомъ съ ударяемымъ е передъ мягкой согласной (замѣняясь такимъ способомъ передъ слогами съ ударяемыми узкими гласными, ср. § 508), доказываетъ, что переходъ е въ ê въ указанномъ положеніи моложе явленій, связанныхъ съ редукціей неударяемыхъ гласныхъ; слѣдовательно, въ эпоху, когда происходила ихъ редукція, напр., слова v́eśeľi̯ä, ṕeč̂eńi̯ä звучали съ е въ предударномъ слогѣ; отсюда v́εśeľi̯α, ṕεč̂eńi̯α, что уже позже, но еще въ восточнорусскомъ нарѣчіи перешло въ v́εśêľi̯α, ṕεč̂êńi̯α.

Такой же переходъ е въ ê извѣстенъ и въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи. Но, какъ указали наблюденія Ѳ. Брока, онъ проведенъ не во всѣхъ говорахъ; такъ до сихъ поръ въ Тотемскомъ говорѣ е передъ мягкой согласной не звучитъ какъ ê. Въ виду этого, а также и того, что переходъ е въ ê въ восточнорусскомъ наступилъ сравнительно поздно (послѣ редукціи неударяемыхъ гласныхъ), можно думать, что сѣвернорусское измѣненіе е въ ê произошло независимо отъ восточнорусскаго. Сѣвернорусское измѣненіе е въ ê можно сопоставить съ происшедшимъ въ сѣвернорусскихъ діалектахъ измѣненіемъ а въ е между мягкими согласными (źêť, vźêľi, вмѣсто źať, vźaľi).

Примѣчаніе. Приведенныя въ § 517 написанія полоцкой грамоты 1330 года доказываютъ, что въ то время уже произошло измѣненіе е въ ê, при чемъ въ одномъ звукѣ ê совпали и старое е передъ мягкой согласной и замѣститель ѣ въ такомъ же положеніи.

Переходъ αi̯ въ ėi̯ подъ удареніемъ.

§ 519. Къ числу восточнорусскихъ явленій относится переходъ дифтонга αi̯, попавшаго подъ ударе́ніе, въ ėi̯. Какъ видно изъ предидущаго, дифтонги ai̯, oi̯ въ неударяемыхъ слогахъ переходили въ αi̯: дат. ед. dobrαi̯, мѣстн. ед. sŕavnαi̯, р. ед. ḿiłαi̯ (изъ ḿiłoi̯, замѣнившаго ḿiłoѣ). Такое же αi̯ являлось и въ слабоударяемыхъ словахъ, какъ tαi̯ им. ед. (вмѣсто общерусскаго toi̯ изъ tъ̆i̯), tαi̯ дат. и мѣстн., также род. ед., adnαi̯ дат., мѣстн., род. ед.; эти слова были проклитиками и въ качествѣ таковыхъ неударяемыми. Рядомъ, подъ удареніемъ, продолжали свое существованіе формы toi̯, adnoi̯. Когда проклитики tαi̯ или adnαi̯ по той или иной причинѣ логическаго характера получали на себѣ ударе́ніе, они, превращая α подъ удареніемъ въ ė, переходили въ tėi̯, adnėi̯. Что такое произношеніе восходитъ къ восточнорусской эпохѣ, видно изъ того, что мы находимъ его какъ въ южновеликорусскихъ, такъ и въ бѣлорусскихъ говорахъ. Примѣры. Въ южновеликорусскомъ: у тэй Бѣлев. (Будде), на тэй, у тэй, къ аднэй Обоян. (Рѣзановъ), по тэй улицы, съ тэй стороны, по однэй лопаточки Мещов. (В. Чернышевъ), съ тэй стороны, отъ аднэй коровы Дон. (Калмыковъ), да аднэй душы, тэй женѣ Мосал. (Шахм.), бизъ однэй Ворон. (Филат.). Въ бѣлорусскомъ: тэй домъ Рогач. (Ром. III, 159), тэй панъ ib. (ib. 390), тэй слянный чортъ Бых. (Ром. III, 310), тэй Черик., Рогач., Горецк. (Ром. VI, 32, 40, 325), тэй сортъ Ельн. (Добров., Э. С. I, 178); другіе примѣры см. у Е. Ѳ. Карскаго, Бѣлоруссы, II, 165—166.

Примѣчаніе. Съ такимъ ė изъ α ср. ė въ южновеликор. тэк, тэкс; и здѣсь э замѣнило α слабоударяемаго tαk (такъ).

Отвердѣніе ć.

§ 520. Возможно, что къ восточнорусской эпохѣ относится отвердѣніе ć: твердое с находимъ и въ южновеликор. и въ бѣлор. нарѣчіи; между тѣмъ, въ сѣверноруссномъ ć діалектически мягко и до сихъ поръ. Древность отвердѣнія с въ бѣлорусскомъ доказывается тѣмъ, что старое ć не смѣшалось съ новымъ ć изъ t́. Такъ, напримѣръ, въ Супрасльскомъ сборникѣ 1520 года, написанномъ въ Друцкой области, находимъ замѣну новаго ć изъ t́ черезъ ć шепелявое (пишется ч), но старое с такой замѣнѣ не подподвергается, и это ясно доказываетъ его твердость. Вообще же памятники не даютъ опредѣленныхъ указаній на твердость и мягкость с, ибо написанія, какъ цю, ци, не всегда могутъ служить доказательствомъ мягкаго произно-

шенія с: они могли быть перенесены изъ болѣе древнихъ оригиналовъ или держаться въ силу подражанія старымъ пріемамъ письма (ср. ши, жи въ нашемъ письмѣ). Что же касается южновеликорусскихъ памятниковъ, то таковыхъ отъ стараго времени до насъ не дошло почти совсѣмъ; московскіе памятники XIV вѣка обнаруживаютъ сильное сѣвернорусское вліяніе; поэтому, напримѣръ, написанія, какъ колца, отца, гуслица въ Дух. Калиты 1328 года, нельзя приводить въ доказательство мягкости с въ южновеликорусскихъ говорахъ XIV в.; вспомнимъ, что вообще консонантизмъ московскаго нарѣчія сѣвернорусскій. Если въ бѣлорусскихъ памятникахъ найдемъ указанія на мягкость с, то не забудемъ, что ć могло держаться подъ вліяніемъ южнорусскихъ говоровъ, долгое время господствовавшихъ въ Бѣлоруссіи.

Явленія, свойственныя сѣвернымъ говорамъ восточнорусскаго нарѣчія.

§ 521. Восточнорусы, двигаясь къ сѣверу и сѣверозападу, въ бассейны Оки и верхняго теченія Волги, встрѣтились здѣсь прежде всего съ сѣвернорусами; сожительство восточнорусовъ съ сѣвернорусами вызвало къ жизни великорусское племя, а въ языкѣ этого племени спеціальныя великорусскія явленія. Но, повидимому, восточнорусы встрѣтили въ указанныхъ областяхъ не однихъ сѣвернорусовъ: здѣсь сидѣли также потомки ляшскихъ племенъ, вѣроятно, ко времени вторженія восточнорусовъ, уже покоренные сѣвернорусами и ассимилировавшіеся съ ними. Только такое предположеніе можетъ объяснить намъ наличность въ сѣверныхъ говорахъ южновеликорусскаго нарѣчія ляшскихъ чертъ. Такія черты находимъ, напримѣръ, въ акающихъ говорахъ Бронницкаго уѣзда Московской губерніи; изслѣдователь говоровъ названнаго уѣзда, Н. М. Каринскій, противополагаетъ такимъ акающимъ говорамъ другіе акающіе говоры, гдѣ такихъ особенностей не имѣется; далѣе находимъ тѣ же черты въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Это тѣ же черты, которыя мы видѣли въ бѣлорусскихъ и нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ.

§ 522. По сообщенію Н. М. Каринскаго дзеканье и цеканье, при томъ иногда съ шепелявымъ оттѣнкомъ, распространены въ акающихъ говорахъ Бронницкаго уѣзда. «Особенность эта — сообщаетъ проф. Каринскій — свойственна говору стариковъ, старухъ и молодыхъ бабъ; отъ парней и мужчинъ среднихъ лѣтъ я ничего подобнаго не слыхалъ». Напр. мет^{ъ}ей, сад^{ъ}ила; рядомъ: hд^{ъ}е, д^{ъ}е, д^{ъ}ейги, бацюшка, ф цимнацѣ. Обильныя данныя для дзеканья и цеканья въ Касимовскихъ говорахъ находимъ у проф. Будде, который высказалъ при этомъ предположеніе, что особенность эта занесена въ

Каєимовскій уѣздъ вятичами, бывшими отъ рода ляховъ (см. Къ исторіи великор. говоровъ, с. 288 и сл., 298—299). Проф. Будде, рядомъ съ простымъ дзеканьемъ и цеканьемъ, отмѣчаетъ тѣ же явленія съ шепелявымъ оттѣнкомъ; на мѣстѣ ť, ď находимъ не только ć, ʒ́, но и ç, ʒ́ (т^{с}, д^{з} рядомъ съ т^{ш}, д^{ж}). Примѣры: рад^{з}и́мый, д^{з}ялоў, д^{з}ень, студзёну, ад^{з}ёжу, зăхат^{с}ѣл, т^{с}е́рйма, мăлат^{с}и́ть, т^{с}яплó, малот^{с}им; нид^{ж}ѣля, сид^{ж}ѣли, д^{ж}яли́тца, ад^{ж}ёжа, д^{ж}ит^{ш}я́ми, мăлат^{ш}и́ли, т^{ш}яγлá и т. д. (l. c., 140—142). Въ Спасскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи отмѣчено т^{ш}яγлá. Эти звуки ć, ʒ́ и шепелявыя ć, ʒ́ проф. Будде встрѣчалъ по преимуществу на пространствѣ между рѣками Гусемъ и Нармою, близъ Владимірской губерніи. Дзеканье отмѣчено Н. Н. Дурново въ Волоколамскомъ и Клинскомъ уѣздахъ; «дзеканье — сообщаетъ наблюдатель — въ большей части деревень не рѣзкое; элементъ взрывный въ дифтонгѣ тс и дз преобладаетъ, при чемъ дифтонгъ этотъ очень мягокъ; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ дзекаютъ очень рѣзко» (Тр. моск. діал. комм., I).

§ 523. Шепелявое произношеніе ś и ź относимъ также насчетъ ляшскихъ особенностей. Такія ś, ź отмѣчены, напр., въ Бронницкомъ уѣздѣ въ тѣхъ же частяхъ его, гдѣ дзекаютъ и цекаютъ: Макс^{ш}им; с^{ш}нес^{ш}ли, пас^{ш}идити, з^{ж}има. При этомъ исконныя š и ž тверды и шепеляво вообще не произносятся, между тѣмъ с^{ш}, з^{ж} «произносятся чрезвычайно мягко» (Н. М. Каринскій). Въ акающемъ говорѣ дер. Давыдкова Клинскаго уѣзда отмѣчено у нѣкоторыхъ лицъ: из^{ш}мѣняютъ, вез^{ж}дѣ, куз^{ж}нец, гряс^{ш}ь, з^{ж}иму, вс^{ш}ѣ, вос^{ш}имь, здѣс^{ш}ь, с^{ш}емьдис^{ш}ят (В. Чернышевъ). Эти шепелявыя ś и ź имѣются и въ Касимовскомъ уѣздѣ; проф. Будде обозначаетъ ихъ буквами шь, ш', ç, ш^{с}—с^{ш}. Примѣры: фс^{ш}ѣ, пѣс^{ш}ьни, ваз^{ж}ьми, з^{ж}имою, з^{ж}ять, кас^{ш}и́л (с. 140, 134). Въ единичныхъ случаяхъ отмѣчено шепелявое (мягкое) произношеніе этимологическихъ š и ž: у Иванушьки, на головушьки, кудрюшьки; быть можетъ, мягкость ихъ удержалась здѣсь подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго k; вообще же š и ž отвердѣли; ноçю — это этимологическое носю, замѣнившее ношу подъ вліяніемъ формъ другихъ лицъ наст. вр. Шепелявое произношеніе свистящихъ отмѣчено Н. Н. Соколовымъ во многихъ акающихъ говорахъ Тверской губерніи, но оно, кажется, сопровождается и мягкимъ, шепелявымъ произношеніемъ исконныхъ š и ž.

§ 524. Быть можетъ, къ числу ляшскихъ особенностей должно быть отнесено отвердѣніе č, замѣчаемое во многихъ средневеликорусскихъ говорахъ; вообще же такое отвердѣніе чуждо и южновеликорусскому и сѣверновеликорусскому нарѣчію (въ послѣднемъ, впрочемъ, оно встрѣчается діалектически, при чемъ появленіе č и c твердыхъ на мѣстѣ ç', въ кото-

ромъ совпали раньше этимологическія ć и ś, совершилось подъ вліяніемъ южновеликорусскихъ, точнѣе средневеликорусскихъ говоровъ). Твердое ć въ средневеликорусскихъ говорахъ сопоставьте съ бѣлорусскимъ ć твердымъ. Такъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ В. Чернышевъ отмѣчаетъ, что звукъ ч «произносится часто очень твердо». Твердое ć наблюдалъ проф. Будде и въ Касимовскомъ уѣздѣ (с. 129 н. т.).

Глава V. О древнѣйшихъ явленіяхъ, общихъ сѣверорусскому и восточнорусскому нарѣчіямъ.

§ 525. Къ такимъ явленіямъ относится переходъ звуковъ у и і въ положеніи передъ į въ ои е. Мы знаемъ (§§ 32 прим., 37, 39, 130), что звуки у и і еще въ общеслав. праязыкѣ были кратки передъ į въ противоположность звукамъ у и і въ другомъ положеніи, гдѣ они оставались долгими или полудолгими. Противоположеніе въ русскихъ нарѣчіяхъ судьбы у и і передъ į судьбѣ ихъ въ другихъ положеніяхъ доказываетъ, что въ моментъ, когда совершалось разсматриваемое явленіе, у и і различались по произношенію въ зависимости отъ своего положенія и происхожденія: передъ į они были, очевидно, звуками открытыми, ненапряженными, оставаясь закрытыми, напряженными во всѣхъ другихъ условіяхъ. Оба явленія — переходъ у въ о и переходъ і въ е произошли, конечно, одновременно; отличіе перваго изъ нихъ отъ второго въ томъ, что звукъ у, бывшій самъ нелабіализованнымъ, перешелъ въ звукъ лабіализованный и при томъ болѣе широкій — о, между тѣмъ какъ і перешло въ звукъ болѣе широкій — е, не лабіализировавшійся. Но, повидимому, это различіе зависѣло не отъ природы обѣихъ подлежавшихъ измѣненію гласныхъ, а отъ природы предшествовавшихъ имъ согласныхъ. Звуку і предшествовали согласныя палатальныя, вполнѣ приспособившіяся къ слѣдующей гласной, между тѣмъ какъ звуку у предшествовали согласныя лабіализованныя, не приспособленныя къ слѣдовавшему за ними звуку у (т. е. ы). Указаніе на лабіализованность согласныхъ передъ у даны въ §§ 216, 111, 7 пр., при чемъ эта лабіализованность, впослѣдствіи утраченная, возведена къ вліянію на согласныя гласной ū, родоначальника звука у. Можно думать, что у открытое перешло непосредственно въ ė, т. е. въ е средняго ряда (ср. польское ė на мѣстѣ исконнаго ъ, напр. mech, sen, łeb); но ė перешло въ ȯ (о средняго ряда, звукъ серединный между о и ö), а затѣмъ въ о подъ вліяніемъ лабіализованнаго произношенія предшествующихъ согласныхъ. Итакъ уį, іį перешли въ ėį, eį, а позже ėį измѣнилось въ ȯį, oį.

Примѣчаніе. Въ § 419 предложено объясненіе перехода уį, іį въ oį, eį въ результатѣ удлиненія краткихъ у и і передъ слогомъ,

утратившимъ полукраткую гласную (передъ слогомъ съ і), при чемъ измѣненіе у, і въ о, е было аналогично измѣненію ъ, ь въ о, е при тѣхъ же условіяхъ; уже изъ положенія передъ і въ концѣ слога (доброй, мойка, синей, платейцо) о, е переносились на мѣсто ў, і передъ і, примыкавшимъ къ другому слогу (лукоян, ищея).

§ 526. Приведу примѣры. Древнѣйшіе восходятъ къ XIII в. Такъ находимъ въ копіи второй половины XIII в. съ новгор. договора 1189—1199 г.: ѡже оубьють таль или попъ новгороцкоѥ или нѣмецкъѥ новѣгородѣ (вм. новгороцкой, нѣмецкой); тамъ же: жеребее вм. жеребіи; въ писанной тѣмъ же писцомъ новгор. договорной ок. 1263 г.: треи р. мн. вм. трии; въ Русской Правдѣ по Кормчей 1282 г.: р. мн. бес треи коунъ; въ Синод. спискѣ XIV в. Новг. 1-й лѣтописи: кнѧжь дѣцкои л. 237 (Б. М. Ляпуновъ, обративъ вниманіе на единичность подобной формы, отмѣтилъ, что «дѣцкой» — это названіе служилаго человѣка, быть можетъ, чуждое языку писца и усвоенное имъ изъ другого нарѣчія); возможно, что стръıа, стръемь, крыıше въ первыхъ двухъ почеркахъ Синод. списка слѣдуетъ читать какъ строıа, строемь, кроıше. Въ Псков. ев. XIV в., описанномъ Бандуровымъ (Р. Ф. В. 1902): камень жьрновнои, въ послѣдьнеи дн̃ь. Въ еванг. 1339 г. московскаго происхожденія: кнѧзь великои 216б (въ записи). Въ Лавр. лѣтописи 1377 г. суздальскаго происхожденія: то вдамъ ти которои ти городъ любъ (1097 г.), старѣишеи градъ (1096 г.), старѣишеи братъ (1024 г.), сынъ меншеи (992 г.), строя (1059 и 1093 гг.), строема (1078 г.). Въ письменности XV—XVI в. -ои, -еи указаннаго происхожденія являются въ памятникахъ некнижнаго происхожденія господствующими. Такъ напр. въ Конш. спискѣ XVI в. Домостроя: всѧкои овощь, свеколнои росолъ, запасъ серебрянои и ѡловѧнои, дворовои, коньскои, бережнои, доброи, домашнеи ѡбиходъ (но въ книжныхъ словахъ -ыи, -іи: животворящіи, сѡ̃ническіи). То же въ Судебн. Ив. Вас. по сп. Унд. XVI в. № 824: дворецкои, боярскои, селецкои, приказнои, ѣдомои, стороннеи члв̃къ, стряпчеи, ѡколничеи, прочеи (но постоянно великии кн̃зь). Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ употреблялъ преимущественно окончанія -ой, -ей: сладкой, скверной, точной, десятой, посадской, сотской, нѣвчей, прежней, Божей (окончанія -ый, -ій въ словахъ церковнаго происхожденія: великій, истинный, при истинной, богатый—послѣднее слово, какъ видно изъ γ, южнорусскаго происхожденія; также въ причастіяхъ: спящій, ходящій, питаемый, знаемый, напитанный; также въ превосх. степени: свѣтлѣйшій, лутчій, и т. д.). Въ рукописномъ сборникѣ XVIII в. былинъ, записанныхъ Киршею Даниловымъ, также почти постоянно -ой, -ей: Владимеръ столнои киевскои, свои тугои лукъ раз-

рывчетои, на четвертои день, третеи неводъ (но почему то, какъ указано редакторомъ изданія, П. Н. Шеффером, выдержано написаніе молоды; рѣже окончаніе -ы въ другихъ прилагательныхъ: честны король, сильны хвастаетъ). Въ совр. сѣверновеликорусскомъ господствующими окончаніями являются -ой, -ей: старой, доброй, зимней; но въ отдѣльныхъ говорахъ, допускающихъ редуцированное произношеніе неударяемыхъ гласныхъ, слышатся и -ъй, -ый (что въ транскрипціи латинскими буквами мы передали бы черезъ -ɑi̯, -ɛi̯): добръй, т. е. почти добрый; синьй, т. е. почти синій; возможно, что діалектически ъй, ый перешли въ ый, ий. Въ южновеликорусскомъ подъ удареніемъ всегда -ой, -ей, а въ неударяемомъ положеніи, вслѣдствіе редукціи звуковъ о, е, -ъй, -ый, вмѣсто чего діалектически являются также -ый, -ий: тупой, витой, глухой, тугой, морской при краснъй, милъй, нижньй (вм. чего и красный, милый, нижний). Діалектически же вм. ъй является ай. Такъ напр. въ Обоянскомъ говорѣ «окончаніе м. р. ый, ій почти не употребляется; его всегда замѣняетъ ай, яй: батюшка ради́май, лютай, ядристай, бѣленькяй, густенькяй» (Рѣзановъ).

Примѣчаніе 1. Переходъ -уi̯ въ -оi̯ произошелъ раньше измѣненія въ великорусскомъ нарѣчіи сочетаній ky, gy, xy въ ki, gi, xi; измѣненіе это, однородное съ такимъ же измѣненіемъ въ южнорусскомъ (см. § 473 и сл.), предполагаетъ утрату согласными (въ частности согласными задненебными) своей лабіализаціи передъ у, утрата же эта была слѣдствіемъ приспособленія согласной къ слѣдующей за нею гласной. Какъ указано въ § 525, самый переходъ -уi̯ въ -оi̯ свидѣтельствуетъ о лабіализованной природѣ предшествующей согласной.

Примѣчаніе 2. Что южновеликор. и сѣверновеликор. діалектическое произношеніе съ -ый замѣняетъ, согласно съ § 526, произношеніе -ъй (изъ -ой), а не восходитъ къ первоначальному -ый, видно изъ того, что здѣсь слышится -ый (-ъй), а не -ий послѣ задненёбныхъ: ьохкый, немецкый, скольскый, строгый, тугоухый не могутъ восходить къ первонач. ьгъкыи, нѣмьчьскыи и т. д., ибо послѣднія измѣнились бы въ ьохкий, немецкий. — Ср. діалект. южновеликор. вымью вм. вымъю (изъ вымою).

Примѣчаніе 3. Написанія -кии, -гии, -хии въ сѣверноруссскихъ памятникахъ XIV и сл. вѣковъ считаю теперь вызванными искусственно наличностью церковныхъ и вообще книжныхъ заимствованій на -ый, -ий. Ср. въ дух. Ивана Калиты: поꙗсъ золотъ фрѧжьскии; въ дух. Ив. Ив. 1356 № 25: достоканъ цр̃ъгоро[д]скии, въ дух. Дм. Ив. 1389 № 34: лугъ ходъньскии, другии (лугъ), пѣгии, поꙗсъ золо̑ старъии новгоро[д]-

скии; въ двинск. гр. XV в. №№ 7 и 77: другии лоскутъ, № 86: сочькии, и мн. др.

Примѣчаніе 4. Малорусскому и бѣлорусскому нарѣчію совершенно чуждо измѣненіе ый въ ой; что до той (им. ед. указ. мѣстоименія), то оно восходитъ къ тьи, замѣнившему тыи нефонетически, подъ вліяніемъ формы тъ. Равнымъ образомъ не знаютъ названныя нарѣчія перехода ий въ ей; сей (цей) восходитъ къ сьи, замѣнившему сии нефонетически, подъ вліяніемъ сь; малор. и бѣлор. -ей въ им. ед. существительныхъ (жеребей, соловей), въ род. мн. существ. (гусей, людей, костей) восходитъ къ -ьи, при чемъ -ьи замѣнило первоначальное -ии подъ вліяніемъ нефонетическимъ (см. §§ 399 и сл.).

§ 527. Сочетаніе ѐi, замѣнившее уi непосредственно (см. § 525), въ нѣкоторыхъ говорахъ не перешло въ оi, а сохранилось какъ ѐi; это зависѣло отъ того, что на ѐ не оказали здѣсь ассимилирующаго вліянія предшествующія ему лабіализованныя согласныя, которыя, очевидно, сами, приспособляясь къ слѣдующему ѐ, теряли свою лабіализацію. Восточнорусскіе говоры перенесли свое ѐi въ бѣлорусскую область Примѣры для ѐi въ бѣлорусскихъ говорахъ: им. ед. маладэй, лисавэй, бальнэй, палявэй, чужей, другей, дарагэй, сухей Ельн. (Добров. Смол. Э. С. I); магутнэй, благей, рябей, кривэй, худэй, князь маладэй и др. Ржев. (Э. С. I); примѣры изъ Витебскаго, Быховскаго, Лепельскаго, Сѣнненскаго, Себежскаго и нѣк. другихъ уѣздовъ см. у Карскаго, Бѣлоруссы, I, 2, 166. Въ южновеликорусской области эй отмѣчено въ южной части Тульской и сѣверной половинѣ Орловской губерніи (Е. Ѳ. Будде, О говорахъ Тульской и Орловской губ., Спб. 1904; 103—104); также въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губ. (см. ниже, § 528). Въ сѣверорусской области также сохранились, впрочемъ, весьма немногочисленные говоры съ такимъ же ѐi. Мнѣ извѣстно два такихъ говора. Первый изъ нихъ находится въ южной части Петрозаводскаго уѣзда близъ Свири (с. Муромля) и описанъ А. Георгіевскимъ въ № 30 отвѣтовъ на великорусскую программу; рядомъ съ господствующимъ подъ удареніемъ окончаніемъ эй, въ слогахъ неударяемыхъ является также ой: гнѣдэй, слѣпэй, воронэй, голубэй, молодэй, золотэй, большей; также пѣгэй, высокэй, сильнэй при красной, черной, бѣлой. Второй подобный говоръ находимъ въ с. Кошгугахъ Вытегорскаго уѣзда; онъ извѣстенъ по описанію К. Филимонова (Олон. Губ. Вѣд.); звукъ ѐ по указанію изслѣдователя выговаривается «твердо какъ лат. e (Deus) — гортаннымъ звукомъ (г)»; мы находимъ его въ удар. и неудар. положеніи: скупэй, худэй, тѣснэй, грязнэй, форэй, цёр-

нэй, добрэй, молодэй; к, г, х передъ э не мягки: строгэй, бойкэй, топкэй, рѣдкэй, ловкэй.

Примѣчаніе 1. Возможно, что такое же измѣненіе первоначальнаго ый представляютъ тѣ древнерусскіе памятники, которые пишутъ еи вмѣсто ожидаемаго ыи или ои. Ср. -еи въ древнепсковскихъ памятникахъ: Новоросс. сп. Новгор. 4-й: нб҃сиеи чл҃къ 56 об.; Псковск. 2-я лѣт. Синод. XV в.: въ новеи городо҃; Псковск. 1-я лѣт. Погод.: рѣчнеи, краснеи, стареи, и др. — Также можно было бы объяснить и -еи въ свьискеи Новг. 1-я Синод., неревьскеи ib.; сочкеи, купечкеи Дв. гр. XV в. № 88 и др.

Примѣчаніе 2. Чередованіе -эй и -ый въ бѣлорусскихъ говорахъ вызывало вытѣсненіе звука ы черезъ э также и тамъ, гдѣ ы по своему происхожденію было звукомъ долгимъ, напряженнымъ, а потому не подлежавшимъ переходу въ ė. Ср. въ им.-вин. мн.: браты тэя, злэя Мстисл. (Карск.), раги залатэя Орш. (ib.), гнилэя калоды Ельн. (Добров. I, 176), крутэя горы (ib.), у чужэя земли (ib. 511), старэя Горецк. (Ром. VI, 288), злэя духи Климов. (ib. 406), худэи, простэи Лукоян. (Б. Ляпуновъ). — Тоже въ западныхъ говорахъ южновеликор. нарѣчія, ср. напр. въ Карач. у.: никакэ́я мѣры, кавальнички мъладэ́я, патковачки сталянэ́я (Е. Ѳ. Будде, О гов. Тульск. и Орл. губ. 79). — Таково же вѣроятно происхожденіе окончанія эи въ нѣкоторыхъ другихъ великор. говорахъ: инэи, сухэи Курмыш., Василъ-Сурск., Макар., Покров.-Владим. и др. (Б. Ляпуновъ). — Въ указанныхъ въ § 527 обоихъ олонецкихъ говорахъ чередованіе -эй съ -ой (а -ой вм. -эй могло вызываться не только вліяніемъ сосѣднихъ говоровъ, но также окончаній -ого, -ому, -ом) вело за собою вытѣсненіе и исконнаго -ой черезъ -эй: со мнэй, съ пилэй, подъ подошвэй, старшинэй, и т. д. Въ Карачевск. у. отмѣчено: мнѣ маладэ́й, басэ́й въ твор. ед., святэй р. ед., па пи́чнэ́й чясьти, на фтарэ́й нядѣли (Е. Ѳ. Будде, О гов. Тульск. и Орл. губ., 73, 78); рядомъ: ныjеть, мыю, крыетцѧ.

Примѣчаніе 3. Появленіе тэй, аднэй не можетъ быть поставлено въ связь съ появленіемъ -эй въ окончаніи им. ед. прилагательныхъ. Это видно изъ многихъ говоровъ южновеликорусскихъ, съ одной стороны, бѣлорусскихъ, съ другой, гдѣ рядомъ съ тэй, аднэй въ окончаніи им. ед. прилаг. являются -ой (южновеликор.), -ый (бѣлор.). Процессъ, приведшій слабоударяемыя слова тъй, аднъй къ тэй, аднэй, описанъ въ § 519.

§ 528. Въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ сохранилась вторая промежуточная ступень отъ звука у (т. е. ы) къ о, а именно ȯ (непосредственно восходящее, согласно предидущему, къ ė). Это ȯ мнѣ пришлось наблюдать въ 1895 г., напр. въ Милѣевской волости Жиздринскаго уѣзда, а также въ пограничныхъ селеніяхъ Брянскаго уѣзда; звукъ этотъ казался мнѣ близкимъ къ звуку ö франц. словъ leur, demeure, нѣмецк. Mönch, Löcher, но болѣе заднимъ, чѣмъ ö, слѣдовательно, болѣе близкимъ къ о. Я слышалъ этотъ звукъ въ такихъ словахъ какъ мȯю, крȯю, рȯю, памȯи, между тѣмъ какъ въ окончаніи им. ед. (худой, плахой, кривой и т. п.) слышится -ой: это -ой, вѣроятно, объясняется вліяніемъ окончаній -ого, -ому, -ом (худой вм. худȯй подъ вліяніемъ худого). Появившееся позже моихъ наблюденій описаніе жиздринскихъ говоровъ А. Никольскаго (Р. Ф. В. 1901—1903) отмѣчаетъ въ Милѣевской и сосѣдней Теребеньской волости произношеніе мэю, рэю и вмѣстѣ съ тѣмъ еще: какэй, такэй; ближайшаго опредѣленія звука э А. Никольскій не даетъ. Существованіе произношенія мȯю дѣлаетъ вѣроятнымъ, что окончаніе -эй, разсмотрѣнное въ предшествующемъ §, дѣйствительно восходитъ фонетически къ -ый.

Важнѣйшіе труды по изученію русскаго языка.

Аппель, К. Ю. О бѣлорусскомъ нарѣчіи. (Р. Ф. В. 1880, 1).

Богородицкій, В. А. Гласные безъ ударенія въ русск. языкѣ. (Р. Ф. В. 1880, 3).—Введеніе въ изученіе русскаго вокализма. (Р. Ф. В. 1882, 1, 2 и 4; 1883, 1 и 2). — Общій курсъ русской грамматики. Каз. 1904. — [*Рец.* Е. Ѳ. Будде (Изв. 1905, кн. 1)]. — Нѣсколько словъ по поводу рецензіи проф. Е. Ѳ. Будде на мое сочиненіе «Общій курсъ русской грамматики». (Изв. II Отд. 1908, кн. 4).—Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Казань. 1909.—Краткій очеркъ діалектологіи и исторіи русскаго языка. Казань. 1910.—Общій курсъ русской грамматики. Изд. 4-е. Казань. 1913.

Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки. Вып. I. Воронежъ. 1877.—Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. I. Воронежъ. 1882.

Брандтъ, Р. Ѳ. Начертаніе славянской акцентологіи. Спб. 1880.—Грамматическія замѣтки. I. Изд. 2-е. Спб. 1886.—Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Вып. I. М. 1892.

Broch, Ol. Zum Kleinrussischen in Ungarn. (Arch. f. slav. Ph. XVII, 1895; XIX, 1897).—Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania. 1897.—Weitere Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Kristiania. 1899.—Aus der ungarischen Slavenwelt. (Arch. f. slav. Ph. XXI, 1899).—Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). Спб. 1899.—Описаніе одного говора изъ югозападной части Тотемскаго уѣзда. (Сб. II Отд., т. 83, 1907 г.).

Будде, Е. Ѳ. Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Варшава. 1892.—Главнѣйшія черты народнаго русскаго говора въ Казанской губерніи. (Р. Ф. В. 1894, 3).—Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Казань. 1896.—Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII и начала XIX вѣка. (Ж. М. Н. П. 1901, № 2).—О говорахъ Тульской и Орловской губерній. (Сб. II Отд., т. 76, 1904 г.).—Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина. (Сб. II Отд., т. 77, 1904 г.).—Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань. 1907.—[*Рец.* Н. Н. Дурново. (Изв. II Отд. 1908, кн. 3)].—Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка. (XVII—XIX вѣкъ). (Энц. слав. фил., в. 12, 1908).

Буслаевъ, Ѳ. И. О преподаваніи отечественнаго языка. 1-е изд. М. 1844.—Историческая грамматика русскаго языка. Изд. 5-е. М. 1881.

Васильевъ, Л. Л. Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ. (Изв. II Отд. 1904, кн. 1).—Къ исторіи звука ѣ въ московскомъ говорѣ въ XIV—XVII вѣкахъ. (Изв. II Отд. 1905, кн. 3)—Къ характеристикѣ сильно-акающихъ говоровъ. (Р. Ф. В. 1907, 4).—О случаѣ сохраненія общеславянской группы -dl- въ одномъ изъ старыхъ нарѣчій русскаго языка. (Р. Ф. В. 1907, 4).

Verchratskij, A. Ein weiterer Beitrag zur Betonung im Kleinrussischen. (Arch. f. slav. Ph. III, 1879).

Werchratskij, J. Ueber die Mundart der marmaroscher Ruthenen. Stanislau. 1883.—Ueber die Mundart der galizischen Lemken. (Arch. f. slav. Ph. XIV, 1892; XVI, 1894).—Die ruthenischen Mundarten (Österreich. Monarchie in Wort und Bild. 1898).—Про говор Долівский. (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XXXV, 1900 г.).—Знадоби для пізнаня угорско-руских говорів. I ч. Говори з наголосом движимим. Льв. 1899; II ч. Говори з наголосом сталим. Льв. 1901.—Про говір галицких Лемків. Льв. 1902.—Говір Батюків. (Збірник фільольог. секції Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XV, 1912).

Востоковъ, А. Х. Русская грамматика, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Спб.—Филологическія наблюденія. (Посм. изд.). Спб. 1865.

Hankiewicz, Cl. Ein Beitrag zur Lehre vom kleinrussischen Accent. (Arch. f. slav. Ph. II, 1877).

Hanusz, I. Ueber die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen. (Arch. f. sl. Ph. VII, 1884).

Гнатюк, В. Руські оселї в Бачці (в полудневній Угорщинї). (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XXII, 1897).—Русини Пряшівської епархії і їх говори. (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XXXV, 1902).—Словаки чи Русини. (Зап. Наук. Тов. ім. Шевченка, т. XLII, 1903).—[*Рец.* Fr. Pastrnek: Rusini jazyka slovenského. (Статьи по славяновѣдѣнію, II, 1907)].

Голоскевичъ, Г. К. Описаніе говора с. Бодачевки (Колодіевки) Ушицкаго уѣзда Подольской губерніи. (Изв. II Отд. 1909, кн. 4).—Евсевіево евангеліе 1283 года. (Изсл. по русск. яз. III, 2, 1914 г.).

Гротъ, Я. К. Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка. (Сб. II Отд., т. XVIII, 1878).—Филологическія розысканія. Изд. 3-е. Спб. 1885.

Даль, В. И. О наречіяхъ русскаго языка. (Вѣстникъ И. Р. Г. О. V, 1852 г.; также въ I т. Толковаго словаря живаго великорусскаго языка).

Дикаревъ, М. А. Очеркъ Воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украйно-русскимъ нарѣчіемъ. (Пам. кн. Ворон. губ. на 1892 г.).—[*Рец.* Е. О. Будде (Р. Ф. В. 1892, 2)].

Дурново, Н. Н. Описаніе говора деревни Парфёнокъ Рузскаго у. Московской губ. (Р. Ф. В. 1901, 1—2, 3—4; 1902, 1—2; 1903, 1—2, 3—4).—[*Рец.* Л. Л. Васильева (Изв. II Отд. 1904, кн. 2)].—Діалектологическая карта Калужской губерніи. (Сб. II Отд., т. 76, 1904 г.).—Die grossrussische Dialektologie in den letzten fünf Iahren. (1897—1901). (Arch. für slav. Ph. XXVII,

1905).—Очеркъ исторіи русскаго языка. В. 2. Историческая морфологія. 1. Исторія формъ склоненія и спряженія. Харьковъ. 1913.

Житецкій, П. И. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1876. — [*Рец.* А. А. Потебни (Отчетъ о 20-мъ прис. Увар. нагр., 1877)].— Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Ч. I. Кіевъ. 1889.—[*Рец.* А. А. Кочубинскаго (Отчетъ о 32-омъ прис. Увар. нагр., 1890)].— Къ исторіи литературной русской рѣчи въ XVIII в. (Изв. II Отд. 1903, кн. 2).

Зеленинъ, Д. К. Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію. Спб. 1903. (Сб. II Отд., т. 76, 1914 г.).—Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ. Спб. 1913.

Зілинський, Ів. Дещо з фонетики українських говорів. Львів. 1908.— Проба упорядкованя українських говорів. («Привіт Ів. Франкови в сорокліте його письм. праці». Львів. 1914).

Карауловъ, М. А. Говор Палѣх Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи. (Р. Ф. В. 1900, 1—2).—Матеріалы для этнографіи Терской области. Говоръ гребенскихъ казаковъ. (Сб. II Отд., т. 71, 1902 г.).

Каринскій, Н. М. О нѣкоторыхъ говорахъ по теченію рѣкъ Луги и Оредежа. (Р. Ф. В. 1898, 3—4).—О говорахъ восточной половины Бронницкаго уѣзда. (Изв. II Отд. 1903, кн. 1 и 2).—Остромирово евангеліе, какъ памятникъ древнерусскаго языка. (Ж. М. Н. П. 1903, № 5).—Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ. Спб. 1909.—[*Рец.* И. В. Ягича (Arch. f. slav. Ph. XXXI, 1910)].

Карскій, Е. Ѳ. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1885.— Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. (Р. Ф. В. 1890, 2 и 4; 1891, 4; 1892, 1; 1893, 1 и 3).—Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Вильна. 1893.—Западнорусскіе переводы псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ. Варшава. 1896.—Западнорусскій сборникъ XV в. (Изв. II Отд. 1897, кн. 4).— Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. (Изв. II Отд. 1897, кн. 2; 1898, кн. 3; 1899, кн. 3; 1900, кн. 4; Сб. II Отд., т. 75, 1904; ib., т. 82, 1907; ib., т. 88, 1910).—Матеріалы для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ. (Полѣсье). В. I. (Изв. II Отд. 1898, кн. 3); в. II. (Сб. II Отд., т. 75, 1903 г.).—Къ вопросу о разграниченіи русскихъ нарѣчій. (Изв. XII Археол. съѣзда въ Харьковѣ. 1902). — Замѣтки по бѣлорусскимъ говорамъ. (Р. Ф. В. 1901, 3—4). — Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. (Мог. Г. В. 1902 г.).—Бѣлоруссы. Т. I. Варшава. 1903; т. II, 1. В. 1908; т. II, 2. В. 1911; т. II, 3. В. 1912.

Klich, E. Teksty białoruskie z powiatu nowogródzkiego. (Mater. i prace kom. językowej. T. II, 1903).

Колосовъ, М. А. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XV столѣтіе. Варшава. 1872. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія. (Сб. II Отд., т. XVII, 1877 г.). — Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878.

Коршъ, Ѳ. Е. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen. (Arch. f. slav. Ph. III, 1877 г.).—«Слово о полку Игоревѣ». (Изслѣд. по русск. яз., т. II, 1909 г.).

Крымскій, А. Е. Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904. — Деякі неповні критерії для діялектольогічної клясификації старо-руських рукописів. (Наук. сб. присьвяч. М. Грушевському. Львів. 1906). — Древне-кіевскій говоръ. (Изв. II Отд. 1906, кн. 3). — Украинская грамматика. Т. I, в. 1-й. М. 1907; т. I, в. 2-й. М. 1908; т. II, в. 1-й. М. 1907.

Лавровскій, П. А. О языкѣ сѣверно-русскихъ лѣтописей. Спб. 1852.

Ломоносовъ, М. В. Россійская грамматика. Спб. 1757.

Ляпуновъ, Б. М. Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. (Живъ. Ст. 1894). — Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи. В. I. Спб. 1899. — [*Рец.* А. И. Соболевскаго. (Ж. М. Н. П. 1900, № 1)]. — Отвѣтъ на рецензію профессора А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. П. 1900, № 6).

Mazon, A. Morphologie des aspects du verbe russe. Paris. 1908.—Emplois des aspects du verbe russe. Paris. 1914.

Мансикка, В. Говоръ Грязовецкаго уѣзда Волог. г. (Р. Ф. В. 1912, 3—4).— О говорѣ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губ. (Изв. II Отд. 1912, кн. 2).

Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ: в. 1 (Изв. II Отд. 1896, кн. 2); в. 2 (ib., кн. 3), в. 3 (ib., кн. 4); в. 4 (Изв. II Отд. 1897, кн. 1); в. 5 (Изв. II Отд. 1898, кн. 1 и 2); в. 6 (Изв. II Отд. 1899, кн. 1); в. 7 (Изв. II Отд. 1900, кн. 2); в. 8 (Сб. II Отд., т. 83, 1907); в. 9 (Сб. II Отд., т. 87, 1910).

Матеріалы по русской діалектологіи. (Изъ Варш. Унив. Изв. 1914 г.).

Meillet, Aug. De quelques déplacements d'accent dans les dialectes slaves. (Arch. f. slav. Ph. XXV, 1903).

Miklosich, Fr. Vergleichende Grammatik der slav. Sprachen. I—IV. Wien. 1875—83. [III томъ, содержащій сравнительную морфологію славянскихъ языковъ, переведенъ Н. В. Шляковымъ подъ ред. Р. Ѳ. Брандта. М. 1884—87 г.].

Михайловъ, А. В. Опытъ введенія въ изученіе русскаго литературнаго языка и письма. Варшава. 1911.—[*Рец.* Е. Ѳ. Карскаго Ж. М. Н. П. 1911, № 6].

Михальчукъ, К. П. Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины. (Труды Этногр.-стат. экси. Мат. и изсл., собр. П. П. Чубинскимъ. VII, 2. Спб. 1877).—Къ южно-русской діалектологіи. (Кіевск. Ст. 1893).—Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? (Кіевск. Ст. 1899, № 9).

Недешевъ, И. Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. (Р. Ф. В. 1884, 3—4).

Некрасовъ, Н. П. О значеніи формъ русскаго глагола. Спб. 1865. — Замѣтки о языкѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку лѣтописи. (Изв. II Отд., 1896, кн. 4; 1897, кн. 1).

Никольскій, А. А. Народные говоры Жиздринскаго уѣзда Калужской губерніи. (Р. Ф. В. 1901, 1—2, 3—4; 1902, 3—4; 1903, 1—2).

Обнорскій, С. П. О языкѣ Ефремовской кормчей XII вѣка. (Изсл. по русск. яз. III, 1, 1912 г.).

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Синтаксисъ русскаго языка. Изд. 2-е. Спб. 1912.—[*Рец.* на 1-е изд. Д. П. Кудрявскаго (Изв. II Отд. 1902, кн. 4)].

Ogonowski, Em. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880.

Поповъ, А. В. Синтаксическія изслѣдованія. Воронежъ. 1881.—[*Рец.* Ф. Ѳ. Фортунатова (Отч. о 26 присужд. Увар. пр., 1884)].

Потебня, А. А. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ. 1866.—Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. (Фил. Зап. 1870).—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Т. I. Воронежъ. 1876; т. II. Варшава. 1880. — Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus. (Arch. f. slav. Ph. III, 1879). — Этимологическія замѣтки. (Р. Ф. В. 1879, 1 и 2).—Къ исторіи звуковъ русскаго языка. II. Этимологическія и другія замѣтки. (Р. Ф. В. 1879). — О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки. (Р. Ф. В. 1879, 3—4).—Замѣтки этимологическія и о народной поэзіи. (Р. Ф. В. 1880, 1, 2 и 4; 1881, 1, 2 и 3).—Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I — II. Харьковъ. 1888; III. Харьковъ. 1899.

Пѣшковскій, А. М. Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи. М. 1914.

Симони, П. К. Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ. Опытъ библіографическаго указателя. I. Великорусское нарѣчіе (Изв. II Отд., 1896 г.).

Smal Stockij, St. Ueber die Wirkungen der Analogie in der Declination des Kleinrussischen. (Arch. f. slav. Ph. VIII, 1885 и IX, 1886).

С. Смаль-Стоцкий і Ф. Гартнер. Руска граматика. Львів. 1893. — Smal-Stockyj, St. v. und Gartner, Th. Grammatik der ruthenischen (ukraïnischen) Sprache. Wien. 1913.—[*Рец.* И. Г. Голанова (Изв. II Отд. 1913, кн. 2)].

Соболевскій, А. И. Изслѣдованія въ области русской грамматики. Варшава. 1881.—Статьи по славяно-русскому языку. Варш. 1883. [Отт. изъ Р. Ф. В.].—Статьи по славяно-русскому языку. Варш. 1894. [Отт. изъ Р. Ф. В.]. — Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ. 1884.—[*Рец.* А. А. Потебни (Изв. II Отд. 1896, кн. 4)]. — Два древнихъ памятника галицко-волынскаго нарѣчія. (Р. Ф. В. 1884, 3—4). — Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII — XV вв. (Р. Ф. В. 1886, 1—2).—Очеркъ русской діалектологіи. I. Великорусское нарѣчіе. II. Бѣлорусское нарѣчіе. III. Малорусское нарѣчіе. (Жив. Ст. 1892 г.).—Одно изъ рѣдкихъ явленій славянской фонетики. (Ж. М. Н. П. 1893, № 11). — Замѣтки по славянской грамматикѣ. (Ж. М. Н. П. 1895 г.).—Изъ исторіи русскаго языка. (Ж. М. Н. П. 1897, № 5; ib. 1901, № 10). — Опытъ русской діалектологіи. В. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское. Спб. 1897. — [*Рец.* Е. Ѳ. Карскаго (Изв. II Отд. 1897, кн. 4)]. — О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ въ частности. (Изв. II Отд. 1904, кн. 2). — Къ исторіи русскаго языка. (Р. Ф. В. 1905, 1).— Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ. (Р. Ф. В. 1905, 3). — Замѣтки въ области русской діалектологіи. (Р. Ф. В. 1906, 3—4).— Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-е. М. 1907. — Важная особенность стараго псковскаго говора. (Р. Ф. В. 1909, 3—4).— Мелкія замѣтки по славянской и русской фонетикѣ. (Р. Ф. В. 1910, 3—4). — Мелкія замѣтки по морфологіи. (Р. Ф. В. 1910, 3—4). — Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и археологіи. (Сб. II Отд., т. 88, 1910 г.). — Русскіе говоры и польскій языкъ. (Р. Ф. В. 1911, 3—4).—Лингвистическія и археологическія наблюденія. (Р. Ф. В. 1913—1914).

Срезневскій, И. И. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. Спб. 1887.

Тимченко, Е. Українська граматика. Ч. І. Кіев. 1907. — Причинки до української діалектології. (Зап. Наук. Тов. в Київі, т. І, 1908). — Функціи генитива въ южнорусской языковой области. (Р. Ф. В. 1909).

Томашівський, С. Етнографічна карта Угорської Руси. (Статьи по славяновѣдѣнію, т. III, Спб. 1910).

Томсонъ, А. И. Къ синтаксису и семасіологіи русскаго языка. Одесса 1903.

Труды Московской Діалектологической Комиссіи. (Р. Ф. В. 1907, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913).

Филатовъ, К. Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губерніи. (Р. Ф. В. 1897, 1—2, 3—4; 1898, 1—2, 3—4).

Фортунатовъ, Ф. Ѳ. О залогахъ русскаго глагола. (Изв. II Отд. 1899, кн. 4). — Составъ Остромирова евангелія. (Сб. въ честь В. И. Ламанскаго. Спб. 1908).

Халанскій, М. Г. Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда Курской губерніи. (Р. Ф. В. 1879, 1, 3 и 4; 1880, 1 и 2, 3 и 4; 1881, 2 и 4; 1883, 3 и 4). — Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка. (О нѣкоторыхъ особенностяхъ народнаго говора въ сѣверной части Путивльскаго уѣзда Курской губ.). (Р. Ф. В. 1881, 4). — Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка. (Саяны). (Р. Ф. В. 1889, 1). — Народные говоры Курской губерніи. (Сб. II Отд., т. 76, 1904 г.).

Чернышевъ, В. И. Свѣдѣнія о Мещовскомъ говорѣ. (Изв. II Отд. 1898, кн. 2). — Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска. (Сб. II Отд., т. 68, 1901 г.). — Законы и правила русскаго произношенія. Изд. 2-е. Варшава. 1908. — Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской стилистической грамматики. В. 1-й. Фонетика. Изд. 1-е. Спб. 1911; в. 2-й. Изд. 2-е. Части рѣчи. Петроградъ. 1915. — [*Рец.* на 1-е изд. И. В. Ягича (Arch. f. slav. Ph. XXXIII, 1912); И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. (Изв. II Отд. 1907, кн. 2)].

Шимановскій, В. Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ. Варшава. 1887. — Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Варшава. 1897.

Щерба, Л. В. Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Спб. 1912. — [*Рец.* А. И. Томсона (Arch. f. slav. Ph. XXXIV, 1913); Б. П. Китермана (Изв. II Отд. 1913, кн. 1)]. — Bemerkungen auf die Rezension Thomsons (Arch. f. slav. Ph. XXXV, 1914).

Ягичъ, И. В. Четыре критико-палеографическія статьи. Спб. 1884. — Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. — [*Рец.* А. И. Соболевскаго (Р. Ф. В. 1889, 3—4)]. — Einige Streitfragen. 2. Verwandschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen. (Arch. f. slav. Ph. XX, 1909).

Важнѣйшіе словари:

Опытъ областнаго Великорусскаго словаря. Спб. 1852.

Дополненіе къ Опыту областнаго Великорусскаго словаря. Спб. 1858.

Толковый словарь живаго Великорусскаго языка Владиміра Даля.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, сост. И. Носовичемъ. Спб. 1870.

Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. Собр. и сост. А. Подвысоцкій. Спб. 1885.

Малоруско-німецкий словар Уложив Євгений Желеховский. I—II. Leipzig. 1886.

Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. 1890—1912.

Словарь русскаго языка, сост. Отдѣленіемъ р. яз. и слов., т. I (1891) и сл.

Словарь Украинскаго языка, собранный редакціей журнала «Кіевская Старина». Редактировалъ Б. Д. Гринченко. I—IV. Кіевъ. 1907—1909.

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія. Собр. и сост. Г. Куликовскій. Спб. 1898.

Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія. Собр. и сост. В. Г. Богоразъ. Спб. 1901. (Сб. II Отд., т. 68).

Кашинскій словарь. Сост. И. Т. Смирновъ. (Сб. II Отд., т. LX, 1901 г.).

Сборникъ матеріаловъ для изученія Ростовскаго (Яросл. губ.) говора. Сост. В. Волоцкимъ. (Сб. II Отд., т. 72, 1903 г.).

Матеріалы для объяснительнаго областного словаря Вятскаго говора. Н. М. Васнецова. Вятка. 1908.

Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху. Трудъ Н. А. Смирнова. (Сб. II Отд., т. 88, 1910 г.).

Смоленскій областной словарь. Сост. В. Н. Добровольскій. Смоленскъ. 1914.

Этимологическій словарь русскаго языка. Сост. А. Преображенскій. Выпуски первый—десятый. М. 1910—1914. (А—плѣнъ).

Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. Wien. 1886.

Slavisches etymologisches Wörterbuch von Dr. Erich Berneker. Lieferung 1—11. Heidelberg 1908—1913 (A—могъ).

Транскрипція.

Въ настоящемъ трудѣ употребляется болѣе или менѣе послѣдовательно транскрипція, предложенная О. Брокомъ въ в. 5,2 Энциклопедіи Славянской Филологіи. Соотвѣтствіе буквъ латинскаго алфавита, снабженныхъ частью діакритическими значками, русскимъ буквамъ и опредѣленіе соотвѣтствующихъ звуковъ:

a = а, b = б, c = ц, č = ч, d = д, e = е, f = ф, g = г, h = придыханіе, i = и, j = йотъ, k = к, l = западноевропейское л, ĺ = русское л (въ лапа), m = м, n = н, o = о, p = п, r = р, s = с, š = ш, t = т, u = у, v = в, w = губногубное в, x = х, y = ы, z = з, ž = ж, ʒ = дз, ǯ = дж.

ä = е нижняго образованія; ö = лабіализованное е; ü = лабіализованное і; ï = средній звукъ между і и у.

å = звукъ между ä и а; ė = звукъ е средняго ряда; ȯ = звукъ между ö и о; u̇ = звукъ между ü и u.

ъ = редуцированный звукъ средняго ряда; ь = редуцированный звукъ передняго ряда; ь̈ = лабіализованное ь; ɑ = редуцированный звукъ средняго ряда.

ą, ę, ǫ, ą̈ и т. д. = а, е, о, ä носовыя.

â, ê, ô, û и т. д. = а, е, о, u закрытыя, напряженныя.

r̥, l̥, ĺ̥, n̥, m̥ = r, l, ĺ, n, m слоговыя.

r̥̆, l̥̆, n̥̆, m̥̆ = r, l, n, m глухія.

b́, ć, d́, f′, ĺ и т. д. = b, c, d, f, l мягкія.

b̓, c̓, d̓, f̓, l̓ и т. д. = b, c, d, f, l полумягкія.

dⁿ, kⁿ, nⁿ, rⁿ и т. д. = d, k, n, r лабіализованныя.

ă, ĕ, ŏ, ĭ, ŭ и т. д. = a, e, o, i, u краткія.

ĭ, ŭ, ъ̆, ь̆, ў и т. д. = i, u, ъ, ь, y полукраткія.

ā, ē, ō и т. д., или a̲, e̲, o̲ и т. д. = a, e, o полудолгія.

ā, ī, ū, ȳ, r̄ и т. д. = a, i, u, y, r долгія.

i̲, u̲, ъ̲, ь̲ и т. д. = i, u, ъ, ь неслоговыя.

á, ó, ý и т. д. = полудолгія a, o, y съ восходящимъ экспир. удареніемъ.

à, ò, è, ì и т. д. = краткія a, o, e, i съ экспир. удареніемъ.

a̋, ő, e̋, i̋ и т. д. = краткія a, o, e, i съ нисход. музык. удареніемъ.

â, ô, ê, î и т. д. = долгія или полудолгія a, o, e, i съ нисход. музык. удареніемъ.

ã, ĩ, ũ, ỹ и т. д. = сверхдолгія a, i, u, y съ восход. музык. удареніемъ.

Вмѣсто латинской транскрипціи мѣстами употреблена и русская. Діакритическіе (надстрочные и подстрочные) значки въ общемъ тѣ же. При этомъ рядомъ съ русскими буквами должны быть сохранены буквы h, j, l (для западноевроп. l), ä, ö, ü, ï, å, o̊, ů, è (вмѣсто è можно дать э), ʒ (дз), ǯ (дж), w (губногубное в).

Указатель.

-аа- изъ ăа въ имперфектѣ въ русскомъ § 201
а въ началѣ слова восходитъ къ ha въ общеслав. § 101
aj въ сербск. Јурај § 401 пр.
Аканье § 506 и сл.
ала вм. оло § 262
ал діалект. древнеболгарское въ серединѣ словъ § 82 пр. 2
алькати, алъдии § 82 пр. 2
алынья § 262
-ан- въ прилагательныхъ въ русскомъ § 199
-ан-, -анин- въ русскомъ § 200
антихста р. ед. § 374 пр. 2
ар, ал вм. р, л слоговыхъ § 371
ара вм. оро § 262
аро вм. ожидаемаго оро въ русск. § 246
архангла р. ед. § 398
ā переходитъ въ а въ русскомъ § 198
ą̆ общеслав. § 20; ą̆ вм. у въ окончаніи прич. наст. вр. § 20 прим. 2;—перешло въ русскомъ въ а § 191
барахло § 262
бію § 405
бревно §§ 258, 384
веретея § 405 пр. 3
верея § 405 пр. 3
Веснебологъ § 242[1]
взметь § 386
Витобескъ § 409
Вівдя § 462 пр.
во вм. го въ памятникахъ § 447 пр.
во предлогъ § 393
Восходящее удареніе на сверхдолгой гласной §§ 134, 144 пр., 157; — на полудолгой § 143.
воз- § 395
вообще § 337 пр. 1
въдале § 363
вы предлогъ §§ 393 пр. 2, 408
выз- § 408 пр. 2
gd общеслав. § 92 пр. 2
Гжатскъ § 371 пр. 1
гл древнепсковское изъ дл §§ 181, 501; гл въ другихъ сѣверноруссскихъ говорахъ § 182
глибокий малор. § 371 пр. 3
Глухія носовыя вм. слоговыхъ §§ 56, 79
Глухія плавныя вм. слоговыхъ §§ 54[2], 79
гнеётъ § 405
голомя § 242[1]
голымень § 260
гортань §§ 258, 373 пр. 3
гостея, гостья § 406 пр. 1
грубіянъ § 405 пр. 1
γ въ сѣверновеликорусскихъ заимств. словахъ § 310 пр. 1
γv — происхожденіе сочетанія § 62 пр.
he- и ho- въ мѣст. корнѣ §§ 57 пр., 98 пр. 1
hedinъ при jedinъ § 57 пр.
-ho въ окончаніи род. пад. мѣстоим. склоненія общеслав. § 59
да́ ста вм. до ста § 408 пр. 2
дёсна § 191 пр. 2
джерело § 210 пр.
Дзеканье бѣлор. §§ 477, 500.
дл въ поздн. заимствованіяхъ изъ польскаго § 183

dlu = вѣ западнослав. яз. § 221 пр. 1
для § 410
dn перешло въ n въ общеслав. § 184 пр.
Долгія гласныя общеслав. §§ 29, 30; два вида долготы §§ 30, 120; сокращеніе долготы въ общеслав. § 32 пр.
доржать § 258
Дрюцкъ § 406 пр. 3
дсять § 410
дърва §§ 314 пр. 2, 374 пр. 3
дьно вм. дъно § 118 пр. 1
-е въ окончаніи им. ед. именъ сущ. м. р. § 397
-е въ окончаніи отечественныхъ именъ § 397
ежевика § 227 пр. 2
ёжъ § 227 пр. 2
ездебка § 404 пр. 2
емати § 404 пр. 2
е послѣ согл. предлога переходитъ въ ѐ § 429
ер и ор въ вѣтер, вѣдер и вітор, вѣдор § 369 пр.
ері въ произв. глаголахъ въ малор. § 247
еро вм. ожидаемаго ере въ русскомъ § 246
-еск въ именахъ городовъ § 386
-еск суффиксъ § 391; -ество суффиксъ § 391
есте вм. есть § 397
ę — замѣняетъ ѣ въ ок. прич. наст. вр. общеслав. § 21 прим. 2
жг вм. жд въ церковнослав. словахъ § 490 пр.
жг въ памятникахъ § 490
žlu — въ западнослав. языкахъ § 221 пр. 1
жн изъ зн, згн § 312[4]
жьрьць § 384
забіяка § 405 пр. 1
завтра, завтря, завтрее §§ 364 пр. 1, 405 пр. 2
заём, заим § 403
замай § 362
заньже § 410
зародъ § 246
zvizdati § 187 пр. 1
Знаки надстрочные § 334[3]
зн изъ згн § 312[4]
золоба вм. зълоба § 118 пр. 2, 336
золовка § 427 пр. 1
золодѣи § 336
ив, ис, ик вм. в, с, к § 408 пр. 2
и въ стукни, прыгни § 360 пр. 2
игумна § 398
избу § 404 пр. 1
измълъ § 221 пр. 2
иллоть малор. § 371 пр. 2
имѣяхъ, какъ новообразованіе §§ 88 пр. 1, 201 пр.
индрав § 377 пр. 3
ир, иль вм. р, л слоговыхъ § 371
j̨ чередуется съ j общеслав. §§ 43, 63
j вм. j̨ въ ударяемыхъ слогахъ § 45; — вм. j̨ послѣ согласной § 44
je- въ мѣст. корнѣ чередовалось съ he-, ho- § 57 пр., 98 пр. 1
jedinъ при hedinъ § 57 пр.
jѣ въ началѣ слова чередуется съ jѣ общеслав. (jasli при ѣda) § 99 пр. 1
камня р. ед. § 398
кербь § 258
керез § 246 пр.
кивцы § 306 пр. 1
кімната § 462 пр.
кл древнепсковское изъ тл §§ 181, 501; кл въ другихъ сѣверноруссскихъ говорахъ § 182
ко предлогъ § 393
колея § 405 пр. 3
корачки § 248
коробъ § 242[1]
король § 244
коромола § 242[1]
коропъ § 244
кревный § 409
крышка вм. крошка § 372 пр. 1
кстить § 374 пр. 1
кърста § 258

кы предлогъ §§ 393 пр. 2, 408
лебедь § 191 пр. 2
ликоствовати § 391 пр.
ло въ русскихъ словахъ, заимствованныхъ изъ польскаго § 249
лы, ли начальныя неяснаго происх. § 371 пр. 4
льда § 398
маланья § 262
мгла, мегла § 377 пр. 1 и пр. 2
мед малор. § 457
мезда § 377 пр. 2
Мещовскъ § 384
Мистиславъ § 377 пр. 2
много, мнуого § 464 пр. 2
мовити § 258
мраморъ § 244
мстить § 377 пр. 1
Музыкально-экспираторная долгота §§ 30, 120
муравей §§ 246, 377 пр. 3
Мценскъ § 384
мызда § 377 пр. 2
мью § 363 пр. 2
надолобъ § 427 пр. 1
наровъ §§ 246, 377 пр. 3
Носовыя въ славянскихъ заимствованіяхъ западно-финскихъ языковъ § 193 пр. 2
нѣ вм. не малор. § 464 пр. 3
Обоянскій говоръ § 324 пр.
овинъ § 227 пр. 1
-о въ окончаніи именъ § 397
о: два разныхъ звука въ восточнорусскомъ § 508
одинъ § 227 пр. 2
о дифтонгизируется въ великорусскихъ говорахъ §§ 215, 322[1]
ожеледь § 245
озьму § 364 пр. 4
ола въ произв. глаголахъ § 247
ол вм. ел въ мітолки § 370 пр. 2
олі малор. въ произв. глаголахъ § 247
олы вм. оло § 260
ора въ произв. глаголахъ § 247
ордынскій § 319
ор и ер въ вітор, вѣдор — вѣтер, вѣдер § 369 пр.
оры вм. оро § 260
ослопъ § 427 пр. 1
осподарь § 310 пр. 2
острогъ § 249
отимати § 428 пр. 2
паполома § 244 пр.
певпо § 409
пелевня § 245
пелескаться § 245
перецъ § 384
печея § 405
пияный § 405
піявка § 405 пр. 1
Полногласіе второе §§ 252 пр., 313 пр., 421—427
полудновать § 242[1]
полымя §§ 250, 261
полынья §§ 250, 261
Помостье § 409
попряникъ § 409
постромка § 249
потолка р. ед. § 398
почва § 384
прапорщикъ § 248
придолоб § 427 пр. 1
приторно § 242[1]
Причастія: мѣсто ударенія § 158
Причастія на -а въ общерусскомъ праязыкѣ § 191 пр. 3
Причастія на -въ южнор. § 468
причтъ § 386 пр.
пріятель § 405 пр. 1
прочь § 410
прямо § 202
пряникъ § 409
псаломъ § 375 пр.
Псковъ § 374 пр. 1.
расnъ § 79 пр.
румёный § 199 пр.
ръпътъ § 384
ры начальное неяснаго происх. § 371 пр. 4

Сверхдолгія гласныя имѣли на себѣ восходящее удареніе §§ 134, 135
серебро вм. сьребро § 118 пр. 2, 336
сіять § 405 пр. 1
скербь §§ 258, 314 пр. 2, 381 пр.
скользкій § 211 пр. 2
скоропия § 244
скорынья §§ 250, 261
слонца бѣлор. § 259
Смоленеска, Смоленеску § 389
Снопородъ § 242[1]
солночный § 409
соломя § 244
солопити § 242[1]
солощій § 242[1]
сообща § 337 пр. 1
со предлогъ § 393
стержень § 372 пр. 3
сторовъ § 242[1]
строгій § 249
стьрмление § 314 пр. 2
сы предлогъ §§ 393 пр. 2, 408
сьи въ общер. § 400
сѣм § 410
сямо § 202
тај сербск. § 400 пр.
так § 410
тарышка § 261
твѣт § 187 пр. 4
телеса § 195 пр. 1
течия § 405
товарышь § 319
токило § 306 пр. 1
толока § 242[1]
толонуть § 427 пр. 1
трезвый § 242[1]
трогать § 374 пр. 1
Троецкой § 404 пр. 2
тъи въ общер. § 400
уборокъ § 244
удова § 365 пр. 3
у и в: смѣшеніе въ памятникахъ §§ 441, 442
умѣяхъ, какъ новообразованіе § 88 пр. 1
унук § 365 пр. 3
успленіе § 188 пр. 2
хвабръ § 248 пр.
хобръ § 248 пр.
Цеканье бѣлор. § 477, 500
цоловати § 195 пр. 1
челенъ § 245
человѣкъ § 54 пр. 2, 241
четвероногъ § 242[1]
четвьргъ § 258
чимось § 409
чия § 405
шелемъ § 245
шея § 406 пр. 2
шолымя § 260
шорохъ § 246
шти вм. шести § 398
-шь во 2 л. ед. § 350 пр.
ъ, какъ знакъ твердости § 411; — какъ слогоотдѣлитель § 412
ыр, ыл въ западномалор. вм. р, л слоговыхъ § 373
ь, какъ знакъ мягкости §§ 312[2], 334, 411; — какъ слогоотдѣлитель § 412
ѣ вм. е въ церк. словахъ § 458
югъ § 229 пр. 1
Юрьи им. ед. § 407
ютро § 229 пр. 1
юха § 229 пр. 1
э бѣлор. (валэ) § 430
Экспираторно-музыкальная долгота §§ 30, 120
этотъ § 227 пр. 5
яблонь § 242[1]
яблыко § 370 пр. 3
яицъ § 404 пр. 1
ялина малор. § 227 пр. 3
ястребъ § 191 пр. 2

Важное дополненіе.

Къ стр. 101, стрк. 19 св. Въ настоящее время можно сослаться еще на напечатанную Псковскую писцовую книгу № 355 въ V томѣ Сборника Московскаго Архива Министерства Юстиціи (М. 1913); см. тамъ выраженія отъ жерегла, отъ жерагла на стр. 93, 94.

Благодаря любезности И. Д. Кузнецова, печатающаго въ настоящее время «Рыбопромышленный словарь Псковскаго водоема», могу сообщить, что И. Д. Кузнецовымъ на Псковскомъ озерѣ записано слово «Жероглò — жерло, горло, узкій проливъ: жерогло ризца, глубина на жероглѣ» (ризецъ—вентерь). Въ названный словарь войдетъ еще слово «Жаглò — жало, остріе: жагло какое вострое»; тоже слово Жаглó со значеніемъ «жало пчелы» и указаніемъ на Псковскій уѣздъ вошло и въ «Словарь русскаго языка» (II, 1); тамъ же приведено изъ Лужскаго уѣзда жагло въ значеніи «жало змѣи». Теперь не можетъ быть сомнѣнія, что жаглó, какъ и жереглó, восходятъ къ *жадлó, *жередлó, ср. польск. żądło, źródło.

Къ стр. 328, стрк. 14 и сл. Къ числу случаевъ, гдѣ въ совр. псковскомъ нарѣчіи сохранилось старое смѣшеніе ш и с, относится слово пéрши: часть невода (сообщено И. Д. Кузнецовымъ, вѣрно объясняющимъ перши какъ перси).

Опечатки.

Стр.:	*строк.:*	*напечатано:*	*читать:*
52	3 св.	аu̯й	аu̯й
54	10 »	гласная	согласная
76	14 сн.	знакомъ ˇ	знакомъ ˜
80	15—16 св.	Экспираторное пониженіе	Пониженіе
85	7 св.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
86	6 сн.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
91	9 св.	dŭsām	vŏdām
100	17 сн.	tĺ находимъ и dĺ	tl находимъ и dl
100	13 сн.	dĺ	dl
112	4 сн.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
114	5 сн.	отдѣлгныхъ	отдѣльныхъ
127	6 св.	Примѣчаніе	Примѣчаніе 1.
149	5 св.	еге	е́ге
151	5 св.	242а	242^{1}
157	4 сн.	Примѣры	§ 257 Примѣры
177	4 св.	Въ заимствованныхъ	§305^{1}. Въ заимствованныхъ
181	4 св.	§ 312^{2}	§ 312^{3}
181	10 сн.	§ 312^{3}	§ 312^{4}
200	5 св.	и полукраткихъ	и другихъ полукраткихъ
249	17 сн.	Примѣчаніе 1	Примѣчаніе
272	13 сн.	гл. I	гл. V
278	18 св.	южновеликорусскіе	великорусскіе
297	10 св.	г)	в)
307	14 св.	Примѣчаніе 1	Примѣчаніе